

А. В. Урманов

«МЫ ТВЁРДО СТАЛИ
НА АМУРЕ...»

А. В. УРМАНОВ

«МЫ ТВЁРДО СТАЛИ НА АМУРЕ...»

*История литературы
Приамурья
в лицах, судьбах,
творческих исканиях*

**Благовещенск
Издательство БГПУ
2019**

УДК 821.161.1(571.61)(091)
ББК 83.3(2Рос – 4Аму)
У 69

Урманов А. В.

Мы твёрдо стали на Амуре...: История литературы Приамурья в лицах, судьбах, творческих исканиях: Монография. — Благовещенск: Издательство БГПУ, 2019. — 528 с.

ISBN 978-5-8331-0415-6

В монографии представлена история более чем полуторавекового пути литературы Приамурья — с начала 1860-х годов, когда она и зародилась, и вплоть до сегодняшних дней. Цель издания — возвращение в современный культурный и научный контекст чрезвычайно ярких и талантливых, но в силу разных причин, преимущественно идеологических, незаслуженно забытых авторов, литературных явлений, представляющих безусловную культурную, эстетическую ценность и огромный познавательный интерес. В числе авторов, творческие судьбы которых бережно воссозданы и в хронологической последовательности представлены в книге, — Порфирий Масюков, Ахилл Карпов, Леонид Волков, Владимир Кондратьев, Герасим Шпилёв, Фёдор Коротаяев, Фёдор Чудаков, Александр Матюшенский, Анатолий Могильников, Виктор Алюшин, Игорь Игнатенко, Валерий Черкесов, Борис Черных и др. Одна из глав посвящена основателю литературного краеведения Приамурья Анатолию Васильевичу Лосеву.

Книга адресована специалистам-филологам, преподавателям вузов, учителям школ, студентам гуманитарных факультетов, школьникам, всем, кто интересуется историей и культурой Приамурья.

Рецензент:

доктор филологических наук, профессор О.А. Бузуев

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Благовещенского государственного педагогического
университета*

ISBN 978-5-8331-0415-6

© Урманов А. В., 2019

ЛИТЕРАТУРА ПРИАМУРЬЯ: ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга задумана была ещё в начале 2000-х, когда почти во всех сферах гуманитарных знаний шёл процесс переосмысления прошлого — и сравнительно недавнего, советского, и более отдалённого, дореволюционного, когда многим стало понятно, что в послеоктябрьскую эпоху в угоду господствующей идеологии историческое сознание российского общества было существенно деформировано, а национальное культурное наследие преподносилось в урезанном и искажённом виде. Это коснулось, в том числе, явлений, имеющих статус «местных», региональных: в лучшем случае они были оттеснены на задворки общероссийского культурного пространства, в худшем — преданы полному забвению.

Именно тогда, в начале нового тысячелетия, у автора этих строк появилось желание в меру сил поучаствовать в восстановлении исторической памяти русского народа, в возвращении ему незаслуженно забытых имён и утраченных культурных ценностей и таким образом продолжить дело, начатое когда-то основателем литературного краеведения Приамурья А.В. Лосевым: восстановить в возможной полноте историю литературной жизни Амурского края. В первую очередь, то, что до недавнего времени выглядело чем-то весьма зыбким, не имеющим чётких контуров и более или менее ясного содержательного наполнения. Речь о шестидесятилетнем отрезке — с начала 1860-х, когда, собственно, и зародилась литература Приамурья, и до большевистской революции 1917 года и последовавшей за нею Гражданской войны. Создававшиеся в течение более десяти лет статьи (общим числом 21) о писателях, о наиболее ярких литературных событиях этого периода составили содержание первых трёх глав данной книги. Но если начальная глава представляет читателям целую россыпь ярких писательских судеб, то вторая и третья концентрируются на двух наиболее значительных авторах предреволюционного десятилетия — Фёдоре Чудакове и Александре Матюшенском. В связи с тем, что ряду авторов посвящено по несколько статей (разделов), в книге возможны небольшие повторы, обеспечивающие внутреннюю логику каждой из них.

Сегодня, мысленно оглядываясь на пройденный путь, можно признать, что задача восстановления литературной истории Приамурья дооктябрьского периода оказалась гораздо более сложной, чем это представлялось на первых порах: она потребовала значительных усилий по поиску материала. Главная, но, разумеется, не единственная проблема, с которой постоянно сталкивался автор монографии: отсутствие в дальневосточных архивах, библиотеках, музеях большей части книжных и периодических изданий, выходивших в Благовещенске на рубеже XIX–XX веков, отсутствие личных архивов писателей той поры, крайняя скудность критической и научной литературы. Тем не менее работа над книгой, помимо трудностей, подарила радость открытий: ярких художественных дарований, неповторимых писательских судеб, интереснейших фактов литературной жизни, давно ставших раритетом газет и журналов, затерявшихся произведений, которые и поныне не утратили своей актуальности. Многолетняя работа позволила воскресить имена, поступки, мысли, творческие искания людей, живших на берегах Амура более века назад, помогла увидеть и лучше понять огромный, находившийся в постоянном движении, густо и пёстро населённый мир — мир нашего прошлого с его героическими деяниями, драмами и трагедиями.

Следующие две главы включают в себя статьи, посвящённые писателям послеоктябрьского времени; исключение — небольшой материал о французском авторе рубежа XIX–XX столетий Жюле Легра. В связи с тем, что литература второй половины XX — начала XXI веков известна амурским читателям гораздо лучше, чем предшествующая, автор счёл возможным остановиться лишь на отдельных художественных явлениях — из числа тех, которые представлялись наиболее интересными в эстетическом отношении, и тех, которые в своё время считались маргинальными или идейно ущербными. В этих двух главах, как и в первых трёх, речь идёт в основном об авторах полузабытых, забытых или же не получивших должной оценки. То есть, подчеркнём ещё раз, главы эти и в малой степени не претендуют на полноту изображения литературного процесса.

Последняя, шестая глава — самая маленькая, в ней всего две статьи, но по значимости она едва ли не самая важная, потому что посвящена Анатолию Васильевичу Лосеву — уникальному человеку и крупному учёному, создавшему бесценный научный фундамент, благодаря которому в Амурской области сформировался один из главных центров российской литературной регионалистики.

Что касается вступительной статьи, то она представляет собой самый общий обзор более чем полуторавекового пути литературы При-

амурья, прочерчивает общую траекторию, высвечивает те явления, которые не удалось (да и не планировалось) подробно рассмотреть в отдельных главах. Но и здесь автор не ставил неподъёмной в рамках данного формата задачи исчерпать тему, сказать обо всех без исключения талантливых авторах.

Литература Приамурья — явление позднее, причём не только в сравнении с Центральной Россией, имеющей насыщенную многовековую литературную историю, но даже в соотнесении с Сибирью, с её сложившимися художественными и книгоиздательскими традициями, с периодической печатью, известной далеко за пределами региона. На Амуре же в дореволюционное время не появилось ни одного печатного издания и ни одного литератора, получивших общероссийское признание, и это обстоятельство усиливало впечатление о культурной несостоятельности края, о том, что ничего в художественном отношении оригинального, яркого, заслуживающего общего внимания здесь нет и быть не может. Это ошибочное представление, сформировавшееся в конце девятнадцатого столетия не без участия побывавших на Амуре крупных русских писателей, благополучно переключалось в век двадцатый, после революционного 1917 года надолго обретая статус аксиомы.

Драматические события Гражданской войны, жертвами которых стали такие литераторы, как Фёдор Чудаков, Фёдор Коротаев, Виктор Совкредепов, Василий Тимофеев; вынужденная эмиграция части творческой интеллигенции — в основном в Харбин (Александр Бродовиков, Николай Губанов, Яков Лович, Александр Матюшенский, Николай Шилов, Елизавета Юхоцкая и др.), утрата Амурской областью статуса самостоятельного региона в 1920-е годы, прекращение выпуска ранее весьма многочисленных периодических изданий, закрытие частных типографий, репрессии 1930-х годов, жертвами которых стали Герасим Шпилёв, Пётр Малыхин, Сергей Стародуб и другие, — всё это лишь усилило «вымывание» литературной, литературно-критической и литературно-издательской составляющих из культурного пространства Приамурья.

Вплоть до середины XX века — то есть до появления в Благовещенске Анатолия Васильевича Лосева (1927–2002), основателя литературного краеведения Приамурья, автора аннотированного указателя «Приамурье в художественной литературе»¹ и ряда статей о

¹ Приамурье в художественной литературе: аннотированный указатель. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1963. 104 с.

местных авторов и местной периодической печати², — литературная жизнь региона предреволюционного времени была сплошным белым пятном. Имена большинства писателей, живших и печатавшихся до 1917 года на Амуре, оказались забыты. Их личные архивы утрачены, а большая часть произведений затеряна на страницах раритетных газет и журналов, которые, в лучшем случае, можно найти — причём далеко не в полной комплектации — лишь в крупнейших архивах и книгохранилищах страны.

Вернёмся, однако, в дореволюционную эпоху. Даже на фоне Восточной Сибири Приамурье в конце XIX века воспринималось культурно отсталой окраиной, хотя причина этой отсталости была более чем уважительной — историческая молодость края: Амурская область, как известно, была создана в декабре 1858 года, а освоение русскими этих территорий началось лишь несколькими годами ранее. Понятно, что на первых порах литература не входила в число приоритетов для подавляющего большинства тех, кто оказался в числе здешних первопоселенцев. В книге очерков «За Байкалом и на Амуре»³ Дмитрий Стахеев, живший в Благовещенске в начале 1860-х, отмечает, что культура в городе существует лишь в зачаточном состоянии. Иронией проникнуты строки, в которых он живописует городскую библиотеку: «Знают, что в благоустроенном городе должна же быть хоть какая-нибудь библиотека, — ну, заводят библиотеку, дают ей место где-то на чердаке под самой крышей дома, куда идти не всякий решится, да и идти туда незачем. Средства благовещенской библиотеки очень скудны, и помещается она <...> на чердаке, куда нужно пройти по грязному вонючему крыльцу, на котором без зазрения совести солдаты выливают и выбрасывают всякие нечистоты; потом путь лежит по душному коридору, где проходящего обдаёт запахом махорки и прогорклого масла, слышатся песни и шум солдат, живущих в первом этаже, и, наконец, путешествие в библиотеку оканчивается тёмной шатающейся лестницей, ведущей на чердак в маленькую комнату. Вот где библиотека!»

² С. Синегуб на Амуре // Приамурье моё: Проза. Поэзия. Искусство. Страницы прошлого. Благовещенск, 1971. С. 257–288; Печать и литература // Амурская область (природа, экономика, культура, история) / под ред. О.К. Мамонтовой. Благовещенск, 1974. С. 315–337; Из прошлого периодической печати на Амуре (газета «Амурский край») // Вопросы истории Амурской области. Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1981. С. 68–93; Забытый поэт [Леонид Волков] // Дальний Восток. 1982. № 1. С. 135–140; Первый поэт на Амуре [Порфирий Масюков] // Глагол: литературное приложение к газете «Амурская правда». 1998. 24 декабря. С. 6–7.

³ Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре: путевые картины. СПб.: Типография К. Вульфа, 1869. 347 с.

Авторская ирония при обращении к теме культурной жизни только что родившейся буквально на голом месте столицы Приамурья очевидна, тем не менее сам зафиксированный Стахеевым факт, что уже в 1862 году в Благовещенске существовала (при чудовищной нехватке помещений!), пусть плохенькая, библиотека, свидетельствует о том, что интерес к художественной литературе, потребность в чтении у первых горожан были. В книге «За Байкалом и на Амуре» есть и другие, тоже иронически окрашенные, эпизоды, подтверждающие острый интерес первых жителей Благовещенска к печатному слову, к столичным книгам и периодическим изданиям, которых они с нетерпением ждут вместе с редкой в зимние месяцы почтой: «Одна из зимних почт привезла <...> интересную для жителей Благовещенска новость — книжку журнала “Время”, в которой была напечатана статейка под заглавием: “Из путевых заметок по Амуру”. Наделала эта статейка горя! Содом и гомор образовался вдруг из мирного города, — каждый узнавал себя и бесился, ругая автора». Знал Стахеев и о том, что в Благовещенске той поры были не только читатели, но и писатели, точнее, те, кто был наделён литературным даром и время от времени применял его. Ему, например, было хорошо известно самое раннее из дошедших до нас произведений — анонимное стихотворение «1859 год на Амуре»⁴, которое распространялось в рукописных списках в начале 1860-х годов. Произведение это представляет собой сатиру на первого военного губернатора Амурской области Николая Васильевича Буссе. О том, что Стахеев был знаком с этим текстом, свидетельствует его собственная, написанная чуть позже поэма «Посольство: небывалое и невозможное происшествие. (Шутка)»⁵, также представляющая в сатирическом свете первого военного губернатора Амурской области.

...С той поры минуло почти тридцать лет, однако посетивший Благовещенск летом 1890 года Чехов, писавший в книге «Остров Сахалин» (1891–1893) об «изобилии интеллигентных людей здесь», о том, что в Приамурье «интеллигенция при небольшом вообще населении составляет немалый процент, и её здесь относительно больше, чем в любой русской губернии», тем не менее вообще не упоминает о чём-либо, имеющем отношение к художественной культуре. Очевидно, ничего подобного он здесь не предполагал, а потому за два дня —

⁴ 1859 год на Амуре: тогдашние и тамошние шуточные стихи // Русский архив. 1896. Кн. III. № 10. С. 288–289.

⁵ Стахеев Д.И. Посольство: небывалое и невозможное происшествие. (Шутка) // Стахеев Д.И. На память многим: рассказы из жизни в России, Сибири и на Амуре. СПб.: Издание автора, 1867. С. 293–294.

26 и 27 июня 1890 года, проведённых в Благовещенске, не предпринял ни малейших попыток установить контакт с местной творческой интеллигенцией. В двух его письмах, отправленных отсюда родным и издателю «Нового времени» А.С. Суворину, тема литературы не затрагивается.

Надо заметить, что, хотя в Благовещенске ещё отсутствовала периодическая печать («Амурская газета» начнёт выходить в 1895-м), не было издано ни одной художественной книги местного автора (первая — «Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья» Порфирия Масюкова — выйдет спустя четыре года ⁶, вторая — сборник Леонида Волкова «На Амуре» — через пять лет) ⁷, собственные авторы, печатавшиеся в газетах Иркутска, Томска, Владивостока, в области уже имелись. Литературная жизнь на Амуре существовала, постепенно набирая обороты.

Не все, правда, это замечали, особенно если иметь в виду сторонних наблюдателей, не имевших желания или возможности вникнуть в суть явления. Так, побывавший в Благовещенске в 1897 году писатель Владимир Дедлов (Владимир Людвигович Кигн), автор книги очерков «Панорама Сибири» ⁸, обнаружил здесь (как, впрочем, и в других дальневосточных городах — Хабаровске и Владивостоке) лишь «зачатки культуры». Конечно, определённые основания для такого вывода у него имелись. В столице Амурского края тогда было немногим более тридцати тысяч жителей, причём значительную часть населения составляли чиновники, купцы, коммерсанты, рабочие, ремесленники, служащие частных компаний, казаки, военные, золотопромышленники и старатели, мещанство. Местная интеллигенция представляла собой сравнительно тонкую прослойку, оказывавшую не очень сильное влияние на нравы и образ мыслей большинства го-

**Владимир Дедлов.
С портрета работы
М. Врубеля**

⁶ Масюков П. Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья: в 2-х ч. Благовещенск: Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1894. 221 с.

⁷ На Амуре. Стихотворения Л.П. Волкова. Благовещенск, 1895. 74 с.

⁸ Дедлов В.Л. Панорама Сибири. Путевые заметки. СПб.: Типография Меркушева, 1900. 248 с.

рожан. Между тем, несмотря на то, что авторов, пробующих себя в сфере художественного творчества, было здесь не так уж много (а, собственно, где их было много — если не брать в расчёт Москву и Санкт-Петербург?), сравнительно насыщенная литературная жизнь в Благовещенске начинается свой отсчёт уже с первой половины 1890-х годов. Появление же во второй половине десятилетия периодической печати стало важнейшим фактором, давшим мощный импульс местной литературной жизни. Помимо «Амурской газеты» (1895–1906), значительную роль в становлении здесь литературы сыграли газеты «Амурский край» (1899–1910), «Эхо» (1908–1915), «Амурский листок» (1910–1914), «Амурский пионер» (1911–1912), «Благовещенское утро» (1912–1917), «Амурское эхо» (1915–1918), сатирические журналы «Колючки» (1909–1910), «Зея» (1914–1915), «Дятел, беспартийный» (1918). Кстати, почти все благовещенские газеты рубежа XIX–XX веков именовали себя не только «общественно-политическими», но и «литературными» изданиями, каждый номер наполняя художественными произведениями: стихами, фельетонами, рассказами, повестями, романами, а также рецензиями, литературными обзорами (обычно посвящёнными общероссийским и мировым художественным явлениям).

Первые амурские литераторы не замыкали себя в территориальных границах области. Уже к концу XIX века в Благовещенске появились авторы, творчество которых находило сочувственный отклик в масштабах Сибири и Дальнего Востока — Леонид Волков, Порфирий Масюков, Сергей Синегуб. Несколькими годами позже, в начале XX столетия, этот ряд дополнили Генрих Баранович, Александр Матюшенский, Фёдор Чудаков, Николай Шилов, Герасим Шпилёв... Их произведения довольно часто печатались в периодических изданиях Томска, Иркутска, Владивостока, Хабаровска. Даже когда в Благовещенке появились собственные газеты, они по-прежнему отсылали часть своих произведений в другие города Сибири и Дальнего Востока. Либо их стихи и прозу там перепечатывали из амурских газет.

Самая значительная творческая фигура среди амурских авторов конца XIX века — Леонид Волков (1870–1900), казачий офицер, первый амурский поэт. Первый не столько по времени (на эту роль в большей степени претендует Порфирий Масюков), сколько по значимости, по художественному уровню его творчества. С начала 1890-х годов Волков сотрудничал с рядом сибирских и дальневосточных газет: «Дальний Восток», «Восточное обозрение», «Сибирь». В 1898–1900 гг. он печатался в «Амурской газете», в последний год жизни — и в «Амурском крае». Волков — автор двух прижизненных

поэтических сборников, изданных в Благовещенске: «На Амуре» (1895) и «На Дальнем Востоке» (1899). Творческое наследие его сравнительно невелико — буквально умещается в одном томе. Причина понятна: Волков не был профессиональным литератором, занимался творчеством лишь в свободное от службы время. А главное — его жизненная судьба по воле рока оказалась трагически короткой. Но по тому, что Волков успел написать, можно составить достаточно ясное представление о творческом потенциале, который мог бы раскрыться в полной мере при ином, более органичном развитии его судьбы. В его наследии, как справедливо писал А.В. Лосев, «не всё равноценно, не всё одинаково значительно с точки зрения художественной». Тем не менее в конце XIX столетия на Дальнем Востоке он был едва ли не самым значительным поэтом. И растущим, подающим большие надежды прозаиком.

Ещё один литератор, известность которого простиралась за пределы Амурской области — Генрих Баранович, с 1893 по 1903 живший в Приамурье: вначале в Зейском Складе (впоследствии город Зея), а затем в Благовещенске. В Зейском Складе — одном из центров золотодобычи, он познакомился с рабочими, служащими и владельцами разбросанных по тайге золотых приисков, с вольными старателями, с ветеранами освоения золоторудных месторождений бассейна реки Зеи. Барановичу удалось собрать уникальный жизненный материал, который пригодится ему, когда он обратится к творчеству. Переехав в 1898 году в Благовещенск, он стал сотрудником «Амурской газеты», печатался там под псевдонимом *Федот да не тот*. Большую известность ему принесла серия очерков и рассказов под общим названием «Около золота», публиковавшаяся в «Амурской газете» и литературных приложениях к ней в 1901–1902 годах. В этих произведениях автор рассказывает о «золотой лихорадке», охватившей Амурскую область ещё в 1870-е, изображает быт и нравы тех, кто устремился за птицей-удачей в «русскую Калифорнию». В очерках рисуются колоритные образы «искателей золота», старателей-хищников, золотопромышленников, служащих компаний, горных инженеров, купцов, чиновников, разного рода авантюристов, мечтающих разбогатеть. С 1903-го Баранович жил в Томске. Там в 1904–1905 гг. под заголовком «Около золота на Амуре»

**Сборник очерков
и рассказов
Г. В. Барановича**

отдельным изданием в двух частях вышли его очерки и рассказы, ранее публиковавшиеся в амурской периодике ⁹. Первый выпуск составили рассказы и очерки «Пароход “Зоя”», «Миллионщик», «Именинник», «По зимовьям», «Декабрьские дни», «Горный исправник Петушков», «Виргильевский прииск»; второй — «Врач», «Она проснулась», «Таёжный заяц», «Почтальон графа Н.Н. Муравьёва-Амурского». Произведения эти, практически неизвестные современному читателю, настолько самобытны, колоритны, живописны, содержательно интересны, что просто вызывают: переиздайте нас, вы узнаете много нового, чрезвычайно любопытного о жизни Приамурья рубежа XIX–XX веков, о тех, кто устремлялся сюда со всей России, о тех, кто населял Благовещенск и Зею, кто искал здесь птицу-удачу.

В начале XX столетия литературная жизнь на Амуре становится ещё более многообразной и интенсивной. И в гораздо большей степени связанной с теми общими процессами, которые происходят в Центральной России, в обеих столицах. Существенно оживляется периодическая печать, в которой значительный удельный вес занимают художественные произведения, гораздо чаще издаются книги — и поэтические, и прозаические.

В Приамурье появляется плеяда авторов, активно разрабатывающих разные литературные жанры, отражающих разные стороны жизни своих земляков. В отличие от части побывавших во второй половине XIX века на Амуре известных российских и европейских писателей (С.В. Максимов, Н.Г. Гарин-Михайловский, В.Л. Дедлов, Жюль Легра), в путевых заметках которых чаще всего описывалась дальневосточная экзотика, наиболее талантливые амурские авторы показывали жизнь края более объёмно и точно, так как смотрели на неё не со стороны, а изнутри. Местные литераторы со знанием дела судили об амурских поселенцах, представляющих разные слои и группы общества. Их произведения являются ценнейшим материалом для изучения дореволюционной истории края, для восстановления подлинной картины социальной и культурной жизни Приамурья рубежа XIX–XX веков. Амурские авторы в своих произведениях запечатлевали то, что не могло найти воплощения ни в каких документальных источниках: живой облик городов, сёл, казачьих станиц, приисков, таёжных заимок, те непосредственные ощущения, которые испытывали тогдашние амурцы. И ещё одна важная сторона жизни, которую они отображали в своих произведениях

⁹ Баранович Г. Около золота на Амуре: очерки и рассказы. Вып. первый. Томск: Типолитография П.И. Макушина, 1904. 212 с.; Баранович Г. Около золота на Амуре: очерки и рассказы. Вып. второй. Томск: Типолитография П.И. Макушина, 1905. 146 с.

**Книга А. Вережникова
«Золотое дно», изданная
в Петрограде в 1915 г.**

и которую нельзя узнать ни по каким другим источникам — душевные качества людей, живших в определённых исторических и географических координатах.

В начале века возникает совершенно новый феномен — на Амурской земле возрастают авторы, которые приобретают известность не здесь, а далеко за пределами края. Едва ли не самый яркий пример — судьба и творчество Александра Вережникова (1876–1920) — писателя начала XX века, автора многочисленных произведений, в том числе для детей, о жизни амурских приискателей. В Приамурье Вережников прожил примерно пятнадцать лет — с середины 1880-х до 1901-го. В силу обстоятельств в 1890-е он оказался в среде золотоискателей, старателей, и это предопределило тематику его будущих книг. Их он стал писать позже, после переезда в северную столицу, где и вышли почти все его очерковые и художественные книги, описывающие быт жителей Амурского края — переселенцев, старателей: «Там, где золото» (1909), «Золотые сны» (1909), «Всем солнышко светит» (1914), «Золотое дно. В золотых приисках Амурского края с 8-ю рис. и картою Амурского золотопромышленного района» (1915). Тема «золотой лихорадки» на Амуре стала главной в творчестве Вережникова, а на первый план в его книгах вышли образы золотоискателей, старателей, а также их детей. В художественном отношении его произведения большого интереса не представляют: арсенал приёмов, которыми владеет прозаик, сравнительно невелик, сюжетные ситуации в разных произведениях повторяются, типы героев — тоже, стиль страдает однообразием, обилием штампов. Но вот как бытописатель Амурского края Вережников заслуживает внимания: его очерковые и художественные произведения воссоздают подлинные реалии жизни Приамурья рубежа XIX–XX веков, опираются на знание особенностей быта не городского, запечатлённого в произведениях других амурских писателей, а таёжного, приискового, более специфического и более колоритного.

Забегая вперёд, можно отметить, что помимо А. Вережникова большую известность в масштабах всей страны, но несколько позже, уже в советское время, обретёт ещё один художественно одарённый уроженец Приамурья — Илья Егорович Амурский (1900–1968), видный журналист и писатель, автор знаменитых когда-то книг о герое революции матросе Железнякове. В Петрограде И. Амурский оказался в сем-

надцатилетнем возрасте, а первые его произведения появились в печати лишь в 1920-е годы. Правда, в отличие от Вережникова, к амурской тематике писатель практически не обращался¹⁰.

Самую большую (с изрядной долей скандальности) популярность у амурских читателей начала XX века снискал «коллективный роман из жизни Приамурья» (так гласил подзаголовок) «Амурские волки» (1912), в создании которого ключевую роль сыграл известный журналист и издатель Александр Матюшенский (1862–1931) — единоличный автор двух других подобных романов на амурском материале — «Фальшивые сторублёвки» (1913) и «Взаимный банк» (1916)¹¹.

В предреволюционное десятилетие на литературном небосклоне Приамурья ярче всех блистал Фёдор Чудаков (1888–1918) — журналист, сатирик, поэт, прозаик, печатавшийся под псевдонимами *Амурец*, *Босяк*, *Гусляр*, *Кузьма Резниченко*, *Язва* и т.д. Он являлся самым популярным сотрудником газет «Амурский край», «Эхо», «Амурское эхо», «Народное дело», был фактическим редактором и основным автором сатирических журналов «Колючки» и «Зая», редактором-издателем и почти единственным автором журнала «Дятел, беспартийный». Его острые фельетоны на темы общероссийской и местной жизни пользовались огромным успехом у читателей. Известность его в то время выходила далеко за пределы Приамурья. Чудаков ушёл из жизни в самом расцвете, когда ему едва исполнилось тридцать, но к этому моменту это уже была по-настоящему масштабная творческая фигура, явление общенационального, а не «местного», не регионального характера. Чудаков был не только выдающимся сатириком, но и талантливым лириком, драматургом, публицистом. Большой интерес представляет и его художественная и художественно-очерковая проза: остросюжетные приключенческие повести, пронизанные тонким юмором рассказы о детстве и периоде сибирской ссылки, зани-

Илья Амурский.
Петроград, 1919 г.

¹⁰ Об Илье Амурском см. воспоминания его сына — тоже известного журналиста и поэта: *Амурский Виталий*. Вспоминая отца, погружаясь в прошлое // Амур: литературный альманах БГПУ. № 16. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. С. 77–88.

¹¹ Матюшенский А. [под псевд.: А. Седой] Фальшивые сторублёвки: роман из местной жизни. Благовещенск: Изд-во газеты «Благовещенское утро», 1913 (2-е изд. — 1914); Матюшенский А. [под псевд.: А. Седой] Взаимный банк: роман из местной жизни. Ч. 1. Благовещенск: Изд-во газеты «Благовещенское утро», 1916. 208 с.

мательные рыбацкие и охотничьи истории, насыщенные любопытными подробностями автобиографические повествования, очерки, посвящённые поездкам автора по Приамурью¹².

Амурская литература начала XX века при всей своей региональной специфичности, которая проявлялась прежде всего на тематическом уровне, не была автономным, а тем более чужеродным явлением в общероссийском литературном процессе. Напротив, она отразила, вобрала в себя многие его особенности, хотя и по-своему, в соответствии с собственными темпами развития. Одно несомненно — литературная жизнь Приамурья множеством зримых и незримых нитей была связана не только с литературой Восточной Сибири, но и с литературой Центральной России.

Тем, кто интересуется историей литературной жизни Приамурья, не следует впадать в крайности: либо в псевдопатриотическом экстазе превозносить всех местных авторов без разбора, либо, напротив, относиться к ним с пренебрежением, принижать их, умалять значимость их творчества. Можно, конечно, назвать объективные причины, помешавшие более быстрому развитию литературы Приамурья дооктябрьского периода: малонаселённость края, удалённость его от культурных центров страны, отсутствие на берегах Амура профессиональной критики, недостаток специальных периодических изданий и т.д. Думается всё же, что даже в своём реальном облике литература Приамурья дооктябрьского (как, впрочем, и послеоктябрьского) времени не нуждается в снисходительных оценках. На рубеже XIX–XX столетий она динамично развивалась, обогащаясь новыми идеями и художественными формами, которыми была насыщена сама атмосфера эпохи. Уже к середине 1890-х годов в Благовещенске — административном центре Амурской области — сформировалась своя литературная среда, пусть и не очень мощная. С годами она лишь наращивала свой потенциал, постепенно, шаг за шагом готовя почву и силы для нового витка культурного развития. О том, какие чудовищные социально-исторические потрясения и разломы предстоит пережить России в бурно начавшемся XX столетии, ещё мало кто догадывался.

Октябрьская революция и Гражданская война, существенно изменив литературный ландшафт, радикально обновив состав писателей и

¹² Часть этих произведений впервые за столетие напечатана в книге: Чудаков Ф. «Чаша страданья допита до дна!..»: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / сост., предисл., подг. текста, коммент. А. Урманова. Владивосток: Рубеж, 2016. 716 с. Значительно более полно творчество писателя представлено в издании: Чудаков Ф.И. Избранное: в 2 т. М.: Русский путь — Викмо-М, 2019.

их читателей, задала новые темы и новые эстетические каноны. Несмотря на то, что в области почти не осталось писателей, ещё недавно находившихся в центре литературной жизни, сама эта жизнь не остановилась и тем более не пресеклась. Откликаясь на запросы времени, на пресловутый «социальный заказ», она существенно видоизменилась — впрочем, как и во всей Советской России. Поликарп Береснев, Евгений Бражнев (Трифонов), Иосиф Жуковский-Жук, Сергей Зверев, Георгий Насыпайко, Георгий Отрепьев, Владимир Рудман, Виктор Совкредепов (Корытов), Илья Соколов¹³ — вот далеко не полный перечень авторов новой, советской генерации, ярко проявивших себя на Амуре в революционное время. Большинство из них — поэты, авторы персональных или вошедших тогда в моду коллективных сборников.

Однако в двадцатые годы Благовещенск стал утрачивать статус одного из центров литературной жизни Дальнего Востока, существенно уступив в этом смысле Хабаровску и Владивостоку, где тогда сосредоточены были основные писательские силы края, в том числе и те, кто в годы гражданской усобицы вынуждены были покинуть Благовещенск. Роль печатного органа, объединяющего самых ярких дальневосточных, в том числе амурских, литераторов, во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов играла краевая газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск). В Благовещенске же литературная жизнь постепенно угасала. Некоторое оживление в неё вносил разве что Илья Чернев (наст. имя — Александр Леонов) (1900–1962), на рубеже двадцатых-тридцатых годов являвшийся сотрудником «Амурской правды», работавший тогда над повестью о партизанском движении на Амуре «Таёжная армия» (первоначальное заглавие — «Лягушка не знает океана»)¹⁴.

Помимо И. Чернева, с Амурской областью связана жизненная (а отчасти и творческая) судьба такого известного прозаика, как Виктор Кин (наст. фамилия — Суровикин) (1903–1938), автора романа о Гражданской войне на Дальнем Востоке «По ту сторону»¹⁵. В начале 1920-х писатель жил и работал в Приамурье, и эти впечатления нашли отражение в его произведении.

Ещё один известный прозаик, судьба и творчество которого связаны с Амурской областью, — Степан Шилов (1885–1954), видный

¹³ Обо всех этих авторах см. статьи в книге: Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013.

¹⁴ Чернев И. Лягушка не знает океана. М.–Иркутск, 1936; Чернев И. Таёжная армия. М.: Молодая гвардия, 1937. 174 с.

¹⁵ Кин В. По ту сторону: роман. М.: Круг, 1928. 294 с.

Степан Шилов

участник революционного движения в Забайкалье и Приамурье. Родился и вырос он в Забайкалье, там же увлёкся литературным творчеством, с 1907 года публиковал в местной периодической печати рассказы и очерки, описывающие быт и нравы жителей забайкальской деревни. В Гражданскую войну Шилов оказался в Приамурье, где стал одним из наиболее видных руководителей революционного движения: занимал должности председателя Реввоенсовета Амурского фронта, председателя Амурского партизанского «Таёжного исполкома» (1919–1920), председателя Амурского облисполкома (1920). В 1922 году он переехал в Москву, где профессионально занялся литературной деятельностью. Значительная часть его послереволюционного творчества тематически по-прежнему была связана с Забайкальем, однако амурская тема тоже выходит на первый план. В большинстве таких произведений (рассказы «Окровавленный серп» и «Возмездие», повесть «Таёжная быль», пьеса «Закон тайги») писатель рисует амурскую деревню, вовлечённую в партизанскую борьбу. Амурской теме посвящено и одно из лучших произведений Шилова, не связанных с изображением Гражданской войны, — рассказ «Месть Сухой протоки» (1928)¹⁶. В основе его сюжета лежат реальные события, произошедшие летом 1928 года в Приамурье — самое катастрофическое по своим масштабам и последствиям наводнение XX века. Главный удар стихии нанесла по хорошо известным Шилову местам — населённым пунктам, расположенным по берегам реки Зеи. Вода полностью снесла несколько зейских деревень: Сиян, Успеновка, Петропавловка, Алексеевка, Журбан, Усть-Деп и Заречная Слобода, причинила существенный ущерб множеству других. Не обошлось без жертв. Из берегов в то страшное лето выходил и Амур.

Осенью того же непростого для Приамурья года на Амурской земле оказался Павел Васильев (1910–1937) — один из самых выдающихся поэтов первой половины XX века. Своё пребывание на Амуре и Зее Васильев отразил в двух великолепных очерковых книжках: «В золотой разведке» и «Люди в тайге»¹⁷.

¹⁶ См. в книге: *Шилов С. Месть Сухой протоки: рассказы и повести*. Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1976. 224 с.

¹⁷ *Васильев П. В золотой разведке: [Очерки]*. М.–Л.: Физкультура и туризм, 1930. 47 с.; *Васильев П. Люди в тайге: [Очерки]*. М.–Л.: Физкультура и туризм, 1931. 40 с.

Павел Флоренский на мерзлотной станции в
Рухлово (ныне Сковородино). 1934 г.

Тридцатые годы XX века в истории литературной жизни Приамурья оказались поразительно бедными. В связи с тем, что в конце 1920-х область потеряла статус самостоятельного субъекта, здесь не было ни литературной периодики, ни издательств; главным образом поэтому немногочисленные писатели вынуждены

были кто раньше, а кто позже уехать из Благовещенска. Среди тех, кто в силу разных обстоятельств покинул Приамурье во второй половине 1920-х и в 1930-е годы и получил литературную известность далеко за пределами региона, — Антонина Коптяева и Виталий Закруткин, творчество которых тематически с Амурской землёй не связано.

От былого многообразия и богатства художественных явлений, писательских имён в 1930-е, казалось, не осталось и следа. Слабыми, почти безнадежными попытками оживления литературной жизни на Амуре были поездки по краю видных советских писателей: Аркадия Гайдара, Сергея Диковского, Владимира Лидина.

Единственным населённым пунктом Приамурья, где в это время издавались многотиражные газеты и журналы, выходили коллективные прозаические и поэтические сборники и авторские книги, где находилось немало литературно одарённых людей (Арсений Альвинг, Глеб Анфилов, Георгий Воловик, Дмитрий Загул, Дмитрий Малышев-Морской, Павел Флоренский, Анастасия Цветаева и др.)¹⁸, был город Свободный, центр БАМлага (с 1938 г. — Амурлага). Однако литература одного из островов сталинского ГУЛАГа — явление весьма специфическое, напрямую с литературой Приамурья не связанное (к тому же среди узников БАМлага, Амурлага местных литераторов, кроме Сергея Стародуба, пробывшего здесь недолго и вскоре по этапу отправленного на Колыму, не было).

¹⁸ Об этих и других авторах БАМлага см. статьи Т.Е. Смыковской в книге: Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013.

Любовь Антонова

В годы Великой Отечественной войны двухполосная «Амурская правда» — единственная газета, выходившая тогда в Благовещенске, — как правило, ограничивалась перепечаткой литературных материалов из центральных периодических изданий, изредка перемежая их малохудожественными текстами «самодельных» авторов — в основном местных стихотворцев. Однако сороковые — это десятилетие не провала, а накопления сил, время подготовки почвы для возрождения литературы Приамурья на качественно новой мировоззренческой и эстетической основе.

В 1940-е в области появляются, набираются опыта литераторы, которые во всю творческую силу проявят себя немного позже — в эпоху «оттепели». Один из таких авторов — Любовь Антонова (1909–2001). Детские годы её прошли в Белогорье, недалеко от Благовещенска, а также в самом административном центре. Здесь она училась в школе, работала — в том числе в газете «Амурская правда». В 1931–1937 годах Антонова жила в Москве и Подмосковье. После того как был репрессирован её муж, она перебралась в Хабаровск, а в конце 1942 года вернулась, как оказалось навсегда, в Благовещенск. Здесь она прошла хорошую журналистскую школу, сотрудничая с «Амурской правдой», тогда же, в сороковые, увлеклась историей Амурского края, стала печатать статьи и очерки на эту тему. Основанные на архивных документах произведения, посвящённые истории края, Антонова начнёт публиковать уже в пятидесятые, когда в области появятся Амурское книжное издательство и литературный альманах «Приамурье». Самое значительное произведение Л. Антоновой — исторический роман «Заслон»¹⁹, воссоздающий драматические события Гражданской войны на Среднем и Нижнем Амуре: Гамовский мятеж в Благовещенске и трипицынскую авантюру в Николаевске. Наибольший интерес в романе представляет описание дореволюционного Благовещенска, эти страницы обнаруживают великолепное знание реалий амурской жизни данного периода и беспристрастность авторских оценок. Что касается сюжетных линий, связанных с изображением Гражданской войны на Амуре, то они представляют лишь одну сторону правды — советскую, большевистскую.

¹⁹ Антонова Л.И. Заслон: роман. Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1966. 352 с.

Яков Лович (Я.Л. Дейч)

Те же самые события — Гамовский мятеж в Благовещенске и преступная авантюра Якова Тряпицына в Николаевске-на-Амуре, но с другой точки зрения — белогвардейской — несколько ранее были воссозданы в романе писателя-эмигранта Якова Ловича (Якова Львовича Дейча) (1898–1956) «Враги»²⁰. В отличие от произведения Антоновой, созданного с опорой на архивные источники, роман «Враги» написан непосредственным участником и свидетелем событий, а потому более субъективен, более эмоционален.

1950–1960-е, эпоха «оттепели» — один из самых ярких и насыщенных периодов развития литературы Приамурья. В эти годы Амурская область уверенно вернула себе статус одного из центров литературной жизни Дальнего Востока. Этому способствовало создание в Благовещенске в 1950 году Амурского книжного издательства, в 1951-м — областного литературного объединения, но главное — появление в области литературного альманаха «Приамурье», выходившего в 1951–1957 гг. Амурское книжное издательство, многие годы возглавляемое блестящим редактором и знатоком литературы Марком Гофманом, выпускало большими тиражами книги преимущественно местных литераторов, раскупавшиеся почти мгновенно. В их числе — повести «Сильнее всего» (1951) и «Инструктор горкома» (1953) Михаила Аношкина, «В амурских степях» (1953) Ивана Горбаченко, «Первые испытания» (1955) Павла Двоерядкина, роман «Тыл — фронт» Андрея Головина (в 1958 году вышла первая книга — «Мёртвая полоса», в 1960-м вторая — «Стремительный удар», в 1963 году получившее широкую известность произведение было переиздано единым томом тиражом в 100 тыс. экз.)²¹, книга очерков «Наши земляки»

Андрей Головин

²⁰ Лович Я. Враги: роман в трёх книгах. Шанхай: Дракон, 1941. 523 с. Совр. издание: Лович Я.Л. Враги: роман. М.: Вече, 2007. 352 с.

²¹ Головин А.А. Тыл — фронт: роман. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1963. 831 с.

(1958) Любове Антоновой, сборники басен Николая Фотьева: «Басни Николая Фотьева» (1957), «Куриная карьера» (1962), «На законном основании» (1963). На страницах альманаха «Приамурье» печатались не только проза, поэзия, публицистика, но и литературная критика, рецензии на книжные новинки.

В эпоху «оттепели» на Амуре появилось целое созвездие талантливых поэтов: Виктор Алюшин, Леонид Андреев, Игорь Ерёмин, Игорь Игнатенко, Олег Маслов, Виктор Могильников, Константин Овечкин, Дмитрий Цирулик, Валерий Черкесов и др. Постепенно набирали вес и прозаики: Борис Машук, Николай Фотьев... Им было с кем соотносить собственное творчество, у кого учиться мастерству, так как само понятие «литература Приамурья» в этот период начинает расширять свои границы.

В Амурской области родился как писатель Григорий Федосеев (1899–1968) — инженер-геодезист, с 1948 по 1954 живший и работавший на севере области, в том числе в городе Зее. Спустя много лет он писал своему амурскому другу Владимиру Бермичеву — на рубеже 40–50-х председателю Свободненского горисполкома: «Край, где ты живёшь, дорог мне. Шесть лет прожил я в нём, а кажется всю жизнь. А ведь были куда интереснее места и побогаче — Саяны, Забайкалье, кромка Ледовитого, Кавказ, но — не то. К тому же я родился, как писатель, на Зее». На амурском материале написаны лучшие произведения Федосеева, принёсшие ему не только всесоюзную, но и мировую известность: «В тисках Джугдыра» (1956), «Тропюю испытаний» (1958), «Смерть меня подождёт» (1961), «Злой дух Ямбуя» (1966), «Последний костёр» (1968). Действие большинства произведений Федосеева, имеющих автобиографический характер, опирающихся на реальные события, разворачивается на севере Амурской области, среди дикой тайги, на горных тропах и перевалах. Герои его книг — участники экспедиций, коллеги-геодезисты, друзья и спутники, с которыми автор прошагал наверняка сложными и

Григорий Федосеев и Улукиткан

опасными маршрутами тысячи километров. Все они в изображении автора — отважные, мужественные люди, настоящие профессионалы, безгранично преданные своему делу и своему долгу. Но самый большой успех Федосеева-писателя — образ литературного собрата арсеньевского Дерсу Узала — зейско-го эвенка Улукиткана, опытного проводника и одновременно учителя жизни, мудрого наставника, надёжного друга и спутника автора в его многолетних таёжных странствиях.

Леонид Завальнюк и Марк Гофман. 1950-е гг.

В Благовещенске, на Амурской земле, которую он считал своей родиной («Где дом друзей — там родина моя...»), начинался творческий путь Леонида Завальнюка — получившего всесоюзную известность поэта и прозаика. Хотя в Приамурье он оказался по воле случая — сюда его направили проходить действительную воинскую службу, — именно здесь произошли знаковые события, предопределившие его дальнейшую судьбу: здесь он стал писать стихи, печататься, здесь познакомился и подружился с редактором Марком Гофманом, здесь вышли первые его поэтические сборники — «В пути» (1953), «За отступающим горизонтом» (1956), «Стихи о доме» (1958), «На полустанке» (1959), «Моя прописка» (1962), «Лирика» (1963). Здесь, на Амуре, Л. Завальнюк постепенно обрёл поэтическую зрелость, здесь сложилась система его взглядов на мир, здесь определились магистральные темы и мотивы, здесь им были выработаны эстетические принципы и отточена поэтическая техника. С Приамурьем, с людьми, которые здесь живут, поэта связывало многое. Во время своего последнего посещения Благовещенска (2004) Завальнюк признавался: при звуке имени города «душа вздрагивает! В этом городе я рос, организовывался, вырос, первая книжка моих стихов именно там вышла. <...> Многие литераторы в литературные отпуска стремились уезжать куда-то к морю, Пицунду любили. На крайний случай ехали в тишину подмосковного леса. Я же на протяжении десятков лет каждый год уезжал на полтора-два месяца в милый сердцу Благовещенск. Я там много работал, много написал, там так хорошо писалось».

В Благовещенске разворачивается действие повести Л. Завальнюка «Дневник Родьки — “трудного человека”» (1964). Это произведение, созданное по жанровым канонам отчасти романа воспитания, отчасти мелодрамы, поднимает вечные проблемы человеческих взаимоотношений. По верному замечанию С. Красовской, провинциальный Благовещенск здесь не столько фон, на котором разворачиваются события, сколько пространство, обладающее самостоятельным смыслом, не столько край Ойкумены, сколько земля обетованная, бережно хранящая ценности, от которых порою так легкомысленно отказывается прогресс.

Начиная с 1950-х, каждый последующий отрезок истории литературной жизни Приамурья является чрезвычайно интересным и насыщенным. Это справедливо даже для пресловутого периода «застоя» — 1970–1980-х годов.

1970-е породили такое уникальное эстетическое явление, как литература БАМа — знаменитой «стройки века». Подавляющее большинство бамовских авторов — талантливые лирики: Владимир Гузий (1956–2009), Геннадий Кузьмин (1939–2000), Надежда Пузыревская

Тамара Шульга на БАМе. 1970-е гг.

Владимир Гузий выступает на Пушкинском празднике. Тында, 1979 г.

Леонид Андреев

Олег Головко

Александр Побожий

(род. 1947), Жанна Ржевская (1939–2012), Александр Симаков (1950–2011), Тамара Шульга (1949–2014)²².

В январе 1977 г. в Приамурье по решению Секретариата правления Союза писателей РСФСР была создана Амурская писательская организация, первыми членами которой стали Леонид Андреев, Олег Головко, Игорь Ерёмин, Борис Машук, Александр Побожий и Николай Фотьев. Появление в области профессиональной писательской организации — событие, оказавшее большое по степени и продолжительное по времени влияние на интенсивность и качество литературной жизни региона.

В 1970–1980-е расцветает талант таких блистательных прозаиков, как Владимир Илюшин, Владислав Лецик, Борис Машук, Николай Фотьев, Борис Черных, творчество которых, как и в случае с Леонидом Завальнюком, формирует контекст не только амурской или даже дальневосточной, но и общероссийской литературы.

Первые произведения Николая Фотьева (1927–2010) появились в печати в конце 1950-х, всего же он издал более двадцати книг. В начале творческого пути Фотьев чаще выступал как баснописец. Помимо первых трёх сборников басен, перечисленных несколькими абзацами выше, он выпустил ещё шесть: «Претензий нет» (1966), «Басни» (1969), «Глядя в корень» (1980), «Жертва случая» (1984), «Обоюдная польза» (1986), «Житейский спор» (1997). Басни включены писателем и в его книгу «Мой путь» (2002). По мнению И.С. Назаровой, с которой трудно не согласиться, афористичные, филигранно отточенные, глубокие по мысли, социально острые, затрагивающие самые зло-

²² Об этих и других литераторах БАМа см. статьи И.С. Назаровой в книге: Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013.

Николай Фотьев читает свои басни

бодневные проблемы советской и постсоветской действительности басни Н. Фотьева — «явление национально-го масштаба».

Со своим любимым жанром писатель не расставался до последних дней жизни, однако с конца 1960-х, вперемежку с книгами басен, стали выходить сборники его рассказов и повестей: «Те далёкие свидания» (1968), «Мужчины в доме»

(1971), «Вы остаётесь за нас» (1978), «Горная малина» (1981), «Коренные берега» (1982), «Деревенская родня» (1992). Типологически эти книги встраиваются в контекст современной им деревенской прозы, с которой их сближает родство проблематики и поэтики. В числе лучших, наиболее известных произведений Фотьева-прозаика — повести «Шиповник» (1971), «Родительский день» (1982), «За отчим порогом» (1992), рассказы «Умирал ямщик» (1978), «Тимофеев берег» (1979), «Товар лицом» (1982).

Один из легендарных прозаиков семидесятых годов — Борис Машук (1937–2000), автор созданных на документальной основе повестей «Сполохи» (1971), «В тайны сердца» (1973) и «Трудные километры» (1975). Самое известное его произведение — цикл автобиографических рассказов «Горькие шанежки» (1978), в которых рисуется трудное, пришедшееся на войну детство автора. Оставшись без родителей, он воспитывался дедушкой и бабушкой по материнской линии Николаем и Пелагеей Даниловыми (в цикле — Орловыми) на небольшом, ныне не существующем железнодорожном полустанке Дея в Амурской области. Шурка Орлов, маленькая Карлуша и другие персонажи-дети «Горьких шанежек», вместе с взрослыми проходя суровую жизненную школу, ещё в большей степени утверждают в незыблемости таких моральных и гражданских ценностей, как дружба, взаимовыручка, справедливость, милосердие, трудолюбие, забота о младших и уважение к старшим, общность народной судьбы — и в горе, и в радости.

С книгой Б. Машука тематически перекликаются написанные несколькими десятилетиями спустя повести в рассказах Валерия Черкесова «Синее стёклышко» (2007, второе, дополненное издание — 2019), Николая Дегтярёва «Свет далёкого детства» (2017) и Игоря Игнатенко «Детство Егорки» (2018). Они тоже имеют автобиографический характер, ностальгическую тональность, тоже рассказывают о детстве, но только не военном, а послевоенном.

Младший современник Бориса Машука Владимир Илюшин (1960–2001) ушёл из жизни рано, в сорок лет, но в последнее десятилетие писал мало и печатался редко. Лучшие произведения — повести «Выстрел» (1984), «Путина» (1986), «Глиняный человек» (1988), роман «Письма осени» (1986–1988), рассказы «Человек, который любил Кафку» (1987), «Острова» (1990) — он создал в возрасте от двадцати трёх до тридцати лет. Его большой художественный талант, очевидно, не успел раскрыться в полную силу. Что стало тому причиной? Возможно, особенности личности писателя, некоторые свойства его противоречивой натуры, возможно, жесточайший кризис, переживаемый российским обществом, страной в 1980–1990-е годы. Так или иначе, внезапный уход В. Илюшина для тех из дальневосточников, кто был знаком с его творчеством, оказался полной неожиданностью и воспринят был как тяжкая, невосполнимая утрата, которую понесла не только амурская, дальневосточная, но и общенациональная литература. Последняя, впрочем, об этом даже не подозревала: столичные журналы и столичная критика такого писателя (как, впрочем, и многих других талантливых авторов из глубинной России) не знали и знать, наверное, не хотели. Для них кумирами тогда были входившие в моду постмодернисты. Что с того, что имена и тексты подавляющего большинства их «кумиров» той поры бесследно и вполне заслуженно сгинули? На смену одним мнимостям приходят другие, а подлинно талантливая проза Владимира Илюшина, честно, реалистически достоверно и глубоко отразившая современную ей позднесоветскую и постсоветскую действительность, в масштабах страны и поныне остаётся под спудом, придавленная, как мо-

Борис Машук

гильной плитой, уничтожительным ярлыком: «региональный», «провинциальный» автор. И это при том, что в России и во времена В. Илюшина были подлинные ценители художественного слова, способные по достоинству оценить его творчество. Известен, например, отклик Виктора Астафьева на рассказ «Острова», который он прочитал в газете Бориса Черных «Очарованный странник», где и было напечатано произведение: «Ну, чистый Гоголь растёт! Экая силища в слове. И музыка. Не полковой оркестр, а сводный, фронтовой. И какая органика: ни фальшивинки, ни патетики. Дай-то ему Бог не убежать за околицу островов».

Владимир Илюшин

Творческое наследие В. Илюшина, его «отчаянная, свежая, мощная и очень красивая проза» (А. Лобычев) хорошо иллюстрирует мысль, что масштаб и значение художника слова измеряется отнюдь не местом публикации и, тем более, не объёмом созданного: почти все произведения автора «Глиняного человека» и «Выстрела» умещаются в одном томе ²³, однако этого оказалось вполне достаточно, чтобы войти в число самых ярких писателей своей эпохи (что бы ни утверждали на этот счёт столичные критики).

Сказанное выше справедливо и по отношению к Владиславу Лецику — ещё одному незаурядному художественному явлению, выросшему на Амурской земле, но заявившему о себе чуть раньше — на рубеже 1970–1980-х годов. Написанное им тоже можно поместить под одной обложкой ²⁴, но и в этом случае значение имеет только художественный уровень произведений. В. Лецик, пожалуй, самый блестящий стилист за всю историю существования литературы Приамурья. Как и Фёдор Чудаков, живший столетие назад, он обладает уникальным даром, с одинаковой силой раскрывающимся и в прозе, и в поэзии, и в публицистике. Помимо этого, В. Лецик — высококлассный литературный редактор, благодаря которому за последние три десятилетия в Приамурье вышли сотни профессионально подготовлен-

²³ Илюшин В.В. Глиняный человек: повести и рассказы. Владивосток: Рубеж, 2012. 509 с.

²⁴ Лецик В.Г. Ревизор Восточного полушария. Повести. Рассказы. Стихи. Разное. Благовещенск: РИО, 2015. 416 с.

ных к печати книг разных жанров. Но и это ещё не всё. В 3-м номере альманаха «Амур» (2004) был опубликован его перевод двух написанных на английском стихотворений Владимира Набокова — «Вечер русской поэзии» и «На перевод “Евгения Онегина”», а также послесловие-комментарий «От переводчика, или Видение о любви и ревности». И здесь В. Лецик в очередной раз предстал в новых, неожиданных для многих его читателей ипостасях — как переводчик «стихов русского поэта на русский язык» и как критик. О Набокове, признанном «виртуозе слова», пишет тоже подлинный мастер слова, нашедший очень точную интонацию и абсолютно соответствующую замыслу жанровую и языковую форму. Лецик отвергает устойчивое представление о Набокове как о писателе «холодного блеска» и сугубо формальных изысков. Для него поэзия Владимира Набокова (даже англоязычная) — это вдохновлённое русской Музой и ностальгически пронизанное русским духом магическое, колдовское «бормотанье»; другими словами, ворожба, чудо. Чудо обретения в таинственном творческом акте утраченного рая, которым для него навсегда осталась сокрушённая большевистской революцией родина — пушкинская Россия.

Владислав Лецик

Известность к амурскому писателю пришла вслед за публикацией его прозаических произведений: повестей «Дед Бянкин — частный сыщик» (1977) и «Пара лапчатых унтов» (1984), рассказов «Грустный реванш профессора Пирата» (1973), «Раз на раз не приходится» (1977), «Петух с глушителем» (1977), «Костюмы» (1985), таёжных картинок «Хозяйственный Ваня и Таня-“кутурук”» (1979) и т.д. Большинство из них в совокупности являют собой подобие циклического единства: произведения связывает общее место действия — таёжный посёлок Балытак (название вымышленное) на севере Амурской области, наличие сквозных мотивов и таких же персонажей. Несмотря на сравнительно короткий ряд произведений, Лецик-прозаик сумел выстроить неповторимый, единственный в своём роде художественный мир, населил его колоритными обитателями — молодыми и старыми, русскими и эвенками, рабочими драги и охотниками-промысловиками (отдельными чертами «таёжная» проза Лецика, как отмечалось в критике, перекликается с книгами В. Арсеньева и Г. Федосеева). Автор раскрасил этот мир неповторимыми красками, одухотворил, вдохнул в него жизнь, задал ему динамику.

Позже, в 1990–2000-е годы, не проза, а лирика становится для Владислава Лецика наиболее органичной родовой и жанровой формой, которая даёт ему возможность исповедаться перед читателем, с максимальной откровенностью выражать свои представления о мире, человеке, Боге.

В отличие от большинства других писателей Приамурья, творчество В. Лецика — и лирическое, и прозаическое — весьма основательно проанализировано в статьях А. Забияко и С. Красовской, потому ограничимся высказанными выше общими суждениями и сошлёмся на эти работы ²⁵.

В числе произведений Бориса Черных (1937–2012), тематически связанных с его родиной, Приамурьем, — так называемый «урийский цикл». Он включает рассказы, объединённые местом действия и рядом сквозных персонажей: «Остров Дятлинка» (1975), «Гибель Титаника» (1976), «Месяц ясный» (1979), «Плач перепёлки» (1987), «Звёздный час Венки Хованского» (1988), «Маленький портной» (1990), «Мазурка» (1998) и др. У небольшого провинциального города с вымышленным названием Урийск имеется прототип — город Свободный, в котором прошли детство и отрочество писателя. Урийские рассказы автобиографичны. Так, Даша, героиня рассказа «Мазурка», повторяет судьбу Августы Васильевны — матери писателя (о судьбе родителей Б. Черных рассказал в реквиеме «Отче наш»). Она тоже с детьми отправляется лютой зимой в смертельно опасный путь — в Туруханский край, место ссылки её мужа. Своей высшей женской, материнской миссией Мазурка считает восстановление разрушенного тоталитарной властью физического и духовно-нравственного единства семьи. В этом её неудержимом стремлении к цели — залог будущего исцеления России от чудовищных деформаций XX века, залог грядущего восстановления разрушенных в советский период связей эпох и поколений.

Лишь пройдя через испытание, через внутреннее потрясение, обретает высокие бытийные ценности и главный герой рассказа «Звёздный час Венки Хованского» — талантливый провинциальный трубоч,

²⁵ Забияко А.А. Лирический герой Владислава Лецика: Homo legens — homo ludens // Лосевские чтения — 2010: мат. регион. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 97–118; Забияко А.А. Истоки художественной этнографии Владислава Лецика // Лосевские чтения — 2011: мат. регион. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 87–109; Красовская С.И. Лецик Владислав Григорьевич // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., вступ. ст. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 225–228.

Борис Черных.
Благовещенск, 1992 г.

не сразу сумевший разглядеть душевную красоту любимой женщины. Момент истины для него наступает тогда, когда ресторан, где он играет в местном оркестре, посещает знаменитый на всю страну тенор Магомай Муслимов, оказавшийся в Урийске проездом. Желая произвести впечатление на свою спутницу (по воле случая ею оказалась бывшая возлюбленная Венки), певец платит музыкантам, чтобы те не играли в этот вечер. Все — посетители ресторана, администрация, музыканты — подчиняются воле пресыщенного, избалованного успехом певца. Все, но не Венка Хованский. Трубач поражён такой реакцией урийцев. Он жалеет этих людей, пресмыкающихся перед заезжей знаменитостью. Жалеет он и самого

тенора, который, по мнению Венки, растрчивает на пустяки свой божественный талант. Уход оркестра герой воспринимает как предательство. Понимая, что «бойцов купили на корню», он в одиночку решает отстоять честь города. С помощью музыки герой исцеляет души урийцев, возвращает им человеческое достоинство и уважение к родному городу: «И все мы поняли, что сколько бы мы ни рвали сердце страстями, сколько бы ни изощрялись в поисках материальных благ — над городом и миром всегда будет царствовать непризнанный и бедный трубач, гонимый и бездомный. Он уведёт нас — в звёздный свой час — к лучшему в нас самих, и он вернёт нас к малой родине. Да, только малая родина с забытым погостом, только светлые лики детей и внуков стоят того, чтобы длить горечь жизни с её неминуемым поражением в конце...». Венка Хованский исполнил свой долг: ему удалось обратить людей к истинным ценностям, заставить их вспомнить о родине, о Боге, о своих детях. Исцелив души земляков, он и сам обрёл согласие с собой, стал счастливым, вернулся к любимой женщине.

Параллельно, в одно время с прозаиками, о которых шла речь выше, в Приамурье существовала довольно сплочённая генерация поэтов, преимущественно молодых, начинающих: В. Алюшин, Л. Андреев, И. Игнатенко, В. Черкесов, В. Яганов... Единственным, кто уже

Игорь Ерёмин

тогда приобрёл известность в масштабах не только Дальнего Востока, но и всей России, кого привечали в столичных журналах и издательствах, был Игорь Ерёмин (1934–1983). В Хабаровском книжном издательстве, куда амурским авторам пробиться было непросто, у него вышло несколько поэтических сборников: «Ладони» (1972), «Сердцевина» (1976), «Окоём» (1978), «Большак» (1982) и — уже посмертно — «Зрелость» (1984). Его стихи и поэмы часто и охотно печатал «Наш современник», а поэма «Солдатка», опубликованная этим журналом в 1975-м, была удостоена премии издания как лучшая поэтическая публикация года. Главный редактор журнала, известный поэт Сергей Викулов писал о ней: «Чувство здесь передано с такой искренностью, с такой правдивостью, что невольно мурашки по спине и слёзы на глаза. Это уже свойство настоящей поэзии!» И ещё одно впечатляющее свидетельство всероссийского признания: престижное московское издательство «Современник» выпустило книгу его стихов «Земные корни» (1973) с предисловием Викулова. На уход Ерёмина главный редактор «Нашего современника» откликнулся горько-пронзительной статьёй «Не из глубинки — из глубины» (Наш современник, 1988, № 8), в которой дал высочайшую оценку стихам амурского поэта, отметив, что они проникнуты духом народности, патриотизма и национального своеобразия. По словам С. Викулова, И. Ерёмин «принадлежит к тому поколению, которому выпало открывать мир в жестокую пору всеобщего разлада, разрушения, а не созидания и гармонии. Его ровесники запечатали войну не со стороны фронта, а со стороны тыла, или, как говорили тогда, со стороны “второго фронта”, который держали четыре года, не сдаваясь, женщины, старики и дети. И право же, в той трагической летописи по достоинству занимает принадлежащее ей место и поэзия Игоря Ерёмина». Спорить с этим утверждением не приходится: действительно, главная тема поэзии И. Ерёмина — тема родины и народа, который мужественно, с достоинством переносит тяжелейшие исторические испытания, совершая воинский, трудовой и духовно-нравственный подвиг. Большая часть его стихов отражает судьбы и переживания людей военного и послевоенного поколения — тех, кто держал тот самый «второй фронт». Лучшие, подлинно классические стихи этого рода: «Ладони», «Сирень», «Махорка», «Возвращение»... Но И. Ерёмин

мин — не только прекрасный лирик, но и мастер лиро-эпического жанра, к которому он всё чаще стал обращаться в последний период творчества. Большинство его поэм — о Великой Отечественной войне: «Солдатка» (1975), «Далёкий свет» (1977), «Никаноровна» (1978). В них, как и в лирике, Ерёмин воплощает «чувства и мысли человека, судьба которого неразрывно связана с судьбой народа, с судьбой своей страны» (И. Назарова).

В пределах Дальнего Востока широкое признание в 1970-е годы обрёл Олег Маслов (1932–2015), начавший печататься ещё в 1950-е, в эпоху «оттепели». Как и другие лирики его поколения, он впитал дух этой эпохи, усвоил многие идеи шестидесятников — принципиальных противников тоталитаризма, поборников обновлённого социализма — «социализма с человеческим лицом». Маслов являлся поэтом по призванию, по душевному складу и мироощущению, а по профессии он был врачом — практиком, преподавателем и учёным одновременно, кандидатом медицинских наук, доцентом мединститута, основателем анестезиолого-реанимационной службы в Амурской области. Как метко заметила С. Красовская, в этом удивительном сплетении столь разнонаправленных талантов была определённая закономерность: совершенно естественное стремление проникнуть в те глубины и тайны человеческой природы, которые недоступны науке.

Первый поэтический сборник О. Маслова, «Моя профессия», вышел в 1973-м, за ним последовали другие — всего более десятка книг, иногда объединяющих лирику и прозу: «Страда земная» (1975), «Передний край» (1980), «Костёр» (1985), «Лицом к лицу» (1989), «Мой век» (1994), «Избранное» (2002), «Мой крест» (2003) и др. С 2005 года О. Маслов по воле обстоятельств жил в Израиле, но связей с родиной — человеческих и творческих — не терял. Часть его новых стихов печаталась в Приамурье. Так, в 2007-м, во время его приезда в родной город, поэт передал для публикации в альманахе «Амур» только что созданный им цикл «На земле обетованной» (Амур. № 6. 2007). Входящие в него стихи — о вере, о сложности человеческого пути к Богу. Они — плод серьёзных и грустных размышлений поэта, всегда честного перед самим собой и читателем, и в преклонном возрасте открытого для глубоких духовных переживаний и перемен.

Олег Маслов

Забегая вперёд, отметим, что в истории литературы Приамурья подобное сочетание в одном лице талантов врача, учёного, преподавателя медицинского вуза, поэта, прозаика, а ещё и художника повторилось, — точнее, ещё раз воплотилось в новом качестве.

Имя Николая Левченко стало известно амурским читателям в 2000 году, когда вышел первый сборник его стихов «Друзьям и рекам». Затем, как свидетельство творческой многогранности автора, последовали поэтические сборники «Тебе и Городу» (2003), «Городской романс» (2006), «Осень в Благовещенске» (2008), позже — книжка пародий, шаржей, эпиграмм «Темы и вариации» (2011) и, наконец, сборник эссе и рассказов «Напутствие дилетантам» (2017). Для поэзии Н. Левченко характерны элегическая тональность, ирония, философичность. Лирический герой его стихов стремится, как к идеалу, к обретению душевного равновесия, к высшей философской мудрости, основанной наприятии мира, на любви, на ощущении заклочённого в мире гармонического замысла. Всякий диссонанс — природный, социальный или любой другой — разрушает желанную гармонию, а потому вызывает у поэта желание преодолеть его — но не радикальными способами, а мягкой терапией, мудрым пониманием, в крайнем случае — выстраиванием иронической дистанции. Стихи Н. Левченко, как и его пейзажная живопись, вызывают ощущение прикоснове-

Николай Левченко

Александр Бобошко

ния к чему-то светлому, необыкновенно красивому, окрашенному в мягкие пастельные тона, обещающему какую-то долгожданную благую весть, дарящему ровный душевный покой.

Лирическому же герою Александра Бобошко — поэта, музыканта, исполнителя, лауреата дальневосточных бардовских фестивалей, автора более десятка поэтических сборников, — покой, напротив, только снится... Для большей части его стихов, относящихся к разряду гражданской лирики, характерны бунтарский дух, острый социальный критицизм, обличительный пафос, открытое

выражение своей гражданской позиции, публицистичность, язвительная ирония и юмор — всё то, что напоминает о песенном творчестве В. Высоцкого. Но в последние годы у А. Бобошко появляется всё больше стихов, в которых раскрываются иные грани его натуры — лиричность, исповедальность, склонность к рефлексии. Правда, причину своей повышенной чувствительности и сердечной ранимости поэт и здесь пытается объяснить воздействием социальной среды: «Тяжело артисту с правдой на Руси...»

Валерий Разгоняев

В числе немногих авторов, у которых, как у А. Бобошко, на первый план выходит социальная, социально-историческая проблематика, — Валерий Разгоняев, известный амурский поэт, скульптор, живописец. В 2016-м у него вышли две большие поэтические книги: «Покидая урочища Чёрного дракона» и «Багрянорождённый трилистник». Книги эти — не только очередной этап продолжительного творческого пути автора, но и своеобразный итог: в них включены и новые, прежде не печатавшиеся стихи, и произведения, созданные ранее, входившие в предыдущие поэтические сборники. Судя по одному этому, В. Разгоняев сознательно пошёл на то, чтобы они воспринимались читателями как явление итоговое, аккумулярующее жизненный и творческий опыт поэта. Иначе говоря, в этих книгах автор представил на суд читателей всё наиболее важное из того, что им было создано за несколько десятилетий. Всё, что позволяет читателям получить целостное представление о мировоззрении и мироощущении автора, о его политических симпатиях и антипатиях, о наиболее значимых для него темах. В книгах этих художественно воплотились представления автора о закономерностях мирового исторического процесса, о драматической, порой трагической судьбе России, о её исторической и духовной миссии. Но прежде всего это честный, предельно искренний монолог человека, судьба которого неразрывно связана с судьбой его многострадальной родины — России, в том числе с судьбой Приамурья.

Если вести речь о так называемой «женской поэзии» Приамурья (не все, правда, согласны с разграничением литературы по гендерному принципу), то у её истоков стоят Екатерина Михайлова (псевд. *Юлия Михай*) и Елизавета Юхоцкая (псевд. *Одинокая*) — поэтессы, активно печатавшиеся в амурской периодике начала XX века. Их творчество

представляет определённый интерес, в чём современные читатели смогут убедиться в ближайшей перспективе, так как альманах «Амур» планирует в 2019 г. напечатать подборки их стихов. Спустя почти век женская лирика Приамурья, сохранив некоторые общие черты, обрела новое, неизмеримо более высокое качество.

Светлана Борзунова (1951–2006), автор трёх вышедших в Приамурье поэтических сборников: «Яблоки райского сада» (1991), «Пока ещё люблю» (1997), «Ты — моя судьба» (2001) — один из самых проникновенных и самых значительных лириков Приамурья последних десятилетий. Главная, сквозная, наиболее личная и выстраданная тема её поэзии — любовь. По словам Светланы Аркадьевны, «любовь — единственная... дорога к постижению истины, к мировой гармонии». Её исполненные большой художественной силы лирические исповеди, по меткому замечанию Т. Смыковской, открывают читателю мир женской души — нежной, ранимой, страстной. Границы этого мира очерчены любовью — чувством, составляющим основу человеческой жизни.

Светлана Борзунова

Нина Дьякова

Неповторимая красота амурской природы, историческая судьба родного края, любовные переживания — главные темы «гармоничной, прозрачно-тонкой» лирики Нины Дьяковой — автора сборников «Мои птицы пёстрые» (1991), «Мятежная нежность» (1994), «Красоднев» (1999). «Снег в Благовещенске» (2015). Кроме этого, Нина Дьякова уверенно заявила о себе как драматург (пьеса «Река любви», поставленная в Амурском театре драмы и удостоенная губернаторской премии за 2003 г.) и прозаик художественно-очеркового жанра (книга «Чародей, бродяга и романтик...: записки театрального завлита», Благовещенск, 2014).

Вернёмся к прозе. На рубеже XX–XXI столетий ярко проявили себя такие прозаики (или поэты, обратившиеся к прозаическим жанрам), как Галина Беляничева, Гульчера Быкова, Виктор Волчков, Алексей

Воронков, Евгений Гончаров, Николай Дегтярёв, Константин Корсак, Александр Маликов, Павел Никиткин, Галина Одинцова, Виктор Рыльский, Станислав Сахончик, Леонид Симачёв, Станислав Федотов...

Леонид Симачёв (1950–2019) — писатель, масштаб и известность которого выходят далеко за пределы Приамурья. Его произведения публиковались в центральных периодических изданиях: «Октябрь», «Москва», «Студенческий меридиан» и т.д. Симачёв относится к числу тех авторов, которые опираются не только на подлинные жизненные реалии, но и на художественный опыт своих великих предшественников и современников.

Леонид Симачёв

Для его произведений характерны содержательная многослойность, пронизанность текста историческими, культурными, мифологическими, литературными мотивами и ассоциациями. В сборниках рассказов и повестей «Срочная радиограмма» (1984), «Ленинградский коверкот» (1986), «До коммунизма и после» (2003) писатель не только отражает, запечатлевает современную ему действительность, но и постигает её во всей её объёмной сложности, восходя от частного, конкретного случая к общему, универсальному. Его произведения невозможно читать отстранённо, они берут за душу, вызывают глубокий эмоциональный отклик, долго не забываются. Подобное ощущение у читателей возникает, в частности, по той причине, что между содержанием и формой в произведениях Л. Симачёва нет никаких зазоров: автор умеет добиваться того, чтобы форма воспринималась как застывшее содержание, чтобы она была органичной. Но главное — умение писателя найти в современной ему реальности то, что способно вызвать сопереживание, что для читателя становится настоящим откровением или прозрением, что заставляет его пережить катарсис. Лучшие рассказы прозаика — «Умер Савельич» (1982), «Время собирать ягоды» (2001) и некоторые другие — заслуживают включения в золотой фонд современной отечественной литературы, в общенациональные антологии и школьные хрестоматии.

Виктор Рыльский — журналист, публицист, писатель, ныне житель столицы, судьба которого почти полвека (с 1957 по 2004) была неразрывно связана с Приамурьем, с Благовещенском. Здесь он получил образование, здесь избрал журналистику своим профессиональным поприщем и долгие годы работал в государственной телерадиокомпа-

Виктор Рыльский

нии «Амур», здесь им были написаны и опубликованы первые произведения, здесь вышли первые книги: «На свет доброты» (1988) и «Бульвар Самоков» (1998). Эти творческие опыты начинающего автора обратили на себя внимание и заслужили похвалу такого признанного автора, как Борис Можаяев. Позже, в предисловии к книге «Жизнь в эпоху перемен», Владислав Лецик отметил, что ранние рассказы Рыльского «К дядюшке», «Заспорили два мужика», «День да ночь» и некоторые другие «написаны прекрасным языком», «полны тепла и света, пронизаны юмором, порой грустным, в них есть боль за своих зем-

ляков-колхозничков, вынужденных терпеть не только житейские тяготы, но и кретинизм тогдашнего руководства — высокого и пониже».

В. Рыльский как творческая личность всегда находился в зоне воздействия двух мощных силовых полей — журналистского документально-публицистического и художественного. Обусловлено это, очевидно, как особенностями его таланта, так и воздействием профессиональной среды. Влияние этих в определённом отношении близких, временами пересекающихся, но отнюдь не тождественных творческих парадигм предопределило и тематику произведений, и своеобразие жанрово-стилевой системы. В какие-то периоды верх брало одно начало, в какие-то — другое. Когда автор решал преимущественно журналистские задачи, на свет появлялись повесть «Поездка в Япули» (2001) и очерк «На русском кладбище в Харбине» (2003), документально-публицистические книги «Мы — суворовцы» (2006), «Республика Туркменистан вчера, сегодня, завтра» (2011) и т.п. Когда о себе властно заявляли художественные формы отражения действительности, печатались книги рассказов и повестей: «В жаркий полдень на берегу моря» (2005), «Жизнь в эпоху перемен» (2012). Но даже в собственно художественной прозе В. Рыльского явственно ощутимы два эти полюса, обеспечивающие проблемно-тематическую и стилевую амбивалентность. С одной стороны, автор проявляет обострённый интерес к общим процессам социально-политической жизни страны, к злободневности («Что случилось на моём веку»), с другой — стремится к постижению свойств национального характера (рассказ «Дядя Саша»). Отсюда — переплетение разных стилевых и жанровых доминант. В прозе В. Рыльского мирно уживаются лиризм, психологизм и публицистичность, доку-

ментализм. Особо следует выделить морализаторство, обличительный пафос, открытый критицизм, ясность и определённую авторскую позицию по отношению к порядкам, утверждавшимся в перестроечное и постперестроечное время. Всё это, безусловно, требует гражданского мужества, которого автору, похоже, не занимать. В литературе современного Приамурья столь беспощадный приговор господствующим в стране разрушительным процессам, помимо Рыльского, способен был выносить, пожалуй, лишь Б. Машук. Но Борис Андреевич бесстрашно выражал свою непримиримую гражданскую позицию в газетной публицистике, а Виктор Владимирович — в прозе. В этом смысле он тяготеет к щедринской традиции — к гротеску с элементами фантазмагории (повесть «Невероятное происшествие в Серогорске»), к язвительности авторских суждений, к сатирической хлесткости, к сосредоточенности на социально-политических язвах современного автору государства с его «издевательским бюрократизмом и бандитским беспределом властей» (слова В. Лецика о повести «Под сенью статуи маэстро Глюка»).

Павел Никиткин

Павлу Никиткину, как и Валерию Разгоняеву, подвластны разные виды искусства: скульптура, графика, словесное творчество — поэтическое (сборники «Охотничьей тропой», 1997; «Просёлки», 1998; «Осенние зори», 2000; «Корни», 2003; «Вдоль берёзовой страны», 2010) и прозаическое (книги «Алёшкина охота», 2005; «Русский берег», 2009; «Дуплет», 2011; «Листая памяти страницы», 2013). Думается, и в этом случае одно невозможно без другого: в разных творческих ипостасях находят выражение разные грани личности автора. В прозаическом творчестве П. Никиткин тяготеет к малым жанровым формам — рассказу, новелле. Так, например, «Кнут» (2004) представляет собой образец характерной для Никиткина жанровой разновидности рассказа, в которой история страны воплощается в истории отдельного человека. В центр повествования автор помещает сильного человека, способного меняться и расти, обретая гармонию — и внутри себя, и в отношениях с окружающим миром. Рассказы «Костюм», «Шутка», «Птичье молоко» (все — 2006) посвящены детям. В незамысловатых сюжетах с комичными ситуациями раскрывается сложная драма человеческого роста и познания мира.

Станислав Сахончик

Хотя в Приамурье нет настоящих морей, только рукотворные (водохранилища Зейской и Бурейской ГЭС), в области есть свой писатель-маринист — Станислав Сахончик, человек удивительной судьбы. Сюжеты для своих увлекательных произведений ему нет нужды придумывать: шесть лет Сахончик служил в качестве судового врача на танкерах 31-й брига-

ды судов обеспечения Тихоокеанского флота, участвовал в операции по подъёму сбитого южнокорейского «Боинга» у Сахалина (1983), в разминировании Красного моря, в многомесячном походе большого морского танкера «Владимир Колечицкий». Богатый жизненный опыт, полученный автором во время службы в армии и на флоте, нашёл воплощение в трёх сборниках рассказов: «Белая бригада» (2007), «Страшная месть ефрейтора Шварцмана» (2008), «В перечне военных конфликтов не значатся...» (2009).

Со времён выхода в свет романов «Заслон» Любви Антоновой и «Тыл — фронт» Андрея Головина в Приамурье в течение полувека практически не было прозаиков, обращавшихся к жанру исторического романа, умеющих рисовать масштабные эпические полотна, вбирающие в себя целые пласты истории, грандиозные по масштабу события и судьбы множества персонажей, участвующих в их развёртывании.

В начале двухтысячных эту нишу уверенно занял Алексей Воронков — известный амурский писатель, автор более десяти книг прозы, большая часть которых вышла в столичных издательствах: «Охота на красного волка» (1990), «Положение вещей» (1997), «Потрясение» (1998), «Берег сомнамбул» (1999), «Красные казармы» (2000), «Кавказ подо мною...» (2001), «Круг Сансары, или Продавец снов» (2002), «Фронтовая “неотложка”» (2007), «Мужская дружба» (2007), «Брат по крови» (2008). Уже в них проявился обострённый интерес автора к художественной реконструкции прошлого, к осмыслению геополитических процессов, к сюжетам, имеющим реальную историческую основу. В этих книгах сформировалась и своеобразная поэтика, основанная на сочетании подлинных фактов и художественного вымысла, явлений региональных и общенациональных, на соединении в рамках одного произведения различных жанровых моделей — приключенческой, военно-патриотической, исторической... С наибольшей полнотой эти

Алексей Воронков

особенности прозы А. Воронкова раскрылись в исторических романах «Харбин» (2011) и «Здесь русский дух...» (2013). Последний из них переиздан в 2018 г. в Благовещенске под заглавием «Албазинец». Оба произведения обращены к прошлому: в романе «Харбин» воссоздаются события без малого вековой давности, «Албазинец» же переносит читателей ещё дальше — в XVII столетие. Книга повествует о первой попытке освоения русскими Амура, о защите ими Албазинского острога — ключевого форпоста, основанного в 1650 г. Ерофеем Хабаровым. Основные сюжетные события происходят в Албазине, но они включены автором в контекст глобальных процессов эпохи. Помимо вымышленных персонажей, в романе выведены реальные исторические лица.

Подобные художественные принципы близки и Станиславу Федотову — автору вышедшей в московском издательстве «Вече» трилогии, также посвящённой теме освоения русскими Приамурья, но на другом историческом витке — в середине XIX столетия: «Возвращение Амура» (2010), «Схватка за Амур» (2011), «Благовест с Амура» (2013). В 2016 г. трилогия была переиздана в Благовещенске под новым названием — «Под знаком Амура». Главный герой произведения — генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьёв, сыгравший ключевую роль в возвращении России левобережья Амура. Наряду с ним, в центре повествования оказываются и другие реальные исторические лица, а также вымышленные персонажи, создающие обобщённый образ народа. Как и А. Воронков, Станислав Федотов не ограничивается изображением собственно исторических событий: значительное место в романах отведено быту, а также перипетиям личной жизни Муравьёва, прежде всего отношениям с любимой женщиной, француженкой Элизабет (Катрин) де Ришмон, которая, приняв православие, обвенчалась с ним и стала именоваться Екатериной. Романист не только раскрывает явные и тайные пружины исторических событий, нюансы международной политики

Станислав Федотов

Александр Маликов

Российской империи и некоторых европейских государств, не только достоверно воссоздаёт реалии ушедшей эпохи, поступки и подлинный облик живших полтора века назад людей, но и стремится реконструировать психологию, мирочувствие, сознание персонажей, их повседневное существование, что во многом строится на вымысле. Немало усилий автор прилагает и к тому, чтобы сделать чтение его романов увлекательным, захватывающим.

Тесно в рамках малых жанровых форм, хотя он порой обращается и к ним, Александру Маликову — одному из самых значительных авторов современной дальневосточной романистики. Он привлёк внимание читателей в середине 1990-х, когда в печати появились первые его произведения: повесть «Завтрак аристократа» (1994) и рассказ «Саргассово море» (1995). Значительно позже, в 2014-м, А. Маликов издал сборник рассказов «Острое чувство».

Но главное его произведение — весьма объёмный, содержательно нагруженный роман «Сам себе волк», в полном виде опубликованный в 2016 году. Композиционно он состоит из двух частей — «Золотая пыль» и «Лариоша. Частная жизнь», которые представляют два концептуально взаимосвязанных временных пласта — прошлое и настоящее. Так же широки пространственные рамки романа: Камчатка, Магадан, Владивосток, Холмск, Благовещенск, Марково, Натальино... Главный герой произведения, связующий разные времена, географические точки и многочисленных персонажей, — Генка Ларионов, образ автобиографический, имеющий немало общего с автором. Именно через его восприятие даётся объёмная картина драматических процессов, происходивших в России в последние десятилетия. Для творческой манеры А. Маликова характерно сочетание поэтики бытописательства с психологизмом, острой социальности с экзистенциальной проблематикой. В числе литературных учителей прозаика — не только русские писатели последних двух веков, но и зарубежные классики, прежде всего автор «Улисса».

Один из прозаиков последнего десятилетия, для которых более органична малая жанровая форма, — Владимир Куприенко, автор многочисленных сборников рассказов (с небольшим вкраплением повестей): «Про то, как...» (2007), «Рагу из мухоморов» (2008), «День совка» (2009), «К берегу, которого нет» (2010). «Возможность

отменить понедельник» (2012), «Другой Иисус» (2017) и др. Эти почти ежегодно выходящие книги привлекают внимание уже тем, что их автор не страшится показывать подлинную — непридуманную и неприкрашенную — российскую действительность. Таковы у В. Куприенко и персонажи: «неправильные», непосредственные, часто неотёсанные, взятые из жизни, а не заимствованные из литературной классики. Таков, например, герой рассказа «Шуба из голубой норки» Славка Белов, бывший детдомовец, в общем-то неплохой человек, трудяга, хороший семьянин, сознательная, зрелая часть жизни которого пришлось на закат социализма и период «перестройки» — то есть на эпоху, обесценившую, сделавшую глупыми и смешными высокие душевные порывы и «рыцарские» поступки. В своей обычной полуиронической манере автор рассказывает наполненную узнаваемыми бытовыми реалиями историю жизни, смысл которой герой видит в решении, казалось бы, сугубо приземлённой, «мещанской» задачи: в век тотального дефицита, когда недостаёт даже самых обычных, «ширпотребовских» вещей, он с какой-то маниакальной настойчивостью ищет, добывает для любимой жены шубку из небесно-голубой норки. Но это лишь внешний пласт повествования. Главное же в рассказе — подтекст, лирико-метафизическая история души человека, сумевшего сохранить в самых неблагоприятных для этого социально-исторических и бытовых условиях пусть искажённую, деформированную, но при этом явственно выраженную потребность в чём-то высоком и прекрасном, в каком-то необыкновенном по силе проявления своей любви, своего обожания поступке. И не столько вина, сколько беда Белова (и многих других русских людей), что действительность властно перекодирует, перенаправляет его по сути идеальный порыв в русло житейской прагматики.

Владимир Куприенко

Отличительная черта повествовательной манеры В. Куприенко — повышенная экспрессивность стиля, какая-то особенная азартность (иногда даже лихость), с которой он отражает эпоху и рисует портреты своих современников. И нельзя не сказать о тонком юморе и иронии, которые придают прозе *Купера* особую выразительность, о языке — сочном, ароматном, остром, со всевозможными речевыми «специями» — в том числе с горчичкой, перцем,

уксусом, хреном (в первых своих сборниках с хреном автор иногда перебарщивал).

В своих порой фабульно незамысловатых рассказах В. Куприенко стремится так представить, высветить какой-то частный бытовой случай, чтобы читатель увидел в нём отражение современной эпохи. Таков, например, рассказ «Посты наши» — о царящем в российском обществе разноязычии и разномыслии, о невозможности или неспособности людей правильно понять друг друга. В замкнутом пространстве вагонного купе автор сводит двух попутчиков — прораба Васильева и священника Василия, которые говорят как будто бы об одном, но при этом совершенно не понимают друг друга, не пересекаясь ни на уровне сознания, ни на уровне душевных и духовных движений. Словно представители двух разных космических цивилизаций, которые выучили язык межгалактического общения, чтобы наладить контакт. Тщетно...

Ещё одно типологически сходное явление последних лет — творчество Александра Герасимова, автора опубликованных в альманахе «Амур» рассказов: «Тайны французского поцелуя» (2010), «Белые звёзды белобрысого героя» (2010), «Переехало собаку колесо» (2010), «Леший» (2011), «Откровения в мужской компании» (2011), «Мой друг Коля» (2011), «Ярче всех цветов Таити» (2012), «Ни слова о телевидении» (2012). Проза Герасимова — это преодоление художественной условности, свойственной «беллетристике», прямой прорыв к реальности. На первый план в его произведениях выходит сама жизнь. Автор крайне редко обращается к придуманным сюжетам, чаще пишет о том, чему был непосредственным свидетелем, и о тех, с кем его сводила судьба: о дружбе с прозаиком Владимиром Куприенко («Тайны французского поцелуя»), о герое одной из первых своих газетных публикаций — трактористе Толе Егорове из амурского села Жариково («Звёзды белобрысого героя»). Реальный, не вымышленный персонаж выведен и в одном из лучших рассказов А. Герасимова — «Переехало собаку колесо». Шура Барышев — друг студенческих лет, человек, жизненный путь которого не вполне типичен для выпускника педагогического вуза, а мирозерцание диссонирует с бравурным тоном идеологии «застойных» 1970-х, с господствующим в стране «развитого социализма» оптимисти-

Александр Герасимов

ческим пафосом. Герой пребывает в состоянии перманентной меланхолии, никогда не оставляющей его грусти. Когда на душе становилось особенно тяжело, «Шура пел... щемящую песню. Да и не песню вовсе, а что-то протяжное, с подвыванием:

Переехало собаку колесо.
Люди вышли, поплевали и — привет.
Люди вышли, поплевали и — привет.
Взяли за ноги и бросили в кювет.

Всхлип, искорка слезы под толстыми стёклами очков, и опять — надрывный плач гармошки:

И меня вот тоже как-нибудь
Переедет, как собаку, колесо.
Люди выйдут, поплюются и — привет,
Возьмут за ноги и выбросят в кювет.

И вновь: «Переехало собаку колесо...» С разными душещипательными интонациями и словесными вариациями... Барышев мог петь до бесконечности долго. Пока соседи по общежитской комнате не вырывали из Шуриных рук музыкальный инструмент».

Жаль, автор этого трогательного рассказа слишком плотно привязывает присущую персонажу пронзительно-щемящую, не имеющую берегов и пределов тоску к конкретным сюжетным ситуациям, ставит её в зависимость от того, вместе ли Шура со своей любимой девушкой или же в разлуке с ней. Как представляется, по своей природе эта тоска имеет скорее бытийный, онтологический, а не ситуационный характер и проистекает в большей степени из характера мироощущения героя, из осознания или, скорее, из ощущения им глубинной трагедийности человеческой жизни вообще, в том числе запрограммированной трагедийности своей собственной судьбы. Впрочем, прямое авторское объяснение подоплёки этой неизбывной тоски нивелируется самим повествованием — ситуациями, в которых показан Шура, его обликом, поведением, но особенно — исполнением песни о собаке, которую переехало безжалостное колесо...

Произведения А. Герасимова с трудом поддаются жанровой классификации: отчасти они напоминают канонические рассказы или очерки, отчасти — мемуарную или лирическую прозу. Основанная на жанровом синтезе форма продиктована многослойным авторским замыслом и попадающим в фокус изображения автобиографическим

жизненным материалом. Адекватна содержанию повествовательная манера — свободная, раскрепощённая, в меру исповедальная, в меру ироничная. Рассказы и миниатюры Герасимова обычно написаны от первого лица, и это создаёт доверительную интонацию, придаёт им особую достоверность, приближает к читателю изображаемые события и картины природы.

Помимо рассказов, перу А. Герасимова принадлежат миниатюры — своеобразные стихотворения в прозе: «Далёкий запах летнего дождя» (2011), «Моя красивая осень» (2011), «Ностальгия» (2013), «Оторопь» (2014), «Воробушки» (2017), «Страна дождей» (2017), «Медовые края» (2017), «Ягодные места» (2017), «Рельеф» (2018) и т.д. Созданные уже после переезда автора в Калининград, лирические миниатюры эти буквально пронизаны, пропитаны ностальгией по Амурскому краю, прежде всего по природе Приамурья. Пейзажные миниатюры А. Герасимова создают у читателя иллюзию почти физического присутствия в наполненном неповторимыми запахами, вкусами, звуками, красками мире амурских лесов, полей, рек. Лирические зарисовки эти свидетельствуют о мастерстве владения словом и художественной наблюдательности автора, о понимании им сокровенных тайн природы, о знании тончайших, едва уловимых нюансов, что доступно лишь человеку, любящему описываемые места, сроднённому с ними. Станислав Федотов, старший брат по литературному цеху, прочитав миниатюры А. Герасимова, восторженно откликнулся на них: «Ты, брат, как современный Пришвин. Такой живописи природы сегодня не увидишь нигде».

Творчество Гульчеры Быковой, автора рассказов «Семёновна» (2004), «Жила-была Клабочка» (2004), «Трудная дорога к дому» (2010), «Сватья» (2012), «Крёстная» (2012), романа в рассказах «Ника из созвездия Козерога» (2012) и сборника «Берега моей реки» (2015), представляет собой то ли феномен так называемой «женской прозы», то ли разновидность такого специфического стилевого течения, как «сентиментальный реализм». Героини её рассказов живут более чувством, нежели рассудком. Их судьбы разворачиваются как история чувств, связанных с теми или иными событиями личной жизни. Субъективный мир чувств и основанных на них межличностных отношений, особенно в автобиографической прозе Г. Быковой, предстаёт несравнимо более важным, чем мир социальный. Социально-исторический, политический, идеологический контекст эпохи в её произведениях обычно либо отсутствует вовсе, либо прорисован слабо, схематично, является чем-то вроде декораций, фона, не влияющего на сознание и поведение персонажей, не предпопре-

Гульчера Быкова

деляющего направление их жизненных судеб. По форме произведения Г. Быковой выглядят, в большинстве своём, как «рассказываемые» истории жизни героинь, как «вспоминание» их прошлого, того, что случилось с ними когда-то. Прошлого, связанного с перипетиями по преимуществу семейных, соседских, межличностных, бытовых отношений. Если в центре повествования поставлена автобиографическая героиня (например, Гульнара из «Ники из созвездия Козерога»), то реконструкция её прошлого проникнута ностальгией и лиричностью.

Автобиографический рассказ «Серебряный звон» (2008) проявляет ещё одно отличительное свойство стиля Г. Быковой — эссеистичность, очерковость, которые в данном конкретном случае вполне оправданны и уместны. В «Серебряном звоне» предстаёт поражающая воображение экзотическая природа Нижнего Амура, нравы, обычаи, повседневные заботы жителей села, расположившегося на крутом берегу великой реки. В эти заповедные места героиня-рассказчица попадает из прокалённого солнцем Узбекистана, поэтому всё здесь для неё вновь. С восторгом первопроходца она открывает для себя (и для читателя) уникальный край — потрясающе красивый, бесконечно щедрый, суровый и величественный одновременно. Могучий Амур. Сопки. Первозданная тайга, богатая грибами, ягодой, орехами, диким луком, черемшой. Переполненные лососем нерестовые реки. Заброшенная узкоколейка, строившаяся когда-то заключёнными ГУЛАГа к урановым рудникам. И всё это автор рисует яркими красками, передавая всю остроту и свежесть своих зрительных, вкусовых, обонятельных ощущений.

У литературы Приамурья есть не только прошлое и настоящее, но и будущее, которое закладывается уже сегодня — в творчестве талантливых молодых авторов: поэтов Ирины Вакуленко, Регины Поливан, Анны Прокопьевой, Алёны Безуглой, прозаиков Ольги Крутиковой (Селезнёвой), Владимира Пушкарёва, Семёна Руденко, Влада Томасова... Один из них — Ярослав Туров, родившийся в 1992 году в Благовещенске. Первая его публикация состоялась в 2008-м, когда он ещё учился в 10-м классе: совместно с ровесником Семёном Руденко они выпустили сборник малой прозы «Игра с огнём», в который вошли первые, «ученические» по уровню тексты. Рассказ

«Розовое на чёрном» (альманах «Амур», 2008) — небольшая ступенька вверх. А вот следующие публикации в литературных альманахах «Амур» (2010, 2011, 2013, 2014, 2018) и «Приамурье» (2010, 2013), а также повесть «По полю мёртвых одуванчиков», вошедшая в одноимённую книгу (2015), заслуживают уже серьёзного внимания. Рассказы «Награда», «Деда Ваня», «Яма», «Агентство», «Сердце красавицы», «Старость» наглядно продемонстрировали: автор умеет быстро учиться на собственных ошибках, совершенствуется, стремится преодолеть художественную прямолинейность первых опытов, и многое ему удаётся. Каждый новый рассказ (его любимый жанр) — и узнаваем, и своеобразен. Общее, повторяющееся — обращённость к современности, к острым социальным темам и конфликтам, категоричность авторских суждений, срывы в публицистику. Традиционно и то, что попадающие в фокус изображения частные случаи и частные судьбы становятся поводом для размышлений о проблемах, которые волнуют всё российское общество. Новое — прежде всего характеры, типы персонажей: причём не только сверстников автора (они доминировали в самых первых произведениях), но и его «отцов» и «дедов». В обновлённом виде каждый раз предстаёт и автобиографический герой: он взрослеет, становится мудрее вместе с автором. Туров не замыкается на собственных рефлексиях, проявляет интерес к миру, с большим вниманием вслушивается в то, что пытаются донести представители старших поколений, всматривается в них. И при этом остаётся человеком своего поколения — по-новому осмысливающим и прошлое, и настоящее страны.

...Что ждёт литературу Приамурья в дальнейшем — покажет время. Хочется надеяться, что самое интересное и значительное — ещё впереди, что та основа, которая выстраивалась в течение более полутора веков предшествующими поколениями амурских писателей, поможет совершить новые художественные прорывы, достичь новых эстетических вершин.

Глава 1. НА РУБЕЖЕ XIX – XX СТОЛЕТИЙ

«Как в Амурской области, а и, Господи, прости...»

*Стихотворная сатира начала 1860-х годов как точка отсчёта
истории литературной жизни Приамурья*

Литература Приамурья при всей своей региональной специфичности, которая проявляется, прежде всего, на тематическом уровне, никогда не была автономным, а тем более чужеродным явлением в общероссийском литературном процессе. Напротив, она отражала, вбирала в себя многие его особенности. Литературная жизнь Приамурья с момента её возникновения множеством зримых и незримых нитей связана не только с литературой громадного Сибирско-Дальневосточного региона, но и с литературой Центральной России.

Пример тому — сатирическое стихотворение «1859 год на Амуре», одно из самых ранних произведений литературы Приамурья. Возможно, именно с него и нужно вести отсчёт литературной истории региона. В рукописных списках оно распространялось с начала 1860-х гг., а напечатано было в московском журнале «Русский архив» почти четыре десятилетия спустя ¹. «1859 год на Амуре» и другие немногочисленные анонимные рукописные произведения, появившиеся примерно в одно время, дают основание утверждать, что литературная жизнь в Приамурье стала зарождаться на рубеже 1850–1860-х гг., то есть практически одновременно с началом освоения края русскими.

При этом следует иметь в виду, что «1859 год на Амуре» — явление вполне типичное для своего времени. Одной из особенностей литературной жизни России конца 1850-х и начала 1860-х гг. стал расцвет социально-политической сатиры, прежде всего стихотвор-

¹ 1859 год на Амуре: тогдашние и тамошние шуточные стихи // Русский архив. 1896. Кн. III. № 10. С. 288–289.

ной. Немалую популярность в те годы приобрёл еженедельный сатирический журнал демократической направленности «Искра» (1859–1873), в котором печатались известные поэты В.И. Богданов, П.И. Вейнберг, А.М. Жемчужников, Г.Н. Жулёв, Н.С. Курочкин, Д.Д. Минаев, Л.И. Пальмин, А.К. Толстой и др. Авторы «Искры» затрагивали такие, не утратившие актуальности и в эпоху реформ Александра II (взошёл на престол в 1855 г.), острые проблемы российской действительности, как злоупотребление властью, беззаконие, мздоимство, казнокрадство, отсутствие реальных перемен к лучшему. Одно из характерных произведений подобного рода — стихотворение поэта-искровца Петра Вейнберга «Мишура» (1863), написанное тремя-четырьмя годами позже стихотворения «1859 год на Амуре», но созвучное ему в оценке новой разновидности российских администраторов. Автор «Мишуры» утверждает, что чиновники эпохи реформ отличаются от прежних лишь реформаторской риторикой и имитацией бурной деятельности, что никакими реальными делами, способными исцелить общество от застарелых недугов и язв, они не занимаются и заниматься не хотят. Правда, П. Вейнберг говорит лишь о самом явлении, но не затрагивает, не называет конкретных персон:

...О краса бюрократии новой!
С беспредельным восторгом не раз
Я внимал твоей речи громовой
О вреде стародавних зараз
И о том, что теперь-то приспела
Для реформ радикальных пора...
А как только коснулось до дела —
Мишура, мишура, мишура!..²

Удивляться не приходится: по цензурным причинам поэты-сатирики рубежа 1850–1860-х гг. не могли прямо называть имена государственных сановников. Существовало два способа обойти цензуру: эзопов язык, прозрачные намёки (такой способ вынуждены были применять авторы «Искры» и других легальных периодических изданий), а также создание и распространение рукописных (а поэтому не подпадающих под действие цензуры) текстов — наподобие «1859 года на Амуре».

Широкое распространение рукописная анонимная сатира получила в Восточной Сибири, в том числе в Забайкалье и Приамурье. Чаще всего она была представлена сатирическими стихами и памфле-

² Библиотека поэта. Большая серия. Поэты «Искры»: в 2 т. Т. 2. Изд. 3-е. Л.: Советский писатель, 1987. С. 383.

тами, в которых подвергались осмеянию местные администраторы, допускавшие злоупотребления властью и жестокость по отношению к простому народу, при которых по-прежнему процветали очковничество, взяточничество, казнокрадство. Нередко объектом сатиры становился главный организатор «амурского дела» — генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев и его ближайшие сподвижники и назначенцы. Такова, например, «Историческая быль 1850 года» — имевшая широкое хождение рукописная сатира («песня»), посвящённая «разгильдеевщине», то есть получившим скандальную известность деяниям одного из ставленников Муравьева, управляющего Нерчинскими золотыми промыслами, а позже (1853–1855) начальника Нерчинского горного округа Ивана Евграфовича Разгильдева, прославившегося чудовищной жестокостью.

«1859 год на Амуре» — произведение, в жанровом отношении близкое «Исторической были...», но созданное на чисто амурском материале. Стихотворение представляет собой сатиру на первого военного губернатора Амурской области Николая Васильевича Буссе (1828–1866). При покровительстве генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева в 1858 г. тридцатилетний Буссе был произведён в генеральское звание и назначен военным губернатором Амурской области. За сравнительно небольшой срок Буссе успел многое: в Приамурье были открыты десятки школ, детский приют, библиотека, хлебные магазины, лазареты, успешно развивалось земледелие. Немало сделал первый губернатор и для налаживания дружественных отношений с соседями, активизировал прямые дипломатические контакты с китайскими приграничными властями. При Буссе поощрялась пограничная торговля по Амуру, регулярно устраивались ярмарки в Благовещенске и Айгуне. В 1859 г. (то есть за 36 лет до появления первого органа периодической печати в Благовещенске — еженедельной «Амурской газеты») Буссе поддержал идею издания газеты под названием «Друг маньчжура». С его благословения в Петербурге было заказано типографское оборудование, но этот издательский проект остался нереализованным — судя по всему, не по вине военного губернатора области.

Тем не менее о «дипломатической» деятельности Буссе (в журнальном варианте произведения — Гуссе) и его окружения в стихотворении говорится в тоне насмешки и даже откровенной издёвки:

Генерал иркутский Буссе,
Губернатор в новом вкусе,
<...>

Он большой руки оратор,
Дипломат, администратор,
Он же и герой!

Весь облит мишурным светом,
Он приехал прошлым летом
С молодой женой.
<...>

Понабрались с ними франты,
Гальтерманы, Гильдебранты;
Тут же и Петров.
Поломали старые хаты,
Возвели дворцы-палаты...
<...>

Обеспечив помещением,
Принялись за управленье,
Что всего нужней.
Мы потом займёмся краем,
Перво-наперво — Китаем:
Это поважней! (с. 288–289)³

То есть, по мнению анонимного автора, увлечение военного губернатора «дипломатией» отодвинуло на второй план более важные вопросы управления областью, вопросы её внутреннего «обустройства». Точнее, выбор героем произведения в качестве приоритета деятельности на посту военного губернатора «дипломатии» предопределён его личными качествами — склонностью к внешним, «театральным» жестам и эффектам. Именно поэтому Н.В. Буссе в стихотворении «весь облит мишурным светом». В переносном значении мишура — «показной, обманчивый блеск, лишённый действительной ценности»; «внешняя броскость, блеск без внутреннего содержания». В словаре Даля приводится и такое производное от «мишуры» слово, как «мишурник»: «Пустой человек, щеголяющий внешностью, ради одного вида». Сродни новоиспечённому губернатору в стихотворении и его окружение — такие же мишурники, как и он: «Понабрались с ними франты, / Гальтерманы, Гильдебранты...» Кстати, упомянутые в произведении персонажи — реальные лица: Галь-

³ Здесь и далее произведение цитируется по первой публикации (с заменой фамилии Гуссе на Буссе): 1859 год на Амуре: тогдашние и тамошние шуточные стихи // Русский архив. 1896. Кн. III. № 10. С. 288–289.

терман, Гильдебрандт, Петров — чиновники особых поручений при Н.В. Буссе. В трактовке анонимного автора, это не деятельные работники, не подвижники «амурского дела», а «франты», то есть люди, озабоченные собственным внешним видом и положением, тем же самым «мишурным» блеском. Чтобы подчеркнуть их чуждость и чужеродность амурским, русским реалиям и проблемам, автор стихотворения акцентирует внимание на «нерусскости» имён — и самого Буссе (происходившего из дворянской семьи лютеранского вероисповедания), и его ближайшего окружения: «Гальтерманы, Гильдебранты». Не случайно, чиновник особых поручений Петров упоминается не в общем ряду, его русская фамилия выносится в отдельную строку: «Тут же и Петров». Перефразируя получившее известность выражение эпохи оттепели, «и примкнувший к ним Петров».

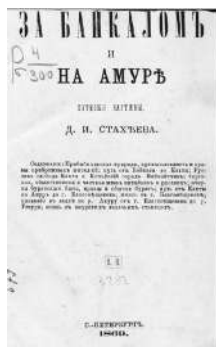
Одна из причин саркастического неприятия первого амурского военного губернатора — якобы высокомерное отношение Буссе и его «штаба» к китайцам:

Ведь китайцы крайне глупы,
Неразвиты, грязны, тупы,
Ну их воспитать!
Они страшные невежи;
Принимать их будем реже,
Чаще к ним писать (с. 289).

Очевидно, такое мнение у образованной части жителей Благовещенска (по предположению А.В. Лосева, автором стихотворения был либо чиновник областного ранга, либо высокопоставленный военный) сложилось из-за убеждённости в тщеславии военного губернатора, из-за приписываемого ему желания подражать своему высокому покровителю Муравьёву-Амурскому.

Похоже, что автор сатиры выражал мнение не только своё собственное, но и коллективное, что он являлся выразителем точки зрения, по крайней мере, части образованного сообщества. О том, что это так, свидетельствуют, в частности, произведения Дмитрия Ивановича Стахеева (1840–1918) — известного русского писателя, в 1862–1863 гг. жившего в Приамурье, в том числе в Благовещенске. Например, его ироническая поэма «Посольство: небывалое и невозможное происшествие. (Шутка)», вошедшая в книгу «На память многим» (1867). Сюжет её и топография условны, подлинные имена и фамилии участников истории изменены, но догадаться, что произведение написано на амурском материале, несложно, если, разумеется,

читатель посвящён в события, происходившие на Амуре летом 1863 года. Поэма Д. Стахеева как бы подхватывает, продолжает тему, поднятую в стихотворении «1859 год на Амуре». Нет сомнений, что Стахеев был хорошо знаком с этим рукописным текстом. Более того, стихотворная форма и иронический дискурс «Посольства» были избраны Стахеевым явно из желания продемонстрировать тематическую и жанрово-стилевую связь с ним.

Д.И. Стахеев

В основе сюжета иронической поэмы-шутки — реальная история, о которой писатель подробно рассказал в очерковой книге «За Байкалом и на Амуре» (1869). Суть её такова: по инициативе военного губернатора Амурской области Н.В. Буссе летом 1863 г. в китайский Цицикар (в очерках Стахеева — Чичикар; в поэме же «Посольство» «могучий маньчжурский город» носит название Джизикир) была направлена «дипломатическая» миссия, которую возглавил некто Малевич — чиновник невысокого ранга, служащий управления Амурского казачьего войска (в книге «За Байкалом и на Амуре» он ошибочно назван «местным судьёй»). Судя по всему, автор книги «За Байкалом и на Амуре» имеет в виду Е.Г. Малевича, в 1861 году назначенного на должность правителя канцелярии военного губернатора, но вскоре смещённого по инициативе Н.В. Буссе. Молодой, но очень амбициозный чиновник вновь станет правителем канцелярии при преемнике Буссе И.К. Педашенко, но и на этот раз ненадолго, так как будет снят с должности по телеграфному распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова. Об этом рассказывает в своих «Записках...» (1876) Прокопий Иванович Пахолков (1835–1912) — участник первых амурских сплавов, известный амурский купец и золотопромышленник ⁴.

Стахеев утверждает, что губернатор поручил Малевичу установить прямую почтовую связь с Цицикаром (Чичикаром), но, как уточнял

⁴ См.: Пахолков П.И. Записки об Амуре за первые годы со времени занятия его Россией в 1854 году // Мемуары сибиряков. XIX век / сост. Н.П. Матханова; отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. С. 157–216.

А.В. Лосев, главная цель поездки была иной — «достичь соглашения с гириным генерал-губернатором о свободном плавании по реке Сунгари и с гириными купцами о поставках скота на Уссури»⁵. В Цицикаре, по словам автора книги «За Байкалом и на Амуре», Малевича «приняли за настоящего посланника, встретили его торжественно и с почётом, но узнав, кто он, обошлись с ним более чем холодно»⁶.

В поэме «Посольство» история «дипломатической» миссии Малевича воссоздаётся в ироническом, пародийном ключе. Хотя слово Благовещенск в произведении не употребляется, понять, какой город имеется в виду, не представляет труда: столица Амурской области начала 1860-х годов описывается реалистически достоверно — как в целом, так и в частности, деталях:

Там, где широкой волною безмолвные воды
Быстро несутся к брегам отдалённого моря,
Там на пустынной равнине, поросшей лишь чахлой берёзой,
Город стоял, молодой, неустроенный город.
Не было в нём ни церквей православных, блестящих на солнце крестами,
Ни каменных зданий, высоко и гордо стоящих, —
В бедной и жалкой часовне Божия служба свершалась,
В мрачных холодных избушках теснились граждане.
Только у берега грозно и страшно стояли
Пушки громадные, страх и угроза племён азиатских;
Пушки те жизнь охраняли правителя града,
Дом его длинный, из древа сложенный, собой закрывая,
Грозные пасти свои на маньчжурский уставивши берег...⁷

Кстати, как справедливо отмечал А.В. Лосев, не отличающаяся художественным совершенством поэма Стахеева представляет очевидный интерес как «одно из первых литературных произведений, в котором напрямую изображён Благовещенск»⁸.

⁵ Лосев А.В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / сост., ред., вступ. ст., примеч. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 23.

⁶ Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре: путевые картины. СПб.: Типография К. Вульфа, 1869. С. 282.

⁷ Стахеев Д.И. Посольство: небывалое и невозможное происшествие. (Шутка) // Стахеев Д.И. На память многим: рассказы из жизни в России, Сибири и на Амуре. СПб.: Издание автора, 1867. С. 293–294. Далее поэма цитируется по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках.

⁸ Лосев А.В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / сост., ред., вступ. ст., примеч. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 24.

Автор «Посольства» меняет имена подлинных участников этих событий, но так, чтобы посвящённые легко могли догадаться, о ком идёт речь. Например, Малевич выведен под прозрачным именем Малео, губернатор Н.В. Буссе называется «правителем града», «градодержцем», а в устах его жены Зоры — «мудрым и славным владыкой». Такие его наименования преследуют ироническую цель, ибо разительно диссонируют с обликом и поступками персонажа поэмы: он показан слабым и безвольным человеком, зависимым от капризов молодой жены. Она, по версии автора поэмы, и подала мужу мысль о посольстве в «маньчжурское царство»:

Ты как владыка отдельного царства господствуешь в крае...
Только послы не бывали из стран отдалённых,
Сделай ты счастье своей благоверной супруге,
Мудрый свой ум изошрив, ты придумай посольство,
В тесные связи вступи ты с владыкою знатым маньчжуров.
Съездит посол ⁹ твой в полдневные страны,
Много сокровищ в подарки он нам предоставит,
И будут к нам ездить послы из страны той богатой... (с. 294–295).

Создавая образ жены «градодержца» Зоры, Стахеев, очевидно, не ставил задачи достичь сходства с прототипом — Екатериной Михайловной Матвеевской, выпускницей Иркутского Девичьего института, на которой Н.В. Буссе женился незадолго до назначения на пост военного губернатора Амурской области. Судя по мемуарным свидетельствам и эпистолярному наследию Н.В. Буссе, в реальной жизни эта женщина являлась едва ли не полной противоположностью ветреной «Зоры». Известно, что в Благовещенске жена Буссе пережила страшное испытание — смерть двух маленьких дочерей. Несмотря на личное горе, на страдания, молодая губернаторша помогала мужу, с достоинством исполняла общественный долг, превратила свой дом в центр общественной и культурной жизни Благовещенска: здесь устраивались любительские спектакли, музыкальные и литературные вечера и т.п.

Но вернёмся к сюжету иронической поэмы Стахеева. Инициированная «градодержцем» «посольская» миссия Малео оборачивается конфузом: поняв, что реальных дипломатических полномочий у русских визитёров нет, главный «владыка» маньчжуров перестаёт всерёз воспринимать не только Малео, но и того, кто послал его сюда:

⁹ В тексте опечатка — *полос* (вместо *посол*).

Знать я не знаю такого владыки, о смертный!
Ум помрачён твой и ум твоего градодержца:
Я не имею сношений с такими властями... (с. 300)

На смех Малео поднимает и амбань, по поручению своего «владыки» выяснявший, зачем русские снарядили посольство. В ответ на слова «посла»: «Наш градодержец желает, чтоб дали нам остров, / Остров, стоящий против Залбазинского града, / Чтоб дали нам землю, на берегу правом реки многоводной...» (с. 301), амбань откровенно дерзит: «Напрасно и проситесь вы, не управившись с левым, — на правый...» (с. 302).

Этот кажущийся придуманным эпизод, в котором автор явно издевается над «имперскими» замашками хозяина «Залбазинского града» (то есть Благовещенска), имеет под собой реальное основание. Дело в том, что Н.В. Буссе действительно высказывался на тот счёт, что Россия имеет права на острова пограничной реки, расположенные правее русла Амура. Когда китайские власти предъявляли губернатору претензии по поводу того, что амурские казаки осваивали некоторые из них (косили на них сено, распахивали пашни), Буссе отстаивал позицию, что острова не принадлежат исключительно китайцам. В 1863 году он писал тогдашнему генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову: «Я считаю острова в общем владении, ибо в трактате (Буссе имеет в виду Айгунский договор 1858 года. — А.У.) ничего не сказано о них. Делить по руслу нельзя, — есть места, где русло в наше время уже перешло из одной протоки в другую».

Вернёмся, однако, к стихотворению «1859 год на Амуре» и к тем жизненным реалиям, которые в нём отражены. У части амурских чиновников отношение к «высочке» и «чужаку» Буссе было критическим не в силу его недостатков — подлинных и мнимых. Выдвиженец графа Муравьёва-Амурского вызывал ревность и зависть уже тем, что к своим тридцати годам имел громкое имя и славу одного из ключевых участников «амурского дела». Раздражал он и тем, что опирался не на местные «кадры», а на тех, кого привёз с собой в Благовещенск из Иркутска. Но самое большое недовольство Буссе порождал тем, что начинал деятельность на посту военного губернатора с ломки старых порядков и обычаев и попыток утверждения новых — в духе либеральных реформ начального периода царствования Александра II. Именно по этой причине сарказмом пропитаны уже первые строчки стихотворения:

Как в Амурской области,
А и, Господи, прости,
Словно у людей,

Завелись дела, порядки:
Просят света, гонят взятки,
Чудеса ей, ей! (с. 288)

Попытки нового начальства навести какой-никакой «порядок», борьба со взятками воспринимаются выдавшими виды чиновниками по меньшей мере как чудачество молодого губернатора, как «чудеса». Нельзя забывать о том, что самая многочисленная, консервативная часть российского чиновничества в принципе была настроена оппозиционно по отношению к любым новым веяниям, к переменам, покушавшимся на издавна заведённый порядок. А Буссе — «губернатор в новом вкусе», «оратор», «дипломат», «герой» — воспринимался именно как угроза привычному, хотя и изрядно прогнившему, укладу. Отсюда и главный сатирический пафос «1859 года на Амуре», отсюда явное недоброжелательство его автора к военному губернатору. При этом надо отдать должное осведомлённости анонимного автора, точности излагаемых им сведений. Это касается как внешности и состояния здоровья Буссе («наружностью невзрачен», «при здоровье своём слабым»), так и его послужного списка («Он Иркутским главным штабом / Бойко заправлял»). То есть для автора не было секретом, что до назначения военным губернатором Амурской области Буссе являлся начальником штаба войск Восточной Сибири (1856–1858). Ещё одно свидетельство осведомлённости автора — следующие строчки стихотворения:

Честь крестового похода
Пятьдесят шестого года
Свято чтит страна.
Вот по этим по заслугам,
Говорят, к его услугам
Область создана (с. 288).

Действительно, некоторые современники событий (свидетельство М.И. Венюкова) были убеждены, что Амурская область создана по инициативе Муравьёва именно для его любимца Н.В. Буссе. Что касается «крестового похода пятьдесят шестого года», то и здесь автор стихотворения проявляет завидную осведомлённость. В 1856 г. Буссе руководил третьим «сплавом» по Амуру, основные цели которого — обеспечение русских поселений на левом берегу реки всем необходимым и передислокация войск. В це-

лом экспедиция была признана успешной, хотя не обошлось без серьёзных просчётов. Так, в связи с окончанием Крымской войны одной из целей экспедиции было возвращение части войск с Нижнего Амура в Забайкалье, но из-за медлительности и нераспорядительности начальства передислокацию не удалось закончить до ледостава, в результате десятки солдат умерли от голода и холода. Сохранились свидетельства, что они были истощены до такой степени, что просили разрешения есть трупы умерших товарищей. Были и более дикие случаи. Об одном рассказывает герой стихотворения «первого амурского поэта» Леонида Волкова (1870–1900) «Дедушка Денисов» (1893) — реальный человек, ветеран амурских сплавов:

Оно случилось и говели,
Трудненько было нам подчас,
Живьём капрала даже съели —
Вишь, хлеба не было у нас...

С почётом кости схоронили,
Тут недалечко под горой,
Могилку зеленью прикрыли
И крест поставили простой...¹⁰

И таких крестов по Амуру в 1856 г. появилось немало. Именно это обстоятельство — кресты на могилах погибших русских солдат — имеет в виду автор стихотворения «1859 год на Амуре», называя поход 1856 г. «крестовым». Вменяя, таким образом, в вину Буссе гибель этих людей.

Картина освоения Приамурья, которую нарисовал автор стихотворения «1859 год на Амуре», во многом расходилась с официальным, казённо-оптимистическим взглядом на эти события, а также «с мнением тех публицистов, которые будущее Амура рисовали одной лишь розовой краской, не желая замечать реальных трудностей и издержек колонизации края»¹¹.

¹⁰ Сочинения Л.П. Волкова. (Посмертное издание). Хабаровск, 1902. С. 53–54.

¹¹ Лосев А.В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / сост., ред., вступ. ст., примеч. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 22.

«Кругом меня царила грустная картина...»

«Записки сенатора Н.П. Синельникова»

Во втором томе вышедшей не так давно книги «История Благовещенска. 1856–1917»¹ представлены многочисленные, в том числе долгое время пребывавшие в забвении свидетельства — дневники, очерки, записки, документальные рассказы, воспоминания тех, кто в силу разных обстоятельств в дореволюционное время побывал на Амурской земле. Конечно, в книгу вошли далеко не все заслуживающие внимания мемуарные тексты подобного рода. Впрочем, это и не удивительно: какая-то часть таких свидетельств, опубликованных в XIX столетии в малотиражных периодических изданиях, сегодня практически недоступна читателю и потому оказалась просто-напросто забытой.

К числу таких чрезвычайно интересных в историческом и культурном отношении мемуаров относятся «Записки сенатора Н.П. Синельникова», напечатанные более века назад в выходившем в Санкт-Петербурге журнале «Исторический вестник»² и позже, по всей видимости, не переиздававшиеся. В советское время — наверняка.

Несколько слов об авторе «Записок», фрагменты которых прилагаются к данной статье.

Николай Петрович Синельников (1805–1894) — видный государственный деятель второй половины XIX столетия, выходец из небогатого дворянского рода Санкт-Петербургской губернии, всего в жизни добившийся исключительно благодаря своим способностям и стараниям. Образование Синельников получил во Втором кадетском корпусе (1817–1823). До 1851 г. он находился в ведении Военного министерства, дослужился до чина генерал-майора. Во время польской кампании 1831 г. участвовал в сражениях, за храбрость награждался орденами. Затем был причислен к Министерству внутренних дел, последовательно назначался губернатором Владимирской (1852), Волынской (1852–1855), Московской (1855–1857), Воронежской (1857–1859) губерний. В 1859 г. Синельников был назначен на должность генерал-интенданта первой армии, расквартированной в Польше. Ему

¹ История Благовещенска. 1856–1917: в 2 т. / Серия «Благовещенск. Из века в век». Т. 2. Благовещенск: Изд-во ОАО «Амурская ярмарка», 2009. 493 с.

² Записки сенатора Н.П. Синельникова // Исторический вестник. 1895. Т. 59. № 1. С. 39–75; № 2. С. 380–397; № 3. С. 721–736; Т. 60. № 4. С. 45–57; № 5. С. 373–387; № 6. С. 693–711; Т. 61. № 7. С. 27–46. Далее при цитировании «Записок» в круглых скобках указываются номер журнала и страницы.

тогда удалось почти невозможное — заслужить уважение не только русской армии, но и боровшихся за независимость поляков. С 1864 г. он сенатор, главноуправляющий тюрьмами всей России. И, наконец, в 1871–1874 гг. — генерал-губернатор Восточной Сибири. В 1873 г. Синельников был произведён в генералы от кавалерии. Вскоре после этого вышел в отставку, переехал вначале в Петербург, а затем в Харьков. Там в последние свои годы и написал «Записки», напечатанные уже после его смерти писателем Петром Павловичем Суворовым в «Историческом вестнике».

Впрочем, не будем ограничиваться изложением послужного списка сенатора Синельникова. Думается, для амурских читателей ничуть не менее важны человеческие качества автора «Записок».

Где бы он ни служил, какую бы должность ни занимал, Н.П. Синельников всюду оставил о себе добрую память. Он являл собой редкий тип российского администратора, к которому не пристало ни одно из таких «родимых пятен» отечественного чиновничества, как казнокрадство, мздоимство, кумовство, нечестность, злоупотребление властными полномочиями, угодничество перед вышестоящим начальством, пренебрежение нуждами простых людей. По дошедшим до нас свидетельствам, он был настоящей грозой взяточников и воров, в том числе и высокопоставленных (так, например, в «Записках» он прямо обвинял в казнокрадстве военного губернатора Забайкальской области Н.П. Дитмара). Это был администратор, который считался с общественным мнением, уважал человеческое достоинство. В отличие от некоторых современных сановников, сетующих, что им «не повезло» с народом, Синельников был убеждён, что «русский человек соединяет в себе столько добрых качеств, что при управлении, основанном на правде и любви, века не поколеблют преданности его государю и родине» («Записки»). Увы, правда, справедливость, любовь к народу — не из самых почитаемых ныне добродетелей у тех, кто управляет и направляет.

Ещё одно важное свойство личности автора «Записок»: невероятная работоспособность — качество, которое он не утратил и в почтен-

Н.П. Синельников

ном возрасте, вплоть до ухода в отставку (а ему тогда было около семидесяти). Современники рассказывают: Синельников всегда работал энергично и не считаясь со временем, порой по 17–18 часов в сутки. Даже за короткий период пребывания на посту он успевал сделать для вверенной ему губернии то, что не удавалось сделать другим губернаторам за более продолжительное время. Так, всего за 9 месяцев его пребывания во Владимире губернский город буквально преобразился: были замощены и благоустроены многие улицы, построено немало общественных павильонов и зданий. В Иркутске в бытность Синельникова генерал-губернатором во многом благодаря его усилиям и попечению был устроен дом для неимущих, произведён ремонт домов беднейших жителей, построены приют, учительская семинария, новый театр, земляной вал вдоль Ангары, госпиталь в Знаменском предместье, открыты юнкерское училище (в котором, кстати, позже, в 1890–1892 гг. учился первый амурский поэт, казачий офицер Л.П. Волков), отделение Сибирского торгового банка, читальня для бедных, введена нумерация домов. Губернатор лично проверял ход строительства и ремонта казённых зданий и решительно пресекал попытки погреть руки за счёт казны. Такой же неумоимости и исполнительности он добивался и от своих подчинённых, что нередко вызывало недовольство. В среде чиновничества распространялись слухи о чрезмерной вспыльчивости Синельникова, о том, что он рубит сплеча, бывает несправедлив. Такое мнение с особым рвением распространяли «пострадавшие», уличённые им в ненадлежащем исполнении обязанностей. Поэтому не без душевной боли автор «Записок» пишет: «На меня клеветали, извращая лучшие мои намерения, предпринятые для блага вверенной мне монархом страны» (№ 7. С. 29).

Генерал-губернатором Восточной Сибири Н.П. Синельников был назначен 21 января 1871 года. До него в течение десяти лет эту должность занимал М.С. Корсаков (1826–1871), ушедший из жизни в сорок пять лет. Николаю Петровичу в год назначения исполнилось шестьдесят пять, однако немощным старцем он себя не ощущал. Это был физически крепкий, энергичный, разносторонне образованный, начитанный человек, обладавший колоссальным жизненным и административным опытом. На покой он явно не спешил. Об этом говорит и тот факт, что в том же 1871-м, незадолго до назначения, он женился во второй раз (первая жена умерла четырьмя годами ранее).

Дальнейшее показало: чего-чего, а сил и энергии Н.П. Синельникову было не занимать. За время пребывания в должности генерал-губернатора Восточной Сибири — а это всего три года — он добился впечатляющих результатов во многих сферах жизни вверенного ему обширного

края: в Восточной Сибири существенно возросла площадь посевных угодий, увеличилось число школ, прежде всего в отдалённых местах. Генерал-губернатор решительно выступал за радикальное сокращение числа питейных заведений, пытался, вопреки сопротивлению высокопоставленных столичных покровителей, добиться полного закрытия кабаков рядом с золотыми приисками (возможно, из-за своей настойчивости в этом вопросе он и оказался, по сути, в почётной отставке). В «Записках» он подробно рассказывает о своих усилиях, предпринятых в борьбе с теми, кто наживался на спаивании народа, о вызове его в Петербург, где на заседании комитета министров все его предложения по этому вопросу были отвергнуты. В Иркутск Синельников возвратился, по его собственным словам, «с полуразрушенной энергиею» (№ 7. С. 32). Можно только удивляться гражданскому мужеству этого человека, бросившего вызов высокопоставленным лицам в Петербурге (в том числе министру внутренних дел), которые, по мнению мемуариста, покрывали злоупотребления сибирских богатеев и чиновных мздоимцев, нанося тем самым тяжкий урон экономике Сибири, физическому и нравственному здоровью общества. Мужество автора «Записок» лучше понимаешь, когда узнаёшь, что даже через двадцать лет после описываемых в финальных главах событий, уже после смерти автора и его главного оппонента в винном вопросе — министра внутренних дел А.Е. Тимашева (1818–1893), редакция «Исторического вестника» не решилась напечатать мемуары Синельникова без купюр. В примечании к восьмой главе содержится адресованное читателям журнала уведомление, что она даётся в сокращении: «Это обстоятельство произошло не от воли редактировавшего “Записки” [имеется в виду упоминавшийся выше П.П. Суворов. — А.У.]. Драматизм изложения сибирской жизни, борьба с открытым злом, защищаемым сильными людьми, достигают в настоящей главе своей высшей точки. Мы не приняли, однако, на свою ответственность опубликовать ныне во всей полноте переписку по поводу злоупотреблений сибирских администраторов, между генерал-губернатором Восточной Сибири и генерал-адъютантом Тимашевым, как министром внутренних дел» (№ 7. С. 28).

Не менее настойчиво новый генерал-губернатор боролся с повсеместно вводимыми местным чиновничеством теневыми поборами с населения, принявшими форму дополнительного бремени для народа и негласного пособия для служащих. Автор «Записок» приводит данные об этих незаконных поборах с населения и делает неутешительный вывод: «Дороговизна местной жизни сама вопияла о том, что необходимо было обеспечить существование служилого люда, и тем снять тяготу его содержания с народа». Низкий уровень благосостояния мелкого

сибирского чиновничества, по мнению Синельникова, действовал разлагающе: «Крайне ограниченное содержание, при дороговизне необходимых потребностей жизни, положило на сибирское чиновничество неизгладимое клеймо приниженности и безличия» (№ 6. С. 799). В том и заключалась житейская и административная мудрость автора «Записок», что он видел проблему во всей её объёмности и не питал иллюзий решить её исключительно административными взысканиями и уголовными преследованиями. Он признавал, что «корыстное зло пустило настолько глубокие корни в крае, что для их извлечения нужны были не одни карательные меры, но целесообразные экономические и административные улучшения» (№ 6. С. 700).

Синельников не считал, что одними только мерами материальной поддержки населения можно разрешить проблемы края. Иногда финансовая поддержка со стороны правительства лишь порождала иждивенческие настроения и тем самым развращала людей. Так, например, Синельников говорит об ошибке, допущенной при ускоренном заселении края (имеется в виду постоянная опека над переселенцами «с выдачею ежегодно нуждающимся пособий из восьмидесяти пяти тысяч рублей, отпускавшихся правительством»): «Такая выдача приучила казаков существовать на казённый счёт, без приложения к жизни собственного труда» (№ 6. С. 705).

«Записки сенатора Н.П. Синельникова» охватывают огромный временной отрезок — полвека, но мы по вполне понятным причинам приведём лишь те фрагменты, которые имеют непосредственное отношение к пребыванию автора на Дальнем Востоке, на Амуре прежде всего, то есть написанные по впечатлениям от его поездки из Иркутска через Забайкалье и Приамурье в Приморскую область и обратно.

Хочется надеяться, что, познакомившись с избранными фрагментами «Записок», читатели убедятся, что представленный в них взгляд на проблемы региона — взгляд из прошлого — помогает лучше понять настоящее.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н.П. СИНЕЛЬНИКОВА

(Фрагменты)

«Здесь [речь о большом торговом селе Кабанском] меня встретили обычные жалобы народа на тёмные поборы и чиновничьи притеснения. Кругом меня царила грустная картина. Обилие питейных домов, переломанные мосты, сломанные перила и тумбы, сияющие лица сынов Израиля ясно говорили мне о ничегонеделании местной

администрации, об отсутствии высшего над нею надзора. Я думал: если бы господа покровители еврейской виноторговли взглянули разумно на виденные мною печальные явления, они убедились бы, как вредно ложится на народ безучастное отношение к нему учреждений, созданных не к поголовному спаиванию людей, а для поддержания их здоровья и необходимых сил в обыденных работах» (№ 6. С. 702).

«Город Сретенск, от которого река Шилка делается судоходною, составляет складочный пункт для казённых и частных грузов. Они спускаются в Амурскую и Приморскую области с открытием весенней навигации. Сухопутное сообщение с Амуром было возможно только зимою по льду. Устройство береговой дороги, о которой были сделаны разыскания ещё до моего генерал-губернаторства, я предполагал произвести каторжными арестантами» (№ 6. С. 704).

«При слиянии Шилки и Аргуни, возбуждающих спор, которой из названных рек принадлежит исток Амура, начинается Амурская область. Она стоила правительству огромных издержек. Область своим устройством подействовала неблагоприятно на всё Забайкалье и простёрла влияние даже на Иркутскую губернию. В последней живы были ещё воспоминания о чрезмерных затруднениях при перевозке на страх китайцам крепостных чугунных орудий, не сделавших ни одного выстрела и покоящихся в назидание потомству на берегах Амура. Другие вынесенные сибиряками повинности, а также гибель от голода людей почти двух баталионов, отправленных для завоевания Амура, живут и доселе в памяти восточной окраины.

Приамурское население образовалось частью из казаков Забайкальской области, насильственно отчуждённых от своих гнёзд, и из женатых штрафованных нижних чинов, присланных из внутренних гарнизонных баталионов Европейской России. Благодаря Бога, вредный элемент в моё время значительно уменьшился. Среди амурских казаков хотя слышались жалобы на неудобства земли, отдалённость полей и пастбищ, на опасности от наводнений, но не было видно безысходной бедности. Вольные крестьяне, переселившиеся на Амур несколько лет назад из Воронежской губернии и избравшие сами места для поселения, объяснили, что им жить хорошо и привольно, что они обстроились, уплатили сделанную им ссуду и продают избытки хлеба на золотые промыслы» (№ 6. С. 704).

«Другая важная ошибка при заселении Амурской области состояла в том, что при постройке станиц по берегам рек преимущественно наблюдалось равенство расстояний, а не хозяйственные удобства селя-

щихся. Вследствие сказанного половодье 1872 года снесло несколько станиц с имуществом, хлебом и скотом. <...> Тогда же я предписал местным властям о предоставлении казакам права строиться в своих районах по их выбору на местах удобных для них и безопасных от наводнений <...>.

Амурское казачье войско со времени своего формирования не было собираемо для фронтовых занятий. Я распорядился собрать для осмотра лишь три части войск, и то с тем, чтобы его сбор не мешал полевым работам и не подвергал казаков длинным переходам. Конечно, при упомянутых обстоятельствах фронтовое образование амурцев было ниже всякой критики. Люди не знали даже начальных правил стойки и маршировки. О ружейных приёмах нечего было и возбуждать вопроса. Между тем в станицах, заселённых охотниками на зверей, цельная стрельба отличалась меткостью.

Польза войск на дальних окраинах империи, организованных из местных жителей, понятна сама собою. Это сила, защищающая и государство, и родной кров. Но на Амуре, и особенно на Уссури, она парализовалась тем, что казаки, выселенные против желания из Забайкалья, никогда не могли забыть родимые места, повторяя при каждом удобном случае просьбы о переселении их обратно. Да и что могло сделать войско, почти не дисциплинированное, разбросанное ничтожными частями на расстоянии нескольких тысяч вёрст?

Отстраивавшийся на берегу реки Амура областной город Благовещенск мог бы подать надежду на скорое процветание, если бы местность для него была избрана более удобная. Я нашёл пристань размытую половодьем, а часть домов затопленными. <...>

Замечательно, что при проезде моём Амурской области прошений и жалоб не подавалось. По всему было видно, что губернатор, генерал-майор Педашенко ³, был деятель энергичный, с любовью и толком занимавший свою должность» (№ 6. С. 705).

«Владивосток только что начинал отстраиваться. Он стоит при обширной и красивой гавани и, конечно, имеет богатую будущность как военную, так и торговую» (№ 6. С. 707).

«Опасаясь, что дальнейшее эмигрирование к нам [в Приморье] корейцев может дойти до таких значительных масс, что затруднит их продовольствие и поведёт к международным недоразумениям, я вынужден был сделать распоряжение, чтобы прибывающих корейцев

³ Педашенко Иван Константинович — генерал-майор, военный губернатор Амурской области и Забайкалья. В 1881 г. был переведён в Енисейскую губернию.

отправлять в Амурский край и поселять на удобные свободные земли. В 1871 году направлено к Благовещенску около ста корейских семей. Они были устроены на берегу реки Зеи. Посёлок их назван Благословенным, и в нём скоро явилась церковь во имя святого великого князя Александра Невского» (№ 6. С. 708).

«Не доезжая несколько до Сретенска, я остановился в Александровском Заводе, в котором находились государственные преступники, и в числе их известный Чернышевский.

Я нашёл у ворот дома, где он содержался с товарищами, одного часового. Часть забора, огораживающего двор, повалилась. Комендант, полковник Кноблех, объяснил мне, что исправление забора относится к обязанностям исправника, которому он писал, но ответа не получил.

Меня страшно поразили слова коменданта и его беспечность к своему служебному долгу. Он немедленно был мною отрешён от места» (№ 6. С. 710).

«Но замечательно, что, как только я тронул в моих циркулярах еврейский элемент [в данном случае имеются в виду виноторговцы. — А.У.], в лице первого эксплуататора, 80-летнего старца Домбровского, сосланного в Сибирь, как говорили, “за проступки”, нажившего в ней большое состояние и достигшего звания “почётного гражданина”, тотчас полетели телеграммы в Петербург с жалобами на мои притеснения. Ожили еврейские происки и капиталы.

О беспорядках на приисках я писал не только министру внутренних дел, но и министру финансов. Я доказывал, что от пьянства на золотых приисках народ гибнет тысячами, что при откупном управлении в Восточной Сибири было винных оптовых складов 75, питейных домов 1267. В 1870 году подвалов объявилось 402, а питейных домов 4675; что винокурение, развитое в столь широких размерах, тяжело отражается на благосостоянии населения отдалённого края, в который стекается всё, что, по нравственному растлению, не может быть терпимо в крестьянских обществах Европейской России. Я просил сократить число питейных домов и подвалов в Сибири, а на расстоянии 50-ти вёрст от золотых приисков закрыть их вовсе» (№ 7. С. 30).

«Пароходство по Амуру было в самом жалком виде. Казённые грузы в срок не доставлялись к местам назначения. О грузах, принадлежавших частным лицам, не приходится и говорить. Грузы валялись на пристанях, ничем не покрытые» (№ 7. С. 36–37).

«...голова кружится от восторга»

А. П. Чехов на Амуре

Весной 1890 г. тридцатилетний А.П. Чехов отправляется на Сахалин, чтобы написать книгу об острове и о находившейся там каторге. Путешествие на Сахалин и обратно длилось восемь месяцев, за это время писатель преодолел почти 30 000 километров. По сути, он совершил кругосветное путешествие.

Главным результатом поездки А.П. Чехова стала книга «Остров Сахалин», опубликованная в журнале «Русская мысль» в 1893–1894 гг., а отдельным изданием вышедшая в 1895-м. И хотя Чехов писал А.С. Суворину 9 марта 1890 г.: «Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит для этого ни знаний, ни времени, ни претензий»¹, скептический прогноз писателя, к счастью, не оправдался: и само это событие — поездка, и книга оказали беспрецедентное по силе и продолжительности воздействие не только на российское общественное мнение, но и на литературный процесс — задав (или, по меньшей мере, усилив) вектор на сближение в русской литературе документальности и художественности, актуализировав проблему жанрового синтеза, а кроме того, заставив переосмыслить представления о гражданской миссии писателя, о смысле и сути литературного творчества. Влияние «Острова...» испытали на себе не только многие современники Чехова, но и писатели XX века, в частности, А.И. Солженицын — автор «опыта художественного исследования» «Архипелаг ГУЛАГ» (в котором, кстати, немало ссылок на книгу о каторжном острове).

Поездка Чехова на Сахалин и его книга прямо или опосредованно оказали влияние и на писателей Приамурья. И речь не только о литераторах, находившихся в Амурской области на положении «вольных» ссыльных, но и о тех, кого не заподозришь в симпатиях к революционно-демократическим идеям. Основатель литературного краеведения Приамурья А.В. Лосев обращал внимание, что с книгой «Остров Сахалин» перекликаются даже стихотворения офицера Амурского казачьего войска Леонида Петровича Волкова (1870–1900) — поэта, придерживавшегося монархических убежде-

¹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма. Т. 4. М.: Наука, 1975. С. 31.

ний. Литературовед высказывал предположение, что большое стихотворение «Дознание» («Каторжник я беглый, — это точно, барин... / Прошлою весною с Усури бежал... / Родом из Самары, мой отец татарин, / Сам же я в Казани мылом торговал...») ², даже если в основе его лежит подлинный факт, могло явиться отголоском впечатлений и чувств, вызванных чеховским описанием сахалинской каторги ³. О факте знакомства Л. Волкова с книгой Чехова можно судить ещё по одному его стихотворению — «На Дальнем Востоке» (1896):

<...> Ветер ревёт с океана...
Смутно сквозь полог тумана
Виден вдали Сахалин —
Остров цепей и изгнания,
Остров людского страдания,
Буйных ветров властелин.
Дик он природой угрюмой,
Полон тяжёлою думой,
Хмурым глядит стариком,
Точно его заклеила
Каторги тёмная сила
Вечным железным клеймом ⁴.

Влияние автора книги «Остров Сахалин» на писателей Приамурья — тема, требующая своего исследователя.

Говоря о чрезвычайной значимости этого произведения Чехова, в то же время нельзя сводить смысл наполненного разного рода впечатлениями путешествия, продолжавшегося более семи месяцев (с 21 апреля по 1 декабря 1890 г.), лишь к его сахалинскому отрезку (11 июля — 13 сентября). Распространённая точка зрения, что протяжённый путь до Сахалина был всего лишь движением к цели, перемещением в пространстве, цель и смысл которого — совершение некоей миссии там, несправедлива. Считать, что никакого самостоятельного, самоценного значения в занявшем немало времени путешествии писателя по России не было — глубокое заблуждение.

² Сочинения Л.П. Волкова. (Посмертное издание). Хабаровск, 1902. С. 114–115.

³ Лосев А.В. «Первый амурский поэт». Очерк жизни и творчества Л.П. Волкова / публ. и коммент. А.В. Урманова // Амур: литературно-художественный альманах. № 4. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 42.

⁴ Сочинения Л.П. Волкова. (Посмертное издание). Хабаровск, 1902. С. 159.

А.П. Чехов. 1890 г.

Путь тридцатилетнего писателя пролегал через обширные пространства Сибири, Забайкалья и Приамурья, и на каждом этапе Чехов заинтересованно отзывался на то, что видел перед собой. То, что он наблюдал по пути, зачастую волновало, затрагивало его не меньше, чем сахалинская каторга, чем положение островных каторжников.

Сильное впечатление на писателя произвело одиннадцатидневное плавание на пароходе «Ермак» по Шилке и Амуру от Сретенска до Благовещенска и далее на пароходе «Муравьев-Амурский» до Николаевска, о чём свидетельствует первая глава книги

«Остров Сахалин», в которой он описывает устье Амура и город Николаевск, а также 12 писем и телеграмм родным и знакомым, в том числе два письма, отправленные из административного центра Амурской области, где он провёл полтора дня. Первое, датированное 23–26 июня 1890 г., адресовано родным ⁵, второе, от 27 июня, — Алексею Сергеевичу Суворину, издателю «Нового времени» ⁶. Второе письмо без купюры впервые было опубликовано О.Ф. Федотовой ⁷.

Встречается и ещё одна крайность: представлять пребывание Чехова в Благовещенске лишь в бытовой, приземлённой плоскости, обращая внимание почти исключительно на то, где он мог отобедать или искупаться, какие магазины посетить, кого лечил, с кем и как проводил досуг. Это, конечно, интересно и важно, но замыкаться на этом, тем более ставить это во главу угла — значит, не понимать ни смысла

⁵ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма. Т. 4. М.: Наука, 1975. С. 123–126.

⁶ Там же. С. 126–128.

⁷ Федотова О.Ф. «Я в Амур влюблён...»: [О пребывании А.П. Чехова в Благовещенске] // Старая мельница: приложение к газете «Амурская правда». 1998. № 14. С. 3.

поездки Чехова, ни образа и направленности его интересов и мыслей, ни того, чем он жил и дышал, находясь в Приамурском крае.

Если даже судить только по упомянутым письмам, писатель чутко вслушивался и внимательно всматривался в те процессы, которые происходили на дальневосточной окраине России, ибо историческая молодость края и особенно удалённость его от властного центра, от господствующей в государстве идеологии, от тайной полиции, в определённом смысле «раскрепощали» поселенцев, острее и отчётливее проявляли в них то, что в Центральной России было либо придавлено, либо заслонено официозом, традиционным укладом, общинной моралью и круговой порукой, устоявшимися обычаями. Здесь русский человек открывался по-новому, поворачивался новыми гранями, ставя под сомнение сложившиеся представления о нём, о структуре его личности, опрокидывая устоявшиеся мифы. А это позволяло судить о том, что ждёт Россию в ближайшем историческом будущем.

То, что Чехов увидел собственными глазами, то, о чём ему рассказывали попутчики, заставляло, например, усомниться в подлинной религиозности народа. Полученный на Амуре личный опыт свидетельствовал: у значительной части местного населения нет живого религиозного чувства, вера часто сводится к ритуалу, да и тот не всегда исполняется. В упомянутом письме к родным Чехов обращает внимание на то, что жители сёл и станиц, расположенных по берегам Шилки, а также в верхнем течении Амура, «не исполняют постов и едят мясо даже в Страстную неделю; девки курят папиросы, а старухи трубки — это так принято». А позже, уже в книге «Остров Сахалин», рассказывая о плавании по Нижнему Амуру, Чехов вновь обращается к волнующей его теме: «В отношении религиозном и политическом я замечал здесь полнейшее равнодушие. Священники, которых я видел на Амуре, едят в пост скоромное, и, между прочим, про одного из них, в белом шёлковом кафтане, мне рассказывали, что он занимается золотым хищничеством, соперничая со своими духовными чадами»⁸.

Писатель обращает внимание и на то, что главной темой разговоров на Амуре, как и вожденной, даже не скрываемой целью многих жителей дальневосточной окраины является золото, стремление к богатству, жажда наживы. Устанавливающиеся на Амуре в качестве господствующих законы «дикого капитализма», их воз-

⁸ Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых записок) // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. Т. 14–15. М.: Наука, 1987. С. 42.

действие на нравы местных обитателей, на их сознание и образ жизни Чехова явно не радовали. В цитиrowавшемся выше письме к родным он изумляется: «Какие странные разговоры! Только и говорят о золоте, о приисках <...>. В Покровской всякий мужик и даже поп добывают золото. Этим же занимаются и поселенцы <...>». В письме к А.С. Суворину аналогичное наблюдение в ещё большей степени проявляет неприятие писателя: «Только и разговора, что о золоте. Золото, золото и больше ничего». Чехова смущает не столько тема разговоров, сколько то, что она нередко заслоняет всё иное, что золотой телец застит людям глаза, превращая их в стяжателей, хищников.

В литературе, особенно относящейся к советскому периоду, можно встретить высказывания, что Чехов представляет Приамурье в нелестном свете, что он якобы акцентирует внимание на «отсталости» и «нерусскости» края. В качестве доказательства обычно приводится следующий фрагмент книги «Остров Сахалин» (отразивший безрадостные впечатления от пребывания в Николаевске): «...Боже мой, как далека здешняя жизнь от России! Начиная с балыка из кеты, которым закусывают здесь водку, и кончая разговорами, во всём чувствуется что-то своё, не русское. Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или Техасе; <...> мне всё время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами»⁹. Но даже это суждение, вырванное из контекста других многочисленных высказываний писателя о Приамурье, не столь однозначно, как порой трактуется. «Непохожесть», о которой Чехов часто пишет, сравнивая Дальний Восток с Центральной Россией, не понимается им всегда как доказательство безусловного преимущества центра перед окраиной. Чтобы в этом убедиться, можно процитировать близкие по смыслу фрагменты из писем Чехова. Обращаясь к Суворину, он, в частности, пишет: «Люди на Амуре оригинальные, жизнь интересная, не похожая на нашу. <...> Я в Амур влюблён; охотно бы пожил на нём года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России». Здесь, в приведённом выше высказывании, не ощущается

⁹ Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых записок) // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. Т. 14–15. М.: Наука, 1987. С. 42.

сожалений писателя, что люди и в целом жизнь на Амуре не укладываются в общероссийские стандарты. Эта «непохожесть» Чехова скорее радует, чем огорчает. Это же настроение отчётливо проступает в письме родным: «Амур чрезвычайно интересный край. До чёртиков оригинален. Жизнь тут кипит такая, о какой в Европе и понятия не имеют. Она, т.е. эта жизнь, напоминает мне рассказы из американской жизни».

Но главное, в чём Приамурский край выигрывает в сравнении с центром, — царящий здесь дух свободы: «На пароходе воздух накаляется докрасна от разговоров. Здесь не боятся говорить громко. Арестовывать здесь некому и ссылать некуда, либеральничай сколько влезет. Народ всё больше независимый, самостоятельный и с логикой. <...>. Доносы не приняты. Бежавший политический свободно может проехать на пароходе до океана, не боясь, что его выдаст капитан» (из письма к родным). Чехов объяснял это «полным равнодушием ко всему, что творится в России»: «Каждый говорит: какое мне дело?» Но причины такой индифферентности объясняются не только внутренними свойствами амурцев, но и их реакцией на равнодушие официальной России к тому, чем и как живёт население края: «По Амуру живёт очень насмешливый народ; все смеются, что Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла об Амуре» (из письма А.С. Суворину).

Некоторые усматривают в словах Чехова о торжестве «либерализма» на Амуре налёт иронии; однако, даже если она и есть, в гораздо большей степени здесь присутствует элемент полемичности по отношению к Центральной России, к тем порядкам, которые там существуют, к царящему там духу казённости, чиновничества, полицейщины. К моменту появления Чехова на Амуре, действительно, туда ещё не успел проникнуть дух рабства — мертвящий дух чиновничьей России. Амурская область в то время не являлась местом ссылки и тем более каторги. «Политические» жили здесь на вольном поселении, «политический сыск» практически отсутствовал: на всём Дальнем Востоке не было ни одного жандармского управления или даже розыскного пункта (в Благовещенске и Хабаровске они появятся значительно позже — в 1906 г.).

Необыкновенное, пьянящее ощущение свободы — едва ли не самое важное и сильное ощущение, испытанное писателем во время плавания по Амуру. И речь не столько о чувстве, которое рождалось при созерцании необозримых просторов края, сколько именно о царящем здесь духе, об атмосфере, в которой живут населяющие эти земли люди. Именно эта свобода, по мнению пи-

сателя, демонстрировала направленность устремлений русских людей, пробуждала в них огромный творческий, созидательный потенциал, раскрепощала их энергию, но одновременно проявляла все их духовные и моральные изъяны. Именно это заставляло Чехова с обострённым вниманием вглядываться в то, что происходило на Амуре. Амур в представлении писателя был той самой ретортой, в которой зарождалось, созревало и проявляло себя будущее России. И свои надежды на это будущее писатель связывал, прежде всего, со свободой — социальной, духовной, экономической. Выход России к Тихому океану знаменовал, в представлении писателя, её сближение — и пространственное, геополитическое, и социально-экономическое, и ментальное, сущностное — с Америкой (не случайно он так часто сравнивает с нею Приамурье и в письмах, и в книге «Остров Сахалин»). Это чаемое им сближение, в основе которого общность идеалов свободы, виделось Чехову в контексте его размышлений о будущем не только дальневосточной окраины, не только России в целом, но и всей мировой цивилизации.

Переживаемое писателем во время плавания по Амуру чувство свободы заставляло его вспоминать дух несвободы, которым была пропитана вся оставшаяся за его спиной российская жизнь с её социальным неравенством, чиновничеством, засильем полицейских порядков и казённости, которые проникали во все сферы жизни, уродуя человеческие души и лишая Россию надежд на будущее.

Ещё одна важная тема писем Чехова — восторг, который вызывает у писателя природа Приамурья. Из письма родным: «Берега до такой степени дики, оригинальны и роскошны, что хочется навеки остаться тут жить. <...> Проплыл я уже по Амуру 1000 вёрст и видел миллион роскошнейших пейзажей; голова кружится от восторга». Из письма А.С. Суворину: «Амур очень хорошая река; я получил от него больше, чем мог ожидать <...>. Право, столько видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно».

Путешествие Чехова по Приамурскому краю, его остановка в Благовещенске — события, которые имели важное значение для писателя, так как существенно влияли на формирование его мировоззренческих представлений.

«Эх, незавидна ты, доля казачья, в этом далёком краю...»

«Казачьи стихотворения» Ахилла Карпова¹

Ахилл Карпов родился 7 февраля 1867 г. в городе Уральске (ныне Республика Казахстан), в семье офицера Уральского казачьего войска. Вскоре отец его, Бонифатий Архипович, перевёлся на службу в Амурское казачье войско, поэтому детские годы будущего военного историка и поэта прошли на Амуре. После окончания Оренбургского казачьего юнкерского училища (1885) Ахилл по рекомендации и по стопам отца отправился на Амур, более десяти лет служил в чине хорунжего и затем сотника в Амурском казачьем войске. Вернувшись в 1896 г. на родной Урал, он долго там не задержался, вскоре вновь оказавшись на Дальнем Востоке: с 1900 г. — на службе в охранной страже КВЖД, затем с 1901 г. — в Заамурском округе Отдельного корпуса пограничной стражи. Он участвовал в подавлении «боксёрского восстания» (1900–1901), был награждён медалью «За поход в Китай». В 1904–1905 гг. принимал участие в Русско-японской войне, был удостоен четырёх орденов.

Служа в Приамурье, Карпов собирал материалы для «Сборника слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками», который позже, в 1909-м, вышел в Петербурге, в типографии Академии наук². Автор включил в сборник более 130 слов, так объяснив свой выбор: «В настоящий сборник вошли только те слова, которые особенно бросаются всякому вновь прибывшему на Амур, но количество этих слов будет ещё значительнее, если сюда прибавить слова чисто сибирские. Мною же помещены только те из слов, которые принадлежат или только одним амурцам, или же имеют у них большое употребление».

После возвращения в 1907 г. из Маньчжурии на Урал А. Карпов, продолжив службу в чине есаула Уральского казачьего войска, издал несколько книг: «Памятник казачьей старины» (1909), поэтический

¹ Статья написана в соавторстве с Евгением Паршиным.

² Карпов А.Б. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками (кроме пословиц, поговорок и шуток) // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 87. № 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1909. 21 с.

сборник «Казачьи стихотворения» (1910), свой главный исторический труд «Уральцы. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.)» (1911) и др. Заболев туберкулёзом, Карпов уехал на лечение в Сочи, где и умер 16 (29) октября 1911 года. Похоронили его в г. Уральске.

Литературное призвание А. Карпов унаследовал от отца, который оставил о себе память и как журналист, и как писатель-натуралист; его охотничьи рассказы печатались на страницах газет и журналов, а приключенческие очерки «Мантык — истребитель тигров» (1880) переиздавались в Алма-Ате и Москве и в советское время.

Первые стихотворные произведения А. Карпова, очевидно, были написаны ещё на Амуре, некоторые из них позже вошли в упоминавшийся выше сборник «Казачьи стихотворения»³, изданный в 1910 г. в Уральске и включивший в общей сложности 47 поэтических текстов.

О том, какие из стихотворений были созданы Карповым во время службы в Амурском казачьем войске, судить приходится лишь исходя из тематики, так как в сборнике стихи не датированы и расположены, судя по всему, не в хронологическом порядке. Произведений, написанных в период службы на Амуре (или, что тоже не исключено — позже, по амурским впечатлениям), в «Казачьих стихотворениях» немного: «По Амуру», «Спиртоносы», «В память 50-летней службы Амурского казачьего войска», «В поход». Тем не менее они представляют несомненный литературный и — шире — общекультурный интерес, а их автор — и в творческом отношении, и в биографическом — может быть соотнесён с такими известными амурскими поэтами рубежа XIX–XX веков, как П. Масюков и Л. Волков. Как и они, Карпов тоже не являлся профессиональным литератором и не владел в совершенстве поэтической техникой. В формальном отношении несколько архаичная и однообразная поэзия его ценна тем, что отражает подлинные реалии амурской, прежде всего казачьей, жизни конца XIX столетия, воссоздаёт характеры, сознание, речь тех, кто осваивал и защищал Приамурье.

В отличие от большинства непрофессиональных авторов того времени, стремившихся непременно «воспевать» (в буквальном смысле) природу края и прославлять героев «амурского дела», а потому пользовавшихся «готовыми» клише, Карпов реалистически точно воссоздаёт увиденное и услышанное им, используя не книж-

³ Карпов А. Казачьи стихотворения. Уральск: Уральская областная типография, 1910. 112 с. Стихи Ахилла Карпова далее цитируются по этому изданию.

ные и не газетно-публицистические речевые формы, а подлинные, взятые из жизни. Он избегает ложного пафоса и патетики, показывает бытовые трудности, с которыми сталкивались первые амурцы, говорит о тяготах воинской службы, хозяйственной неустроенности, бедности населения. В его стихах показаны не только героизм и самоотверженность амурских казаков, но и малопривлекательные свойства их натуры.

Каждое из произведений А. Карпова на амурскую тему неповторимо. Стихотворение «По Амуру» — своеобразный «путевой дневник», вобравший дорожные впечатления. Автор не ставит самоцелью описание открывающихся перед ним пейзажей: картина, которую он рисует в начале стихотворения, задаёт, определяет общую тональность произведения, отражает настроение путника, вынужденного покинуть родные места и по делам службы отправиться на край земли:

А.Б. Карпов

Скучна дорога... Пустыня немая,
Блещет замёрзший Амур,
Всюду лишь горы, тайга вековая,
Кой-где пикеты маньчжур⁴.
Снег, словно саваном, всё покрывает,
Тороз, ухабы и лёд...
В грудь безотчётно тоска заползает.
Давит и душу гнетёт.

Автор стремится максимально точно передать подлинные свои чувства. А унылый пейзаж подготавливает читателя к встрече с жителями этих бесприютных пространств. Надо отдать должное автору: он проявил себя вполне зрелым художником, ибо избежал пафоса и не «раскрасил» унылую картину, открывающуюся его взору. Пейзаж, как и всё остальное в произведении, работает на решение содержательных задач.

⁴ А. Карпов в сборнике использует разговорные формы: манджур, манджуры.

«По Амуру» — это ещё и этнографический очерк, воссоздающий бытовой, хозяйственный уклад разных групп населения, живущих по берегам реки. Кроме того, автор сумел в рамках одного стихотворения воссоздать образы встретившихся ему людей, запечатлеть их подлинные судьбы, характеры, речь. Карпов не ограничивается авторским описанием, предоставляя слово тем, кто здесь живёт, служит. Самая выразительная сцена — разговор с одинокой старухой, у которой «угнали» на службу троих сыновей, её горестный рассказ:

Холодно в хате, чуть лампа мелькает,
Пусто кругом по стенам...
Села старуха... и стонет, вздыхает,
Стонет — печалится нам:
— Старая я уж... из сил выбиваюсь...
Горя никак не избыть...
День-то деньской всё работаю-маюсь,
Знать, уж недолго мне жить...
Третьего сына на службу угнали...
Всех отобрали... осталась ни с чем...
Сроду беды мы такой не знавали,
Осиротела совсем...
Хлеб продала я последний и сбрую...
Справила форму ему...
Лошадь ему я у кума гнедую
Взяла: работать пойду...
Всё продала я, что было в амбаре...
Справила кой-как седло;
Всех-то овец отдала на базаре...
И разоренье пошло...
Старшего сына я всё ожидаюсь,
Отпуск, вишь, дали ему...
Кой-как с нуждой-то ещё управляюсь,
Да и надену суму...

Второй персонаж, также предстающий не в авторском описании, а через собственную речь, — безымянный казак, поведавший автору о поселении духоборов, мимо которого они проезжают. Рассказывая о вольной и зажиточной жизни крестьян-духоборов, он соотносит её с жизнью казаков — скудной, полной лишений. В этой сцене тоже звучит живая речь человека из народа — насыщенная просторечиями, разговорными интонациями и оборотами:

Скучная по льду змеится дорога,
Раннее утро, светло...
Еду я мимо селенья большого...
— Что это, брат, за село?
— Это живут духоборы-крестьяне,
Лучшие земли у них...
Вольные люди... Ну точно дворяне...
Податей нет никаких...
Сами пришли и селились охотой,
В рекруты их не берут...
Глянь же у нас — не утёс, так болото!
Где и распашешься тут...
Нас на Амур-то ведь силой селили:
Сунут в болото и скажут: «Село!»
Не до работы — на службах мы гнили!
Как мы не сдохли давно?!
Скажет он слово, и слышны проклятья...
Участь клянёт он свою...
Эх, незавидна ты, доля казачья,
В этом далёком краю.

Последняя реплика принадлежит уже автору стихотворения, который сочувствует амурским казакам, близко к сердцу принимая и разделяя их заботы и печали. Однако, являясь потомственным казаком, большую часть жизни прослужив в казачьих войсках, в том числе более 10 лет в Амурском, как поэт Карпов способен был подняться над сословными и кастовыми интересами и взглянуть на казаков отстранённо, с дистанции.

Такую выигрышную художественную позицию он занимает в стихотворении «Спиртоносы», представляющем собой напряжённую и динамичную драматическую сцену, которая разворачивается в амурской тайге. В основу сюжета положен конфликт между теми, кто стоит на страже закона, и теми, кто его пытается обойти. Но это только внешняя сторона событий, у которых есть и другие скрытые пружины — материальные и психологические. В авторском пояснении к произведению говорится: «Спиртоносами называются в Восточной Сибири на приисках лица, занимающиеся недозволенной на золотых промыслах продажей вина (спирта)». Однако в стихотворении Карпова нет никаких моралистических сентенций и инвектив, которыми непременно сопровождал бы рассказ о тех, по чьей вине пивается народ, амурский поэт Фёдор Коротаев (см. статью о нём). Карпов же

к спиртоносам относится с нескрываемой симпатией, показывает их как фольклорных героев — крепкими, отважными, вольнолюбивыми, не боящимися рисковать:

Показались и голубчики.
Все лихие молодцы,
Спиртоносы разудалые,
Беспатентные купцы.

Ровно восемь их детинушек,
С ними двадцать лошадей,
С крепким спиртом, с крепкой водочкой...
Вьюк же вьюка тяжелей.

Столкнувшись с засадой, они оказывают сопротивление — до тех пор, правда, пока не убеждаются, что сила не на их стороне. В ответ же на угрозу казаков сдать их в тюрьму купцы отвечают:

— Зря, урядник, брат, стараешься —
Не для нас стоят тюрьмы,
По судам таскаться-маяться
Не привыкли, паря, мы...

Понимая, видимо, что это не пустые слова, что за ними — готовность умереть, отстаивая право на волю, казаки отпускают их, забрав себе лошадей и вьюки со спиртом. Амурские казаки выглядят в изображении Карпова двойственно. Они тоже отважные, удалые, отчаянно смелые, не боящиеся пуль, привыкшие побеждать. С другой стороны, казаки не чужды наживе: они подстерегают спиртоносов в тайге не из служебного долга или рвения, а корысти ради. А ещё потому, что «любят крепко спирт казаченьки». Выйдя победителями из поединка с купцами, они поначалу не скрывают своего торжества, потешаются над ними:

Встали, вышли, ухмыляючись,
Захватили лошадей
И смеются: «Эй вы, купчики,
Много ль взяли барышей?..»

Однако, обобрав купцов дочиста, казаки, нарушая служебные предписания, дают им возможность уйти невредимыми восвояси:

Посмотрел им вслед урядничек,
Покачал лишь головой.
— Вишь, вязать велят разбойников,
Так и дался он живой!..

То есть по-человечески они способны понять тех, кто даже таким сомнительным способом добывает себе хлеб насущный, по-своему способны проявить уважение к тем, для кого воля дороже жизни.

Ахилл Карпов если прежде и был известен на Амуре, то лишь как автор слов гимна приамурских казачьих войск. В советский период полный текст гимна был утрачен и частично восстановлен сотрудником Амурского областного краеведческого музея В.Н. Абеленцевым по книге Р. Иванова «Краткая история Амурского казачьего войска» (1912)⁵ и ряду рукописных источников. Под заголовком «Слава вам, братья, герои Амурцы!» он был напечатан в его книге «Амурское казачество XIX–XX вв.» (2005)⁶. Однако текст, приведённый Владимиром Абеленцевым, включает лишь 8 из 30 строф стихотворения Карпова, опубликованного в его сборнике «Казачьи стихотворения»: с 1 по 4, 7 и с 28 по 30. Причём почти все приведённые амурским историком-архивистом строфы имеют отступления от авторской версии, иногда весьма существенные. Само это стихотворение в канонической редакции имеет другое название — «В память 50-летия службы Амурского казачьего войска». В отличие от неполной, восьмистрофной версии, в которой, по сути, отражено только одно деяние амурских казаков — участие в сплавах по Амуру, полная версия воссоздаёт многое другое: покорение диких племён и Дайцинского царства, освоение амурских земель, мужественное преодоление холода и голода, болезней, наводнений, гибели товарищей, возведение станиц и городов, сражения с «манчжуром» (1900–1901), «коварным японцем» (1904–1905)... Стихотворение это (гимн) заслуживает того, чтобы его знали в полной авторской версии современные читатели, особенно те, кто считают себя наследниками традиций Амурского казачества.

⁵ Иванов Р. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск: Типография Войскового правления, 1912. 218 с.

⁶ Абеленцев В.Н. Амурское казачество. XIX–XX вв. Благовещенск: Изд-во Амурского областного краеведческого музея, 2005. 304 с.

Ахилл Карпов

**В ПАМЯТЬ 50-ЛЕТИЯ СЛУЖБЫ
АМУРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА**

Слава вам, братья, герои Амурцы,
Слава лихим казакам!
Слава, хвала пионерам Востока,
Слава Амура сынам!

Ровно полвека вы царскую службу
Верой и правдой несли!
Ровно полвека стояли на страже
Граней родимой земли!

Молвил вам царь — и из гор Забайкалья
С светлой отвагой в груди
Смело вы двинулись в дебри Амура
С храбрым вождём впереди!

Плот вслед за плотом и баржа за баржей
Быстро неслись над рекой.
Горы, утёсы, тайгу вековую
Видели вы пред собой.

Встала пред вами с неведомой далью
Диких народов страна;
В сне беспробудном, в просторе широком
Спала веками она.

Спала... и в дрёме на девственном ложе,
Скрытая тайной своей,
Словно невеста, в стыдливом уборе
Радостно ждала гостей!

Смело прошли вы до устья Амура,
Лихо работал казак:
Гордо поднялся орёл там двуглавый
Радостно взвился наш флаг.

Племя за племенем, гольды, тунгусы
Слали покорно вам дань,
Замерла сила Дайцинского царства
Дрогнул Айгунский амбань!

В страхе застывши, стояли пред вами
Сёла и их города...
Знаете ль вы, сколь велики вы были,
Славны и мощны тогда!

Краем без меры вы Русь подарили,
Царство раздвинули вширь!
Слава ж тебе, удалец беззаветный,
Русский казак-богатырь!

Честно свершив государево дело,
С славой домой вы пошли.
В зимнюю пору долиной Амура
Шли вы... и гибли в пути!

Гибли от голода, стужи, болезней,
Гибли средь снежных полей...
Ели подошвы, ремни, снаряжение...
Ели погибших людей!..

Но не уныли вы, духом не пали.
С новой же ранней весной
С семьями вновь по Амуру вы плыли,
Край заселяя глухой!

Много вам горя досталось на долю
В родине новой тогда:
Гибли в болезнях и дети, и жёны,
Шла за бедою беда...

Падал ваш скот, ваши пашни топило,
Хаты сносило водой;
Почту гоняли вы... плавили баржи...
Службу несли чередой!

Но проминула пора та лихая,
Сжились с бедой казаки,

И расцвели за станицей станица
Вдоль по Амуру реки.

Всюду воздвигнулись сёла и грады,
И среди девственных гор
В дебрях суровых лопата,
Звонкий ударил топор.

Вы отдыхали... но к битве кровавой
Вызов нам бросил маньчжур,
И всколыхнулся, и вспенил волнами
Славный и грозный Амур.

Сотня за сотней, лихие станицы
Бросились биться с врагом...
Лихо работал амурец отважный
Пулей и тяжким мечом.

С края родимого вы до Мукдена
Гнали его пред собой!
Кончились битвы... Со славою сотни
В край возвратились родной.

Но не успели на нивах родимых
И отдохнуть казаки,
Как из-за моря японец коварный
Двинул на русских полки.

Вновь наступили кровавые битвы,
Кровь заструилась рекой.
Снова помчались лихие амурцы
Сотня за сотнею в бой.

Сеча сменяла кровавую сечу,
Слышался смерти полёт:
С рёвом и шумом носились снаряды,
Грозно трещал пулемёт!

С пушечным гулом сливались крики,
Кровью краснели штывы,

Таяли рати одна за другою,
Падали в прахе полки...

Были везде там герои-амурцы
В каждом бесщадном бою,
И доставалась в сечах работа
Шашке, винтовке, коню...

Минули те беспощадные битвы,
Скрылся озлобленный враг.
С честью и славой вернулся в станицы
Славный амурский казак.

Честь же и слава вам, дети Амура,
Слава, лихие бойцы!
Ровно полвека, как честно России
Служите вы, удалцы!

Пусть же колышутся пышные нивы
Вдоль по родным берегам,
Пусть расцветают родные станицы,
Грозные Руси врагам.

Бодро же стойте на грани России,
Смело глядите вперёд,
Сзади за вами стоит исполином
Русский великий народ.

Честь же и слава Руси пионерам,
Слава лихим казакам,
Слава недремлющей страже России,
Слава Амура сынам.

«Маленький труженик и скромный борец с человеческой неправдой»

Порфирий Масюков

Порфирий Фёдорович Масюков родился 23 октября 1848 года в Кутомарском заводе Нерчинского горного округа, входившего в состав Забайкальской области. Отец его был священником.

Свою биографию Порфирий изложил в стихотворении «Таёжные воспоминания». В Кутомаре прошли детство и юность будущего поэта. Главные его впечатления, судя по стихам, были связаны с расположенным там сереброплавильным заводом, на котором в невыносимых условиях трудились местные мастеровые и ссыльнокаторжные.

Систематического образования Масюкову не довелось получить: проучившись год в Нерчинском приходском духовном училище, он оставил его из-за слабого здоровья и трудного материального положения. Недостаток образования не мог не сказаться на творчестве: поэту явно не хватало профессионализма, поэтической и общей культуры, знания основ стихотворной техники, языковых тонкостей. Большую часть знаний пришлось приобретать самостоятельно, с помощью чтения, к которому он был весьма расположен. После того, как он оставил бурсу, в течение несколько лет Масюков жил в доме отца, вёл домашнее хозяйство, перебрал не одну профессию: работал на мельнице, плотничал, занимался подрядами и т.д.

Тяга к сочинительству проявилась уже в детские годы. Однако к своему увлечению Масюков поначалу относился самокритично, не предпринимал серьёзных попыток вынести плоды творчества на суд читателей. Первое его стихотворение («Другу») появилось в томской «Сибирской газете» 24 июля 1883 года. Оно носило программный характер: в форме обращения к безымянному другу автор изложил здесь своё творческое кредо, заявив, что не собирается «тешить сытых вождельня» или «петь о звёздах»: «Я не желаю бесполезным, / Трескучим вздором тешить свет, / Я не шарманщик, друг любезный, / Не пошлый сказочник — поэт».

Живя в Кутомаре, Масюков опубликовал в забайкальской и сибирской периодике ещё несколько стихотворений. Основная их тематика — безжалостная эксплуатация рабочих забайкальских горнорудных заводов и золотых приисков, судьба Сибири, находящейся во власти «кулаков» и «плутократов», бедственное и угнетённое положение

ние народа, казнокрадство и произвол местных чиновников. Уже в те годы определилась идейная позиция автора, которой он никогда не изменял, — сочувствие к людям труда, мечта о торжестве «прогресса» и социальной справедливости, неприязнь к поработителям народа, к разного рода капиталистическим хищникам.

В середине 1880-х гг. Масюков переехал в охваченную «золотой лихорадкой» Амурскую область, надеясь найти место, которое позволит содержать растущую семью. Ему удалось устроиться служащим в Верхне-Амурскую золотопромышленную компанию, главная контора которой располагалась в посёлке Зея-Пристань (ныне г. Зея). Подробное описание посёлка, в котором он провёл несколько лет, Масюков дал в большом стихотворении «Тайга»:

...Направо виднеется Зея,
В ней катится с шумом шуга,
За Зеей, угрюмо чернея,
Лежит вековая тайга;
Налево лесистые горы
Ушли до окраин небес,
И видят тоскливые взоры:
Лишь пни, да валежник, да лес.
Да Верхне-Амурской компании
Вдоль берега тянутся в ряд
Довольно приличные зданья,
То Зейская пристань и склад.
Вот здание главной конторы,
С ним в ряд — управляющих дом,
Окрашенный красною краской,
С высоким парадным крыльцом.
Вот служб всевозможных строенья,
Квартиры для служащих лиц,
Картины же всей в заключенье:
Чаша, да стволы лиственниц!.. (с. 66) ¹

Нелёгкая служба в компании, в том числе продолжительные поездки на отдалённые прииски и заимки, впечатления от встреч с множеством колоритных обитателей таёжного края, чья жизнь была связана с золотом, отразились в целом ряде произведений.

¹ Здесь и далее произведения Масюкова цитируются по изданию: *Масюков П. Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья: в 2-х ч. Благовещенск. Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1894. 221 с. В круглых скобках указываются страницы.*

В начале 1890-х гг. Масюков перебрался в Благовещенск, где приобрёл дом на улице Станичной (ныне Трудовая), между Большой (ныне Ленина) и Зейской. Здесь прошли последние десять лет его жизни. Семья была большой (жена Наталья Михайловна и семеро детей: Порфирий, Мария, Агния, Пётр, Анастасия, Наталья, Диодор), поэтому в поисках средств к существованию (весьма и весьма скромному) поэту приходилось неустанно трудиться, и не только на поприще словесности. Последняя его должность — смотритель соляного магазина. Умер Масюков в Благовещенске 23 октября 1903 года. В тот день ему исполнилось ровно 55 лет.

К моменту смерти имя П. Масюкова было широко известно в литературных кругах Благовещенска. В 1896–1902 гг. стихи его часто печатались в «Амурской газете», в 1903-м — в «Амурском крае». Масюков был знаком со многими политическими ссыльными, проживавшими в городе: С.С. Синегубом, А.В. Прибылёвым, П.Д. Баллодом и др. Влияние демократических идей, ретрансляторами которых являлись жившие в Благовещенске ссыльнопоселенцы, так или иначе сказывалось на содержательной направленности творчества Масюкова, на выборе тем. Усиление социального критицизма нашло отражение во многих произведениях последнего периода жизни, в том числе, например, в стихотворении «Благовещенск» (1894), запечатлевшем тогдашний облик столицы Амурского края и царящие в ней порядки:

Что за город? То нас зноем
Нестерпимо в нём палит,
То вдруг ветер с диким воем
Тучей пыли завалит.
В дождь же лужа в нём на луже
В самом центре на виду,
Да ведь есть кой-что и хуже,
Но... тут точки подведу.
Я сказать бы мог и много,
Но трудненько отвечать,
Ведь за правду судят строго.
Так вернее замолчать (с. 210–211).

Конечно, Благовещенск в 1894 выглядел не очень презентабельно, город был почти не благоустроен, так что, наверное, Масюкову даже не было нужды сгущать краски. С другой стороны, в его поэтической зарисовке явно присутствуют настроения, которые характерны были

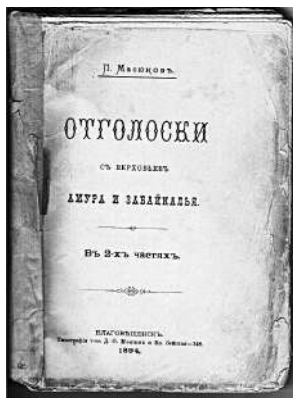
для оппозиционной по отношению к существующим государственным порядкам демократической обществу эпохи.

Главное событие в литературной судьбе Порфирия Масюкова — выход в свет поэтического сборника «Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья»

(1894). Он стал первой художественной книгой местного, амурского автора, изданной в Благовещенске. Выход этого, казалось бы, скромного издания — не просто факт творческой биографии поэта Масюкова. В истории Амурской области это событие имеет огромное культурное значение. Именно с этого момента литературная жизнь Благовещенска обрела новое качество. Масюков «воодушевил пишущих, создав для них своего рода прецедент», «проложил дорогу книгам других амурских литераторов»². Произошёл перелом и в общественном сознании: читающая публика стала интересоваться творчеством амурских авторов, обсуждать их произведения, особенно тематически связанные с местной жизнью. Пришло осознание, что литература может существовать, создаваться не только в далёких столицах.

В «Отголоски...» вошли стихи, которые были созданы в течение длительного времени, в том числе в тот период, когда Масюков жил в Забайкалье. Сборник разделён на две части и включает 83 стихотворения разных жанровых форм: пространные стихотворные рассказы о драматических человеческих судьбах, альбомные стихи, пейзажные зарисовки, философские раздумья, поэтическую сатиру и публицистику...

Стихи в «Отголосках...» не имеют датировки и, судя по всему, строгой хронологической последовательности, поэтому определить произведения, написанные Масюковым после переезда в Приамурье, можно в основном лишь отталкиваясь от их содержания. Стихов на амурскую тематику в сборнике немного. Это не означает, что поэт не

П.Ф. Масюков

² Лосев А.В. Порфирий Фёдорович Масюков. Очерк жизни и творчества // Лосев А.В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / сост., ред., вступ. ст., примеч. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 90.

откликнулся на события местной жизни: Масюков создал немало таких произведений, но большинство из них были написаны позже, уже после выхода в свет сборника. Как правило, они печатались на страницах благовещенских газет и больше никогда не переиздавались.

Сборник «Отголоски...» подробно проанализирован основателем литературного краеведения Приамурья А.В. Лосевым в его посмертно изданной работе «Порфирий Фёдорович Масюков. Очерк жизни и творчества»³, однако в этом основательном, но незавершённом исследовании остались почти без внимания стихи, написанные на амурском материале: «Благовещенск», «Тайга», «В Албазине», «На Зее», «На прощание Зее» и др.

Осуждая во многих из них процесс капитализации Сибири (к ней он причислял и амурские земли), процесс, который приводит к обогащению «кулаков» и «плутократов» и дальнейшему закабалению народа, осуждая хищническую эксплуатацию природных богатств, Масюков в то же время верил в благотворную значимость технического прогресса. С ним он связывал надежды на благодатные перемены. В стихотворении «Тайга» он показал положительные сдвиги, которые связаны с освоением Амурского края:

Проснулася жизнь трудовая
Среди вековой тишины,
И стали средь дикого края
Красивые зданья видны.
И только что зейские воды
Успеют прочистить шугу,
Уж их бороздят пароходы
И будят свистками тайгу.
...Исчезли медвежьи законы,
И, жизнью новой полна,
Так щедро даёт миллионы
Бесплодная раньше страна... (с. 68)

В стихотворении «На прощание Зее», написанном в момент переезда в Благовещенск (начало 1990-х), поэт вновь поёт гимн преобразованиям, которые должны изменить к лучшему облик дикого и пустынного пока края:

³ Лосев А.В. Порфирий Фёдорович Масюков. Очерк жизни и творчества / публ. и коммент. А.В. Урманова // Амур: литературно-художественный альманах. № 1. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. С. 50–69.

Но берегов пустынный вид
Жизнь скоро, скоро оживит.
Пройдёт чугунка и тогда
Из Руси разные народы,
На лоно девственной природы,
Толпою явятся сюда.
Пойдёт тут жизнь дорогой новой:
Восстанут сёла, города,
И не останется следа
Бродячей жизни бестолковой (с. 63).

Однако прогресс технический, индустриальный для Масюкова не панацея от многочисленных общественных болезней и пороков. Главное для него — прогресс социальный, демократические перемены во всех сферах российской жизни, отношение к которой у него было преимущественно критическое. Так, в стихотворении «На Зее» (конец 1880-х), нарисовав картину весеннего освобождения реки от сковывающего её льда, он превращает эту картину в развёрнутую метафору будущих социальных перемен в России, призванных воплотить самые заветные чаяния поэта:

Скоро ль ты, Сибирь родная,
Сбросишь с плеч своих долой,
Точно Зея во дни мая,
Гнёт рутины вековой?
Переживши терпеливо
Дни позора и невзгод,
Полна силы горделивой,
Смело двинешься вперёд...
Все корыстные стремленья,
Всеобъемлющий грабёж,
Страхом общего презренья,
Как цепями окуёшь.
Суд общественного мненья,
Неподкупен и суров,
Поразит своим презреньем
Всех разжившихся воров.
...Подлой взятки, крючкотворства
Время грустное пройдёт,
И в судах твоих потворства
Плут богатый не найдёт... (с. 26–27)

Насколько пророческим оказался прогноз-видение Порфирия Масюкова — судить современному читателю. Правда, поэт не называл конкретных сроков, когда осуществляться его мечты, не утверждал, что это произойдёт скоро, в обозримом будущем. Главное, он в это будущее верил, никогда не терял надежды, что русские люди, сибиряки в том числе, смогут излечить поразившие социальный организм язвы, найдут формулу идеального общественного устройства. А для этого, полагал поэт, должен измениться сам народ, впитавший в себя ядовитые пары рабской психологии и не желающий с ними расставаться, добровольно ускользающий от борьбы за свои права в кабак.

Через три дня после смерти П. Масюкова в газете «Амурский край» был напечатан некролог, посвящённый его памяти:

В четверг 23 октября скончался известный амурский стихотворец-самородок П.Ф. Масюков. Уроженец Забайкальской области, он получил самое ограниченное образование и поступил на службу на прииск в Забайкальской же области. Тут-то юноша впервые натолкнулся на человеческую неправду, произвол, самодурство сильного и издевательство его над слабым. Честная натура юноши не могла помириться с неправдою людскою, но окружающие условия заставляли молчать. Тогда-то он решил поверять свои душевные муки бумаге, стал в стихотворной форме изображать свои душевные ощущения по поводу грустных явлений повседневной жизни.

В 1894 году П.Ф. собрал все свои стихотворения и выпустил их особым сборником, посвятив его сибирякам. В предисловии к этому изданию П.Ф. так характеризует своё писание:

Как плод досуга и тоски,
Любви, тревог и тайной муки,
Вверяю вам, сибиряки,
Моей правдивой лиры звуки.

Мы, современники автора, не можем не отметить этих «тревог» и «тайной муки» маленького труженика и скромного борца с человеческой неправдой. Такие редкие явления на нашей далёкой окраине, не выработавшей ещё гражданственности, особенно заслуживают быть отмеченными.

В последнее время П.Ф. жил в Благовещенске, служил в акцизном управлении смотрителем соляного магазина, а досуги по-прежнему посвящал писанию стихов, которые помещал в местных газетах. В прошлом году у него явилась мысль издать второй выпуск своих

стихотворений, но по цензурным условиям два года хлопот не увенчались успехом. Так он и умер, не увидавши второго выпуска своих стихотворений ⁴.

В этот новый сборник должны были войти стихотворения, написанные Масюковым в Приамурье и публиковавшиеся в амурской периодике после 1894 года: «На Бурее», «Ослабел, притих ты, Амур шальной...» и т.д. Догадаться, почему поэт, решивший издать вторую книгу, столкнулся с цензурными препятствиями, несложно. В подавляющем большинстве произведений, тематически связанных с Амуром, с Благовещенском, поднимаются острые социальные проблемы, присутствуют революционные мотивы. Так, в стихотворении «Душный зной исчез...» (1903), рисуя образ то спокойного и величественного, то бурного Амура, автор проводит недвусмысленную параллель с русским народом, который терпит лишь до поры:

Будешь рвать, метать,
Натворишь невзгод,
Ты ни дать ни взять,
Как и наш народ.
Не поднявши глаз,
Всё снесёт, как вол,
А настанет час —
Будет лют и зол ⁵.

И всё-таки век двадцатый поэт встречал с верой в лучшее будущее многострадального русского народа:

Порой грохочет гром трескучий,
Из туч льёт дождь и град летит,
Но ветер прочь угонит тучи,
И солнце ярко вновь блеснит.
Так точно времени теченье
Рассеет гибельный дурман,
И разольётся просвещенье
Средь полудиких ныне стран... ⁶

⁴ Амурский край. 1903. № 121. 26 октября.

⁵ Масюков П. Душный зной исчез... // Амурский край. 1903. № 76. 6 (19) июля.

⁶ Масюков П. Я твёрдо верю — век двадцатый... // Амурский край. 1903. № 86. 1 (14) августа.

«Пали мне на долю горестные муки...»

Жизненная и творческая судьба Леонида Волкова

Леонид Петрович Волков родился 3 (по новому стилю — 15) мая 1870 года в Петербурге. Мать его была родом из купеческой семьи, отец — потомственный дворянин, военный топограф, дослужившийся до чина полковника. Родителей Леонид потерял рано: мать — когда ему было три года, отца — в восемь. Рано умерла и младшая сестра, младший брат пережил поэта на два года. Детские годы Леонида прошли не в семье, не в атмосфере домашнего тепла, родительской заботы и любви, а в казённом учреждении — Гатчинском Николаевском Сиротском институте.

Видимо, отчасти по этой причине Волков — поэт с преимущественно трагическим мироощущением, которое воплощается в сквозных для него мотивах — тоски и одиночества. Причём тоска, одиночество в данном случае — не только эмоционально-психологические состояния, но и категории экзистенциальные, следствие осознания поэтом своего тотального одиночества в мире, своего сиротства — не только в узком, но и в широком смысле. Самые основы его души и его поэтического мира пронизывала почти незатихающая боль личного сиротства. Иногда она уходила на глубину и проявлялась опосредованно, исподволь, иногда с предельной откровенностью выплёскивалась в прямой лирической исповеди поэта, как, например, в стихотворении 1894 года:

Я не помню детства золотые годы,
Радостей немного дали мне они.
С малых лет лишённый ласки и свободы,
Рос я, проклиная прожитые дни.
Колыбельных песен няня мне не пела,
С кроткою улыбкой не качала мать...
Рано надо мною буря прошумела,
Рано мне пришлось горе испытать.
Брошенный судьбою на чужие руки,
Я не знал, что значит свой родимый кров.
Пали мне на долю горести и муки,
Да куски и крохи от чужих пиров...¹

¹ Дальний Восток. 1894. № 104. 18 сентября.

Но дело не только в обстоятельствах жизненной судьбы поэта. Присущее Волкову трагическое мироощущение, как уже было сказано, имело не только биографическую и не только индивидуально-личностную, психологическую подоплёку, но и экзистенциальную. Да и, пожалуй, социальную. В поэте постоянно жило острое неприятие той дисгармонии и тех раздражающих его диссонансов, которые он замечал в государстве, в его социальном устройстве, но более всего — в человеческих отношениях, в поведении и во внутреннем мире многих своих современников. В душе Л. Волков был романтиком, но когда его идеальные представления о мире и людях не совпадали с тем, что он видел вокруг себя, это могло вызвать бескомпромиссно резкое осуждение. Видимо, этой причиной объясняются те предельно жёсткие, горькие упрёки, которые в стихотворении «Суровая Сибирь! Тебе я не родной...»² поэт адресует окружающим его людям (не случайно под этим произведением Волков не только поставил дату, но и, редчайший случай, обозначил место — Благовещенск):

...О, мачеха Сибирь, тебя я не люблю
За то, что твой народ без сердца и без чувства!..
Им движет не любовь, а алчность торгаша.
За брошенный упрёк карает он сурово,
Рассудок в нём молчит, бездействует душа,
За бред считает он восторженное слово!
Природа хороша, но страшно пустоты
Расчётливых людей и пошлой их рутины!..
Зачем, скажите, мне солгали вы, мечты,
Рисуя предо мной волшебные картины?..

Человеческая алчность, завистливость, пошлость, продажность, жестокость, а главное — неискоренимость этих качеств, их поразительная живучесть всегда вызывали у поэта чувство глубочайшего разочарования, ранили его в самое сердце.

В 1888 году восемнадцатилетний Леонид Волков, вняв советам своего дяди (по материнской линии) и опекуна полковника Григория Васильевича Винникова — бывшего сослуживца отца, а в то время командира Амурского казачьего полка — приехал в Благовещенск. Он решил связать свою судьбу с Амурским краем, который виделся ему местом исполнения заветных юношеских мечтаний. В биографическом очерке, которым открываются посмертные

² Дальний Восток. 1896. № 25. 3 марта.

Е.Д. Волкова. 1895 г.

Л.П. Волков.
Благовещенск, 8 октября 1894 г.

«Сочинения Л.П. Волкова» (1902), вдова поэта Екатерина Дионисиевна объясняет решение своего мужа мечтательностью его натуры и желанием обрести долгожданную свободу: «Наконец, ему надоедает... замкнутое житьё, и он начинает подумывать, как бы вырваться на свободу, удовлетворить своему желанию, поехать вдаль, в необитаемые страны, где бы можно было на свободе предаться и работе и мечтам». Спустя восемь лет после переезда в стихотворении «Суровая Сибирь! Тебе я не родной...» Волков и сам объяснит, что влекло его на берега Амура: «В огромном городе мечталось мне порой /

Л.П. Волков. 1894 г.

Про прелесть дикую нетронутую природы». Но радужным надеждам в полной мере сбыться было не суждено.

В Благовещенске Волков вначале был зачислен вольноопределяющимся, затем, после окончания Иркутского юнкерского училища (1890–1892) и возвращения в Амурский казачий полк, получил чин подхорунжего, а спустя некоторое время стал сотником. Но военная служба, по всей видимости, не приносила радости, порой тяготила, претила его натуре и наклонностям. Хотя, по дошедшим до нас свидетельствам дочери Нины, сослуживцев и знакомых, Волков, всей душой ненавидя тупую муштру, солдафонство, бездушное отношение части отцов-командиров к нижним чинам, честно и со знанием дела исполнял служебные обязанности (а по должности он заведовал вооружением полка). Его уважали в офицерской среде и любили подчинённые — за необыкновенную доброту и сердечность, возвышенную душу, за то, что он был предельно искренним, чистым, по-настоящему благородным человеком. Его никогда не видели среди той части офицерства, которая скрашивала службу в глухой провинции пустым времяпрепровождением — карточной игрой, кутежами, шумными забавами.

На амурских берегах Волков познал счастье любви, счастье семейной жизни. В ноябре 1894 года в Благовещенском кафедральном соборе он обручился с Екатериной Дионисиевной (Денисовной) Меркуловой (1877–1943), сестрой известных благовещенских предпринимателей и общественных деятелей Николая и Спиридона Меркуловых. «Катюша», «Катося», которой Леонид Волков посвятил немало трогательных поэтических признаний в любви, родила ему троих детей — дочерей Лизу (род. 1895) и Нину (1897–1986) и сына Анатолия (род. 1899). После смерти отца дети были

Дети Леонида и Екатерины Волковых: Лиза, Нина и Анатолий. Москва, 1907 г.

отправлены на воспитание в Москву к дяде — Спиридону Меркулову, где пробыли 8 лет, затем вернулись в Благовещенск.

Страсть к сочинительству, которая захватила молодого офицера, какой-то части его сослуживцев, возможно, казалась странной. Но такое непонимание, если оно и было, по всей видимости, мало смущало Волкова: в первые годы после окончания юнкерского училища он публикует стихи особенно часто, что свидетельствует о высокой интенсивности занятий поэзией. И это притом, что служба в полку занимала значительную долю времени. За свою жизнь Волков написал как будто бы не очень много. Но это суждение окажется несправедливым, если принять во внимание, что он не был профессиональным литератором, что заниматься творчеством мог позволить себе лишь в редкие часы досуга, что его жизненная судьба по воле рока оказалась столь короткой. С учётом перечисленных выше обстоятельств и объём, и жанровое разнообразие, и тем более качество им созданного удовлетворяют самым взыскательным требованиям.

По причине того, что в Благовещенске в то время газет ещё не было, первые публикации стихов Л. Волкова состоялись в 1893 году на страницах «Дальнего Востока». С этой владивостокской газетой поэт тесно сотрудничал на протяжении нескольких лет. В конце 1890-х большинство его произведений печаталось уже в «Амурской газете», которая стала выходить в Благовещенске с 1895 года. Отдельные стихи Волкова публиковались в иркутской газете «Восточное обозрение», в некоторых других периодических изданиях Сибири. При жизни он успел выпустить всего лишь два поэтических сборника — оба в Благовещенске: «На Амуре» (1895) и «На Дальнем Востоке» (1899). И уже после гибели поэта, в 1902 году, по постановлению и за счёт войскового правления Амурского казачьего войска в Хабаровске вышла ещё одна книга: «Сочинения Л.П. Волкова. (Посмертное издание)». Сравнительно большой объём (279 страниц) позволил включить почти всё, что поэт успел создать за свою короткую творческую жизнь — не только стихи, но и прозу.

Судя по этому сборнику, социально-политические взгляды Волкова не всегда отличались широтой, порой не выходили за рамки представлений его сослуживцев. В наибольшей степени это проявилось в тех немногочисленных произведениях, в которых поэт затрагивает чувствительную на рубеже XIX–XX веков тему непростых дипломатических и военно-стратегических отношений трёх могучих дальневосточных соседей — России, Китая и Японии:

«Страна восходящего солнца»
Калечит прогнанный Китай,
Успех одурманил японца,
Японец хватил через край.
Макаки, в решениях скоры,
С Россией хотят воевать,
И — нас за Уральские горы
Грозятся в Европу прогнать;
Но только не знают бедняги,
Что им в результате войны
Придётся китайские флаги
Микадо кроить на штаны.

Конечно, пафосное стихотворение это, созданное Волковым в 1895 году, то есть за девять лет до крайне неудачной для России русско-японской войны, носит, что называется, ура-патриотический, то есть официозный, казённо-оптимистический характер. И при этом в какой-то степени отражает уровень, как говорится, обывательских представлений. Вряд ли оно предназначалось для открытой печати, вряд ли было проходимо для тогдашней цензуры³. Тем не менее для современного читателя оно чрезвычайно важно, так как обнажает со всей непосредственностью и прямолинейностью внешнеполитические симпатии и антипатии сотника Волкова и, как можно предположить, взгляды если и не всех, то подавляющего большинства амурских военнов рубежа XIX–XX веков.

Жизнь Леонида Волкова трагически оборвалась 21 июля 1900 года, когда ему едва исполнилось тридцать лет. В это время между Россией и Китаем разворачивался конфликт, некоторыми современными историками именуемый «русско-китайской войной 1900–1901 годов». Русские войска, в ответ на ружейный и артиллерийский обстрел и «осаду» Благовещенска переправившиеся в ночь на 20 июля на правый берег Амура, продвигались по направлению к Айгуну, но внезапно натолкнулись на хорошо укреплённую позицию противника у китайского селения Колушань (ныне Цялуньшань). Во время атаки на эту позицию и погиб Волков, командовавший 4-й сотней Амурского казачьего полка. По свидетельству очевидцев, во время стремительной атаки сотня отбила два артиллерийских орудия. Однако когда

³ Впервые стихотворение «Страна восходящего солнца...» было напечатано лишь после смерти автора в книге: Сочинения Л.П. Волкова. (Посмертное издание). Хабаровск, 1902.

при захвате этих орудий несколько казаков во главе с Л. Волковым бесстрашно устремились к зарядному ящику, на котором сидел китаец-артиллерист с зажжённым фитилём, тот успел взорвать ящик со снарядами. Этим страшным взрывом и был убит Волков. Его тело было привезено в Благовещенск на пароходе «Сунгари» 22 июля, а на следующий день при большом стечении тех, кто пришёл с ним проститься, поэт был похоронен со всеми почестями на военном кладбище. Позже на могиле Волкова сослуживцами было установлено большое, ограждённое цепями надгробье с памятной стелой из кирпича, со специально отлитой чугунной доской (в советские годы и памятник, и всё кладбище варварски снесены). Более подробное изложение обстоятельств гибели Леонида Волкова можно найти в очерках А. Лосева⁴ и Н. Рудковского⁵.

Свою раннюю смерть Волков предчувствовал и, похоже, внутренне к ней был готов. Об этом, в частности, свидетельствуют многие его произведения позднего периода, в том числе последняя прижизненная публикация поэта — стихотворение «Обряда пышного венчания», напечатанное в «Амурской газете» 11 июня 1900 года, за месяц с небольшим до гибели. В нём он с каким-то ледяным спокойствием признаётся в чувствах, казалось бы, совершенно неестественных для тридцатилетнего офицера, любящего и любимого мужа, отца троих малолетних детей:

...Люблю я погребенье,
Мерцанье тихое свечей,
Глубокий траур, службы пенье
И слёзы горькие людей.
Люблю стоять вблизи я гроба —
Я рад всегда за мертвеца:
Он мирно спит — печаль и злоба
Не омрачат его лица.
Он всё свершил, достиг свободы,
Расстался с душною землёй,
И все житейские невзгоды
Не возмутят его покой.

⁴ Лосев А.В. «Первый амурский поэт»: очерк жизни и творчества Л.П. Волкова // Амур: литературно-художественный альманах. № 4. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 31–47.

⁵ Рудковский Н. Поэт и воин: очерк // Приамурье: литературно-художественный альманах. № 5 (23). Благовещенск: Издательская компания «РИО», 2001. С. 113–120.

А.В. Лосев, объясняя подобные строчки, высказал предположение, что «последние годы жизни Волкова прошли под знаком душевного кризиса», причина которого — в разладе «идеального», оказавшегося несбыточной мечтой, и «сущего», обернувшегося к поэту преимущественно негативными сторонами. Всё это как будто бы справедливо, но ведь подобный разлад поэт ощущал не только в последние годы.

Своё предположение на этот счёт выскажем чуть позже, а пока вернёмся в первую половину 1890-х годов. По всему видно, что в тот период Волков-поэт буквально упивался

Л.П. Волков. 1900 г.

Похороны Л.П. Волкова. Благовещенск, 23 июля 1900 г.

созерцанием амурской природы, смотрел на неё влюблёнными глазами. Пейзажная лирика занимает в его творчестве одно из самых значительных мест. По служебным делам Волков объездил не только Амурскую область, он побывал в Забайкалье, на Нижнем Амуре, в Приморье, заезжал в Хабаровск, Николаевск-на-Амуре, Владивосток. Результатом этих поездок стала целая россыпь замечательных пейзажных зарисовок: «Байкал», «Вьюком», «В дороге», «Бросает на небо заря позолоту», «Фантазия», «В соседстве гольда и маньчура», «На Дальнем Востоке», «Прохладой веет с океана», «Заброшен город Невельского», «Памяти адмирала Невельского»... Немало лирических миниатюр Волкова запечатлели пейзажи Благовещенска — в разное время суток, в разное время года.

Если бы Волков был коренным амурцем, а не петербуржцем, если бы его взгляд с детства привык к амурским пейзажам, он, возможно, не стал бы с таким пристальным вниманием и интересом всматриваться в детали, различать краски и полутона местной природы.

Рисуя пейзажные картины Приамурья, поэт весьма часто «вписывает» в них тех, кто живёт на противоположном берегу Амура. Таково, например, стихотворение Леонида Волкова, впервые опубликованное в газете «Дальний Восток» (1893. № 43. 6 июня):

Зеркальное лоно Амура
Купается в бледной тени...
На том берегу у маньчура
Вечерние блещут огни...
Звезда за звездой выступает;
Блестящая всходит луна,
И тихо земля засыпает
В объятьях волшебного сна...
Лишь гулом дрожащим смущая
Безмолвие дремлющих вод,
У мола, пары выпуская,
Пришедший шипит пароход.

Необозримые просторы, уходящая в небо бездонная вертикаль, спокойное, почти дремотное течение величественной реки, разлитый вокруг покой, умиротворение, неповторимый в своей первозданной красоте амурский ландшафт, располагающий к созерцательности и философским раздумьям и воспринимающийся гармоничной частью глобального мироздания, — таковы общие

контуры и атмосфера создаваемой поэтом художественной картины. А в ней, этой картине, законное место занимают обитатели правобережья. Маньчжуры для казачьего офицера, петербуржца по рождению Волкова — не дикие туземцы, не враги, явные или потенциальные, а мирные труженики, в поте лица добывающие пропитание. Поэт испытывает к ним явную симпатию, воспринимая их органичной частью местного быта и бытия. Такой смысл явственно прочитывается ещё в одной пейзажной зарисовке, датированной тем же 1893-м, но напечатанной годом позже (Дальний Восток. 1894. № 26. 6 марта):

Бросает на небо заря позолоту,
И медленно гаснет, темнеет Амур...
Уже отдыхает, закончив работу,
Под кровлею фанзы усталый маньчжур.
Ложится молчанье на лоно природы;
Огни зажигает лазоревый свод,
И будит и гонит шумящие воды
Железною грудью своей пароход...

Кстати, образ парохода, символизирующий, во-первых, связь, соединение двух берегов пограничной реки, во-вторых, военную, техническую, экономическую мощь Российской империи, неотвратимость пришедших вместе с нею на Амур позитивных перемен, социального и технического прогресса, встречается не только в двух процитированных произведениях, но и в ряде других стихов Волкова: «Дедушка Денисов» (1893), «В Хингане» (1895), «Под небом Франции далёкой» (1898) и т.д. И это притом, что в реальности пароходов в начале 1890-х годов на Амуре было не так уж и много.

Следует обратить внимание на важную особенность мировидения поэта, с особой наглядностью проявившуюся в пейзажной лирике. Когда Волков всматривался в благовещенские, амурские, дальневосточные пейзажи, перед его мысленным взором часто открывались не только сами природные явления, но и события недавнего исторического прошлого, с ними связанные. Историческое чувство жило в нём естественно, поэтому ему не нужно было специально обращаться к историческим событиям. Волкову достаточно было взглянуть на деревья, звёздное небо, водную гладь реки, одинокий могильный крест, услышать вой пурги или шум парохода, и исторические ассоциации рождались сами собой. Его поэтическая мысль связывала в единое целое события, происхо-

дившие на Амуре начиная с XVII века (походы Хабарова, оборона Албазина), и удалённость или близость времён не играли для Волкова принципиальной роли.

В подобных стихах, ассоциативно обращённых к теме прошлого, ощутима линия на романтизацию сильных, волевых, самоотверженных людей. Таковыми, в представлении поэта, были отважные первопроходцы, во главе с Н.Н. Муравьёвым присоединившие Амурский край к России:

В первые дни покорения края,
Дни неустанных трудов,
Вниз по Амуру, препятствий не зная,
Плыл на плотах Муравьёв.
Были с ним люди, могучие волей,
Смелые духом и полные сил...⁶

Это произведение 1894 года имеет ярко выраженную острополемическую направленность и строится на противопоставлении, с одной стороны, первопроходцев, людей долга, готовых пожертвовать собой ради интересов государства, с другой — тех, кто вслед за ними ринулся на Амур проторённой и потому безопасной дорогой с единственной целью — нажиться, «водкой торгуя и затхлой мукой»:

Вслед за плотами, под видом участия
И сострадания к братьям родным,
Двинулась шайка искателей счастья
С разного рода товаром гнилым...

Если первые для поэта — герои, и поэтому «их не забудут ни Царь, ни Россия», то вторые — «предатели славы родной», а потому достойны лишь «презренья» или полного забвенья:

Все, кто живые, клеймятся презреньем,
Все, кто скончались, забыты давно.

Нужно понимать, что презрительные оценки «алчных торгашей» обращены не только в прошлое, но и в настоящее. Такие люди, если судить по стихам Волкова «Перестаньте играть!.. Эта сила огня...», «Скучно мне шумной толпы ликования...», «Вы ищете жизни, вы жизни хотите?!», «Суровая Сибирь! Тебе я не родной...», «Тина»,

⁶ Дальний Восток. 1894. № 131. 27 ноября.

во множестве населяли современный ему Благовещенск. Приведём лишь один пример такого рода — стихотворение, опубликованное в газете «Дальний Восток» 13 февраля 1894 года:

Вы ищете жизни, вы жизни хотите?!
По вашему мнению, жизнь — что огонь...
А здесь в городишке (за резкость простите),
Как в старом болоте, затишье и вонь!..
Есть люди и нет их; общественной связи
Здесь нет никакой, не ищите её...
Зато по богатству безмерному грязи
Здесь свиньям почёт и житьё...
И, хрюкая важно, в сознании гордом
Скотина по улице бродит толпой...
И часто случается, чуть ли не лордом
Приезжему кажется боров иной!..
А свиньи-то, свиньи! Одно восхищенье...
Так много достоинства в каждой свинье,
Что, право, невольно приходит сомненье,
Уж точно ли свиньи оне?..

И поэтому, критически относясь к своим современникам, поэт вновь и вновь возвращался к теме освоения Амура, к образам тех, кто думал не о личной выгоде, а о державных интересах.

Волков рисует целую галерею образов покорителей Амура, в том числе тех, кого знал, видел лично. Среди них первый православный священник Благовещенска отец Александр Сизой, прибывший в Благовещенск в 1857 году:

Безыскусственны речи простые твои,
Но видны в них: наглядность примера,
Неподдельное чувство горячей любви
И в Творца беспредельная вера.
Молодой, полный сил, ты приехал сюда
Проповедовать вечное слово,
И положено много тобою труда
В этом крае во имя Христово.
Из амурских героев, что вёл Муравьёв,
Проводил ты уж многих в могилы.
И телесный недуг, и десятки годов
Расшатали железные силы.

На покое теперь, доживая свой век,
Вспоминаешь ты прежние драмы,
Как боролся с природой в тайге человек,
Воздвигались первые храмы.
И глядишь, умиляясь открытой душой,
Орошаясь невольно слезами,
Как над городом блещут вечерней зарёй
Купола золотыми крестами.

Пожалуй, самое значительное произведение этого ряда — стихотворение «Дедушка Денисов» ⁷, в котором поэт не только извне, со стороны рисует реалистически достоверный портрет выдавшего виды ветерана, но и предоставляет ему слово — воспроизводит его неспешный монолог-воспоминание:

«...Невольно вспомнишь Муравьёва...
Эх, голова покойник был...
Одно промолвил только слово
И целый город заложил!..
Болото было да дичина,
А ныне божья благодать!..
Такая выросла махина —
И в полчаса не обскакать...
Оно случилось и говели,
Трудненько было нам подчас,
Живьём капрала даже съели —
Вишь, хлеба не было у нас...
С почётом кости схоронили,
Тут недалечко под горой,
Могилку зеленью прикрыли
И крест поставили простой...
Да всё сказать, как вправду было,
Не повернётся и язык!..»
И головой своей уныло
Поник, задумавшись, старик...

Этот живой рассказ, насыщенный разговорными, просторечными формами (*оно случилось, трудненько, вишь, тут недалечко*), примечателен тем, что обнаруживает неподдельный интерес поэта не только к историческим личностям, чьи образы покрыты романтическим глянцем,

⁷ Дальний Восток. 1893. № 54. 19 августа.

но и к самым простым участникам амурских экспедиций, причём пока-зываемым во всей их жизненной непосредственности. Поэта не уставала восхищать способность русского человека старой закалки стоически переносить любые неурядицы и невзгоды, терпеть голод и стужу, приспособливаться к самым неблагоприятным внешним обстоятельствам и при этом не терять присутствия духа и любой ценой исполнять свой долг.

Доживающие свой век ветераны «амурского дела», которых Волкову посчастливилось узнать в Благовещенске, были самым достоверным свидетельством крепости духа уходящего в небытие поколения. Этим людям он при всяком удобном случае выражал своё глубочайшее уважение, о них вспоминал в стихотворении, впервые публично прочитанном им в мае 1898 года в Благовещенске у монумента, установленного на месте первой ставки графа Муравьёва-Амурского:

Ещё не все сошли в могилы,
Ещё живут в глухих углах
Борцы, растратившие силы
На бесприютных берегах;
И здесь я вижу, между нами,
Когда-то мощной силы цвет,
Давно покрыты сединами,
Стоят свидетели тех лет...

Но самый большой прилив патриотических чувств вызывал у Волкова Николай Николаевич Муравьёв-Амурский, которому он посвящал немало поэтических строк и целых стихотворений. Одно из лучших — «Под небом Франции далёкой»⁸, которое посвящено памяти легендарного покорителя Амура, умершего и похороненного в 1881 году на чужбине, в Париже (в 1990 г. останки перевезли во Владивосток и перезахоронили в районе исторического центра города):

Под небом Франции далёкой,
Средь католических крестов,
На старом кладбище Ла-Шеза
Зарыт в могиле Муравьёв,
Вдали любимой им отчины
Скончался он, судьбой гоним;
В Париже шумном русской тризны
Друзья не справили над ним...

⁸ Амурская газета. 1898. № 21. 24 мая.

Тематически произведение Волкова перекликается со стихотворением «Воздушный корабль» Лермонтова — самого близкого ему по мироощущению и трагической судьбе поэта. Эта перекличка становится особенно явственной при сопоставлении процитированного фрагмента со следующими строчками «Воздушного корабля»:

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.
Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжёлый,
Чтоб встать он из гроба не мог...

Но вот финалы произведений различаются: у Лермонтова он минорный, так как император Франции потерял всё (родину, трон, «угасшего» сына, гренадеров, «спящих» «под снегом холодной России», маршалов, погибших или «продавших шпагу свою»); у Волкова — скорее мажорный, ибо славные деяния генерал-губернатора Восточной Сибири не пропали даром, преобразив прежде дикий край:

Мы твёрдо стали на Амуре,
Вошли в открытый океан,
Флаг русский поднят в Порт-Артуре
И отдан нам Талиенван.

...в вечность канули те годы,
Сбылися смелые мечты:
Амур волнуют пароходы,
Горят над городом кресты;
Везде раскинулись селенья,
Могучей жизнью дышит край,
И смотрит, полный уваженья,
На нас с надеждою Китай.

Л. Волков часто вписывает в рисуемый им пейзаж либо памятные знаки, воплощающие в себе героическое прошлое — будь то памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровске («В соседстве гольда и маньчжура», «Фантазия»), либо природные явления, которые хранят память о подвигах первопроходцев. В стихотворении «Не богат наш

край преданьями...»⁹ поэт описывает «тяжёлые лишения», с которыми довелось столкнуться покорителям Амурского края — тем, кто нашёл последний приют «под деревьями дорожными» и «под снежными сугробами». Но ощущение драматичности их судьбы сочетается в произведении Волкова с ощущением незыблемости Божьего мироздания и прочности национального бытия, в котором не могут быть преданы забвению или обесценены героизм, честное исполнение долга, самопожертвование. Не случайно пронизанное драматизмом стихотворение заканчивается чуть ли не на оптимистической ноте:

И поёт им память вечную
Диким голосом пурга,
Да беседу бесконечную
О былом ведёт тайга.

Казалось бы, поэт рисует вполне конкретный пейзаж, реалистически достоверную картину, однако в произведении ощутим и второй план — символический. Особенно явственно он обнаруживает себя в финальной строфе, в которой природа на своём языке ведёт рассказ о тех, кто, исполняя долг, слёг в эту землю, и даже «поёт им память вечную».

Мотив памяти — один из ключевых у Волкова. Особенно часто он звучит в стихах, обращённых к личности и деяниям Муравьёва. Приведём ещё один фрагмент уже цитировавшегося стихотворения «Под небом Франции далёкой»:

Прошла тяжёлая пора,
Теперь разросся сад тенистый
На месте графского шатра,
Шумят деревья, зеленея,
Желанный мир царит кругом,
И монумент стоит, белея,
Напоминая о былом...

Память о покорителе Амурского края, по мысли поэта, хранит не только монумент, но и «желанный мир», который воцарился на присоединённой к России Амурской земле. Эту тему Волков развивает в стихотворении «В соседстве гольда и маньчжура...»¹⁰:

⁹ Дальний Восток. 1894. № 9. 23 января.

¹⁰ Дальний Восток. 1894. № 74. 3 июля.

...И вместо прежнего шаманства,
Раздоров, войн — царит окрест
Великий символ христианства
И вестник мира — Божий крест...

Иначе говоря, Муравьёв-Амурский заслужил вечную память уже тем, что способствовал утверждению на этих землях света христианства. Ведомые им казаки смогли преодолеть все невзгоды и опасности потому, что свершали Божье дело.

Поэзия Л. Волкова (а он, судя по воспоминаниям, был весьма начитанным человеком) органично впитала в себя коды тысячелетней русской культуры — отчасти фольклорные, отчасти литературные, но в большей степени православные. Конечно, сотник Волков не был истово верующим человеком, тем более не являлся религиозным догматиком, он был прежде всего лириком. Однако поэт ощущал Божье присутствие в мире, это заметно даже в стихах, на сюжетном и образном уровнях как будто бы не имеющих прямой связи с церковностью, религиозностью. Несмотря на то, что в русском образованном обществе конца XIX века серьёзное и уважительное отношение к христианству воспринималось как признак социального ретроградства, Волков до последних дней оставался человеком и поэтом с православным мироощущением. Одно из самых проникновенных его стихотворений, в котором явственно присутствует литургическое, просветляющее начало, посвящено знаменитой православной святыне — иконе Албазинской Божьей Матери:

Темно и пусто вокруг ограды...
Окутан храм в ночную тьму...
Неугасимой лампы
Огонь колеблется в углу...
Там Божьей Матери икона
Стоит, лучом озарена,
Больных и сирых оборона, —
Священный дар Албазина.
С верховьев до низа Амура
Икону эту чтит народ;
Про Хабарова и даура
Идёт рассказ из рода в род.
Умрёт о них воспоминанье,
Сотрёт могилы долгий век, —

Но в помощь Божию преданье
Не позабудет человек!
В часы душевного разлада,
И в ясный день, и в поздний час,
Напомнит каждому лампада,
Что есть заступница у нас!..

В такие минуты, когда душа его обращена была к небу, трагедийная тональность почти совсем уходила из поэзии, к Волкову возвращалось ощущение внутренней цельности и стойкости своей русской души, находящей опору в вере. Но так было не всегда.

Выше уже отмечалось, что в большинстве стихотворений Л. Волкова, написанных в последние месяцы его жизни («Плачет над городом звон колокольный...», «Обряда пышного венчанья...», «За кладбищем во рву, с верёвкой на шее...» и др.) выразилось доступное лишь немногим истинным поэтам предчувствие близкой смерти. Обратимся к одному из них — а именно к стихотворению «Плачет над городом звон колокольный...», опубликованному в «Амурской газете» 7 марта 1900 года (и перепечатанному там же 7 января 1901 года, то есть уже после гибели автора):

Плачет над городом звон колокольный,
Звуки печальные льются рекой,
В душу врывается холод невольный,
Сердце сжимается страшной тоской...

В этом произведении Волкова прочитывается не только предчувствие собственной скорой гибели, но и ностальгия по утраченному (не суть важно, реальному или желанному, воображаемому) раю — раннему, до смерти родителей, детству. Образы далёкого-далёкого детства смутными, призрачными видениями всплывают в его памяти, отзываются в его жаждущем благодатной любви сердце. Потребность в молитвенном покаянии, обращённом к тому, кто способен понять и исцелить своим мудрым прощением страдающую душу, страдающую оттого, что в ней остался не реализованным в полной мере потенциал сыновней любви (и в буквальном смысле, и в расширительном — то есть любви к Отцу небесному) — вот один из наиболее личных и глубоко выстраданных мотивов лирики Волкова.

Память рисует картины былые,
Ясно встают предо мною оне.

Старая церковь, иконы святые,
Пурпур зари догорает в окне,
Тихо на ризах колеблются тени,
Сумрак, сгущаясь, плывёт надо мной, —
Я с умилением склоняю колени
С детской наивностью веры слепой...

Как видим, поэту было очень близко христианское по своей природе ощущение хрупкости человеческой жизни, скоротечности земного существования, таинства мира небесного, скорую встречу с которым он предвидел.

И всё-таки — по ком в стихотворении «Плачет над городом звон колокольный» звонит этот печальный церковный колокол, кого или что он оплакивает? В чём причина сжимающей сердце поэта смертной тоски? В чём состояла главная причина усилившихся к концу его жизни мрачных, могильных настроений? Она, как представляется, заключается прежде всего в том, что Леониду Волкову дано было свыше пророчески предощутить неуклонное приближение чудовищных исторических и социальных катаклизмов, которые в скором будущем сотрясут Россию, поставив вопрос о самом существовании столь любимого им русского мира, тысячелетней православной цивилизации.

В наследии Волкова, как справедливо писал А.В. Лосев, «не всё равноценно, не всё одинаково значительно с точки зрения художественной». Тем не менее в конце XIX столетия в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке он был едва ли не самым значительным поэтом. Но Леонид Волков поэт не столько региональный — «амурский», «дальневосточный», «сибирский», сколько прежде всего национальный, русский. И дело здесь не только в тематике его стихов, она-то как раз имеет ярко выраженную дальневосточную («сибирскую») доминанту. Дело в другом — в том, что лирический герой Волкова несёт в себе набор основных черт русского национального характера, русской ментальности. По тому, что он успел написать, можно составить достаточно полное представление и о его мироощущении, и о проблемно-тематическом диапазоне, и о художественном своеобразии, и о творческом потенциале, который мог бы раскрыться в полной мере при ином, более органичном развитии его жизненной судьбы.

«Пулемётный бомбардир»

Об авторе брошюры «Современный Китай» (1908)

Владимире Кондратьеве

Более века назад, в 1908 году, в Благовещенске произошло экстраординарное по тем временам событие — в свет вышла книжка известного на Амуре автора. И поднимались в ней проблемы, которые волновали тогда многих. Обычно в таких случаях изданию был гарантирован успех, по крайней мере, горячее обсуждение. На этот раз, однако, никакой шумихи не было: общественного резонанса книжка не вызвала, в газетах (а они тогда почти все были «прогрессивными», явно или завуалированно выражали симпатию «левым» взглядам) не обсуждалась и не рецензировалась. То есть амурская читающая публика (а она тоже была в основной своей массе «прогрессивной», демократически ориентированной) книжку эту демонстративно проигнорировала. В чём же причина этой общественной обструкции? Наиболее вероятная подоплёка — «подмоченная» в глазах «прогрессивной» общественности Приамурья репутация автора данной книги. Итак, кто же он?

Владимир Николаевич Кондратьев — публицист, редактор-издатель и сотрудник ряда консервативных газет, выходивших в Благовещенске в годы Первой русской революции и вскоре после неё. Ни профессиональным газетчиком, ни тем более профессиональным беллетристом он не был. По образованию и основному роду деятельности Кондратьев — офицер-артиллерист, капитан, старший офицер 3-й батареи 6-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады.

До недавнего времени о раннем, доблаговещенском периоде его жизни почти ничего не было известно. Как установил в 2014 г. амурский краевед Евгений Паршин, Владимир Кондратьев окончил Полтавский кадетский корпус в 1892 году. Судя по этой дате, родился он (видимо, в самой Полтаве или её окрестностях) около 1875 года, поскольку из кадетских корпусов выпускались обычно в семнадцатилетнем возрасте. Военное образование Кондратьев продолжил в знаменитом Константиновском артиллерийском училище (располагавшемся в столице Российской империи — Санкт-Петербурге), которое окончил, скорее всего, в 1894 году, так как срок обучения в училище тогда составлял два года. Служил в Польше, в 17-й армейской бригаде. Позже — в 18-й артиллерийской бригаде 2-го Сибирского

корпуса. До приезда в Благовещенск пять лет провёл в Маньчжурии, был в Порт-Артуре, участвовал в Русско-японской войне, в сражении под Мукденом.

В Благовещенске капитан оказался в конце 1905 или в самом начале 1906 года. Вскоре после приезда в город Кондратьев стал сотрудником газеты «Голос окраины» (выходила с 1 января по 28 июня 1906 г.), а после её закрытия — редактором-издателем газеты «Амурский вестник», выходившей в административном центре Амурской области со 2 июля по 3 декабря того же года (всего вышло 93 номера). Прошение разрешить ему издавать и редактировать газету Кондратьев подал 27 июня 1906 г., в это время он ещё состоял на военной службе. 25 августа 1906 г. (с № 24) В. Кондратьеву пришлось временно передать формальные права редактора-издателя «Амурского вестника» сотруднику газеты В.Д. Васенину — в связи с тем, что военное начальство запретило ему до увольнения в запас быть редактором-издателем. Несмотря на формальный уход в «тень», Кондратьев продолжал играть в газете роль фактического редактора и одного из ведущих авторов.

Деньги на издание «Амурского вестника», как и на издание «Голоса окраины», выделяли — на сей раз, правда, не афишируя это — представители местной буржуазии. Выбор амурскими толстосумами (в основном золотопромышленниками) в качестве редактора «Амурского вестника» человека, в газетных делах не вполне сведущего, в какой-то степени случайного, на Амуре прочно не укоренённого, видимо, строился на расчёте, что военный, да ещё и приезжий, свободный от влияния местной интеллигенции, почти сплошь «прогрессивной», сможет более твёрдо и последовательно выдерживать избранное «спонсорами» газеты направление. С этой непростой задачей недавний боевой офицер-артиллерист справился, превратив газету в трибуну консервативных сил, фигурально выражаясь, в бастион, «обстреливающий» сторонников революции.

За подобные «заслуги» он получил ироническое прозвище «пулемётный бомбардир», которое использовали его оппоненты из либеральных и социал-демократических кругов.

Ироническо-саркастическую оценку Владимиру Кондратьеву уже в 1960–1970-е гг. давал и Анатолий Васильевич Лосев¹. Выставляя «пулемётного бомбардира» в таком малопривлекательном свете (для чего пришлось несколько упростить его общественно-политические

¹ См.: Лосев А.В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / сост., ред., вступ. ст., примеч. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 267–268.

взгляды, его идеи, высказываемые в газетной публицистике), основатель литературного краеведения Приамурья, по сути, солидаризировался с социал-демократами начала XX века, которые в Кондратьеве видели непримиримого идейного и политического противника, а потому в пылу полемики зло подшучивали над ним, намекая на его случайность и неорганичность в среде «властителей дум» из журналистской среды Благовещенска. С позиций дня сегодняшнего подобный подход уже не кажется безупречным. Впрочем, и публицистика Кондратьева на поверку оказалась не такой плоской, как это пытались представить оппоненты автора «Современного Китая».

После того как издание «Амурского вестника» было приостановлено распоряжением приамурского генерал-губернатора, Кондратьев оказался в числе ведущих сотрудников ещё более одиозного в глазах «прогрессивной» общественности печатного органа — газеты «Благовещенск», издававшейся на деньги купцов-молокан. На страницах «Благовещенска» (кстати, на первых порах номинальным редактором-издателем этой газеты была Саида Евгеньевна Кондратьева — жена Владимира Николаевича, фактическим же — сам «пулемётный бомбардир») особенно часто публиковались его статьи, посвящённые взаимоотношениям России с её дальневосточными соседями, затрагивающие геополитическую проблематику. Так, с 4 по 8 ноября 1907 г. в «Благовещенске» печаталась его статья «Китай» (№№ 116–119), 13 ноября — статья «Японцы в Китае» (№ 123), 21 ноября — статья «Японская разведка» (№ 130). Свои материалы в амурской периодике В. Кондратьев чаще всего подписывал инициалами *В.К.*, *К.В.*, *В.Н.К.* или же псевдонимом *Idem* (с лат. — *Тот же*), статьи о Китае всегда шли за подписью *В.К.*

Часть газетных статей на эту тему в переработанном виде В. Кондратьев включил в упомянутую брошюру «Современный Китай»², которая вышла на рубеже октября — ноября 1908 года в типолитографии «Благовещенск». В книжке, автор которой явно претендовал на всестороннее освещение вопроса и объективный подход, — восемь частей (глав), призванных показать разные грани и перспективы русско-китайских отношений: «К неизбежному столкновению двух культур», «Внутреннее состояние государства», «Железные дороги», «Переселенческий вопрос», «Армия Китая», «Положение торговцев и промышленников японской Маньчжурии», «Японская разведка и шпионство» и, наконец, «Русский и японский престиж в Монголии».

² Кондратьев В.Н. Современный Китай. Благовещенск: Издание книжного магазина «В.М. Бутряков и Сын», 1908. 43 с.

Взгляд Кондратьева на проблему геополитических отношений России и её дальневосточных соседей интересен уже тем, что это взгляд не политика, не учёного, не записного интеллектуала и даже не журналиста в буквальном смысле слова, а обычного мыслящего человека из самых глубин русской действительности, имеющего немалый жизненный опыт, представляющего точку зрения русского офицерства, в большинстве своём не поддавшегося соблазнам либерализма — идеологии, подчинившей тогдашнее российское «образованное общество».

В предисловии автор излагает причины, заставившие его взяться за перо: «Наша литература вообще не богата материалами по современным вопросам бытового характера сопредельных нам желтолицых народов. <...> Значит, если мы не желаем быть застигнутыми врасплох, то должны неустанно следить за соседом и своевременно принимать необходимые меры, обеспечивающие нам наше дальневосточное владение» (три начальные страницы, на которых в брошюре располагаются предисловия, не имеют нумерации, отсчёт начинается с первой главы. — А.У.). Вслед за авторским идёт предисловие «От издателя», также подчёркивающее актуальность темы: «Волнения в Китае и нападение на нашу границу у города Благовещенска застали нас врасплох в 1900 году. Если тогда всё закончилось для нас благополучно, то только потому, что военная мощь Китая выражалась весьма ничтожной величиной...». Издатель полагает, что «лучшей гарантией будущего является самое полное изучение соседей, изучение не кабинетное, а живое, на местах, при непременном условии широкого распространения в обществе добытых результатов». Именно это и подвигло его на «продвижение» книжки Владимира Кондратьева.

Брошюра «Современный Китай» и спустя век читается с интересом, ибо автор не ограничивается изложением и систематизацией известных ему фактов и пересказом досужих банальностей и штампов, кочующих по страницам тогдашней амурской и центральной российской периодики. Да, в духе времени он пишет о «жёлтой опасности», но трактует её не так примитивно и плоско, как некоторые другие его современники. В книжке этой он развёртывает свою, весьма нетривиальную историософскую концепцию, излагает своё понимание зако-

номерностей глобальных исторических процессов. Конечно, Россия и Китай с того момента прошли гигантский исторический путь, многое изменив в своём облике и своей судьбе, однако проблема исторического выживания мегагосударств, которую затрагивает Кондратьев, не только не снята с повестки дня, но, напротив, стала ещё более острой. По крайней мере, применительно к России.

Раскладывая в своей брошюре дальневосточный геополитический пасьянс, характеризуя разные сферы жизни современного ему (тогда ещё четырёхсотмиллионного) Китая, автор между делом излагает собственную социально-политическую теорию. Суть её в том, что имперское государство способно развиваться, успешно конкурировать с другими, да даже просто сохранять устойчивость и жизнеспособность при одном непереносимом условии — если общество имеет что противопоставить утвердившейся в современном мире идее «прогресса» (социального прежде всего). То есть при условии, если проживающий на его территории народ имеет склонность к защите своих базовых семейных и религиозных ценностей. Образцом самого устойчивого в мире государства В. Кондратьев считает именно Китай. Рецепт феноменальной «живучести» огромного государства, по Кондратьеву, прост: «идея прогресса совершенно чужда китайскому укладу жизни»; в Китае «установился прочно порядок, сохранение которого лежит на священнейшей обязанности каждого китайца»³.

Спустя век можно оценить прогностический дар «пулемётного бомбардира», в 1907–1908 гг. размышлявшего о перспективах культурной «европеизации» Поднебесной. Он пишет: «Есть большое основание думать, что Китай не примет целиком культуру Запада, а только путём компромиссов приспособит её к своему укладу жизни, очень уж крепок “порядок” многомиллионного Китая...» (с. 4). Сегодня это утверждение вряд ли у кого вызовет возражения, ибо современный Китай, Китай начала XXI столетия поступает именно так, как предсказывал В. Кондратьев более столетия назад.

По мнению автора брошюры, поразительная жизнестойкость и устойчивость Китая, заложенные в идеологии и коллективном бессознательном, в самой ментальности населяющих его этнических групп, представляют серьёзную опасность для ослабленной, потерявшей внутреннее равновесие и правильный вектор развития России, вместе со всей европейской цивилизацией сделавшей ставку на идеологию

³ Кондратьев В.Н. Современный Китай. Благовещенск: Издание книжного магазина «В.М. Бутряков и Сын», 1908. С. 2. Далее после цитат будут указываться соответствующие страницы этого издания.

тотального, неостановимого «прогресса», в жертву которому приносятся все прежние фундаментальные национально-государственные ценности.

Что же Россия может противопоставить китайскому «порядку» при, как считает автор брошюры «Современный Китай», «неизбежном столкновении» Востока и Запада? Отвечая на этот вопрос, Кондратьев высказывает суждение, что принципиальная разница двух культур заключается в том, что идеал Китая — в прошлом, в сохранении status quo, тогда как смысл жизни России (как и всей Европы в целом) построен на вере в спасительность прогресса как панацеи от всех бед. Следовательно, размышляет автор брошюры, китайскому «порядку» Россия за неимением других весомых аргументов противопоставит «прогресс» как самоцель и высочайшую из всех возможных ценностей. При этом автор «Современного Китая» настаивает, что не является противником прогресса как такового, что он не приемлет лишь «извращённые» его формы: «С конца XVIII столетия начало развиваться понятие “прогресс” как нечто самодовлеющее, построенное на всеобщей ломке и без всякой связи с прошедшим» (с. 5). При детальном рассмотрении такой разновидности «прогресса» обнаруживается его «полная беспочвенность», ибо, как считает амурский публицист, звания «истинного прогресса» заслуживает не воцарившийся в России прогресс «разрушения», а прогресс «порядка».

В начале XXI века эти рассуждения Кондратьева воспринимаются не как архаика, а как нечто остросовременное, как будто написанное в эпоху торжества постмодернизма: «Распространители такой идеи прогресса доводят её до абсурда, утверждая, что истина безотносительна к прошлому: что сегодня принимается за истину, то завтра может оказаться ложью, эту ложь так же может заменить другая, которая в дальнейшем будет признана ложью, и так далее до бесконечности» (с. 5). Кондратьев уверен, что называть «прогрессом» это безумное и абсурдное занятие неправомерно.

Однако автор «Современного Китая» заявляет об опасности и другой крайности — об уповании исключительно на «консервирование» существующего «порядка», особенно если он, как в России, основательно прогнил. Он пишет: «С другой стороны, реакционное начало, оберегая свои личные интересы, предлагает нам окитаиться, то есть установить “порядок”, вернуться к прежним прогнившим основам, и поддержать случайные формы, без всякого внутреннего содержания» (с. 5). Такого рода «китайщина», по убеждению Кондратьева, может быть губительна для России, обрекая её на слабость, жалкое прозябание и окончательное крушение. Спасительный для России путь ле-

жит в ином направлении: «<...> только истинный прогресс, прогресс порядка, разумеющий идею общественного строя, укоренившегося в историческом прошлом и развивающего вершину своей системы широко и свободно, в полной прагматической связи с могучими корнями» (с. 5). Подобные взгляды, очевидно отражавшие мнение значительной части российского офицерства начала XX века, вполне укладываются в набирающую ныне силу парадигму «просвещённого консерватизма».

Затрагивает автор «Современного Китая» и множество других аспектов глобального взаимодействия России и Китая. В частности, он акцентирует внимание на такой особенности государственной политики России, как желание заслужить расположение иностранцев за счёт безумной и бездумной растраты национального достояния, за счёт невиданной внешнеэкономической щедрости, за счёт перекачивания основных финансовых потоков на окраины империи и в те сопредельные страны, которые находятся в зоне геополитического влияния и геополитических интересов России. И это при игнорировании многих первоочередных нужд, обеспечивающих внутреннее развитие страны. Пишет Кондратьев и о тотальном расхождении интересов России и Европы, о предубеждённости и даже враждебности европейцев по отношению к России, ко всем её шагам и действиям, прежде всего во внешней политике. По его мнению, эта предубеждённость оборачивается тем, что Запад испытывает сочувствие ко всем, кто противостоит России, кто так или иначе наносит ей ущерб. Чтобы проиллюстрировать этот тезис, Кондратьев обращается к теме поражения России в войне с Японией и к тем событиям, которые предшествовали ему.

Публицист отмечает, что могущество России на Дальнем Востоке в начале XX века «почти равнялось нулю и переоценивалось Европой в невероятном размере». В 1903 году, когда Россия замедлила вывод войск из Южной Маньчжурии, все европейские державы, по словам Кондратьева, «забили набат: вот, мол, эта алчная держава, положительно хочет проглотить несчастную Маньчжурию, обездолжить Китай, а главное запереть дверь интересам остальной Европы... Наконец, случай отместки представился. Толкаемая на опасную игру силою искусственных условий внешнего и внутреннего характера, Россия вступила в борьбу с Японией. Теперь платоническое сочувствие приняло реальную величину и все, кто мог, наперерыв помогали нашему врагу словом и делом, не забывая и собственных выгод чисто коммерческого характера» (с. 26). Всё это прикрывалось принципом борьбы за «открытие дверей». На самом же деле, как утверждает В. Кондрать-

ев, никакого «закрытия» дверей не существовало: «Русские народные миллионы щедрой рекой разливались в карманы дальневосточных предпринимателей и прочно оседали в руках местного китайского населения. Торговля развивалась непомерно быстро; торговали все, кто хотел и чем хотел. Фирмы Кунст и Альберс, Адлер, Зингер, Деккер, Винклер <...> и т.п. без конца наполняли своими отделениями города и городишки Южной Маньчжурии. Из Америки нам доставляли муку и керосин, индустрия была целиком англо-германская, отчасти французская, и из отечественных товаров фигурировало масло Чичкина да водка Смирнова. <...> Не только никакого закрытия дверей не происходило, а, наоборот, это была огромная брешь, через которую интенсивной струёй летело русское золото в иностранные руки, наводняло весь Дальний Восток и поддерживало все его рынки даже в Южном Китае» (с. 26–27). Автор книги «Современный Китай» убеждён, что, если бы такое положение вещей продолжалось и дальше, Российская империя «была бы высосана без остатка» и доведена до полного банкротства. Публицист удивляется, что «такой простой вещи не понимал ни Запад, ни наше правительство». Война с Японией, обернувшаяся для России болезненным ударом по национальному самолюбию, потерей трёх миллиардов рублей и десятков тысяч жизней, оказалась, по мнению В. Кондратьева, гораздо меньшим злом, чем продолжение прежней разорительной для России политики в Южной Маньчжурии: «Мы были обречены на вечное вкладывание средств и сил и никогда ничего не извлекли бы из этой <...> страны» (с. 27). Подобный ход рассуждений приводит В. Кондратьева к мысли, что русские должны быть благодарны «за ускорение событий, оттолкнувших нас от неминуемой гибели» (с. 27).

Что же выиграла Европа, с помощью Японии вытолкнувшая Россию из Маньчжурии? Рассуждая об этом, автор книжки «Современный Китай» не скрывает своего злорадства: «Желание Европы осуществилось, алчная Россия при её благосклонном участии вытеснена из Южной Маньчжурии и Квантуна, а на развалинах Карфагена осела бескорыстная Япония. Теперь всё устроилось к благополучию всего мира, двери открыли, приходи и загребай миллионы. Однако на поверку оказалось, что <...> вместо обширных рынков для своих товаров Европа получила (в лице Японии. — А. У.) такого конкурента, который не позволит ей продать ни одного гвоздя, несмотря на открытые двери» (с. 26–28). Как видим, и это наблюдение Кондратьева заставляет вспомнить некоторые особенности современной геополитики.

Главный вывод автора брошюры «Современный Китай» не только не устарел спустя столетие, но, напротив, воспринимается едва ли не

более актуальным, чем в начале века двадцатого: «Единственно верный путь приобретения авторитета — сделаться самому сильным, и только на это и надо обратить умы и средства. Тогда влияние на соседей явится уже как следствие. Не надо смешивать наблюдение за соседями с бесцельным разбрасыванием там денег во имя престижа. Поскольку первое необходимо, постольку другое прямо-таки вредно и потому неразумно во всех отношениях» (с. 40).

Что ныне известно о дальнейшей судьбе автора брошюры «Современный Китай»? Благовещенск он покинул в начале мая 1908 года. Об этом не без ехидства сообщила газета «Амурские отголоски» в номере за 9 мая 1908 года: «Известный “деятель” капитан Кондратьев, основавший купеческий орган “Благовещенск”, на днях покинул город».

Вполне вероятно, что Кондратьев перебрался в столицу. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в конце брошюры «Современный Китай» он указал место и время написания Заключения: «г. С.-Петербург, 20 июня 1908 года».

Как установил Е. Паршин, после отъезда из Приамурья В.Н. Кондратьев вернулся на военную службу, по крайней мере, спустя какое-то время. Первую мировую войну он начинал в составе 2-й ударной армии генерала Самсонова, гибель которой описана в романе А. Солженицына «Август Четырнадцатого». Известно, что Кондратьев дослужился до чина подполковника, стал георгиевским кавалером.

В 1917–1919 гг. Владимир Николаевич был помощником градоначальника (по-видимому, в Одессе, так как известно, что он участвовал в расследовании обстоятельств смерти киноактрисы Веры Холодной, а она умерла в феврале 1919 года именно в этом городе).

После установления Советской власти в Одессе Кондратьев бежал на Дальний Восток, перебрался в Маньчжурию. Некоторое время преподавал в Харбине в частной гимназии Якова Андреевича Дризуля.

Умер он 23 декабря 1930 года в Пекине, похоронен на православном кладбище Пекинской миссии.

Можно добавить, что в Амурской области не сохранилось ни одного экземпляра брошюры В.Н. Кондратьева «Современный Китай». Как, впрочем, и номеров газеты «Благовещенск», в которых печатались его статьи, вошедшие в эту книжку.

«В Гефсиманском я укроюся саду...»

Заблуждения и прозрения Герасима Шпилёва

В истории русской литературы, в том числе региональной, есть имена пусть и негромкие, не очень известные, но весьма и весьма важные и значимые. Не имея больших художественных достижений, не создав книг, пользовавшихся широкой популярностью у современников, их обладатели тем не менее заслуживают самого пристального внимания читателей-потомков. Хотя бы потому, что, являясь не только свидетелями, но и активными участниками драматических событий прошлого, предельно искренне воплотили в слове свой непосредственный эмоциональный и интеллектуальный опыт. Обращение к их творчеству открывает то, что ценно более всего: живые, подлинные чувства и мысли тех, кто проживал и изнутри постигал исторические катаклизмы начала XX столетия, кто на себе испытал колоссальное давление социально-исторических обстоятельств, кто стал добровольным пленником господствующих в обществе идей. Постигание переживаний, внутренней мотивации поступков, самой логики жизненной судьбы таких авторов даёт возможность лучше, глубже понять историческую эпоху, по-разному оцениваемую в наши дни.

Герасим Иванович Шпилёв — видный общественный деятель Приамурья первых послереволюционных лет, журналист, редактор, поэт, научный работник — интересен, в первую очередь, тем, что, находясь внутри революционного лагеря, прошёл непростой путь идейных и духовных исканий — путь заблуждений и прозрений. Этот физически крепкий, но душевно очень ранимый человек не был простым «винтиком» или «колёсиком» «единого социал-демократического механизма», бездумным и бездушным ретранслятором социалистических идей. Как всякий совестливый и глубоко порядочный человек, к тому же усвоивший не только уставные требования социал-демократической партии, но и, особенно в детские годы, основы христианской этики, сталкиваясь с проявлениями жестокости, в том числе революционной, он порой колебался, испытывал мучительные сомнения. Постигая его судьбу, исследуя его жизненный и творческий путь, можно приблизиться к пониманию внутренней логики и побудительных мотивов тех людей, которые посвятили себя служению революционным идеалам, которые делали всё возможное, чтобы в России утвердился новый, социалистический, как

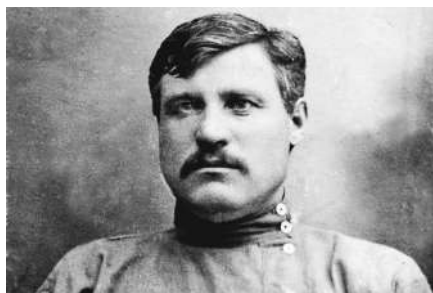
им казалось, самый справедливый на свете строй. И которые, в конечном итоге, этим новым строем были безжалостно растоптаны.

Есть ещё одно важное обстоятельство, вызывающее интерес к личности этого не самого даровитого амурского поэта.

В отличие от Леонида Волкова (1870–1900), Порфирия Масю-

кова (1848–1903), Александра Матюшенского (1862–1931), Сергея Синегуба (1851–1907), Фёдора Чудакова (1888–1918) и некоторых других писателей дореволюционной эпохи, приехавших на Амур из других городов и краёв Российской империи, Герасим Шпилёв был одним из первых по-настоящему амурских авторов: родился и вырос на этой земле, считал её своей единственной родиной, тосковал по ней, когда судьба забрасывала в другие места. Иначе говоря, в его творчестве нашло отражение мировосприятие первых коренных амурцев, тех, для кого Амур стал малой родиной да и, пожалуй, центром мироздания. В этом смысле произведения Шпилёва являются ценнейшим материалом для изучения истории края, для воссоздания объёмной картины социально-политической и культурной жизни Приамурья первой четверти XX века, для понимания духовно-нравственной атмосферы того времени.

На свет Шпилёв появился в Благовещенске, и произошло это в високосном 1884 году, 29 февраля (по старому стилю). Если руководствоваться народными поверьями, с днём рождения Герасиму не повезло: в календаре это число бывает лишь раз в четыре года. Так что, надо полагать, Шпилёву на этот счёт приходилось не раз выслушивать сочувственные или иронические суждения окружающих. Родиться 29 февраля в то время считалось дурным знаком. По церковному календарю 29 февраля — день памяти святого Касьяна (Кассиана), жившего в IV веке и канонизированного за многочисленные благочестивые деяния. По народным же представлениям, Касьян был фигурой скорее отрицательной, чем положительной. Одна из самых распространённых легенд о Касьяне объясняет причины, по которым день этого святого праздновался не каждый год. По этой легенде, Николай, один из наиболее почитаемых на Руси святых, и Касьян, нелюбимый в народе, по-разному отнеслись к горю мужика, воз которого увяз в грязи: Касьян не захотел замарать свои светлые ризы и в таком

Г.И. Шпилёв

виде предстать перед Богом, а Николай выпачкался, помогая мужику, и в награду за это получил два праздника в году: 22 (9) мая — Никола «вешний», и 19 (6) декабря — Никола «зимний». Касьян же, напротив, был наказан Всевышним: его день отмечался лишь раз в четыре года. Вопреки житийной литературе, в русских народных поверьях святой Касьян рисовался исключительно с помощью отрицательных эпитетов: Касьян *немилостивый, злопамятный, немилосердный, скупой, остудный* и т.п.

Видимо поэтому, вопреки сложившейся (особенно в крестьянской среде) традиции давать имя новорождённому по святцам, в честь его святого, в семье ломового извозчика Ивана Шпилёва очередного младенца нарекли не Касьяном, а Герасимом. То есть дни его святых покровителей приходились не на 29 февраля, как следовало бы по обычаю, а на 17 (4) марта — день преподобного Герасима (I в.), основавшего монастырь на реке Иордан, и 14 (1) мая — день преподобного Герасима Болдинского (XVI в.), основателя монастыря на Болдинской горе.

Тем не менее выбор имени при крещении оказался удивительно точным, созвучным строю души и свойствам характера Шпилёва. Здесь уместно напомнить, что знаменитые русские религиозные философы рубежа XIX–XX столетий отец Сергей Булгаков, Владимир Соловьёв и особенно Павел Флоренский — основатели так называемой «философии имени», «имяславцы», — считали, что внутреннее содержание укореняется в бытии посредством имени. Имя в этом смысле понималось как воплощение личностного начала, «плоть личности»: «Назначение имён — выражать и словесно закреплять типы духовной организации»¹. Таким образом, имя — материализация духовной сущности, мистический код, в котором она находит своё словесно-звуковое воплощение.

Уже завершая работу над данным очерком, автор этих строк любопытства ради заглянул в словари имён и был поражён: выстроенный на основе изучения жизненной судьбы и анализа творчества Шпилёва его психологический портрет практически полностью совпал с тем, что в этих словарях говорится об обладателе имени Герасим: *«У Герасима ранимая душа... Человек с этим именем обладает очень чувствительной натурой... Судьба не делает Герасиму подарков... Всё, что у него есть, добыто упорным трудом... Очень порядочен, честен... Семья у него крепкая, дружная. Дети растут в атмосфере*

¹ Флоренский П.А. Имена // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 141.

покою и дружелюбия, много знают, всем интересуются... Герасим — человек упрямый, но добрый... Он помогает всем, кто к нему обращается, но нередко сам становится жертвой своей доброты... Герасим немногословен, предпочитает слушать, а не говорить, но при этом любит всё осмыслить...»

Вернёмся, однако, к истокам жизненной судьбы Герасима Шпилёва. Его дед, крестьянин Воронежской губернии, переселился на Амур в 1863 году. Отец будущего поэта (в момент переселения ему было не более 3–4 лет), занимавшийся извозом, переехал из деревни в Благовещенск как раз в год рождения Герасима. Семья у Шпилёвых была большая, дети с ранних лет приучались к труду, помогали родителям. В краткой автобиографии Герасим рассказывает, что рано пристрастился к чтению, что сильное впечатление на него произвели прочитанные в детстве произведения Лермонтова и Некрасова, многие стихи этих поэтов он выучил наизусть и помнил всю жизнь. Из прозы его привлекли «Тарас Бульба» Гоголя, «Юрий Милославский» Загоскина, Майн Рид... Но самое глубокое потрясение Герасим испытал, найдя хранившийся в доме томик «Кобзаря» Т. Шевченко на украинском. То, с чем он соприкоснулся, читая эту книгу, «было такое близкое, родное, дорогое и понятное, что невольно западало глубоко в душу и трогало её сокровенные струны»². Трудностей с языком не возникло, потому что в доме Шпилёвых нередко звучала украинская речь: старшие братья отца и матери говорили частью по-украински. Интерес к чтению поощряла мать Герасима, которая любила слушать, как он читает ей книги вслух. Она была неграмотной, но слыла в округе великолепной рассказчицей, знала множество занимательных историй. А вот отец, судя по автобиографии поэта, страсть сына к чтению «ненавидел», «часто бил из-за книг». А позже, когда Герасим покидал дом, отправляясь в большой мир, дал юноше наказ: «не брать с собою этих дурацких книг», так как «от них сыт не будешь, а вреда они приносят много».

В 1900 году Шпилёв окончил в Благовещенске ремесленное училище, где получил профессию столяра. Но главная его школа — сама жизнь, в гуще которой он формировался. Это и позволило ему обрести большой жизненный опыт и закалить характер. В юности Шпилёв помогал отцу заниматься извозным промыслом, рубил и сплавлял лес по Амуру (всё это позже найдёт отражение в его творчестве).

² Шпилёв Г.И. [Автобиография] // Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами / сост. и авт. предисл. П.Я. Заволокин. Иваново-Вознесенск: Основа, 1925. С. 32.

В июле того самого 1900 года, когда он окончил училище, Благовещенск подвергся обстрелу и осаде со стороны китайцев. Шестнадцатилетний юноша принял участие в защите города, дежурил вместе с другими добровольцами на берегу Амура. А осенью уехал в Маньчжурию на строительство КВЖД, работал там «столяром и на изыскании»³. Так началась его самостоятельная жизнь. О маньчжурском периоде какими-либо конкретными сведениями мы, однако, не располагаем. Слабо он представлен и в творчестве поэта: пожалуй, лишь стихотворением «Песнь генерала Тан-сту-на, идущего на казнь (Вольный перевод с китайского)», в котором схематично отражены события 1903 года в Китае. А между тем известно, что в Маньчжурии Шпилёв вёл дневники, «заполняя целые страницы описанием красот природы»⁴. Эти дневники он хранил долго, до ареста в 1906 году. Возможно, они до сих пор хранятся где-нибудь в архивах жандармского ведомства, но, скорее всего, навсегда утрачены.

В августе 1905 года Шпилёв приехал в Томск, где надеялся продолжить образование. Он работал в столярной мастерской и одновременно занимался на общеобразовательных курсах при Томском технологическом институте, правда, недолго — жизнь вскоре направила Герасима в совершенно иное русло, заставив пройти другие «университеты». В этот период он уже печатался в сибирской и дальневосточной периодике. Стихи Шпилёв начал писать ещё в школе, но первое его произведение — очерк-корреспонденция (со стихотворными вкраплениями) о почти 2000-вёрстной поездке автора на лошадях от Николаевска-на-Амуре до родного города — увидело свет ранней весной 1904 года на страницах благовещенской «Амурской газеты». На рубеже 1904–1905 гг. его стихи и, реже, прозаические опыты печатались в газете «Амурский край» (Благовещенск), а в 1906-м — в «Сибирской жизни» (Томск).

Помимо творчества, Шпилёв всерьёз увлёкся революционной деятельностью, бурный 1905 год, начавшийся с «Кровавого воскресенья», к этому весьма располагал, тем более в Томске, где в ту пору сильны были антиправительственные настроения, где находилось немало ссыльных, где высок был процент учащихся и студентов, особенно восприимчивых к социалистическим идеям. Герасим вскоре стал начальником боевой дружины при Томском комитете РСДРП, во-

³ Шпилёв Г.И. [Автобиография] // Современные рабоче-крестьянские поэты в раз-
рядах и автобиографиях с портретами / сост. и авт. предисл. П.Я. Заволокин. Ивано-
во-Вознесенск: Основа, 1925. С. 30.

⁴ Там же. С. 32.

Герасим Шпилёв
с молодой женой.
Благовещенск,
1907 г.

шёл в комитет Сибирского союза РСДРП — высший партийный орган Сибири. В Томске же он познакомился и близко сошёлся с Сергеем Костриковым (в будущем — С.М. Кировым), вместе с которым занимался оборудованием нелегальной типографии. 19 июля 1906 года Герасим был арестован и заключён в тюрьму г. Томска, где провёл более шести месяцев, пока шло дознание. В связи с тем, что полиции так и не удалось найти саму подпольную типографию, Шпилёва освободили из заключения за недостаточностью улик. В 1907-м он вернулся в Благовещенск, стал работать судовым механиком на пароходе «Рыбак», женился.

Судя по дошедшей до нас фотографии той поры, Герасим был хорош собой: высокий, статный, с правильными чертами лица, с умными, пронзительными, немного грустными глазами. Почти не имея достоверных биографических сведений, сейчас трудно судить во всей полноте о родословной Шпилёва, о его корнях, но нельзя не заметить, что внешне он мало походил на типичного выходца из крестьянской среды. От него веяло и недюжинной физической силой (отсюда, ви-

димо, литературные псевдонимы — *Пахом Рослый, Глыба*), и душевным здоровьем, но в то же время бросалась в глаза возвышенность натуры, отразившаяся в чертах внешности. Весь его облик выдавал в Герасиме человека мыслящего, рефлектирующего, внутренне сосредоточенного, самоуглублённого, несколько закрытого, погружённого в какие-то только ему одному ведомые размышления.

Тюрьма не испугала, не отбила раз и навсегда желание заниматься революционной борьбой: недавний заключённый вошёл в состав местной организации РСДРП, действовавшей в Амурской области нелегально. Однако в июне 1909 года Шпилёв вновь был арестован по делу томской типографии. Постановлением приамурского генерал-губернатора ему было запрещено жительство в пределах области. По требованию начальника томского губернского жандармского управления в сентябре 1909 года его препроводили по этапу в Томск. По приговору суда Герасим Шпилёв отбывал шестилетнюю ссылку в селе Косая Степь Иркутской губернии. Вернуться в родной Благовещенск он смог лишь в 1915 году.

После Февральской революции Шпилёв деятельно участвовал в политической жизни города: был секретарём Совета рабочих и солдатских депутатов, членом правления Союза торгово-промышленных служащих, секретарём Союза горнорабочих, избирался членом областного земства, гласным городской думы. До 1919 года он стоял на меньшевистских позициях, а в 1921 году вступил в большевистскую партию. В 1920-м принял активное участие в организации издания газеты «Амурская правда», несколько лет (1921–1923) был её главным редактором. В те же годы избирался членом Амурского обкома РКП (б).

В дальнейшем Г. Шпилёв жил в Москве, работал научным сотрудником в Институте Ленина (с 1931 года — ИМЭЛ: Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП (б); с 1956 по 1991 — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), был членом правления Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Однако в конце тридцатых годов (называются и 1937, и 1938 годы) подвергся репрессиям. По одной из версий, Шпилёв содержался в тюрьме Архангельска и в 1939 году скоропостижно скончался после оглашения документа о реабилитации. На правду это похоже очень мало. Тем более что внук Герасима Ивановича — народный художник России, лауреат Государственной премии РФ Михаил Николаевич Ромадин утверждает: его дед «в 1937 году был арестован и расстрелян» ⁵.

⁵ Ромадин М. «Мой отец не называл себя реалистом». (Беседу вёл Евграф Кончин) // Культура. 2003. № 32.

Так или иначе, все эти немногочисленные биографические сведения нуждаются в уточнении и дополнении.

Первые публикации Г. Шпилёва в периодической печати Сибири и Дальнего Востока, в том числе в газетах Благовещенска, появились, как уже отмечалось, в 1904 году, ему тогда исполнилось двадцать лет. С годами журналистика, художественное творчество всё сильней захватывали Шпилёва. В разное время он являлся сотрудником или автором «Амурской газеты», «Амурского края», «Амурских отголосков», «Амурского эха», «Голоса труда», «Амурской правды», а также некоторых томских и иркутских газет. До революции 1917 года свои стихи и статьи Шпилёв обычно подписывал псевдонимами: *Г. Шп.*, *Пахом Рослый*, *Мисарег* (имя Герасим, прочитанное наоборот), *Рабочий*, *Фёдор Алых*, *Глыба* и др.

Во многих его стихах, написанных в годы Первой русской революции, проступает связь с традициями революционно-народнической поэзии XIX века. Однако, в отличие от тех же народников, Г. Шпилёв был поэтом уже новой эпохи — эпохи назревания пролетарской революции. Так что его раннее творчество правильнее рассматривать в контексте именно пролетарской поэзии. Стихи Шпилёва тех лет нередко выражали настроения, чувства, мысли не столько самого автора, сколько пролетарского коллектива, частичкой которого он стал себя осознавать. В таких случаях индивидуальное приносилось начинающим поэтом в жертву классовому. Отсюда — коллективистский пафос, безличное восприятие мира, особенно наглядно проявившиеся при обращении раннего Шпилёва к традиционной для пролетарской поэзии того времени теме подневольного труда:

Мы не знаем весёлого лета,
Мы не знаем гульливой весны,
Наша жизнь красотой не согрета,
Нам не снятся и вещи сны...

Эх, откройте, ребята, окошко,
Пусть простором весенним пахнёт,
В мастерской осветится немножко,
А работа от нас не уйдёт!

Однако и в процитированной «Песне столяров», и в некоторых других ранних стихах мотив нелёгкой доли рабочих отесняется на периферию, а на первый план выходит мотив борьбы. Пролетарии начинают выступать уже не в качестве пассивно страдающей массы, а

как коллективный носитель идей социального преобразования жизни. Призыв к революционному действию, к бою звучит, например, в стихотворении «Из тюремных мотивов», которое было написано в 1906 году в томской тюрьме:

Здесь закалимся душою,
В тюрьмах лишь крепнут борцы.
К бою, товарищи, к бою!
Спят лишь одни мертвецы.

Для подобных произведений характерны агитационно-призывные интонации, патетика, декларативность. Конечно, выходцу из простонародной среды Г. Шпилёву не хватало специальных знаний, общей и, тем более, филологической культуры, профессиональных умений. Его

**Первый сборник
стихов
Г.И. Шпилёва**

стремление поставить поэтическое слово на службу социальным задачам, сделать его инструментом классовой борьбы не могло не обернуться тенденциозностью и схематизмом, существенным сужением эстетических функций этого слова. С другой стороны, поэзия Шпилёва отразила развитие художественной тенденции, которая найдёт продолжение в пролетарской поэзии уже советского времени. И он, и другие близкие ему поэты сделали сознательный выбор — своим творчеством стремились участвовать в строительстве, как они полагали, счастливого будущего страны. И их ли вина, что будущее это оказалось не столь радужным, а лично для Герасима Шпилёва — трагичным?

Поэтическое творчество Шпилёва не исчерпывается пролетарской тематикой. В первом его небольшом поэтическом сборнике, вышедшем в 1908 году в Благовещенске⁶, помимо произведений с ярко выраженной социальной направленностью («Посещение Благовещенска», «Ломовой извозчик», «Песни ужаса», «Переселенцам»), значительное место занимает пейзажная лирика: «Песня родине», «Привет», «Утром», «На лугах», «На Зее». Некоторые из стихов, воспевающих амурскую природу, написаны вдали от Амура, в том числе в тюрьме

⁶ Пахом Рослый [Шпилёв Г.И.]. Стихотворения. Книга 1. Благовещенск: Типография т-ва «Амурского печатного дела» (Д.О. Мокин и Ко), 1908. 28 с. Далее ранние стихи Г. Шпилёва цитируются по этому изданию, страницы указываются в круглых скобках.

Томска. Наверное, поэтому они буквально пронизаны остроощущающим чувством любви к родным местам, которые ассоциируются у Шпилёва с волей. Не случайно он открывает сборник стихотворением «Песня родине», имеющим подзаголовок «Из томской тюрьмы»:

Ах! если б сейчас бы пройти по полям
Родного, далёкого края,
Подняться бы к небу по горным хребтам,
Где видится даль голубая,

Где гулко шумят вековые леса —
Ласкает их ветер могучий;
Где скалы, утёсы — Амура краса,
Где ключ серебрится гремячий (с. 3).

В тюремном заточенье, как это ни удивительно, не идеологические догмы, не манящий свет зыбких коммунистических идеалов, а именно любовь к родному Амурскому краю согревала душу, поддерживала веру в будущее, придавала сил.

Ещё одно пронизанное ностальгическими чувствами произведение сборника — стихотворение «Привет», лирический герой которого, закованный в кандалы узник, страстно мечтает увидеть «родной», «безумно любимый» Амур. На помощь ему приходит воображение:

И вот я увидел... встают предо мной
Забывшие детские грёзы,
Встают из тумана, бегут чередой...
И капают жгучие слёзы.

Теперь я измучен: иду в кандалах,
Их лязг мою душу терзает,
Мозоли и кровь на усталых ногах,
Но радость в груди вырастает...

Я снова увидел Амур мой родной...
И сердце забилося невольно...
Представилось всё мне мечтой голубой...
И радостно так, и так больно!.. (с. 5–6).

Таким образом, помимо социального, классового чувства, ещё один значимый источник поэтического вдохновения автора сборни-

ка «Стихотворения» — сроднённость с амурскими просторами, ощущение неразрывной связи с родной природой. Не потому ли, когда, наконец, Шпилёву представилась возможность вернуться на родину, от соприкосновения с самыми обычными природными явлениями его охватывает необыкновенная лирическая взволнованность. В стихотворении «На лугах» он предстаёт не в ипостаси сурового пролетария, мечтающего избавить угнетённое человечество от сковывающих его цепей, а в обличье вдохновенного и чувствительного пейзажного лирика:

Чуть забрезжит заря золотистая,
Выхожу я в луга на простор:
Сверху небо бездонное, чистое,
На вершинах лежащее гор,

А вдали предо мной расстилается
Трав медвяных зелёный ковёр,
И встаёт, к небесам подымается
Белый пар с призатихших озёр.

Зея там, изгибаясь торжественно,
Катит быстрые воды свои...
Так светло, так легко, так божественно
На лугах в эти чудные дни! (с. 24).

Однако в последней строчке стихотворения автор как будто спохватывается. Вспомнив, видимо, о своей классовой принадлежности, об освободительной миссии пролетариата, он завершает поэтический гимн красоте родного края совершенно неожиданным итогом: «О, люблю вас, равнины зазейские, / Вы даёте мне сил для борьбы!..»

С сугубо классовых позиций Шпилёв излагает и историю переселения крестьянства из центральных губерний России в Приамурье. Замыкающее сборник стихотворение «Переселенцам», которому предпослан эпиграф *«Припожалуйте, красные девицы!.. (Из народной песни)»*, — едва ли не единственная в своём роде поэтическая версия этих событий, ибо в ней амурский автор выражает точку зрения не общенациональную, не государственно- или местно-патриотическую, а узкоклассовую. В представлении Шпилёва, смысл организации переселения на Амур состоял в том, чтобы спровадить как можно дальше, к чёрту на кулички, социально активную, революционизированную часть народа: тех, кто посягал или мог посягнуть

на власть и собственность дворянства, кто «не ждал уж теперь дозволения, / А протягивал руку и брал, / Если надо, сжигал и имение, / А придётся — и лес вырубал» (с. 28). Чтобы добиться задуманного, злокозненное дворянство не гнушается ничем: идёт на откровенный обман, раздаёт заведомо невыполнимые обещания:

...«Поезжайте: живётся там весело.

Мы даруем вас кучами льгот.

...Поезжайте! вы здесь голодуете,

Там же будете жить как купцы...» (с. 27).

И мужики поддались лживым увещаниям, «поверили сказкам сладчайшим», променяли родимую землю на обещанный «рай» в далёком бесприютном краю. Спровадив бунтарей в гиблые места, дворяне от души «веселятся и тешатся».

А Петры да Иваны забрались

В отдалённый, заброшенный край,

И когда же в делах разобрались,

То завывли отчаянно: «Ай!..

Тут леса да болота пустынные...

И работы нигде не найдёшь...

Хороши были сказки змеиные,

Но отсюда теперь не уйдёшь!...» (с. 28).

Возможно, такая искривлённая картина заселения Амурского края сложилась у Герасима Шпилёва под влиянием рассказов старшего поколения его семьи, других переселенцев, чьи ожидания были обмануты. Но, скорее всего, содержание, идейная направленность стихотворения «Переселенцам» оказались результатом воздействия революционно-демократического мировоззрения автора. Когда начинающий поэт всецело отдавался классовому чувству, когда ставил своё перо на службу интересам чаемой революции, его стихи заполнялись расхожими суждениями, почерпнутыми из модных в те годы на Руси социал-демократических брошюр и революционных прокламаций.

Живое поэтическое чувство рождалось лишь от прямого соприкосновения с действительностью — будь то трогающая душу родная амурская природа или события социально-политического характера, непосредственно задевающие автора, вызывающие у него острую

эмоциональную реакцию. В числе последних — остро-драматические события, произошедшие в Томске 20–22 октября 1905 года. События, свидетелем и активным участником которых стал несостоявшийся студент, социал-демократ по убеждениям и партийной принадлежности Герасим Шпилёв. К тому моменту он проживал в сибирском городе чуть больше двух месяцев.

Итак, 18 октября 1905 года на Соляной площади Томска казаками и полицией был необъяснимо жестоко, с применением нагаек разогнан революционный митинг, в котором участвовали преимущественно учащиеся средних учебных заведений. В тот же вечер состоялось чрезвычайное заседание городской думы, которая потребовала от губернатора немедленного устранения от должности городского полицмейстера и предания его суду, а также удаления из Томска казаков. Кроме того, было решено прекратить финансирование полиции и создать народную милицию для охраны и защиты населения города.

В ответ на это местная «чёрная сотня» при попустительстве губернских, полицейских и военных властей устроила в городе масштабный погром, вызвавший в России широкий общественный резонанс. 20 октября между вооружённым отрядом формируемой городской думой «народной милиции» и возбуждённой, подогреваемой провокационными слухами толпой произошла перестрелка, были жертвы с обеих сторон. После этого погромщиками был подожжён театр Королёва, в котором проходил митинг революционно настроенной публики. Часть его участников попыталась найти спасение в трёхэтажном здании управления Сибирской железной дороги, там же укрылись и случайные прохожие, напуганные разъярённой толпой. Здание было окружено черносотенцами, атаковано (по одной из версий, в ответ на прозвучавшие из здания выстрелы) и подожжено. Многие из тех, кто

Г.И. Шпилёв — арестант

выпрыгивал из окон, попадали под пули и удары палками. Сгоревших в огне, убитых, растерзанных толпой было несколько десятков человек.

В следующие два дня толпы черносотенцев с портретами государя, практически не встречая сопротивления со стороны сил правопорядка, продолжили погром. Были разграблены и сожжены десятки зданий, прежде всего — дома и магазины богатых евреев и либеральных городских деятелей, в том числе дом городского головы А.И. Макушина. Попутно толпа избивала и студентов.

Всё это Шпилёв видел собственными глазами. В составе рабочей дружины он участвовал в перестрелке с погромщиками и казаками, а когда дружинники, после безуспешной попытки остановить многотысячную толпу, были вынуждены отступить, едва не разделил участь тех, кто оказался в подожжённом здании. Об этом он упоминает в автобиографии: «Чуть не сгорел в здании Управления Сибирской ж.д., подожжённом черносотенцами...»⁷.

Пережитое потрясение Герасим Шпилёв не мог забыть до конца дней. Впечатления от томского погрома отразились в ряде его произведений, в том числе в двух стихотворениях, объединённых сквозной нумерацией и общим названием «Песни ужаса», с подзаголовком «Из воспоминаний о томском погроме». Первое, озаглавленное предельно выразительным словом «Кошмар», рисует апогей томских погромов — чудовищные зверства черносотенцев, которые добивали тех, кто пытался спастись из горящего здания управления железной дороги. Эти жуткие картины изображаются ретроспективно, сквозь призму граничащего с безумием ночного кошмара, преследующего лирического героя, не дающего ему покоя. Разум героя противится воспринимать всплывающие в памяти кошмарные видения как явь — слишком дико выглядят они, слишком сильно расходятся с идеальными представлениями о человеческой природе. Однако факт остаётся фактом: в стихотворении «Кошмар» воссоздаются подлинные обстоятельства томского погрома — то, что на самом деле видел, пережил Герасим Шпилёв:

Мне мерещилось всё: люди гибнут в огне,
Их всё бьют, всё терзают, стреляют.
Они стонут и плачут и руки ко мне
Простирают — надежду питают.

⁷ Шпилёв Г.И. [Автобиография] // Современные рабоче-крестьянские поэты в отзывах и автобиографиях с портретами / сост. и авт. предисл. П.Я. Заволокин. Иваново-Вознесенск: Основа, 1925. С. 30.

Но куда!.. Я стоял одинокий меж тех,
Между тех обезумевших тварей,
Раздавался в толпе злой бессмысленный смех:
Гоготали звериные хари.

Кто из пламя бросался на землю и бежать
Лишь хотел, его тотчас хватали
И старались всего донага обобрать,
Убивали, ругались, терзали.

...И опять всё вставало, как видел, как есть:
Там мозги, там кишки растянулись...
«Люди, люди! где правда, где совесть, где честь?» —
Я кричал — и в избе все проснулись... (с. 15–16).

Потрясение, пережитое автором во время погрома, было настолько велико, что описанию своих чувств он посвящает добрую половину стихотворения. Об этом потрясении он говорит и в финальных строчках: «Этот ужас безумный мне в душу стучать / Будет, будет до самой могилы» (с. 16).

Выходившая в Петербурге либеральная газета «Право», редактируемая В.М. Гессеном и Н.И. Лазаревским, в номере от 4 декабря 1905 года приводила свидетельства очевидцев томского погрома: «Один старик из окна пылавшего здания просил у негодяев пощады во имя детей. Ему подали шест и, когда он достиг земли, зверски убили. Молодую девушку, пытавшуюся спастись бегством, раздели донага и, взяв за ноги, буквально разорвали... Настигнутого на улице студента свалили с ног и, вставив кол в рот, разломали череп...»

Возможно, именно об этой упомянутой в газетном материале растерзанной девушке Шпилёв рассказывает в стихотворении «Над трупом» — то есть во второй части «Песен ужаса». Это в художественном отношении откровенно слабое произведение он считал, по всей видимости, чрезвычайно важным, так как включил его (с небольшими поправками и под новым заголовком — «Невеста») в следующую свою книгу, которая вышла через 11 лет, в принципиально иных исторических условиях. Казалось бы, ну что такое гибель этой безымянной девушки в давно всеми забытом томском погроме? Почему Шпилёв счёл необходимым вновь напомнить об этом диком случае в 1919 году, после череды потрясших Россию революционных катаклизмов, после двух истребительных войн — Первой мировой и Гражданской, после всех произошедших за сравнительно короткий исторический

Г.И. Шпилёв в ссылке. 1911 г.

отрезок жестокостей, после неисчислимых жертв самой кровавой российской убоицы? Не потому ли, что в этом, казалось бы, частном, локальном событии 1905 года автор «Песен ужаса» увидел прообраз того, что будет происходить в России позже — разумеется, в неизмеримо больших масштабах?

Октябрь 1905 года в этом смысле стал для Герасима Шпилёва поворотным событием. После пережитого им потрясения период юношеского романтизма и книжного идеализма остался в прошлом, многие иллюзии развеялись. В том числе и главная — по поводу внутреннего потенциала, наклонностей значительной части русского народа. Он воочию увидел накопленную во многих своих соотечественниках энергию ненависти, которая при малейших благоприятных условиях вырывается на волю, превращая людей в подобие кровожадных зверей. С этого времени Герасим более осмысленно стал направлять собственную жизнь на решение важнейшей задачи — на создание социально-политических условий, которые смогут удержать русских людей от выплеска разрушительных инстинктов, которые, напротив, будут пробуждать в них созидательные, добрые начала. Шпилёв на практике убедился, что ни русская православная церковь (погромщиков благословил епископ Томский и Барнаульский Макарий), ни самодержавие со всеми его как будто бы мощными государственными институтами не способны подавить или, тем

более, изжить зоологические инстинкты толпы. Возможное спасение, панацею он увидел в социалистическом учении, в политической программе российской социал-демократии. Именно в те дни он вступил в РСДРП.

Вернёмся, однако, к стихотворению «Над трупом». Оно во многих отношениях построено иначе, чем первая часть «Песен ужаса». В нём почти нет эмоционального надрыва, в прямой форме не передаются чувства автора. В нём нет реалистически достоверного портрета невинной жертвы погромщиков, автор ограничивается тем, что уподобляет её прекрасному цветку: «Лилия стройная, белая, чистая / Пышно в саду расцвела». Мученическая гибель подобной *ангелу прекрасному* «невесты» также дана не через описание подробностей, а с помощью развёрнутой метафоры, причём избитой: «Кто-то пришёл и ногою преступною / Лилию в грязь затоптал». В первом стихотворении «Песен ужаса», как помним, погромщиков-убийц автор именует без каких-либо экивоков и эвфемизмов: «зверинные хари», «обезумевшие твари»; во втором ограничивается неопределённым местоимением «кто-то». Реалистически конкретно, с помощью выразительных подробностей в стихотворении «Над трупом» показан лишь результат жестокого надругательства над телом и душой чистого, невинного существа:

Вот, перед вами она так поругана:
Кровь запеклась на устах,
Очи раскрыты, и точно испугана,
Точно сковал её страх.

Страшно пред вами она растянулася,
Нагло оборвана, трупом лежит...
Что-то тревожное вдруг встрепенулося...
Мозг мой и грудь мою болью сверлит (с. 18).

Во второй сборник Шпилёва (1919), о котором речь впереди, последняя строфа вошла в отредактированном виде — с точками вместо последних двух строк. Резко, на полуслове оборвав стихотворение, автор тем самым ясно дал понять, что его замысел спустя годы подвергся существенной корректировке. Теперь он не столько передаёт собственные переживания («Мозг мой и грудь мою болью сверлит»), сколько стремится пробудить чувство ответственности за случившееся у читателей. Он предлагает им самим представить растерзанную девушку, самим ужаснуться, увидев этот бессмысленно погубленный

прекрасный цветок. О том, что именно такую задачу ставил поэт, свидетельствуют начальные строки последних двух строф, обращённые именно к читателям: «**перед вами** она так поругана», «страшно **пред вами** она растянулася». То есть, возможно, он хочет сказать: и вы не защитили её и других невинных людей, и на вас лежит ответственность за случившееся в 1905 году и позже.

Как было сказано выше, уже после большевистской революции, в 1919 году, в Благовещенске в типографии товарищества «Труд» вышел второй (он же и последний), более объёмный (64 страницы убористого шрифта) поэтический сборник тридцатипятилетнего Герасима Шпилёва — «Голоса земли», на этот раз под собственным именем⁸.

В сборнике 62 произведения, среди них: стихи на революционные темы, в большинстве своём воссоздающие эпизоды и картины жизненной судьбы самого автора; пейзажные зарисовки — их особенно много; несколько бесцветных посвящений; лирико-философские размышления о смысле человеческого бытия, об устройстве мироздания; любовная лирика — в художественном плане по большей части слабая, подражательная; наконец, два венчающих книгу объёмных сюжетных стихотворения о жителях Амурской земли, которые в трудных условиях заготавливают и сплавляют лес, занимаются извозным промыслом.

Открывает книгу стоящее особняком программное стихотворение «Напев», играющее роль своеобразного вступления. В нём автор как бы анонсирует содержание книги, предувещивает читателя, о чём пойдёт речь: «Про леса-тайгу дремучую, / Про озёра серебристые, / Про любовь такую жгучую / К делу правому и чистому...» (с. 3). То есть уже здесь обозначены магистральные темы сборника — природа и революционная борьба.

Все остальные произведения разбиты на восемь разделов: «Горицвет», «Красный плен», «Чёрный звон», «Подвиг», «В провалах», «Камень-горюю», «Тайга» и «Всполохи». Хотя стихи автором не датированы, есть основания предположить, что основной композиционный принцип книги — хроникальный. Иначе говоря, после-

⁸ Шпилёв Г.И. Голоса земли: сборник стихов. Благовещенск: Издание товарищества «Труд», 1919. 64 с. Далее произведения Шпилёва цитируются по этому изданию.

довательность разделов-циклов соответствует последовательности этапов жизненной судьбы самого поэта. Об этом можно судить уже по тому, что включенные автором в «Голоса земли» три его ранних пейзажных стихотворения из сборника 1908 года («На горной вершине», «На лугах», «Май») получили прописку в первом разделе. Ещё одно — «Невеста», посвящённое томскому погрому 1905 года (о нём речь шла выше), — во втором. Впечатления, полученные Шпилёвым в тюрьме Томска, отразились в четвёртом разделе — «Подвиг». Следующий, пятый — «В провалах», воссоздаёт реалии иркутской ссылки. Подобный принцип сохраняется и в следующих разделах книги.

Удивительное дело: в художественном мире Герасима Шпилёва, создававшего свои стихи в одно время с Клюевым, Есениным, Блоком и многими другими поэтами Серебряного века, активно разрабатывавшими историко-патриотическую тематику, не встречаются такие понятия, как *Россия*, *Русь*, *Русская земля*, не фигурируют названия столиц, других исконных русских городов и земель, вообще нет прилагательного *русский* и его производных. И это у внука переселенцев из центрально-чернозёмной России, наверняка тосковавших по покинутому отчому краю и наверняка старавшихся передать ему своё любовное отношение к далёкой, но бесконечно дорогой сердцу земле предков.

Более того: автор «Голосов земли» ни разу не обращается к теме славного (или бесславного) исторического прошлого страны, не упоминает ни одного крупного события или исторического лица, ни одного выдающегося деятеля русской культуры. Напрашивается предположение, что он, возможно, не ощущает глубокой внутренней связи с Центральной Россией, с тысячелетней русской историей, с многовековой национальной культурой, не воспринимает себя живой частичкой древней русской цивилизации. В чём здесь причина: в особенностях ли мировосприятия типичного представителя далёкой окраинной территории? в географической ли удалённости поэта от эпицентра русского мира? в недостатке ли образования, узости исторического и общекультурного кругозора? в ограниченности ли классового сознания, привитого Шпилёву средой? Наверное, в той или иной мере сказалось всё перечисленное. Но главное не в этом, а в специфике его основного творческого принципа: поэт воссоздаёт преимущественно то, что видит и слышит вокруг себя, что постигает посредством собственного жизненного опыта. При этом у Шпилёва нет ощущения, что подлинная родина, её сакральный центр находится где-то далеко, что он по отношению к ней занимает какое-то

Г.И. Шпилёв
с женой и детьми.
Москва, 1930-е гг.

заведомо проигрышное — окраинное положение. Автору «Голосов земли» не присущ комплекс провинциальной неполноценности. В отличие, скажем, от «первого амурского поэта» петербуржца по рождению Леонида Волкова, признававшегося: «Суровая Сибирь! Тебе я не родной...» (Дальний Восток. 1896. № 25. 3 марта), Шпилёв не делит Россию на географический, исторический, культурный центр и отсталую, маргинальную *периферию*.

В книге «Голоса земли» совсем немного и топографических координат Приамурья — за исключением небольшого числа преимущественно ранних и самых поздних стихов, в которых фигурируют гидронимы Амур, Зeya, Бурея, топоним Благовещенск. Родина (это слово встречается в «Голосах земли» лишь дважды) предстаёт у Шпилёва не в обобщённом мифологизированном виде, а в конкретном — видимом, осязаемом: в образах деревьев, кустарников, трав, цветов, диких животных, птиц. Родина для него — это, прежде всего, окружающий

природный мир, экзотические ландшафты Приамурья и Восточной Сибири. И те люди, которые здесь живут и трудятся, которые осваивают этот дикий, заповедный край. Благовещенская «Амурская жизнь» в рецензии на сборник Шпилёва отмечала, что «в воспевании тайги, в поэтическом понимании её, автор имеет очень мало соперников, может быть, не имеет никого», что «поэзия тайги» «придаёт всей книжке этнографический характер» (Амурская жизнь. 1919. № 76. 13 апреля).

Лирический герой большинства стихотворений сборника напрямую, без посредничества России как создававшейся веками исторической и культурной мифологемы, связан с дальневосточной и сибирской тайгой, с природными стихиями, включен в глобальные мировые координаты, ощущает себя частью беспредельного мироздания, предстоит перед ним. Мироздания, по его ощущениям, безучастного, равнодушного к человеку, к людским страданиям. Видимо, это и стало главной причиной разочарования поэта в Творце, не сумевшем или не захотевшем создать гармонию в мире людей:

Лишь в груди моей зло разгорается
Против жизни, обильной несчастьем,
А кругом меня всё улыбается,
Равнодушным полно безучастием!.. (с. 7).
(«Май»)

Небосвод, звёзды, солнце, луна, земля, река, луга, степь, горы, тайга — таковы топографические контуры и координаты, а также сама субстанция создаваемого Шпилёвым поэтического космоса.

Удивительно, но факт: одним из наиболее частотных образов в книге «Голоса земли» является именно космос — беспредельное и совершенное мировое пространство, по контрасту оттеняющее несовершенство и ограниченность земного бытия, земного мироустройства:

Звёзды в небе горят
Светозарным огнём,
Их мерцающий взгляд
Говорит об одном:

Мир безмерно велик,
Бесконечно глубок,
И как здесь, на земле,
Человек одинок!.. (с. 42).
(«Песни тайги»)

Одно из самых выразительных стихотворений на эту тему — «Перед лицом космоса»:

Ночь... Красивая ночь над землёю!
Горы дремлют в торжественном сне,
Звёзды блещут во мгле надо мною, —
Сказку вечности шепчут оне.

Эта сказка о чём-то великом,
Как молитва пред Божьим лицом,
Пред сверкающим царственным ликом,
Что сияет во мраке ночном!..

Но забыли прекрасные звёзды
О страданье тяжёлом людском.
Им не видно из пасмурной бездны,
Как на жалкой земле мы живём.

И проходят прекрасные звёзды,
Эпопею поют о былом
И не знают, что в пасмурной бездне
Мы в страданиях и горе живём!.. (с. 34).

Этот космос воспринимает, ощущает, как нетрудно заметить, не завзятый материалист и атеист, коим революционеру, социал-демократу, пролетарию Шпилёву надлежало быть по определению, а человек, которому мистически открывается сияющий в ночном мраке *царственный лик* — *Божье лицо*, то есть человек, внутренне, душевно, сердечно предрасположенный к принятию и исповеданию спасительной веры в Христа. На рациональном уровне, мировоззренчески, лирический герой сборника (и легко просматривающийся за ним автор), разумеется, не приемлет религию, отвергает Церковь и Царствие Божие, убеждает читателя (но прежде того — самого себя), что Бог, Христос — всего лишь утешительный обман:

Так грустно и больно! В тревоге
Сажусь я на старый курган.
И думаю снова о Боге,
И вижу я снова обман... (с. 35).
(«На путях жизни»)

На уровне же мироощущения, непосредственного чувственного восприятия лирический субъект сборника Шпилёва не является ате-

истом. Какая-то непостижимая и властная сила, сопротивляться которой лирический герой не в состоянии, вновь и вновь приводит его в Божий храм, заставляет с волнением вслушиваться в перезвон церковных колоколов. Что забыл в православном храме как будто бы завзятый атеист, член РСДРП, революционер? Автор пытается убедить читателя, что лирическим героем движет стремление лишний раз продекларировать, подтвердить своё неверие. Но зачем, спрашивается, ему для этого заходить в церковь, зачем раз за разом возвращаться к одному и тому же вопросу — о вере?

Мироощущение Шпилёва — это мироощущение человека если и не верующего в привычном, обыденном смысле этого слова, то, безусловно, внутренне тянущегося к вере, к высоким идеалам. Его уход в революцию, участие в классовой борьбе по душевному побуждению и главному жизненному вектору не были уходом от веры к безверию, к атеизму, это был путь к новому Храму, это была попытка обретения иной веры — более действенной, чем христианство, способной более быстро исправить несовершенный мир и ещё более несовершенного человека.

Шпилёв принадлежал к той разновидности русских революционеров, для которых нравственные идеалы, истина, справедливость были высшей ценностью. В каком-то смысле он был из категории *взыскующих Града*. Его тяга к духовным поискам отразилась в целом ряде произведений, например, в стихотворении «Храм»:

Захожу я в храм. Там пышные колонны
Серебром и золотом причудливо горят.
В драгоценных ризах старые иконы
Мрачно и угрюмо на меня глядят.

В этом храме скука, лень и запустенье:
Свечи и кадила сумрачно курят,
И уныньем веют скорбные моления —
Люди монотонно, тупо их твердят.

Нет, я не желаю храма усыпления,
Где и мысль, и совесть робкие молчат!
Я хочу другого — храма возрождения
Светлого, как солнце, как пророка взгляд,

Где бы мысль сверкала яркая, как пламя,
Научая правду и простор любить,

Где бы развевалось Пурпурное Знамя...
...В этот Храм Великий буду я ходить!.. (с. 20).

Этот желанный Храм (непременно с большой буквы!) видится поэту не очень отчётливо, идиллические представления автора имеют не очень много общего с контурами *светлого будущего*, которое рисовалось в политических и экономических программах российской социал-демократии.

Судя по процитированному стихотворению, автор стремится найти замену христианской вере. Ему кажется, что коммунистический идеал и является той путеводной звездой, которая должна придти на смену потускневшей к началу XX столетия Вифлеемской звезде. Однако когда поэт пытается поэтически выразить символ своей новой веры, вместо живых картин, которые прежде легко рождались при соприкосновении с евангельскими сюжетами и образами, из-под пера Шпилёва начинают чередой выходить шаблонные образы, банальные эмблемы. Характерный пример — стихотворение «Знамя Интернационала»:

Шёлковые красные знамёна
Развешаются над грозною толпой:
Среди проклятий и среди стона
Пролетариат ведёт бой!

...Встаёт великое, прекрасное светило
Всечеловеческий, бессмертный идеал,
Как сталь из страшного, гудящего горнила,
Рождается в борьбе Интернационал!..

Пусть рушатся дворцы, грохочет канонада,
И царствует везде безумие и бред,
На площадях пусть строят баррикады,
— Без смерти не бывает и побед! (с. 24).

За всеми этими дежурными лозунгами и голой риторикой, за всем этим чрезмерным пафосом совершенно теряется автор — человек, прошедший через тюремную камеру (в общей сложности почти три года одиночки!) и многолетнюю ссылку, через сомнения и разочарования, через «безумие и бред» томского погрома, написавший «Песни ужаса». Когда-то от одного воспоминания об увиденных убитых людях он «плакал и рвался», «страдал» и «убивался», теперь всё измени-

лось. Если раньше ему «багровая кровь заливала глаза», если прежде от её вида «в душу безумство вползало», то теперь кровь как будто бы не страшит поэта:

Несите же сквозь дым кровавые знамёна
Во имя светлых и далёких грёз;
Пусть льётся кровь и раздаются стоны,
Но вы не бойтесь ни стоны и ни слёз!..

Похожий мотив чуть позже прозвучит и в стихотворении «Полночь»: «Знамя кровавое / С честью и славою / К зорям далёким несите! // Тропы тернистые / Кровию чистою / Смело опять оросите!..» (с. 53). Возникает, правда, вопрос: чьей кровью поэт предлагает революционерам оросить тропы — своею собственной или чужой, кровью классового врага? Хорошо, если это призыв к самопожертвованию...

Кстати, стихотворение «Знамя Интернационала» впервые увидело свет в 1918 году в выходившем в Благовещенске «Голосе труда», а уже оттуда было перепечатано рядом большевистских газет, в том числе центральных и сибирских: «Петроградской правдой», «Красноярским рабочим» и др. Реакция демократической прессы была иной. Так, газета «Амурское эхо», орган так называемого «Амурского союза республиканцев», писала, что в стихотворении Шпилёва «нет и признаков какой бы то ни было поэзии», что в нём царит «большевистский дух» и звучит «призыв к убийству» (Амурское эхо. 1919. № 1019).

Что же на самом деле произошло с автором в 1918–1919 гг.: испытал ли он временное помутнение духа, поддался ли царящим вокруг настроениям и, как результат, бесповоротно отрёкся от прежних нравственных идеалов, захватила ли его логика и инерция ожесточённой гражданской усовицы?

Так или иначе, но повторяющиеся в стихотворении декларативные призывы («Пусть льётся кровь и раздаются стоны», «не бойтесь ни стоны и ни слёз!») плохо вяжутся с тем, что звучало в более ранних стихах Шпилёва. Способен ли был сам автор «Знамени Интернационала» убивать, да ещё и не обращая внимания на стоны и слёзы? Даже если причинять людям страдания пришлось бы «во имя светлых и далёких грёз»? Сомнительно. Судя по «Песням ужаса», многим другим предельно искренним произведениям, Герасим Шпилёв боялся, не хотел крови, человеческих страданий, слёз. В стихотворении «Сад пыток» (оно написано позже «Знамени Интер-

национала») — одним из своих программных поэтических текстов, Шпилёв прямо заявлял, что будущему, если оно будет строиться на насилии, на крови, на тиранстве, он предпочтёт возврат к христианскому идеалу:

Нет, я не желаю крови и тиранства,
И я уйду, уйду, уйду,
Чтобы не видеть власти хулиганства,
В *Гефсиманском* я укроюсь саду... (с. 48).

Увы, как мы теперь знаем, укрыться не удалось...

Трагический финал судьбы поэта был предопределён. Каков бы ни был конкретный повод для ареста Герасима Шпилёва, именно глубинное неприятие «крови и тиранства» стало подлинной причиной гибели автора «Голосов земли». Как ни скрывал он своё критическое отношение к происходящему в 30-е годы, как ни прятал скепсис, как ни маскировал своё внутреннее отторжение, всё это не могло, так или иначе, не прорываться наружу. Но запоздалое прозрение идейного революционера, если оно и имело место, ничего уже изменить не могло — ни в его собственной судьбе, ни в судьбе страны, пожинаящей горькие плоды очередного своего трагического заблуждения.

Но завершить очерк о Герасиме Шпилёве хочется на другой, не столь печальной, ноте. Чрезвычайно показательная деталь: сборник «Голоса земли», выпущенный в годы братоубийственной войны, он завершает стихами не о классовых сражениях, не о революции, не о манящих далях светлого будущего. В двух венчающих книгу произведениях — «Непокорённая стихия (*Из жизни амурских лесорубов*)» и «Таёжный извозчик (*На Буре*)» — взор автора неожиданно для читателя вновь обращается к прошлому — к картинам, которые Шпилёву довелось увидеть в детстве и юности. С огромным поэтическим вдохновением рисуя неравный поединок человека и могучей, необузданной природной стихии, автор и ужасается мощи этой стихии, и восхищается её красотой и величием. Человек — лишь маленькая частичка мироздания. Стихи Шпилёва подводят читателя к закономерному итогу: смысл человеческого бытия не в классовой борьбе, не в истреблении себе подобных, под каким бы благовидным предлогом это ни совершалось. Он в укрощении губительных природных стихий, в преодолении существующих в мире дисгармоний, в созидательном труде, в поиске форм органичного сосуществования с грандиозным Божьим мирозданием.

Финальные стихи сборника — из лучших в творчестве Герасима Шпилёва. Так увидеть и первозданную амурскую природу, и людей, отстаивающих своё право на существование, в дооктябрьской поэзии Приамурья не удалось никому.

Вниманию читателей предлагаются оба текста. Стихотворение «Непокорённая стихия» приведено в сокращении. В нём повествуется об Илюше — мальчике из бедной крестьянской семьи, которого от безысходности мать отправляет на заработки в амурскую тайгу — валить и сплавлять лес. В первых двух (сокращённых) частях речь идёт о самых трудных, зимних месяцах, о тяжкой, смертельно опасной работе лесорубов, об испытаниях, которые выпали на долю главного героя.

Стихотворения «Непокорённая стихия» и «Таёжный извозчик» приводятся по указанному изданию: *Шпилёв Г.И.* Голоса земли: сборник стихов. Благовещенск: Издание товарищества «Труд», 1919. С. 55–64.

Герасим Шпилёв

НЕПОКОРЁННАЯ СТИХИЯ

(Из жизни амурских лесорубов)

<...>

III

Светлый день! Несутся птицы
Из далёких, тёплых стран:
Тут и уток вереницы,
И гусей тут караван;

Тут и ласточка летает
Над оттаявшей землёй:
Вёсну, вёсну предвещает
Песней нежною своей!

Ветер южный чуть колышет
Прошлогоднею травой,

Он в лицо приятно дышит
Разопрелою землёй.

Запах лиственницы пряный,
Дух берёзы и сосны,
Ароматом воздух пьяный:
Этот воздух — вздох весны!

В синеве далёкой, чистой
Распластались облака,
Лентой ярко-золотистой
Обрамлены их бока.

Горы, будто бы вуалью,
Дымкой все заволокло.
И над трепетною далью
Солнце льёт своё тепло.

Но Амур всё так же скован:
Он спокойно, крепко спит,
Он как будто заколдован:
Не бежит и не шумит.

Скалы серые угрюмо
Охраняют сон его,
И объят он сонной думой,
Спит, и больше ничего!..

А с полудня ветер дует,
Обвевая мир теплом,
Он и рвётся, он бушует
Над рекой и над хребтом.

Вдруг и лёд зашевелился,
Он ломался и трещал,
Он горами громоздился,
Поднимая валом вал.

Что-то чудилось живое
В передвижке этой льда.
И Амур, как после боя,
После бранного труда

Торопился снять оковы,
Поскорей их разорвать,
Чтобы враг его суровый
Снова их не мог сковать, —

Чтоб не мог сковать навечно
Эту грудь богатыря;
И Амур теперь беспечный
Далеко несёт в моря

Свой покров холодный, тесный,
И восторженно ревёт,
И заманчиво прелестной
Он надеждою живёт.

И бурлит Амур сердито
(Лёд идёт, идёт, идёт!..)
У подножия гранита
Тело он своё согнёт,

Завернёт там круто плёсо,
Здесь на остров лёд набьёт,
Там на выступе с утёса
Глыбу серую сорвёт.

Загудит скала, срываясь,
Разбивая рыхлый лёд.
Звонким эхом отзываясь,
Гул ответный берег шлёт.

И кричат сторожевые
Вековые хребты —
Это крики боевые
Бога Вещей Красоты...
<...>

IV

Дни идут... Амур, сверкая
Пеной волн, спешит в моря,
Все преграды разрушая,
Точно меч богатыря.

То, притиснутый горами,
Он шумит, бурлит, ревёт,
То, разбитый островами,
Он тихохонько течёт.

Настаёт иное дело
Для бесстрашных мужиков:
Можно в путь пускаться смело:
Нет «шуги», и плот готов.

Наконец, они поплыли:
Грузно двинулся паром.
Мужики себя крестили,
Кто «щепотью», кто «перстом»...

– «Вот так май! Смотри-ка: тучи
Весь закрыли небосклон,
Дует ветер злой, колючий,
Вихрем вьёт со всех сторон!

Ночью будет плыть опасно:
Вижу плохо, — я уж стар...
Не пристать ли?..» — «Вот прекрасно! —
Отвечает Елизар. —

Доплывём!» — «Но там протоки,
Там Кумаровский утёс...
И протоки неглубоки...»
– «Ну, так что ж?.. Пошёл! Понёс!..»

И плывут... А ветер дует
С воем, визгом и тоской;
Разъярённый, — он бушует
Над взволнованной рекой.

Ронжи ⁹, плот скрипят и плачут,
Сплотки ходят ходуном.
Как степные кони, скачут
Волны гневные кругом.

⁹ Жерди, укрепляющие сплотов. — *Примеч. автора.*

Тучи чёрные нависли
Низко, низко над водой
И гнетут, как ум мой мысли,
Порождённые тюрьмой.

И стихии наступают
На людей, на жалкий плот,
Вихрем волны поднимают,
Скачет адский хоровод!..

«Горе нам!..» Амур бушует,
Бьётся, хлещет в берега.
Он в безумии целует
Трон надменного врага.

У

Крепнет буря! И вдруг в небе
Грянул первый страшный гром:
Вынут, вынут тяжкий жребий,
Не спастись тебе, паром!

Вот и молния зигзагом
Пронеслася между туч.
И тайфун победным шагом –
Страшен, гневен и могуч –

Наступает на утёсы,
Наступает на людей...
Разметались, будто косы,
В небе отблески огней...

Ветер... Гром... И дождь полился,
Как бичом поля хлестал,
И Амур сильнее бился
У подножья вечных скал.

И в тот миг, когда вдруг стало
Так темно, темно, темно,
Когда сил уже не стало
Биться с бурей — «всё равно!»),

Лесорубы порешили.
И, отдавшись волнам,
С тою лишь надеждой плыли,
Что прибьёт их к островам; —

В небе вдруг раздался грохот,
Треск, и шум, и бури вой,
Вопль реки и ветра хохот,
Натиск бездны роковой!..

Плот ударило о выступ,
О гранитный бык — утёс...
Это был последний приступ
И последний натиск гроз!..

Плот разбило, поломало:
Ронжи, гребни разнесло...
А во тьме заря вставала,
Освещая ночи зло...

ТАЁЖНЫЙ ИЗВОЗЧИК (На Буре)

Неприглядный край далёкий,
В сорок градусов мороз.
По реке, в снегу глубоко
Кое-как идёт обоз.

Всюду скалы громоздятся,
Раздавить хотят обоз...
Только вон — вверх гнездятся
Две сосны да пять берёз.

Белым саваном обвита,
Мертвецом природа спит,
И лишь ветер злой сердито
Между скалами гудит.

И гнетёт картина эта
Душу тяжкою тоской.

Страшно, жутко без привета
Здесь в «дерябе» вековой.

Свист метели, завыванье,
Прямо — «Чёртова Ноздря»,
Этой местности название
Кто-то дал, и дал не зря.

«Ах, мороз!» — мужик трясётся,
Греясь, хлопает в бока,
Крепче в шубу завернётся
Да стегнёт коня слегка.

Ночь окутала всю землю
Чёрным бархатом своим,
Ночь покоем всё объёмлет,
Лишь мороз клубит, как дым.

Вдруг — Чу!.. — треск... Передний прынул,
Дико, жалобно заржал.
Лёд сломался, вал нагрязнул,
Захлестнул и убежал.

«Полынья! Сюда! Скорее!..»
— «Что такое? — Мы сейчас!..» —
И спасать коня, жалея,
В воду кинулся Тарас.

Лошадь билась, погружаясь
В глубь холодных, чёрных вод,
За неё мужик цепляясь,
Вместе с ней ушёл под лёд.

Весь обоз вдруг заметался:
Кони чуяли беду.
А буран стонал и рвался,
Поднимая снег на льду...

«И станет край Амурский русским...»

Поэтическое творчество Фёдора Коротаева

В отличие от ряда писателей дореволюционной эпохи, приехавших на Амур из других городов и краёв Российской империи, Фёдор (Феодор) Филиппович Коротаев был одним из первых по-настоящему амурских авторов: здесь он появился на свет, здесь вырос, здесь получил образование — окончил мужскую гимназию в Благовещенске, здесь прошла вся его сравнительно короткая жизнь.

Родился он в Благовещенске в 1881 (по другим сведениям — в 1883) году. Ф. Коротаев был представителем третьего поколения известной молоканской купеческой династии Благовещенска ¹, играл видную роль в местной молоканской общине, в общественной жизни города, в частности, являлся гласным городской думы. Ф. Коротаев был образованным, идущим в ногу со временем, преуспевающим коммерсантом, имевшим широкие торговые связи, в том числе с заграничными фирмами. Занимался он и благотворительной деятельностью.

Немалую роль Коротаев сыграл и в становлении местной журналистики, местной литературы. Он был основателем, одним из авторов, а в какие-то периоды и редактором газеты «Благовещенск» (1907–1912), издававшейся на деньги купцов-молокан.

В «Благовещенске» Коротаев публиковал произведения разных жанров — рассказы-притчи, басни, заметки, но чаще всего — стихи: «Былое» (1907. № 79. 18 сентября), «Казнь» (1907. № 81. 20 сентября), «Осень» (1908. № 204. 24 сентября), «Чума и фельдшер» (1908. № 206. 26 сентября), «Жалобы мертвеца (Из осенних мотивов)» (1908. № 263. 9 декабря), «Ах, мороз, морозец...» (1908. № 263. 9 декабря), «Транспорт на Зее» (1908. № 265. 11 декабря), «Другу» и «Жизнь — борьба» (1910. № 1. 6 января), «Песня» (1910. № 2. 8 января), «Горе бабушки Ненилы» (почему-то опубликовано дважды — в №№ 15 и 16 — 28 и 29 января 1910) и др. Большинство из них позже будет включено в «Сборник стихотворений Фёдора Коротаева» (1912), о котором речь впереди.

¹ Биографические сведения о поэте, о его родословной можно найти в статьях: Рожкова В.П. Материалы к биографии амурского поэта Ф.Ф. Коротаева // Амурский краевед: информационный вестник. № 1 (20). Благовещенск: Амурский обл. краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 1993. С. 62–67; Бачурин М. Прерванная песня // Благовещенск. 2007. № 25 (22 июня). С. 10.

Фёдор Коротаев — ведущий поэт «Благовещенска», чаще него в газете не публиковался никто. Впрочем, других столь же заметных авторов поэтических текстов у этого периодического издания не было. Для произведений «штатного» стихотворца «Благовещенска» характерна склонность автора к нравственно-религиозному проповедничеству. Мораль, которую он неустанно декларирует, очень часто заслоняет картины амурской жизни, они становятся для автора лишь поводом для сентенций. Характерный пример — стихотворение «Осень»:

Осень. Холодно и сыро,
Ветер северный гудит,
В поле пусто и уныло,
Лист желтеет и летит...

Однако, как оказывается, описание промозглого осеннего пейзажа — вовсе не самоцель для автора, в финале он вдруг неожиданно делает выпад против докторов, которые берут деньги за лечение больных, простуженных детей:

Докторам доходы в руки
Сами чудные ползут,
Хоть полно их сердце муки,
Всё же денежки берут!

В общем, мораль вполне в духе газеты «Благовещенск», хотя, в отличие от ведущего публициста газеты Константина Константиновича Куртеева 1-го, печатно оскорблявшего известных в городе врачей, поэт не переходит на личности, не называет имён этих самых докторов, берущих за свою работу деньги. А кроме того, Коротаев не изображает их законченными злодеями, допускает, что «полно их сердце муки».

Стихи Ф. Коротаева в большинстве своём тоскливы, унылы, наполнены жалобами и сетованиями. В одном из произведений поэту даже пришлось объяснять причину своей печали: «Ты говоришь, что пою я печальные песни, / Но весёлые где же мне взять?» («Другу»). Хотя поэт был вполне успешным и образованным благовещенским коммерсантом, журналистом, общественным деятелем, большинство его стихов почему-то воссоздают не хорошо ему знакомые интерьеры домов молоканских купцов или городских присутственных мест, редакций газет, а крестьянские хаты — несколько стилизованные, «олига-тературенные», в духе поэзии крестьянских поэтов XIX века: «Темно в хате деревенской, / Сырость, плесень по углам / И раздолье сплет-

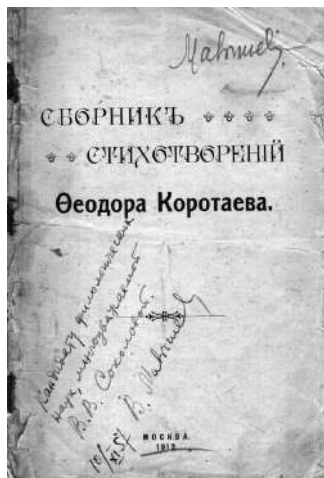
не женской, / Надоевшей мужикам...» («Деревенская хата»).

Сотрудничал Ф. Коротаев также в «Амурской газете», «Амурской речи», «Эхе», других периодических изданиях. В них он печатал стихотворения, очерки, фельетоны, статьи на темы местной жизни (в том числе о жизни молоканской общины города) за подписями (под псевдонимами) *Z, Он самый, Молоканин, К. Ф., Ф. К., Фео, Тео, Ф. Дудка* и др.

В 1912 году в Москве, в типографии О. Морнеля и А. Майера, вышла книга под названием «Сборник стихотворений Фёдора Коротаева». Почему автор решил издать её в Москве, а не в Благовещенске, не очень понятно. С точки зрения качества полиграфии ничего особенного в этой 80-страничной книжке нет, в родном городе отпечатали бы ничуть не хуже. Бросается в глаза и некоторое несоответствие между названием сборника и реальным его содержанием: в «сборник стихотворений» оказались включены не только басня «Купец и конкурент», но даже прозаические произведения — очерк «Ранний брак», сказка «Ёлочка». Тот, кто готовил книгу к печати, похоже, не являлся профессионалом в деле издания художественной литературы и не очень-то разбирался в специфике литературных родов и жанров. Будь среди издателей люди сведущие, они наверняка посоветовали бы автору подумать и над названием сборника, ибо имеющееся удачным не назовёшь ввиду его абсолютной безликости. А между тем в начале XX столетия в России ни для кого уже не было секретом, что оригинальный, броский заголовок — одно из слагаемых успеха книги. Вспомним хотя бы дерзко-эпатажные заголовки изданий футуристов: «Пощёчина общественному вкусу», «Требник троих», «Дохлая луна». Или названия поэтических книг, находившихся в центре читательского и

Ф.Ф. Коротаев

критического внимания в те годы, когда создавался и печатался сборник Ф. Коротаева: «Вечер» и «Чётки» Ахматовой, «Стихи о Прекрасной Даме» и «На поле Куликовом» Блока, «Путь конквистадоров» и «Жемчуга» Гумилёва, «Сосен перезвон» Клюева, «Я» и «Простое как мычание» Маяковского, «Громокипящий кубок» и «Ананасы в шампанском» Северянина... Автору могли бы порекомендовать, по крайней мере, вынести на обложку название одного из произведений. Хотя и с этим у Ф. Коротаева тоже были сложности, так как большинство заголовков его стихотворений однообразно-безликие, усреднённые, типовые, не отражающие ни колорит родного автору Приамурья, ни особенности авторского мировидения: «На базаре», «Бабушка и внучка», «Степь», «Раздумье», «Мать», «Русь», «Лес», «Казнь», «Дедушка», «Зоренька», «Орёл», «Ветер»...

Некоторая вторичность, узнаваемость тем и мотивов, интонационного рисунка, рифм — отличительная особенность книги Коротаева. Видимо, сюжеты и проблематику он черпал преимущественно из произведений наиболее близких ему поэтов — М. Лермонтова, А. Кольцова, И. Сурикова, Н. Некрасова. В некоторых случаях такие перепевы больше походят не на творческое преломление традиций, не на художественно оправданное использование аллюзий и реминисценций, а на откровенную цитацию (так что в каком-то смысле Ф. Коротаев предвосхитил поэтику центона, почти на век опередив современных поэтов-постмодернистов, вроде Тимура Кибирова). Таково, например, стихотворение «Ангел (В рождественскую ночь)»:

По небу из города Ангел летел,
Усталый, он песни не пел. —
За праздник немало душ мёртвых он снёс,
Из мира печали и слёз (с. 72) ².

Эта строфа является не очень искусной переделкой (ремейком, как сказали бы сейчас) знаменитого стихотворения Лермонтова:

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел...
Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз...

²Здесь и далее произведения Ф. Коротаева цитируются по изданию: Сборник стихотворений Фёдора Коротаева. М.: Типография О. Морнеля и А. Майера, 1912. 80 с. В круглых скобках указываются страницы.

По такому же принципу строится стихотворение «Незасеянная полоса», уже самым названием напоминающее хрестоматийное произведение Некрасова «Несжатая полоса» («Поздняя осень. Грачи улетели, / Лес обнажился, поля опустели, / Только не сжата полоска одна. / Грустную думу наводит она...»). Вот как выглядит первая строфа этого стихотворения Коротаева:

Лето промчалось. Поля пожелтели,
Колосом спелым пшеница шумит,
Всюду земные плоды уж созрели,
Только полоска пустая лежит (с. 31).

Ещё один характерный пример, демонстрирующий вторичность большей части поэтического наследия Ф. Коротаева, — стихотворение «Степь»:

Ой ты, степь моя,
Степь широкая!
Отчего ты степь
Вся повисхла?
На тебе ли степь
Травка жёлтая
Под глубокий снег
Схоронилась.
Стала ты теперь,
Словно мачеха,
Холодна, бела,
Неприветлива!.. (с. 14)

Является ли этот текст самостоятельным? Увы, лишь в малой степени... Слишком ощутимо в нём присутствие мотивов и даже некоторых строчек, знакомых нам по произведениям русских поэтов XIX века. Не представляет большого труда «вычислить», какой именно классический текст вдохновил амурского автора на создание «Степи» — стихотворение известного крестьянского поэта Ивана Сурикова «Косари» (1870–1871):

...Ах ты, степь ли моя, степь широкая!
Поросла-убралась ты травой-ковылём,
Да песками ты, степь, позасыпалась;
На тебе ль от беды, на просторе степном,
Не одна голова вихрем мыкалась...

Чуть меньше в «Степи» ощутимы отголоски созданного несколькими десятилетиями ранее стихотворения Алексея Кольцова «Косарь» (1836):

...Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко, ты, степь,
Пораскинулась...

Но влияние в последнем случае сказывается не столько на уровне основных мотивов (стихотворение Кольцова имеет оптимистический характер), сколько в интонационном рисунке и образном строе произведения Коротаева.

Похоже, автор не рассчитывал, что книга его попадёт в руки профессиональных критиков и писателей, получит широкое распространение, в том числе в среде искушённых читателей. Наверное, сборник предназначался для читателей невзыскательных, заведомо настроенных к автору благожелательно. «Сборник стихотворений Фёдора Коротаева», как можно предположить, распространялся в основном среди друзей, знакомых, среди тех, с кем автор был связан профессиональными, творческими, общественными интересами. Об этом, в частности, свидетельствует включение в состав книжки стихотворения «Проповеднику жизни новой», посвящённого К.К. Куртееву. Как известно, в Благовещенске было двое К.К. Куртеевых — отец и сын, и с каждым из них автор сборника был знаком. Сотрудник Амурского областного краеведческого музея В.П. Рожкова считала, что поэт адресует своё стихотворное послание первому из них³. Согласиться с этим мнением, не подкреплённым, кстати, никакой аргументацией, трудно. В данном случае имеется в виду, судя по всему, Константин Константинович Куртеев-младший, или Куртеев 2-й, — ровесник Фёдора Коротаева. Как и автор сборника, в начале 1900-х годов Куртеев-младший являлся сотрудником «Амурской газеты», «Благовещенска» и некоторых других городских газет. Примерно в 1907 году он переехал в Хабаровск, где редактировал газету «Приамурье», а чуть позже стал преподавателем Дальневосточного университета (Владивосток). Именно последнее обстоятельство, надо полагать, стало поводом для создания этого стихотворения, в котором автор благослов-

³ Рожкова В.П. Материалы к биографии амурского поэта Ф. Ф. Коротаева // Амурский краевед: информационный вестник. № 1(20). — Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 1993. С. 63–64.

ляет своего друга, избравшего столь благородное поприще — «сеять разумное, доброе, вечное» в юные души:

...Так и ты над душой молодую
Потрудись своей речью живою;
Пробуди ты в душе молодой
Правды, совести луч неземной,
И желание жизни кипучей! (с. 18)

Художественный уровень большинства произведений Ф. Коротаева, что называется, оставляет желать лучшего. Для них характерен чрезмерный дидактизм, склонность автора к морализированию, к нравственно-религиозному проповедничеству. Мораль, которую он неустанно декларирует, очень часто заслоняет сами картины амурской жизни, становящиеся поводом для сентенций. Типичный образец — стихотворение «На крутом берегу быстрой Зеи реки...», которым автор открывает сборник:

На крутом берегу быстрой Зеи реки
Появился кабак обирать пятаки.
Появился кабак — полилось вино
И в карманы крестьян забралось оно;
Забралось оно, затуманило ум,
И поднялся содом и послышался шум... (с. 5)

Упоминание реки Зеи в стихотворении — ничего не значащая деталь. Никакого местного колорита, местной специфики здесь нет и в помине. Если, предположим, заменить Зею другой рекой — Волгой, Камой, Вяткой, Леной, или даже переместить кабак, вписать его в принципиально иную местность, в иной регион — ничего по существу не изменится. Коротаев пишет не о такой специфической категории, как жители Амурского края, а о русском крестьянстве вообще, о крестьянине как таковом. А в целом ситуация, которую он воссоздаёт в своём стихотворении, — лишь повод для наставления, адресованного тем, кому автор сочувствует и кого он пытается предостеречь от порока:

Эй, крестьянин, мой друг! береги ты свой век,
Не ходи ты в кабак, пожалей ты себя,
И сторицею Бог успокоит тебя!
Пожалей ты семью, пожалей и детей —
Ведь погибнут они в этой страсти твоей... (с. 3)

Ещё одно произведение, в котором тоже есть атрибут амурской жизни (в данном случае упоминается центральная улица Благовещенска), но почти не ощущается местный колорит, — стихотворение «Ах, мороз, морозец...»:

Рад морозу, в тёплой шубе,
С молодой женою
Мчится купчик, словно птица,
Улицей Большою.

Хорошо хвалить морозец
Коль на плечах шуба,
Из мехов заморских,
Кенгуры пушистой... (с. 44)

Но, разумеется, есть в сборнике Ф. Коротаева стихи, заслуживающие самого серьёзного отношения. В их числе — стихотворение «Пионеры (Переселенцы 1861–63 г.)», в обобщённой форме передающее умонастроение, чувства тех, кто, как и предки Фёдора Коротаева, его дед и бабушка, в числе первых осваивал амурские земли. Кто с тоской покинул «родину святую» и в течение двух лет добирался сюда, чтобы в труднейших условиях, живя в шалашах и землянках, строить дороги, «поля пшеницей засевать», на «топком диком берегу» отстраивать «великий город» — Благовещенск. Кто верил в будущее этой земли, которой ещё только предстояло стать подлинно русской:

Настанет время — пароходы
Амур пустынный оживят;
Пройдут горами паровозы,
Аэропланы полетят.
И станет край Амурский русским
И будет родиной второй.
И, может быть, спасибо скажут,
Что мы трудились над тобой (с. 68).

По некоторым данным, Фёдор Коротаев погиб 1 или 2 марта 1918 года — во время подавления так называемого Гамовского мятежа. Он был злодейски убит — застрелен среди бела дня на одной из улиц Благовещенска. Есть свидетельства, что Коротаев готовил к печати вторую книгу, рукопись которой, судя по всему, навсегда утрачена.

История о том, как поссорился Фёдор Иванович с Фёдором Филипповичем

*Об одной характерной особенности
литературной жизни Приамурья начала XX века*

Попытаемся представить такую радужную картину. Начало XX столетия. Небольшой, пока ещё очень юный провинциальный город губернского (областного) значения на дальневосточной окраине великой Российской империи. Город с благозвучным названием переживает бурный экономический рост, как, впрочем, и вся империя в целом. Темпы, динамика этого роста, особенно если сравнивать с экономикой сегодняшней России, не могут не восхищать. В культурной жизни города — те же благодатные процессы, что и в двух столицах: после ставшего уже областью преданий Золотого века — на дворе век Серебряный, ничем, впрочем, не уступающий своими литературными достижениями веку пушкинскому. В небольшом городе несколько театральных трупп, с которыми работают известные в пределах всей страны антрепренёры Иван Арнольдов и Ефим Долин, среди театральных постановок, имеющих особенный успех у публики, — спектакли по произведениям амурских литераторов: «Идея» В.Л. Андриенко, «Амурские волки» А.И. Матюшенского... Нет недостатка и в типографиях, оборудованных по последнему слову техники, выпускающих газеты и книжную продукцию, в том числе высокого для того времени полиграфического и эстетического уровня. Издаётся множество газет — как говорится, на любой вкус: тут тебе и респектабельная официозная «Амурская газета», и откровенно антиреволюционный «Амурский вестник», и махрово-консервативный «Благовещенск», и демократический «Амурский край», и умеренно-прогрессивные «Амурский листок», «Эхо», «Амурское эхо», «Амурская речь», «Амурские отголоски», и, наконец, бульварные «Амурский пионер» и «Благовещенское утро»... Спорадически выходят литературные журналы: «Колючки», «Бузуй», «Зея», «Записки любителя»... В небольшом по российским масштабам городе с населением 50 тысяч человек — настоящее созвездие литературных талантов. Особый предмет гордости — плеяда блестящих сатириков-фельетонистов во главе с «амурским Сашей Чёрным» Фёдором Чудаковым (псевд. *Амурец, Босьяк, Гусяр, Язва*): Евгений Александров

(Бурхан, Искандер), Николай Шилов (*Коля Шилов*), Тимофей Еращенко (*Ёриш*), Пётр Колмаков (*Глаголь*). В городе есть наделённые несомненным художественным даром беллетристы: Генрих Баранович, Александр Матюшенский, тот же Чудаков, а уж самобытных лириков — и того больше: Фёдор Коротаев, Герасим Шпилёв, Елизавета Юхоцкая, Екатерина Михайлова, Филипп Дан... Все газеты буквально в каждом номере печатают фельетоны, сатирические стихи, лирику, очерки, рассказы, повести, даже романы местных авторов, а также литературные обзоры, критические статьи, рецензии. Ничего подобного амурская литература не знала ни до, ни после — включительно до середины 1950-х. Настоящая литературная феерия! Идиллия...

Впрочем, стоп, не вполне идиллия. Если снять розовые очки, увидишь совсем иное, явно не идиллическое. Скорее противоположное: в годы Первой русской революции и после свирепствует драконовская цензура, идёт политический сыск, многие журналисты и писатели «под колпаком» — гласным или негласным надзором полиции или жандармского ведомства, власть оказывает жесточайшее давление на свободное слово. Местная администрация при финансовой поддержке богачей — купцов-мукомолов, пароходчиков, золотопромышленников — поощряет одних журналистов, редакторов, издателей, писателей и преследует других. Одних, что называется, холит и лелеет, полностью содержит или подкармливает субсидиями — финансовыми «пирогам и пышками», тогдашними «печеньками». Других воспринимает как врагов отечества, как «внутренних супостатов», а потому жалует им исключительно «синяки и шишки», раздаёт звучные «оплеухи» и «затрещины» — чтоб другим неповадно было. Издателей, писателей, редакторов, журналистов, за исключением лояльных по отношению к властям, беспрестанно привлекают к административной или даже уголовной ответственности (Иосиф Постернак). «На горке», так тогда называли благовещенскую тюрьму, построенную на возвышенности, перебивали — как правило, не по одному разу — многие редакторы и издатели: Георгий Клитчоглу («Амурский край»), Александр Матюшенский («Амурский пионер» и «Благовещенское утро»), Роман Типцов («Заря Востока»), Фёдор Чудаков («Шпильки»). Особенно непокорных литераторов, издателей высылают (Иван Мокин) или пытаются выслать (А. Матюшенский) за пределы Амурского края. На редакторов и издателей «прогрессивной», либерально-демократической ориентации налагают, причём по самым безобидным поводам, неподъёмные штрафы: так, например, были задушены в

несколько приёмов неугодные властям «Амурские отголоски». Газеты одну за другой за «вредное направление» приостанавливают или закрывают, какие-то из них успевают выпустить лишь по несколько номеров: «Амурский голос» просуществовал с 15 по 27 февраля 1909 года, подписчики получили 11 номеров; «Амурская речь» — с 21 декабря 1908 по 18 января 1909, всего вышло 16 номеров. «Амурский летописец» (1906) прожил немногим дольше — чуть более двух месяцев, успев выпустить 37 номеров. Так что на их фоне упомянутые выше «Амурские отголоски», выходявшие с большими перерывами с 30 мая 1907 по 19 октября 1908 года, — почти долгожитель.

Но давление властей — не единственная беда.

На небольшом культурном пространстве ежедневно идут жестокие междоусобные схватки. Газеты разделились на непримиримые общественно-политические лагеря, лупят друг друга почём зря, выплёскивают на оппонентов ушатy грязи, с азартом копаются в грязном белье, используют бранную лексику, наклеивают оскорбительные ярлыки, переходят на личности.

Очеркист, публицист, редактор Анатолий Александрович Константинов объявляет смертельную войну своему недавнему союзнику по газете «Амурский листок» Александру Ивановичу Матюшенскому, методично, изо дня в день на протяжении многих месяцев печатно называет *вором, хищником, авантюристом, аферистом, преступником, клеветником, провокатором* — и так далее, и тому подобное. Не остаётся в долгу и Матюшенский: на страницах его газеты «Амурский пионер» Константинов аттестуется как *вор, прощелыга, мошенник, взяточник, уголовник, аморальный тип*. И всё это с привлечением фактов, свидетельств. Так что легко можно было бы данную статью посвятить теме «История о том, как поссорился Анатолий Александрович с Александром Ивановичем».

Константинов ожесточённо бьётся не только с Матюшенским, ещё один его лютый враг — Фёдор Чудаков. С ним он сражается столь же страстно, с той же яростной непримиримостью, с помощью всё тех же универсальных приёмов: оскорбление, наклеивание позорных ярлыков... Но получает в ответ несколько чувствительных печатных ударов от лучшего амурского сатирика — остроумных, язвительно-ироничных, совершенно убойных — и при этом почти без оскорбительных эпитетов, без брани... Так что можно было бы написать статью и на тему «История о том, как поссорился Анатолий Александрович с Фёдором Ивановичем (и был им нещадно бит)».

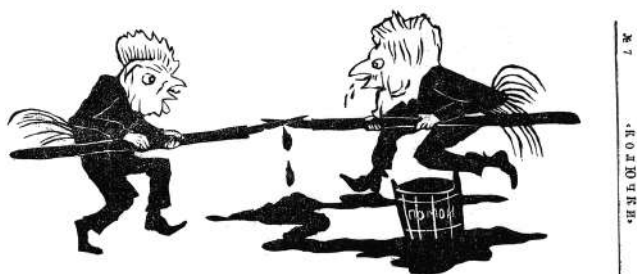
Или — чем не тема: «История о том, как поссорился Константин Константинович со всеми остальными амурскими журналистами и литераторами»? К.К. Куртеев 1-й (*первым* или *старшим* его называли для того, чтобы не путать с Константином Константиновичем Куртеевым 2-м или *младшим* — его сыном, тоже журналистом) — редактор газеты «Благовещенск», объявивший крестовый поход против всей демократической интеллигенции, в том числе творческой. В своём поистине маниакальном стремлении опорочить уважаемых в городе людей, представляющих «прогрессивную» интеллигенцию, Куртеев 1-й не брезговал ничем: ни клеветой, ни сплетней, ни наклеиванием оскорбительных ярлыков: *праздные болтуны, недоучки, нравственные босяки* и т.п.

Куртеев стал ключевым персонажем прозаического фельетона *Язвы* (Фёдора Чудакова) «Дуэль»¹. Поводом для его написания послужил подлинный случай, о котором сообщается в предисловии: «Редактор “Благовещенска” вызывает трёх других редакторов известных изданий на дуэль через платок. (Хроника)». Обращение к этому анекдотическому случаю дало автору фельетона возможность довести до читателей сатирического журнала «Колючки», где и была напечатана «Дуэль», мысль, что проблемы печати не сводятся лишь к давлению на неё извне, к действиям государственных институтов по удушению свободы слова. Российская журналистика, в изображении *Язвы*, поражена теми же самыми недугами, что и всё российское общество в целом: ради привлечения подписчиков и финансового благополучия она готова «копаться в навозе», заниматься «коммерцией», быть «содержанкой» богатеев. В фельетоне, имеющем подзаголовок «Фантазия», автор в юмористическом ключе попытался представить, как бы могла пройти дуэль, если бы она состоялась. Её участниками становятся редактор «Эха» Николай Филиппович Губанов, редактор «Амурского листка» Анатолий Александрович Константинов, редактор (неофициальный) «Колючек» Фёдор Иванович Чудаков.

Помимо воздействия, которое оказывает на культуру дикий капиталистический рынок, другая, ещё более серьёзная напасть — социально-политическое, классовое противостояние, втянувшее в свою орбиту практически всех амурских пишущих людей, в том числе и автора упомянутого фельетона «Дуэль» Фёдора Чудакова.

Остановимся лишь на одном сюжете (хотя им несть числа) — на ссоре, на полемике Чудакова с Коротаевым.

¹ Колючки. № 7. 1910. 24 января. С. 11–12.

Местные газеты рѣшаютъ принципиальные разногласія.

Рисунок Ф. Чудакова, опубликованный в сатирическом журнале «Колосочки» (№ 7. 1910)

Фёдор (Феодор) Филиппович Коротаев (1881–1918) — представитель третьего поколения известной молоканской купеческой династии Благовещенска, игравший видную роль в местной молоканской общине, в общественной жизни города. Он был образованным, преуспевающим коммерсантом, занимался благотворительной деятельностью.

Коротаев сыграл значительную роль и в становлении амурской журналистики, был основателем, одним из авторов, а в отдельные периоды и редактором газеты «Благовещенск» (1907–1912). Активно сотрудничал также с «Амурской газетой», «Благовещенским утром» и «Амурской речью». В этих изданиях печатались его многочисленные стихотворения, очерки, фельетоны, статьи на темы местной жизни за подписями (псевдонимами) *Z*, *Он самый*, *Молоканин*, *Фео*, *Ф. Дудка* и др. В 1912 г. в Москве вышла первая и единственная его книга — «Сборник стихотворений Фёдора Коротаева». Она вобрала в себя тексты, прежде печатавшиеся на страницах амурских газет. Для произведений Коротаева характерен дидактизм, склонность автора к морализированию, к нравственно-религиозному проповедничеству. Своей лирой Фёдор Коротаев пытался исправлять общественные нравы, пробуждать у читателей «чувства добрые».

И вот в конце января 1910 года в сатирическом журнале «Колосочки» как гром среди ясного неба появился оскорбительный по тону фельетон *Гуслера* (Ф. Чудакова) «Типы избирателей». Повод — общественная деятельность Ф. Коротаева (являвшегося в тот период гласным городской думы), его участие в обсуждении проектов благоустройства Благовещенска. Мнение двух общественных

комитетов — какие проекты поддержать — разошлись. Участником этого спора был и Ф. Коротаев, которому *Гусляр* посвятил свой фельетон:

В президиуме 2-го общества избирателей и обывателей есть очень любопытный тип идеалиста-коммерсанта.

Это Фёдор Коротаев. Тот Фёдор Коротаев, который пишет стишки на тему о вреде пьянства, о народном невежестве, о том, что вот, мол, скоро придёт время, когда все люди будут братьями, не будет на свете разных неприятных вещей, вроде городских, кутузок и тому подобного.

Стишки Фёдора Коротаева показывают, что у него есть кое-какие убеждения, кое-какие стремления, кое-какие надежды.

А вот общественная деятельность этого идеалиста — уже дистанция огромного размера в сторону не очень хорошую...

Именно в сторону довольно некрасивой игры на народной темноте, против которой он борется в стишках.

Причём — и это самое главное и самое интересное — игра эта ведётся сознательно. Как человек более или менее умный, Фёдор Коротаев это понимает и поэтому всячески старается замаскировать свою неискренность.

Ухватив слепого избирателя за нос, Фёдор Коротаев знает, что ведёт его в канаву, но об этом ни гу-гу.

Обыватель слышит от него умильные рифмы, как «братья» и «объятья», и слепо вручает ему свой нос: разве такой милый парень заведёт в канаву?!

А милый парень ведёт себе да приговаривает:

— Не бойся, брат мой, уж я тебя доведу.

...На том же собрании, когда зашёл вопрос о проектируемом первом обществом мощении улиц, Фёдор Коротаев говорил так:

— Нам надо школы строить, у нас школ нет, а они улицы мостить хотят. Надо сперва умы мостить, а не улицы.

И Фёдор Коротаев мостит умы. Да так мостит, что и любой инженер позавидует. Ловкий парень, этот настельщик мостов! Впору хоть к Маркову 2-му² для довершения этого похвального мастерства посылать³.

² Марков Николай Евгеньевич (Марков 2-й) (1866–1945) — русский политик крайне правых взглядов, один из лидеров Союза русского народа, глава фракции крайне правых в III и IV Государственной думе. Марков 2-й имел репутацию скандалиста (большинство потасовок в Думе были связаны с его именем) и антисемита.

³ *Гусляр* (Чудаков Ф.). Типы избирателей // Коллочки. № 8. 1910. 31 января. С. 6–7.

Причины появления этого фельетона, содержащего грубый выпад по адресу известного и многими уважаемого амурского поэта, журналиста, редактора, общественного деятеля, понять непросто. Коротаев, в отличие от ряда других благовещенских редакторов (А.А. Константинова, К.К. Куртеева, А.И. Матюшенского), никогда не был героем скандальной хроники, не являлся конфликтным человеком. Не принадлежал ни к какой партии. Никаких публичных столкновений с Чудаковым или с кем-то другим у него прежде не было. Более того, незадолго до публикации в «Колючках» фельетона «Типы избирателей» Ф. Чудаков напечатал в этом журнале стихотворение Ф. Коротаева «Море»:

Взволновалось сине море,
Вековые скалы бьёт,
О свободе и просторе
Песни вольные поёт.
За волной волна стремится,
Нет уж прежней тишины,
Сила грозная родится
И встаёт из глубины.
Смотрят скалы с удивленьем:
Что с пучиною морской?
И с тревогой и смущеньем
Ждут: ударит страшный бой!
Век, пучина, ты дремала
В мёртвый сон погружена,
И стопы наши лизала
Лести полная волна.
Мощны, силой некрушимой
Над тобой стояли мы,
Внемля песне говорливой
Нас ласкающей волны.
Брызги к нам порой летели,
Ропот бурный достигал,
Но смирять его умели
Мы в тисках холодных скал.
И пучина отступала,
Грудой скал окружена,
И до нас лишь долетала
Нам покорная волна.
Тишина была немая
У высоких берегов,

Ты молчала, засыпая
И не чувствуя оков.
Но теперь ты взволновалась
В гневе яростном бежишь
И, о скалы ударяясь,
Белой пеною кипишь.
Сокрушить ты нас желаешь,
Встав от спячки вековой,
Волны грозно поднимаешь
И ведёшь на страшный бой.
Впереди тебя не видим
Мы волны, ласкавшей нас,
Вместо лести крики слышим:
«Сторонись, не нужно вас!
Дайте нам простор и волю —
Мы пойдём тогда вперёд
И свою поищем долю,
Сбросив тяжести невзгод»⁴.

Публикация эта вызывает вопросы, на которые непросто ответить. Зачем «Колючки», фактическим редактором которых был Чудаков (номинальным — Алексей Ильич Хворов), напечатали стихотворение во многих отношениях чуждого направлению журнала автора? Чем объяснить, что обычно крайне осторожный и взвешенный в выражении своих политических взглядов Коротаев решился опубликовать аллегорическое по форме, но содержательно недвусмысленно революционное, антиправительственное произведение, да ещё и в периодическом издании, которое постоянно пикировалось с газетой «Благовещенск»? Почему, наконец, стихотворение «Море» подписано не одним из псевдонимов Ф. Коротаева (как он обычно делал во всех других периодических изданиях), а подлинным именем: *Фёдор Коротаев*? Особенно странной эта публикация выглядит в свете того, что «Колючки» вообще крайне редко печатали кого-нибудь, кроме Ф. Чудакова, выступавшего под разными псевдонимами. А если кого-то и печатали, то лишь под прикрытием псевдонимов — причём, как правило, ранее не применявшихся (из-за чего крайне трудно определить весь подлинный круг авторов журнала). Все эти странные обстоятельства дают се-

⁴ Коротаев Фёдор. Море // Колючки. № 4/5. 1909. 6 декабря. С. 18–19.

рьёзные основания для предположения, что Чудаков опубликовал не предназначавшееся для открытой печати стихотворение Коротаева, причём без разрешения (и даже без уведомления) автора. Если всё было именно так (а это очень похоже на правду), Ф. Коротаев не мог не возмутиться и не высказать в адрес фактического редактора «Колючек» резкие слова. А это, в свою очередь, могло побудить сатирика написать фельетон «Типы избирателей», в котором он вывел Коротаева двуличным человеком, «стишки» которого никак не связаны с содержанием и направленностью его общественной деятельности.

Публикация *Гусляра* больно задела Коротаева. В статье «Мой взгляд на городские дела», напечатанной в «Благовещенске», он с неодобрением отверг обвинения Чудакова:

В № 8 «Колючек» за текущий год некто «Гусляр» поместил статью под заглавием «Типы избирателей», в которой он, стараясь скомпрометировать меня в глазах общества, презрительно относится к моим стихам, сравнивает меня с шулерами и разными тёмными господами, обвиняет меня в неискренности и сознательном обмане избирателей, говорит, что я играю на народной темноте.

Не Гусляру критиковать мои стихи. Я писал их не для него, а для себя. В них вкладывал я всю душу и с ними я отдыхал от всех треволнений жизни, забывал массу неприятностей, столкновения с пройдохами и авантюристами и снова начинал верить в светлое будущее человечества. Они помогали мне сохранять душу и не давали разлагаться ей. И я до сих пор помню слова Станислава Осиповича Хлусевича ⁵: «Феодор Филиппович, сохраните стремленье к свету и знанию, и вы будете честны!» <...> Да, я могу сказать, что хотя я и коммерсант, но торговал только товаром, а не честью, не совестью, не добрым именем ⁶.

Обращает на себя внимание вызывающая уважение порядочность Феодора Филипповича: прекрасно зная о том, кто скрывается под

⁵ *Хлусевич Станислав Осипович* (1861–1918) — административно-ссылный, жил в Благовещенске в 1898–1906 гг., служил управляющим городского отделения Сибирского банка, в 1905–1906 гг. участвовал в деятельности «Союза амурских прогрессивных групп», пользовался большим авторитетом в либерально-демократических кругах столицы Приамурья.

⁶ *Коротаев Ф.* Мой взгляд на городские дела // Благовещенск. 1910. № 19. 2 февраля.

псевдонимом *Гусляр*, он не стал раскрывать его, не стал переходить на личности, предпочтя полемизировать не с Фёдором Чудаковым как человеком, а лишь с одной из его литературно-публицистических масок.

Немного позже Ф. Чудаков, очевидно не желая, чтобы последнее слово оставалось за Ф. Коротаевым, вновь сделал резкий выпад против своего коллеги по поэтическому цеху, опубликовав в газете «Амурский край» фельетон «В кривом зеркале (*Отражения жизни нашей изо дня в день*)». Коротаеву посвящена вторая часть фельетона — «Квартет с приключением»:

Ефимов, Власов, Залетаев ⁷
Да Фёдор Коротаев
(Известный идеальный наш поэт)
Затеяли сыграть квартет.
Не для того, чтоб мог их свет послушать,
А чтоб самим, окончивши игру,
Засесть, пирог общественный покушать.
Сначала шло всё подобру
Да поздорову. Вдруг скандал:
Внезапно Федя увидал,
Что это музыка совсем плохого сорту!
«Да ну вас к чёрту!» —
Кричит он Власову и прочим иже с ним. —
Из вас мне каждый очень гадок!
От вас в моей душе осадок!
И с сердцем замечательным моим
Случился чуть ли не припадок!
Я презираю вас! Долой!
Вы так противны честному поэту!»
И, написав письмо в газету,
Пошёл писать стихи домой.

⁷ Ефимов, Власов, Залетаев — благовещенские коммерсанты, двое последних — гласные городской думы Благовещенска. Ефим Андреевич Власов фигурирует также в фельетонах «В новой думе» (Эхо. 1910. № 448) и «Типы избирателей» (Колючки. № 8. 1910). Иван Васильевич Залетаев — владелец винно-колонийного и гастрономического магазина, коллежский секретарь, полицейский пристав 2-го участка городского полицейского управления, представитель жены, Анны Алексеевны, в городской думе. Как и Власов, упоминается в фельетоне «Типы избирателей».

Проходит час, проходят сутки...
А Федя думает: «Нет, дудки!»⁸
Погорячился сдуру я,
Ну, да простят меня друзья.
Я просто сон прескверный видел
И их по глупости обидел». —
И сразу на колени — бух —
И вопит во весь дух:
«Друзья! Простите! Я не буду!
Теперь я даже грамоту забуду,
Чтоб не могла смутить опять!!!»
А Власов гаркнул: «Смирно! Встать!»
На первый раз глупцов прощаем,
А на второй — вот этим угощаем!»
Тут Власов нечто показал,
Но я с испугу убежал!»⁹

И этот фельетон, причём в ещё меньшей степени, чем предыдущий, может быть отнесён к числу лучших у Ф. Чудакова. А всё потому, что сатирик руководствуется, прежде всего, желанием свести счёты с достойным человеком, к которому испытывает личную неприязнь, стремлением унижить его, задеть его человеческое достоинство, причём без каких бы то ни было веских, понятных читателям оснований.

10 (23) апреля 1912-го, то есть спустя два года, в фельетоне «Накипь дня (*Сошлись и заспорили...*)», опубликованном в газете «Эхо», Ф. Чудаков совершил третий язвительный выпад против Ф. Коротаева (см. об этом последнюю часть — «Гласные-мукомолы, или Слово о зерне» раздела «Образы гласных городской думы Благовещенска в стихотворных фельетонах Ф. Чудакова»).

А теперь о том, как завершились жизненные судьбы двух Фёдоров, двух столь несхожих по своим взглядам амурских литераторов, участвовавших в жестоких идейных баталиях начала XX века.

Фёдор Чудаков, вся его семья — жена Варвара, шестилетняя дочь Наташа, собака Макс, трагически ушли из жизни 28 февраля 1918 года, во время подавления так называемого Гамовского мятежа. Смерть сатирика стала формой протеста, неприятия жестокости

⁸ *Нет, дудки!* — игра слов: один из литературных псевдонимов Фёдора Коротаева — Ф. Дудка.

⁹ Амурский край. 1910. № 47. 10 (23) марта. С. 2.

революционного народа. То есть протеста против действий тех, кого Чудаков и многие иные амурские литераторы из демократического, социалистического лагеря неустанно призывали к бунту — своими произведениями и своим поведением, своей общественной позицией. Перед смертью Фёдор Иванович писал: «Жить больше не вижу возможности. Думаю, что прожил свою жизнь честно, сделал для народа всё, что был в силах, и теперь, видя, что народ идёт по ложному пути, ухожу от жизни»¹⁰. Накануне гибели писатель планировал издать собрание собственных сочинений.

Фёдор Коротаев, уповавший на просвещение народа, внушавший ему «чувства добрые» в своих моралистических произведениях, был застрелен среди бела дня на одной из улиц Благовещенска во время подавления всё того же Гамовского мятежа — возможно, в тот самый день, когда Ф. Чудаков, потрясённый кровавой вакханалией, учинённой в городе революционным народом, добровольно свёл счёты с жизнью. Есть свидетельства, что Ф. Коротаев готовил к печати вторую книгу, рукопись которой, судя по всему, навсегда утрачена.

Почти столетие ни о том, ни о другом участнике общественно-политического и литературного противостояния предреволюционной эпохи никто из представителей «народа» не вспоминал. Многочисленные читатели-современники Ф. Чудакова и Ф. Коротаева не сохранили для потомков не только их архивы, но даже могилы...

¹⁰ Отрывок из письма Ф.И. Чудакова к брату // Дятел, беспартийный. 1918. № 7. 14 (27) марта. С. 1.

Глава 2.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ЧУДАКОВ

(1888—1918)

Убитая песня

*Судьба выдающегося сатирика в контексте
трагической эпохи*

В первый весенний день 1918 года Благовещенск, ещё не пришедший в себя после ожесточённых уличных боёв, облетела потрясшая всех скорбная весть: накануне, в ночь с 28 февраля на 1 марта (по ст. стилю) покончил самоубийством самый известный в городе журналист и поэт Фёдор Чудаков. Вместе с ним счёты с жизнью свела его жена Варвара, учительница народного училища имени Льва Толстого. Мертва оказалась и единственная их дочь — шестилетняя Наташа. Бездыханным был даже Макс (Максимка) — собака Чудакова, верный четвероногий друг, с которым он не расставался со времени енисейской ссылки (1907–1908), забавный персонаж многих его очерков, юмористических рассказов, стихов и фельетонов.

Что же произошло в ту роковую ночь в доме по улице Соборной, 91 (ныне Октябрьская), что побудило Варвару Ипполитовну и Фёдора Ивановича принять столь чудовищное решение — убить и себя, и свою дочь? Предсмертная записка, опубликованная вскоре, особой ясности как будто бы не вносит (по крайней мере, для живущих веком позже): «Ко всем. Прощайте! Уходим от вас честными и чистыми: на наших руках нет крови. Будьте счастливы! Да здравствует разум! Фёдор Чудаков. В.И. Чудакова. 28 февраля 1918 г.». Спустя две недели стало известно содержание прощального письма, адресованного родному брату сатирика Дмитрию, простому типографскому рабочему, которое проливает дополнительный свет на причину случившегося: «...Умираем радостно. Впереди видим много лет скорби и муки. Подличать и приспособляться не желаем. Тебе, как рабочему, легче пере-

жить совершающееся... Жить больше не вижу возможности. Думаю, что прожил свою жизнь честно, сделал для народа всё, что был в силах, и теперь, видя, что народ идёт по ложному пути, ухожу от жизни. Думаю, что и это честно».

Судя по первой записке (и по «Завещанию Ф.И. Чудакова», напечатанному 14 (27) марта: «Похоронить нас просим всех вместе, но только после того, как будет установлено, что мы мертвы, а не находимся в обмороке»), задуман был бескровный уход. Как выяснили газетные репортёры, Чудаковы хотели покончить с собой с помощью угарного газа, закрыв раньше времени печные заслонки. Однако спустя какое-то время Фёдор и его жена, видимо, пришли в себя. Дочь была мертва или находилась в бессознательном состоянии. Выбора не было. Остаться в живых после смерти Наташи было выше их сил. И тогда в ход пошла хранившаяся в доме охотничья двустволка...

Как комментировали газеты того времени, причиной трагического ухода талантливого поэта стало то, что он, в недавнем прошлом ссыльный революционер, эсер по партийной принадлежности и убеждениям, не смог перенести дискредитации святых для него революционных, социалистических идеалов... Понять истинный смысл этих слов нельзя без обращения к историческому контексту.

С 21 по 28 февраля (с 6 по 13 марта по новому стилю) 1918 г. в Благовещенске разворачивались драматические события, вошедшие в исторические справочники под названием *Гамовский мятеж*. Накануне, с января, в городе фактически установилось двоевластие: городской Совет рабочих и солдатских депутатов провозгласил власть Советов, а земская управа, поддержанная казачьим войсковым правлением, отстаивала полномочия органов местного самоуправления. Непримиимые политические противоречия переросли в открытое столкновение, в результате которого город был захвачен отрядами добровольной гражданской милиции, сформированной земскими органами. Атаман Амурского казачьего войска И.М. Гамов был назначен военным руководителем исполкома Народного совета, сформированного из руководителей областной земской и городской управ. В Благовещенске прошли массовые аресты членов городского Совета, красногвардейцев, комиссаров. Сторонники советской власти отступили в пригород — Астрахановку, где начали формировать вооружённые отряды и ждать подкреплений из Забайкалья и Приморья. Решающие события произошли 27 февраля (12 марта), когда отряды красных повели наступление на Благовещенск. Бои на улицах города были жестокими, применялись пулемёты и артиллерия. К вечеру Благовещенск был в руках значительно превосходящих по численно-

Ф.И. Чудаков

сти войск революционного штаба, а 28 февраля, в день самоубийства Чудакова, оказались подавлены последние очаги сопротивления. Всё это сопровождалось убийствами мирных жителей, массовыми погромами, грабежами, в которых участвовали и криминальные элементы, и часть захвативших город красных. Жертвами этих событий с обеих сторон стали, по самым скромным подсчётам, около 400 человек. Несколько тысяч из числа противников советской власти, а также из числа интеллигенции и состоятельных горожан, спасаясь от смерти, бежали по льду на другой берег Амура — в китайский город Сахалин (ныне Хэйхэ).

Один из соратников Чудакова по журналистской работе вспоминал о последней встрече с ним:

«Перед наступлением [красных] из Астрахановки он заходил в редакцию “Голоса труда”. Узнав, что там хотят принять какие-то шаги к предотвращению кровопролития, Фёдор Иванович, бледный, осунувшийся, страшно расстроенный, потрясённый до последней степени, сдавленным, отрывистым голосом сказал:

— Поздно... уже... пулемёты... работают...

И в глазах у него стояли слёзы, и вся его фигура выражала глубокую, не передаваемую никакими словами печаль и острую душевную муку.

— Не выживет, — невольно подумали видевшие его в ту минуту, но, к сожалению, после его ухода все о нём забыли, будучи всецело поглощены надвигавшимся на город кровавым кошмаром».

О том, что происходило в эти дни в Благовещенске, рассказал в художественно-документальном романе «Враги» (1941) свидетель и участник событий Яков Лович (1896–1956), сын известного революционного деятеля Л.Г. Дейча, жившего в административном центре Амурской области в 1899–1901 гг.:

«Торжествующий рёв победителей по всему городу, смертельный вопль побеждённых — растерянных, мечущихся по улицам в поисках спасения.

Из дома в дом перебегают красные — опьянённые победой, безнаказанностью, стопками водки, кровью. Где-то в центре города застрелили, искололи штыками отца и сына Писаревских, зверски прикончили штыками визжавшего от боли и ужаса сына доктора Илюшу Хоммера, застрелили учителя Захарова, превратили в решето Емельянова. Пробили череп и изуродовали известного всему городу чудака и футуриста Флигельмантова <...>. Убит на улице миллионер Тетюков. Убил жену, дочь и себя поэт Чудаков, оставив записку, что разочарован в русском народе.

На тротуарах, у заборов, на крыльцах домов — трупы, трупы, трупы. Шёл повальный грабёж. Врывались, убивали, отнимали всё ценное, а то, что нельзя было взять с собою сразу, грузили потом на подводы. Били зеркала и посуду, ломали иконы и мебель, рубили шашками дорогие ковры, стреляли в люстры, распарывали штыками диваны, подушки, одеяла, обои».

До Чудакова доходили слухи о гибели друзей, об убийствах безоружных людей в их квартирах, о грабежах и насилиях, о валяющихся на улицах раздетых донага трупах «буржуев», о залитых кровью тротуарах. Знакомые поэта свидетельствовали: во время уличных боёв и сопровождавших их погромов Чудаков ждал, когда к нему ворвутся мародёры и избавят от необходимости быть свидетелем той мерзости, которая творилась святым для него именем революции. И когда он увидел, что «избавители» не являются к нему — «решил сам избавить себя и свою семью от дальнейших душевных мук и страданий». В свете всех этих чудовищных событий понятнее становятся слова из прощального письма, приведённого выше: «Уходим от вас честными и чистыми: на наших руках нет крови». Чудаковы, посвятившие свою жизнь борьбе за социальное освобождение народа, за справедливость и равенство, не хотели иметь ничего общего со своими недавними союзниками по революционному социалистическому лагерю, устроившими в Благовещенске бойню, пролившими реки крови. Словесное размежевание с бывшими соратниками, оказавшимися теперь убийцами и грабителями, не казалось им достаточным для выражения своего абсолютного неприятия большевизма. Нужен был поступок, а не слова, которые в данной ситуации никого отрезвить не могли. Ценой собственных жизней, ценой жизни единственного ребёнка они хотели выразить отношение к тому, что творят «властьсоветские» (ироничное выражение *Амульца*). Фёдор и Варвара Чудаковы сделали всё, что было в их слабых человеческих силах, чтобы образумить убийц, чтобы предостеречь их от дальнейших преступлений, и тем попытались спасти жизни других людей, чужих детей. Это была их Голгофа, их

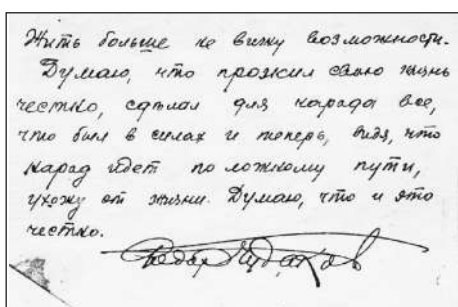

Семья Чудаковых
незадолго до гибели

Последняя страница
предсмертного
письма Ф. Чудакова,
адресованного
брату Дмитрию

Предсмертная записка
Фёдора и Варвары Чудаковых.
28 февраля 1918 г.

Семья Чудаковых
на смертном одре.
Март 1918 г.

жертвенная попытка остановить неумолимо надвигающуюся на Благовещенск, на всю Россию гражданскую войну...

Похороны Чудаковых состоялись 4 (17) марта, когда ещё далеко не все жертвы кровавой бойни были преданы земле, когда улицы Благовещенска ещё не отчистили от подмёрзшей людской крови, когда у подавляющего большинства ещё было живо ощущение крошечного ада, в который погрузился город. Разрешение похоронить Чудаковых на Вознесенском кладбище новые власти выдали лишь 3 (16) марта.

Похороны прошли по православному обряду, чин погребения осуществляли священник Леонид Знаменский и дьякон Стефан Бухтояров.

Несмотря на хаос и ужас, которые царили в Благовещенске, проститься с любимым поэтом и его семьёй пришло множество людей — газетчиков, друзей, но более всего — простых горожан, его читателей.

Хабаровская газета «Приамурская жизнь» (в захваченном красными Благовещенске такие публикации тогда были невозможны) в номере от 10 (23) марта рассказала о том, как проходило прощание:

«Несмотря на подавленное и тревожное настроение, царившее в городе, на похороны любимого юмориста собралось очень много публики. К 4-м часам дня к бывшей квартире Чудаковых набралось свыше 300 человек. Когда понесли покойных, процессия значительно увеличилась, а около церкви сопровождавших было уже около 500 человек.

Лежавшие в гробах умершие были обложены множеством живых цветов. Гробы несли на руках близкие Ф.И. и его почитатели. Тут были и рабочие-печатники, и металлисты, и служащие, и учителя...

Простые белые гробы, простая, скромно одетая публика, — вот картина похорон замечательнейшего народного амурского поэта!

Без помпы, без искусственной пышности несли друзья на кладбище последние останки лирика и юмориста.

Над могилой поэта не было сказано никаких речей, ибо все были слишком подавлены утратой всеми любимого человека».

В завещании Фёдора Ивановича и Варвары Ипполитовны, которое было опубликовано в 7-м выпуске журнала «Дятел, беспартийный», содержалась просьба: «Похоронить нас просим всех вместе». О том, была ли исполнена эта последняя воля, долгое время ничего не было известно. Вознесенское кладбище, на котором похоронили Чудаковых, сохранилось не полностью — большая его часть в советское время была варварски снесена и застроена буквально на костях жилыми домами, производственными строениями, гаражами и т.п. И лишь недавно, буквально накануне 100-летия с момента смерти, удалось выяснить, что «Фёдор Иванович похоронен на Вознесенском кладбище рядом с могилой известного народовольца Манучарова; его жена и девочка погребены вместе с ним в одной могиле» (Приамурская жизнь. 1918. № 2558. 10 (23) марта).

Место упокоения Ивана Львовича Манучарова (1862–1909) — легендарного, известного всей России народовольца, мужественно, достойно перенёсшего десятилетнее заключение в казематах печально знаменитой Шлиссельбургской крепости, шестилетнюю ссылку на

Предположительно, место захоронения Чудаковых (средняя могила). Чудом сохранившийся клочок Вознесенского кладбища.

Март 2018 г.

**Революционер-народоволец
И.Л. Манучаров**

Сахалин, журналиста, видного сотрудника благовещенской газеты «Амурский край» в 1902–1909 гг. — и соседние две могилы, одна из которых безымянная, каким-то непостижимым образом уцелели. Весьма вероятно, что захоронение рядом с могилой Манучарова (с надписью «Неизвестный» на надгробии) — общая могила Чудаковых. А если и нет, она должна находиться где-то рядом, на этом пятачке земли, пусть и без могильного холмика. Все три надгробья, похоже, установили в советское время. На могиле Чудаковых до этого времени памятника не было; она была фактически безымянной, в советские годы, когда, видимо, решили подновить захоронение И.Л. Манучарова, заодно привели в порядок соседние могилы, в том числе и забытую, ставшую безымянной могилу Чудаковых.

Этот крохотный осколок Вознесенского кладбища расположен на чётной стороне Октябрьской (бывшей Соборной) улицы, недалеко от её пересечения с улицей Калинина (бывшей Графской). Буквально в квартале от этого места (между нынешними Калинина и Богдана Хмельницкого) жили Чудаковы.

К моменту гибели Фёдор Чудаков являлся самым ярким, самым блистательным писателем Приамурья. Поражала воображение и многогранность его талантов: сатирик, лирик, прозаик, драматург, публицист, театральный и литературный рецензент, художник-карикатурист, автор поэтических и прозаических переводов с украинского... Чудаков был (разумеется, не одновременно) сотрудником, а в неко-

торых случаях и редактором — официальным или фактическим — целого ряда благовещенских газет («Амурский листок», «Амурский край», «Эхо», «Амурское эхо», «Народное дело») и сатирических журналов («Бузуй», «Колочки», «Зея», «Дятел, беспартийный»). В них он печатался под разными псевдонимами: *Амурец*, *Босяк*, *Гусляр* (как варианты: *Г-р*, *Гу-рѣ*, *Г-рѣ*, *Г-ѣ*), *Кузьма Резниченко* (*К. Рез.*), *Фёдор Ч.* (*Фёд. Ч.*, *Ф. Ч.*), *Язва* (*Я.*, *Я-а*, *Jasva*)... Псевдонимы *Босяк* и *Кузьма Резниченко* Чудаков активно использовал в первые годы жизни в Благовещенске, затем они почти сошли на нет. Псевдоним же *Амурец*, поначалу применявшийся редко, со временем стал его «визитной карточкой»: уроженец города Чембара Пензенской губернии, оказавшийся на Амуре в двадцать лет, подписывал им самые «ударные», самые отточенные свои произведения, прежде всего стихотворные фельетоны (а псевдоним *Чембарский*, напротив, не прижился: Чудаков использовал его лишь однажды — под стихотворением «Блестящим бисером осыпаны берёзы...», опубликованным 24 декабря 1910 года в газете «Эхо»). *Гусляр* и *Язва* — тоже из числа широко известных, наиболее узнаваемых его псевдонимов. С ними сатирик не расставался до конца жизни, ими он дорожил настолько, что когда кто-нибудь из дальневосточных фельетонистов пытался воспользоваться этими, как сказали бы сейчас, «раскрученными брендами», Чудаков протестовал, апеллировал к общественности, к читателям, требовал прекратить посягательство на его устоявшиеся «литературные имена». Отстаивая своё право на тот или иной псевдоним, он готов был даже «снять маску», впрочем, в Благовещенске и без того хорошо знали, кому принадлежат данные псевдонимы. В качестве иллюстрации можно привести любопытное «Письмо в редакцию», опубликованное в благовещенской газете «Эхо» 13 (26) апреля 1914 года:

Милостивый государь господин редактор!

Не откажите в любезности напечатать следующее: время от времени в хабаровской газете «Голос Приамурья» появляются фельетоны и заметки, подписанные псевдонимом Язва. Между тем, я, нижеподписавшийся, работаю под псевдонимом Язва в благовещенских газетах уже 6-й год и, весьма понятно, желал бы работать и впредь, не деля своего литературного имени с сотрудником «Голоса Приамурья». Считаю за собой, по крайней мере, право старшинства на свой псевдоним, предлагаю г-ну «Язве» из «Голоса Приамурья» избрать себе другой псевдоним.

Секретарь газеты «Эхо» Фёдор Чудаков.

В январе — феврале 1918-го, незадолго до гибели, Чудаков издавал еженедельный сатирический журнал «Дятел, беспартийный», ряд программных произведений в котором подписывал этим же «именем» — *Дятел, беспартийный*. Кто скрывался за подписью — для читателей журнала тоже не было секретом.

Иное дело — псевдонимы, которые использовались крайне редко: *Блинохват, Гейне с Мастерской, Гражданин Уклейкин, Дядя Федя, Капитан Гроза, Мисс Нелли, Ругатель, Соловей Разбойник, Чижик, Эстав Гумар, Эс-эр, Э. Р., Proletaire* и др. Своё авторство в этих случаях Чудаков не афишировал, скорее, наоборот. Установить все его многочисленные псевдонимы подобного рода не представляется возможным, так как использовались они чаще всего лишь единожды.

Остроумно-язвительные стихотворные фельетоны Чудакова на темы международной, общероссийской и местной жизни увеличивали число подписчиков тех изданий, в которых он печатался, и пользовались огромным успехом у читателей, но при этом часто вызывали недовольство властей. Как автор и редактор Чудаков подвергался цензурному давлению, судебным преследованиям, арестам, много месяцев провёл «на горке» — в благовещенской тюрьме.

Известность его выходила за пределы Приамурья и распространялась на обширный Сибирско-Дальневосточный регион. Автор вышедшего в 1916 году в Иркутске «Словаря сибирских писателей, поэтов и учёных» Михаил Стож писал (имея в виду лишь малую часть, и лишь сатирических, произведений Чудакова): «Язва псевдоним — талантливый поэт-фельетонист дальневосточных газет, прекрасно владеет стихом, остроумен. Дарование его широко выбивается из рамок газетного фельетона»¹. А в 1922-м, уже после смерти Чудакова, очень лестную оценку его творчеству дал видный сибирский критик и организатор издательского дела, один из редакторов журнала «Сибирские огни» Михаил Басов. Чудаков был назван им «талантливым сатириком и поэтом», «несомненно крупным поэтом», в стихах которого можно найти «ценные отзвуки целой эпохи и жизни Приамурья»². Более высоко оценивая лирический талант Чудакова, Басов, тем не менее, признавал, что рассыпанные по многочисленным газетным номерам «сатирические блёстки» Амурца «являлись шедеврами творений подобного рода. Незначительный сам по себе факт он умел так осветить, что читатель получал целую картину, огромный вопрос далеко не амурского значения».

¹ Стож М.Е. Словарь сибирских писателей, поэтов и учёных. Иркутск, 1916. С. 40.

² Басов М. Ф.И. Чудаков // Сибирские огни. 1922. № 1. С. 158–161.

Сатирик ушёл из жизни в самом расцвете, когда ему едва исполнилось тридцать, но к этому моменту представлял собой по-настоящему масштабное творческое явление — общенационального, а не «местного», не регионального характера. По мнению многих знакомых с творчеством Чудакова современников, лучшие его фельетоны, печатавшиеся в малотиражной амурской периодике, не уступали сатире Саши Чёрного и других прославленных авторов популярных в начале XX века столичных журналов «Сатирикон» (1908–1914) и «Новый Сатирикон» (1913–1918). Так, откликаясь на выход из печати первого номера издаваемого и редактируемого Ф. Чудаковым сатирического журнала «Дятел, беспартийный», почти на сто процентов заполненного его собственными произведениями разных жанров, самая авторитетная газета Приамурья «Амурское эхо» писала: «Мы с интересом ожидали его выхода, и он более чем оправдал наши ожидания. Номер редкостно интересный, полный весёлого блестящего остроумия. Ряд вещей “Дятла” украсил бы страницы знаменитого “Нового Сатирикона” с той лишь разницей, что для нас, благовещенцев, “Дятел” интереснее, так как персонажи “Дятла”, его темы — наши знакомые, наши благовещенские лица и думы». Разобрав и процитировав опубликованные в «Дятле, беспартийном» произведения Чудакова, рецензент «Амурского эха» делал вывод, что «новый журнал — явление выдающееся».

Общественная реакция на трагический уход писателя была для Приамурья беспрецедентной: никогда прежде и никогда в последующем смерть местного автора не вызывала такого потрясения, такого мощного и продолжительного резонанса. Никакая другая утрата подобного рода не воспринималась так болезненно и не казалась настолько непоправимой для литературы. Даже трагическая гибель во время российско-китайского вооружённого конфликта в июле 1900 года первого амурского поэта, любимого и высоко ценимого благовещенцами тридцатилетнего казачьего офицера Леонида Волкова не потрясла читателей так сильно, как самоубийство Фёдора Чудакова.

Горечь невозвратимой утраты, которую испытали современники *Амура*, доносят до нас буквально все печатные отклики того времени, в том числе некролог, опубликованный в Хабаровске спустя девять дней после трагедии:

«Дятел, беспартийный»
(1918. № 4)

...Талантливый поэт-сатирик, краса и гордость журнальной братии всей Сибири... Фёдор Иванович... был одарён исключительными способностями, пользовался большой известностью как высокоталантливый поэт и сатирик, достойный почётно́го места на русском Парнасе.

...Величайшая, никем и ничем не заменимая утрата — эта смерть. Впоследствии только народ наш оценит, кого они потеряли в лице Ф.И.

Замолчал чуткий лирик и талантливейший сатирик.

Край наш потерял великого человека!

Прощай, великая и чуткая душа и прекраснейшая жемчужина края!

К безвременной твоей могиле не зарастёт тропа твоего народа! ³

Интерес к личности и творчеству сатирика настолько обострился, что, откликаясь на этот общественный запрос, через два месяца после смерти Чудакова в Благовещенске с периодичностью раз в две недели стал выходить литературный журнал «Чайка», провозгласивший одной из главных своих программных задач оценку личности и творчества безвременно ушедшего автора. Выбор нечастого в русской журналистике и литературе «орнитологического» названия объясняется желанием «Чайки» обозначить преемственную связь с журналом Чудакова «Дятел, беспартийный». Идеолог и редактор-издатель «Чайки» Михаил Катаев, прежде, в 1916–1917 гг., редактировал газету «Амурское эхо» (наиболее известным автором которой был *Амурец*), а в 1917–1918 гг., как и Чудаков, являлся сотрудником эсеровской газеты «Народное дело». Значительное место в «Чайке» занимали произведения Фёдора Чудакова, а также статьи и воспоминания о нём. Два номера журнала (2-й и 5-й) были почти целиком посвящены сатирику. «Чайка» стала печатным органом, который координировал усилия амурской общественности по увековечению памяти *Амурца*, по сохранению

Титульный лист 5-го номера журнала «Чайка» (1918), посвящённого памяти Ф. Чудакова

³ Приамурская жизнь. Хабаровск. 1918. № 2557. (9) 22 марта. С. 2.

его творческого наследия. В 3-м номере, датированном 16 июня 1918 г., «Чайка» сообщала о подготовке к изданию первой серии избранных произведений Чудакова: пьесы «Изгнанники», драматической сказки в стихах «Очарованный Леший», приключенческой повести «Диана Кедровская», рассказа «Татьяна» и т.д. На титульном листе того же номера было помещено объявление о подготовке внеочередного, посвящённого Чудакову выпуска «Чайки», средства от которого должны были пойти «в пользу фонда на сооружение памятника безвременно сошедшему в могилу амурскому поэту» (всего, как известно, к концу года удалось собрать 880 рублей — значительную по тем временам сумму). Редакция журнала приглашала всех, «кто может что-либо посвятить дорогой памяти поэта, прислать свои статьи, стихи и пр.».

Ровно через два года после смерти Чудаковых в Благовещенске (он тогда был свободен от большевиков) вышел из печати специальный, разовый выпуск газеты, посвящённой печальной дате. Что касается оценок творчества *Амурца*, мнение было единодушным, наиболее лаконично его выразил амурский поэт Герасим Шпилёв: «Умер прекрасный поэт...»⁴ Отношение к тому, что произошло 28 февраля 1918 года, тоже не вызывало споров: друзья, журналисты, читатели, представители интеллигенции, касаясь темы трагического ухода, именовали Чудакова «жертвой», ни одного слова осуждения не было высказано в его адрес по поводу того решения, которое он принял совместно с женой Варварой. Чудаков и его семья воспринимались исключительно как жертвы гражданской уособицы. Вот только одна характерная публикация в одноразовой газете — статья литературного обозревателя, публициста Петра Малахиных «Великая жертва»:

Кто же виноват в смерти Фёдора Ивановича и его семьи? Кому мы должны сказать: “Эта чистая кровь на твоих руках”? Кому?

Всем вообще и никому лично. Виновата трагическая судьба нашей матери России, судьба, вызвавшая из мрачной бездны кровавого духа, грозного бога гражданской войны.

На раскалённые руки этого кровавого бога Молоха русский народ положил много, много жертв, и среди этих жертв самая невинная, и может быть, самая совершенная жертва — семья Чудаковых!..

Фёдор Иванович погиб потому, что был чист душою...⁵

⁴ Светлой памяти Ф.И. и В.И. Чудаковых: Однодневная газета, выпускаемая комитетом по увековечению памяти Ф.И. и В.И. Чудаковых. 1920. 28 февраля (ст. ст.).

⁵ Там же.

Вторую годовщину ухода Чудакова отмечали и в других городах и краях Дальнего Востока и Сибири. Так, во владивостокской газете «Голос Родины» было напечатано посвящённое памяти поэта большое стихотворение Николая Шилова — одного из самых ярких литераторов Приамурья, всего Дальнего Востока, а позже и харбинской эмиграции:

...Безмерен ужас... Безбрежно горе...
Его не могут вместить дома...
Но, умирая, он крикнул зоре:
«Да светит солнце, да сгинет тьма!»
Он умер с верой в народный разум,
В грядущий светоч родной страны,
Среди поэтов блеснув алмазом
Неизмеримой величины ...⁶

Тем не менее создание комитета по увековечению памяти сатирика, активная, особенно на первых порах, деятельность почитателей его таланта из числа амурских журналистов не привели к тому, на что были направлены усилия многих людей. Памятник Чудакову, который предполагалось установить в саду Народного дома (в районе пересечения улиц Вознесенской — ныне Красноармейской и Садовой — 50 лет Октября; в настоящее время в здании бывшего Народного дома располагается Благовещенский техникум физической культуры), посмертное издание его сочинений (исключение — пьеса «Изгнанники», напечатанная братом покойного в конце 1918 г.), сохранение его архива — всё это осталось лишь благими намерениями. Главная причина, увы, банальна: укрепившие свою власть большевики воспринимали (и не без веских на то оснований) Чудакова как своего принципиального и крайне опасного идейного противника, изнутри, из революционного лагеря, подрывавшего их авторитет, ставившего под сомнение их притязания быть законными наследниками российской социал-демократии.

Как уже отмечалось, в силу известных политических и идеологических причин, а отчасти, видимо, из-за недостаточной настойчивости друзей ушедшего, общественному комитету мало что удалось сделать для увековечения памяти сатирика. Впрочем, удивляться не приходится: в ту пору сама личность Фёдора Ивановича, а тем более его произведения, вряд ли, с точки зрения новых хозяев Русской земли, были

⁶ Шилов Н. Памяти друга // Голос Родины. Владивосток. 1920. 25 марта. С. 2.

достойны «светлой памяти». Тех же, кто вопреки политической конъюнктуре настаивал бы, что *Амурец* заслуживает такой памяти, очевидно, не нашлось или было слишком мало, чтобы их голос услышали. Самое же печальное для потомков обстоятельство — комитет ничего не сделал для сохранения архива Ф.И. Чудакова. После того как 12 февраля 1920 г. скончался его родной брат Дмитрий, которому накануне самоубийства Фёдор Иванович по завещанию передал авторские права на свои сочинения, архив *Амурца*, хранившийся на квартире брата по адресу Графская, 85 (ныне улица Калинина), бесследно исчез. Судя по газетным объявлениям, в которых сообщалось о распродаже домашней библиотеки, вдова Дмитрия Ивановича вскоре покинула Благовещенск, возможно, вернулась на родину мужа в Чембар. А потому и за могилами Чудаковых ухаживать со временем оказалось некому.

Будь Фёдор Чудаков менее одарён литературно, память о нём, наверное, не выкорчёвывалась бы новой властью столь беспощадно — до полного, абсолютного забвения. 1922-й — последний год, когда в печати ещё можно было упоминать *Амурца* (но только за пределами Приамурья). В последующие семь десятилетий о самом талантливом амурском писателе дореволюционной и революционной эпохи никто печатно не вспоминал, а его творчество полностью было вытеснено из культурного пространства. А ведь Ф. Чудаков являлся, возможно, единственным писателем Приамурья, известность которого могла бы при определённых условиях стать всероссийской.

Какая-то доля ответственности за случившееся лежит и на друзьях-журналистах, на политических союзниках *Амурца*, главный акцент делавших на трагическом уходе писателя, привлекавших внимание к общественно-политическому смыслу самоубийства и тем вольно или невольно переключавших внимание с литературы на политику. Тот же М. Катаев, отмечавший, что в лице Чудакова «угасло недюжинное поэтическое дарование, умер в самом расцвете крупный талант», основной упор в целом ряде статей делал не на значимости творчества, а на том, что имя сатирика останется в памяти будущих поколений в силу потрясшего Приамурье самоубийства семьи Чудаковых. Он, в частности, писал: «Гражданская война в Благовещенске унесла тысячи жертв. Их оплачут и забудут. Но трагический конец поэта будет долго жить в памяти народной. Сказание об этом ужасном конце передастся из поколения в поколение. И личность поэта делается легендарной, символической, олицетворяющей великую скорбь, муку и боль за поруганную родину, за оплётанный идеал народного счастья, за всё то, во что верили, за что боролись, страдали и гибли, отдавая все свои силы и жизнь, многие поколения лучших русских людей — рыцарей идеи,

мысли и чувства»⁷. Мёртвый Чудаков использовался противниками большевиков из социалистического, социал-демократического лагеря как укор, как разоблачительный аргумент в идейном противостоянии с ними, что не могло не усиливать у сторонников советской власти неприязни ко всему, что связано с сатириком.

По контрасту с печатными выступлениями некоторых амурских политически ангажированных «плакальщиков», главный смысл и пафос упомянутой выше статьи новосибирца М. Басова — призыв сохранить то, что было создано Ф. Чудаковым-писателем: «Надо собрать воедино всё, начиная с его мелких творений и кончая более крупными: пьесой “Изгнанники”, повестью “Дочь шамана”, очерком “Из детства Ивана Грязнова”, поэмой “Очарованный Леший” и рядом незаконченных произведений. В них <...> такая груда великолепных образов, сочных выражений, такое богатство языка, что оставить это затерянным нельзя. <...> Сохраните поэта!» Эмоциональный призыв этот, однако, остался гласом вопиющего в пустыне: действенных шагов по сохранению наследия Чудакова предпринято не было.

С начала 1920-х гг. и вплоть до недавнего времени имя *Амурца* не фигурировало ни в одном не только общероссийском, но даже региональном — сибирском или дальневосточном — литературном справочнике. Многие поколения читателей даже не подозревали о существовании одного из немногих подлинных мастеров художественного слова Приамурья. Возможно, по этой причине литературная жизнь предреволюционного Благовещенска и всего региона даже искушённым людям казалась пустынной и малоинтересной.

Судьба весьма обширного (и, разумеется, неравноценного) литературного наследия Чудакова долгое время оставалась незавидной: большая часть произведений, в том числе и весьма талантливых, актуальных и поныне, оставалась рассеянной по страницам малодоступной амурской периодики начала XX века. Печально, но факт: ни в одной из библиотек Амурской области, Хабаровского и Приморского краёв (равно как в краеведческих музеях и архивах Сибири и Дальнего Востока) нет более или менее полных комплектов амурских периодических изданий предреволюционного и революционного времени. Но и в центральных российских архивах и библиотеках ситуация ненамного лучше. Разрозненные, часто существенно неполные комплекты (или даже отдельные, чудом уцелевшие номера), хранящиеся в разных библиотеках, музеях и архивах, давно уже стали раритетами, библиографической редкостью.

⁷ Катаев М. Как умерли Чудаковы // Чайка. 1918. № 5. 2 (15) сентября. С. 1.

В результате художественное наследие Ф. Чудакова по-прежнему остаётся чем-то вроде *terra incognita*: кто-то что-то, возможно, и слышал, но почти никто не видел и достоверно ничего не знает.

Первым спустя более полувека после самоубийства Ф. Чудакова о нём вспомнил Анатолий Васильевич Лосев (1927–2002): в 2007-м в архиве основателя литературного краеведения Приамурья была найдена папка с набросками относящейся к 1980-м гг. неоконченной статьи о сатирике. В результате кропотливой текстологической работы автору этих строк удалось «склеить», реконструировать её⁸.

Однако в подлинном своём масштабе и полноте личность и творчество Чудакова стали открываться лишь в последнее десятилетие — в ходе осуществления масштабного исследовательского проекта, одним из результатов которого стало издание энциклопедии литературной жизни Амурского региона⁹. Именно в этот период были найдены считавшиеся утраченными сборник лирики «Пережитое» (1909) и сборник фельетонов и сатирических стихотворений «Шпильки» (1909), буквально по крупицам собрано множество лирических, юмористических и сатирических стихотворений, фельетонов, легенд и сказок, очерков, рассказов, повестей, воспоминаний Чудакова, печатавшихся век назад в газетах «Амурский край», «Эхо», «Амурское эхо», «Народное дело», в журналах «Колючки», «Зоря», «Дятел, беспартийный». В энциклопедии Ф. Чудакову посвящено в общей сложности более десяти словарных статей, в которых представлены разные грани и периоды его творчества. Небольшая часть разысканных произведений *Амурца* была перепечатана в издающемся в Благовещенском государственном педагогическом университете литературном альманахе «Амур» (см. выпуски за 2008, 2009, 2013, 2015, 2017 и 2018 гг.).

Ещё один важный итог многолетней поисковой и исследовательской работы — первый за столетие том избранных произведений *Амурца*, к сожалению, оказавшийся малотиражным, фактически недоступным для читателей не только Европейской России, но и Дальнего Востока¹⁰.

⁸ См.: Лосев А.В. Об одном забытом поэте (Фёдор Иванович Чудаков) / публикация и коммент. А. Урманова // Амур: литературный альманах БГПУ. № 7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 47–54.

⁹ Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. 484 с.

¹⁰ Чудаков Ф. «Чаша страданья допита до дна!..»: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / составление, предисловие, подготовка текста, комментарии Александра Урманова. Владивосток: Рубеж, 2016. 716 с.

Точную дату рождения Фёдора Ивановича Чудакова удалось установить лишь недавно ¹¹: на свет он появился в городе Чембаре (с 1948 г. — Белинский) Пензенской губернии 8 (20 по новому стилю) февраля 1888 года — то есть в тот день, когда православная церковь чтит память Фёдора (Феодора) Стратилата. Своим именем будущий писатель обязан этому христианскому святому-великомученику. Судя по хранящейся в фондах Государственного архива Пензенской области метрической книге Николаевской церкви г. Чембара за 1888 год (ф. 182, оп. 7, д. 201, л. 289-290), отца его, состоявшего в мещанском сословии, звали Иваном Ивановичем, мать — Натальей Петровной. Родители Фёдора, без упоминания имён, выведены среди эпизодических персонажей автобиографической повести «Из детства Ивана Грязнова» (1918). Из посмертной биографии, написанной благовещенским журналистом М.Х. Катаевым, а также из протокола допроса, который много лет спустя, в январе 1909-го, вёл с юмором описанный в автобиографическом рассказе Чудакова «Арестант» (1918) начальник жандармского розыскного пункта г. Благовещенска ротмистр М.П. Перков, известно, что отец сатирика занимался сапожным ремеслом, возможно, являлся хозяином небольшой мастерской.

Обряд крещения новорождённого состоялся двумя днями спустя — 10 (22) февраля — в Николаевской церкви, а проводили его священник Иоанн Лагарпов и дьяконы Александр Громов и Василий Полевский. К слову, храм этот, построенный ещё в 1790 году, в советское время был разрушен, а кирпичами его мостили улицы города. Не спасло церковь и то, что, по преданию, в ней бывал М.Ю. Лермонтов, что в апреле 1842 года, когда свинцовый гроб с телом поэта везли из Пятигорска в соседние с Чембаром Тарханы, на родине Ф. Чудакова была сделана остановка, и, по свидетельству современников, «у каменного собора Николая Чудотворца служили панихиду»...

Совершавший таинство крещения священник Иоанн (Иван Фёдорович) Лагарпов являлся настоятелем Николаевской церкви с 1883 по 1913 год, затем был назначен настоятелем кафедрального Покровского собора г. Чембара. По свидетельству ряда современников, отец Иоанн был образованным человеком, имел большую библиотеку, вёл праведную жизнь, оказывал духовную и материальную помощь страждущим, за что жители Чембара уважали священника. Послереволюционная его

¹¹ См.: *Урманов А.В.* «Ну, который теперь мне год? Чёрт его знает, который!...». История о том, как Фёдор Чудаков обрёл, наконец, день рождения // Лосевские чтения — 2017: материалы X региональной научно-практической конференции / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. С. 4–14.

**Никольская церковь
в Чембаре**

**Священник Иоанн Лагарпов
(отец Иван), крестивший Фёдора
10 (22) февраля 1888 г.
Упоминается в повести
«Из детства Ивана Грязнова» (1918)**

судьба трагична: в 1922 г. Лагарпов воспротивился изъятию церковных ценностей советскими властями, за что впал в немилость. В конце 1920-х дом священника разорили, имущество разграбили, а сам он оказался на Соловках, где принял мученическую смерть.

Скорее всего, Иоанн Лагарпов — тот самый иронически выведенный в автобиографической повести Чудакова «Из детства Ивана Грязнова» (глава «Таинственный остров») «батюшка отец Иван», который «после свадьбы купца Грохотова... ночью по ошибке забрёл в болото и потерял в нём камилавку и наперсный крест». И, очевидно, тот самый «отец Иван», которого упоминавшийся выше Михаил Катаев (полагаясь на мнение брата сатирика — Дмитрия), отнёс к числу «бездарных, невежественных рутинёров», отличавшихся к тому же «злопамятностью и мстительностью»¹².

Крёстными новорождённого, как свидетельствует метрическая книга, стали Анастасия Алексеевна Чудакова (по-видимому, родственница по отцовской линии) и купец 2-й гильдии Иван Иванович

¹² Дятел, беспартийный. 1918. № 7. 14 (27) марта. С. 17.

Лермонтовская
улица в Чембаре

**Чембар со стороны
Безымянного озера,
описанного в повести
«Из детства Ивана
Грязнова»
и упоминающегося
в ряде других
прозаических
и стихотворных
произведений
Чудакова**

Аксёнов, расстрелянный чекистами 25 сентября 1918 г. (то есть спустя семь месяцев после гибели Ф. Чудакова) во время массовой казни чембарских «контрреволюционеров». Вот такие лихие сюжеты закручивает порой отечественная история: под революционное Красное Колесо (метафора А. Солженицына) попадают и те, кто его раскручивал (Фёдор Чудаков), и те, кто в меру сил пытался остановить его вращение (Иоанн Лагарпов), и те, кто надеялся «переждать» трудные времена (Иван Аксёнов).

О детстве Фёдора, о его родителях и других родственниках, о чембарском периоде жизни известно немного. Достоверный факт — то, что у него был старший брат Дмитрий, который переехал в Благовещенск, очевидно по приглашению Фёдора Ивановича, накануне революции 1917 года и умер здесь же в феврале 1920-го. Возможно, в семье Чудаковых, помимо Дмитрия и Фёдора, были и другие дети, о чём косвенно свидетельствуют некоторые произведения автобиографического характера. Так, в повести «Из детства Ивана Грязнова» у автобиографического персонажа есть брат Колька (не исключено, правда, что под этим именем выведен Дмитрий), а в стихотворении «Сны» упоминаются «братишка Лёня» и «сестрёнка Лиза».

О том, какими событиями и впечатлениями было наполнено детство писателя, дают представление главы неоконченной автобиогра-

фической повести «Из детства Ивана Грязнова», печатавшиеся незадолго до смерти Чудакова в журнале «Дятел, беспартийный». По ним, этим главам, можно судить о некоторых чертах характера и наклонностях, проявившихся и формировавшихся в детские годы. В их числе жажда острых впечатлений и приключений, бурное воображение, стихийная порывистость натуры, вольнолюбие, своеволие, дерзость, граничащая с бунтарством, весёлый нрав, склонность к шалостям и проказам, выводящим устойчивый мир из равновесия. Но это лишь одна сторона натуры будущего писателя. Другая открывается в лирических произведениях, тематически обращённых к детству и юности и проникнутых духом ностальгии по утраченному раю. Один из самых характерных примеров — стихотворение «Степная сказка» (1909), в котором на первый план выходят мечтательность, созерцательность, консерватизм, склонность к рефлексии, повышенная эмоциональная ранимость, сердечная отзывчивость, тяготение к гармонии как бытийному идеалу. Образ родного края, который бережно хранит память поэта, проникнут элегическими интонациями:

... Там первый крик мой чайки подхватила,
И первый лепет мой услышала ковыль...
О, юность резвая! Во всей красе и силе
Прошла ты там... как сказочная быль.

Степная даль кругом, как море, уходила,
И вдалеке шумел густой дремучий лес...
Людская ли рука, природа ль насадила —
То был наш тихий рай, исполненный чудес...

Была там пасака... Стоял шалаш убогий,
И старый пасечник там век свой коротал.
И страстно я любил всегда угрюмо строгий
Его лица задумчивый овал...

В повести «Из детства Ивана Грязнова» (глава «Удалой набег») похожий народный тип — сторож Пахомыч — не вызывает не только у автобиографического персонажа и его дружков, но и у повествователя ни малейшего сочувствия. Жестокие проказы, которые учиняют над ним маленькие «разбойники», сопровождаются и интонируются весёлым смехом. В «Степной сказке», напротив, воспоминания о старице-пасечнике пробуждают у лирического героя глубокую симпатию, сочувствие, безраздельную жалость. Финальные строфы стихотворения — подобие плача: и по умершему и всеми забытому пасечнику, и

Чембар. Здание
Присутственных
мест, земская управа,
мужское училище

Никольская улица
Чембара
в праздничный день

по лесу, безжалостно
вырубленному куп-
цом-хищником, и по
безвозвратно канув-
шей юности, и по
ставшей недостижае-
мой родине.

Ещё одно но-
стальгическое про-
изведение, дающее
представление о
переживаниях и устремлениях, о душевно-духовном наполнении
личности Чудакова-ребёнка, — стихотворение «Сны» (1913) с его
повторяющейся строчкой-рефреном: «В детстве снились...». В срав-
нении с интонационно и тематически близкой «Степной сказкой»,
здесь ещё в большей степени заострён контраст между идилличе-
ским прошлым, душевной чистотой, гармонией детского мировос-
приятия, с одной стороны, и, с другой, кошмарным настоящим,
противоречивостью не только сознания взрослого человека, но и
российской действительности в целом:

...В детстве снились океаны,
Небо, ангелы и Бог...

...В детстве снилось голубое
Небо, ангелы и Бог.
А теперь... в ночном виденье
Снится только протокол,
Запрещенье, выселенье
И тюремный частокол...

Тем не менее надо понимать, что нелёгкие испытания, разного рода
неурядицы, с которыми он столкнулся, став взрослым, мало влияли на

строй его души, на самочувствие. Твёрдый, неуступчивый во всём, что касалось общественной позиции, политических взглядов, краугольных нравственных принципов, Чудаков в личной жизни, в домашней обстановке, в повседневном своём существовании, напротив, был человеком мягким, сердечным, добродушным. Именно таким он видел себя, так презентовал себя в произведениях. Вот, например, как он представил читателям автобиографического персонажа приключенческого романа «Тайны Зеи» (1912): «Фёдор Иванович — человек, склонный к полноте и стихотворству. Нрава кроткого». Самые мучительные страдания «кроткому нравом» поэту приносили вовсе не удары судьбы, не бытовые трудности, не «тюремный частокोल», а отсутствие рядом с ним людей, к которым он испытывал любовь и которые готовы были дарить ему встречное тепло. Похоже, в Благовещенске таких людей в его ближайшем окружении оказалось немного, если они вообще были. Отсюда, наверное, такая глубокая привязанность Чудакова к Максусу, Максимке — любимой собаке, ставшей для него, наверное, едва ли не самым родным существом. Жена не смогла в полной мере заменить ему тех, кто остался на родине, в Чембаре, и куда путь ему, беглому ссыльному, до февраля 1917-го находившемуся под гласным надзором полиции, был заказан. Особенно острую тоску по родным местам, по оставшимся в Чембаре близким, любимым людям Чудаков пережил в 1911–1913 годах, об этом можно судить по тематике и тональности подавляющего большинства прозаических и особенно лирических произведений. Ему явно недоставало тех, на кого он мог бы излить всю свою не находившую выхода огромную нежность. Многочисленные стихи о любви, написанные в этот период, обращены не к жене. Вот только одно короткое лирическое излияние такого рода, датированное июнем 1913 года:

Для девушки, грустящей обо мне,
Я сохранил в сердечной глубине
Узоры слов загадочно-стыдливых
И много песен нежных и красивых.
Но девушки, грустящей обо мне,
Со мною нет, она в чужой стране...

Вернёмся в Чембар, где прошло детство Фёдора. Образование он получил в церковноприходской школе, а затем в городском четырёх-классном училище, которое с отличием окончил в 1903 году. Несмотря на незаурядные способности и блестящие знания по всем предметам, поступить, как он планировал, в Пензенскую учительскую

Народ у здания чембарской тюрьмы, описанной в автобиографическом рассказе «Мой роман» (1911)

семинарию не удалось. Виною тому «буйный, строптивый, упрямый и непокладистый нрав», о котором писал журналист Михаил Катаев, опиравшийся на свидетельства Дмитрия Чудакова — брата сатирика. Уже в годы учёбы в чембарском училище Чудаков сочинял остроумно-едкие эпиграммы, в которых высмеивал не только своих ровесников, но и учителей, в том числе учителя Закона Божия отца Ивана (Иоанна Лагарпова). Как следствие, когда Фёдор отправился в Пензу поступать в учительскую семинарию, священник «благословил» его лишь кусочком просфоры, а другого своего ученика, с грехом пополам сдавшего экзамены, снабдил рекомендательным письмом, благодаря которому перед тем раскрылись двери семинарии. А для Чудакова, напротив, закрылись, хотя он получил лучшие отметки за все испытательные работы.

Страстная мечта продолжить образование осталась неосуществлённой, стремящегося к знаниям юношу ждали иные уроки и иные университеты: арест, тюремные камеры Чембара и Пензы, этап, пересыльная тюрьма в Красноярске, тяжелейшая сибирская ссылка, побег, вновь арест, вновь тюрьма — на этот раз в Благовещенске, статус поднадзорного, ещё два ареста и два тюремных срока «на горке». И изнурительная многолетняя газетная подёнщина... Между тем, забегая вперёд, нужно отметить: воспоминания о писателе его современников, само его творчество ярко свидетельствуют, что Чудаков, вопреки всему перечисленному, сумел приобрести обширные познания в разных сферах жизни и культуры, был чрезвычайно начитанным чело-

веком, обладал развитым эстетическим вкусом и богатым словарным запасом. Его произведения густо насыщены литературными аллюзиями и реминисценциями, содержат явные и скрытые параллели и цитаты, обнаруживающие великолепное знание им греческой, римской, восточной и славянской мифологии, фольклора, мировой, русской классической и современной литературы, театра... О своих детских читательских увлечениях (приключенческие романы Ж. Верна) Чудаков поведал в стихотворении «В библиотеке» (1911). О круге чтения в зрелые годы можно судить по многим сатирическим, лирическим, прозаическим, драматическим произведениям, в которых он и его герои постоянно апеллируют к зарубежным авторам (Гомер, Эсхил, Вергилий, Данте, Шекспир, Шиллер, Гейне, Беранже, Лонгфелло, Эдгар По, Эдмон Ростан, Джером К. Джером), к русским классикам (Ломоносов, Тредиаковский, Жуковский, Рылеев, Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Гоголь, Гончаров, Надсон, Некрасов, Иван Никитин, Яков Полонский, Алексей Константинович и Лев Николаевич Толстые, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Чернышевский, Чехов, Глеб Успенский), к своим современникам (футуристы, Саша Чёрный, Аркадий Аверченко, Леонид Андреев, Михаил Арцыбашев, Валерий Брюсов, Евгений Чириков, Владимир Соловьёв, Дмитрий Мережковский, Семён Подъячев, Фёдор Сологуб, Степан Петров-Скиталец)...

Вернувшись из Пензы на родину, Фёдор попытался было получить место учителя в церковноприходской школе, но не преуспел в этом, и вновь из-за противодействия затаившего обиду законоучителя. Служба писарем при городском полицейском управлении длилась недолго: получившее хождение в рукописном виде обличительное стихотворение о местном исправнике привело к увольнению и постановке незадачливого автора под негласный надзор полиции. Должность писмоводителя при окружном суде привлекала Фёдора тем, что не мешала ни его самообразованию, бурному «поглощению» книг («А мне что нужно? С аппетитом волка / Я проглотил бы тысячу томов!» — «В библиотеке»), ни участию в революционной деятельности, которой он увлёкся в годы Первой русской революции, вступив в партию социалистов-революционеров и вскоре став самой авторитетной фигурой среди чембарских эсеров. Об этом периоде жизни Чудакова (со слов его брата Дмитрия) рассказал посмертный биограф сатирика М.Х. Катаев: «В группу входили учителя, студенты, учащиеся средних учебных заведений и рабочие. Ф.И. составлял прокламации, печатал их на машинке и на гектографе, ходил по окрестным деревням и сёлам <...>, где и вёл революционную пропаганду, то читая какую-нибудь брошюрку, листок, стихотворение, то ведя устную беседу с деревен-

ской молодёжью, будя в ней сознание, желание освободиться от цепей рабства, нищеты и невежества, зовя к активному протесту и выступлению против насильников и угнетателей».

Закончилось всё это тем, чем и должно было рано или поздно закончиться: доносом, арестом, следственными камерами чембарской и пензенской тюрем, судом. Чудакова, обвинённого в революционной пропаганде, приговорили по статьям 128 и 129 Уголовного уложения к трём годам сибирской ссылки, которую ему предстояло отбывать в глухой таёжной деревне Червянка далёкой от родных мест Енисейской губернии. Пребывание в чембарской тюрьме нашло отражение в автобиографическом рассказе «Мой роман» (1911); в пензенской — в *тюремном очерке* «Редакционное собрание» (1911) и рассказе «Шамиль» (1918). Об этапе — «путешествии к чёрту на кулички» — Чудаков рассказал в очерке «Навстречу тучам» (1909), о красноярской пересылке — в *тюремных миниатюрах* «Смех» (1911). Тюремные мотивы (наваянные, очевидно, и впечатлениями от нахождения в благовещенской тюрьме) отразились также в стихотворениях «Ночью» (1911), «Из тюрьмы» (1913) и др.

Старинное, возникшее ещё в начале XVIII столетия село Червянка, в начале XX века, когда туда попал ссылный Чудаков, входило в состав обширной Енисейской губернии. Ныне же оно относится к Чунскому району Иркутской области. Отдалённый, труднодоступный район этот расположен на северо-западе области и с северной стороны граничит с современным Красноярским краем. Основной водной артерией является река Уда, или Чуна — отсюда и название района. От райцентра — посёлка городского типа Чунский Червянка находится на расстоянии 320 километров. Село стоит на реке Муре, поэтому местные жители, старожилы называют себя «мурашами», но чаще — чалдонами (челдонами). Последнее слово часто встречается в произведениях Ф. Чудакова о Восточной Сибири, о своих злоключениях в сибирской ссылке. Коренным населением здешних мест являются эвенки (тунгусы) и буряты, а основную часть переселенцев составляют русские.

Речка Мура. Места сибирской ссылки
Ф. Чудакова

О трудностях, которые Чудакову довелось испытать в сибирской ссылке, даёт представление целый ряд автобиографических произведений: рассказы «На сохатиных ямах» (1909), «Окуни» (1910), «Тимохина кобыла» (1911), «Под весенним солнцем» (1911), «В овине» (1911), «Татьяна» (1913) и «Мойша Пташник» (1914), драма «Изгнанники: Картины из жизни в ссылке» (1918) и приключенческая повесть «Диана Кедровская» (1917), главный герой которой, политический ссыльный Кузьма Иванович (под этим именем Чудаков некоторое время жил по подложному паспорту), размышляет о своей незавидной участи: «Значит, снова предо мной голодная зима, скитанья по селу в поисках работы, возня с детишками, которых отцы желали выучить грамоте, но забывали за это платить. Опять унижения, выклянчивания, опять попреки долгами...» В биографии, составленной после смерти Чудакова М. Катаевым, енисейская ссылка — исключительно отрицательная школа жизни, имеющий только негативные последствия опыт: «Полтора года он прожил тут в чрезвычайно тяжких

условиях, терпя голод и холод. Тамошние крестьяне, для которых ссыльные рубили, пилили, кололи и вывозили из леса дрова, платили всего по 10 копеек в день за каторжный труд. Более слабые умирали. Ф.И. тоже едва не умер от тифа...» Можно добавить к этому, что в начале 1909 г., уже в Благовещенске, во время допроса в жандармском розыскном пункте, отвечая на вопрос жандармского ротмистра Перкова о причинах бегства с места ссылки, Чудаков заявил, что главная причина — «абсолютное неимение средств к жизни».

Всё это так, однако Сибирь для него стала не только местом физических лишений и моральных страданий: она была суровой, но много

Диана Кедровская.

(Рассказ)

II.

«Чудной паря»

Я отдѣлался только испугомъ да порядочною болью въ ногѣ, на которую рухнула туша звѣря, сраженнаго моимъ неожиданнымъ спасителемъ. У «Цезаря» оказалась расцарапанной шея, и на мѣстѣ раны шерсть слиплась въ грязный кровавый сгустокъ.

Я съ любопытствомъ разглядывалъ человѣка, мѣткій глазъ котораго сослужилъ мнѣ такую огромную службу. Это былъ совсѣмъ молодой, рослый, красивый парень, съ румянцемъ во всю щеку и съ прекрасными бѣлыми зубами, сверкавшими при каждой улыбкѣ. Одѣтъ охотникъ былъ въ обычный костюмъ: однорядка деревенскаго самотканнаго сукна, такіе же штаны, мѣховая татарская шапка, кожаные чирки съ высокими суконными голяшками, обвязанными выцвѣтшей узкой опояской.

— Ну, спасибо, товарищъ,—говорилъ я.—Если-бы не ты, пропасть-бы.

— А чо, и пропасть-бы!—улыбнулся парень.—Ловко онъ те! Вотъ песь у те бравый. Такъ за гачи и береть!

— А самъ-то ты чей?—любопытствовалъ я.

— Такъ. Промышляю мало мало,—уклончиво отвѣчалъ парень.—Тебя то я знаю. Тебя Кузьмой зовутъ, Иванычемъ.

Начало одной из глав
приключенческой повести
«Диана Кедровская». Газета
«Амурское эхо» (1917)

давшей ему жизненной школой: закалившей его характер, проверившей на прочность и укрепившей его мировоззрение. Об этом, в частности, свидетельствуют слова автобиографического персонажа повести «Диана Кедровская»: «Я прошёл суровую школу испытаний. Я закалил свою волю, как стальную пластинку; её можно было сломать, но её нельзя было согнуть без того, чтобы она не выпрямилась снова». В этом отношении от енисейского ссыльного Кузьмы Ивановича мало чем отличается автобиографический персонаж пьесы «Изгнанники» Бродяга (это прозвище явно перекликается с одним из самых известных литературных псевдонимов сатирика — *Босяк*). В отличие от большинства товарищей по ссылке, он никогда не унывает и не жалуется, во всех сценах демонстрируя бодрость духа и уверенность в собственных силах. «Ссылка? Велика важность! — заявляет он. — ... Не хвастаясь, скажу, что о самоубийстве не помышляю. Да и что такое жизнь? Жизнь — это я! А я сам себе хозяин. Значит, плюю я на какую-то там отвлечённую, выдуманную, злобную старушонку, именуемую в философии жизнью. Я — как гоголевский Каленик — сам себе голова!»

Помимо прочего, ссылка дала Чудакову поистине бесценный запас жизненных впечатлений, питавших его творчество. Ссылка, возможно, и сделала его писателем, предопределила дальнейший путь. Именно в ссылке он стал посвящать буквально каждую свободную минуту сочинительству. Именно в этот период литературное творчество стало осознаваться как призвание. Один из персонажей «Изгнанников» Антон читает вслух присланное из Червянки письмо Бродяги, из которого товарищи по ссылке узнают о главном его увлечении: «... Я ведь литератором стал, леший меня задави! Братцы вы мои милые, простите ли вы меня? Смертный грех принял я на душу: послал в “Радугу” стишонки и — увы! — их напечатали! Думали ли вы, читая вдохновенные вирши некоего Мильтиада в № 54, что сие изобразил аз многогрешный?.. Теперь могу я сказать про себя словами пушкинского героя: “Участь моя решена — я женюсь”. Женюсь на музе и в приданое беру славу... Теперь каждый вечер ловлю за хвост рифмы и распиною их на бумаге... А рифмы, братцы, из меня так и лезут, так и прут...» Судя по этому признанию автобиографического персонажа, в период енисейской ссылки какие-то из произведений Чудакова стали печататься (очевидно, под псевдонимами) в эсеровской периодике. Но где, какие и под какими псевдонимами — пока установить не удалось.

Отбыв в Червянке половину срока, Чудаков бежал в Красноярск, где сблизился с ещё одним беглым политическим ссыльным — Дмитрием Чернышёвым, а также с его гражданской женой Варварой Ипполитовной Протопоповой, приехавшей в Сибирь из городка Малмыж

В народном училище им. Л.Н. Толстого. На заднем плане справа — Варвара Ипполитовна Чудакова, слева, предположительно, — Елизавета Петровна Манучарова, вдова видного революционера-народовольца И.Л. Манучарова. Фото Ф.И. Чудакова. 1912 г.

Вятской губернии для того, чтобы ухаживать за любимым человеком, заболевшим чахоткой. Опасаясь ареста, все трое жили в какой-то лесной заимке неподалёку от Красноярска. А в сентябре 1908 г. отправились в Приамурье, в далёкий и потому, видимо, казавшийся спасительным Благовещенск, куда добрались в начале октября. Поселились тоже вместе, на одной квартире, в доме по Амурской улице.

Фёдор Чудаков, живший в городе по подложному паспорту, выписанному на имя крестьянина Енисейской губернии Кузьмы Ивановича Резниченко, начал сотрудничать в газетах «Амурский край», «Торгово-промышленный листок объявлений» («Амурский листок») и «Эхо», опубликовав там несколько стихотворений, рассказов и очерков за подписями *К. Рез.* и *К. Резниченко*. Варвара Протопопова, которая на родине была учительницей женской гимназии, стала зарабатывать частными уроками, а через год, с сентября 1909-го — преподавать в народном училище имени Л.Н. Толстого, которое располагалось в Забурхановской слободе, бессчётное число раз фигурирующей в произведениях Чудакова разных жанров. А вот Дмитрий Чернышёв вскоре после приезда в Благовещенск покончил жизнь самоубийством, потеряв надежду на излечение и не желая быть обузой для близких людей. Варвара Ипполитовна спустя некоторое время станет законной женой Фёдора Ивановича. В биографии сатирика, напечатанной в журнале «Дятел, беспартийный» 14 (27) марта 1918 г., Дмитрий Чернышёв во-

обще не упоминается. Вот как рассказывает там о встрече Чудакова с Протопоповой М. Катаев: «В Красноярске он познакомился со своей будущей супругой Варварой Ипполитовной, в обществе которой <...> и переселился благополучно в Благовещенск». Догадаться, почему биограф скуп на подробности при описании столь важного события, несложно: дело, очевидно, не в деликатности (ведь не постеснялся же Катаев в статье «Как умерли Чудаковы», опубликованной чуть позже в журнале «Чайка», бездоказательно заявить, что накануне самоубийства супруги якобы употребили «какое-то наркотическое вещество»): скорее всего, Фёдор Иванович и Варвара Ипполитовна никому ничего на такую чувствительную для них тему не говорили. Так что Катаев о Чернышёве, об обстоятельствах, которые свели Чудакова и Протопопову, видимо, ничего не знал. Иначе не преминул бы, наверное, поделиться сенсацией с читателями если и не «Дятла...», то «Чайки».

Здесь, наверное, уместно сделать отступление и сказать о том, что не раз уже упомянутый редактор-издатель «Чайки» М. Катаев, немало сделавший для сохранения памяти о Чудакове, по мнению современников, не был бескорыстен в своей приверженности этой теме. Софья Баженова, например, печатно называла его «лицемерным плакальщиком», который использует имя Чудакова, эксплуатирует память о нём в корыстных целях — ради продвижения собственных малохудожественных текстов. Баженова обращает внимание на то, что материалы о Чудакове во всех пяти номерах «Чайки» пересыпаны «произведениями самого Катаева, плоскими, как стёртая монета. Будь жив Чудаков, плохо пришлось бы от остроумного сатирика Катаеву. Но Чудакова нет, значит, катать его. ...Благо, читатель Чудакова любит, и что бы ни преподнесли ему во имя *Амура*, всё охотно купит и кушает. Бедная светлая Чайка, над трупом которой творит свою чёрную воронью меску погромное ханжество»¹³.

...В конце декабря 1908 года жандармское ведомство вышло на след беглеца, а первого января 1909-го он был арестован и препровождён «на горку» — в благовещенскую тюрьму. Задержана была (как свидетельствовал А.В. Лосев, видевший жандармские протоколы) и Варвара Ипполитовна, однако после допроса её отпустили на свободу. При обыске в квартире были найдены нелегальные брошюры, а также письма от товарищей по ссылке.

¹³ Баженова Софья. Чайка и «Чайка» // Земля и сотрудничество. Благовещенск. 1918. 2 (15) сентября. Цит. по: Кобзарь В.П. Ф.И. Чудаков (1888–1918): «Я не писатель. Я — звено великого народа» // Благовещенск. Март 1918 / отв. редактор А.В. Телюк. Благовещенск: Амурская ярмарка, 2018. С. 361.

Дело Чудакова, совершившего побег из ссылки и проживавшего в Приамурье по подложному паспорту, было передано прокурору Благовещенского окружного суда, в результате чего первое полугодие 1909-го сатирик провёл в политическом корпусе благовещенской тюрьмы, фигурирующей во многих его сатирических произведениях, а также в «арестном доме» при полиции. Он оказался «на горке», когда там уже почти год томилась и успела перессориться между собой вся амурская ячейка эсеров численностью в двенадцать человек. Чудакову удалось примирить их, сплотив товарищей по партии общим делом — изданием рукописного сатирического журнала «Арестант». Об этой истории не без юмора Фёдор Иванович рассказал в 1918 г. на страницах журнала «Дятел, беспартийный». Спустя несколько месяцев, уже после гибели сатирика, в «Чайке» о тех же событиях вспоминал один из «сотрудников»

«Арестанта» Иван Сивков. По словам последнего, душой редакции «капризно-периодического издания» и основным его автором был Фёдор Чудаков, который «работал... для журнала, можно сказать, и день и ночь». Изучение амурской периодики первой половины 1909 г. (всё это время сатирик, как известно, находился в заключении) позволило сделать поразительный, почти невероятный вывод: оказывается, Чудаков, находясь в тюрьме, «писал и день и ночь» не только для «Арестанта». Половину тюремного срока он каким-то образом умудрялся передавать на волю и публиковать свои произведения в благовещенских газетах «Амурский край» и «Эхо», а также в юмористическом журнале «Бузуй». Помимо этого, скрываясь под разными псевдонимами, он вводил в заблуждение читателей, устраивая «полемику» с самим собой. Так, например, 9 (22) апреля 1909 года в газете «Амурский край» было опубликовано «Письмо в редакцию», автор которого, *Язва*, включился в полемику между двумя амурскими авторами — *Амурцем*, которого он подверг жёсткой критике, и *Босяком*, которого взял под защиту.

Министерскій недосмотръ.

Въ министерствѣ нарочнаго просвѣщенія разрабатанъ законопроектъ о наказаніи не замужнихъ учителей въ тѣ школы, гдѣ преподаютъ неженатые учителя.

Хроника.

Министерство просвѣщенія съ краской легкаго смущенья порѣшило—въ нѣдрахъ школы, отъ мужского обольщенія оградить прекрасный полъ.

Въ интересахъ младшихъ братій, противъ красныхъ предпріятій, новый тормозъ въ ходъ введенъ. Увеличенъ рядъ изъятій, имъ же имя—дегіговъ!

Вѣдь въ поговѣ за крामолой поступиться можно школой! Неженатый педагогъ и дѣвица съ шейкой голой—Вѣдь соблазнъ, помилуй Богъ!

Газета «Амурский край»
(1909. № 76). Начало фельетона
Гусляра (Ф. Чудакова)
«Министерский недосмотр»

Пикантность ситуации состоит в том, что и автор письма в редакцию *Язва*, и вызывающий у него неприязнь *Амурец*, и близкий ему по взглядам *Босяк* — суть одно и то же лицо: сатирик Фёдор Чудаков, скрывающийся за всеми этими псевдонимами. Ещё более поразителен тот факт, что активно печатавшийся сразу в нескольких благовещенских изданиях автор отбывал в это время заключение в местной тюрьме.

Подоплёка этой поражающей воображение мистификации, судя по всему, была неведома не только тюремщикам и жандармам (им, по крайней мере, до поры), но и товарищам по неволе. Возможно, Чудаков в 1918 г. рассказал бы о том, как ему удалось совершить почти невозможное, но смерть оборвала работу над воспоминаниями, как принято говорить, на самом интересном — на разоблачении: «Уже вышел № 4, как вдруг разразилась катастрофа, в результате которой было неожиданное прекращение журнала и высылка редактора из тюрьмы в... арестный дом при полиции...» К сожалению, об обстоятельствах, причинах и последствиях этой «катастрофы» уже никогда не узнать...

После освобождения Чудаков жил в Благовещенске под гласным надзором полиции, печатался в газетах «Амурский край» и «Эхо». Положение его было шатким: от его поведения, от того, что он писал и

Иллюстрация Ф. Чудакова к его очеркам «На лоне. Поездка в Белогорье» (Эхо. 1910. № 493). Справа — Ф. Чудаков; слева, предположительно, Николай Геннадьевич Дегтярёв, персонаж ряда других произведений. Прототип «Василь Митрича», находящегося в центре, не установлен

публиковал, напрямую зависело не только его благополучие, но и сама возможность находиться на свободе. А он в том же году, словно дразня жандармов, выпустил две небольшие книжки, явственно демонстрирующие, что автор не отказывается от революционно-демократических взглядов, от критического отношения к действиям властей, к политике царского правительства. В пронизанном автобиографическими мотивами лирическом сборнике «Пережитое», тут же изъятом властями из обращения, *Босьяк* почти открыто декларирует свою принадлежность к революционному лагерю. Сборник фельетонов и сатирических стихотворений *Язвы «Шпильки»* — ещё более дерзкий вызов, брошенный властям. Издание этого, тоже изъятого из обращения, сборника обернулось для автора и издателя печальными последствиями. На титульном листе «Шпилек», помимо указания на типографию, выпустившую книгу («Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко»), значится: «Издан Д. Челеби». Д. Челеби — это Даниил Абрамович Челеби. Под такой фамилией (с паспортом на это имя) в Благовещенске с 1907 г. жил ровесник Чудакова Иосиф Александрович Постернак, уроженец города Очакова Николаевской области Украины. Челеби позже являлся сотрудником ряда периодических изданий Приамурья, редактором-издателем газет «Амурский телеграф» (1913–1914), «Амурский листок» (1913–1914), «Алексеевская жизнь» (1915), журнала «Амурские волны» (1914). А в 1909-м Челеби (Постернак) выступил в явно рискованной роли издателя антиправительственного по духу сборника «Шпильки», за что, как и автор, подвергся судебным преследованиям. Правда, ему, в отличие от автора, удалось избежать тюрьмы, а вот Чудаков после изнурительно долгой судебной волокиты в 1913 г. вновь на несколько месяцев угодил «на горку» — в благовещенскую тюрьму.

Судя по дошедшим до нас воспоминаниям, где бы он ни оказывался — в тюремной ли камере, среди коллег-журналистов, на рыбалке, в дружеской компании — неизменно становился душой общества, «заводилой». Потрясающая эрудиция, остроумие, дружелюбие, душевная щедрость — все эти качества легко позволяли ему становиться центром притяжения в любом коллективе. Притягивало к нему внимание, делало его безусловным авторитетом и его творчество, его огромный художественный дар. Но не только. Появившись в Благовещенске, Ф. Чудаков произвёл на всех неизгладимое впечатление уже одной своей незаурядной внешностью, главной изюминкой которой была причёска. О ней мы имеем представление по нескольким чудом сохранившимся фотографиям, а также по воспоминаниям очевидцев. Упоминавшийся выше Иван Сивков, познакомившийся с Чудаковым в политическом отделении благовещенской тюрьмы в начале 1909 года,

**Ф.И. Чудаков
за работой
в редакции газеты
«Эхо».
Начало 1910-х гг.**

приводит слова тюремного надзирателя, с ухмылкой объявившего заключённым-старожилам, что «на горку» доставили «нового политического, да косматого какого!» Видный сибирский журналист Михаил Басов, знавший сатирика по совместной работе в газете «Амурское эхо», свидетельствует, что у Чудакова, являвшегося «душой газеты и неутомимым волом», было прозвище «лохматый студент»: «Несуразная, угрюмая фигура, днями сидевшая в угловой и самой отдалённой комнате редакции, не встававшая из-за письменного стола прежде, чем не создан номер газеты. Лохмат он был, действительно, до безобразия: шапка густых выющихся волос вздымалась поверх головы двумя огромными копнами...»

Впрочем, Чудаков и сам не раз рисовал свой колоритный портрет — и графическими средствами (в иллюстрациях к своим произведениям в газете «Эхо» и журнале «Дятел, беспартийный»), и словесно — прозаически или поэтически. Вот один из таких автопортретов — в стихотворении «Осенняя соната» (1914):

И с ними третий, с головою фавна,
С задумчиво-нахмуренным челом;
Растрёпанная ветром презабавно,
Торчит его причёска помелом...
Портрет подробный этого скитальца
Напоминает, в общем, сенегальца...

Ни на день не прекращая напряжённую творческую работу, никогда не расставаясь со своими записными книжками, в течение многих лет с предельной самоотдачей исполняя обязанности секретаря редакции газеты «Эхо» (а после её закрытия — газеты «Амурское эхо»), что отнимало много времени и сил — физических и душевных, Фёдор Иванович, тем не менее, находил возможность бывать за пределами Благовещенска — на рыбалке или, реже, на охоте, в журналистских командировках. Он объездил почти всю Амурскую область, особенно любил путешествовать по реке Зее. Почти все его поездки, сплавы по реке так или иначе отразились в фельетонах, очерках, рассказах, повести «Дочь шамана», романе «Тайны Зеи», стихотворениях, поэмах... Деятельно участвовал он в общественной и культурной жизни Благовещенска. Разнообразие и объём его увлечений, дел, обязанностей потрясали современников. По словам М. Басова, Чудаков был «неутомимым волом», правильнее было бы сказать — долгие годы он работал буквально на износ, на пределе человеческих возможностей. До поры его спасало отменное физическое здоровье, хорошая наследственность, а также закалка, приобретённая в годы енисейской ссылки. Но случались и эмоциональные и психологические срывы (их «отметины» можно найти в ряде произведений, особенно лирических), брали своё

Титульные листы журналов «Колочки» (№ 9. 1910) и «Зея» (1914. № 3).
Фактическим редактором (и ключевым автором) этих журналов был Ф. Чудаков

физические недуги (о чём свидетельствуют, например, *больничные очерки* «В починке»).

Одна из немногих сфер жизни сатирика, не нашедшая отражения в его творчестве, практически полностью закрытая от читателей, — всё, что связано с семьёй, женой, дочерью...

Несмотря на то, что отношения Фёдора Чудакова с Варварой Протопоповой развивались с лета 1908 года, в полноценный семейный союз они сложились не сразу. Венчание состоялось 7 мая 1910 года в Пророко-Ильинской церкви Благовещенска. Фёдору на тот момент было двадцать два, Варваре — на год меньше. Поручителями с его стороны стали упоминаемый в мемуарах «Арестант» (1918) Михаил Соловейчик — сотрудник газет «Амурский край» и «Амурский листок», из ссыльных, по партийной принадлежности, как и Чудаков, эсер, а также Яков Николаев — конторщик газеты «Амурский край», член Амурского отдела «Общества изучения Сибири и улучшения её быта», куда, кстати, вступил и Фёдор. Поручителями со стороны Варвары были сын коллежского асессора Валентин Раевский и священник Константин Смирнов¹⁴. Через год и четыре месяца, 20 сентября 1911-го, у Чудаковых родилась дочь, которую назвали Наташей. Но, как уже отмечалось, семейную сферу, взаимоотношения с женой и дочерью *Амурец* не афишировал, не выставлял напоказ, эта сторона его жизни — из самых «тёмных». Единственный «член семьи», о котором имели представление амурские читатели, — Макс, Максима, любимый пёс писателя.

До февраля 1917-го жизнь Ф. Чудакова была подчинена, главным образом, борьбе с различными несутраженностями политического устройства самодержавной России, с уродливыми сторонами общественного строя и быта, с социальным неравенством и национальным угнетением, со всеми формами несвободы, с засильем чиновничества, удушающего жизнь казённой бумагой, с казнокрадами и беззащитно грабящими народ богатеями, с мещанской психологией обывателей, с пассивностью народа... Преимущественно критический, иронический пафос автора обусловил преобладание в его творчестве жанра так называемого «маленького фельетона» — как стихотворного, так и прозаического.

Февральскую революцию Чудаков встретил не обычной для него ироничной или язвительной, фельетонной интонацией, а восторженной, ликующе-бравурной, одической:

¹⁴ Государственный архив Амурской области. Ф. 29-И. Оп. 3. Д. 656. Л. 105. Цит. по книге: Благовещенск. Март 1918. Благовещенск: Амурская ярмарка, 2018. С. 341–342.

Четвёртый день в душе трезвон!
И солнце светит взору!
Какой возможно фельетон
Писать в такую пору?
Я не писатель. Я — звено
Великого народа!
И я могу писать одно:
Да здравствует Свобода!
Да здравствует Свобода!
Да здравствует Свобода!
Свобода!

Этот мажорный, наполненный бурным ликованием текст, опубликованный 5 (18) марта 1917 года в «Амурском эхе», заставляет вспомнить другой, напечатанный тремя годами раньше — 19 марта (1 апреля) 1914-го. Он был откликом на какую-то заметку в общероссийской хронике: *«В числе свидетелей на процессе Бендасюка выступал жан-дарм Свобода»*:

Единый раз за долгий век,
Без грустного исхода
Воскликнуть может человек:
«Да здравствует Свобода!»
Кричи, вопи на целый свет!
Чего тут опасаться?
Услышишь сладостный ответ
Свободы: «Рад стараться!»
Когда ж сему придёт черёд,
То, в шпорах и при шашке,
Тебя Свобода доведёт
До первой каталажки.

Думается, Ф. Чудаков в марте 1917-го вспомнил тот свой давний фельетон и, захваченный радостными эмоциями и иллюзиями, уверовал, что прежний его скептицизм оказался ошибочным, что свобода таки стала реальностью. Увы, ни Февраль, ни Октябрь 1917-го не принесли подлинной свободы ни ему, ни его читателям, ни всему российскому народу. Та «Свобода» с большой буквы, которая восхитила *Амурца* в феврале-марте 1917-го, очень скоро обернулась разочарованием, а большевистская, октябрьская «свобода» не довела сатирика «до первой каталажки» только потому, что он предпочёл ей добровольную смерть...

Завершая разговор о судьбе Фёдора Чудакова, нельзя не вспомнить вновь о том, с чего начиналась эта статья...

За четыре года до трагедии, 4 (17) апреля 1914-го, в газете «Эхо» был напечатан небольшой *набросок* «Убитая песня», который помогает понять главную причину того, что случилось 28 февраля 1918 года в Благовещенске, в доме по улице Соборной, 91.

Автор пастельными красками рисует пасхальный апрельский день, совпавший с открытием охотничьего сезона. Место действия — небольшая речка Будунда (совр. Ивановка), впадающая в Зею немного выше Благовещенска, на противоположном берегу, в районе села с тем же названием (ныне Усть-Ивановка). Эти места Чудаков любил, бывал здесь часто, они описаны во многих его произведениях — стихах, фельетонах, рассказах.

Отстав от своих товарищей-охотников, автор-рассказчик (он же и герой) расположился на песчаном берегу и, отставив в сторону ненужное ружьё, весь отдался созерцанию и размышлениям: «А я сидел и думал о том, чего уже нет, и о том, чего никогда не будет. Под весенним солнцем хорошо думать о том, чего уже нет». Позади, за спиной, раскинулась могучая в своём весеннем разливе Зея, перед ним — впадающая в неё чуть правее небольшая мутная речка, а за нею «сверкали маленькие оконца мазанок, рыбацких хатёнок». Дальше же, уходя влево, раскинулось большое село, в котором был мужской монастырь, откуда доносился теперь пасхальный колокольный звон: «От колокольного звона воздух казался густым и пухлым, и тонули в нём серебряные песни жаворонков...» Сверху нависало бездонное голубое небо, светило солнце, пролетали дикие гуси, но без обычного своего гогота, молча, словно и их завораживал «сочный монастырский звон». Пахло мёдом цветущей талины и острою сыростью мёртвых трав...

И вдруг до рассказчика доносится пение, вначале почти неуловимое. От монастыря к речке шёл человек в чёрном монашеском одеянии и пел мягким баритоном «какую-то священную песнь». Не всё в этом «величаво-грустном напеве» можно было разобрать, рассказчик улавливает только отдельные слова: «И вознесу... и вознесу...» По мере приближения монаха к речке исполняемая им «пасхальная, светлая песня» звучит всё явственней. Вторя колоколам, она навеивает герою-рассказчику «тихое умиление».

Этот кульминационный момент хочется процитировать подробней, потому что в нём, как ни в каком ином произведении Ф. Чудакова, с максимальной отчётливостью и искренностью проявляется устремлённость его души не к бунтарству и революционной ломке,

не к потрясениям и классовой борьбе, а к умиротворению, нежности, покою. Устремлённость к идеалу, совершенству, к красоте и гармонии — и природной, и социальной, и душевной, и небесной, горней, воплощённой в светлых пасхальных песнопениях, в обещающем вечность колокольном звоне:

«Обещала песня мир, прощение, успокоение. И хотелось верить в этот мир. Ибо стосковалась давно душа по миру.

Какое-то очарование несло его пение. В нём было больше, чем слова и голос. Чувство ли в нём было, или густой весенний воздух наполнял его какою-то неведомой, чудесной силой.

И хотелось слушать долго-долго. И забыть всё».

И в этот самый момент, когда душа рассказчика, замороженная, умиленная, просветлённая песнопением, достигает зенита, раздаётся громкий омерзительный гогот: издевательски гогочут, ржут, хрюкают над монахом, над его пением, над пасхальным гимном «два чернородых» существа у одной из рыбацких мазанок: «И-го-го! И-го-го!.. Хррр! Хррр!»

«Песня оборвалась. Монах обернулся и, словно испуганный, быстро пошёл назад к монастырю.

И всё стало пусто. На мгновение.

А потом опять раздалось гоготание и вслед — ругань, чёткая и жёсткая. Под её ударами быстро бежал к монастырю монах.

А я — почему не знаю — вскочил, схватил ружьё и выстрелил. Вверх, в воздух.

Я хотел протестовать свинцовым гулом против насилия над песней. Протестовать громко, стальным криком, чтобы поняли они, что убили что-то хорошее, святое...»

Этот потрясающий, разрывающий сердце финал «Убитой песни» — проекция, предсказание того, что совершит Фёдор Чудаков в конце февраля 1918 года: «свинцовым гулом», «стальным криком» он «громко» выразит протест «против насилия». Эти «громко» прозвучавшие выстрелы призваны были остановить тех, кто залил Благовещенск кровью и собирался и дальше действовать таким же образом: «чтобы поняли они, что убили что-то хорошее, святое...»

Период с 1909-го по 1918-й — время напряжённого творческого труда, время стремительного роста художественного мастерства. Чудаков в эти годы являлся одним из самых продуктивных и самых популярных сотрудников газет «Амурский край», «Эхо», «Амурское эхо», «Народное дело», был фактическим редактором и основным автором сатирических журналов «Колючки» и «Зезя», редактором-из-

дателем и почти единственным автором журнала «Дятел, беспартийный». Основной массив созданных им произведений, как уже отмечалось, — фельетоны (преимущественно стихотворные), сатирические стихотворения. А ещё Ф. Чудаков создал целую россыпь блестящих стихотворных легенд и сказок сатирической направленности, которые он, кстати, собирался выпустить и отдельной книжкой, но не успел. Сатира Чудакова, особенно последних трёх-четырёх лет жизни, — вершина творчества, самое значительное из того, что вышло из-под его пера. Чудаков-сатирик удивительно разнообразен в проблемно-тематическом, жанрово-стилевом, изобразительно-выразительном, ритмико-интонационном и всех иных отношениях. Лучшие из его стихотворных фельетонов заслуживают того, чтобы стать классикой жанра. Место *Амурца* — среди самых известных российских сатириков начала XX столетия.

Спустя век можно в полной мере оценить остроумие, меткость, художественную выразительность, а главное, неувядающую актуальность сатиры *амурского Саши Чёрного*. Она выдержала самое трудное испытание — временем. А всё потому, что писатель никогда не потрафлял неразвитым вкусам и особенно низменным запросам части мещанской публики, не угождал нуворишам, новоявленным «хозяевам жизни» — разбогатевшим на жульничестве амурским толстошумам, жаждавшим чаше всего «клубнички», пошлой «юмористики». Не поддался он и диктату большевиков, подмявших свободное слово, добивавшихся того, чтобы писатели были у них на побегушках. Перо сатирика служило народу и России, отстаивало подлинные демократические, нравственные и культурные ценности, нацелено было не на бытовое мелкотемье, а на явления масштабные, государственно, национально и социально значимые.

В заключение выскажем несколько общих суждений о значении творческого наследия «амурского Саши Чёрного».

Первое состоит в том, что произведения Чудакова являются ценнейшим художественным документом эпохи, в котором максимально

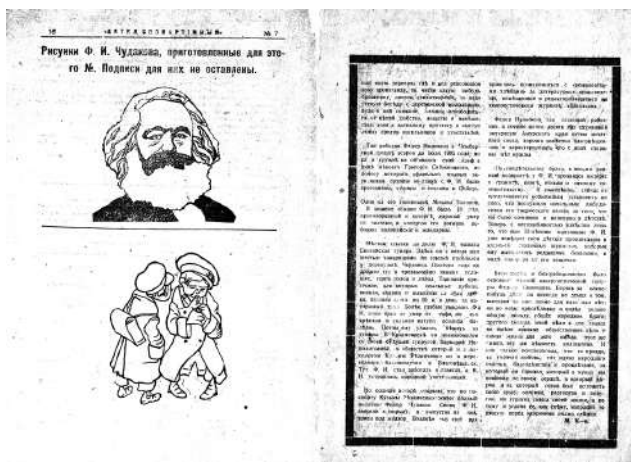

Обложка журнала
«Дятел, беспартийный» (1918.
№ 5) с рисунком Ф. Чудакова,
на котором изображён он сам
с замком на губах

честно, без всякой казённости и официоза, без псевдопатриотического пафоса или, наоборот, без лицемерной либеральной слащавости отражается — последовательно, буквально день за днём — динамика российской действительности предреволюционного десятилетия, сам ход российской истории, её поступь.

Второе — творческое наследие *Амура* представляет собой колоссальную познавательную ценность в том смысле, что позволяет в новом свете и беспрецедентно полно, в живой последовательности увидеть жизнь Приамурья начала XX века: почти во всех её ключевых событиях, фактах, именах, выразительных подробностях. Ни одного другого художественного явления, столь талантливо, полно, глубоко, всесторонне и достоверно воссоздающего подлинные реалии амурской жизни целой эпохи, не существует.

Третье — произведения Чудакова, особенно если их рассматривать в хронологическом порядке, позволяют проследить за образом мыслей, за переменами в сознании, за изменениями в мировоззрении человека из демократического лагеря, проходящего через драматические и трагические события революционной эпохи, извлекającegoся от многих заблуждений и либеральных иллюзий, прозревающего, но, к сожалению, слишком поздно. И в этом отношении наследие Фёдора Чудакова — уникальный феномен, требующий осмысления в свете событий сегодняшнего дня.

Страницы посмертного номера журнала «Дятел, беспартийный» с рисунками Ф. Чудакова

«Ну, который теперь мне год? Чёрт его знает, который!...»

*История о том, как Фёдор Чудаков обрёл, наконец,
день рождения*

До недавнего времени датой рождения одного из самых ярких сатириков начала XX века Фёдора Чудакова считался 1887 год. Предположение, высказанное ещё в 1960-е основателем литературного краеведения Приамурья Анатолием Васильевичем Лосевым (1927–2002), со временем вошло в обиход, утвердилось в качестве бесспорного факта и никем не ставилось под сомнение. Во всех немногочисленных публикациях, так или иначе касавшихся биографии Чудакова, фигурировал именно этот год. Такая же дата, причём без каких бы то ни было оговорок и пояснений, тиражировалась (и поныне тиражируется) в интернете.

А между тем Лосев пояснял, что год рождения установлен им, «исходя из данных о возрасте Чудакова, которому ко времени ареста исполнился двадцать один год»¹. Арифметика здесь простая: если на момент ареста (1 января 1909 г.) или допроса (один из первых дней того же января) беглому ссыльному исполнился двадцать один год (этот возраст зафиксирован в протоколе допроса, который вёл с юмором описанный в автобиографическом рассказе Чудакова «Арестант» жандармский ротмистр М.П. Перков)², то, следовательно, родился он либо в 1887-м, либо в начале января 1888-го. А так как вероятность

¹ Лосев А.В. Об одном забытом поэте (Фёдор Иванович Чудаков) / публ. и коммент. А. Урманова // Амур: литературный альманах БГПУ. № 7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 50.

² «Это был очень вежливый и предупредительный господин. Его изящный портсигар всегда был к услугам арестуемых, и папиросы отличались тонким ароматом и приятным вкусом. Я до сих пор вспоминаю нашу беседу с этим колонизатором, происходившую в начале января 1909 года в помещении 1-го участка.

Результатом этой беседы было появление на свет божий документа...

Для меня теперь этот документ замещает иногда меня самого. Всё, что мог бы я сказать про самого себя, занесено в этот документ, начиная от номера обуви и цвета волос, и кончая размером уха, густотой бровей, длиной подбородка и т.д.

Так что теперь, когда меня придут подчинять власти комиссаров, им уже нечего будет трудиться составлять точную топографию моей внешности: это уже сделано ротмистром Перковым» (*Эс-эр (Чудаков Ф.)*. «Арестант» // Дятел, беспартийный. 1918. № 4. С. 4).

второго варианта в сравнении с первым была крайне мала, то А. Лосев и отдал предпочтение 1887 году.

Сложности с определением года рождения сатирика объяснялись тем, что в дореволюционное время в судебных, жандармских и полицейских протоколах принято было указывать не дату рождения, а возраст. А это давало возможность слегка «округлить» его — в зависимости от того, кем подследственный хотел выглядеть в глазах «собеседника» — зрелым человеком, опытным, закалённым идейным борцом с царским режимом или, напротив, неопытным юнцом, заслуживающим снисхождения. Прошедший не одну тюрьму, долгий этап, тяжелейшую сибирскую ссылку, совершивший дерзкий побег, много успевший повидать и испытать, двадцатилетний арестант вполне мог прибавить себе месяц-полтора, чтобы в глазах лощёного жандармского офицера, который его допрашивал, выглядеть более взрослым. Очевидно, понимая это, Лосев, как настоящий учёный, привыкший опираться в своих исследованиях лишь на факты, и сделал оговорку: установленная им примерная дата рождения нуждается в уточнении и документальном подтверждении. Такого подтверждения Анатолий Васильевич, знакомящийся с редкими архивными материалами — документами жандармского розыскного пункта г. Благовещенска, не нашёл — ни тогда, ни позже, в течение нескольких десятилетий изучая амурскую периодику.

Прошло более полувека, а вопрос о дате рождения амурского Саши Чёрного по-прежнему оставался открытым: обращения в пензенские литературные музеи и архивы результатов не давали. Ни на родине — в Чембаре (с 1948 — г. Белинский), ни в областном центре — Пензе о раннем периоде жизни, о детстве и юности прославившегося на Амуре журналиста и писателя ничего определённого сказать не могли. Доходило до курьёзов: в ответ на запрос из Амурской области пензенцы отправляли ссылку на статью амурского же исследователя. По этой причине в изданной в 2013 г. в Благовещенске «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв.» дата рождения Амурсца осталась прежней, предположительной — 1887 год³.

И лишь сравнительно недавно, при подготовке книги избранных произведений Фёдора Чудакова⁴, автору этих строк удалось прибли-

³ Урманов А.В. Чудаков Фёдор Иванович // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 423.

⁴ Чудаков Ф. «Чаша страданья допита до дна!...»: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / сост., предисл., подг. текста, коммент. А. Урманова. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2016. 716 с.

зиться к истине, существенно сузив временные рамки для целенаправленного архивного поиска.

Книга эта, вышедшая в конце 2016-го, — первое за столетие издание произведений Чудакова, призванное вернуть фактически из небытия масштабную творческую личность, сопоставимую с первыми сатириками Серебряного века. Помимо сатиры, в ней представлены лирика, проза, драматургия. А в последний, шестой раздел вошли уникальные материалы, связанные с трагической гибелью семьи Чудаковых: предсмертные письма, отклики на самоубийство, воспоминания современников. Составителю, в частности, удалось отыскать 7-й номер журнала «Дятел, беспартийный», который начинал готовить к печати Фёдор Чудаков, а заканчивать пришлось родному брату Дмитрию, типографскому рабочему. Номер вышел спустя две недели после трагедии — 14 (27) марта 1918 г. — и включал, в том числе, посмертные «биографические штрихи» о писателе, автором которых был Михаил Хрисанфович Катаев — журналист, редактор-издатель и сотрудник некоторых периодических изданий, выходивших в Благовещенске. В 1916–1917 гг. Катаев являлся редактором-издателем газеты «Амурское эхо», одним из самых деятельных авторов (и секретарём редакции) которой был Чудаков; в 1917–1918 гг. оба они сотрудничали в эсеровской газете «Народное дело». Совместная работа сблизила их, а трагическая смерть сатирика 28 февраля (13 марта) 1918 года на некоторое время предопределила направление журналистской и общественной деятельности Катаева: в мае 1918-го он стал издавать журнал «Чайка», главная провозглашённая цель которого — увековечение памяти Чудакова, изучение и популяризация его творчества. Значительное место в «Чайке» занимали статьи и воспоминания о сатирике. Два номера журнала почти целиком были посвящены Чудакову, во 2-м, в частности, опубликована статья Катаева «Трагедия души поэта, или Обманутая вера», объясняющая причину трагического ухода, а в 5-м — его же статья «Как умерли Чудаковы», воссоздающая обстоятельства потрясшего амурскую общественность самоубийства.

В упомянутых выше посмертных «биографических штрихах» друг и соратник Чудакова утверждал: «Фёдор Иванович родился в 1888 году...»⁵. Статья М. Катаева Лосеву, судя по всему, не была известна: в Благовещенске 7-го номера «Дятла...» (точнее — страниц, на которых напечатаны «посмертные» материалы) нет, в Российской государственной библиотеке («Ленинке»), в которой работал Ана-

⁵ М. К-в (Катаев М.Х.) Фёдор Иванович Чудаков: биографические штрихи // Дятел, беспартийный. 1918. № 7. 14 (27) марта. С. 17.

толий Васильевич, этот журнал вообще отсутствует. На «биографические штрихи» Лосев никогда не ссылался, не цитировал их, нигде не обнаружил знание тех фактов, которые там изложены. Или, быть может, он проигнорировал их, поставив под сомнение достоверность свидетельств М. Катаева? Поверить в это невозможно, ибо биография сатирика, изданная его родным братом, не может не заслуживать уважительного отношения. Тем более что в ней немало подробностей о самом «тёмном» периоде жизни Чудакова — чембарском.

Составляя «биографические штрихи» для «посмертного» выпуска «Дятла...», Катаев, как можно предположить, уточнял (обязан был уточнять!) факты биографии сатирика у его брата Дмитрия. Который, в свою очередь, выполнял роль фактического редактора-издателя прощального номера журнала и потому должен был вычитывать материалы, тем более такой важный, как биография покойного. Конечно, чисто теоретически дата рождения, которую назвал М. Катаев (1888), могла содержать опечатку или даже фактическую ошибку, ставшую следствием спешки автора материала и невнимательности редактора 7-го номера «Дятла...», однако вероятность этого не очень высока. С другой стороны, полностью полагаться на статью М. Катаева тоже было нельзя — это ведь не документ. Так что вопрос о дате рождения сатирика хотя и несколько прояснился в период подготовки книги его сочинений, но всё равно нуждался в уточнении, которое строилось бы на более веских основаниях, нежели журнальная статья или протокол жандармского допроса.

Не добившись окончательной ясности с годом рождения (но сделав выбор в пользу 1888-го), редактор-составитель книги избранных произведений Чудакова сумел «вычислить» месяц: помогли разысканные произведения сатирика. Одно из них — стихотворный фельетон «Кошмар фельетониста», опубликованный под псевдонимом *Язва* 13 (26) февраля 1911 года. Содержание произведения недвусмысленно свидетельствовало: день рождения автора приходится на первую половину февраля:

Он лежит на жёсткой койке,
День рождения кляня.
Перед ним, как пёс на стойке,
Зоркий сторож — Злоба Дня...
Пасть отверста, зубы скалит,
Воет, рывкает, скулит...
Одного в канаву валит,
А тому портфель сулит.

Пуришкевич в пёсьей коже...
Вот Гучков ползёт, как вошь...
Рожи, рожи, рожи, рожи...
Боже! Боже! Сколько рож!!
Он лежит на старой койке,
День рождения кляня.
Перед ним, как пёс на стойке,
Верный сторож — Злоба Дня⁶.

Фельетон «Кошмар фельетониста» давал веское основание для вывода: автор отмечал своё рождение несколькими днями ранее даты публикации произведения — 13 февраля.

Предположение это нашло подтверждение ещё в одном произведении Чудакова, созданном семью годами позже. Речь о прозаическом фельетоне «Товарищи Фёдоры-Стратилаты Амурской области!», опубликованном за подписью *Обиженный Фёдор* в № 4 журнала «Дятел, беспартийный», а именно, как обозначено на титульном листе, 4 (17) февраля 1918 года. Как станет понятно чуть ниже, такой датировкой очередного номера любимого своего детища редактор-издатель «Дятла...» продемонстрировал, что не признаёт за большевиками права на радикальную ломку всего и вся, в том числе календаря.

Причина «обиды» автора фельетона на «властьсоветских» — то, что они лишили его (и многих других российских Фёдоров, да и не только их) приближающихся именин. Дело в том, что 24 января 1918 г. декретом Совнаркома был упразднён юлианский и введён григорианский календарь, в соответствии с которым вводилась поправка в 13 суток. Декретом устанавливалось, что после 31 января 1918 г. в России сразу наступит 14 февраля — по новому стилю. В практике датировки все события и документы, относящиеся к периоду до 1 февраля 1918 г., датируются по юлианскому календарю («старый» стиль), с 1 февраля 1918 г. — по григорианскому («новый» стиль). Основной дате может сопутствовать дата другого стиля, помещённая рядом в круглых скобках.

Одним из последствий этого поистине революционного решения советской власти стало то, что период с 1 по 13 февраля 1918 г. вообще выпал из российского календаря и из российской истории: эти дни были как бы «списаны» (но только, как мы помним, не редактором-издателем «Дятла, беспартийного»).

⁶ Язва (Чудаков Ф.). Кошмар фельетониста // Эхо. 1911. № 688. 13 (26) февраля. С. 4.

Страница «Дятла, беспартийного» с фельетоном Ф. Чудакова

Выходит, что наши-то именины в нынешнем году — кошка съела! После 31-го января велено считать сразу 14 февраля, а 8-е-то, оказывается, Митькой звали! И получается, что не только никаких «технических надобностей» в этом году нам не испробовать, но даже и пирог с кетой упразднён без остатка. Ленину-то хорошо! Он правит именины и на Николая, и на Владимира (так уже полагается для всякого городничего на Руси)⁷, а тут в кои-то веки задумаешь себе и товарищам доставить, ан, глядь, фигу получаешь.

Товарищи Фёдоры-Стратилаты Амурской области!.. Давайте протестовать, товарищи! Легко сказать, ведь так и собственный возраст

Что касается частной жизни граждан, то в проигрыше оказались те, у кого именины (и дни рождения) приходились на эти дни. В таком положении оказался и Фёдор Чудаков: декрет Совнаркома «съел» (по современной казённой терминологии — «оптимизировал») его день рождения — а он, судя по тексту фельетона, приходился на 8 февраля по старому стилю — то есть на день, в который православная церковь чтит память святого великомученика Фёдора (Феодора) Стратилата. Приведём с небольшими сокращениями этот фельетон, в котором автор фактически назвал дату своего рождения:

⁷ Ленину-то хорошо! Он правит именины и на Николая, и на Владимира (так уже полагается для всякого городничего на Руси)... — намёк на то, что большевистский вождь, глава советского правительства Владимир Ленин ведёт себя как единодержавный монарх, то есть как низвергнутый император Николай II, небесным покровителем которого был святой Николай Мирликийский (Николай Угодник).

перепутать недолго. Как считать года без именин? Ну, который теперь мне год? Чёрт его знает, который!..

Углублять — углубляй, это дело не наше. Разгоняй Учредилку, мирись с Вильгельмом — это всё ерунда! Но именины — не тронь!..

Товарищи Фёдоры-Стратилаты всех волостей и города Благовещенска! Соединяйтесь! Давайте или контрреволюцию, или складчину устроим! ⁸

Именины (и день рождения), которых большевики лишили Фёдора Чудакова в феврале 1918 года, были, как мы теперь выяснили, не рядовые, а юбилейные...

Теперь о главном — о находке, поставившей точку в длившемся много десятилетий поиске. В феврале 2017 года в ответ на очередной запрос краеведа Евгения Паршина — одного из ведущих авторов «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков» (2013) — из Государственного архива Пензенской области пришло, наконец, документальное свидетельство — сканы метрической книги Николаевской церкви г. Чембара за 1888 год (Ф. 182, оп. 7, д. 201, л. 286 и 289-290).

Чембар. Улица Никольская с видом на Никольскую церковь

⁸ *Обиженный Фёдор (Чудаков Ф.). Товарищи Фёдоры-Стратилаты Амурской области! // Дятел, беспартийный. 1918. № 4. 4 (17) февраля. С. 13.*

Судя по этому документу, Фёдор Чудаков родился 8 (20 по новому стилю) февраля 1888 года — то есть в тот самый день, когда православная церковь чтит память Фёдора Стратилата. Следовательно, своим именем будущий писатель, действительно, обязан этому христианскому святому-великомученику. Метрическая книга, кроме того, «воскресила» имена священников, проводивших обряд крещения, а также родителей писателя.

Произошедшее — событие, значимость которого чрезвычайно велика: впервые за столетие появилась возможность отдать должное блестящему амурскому сатирику, отмечая дни его рождения.

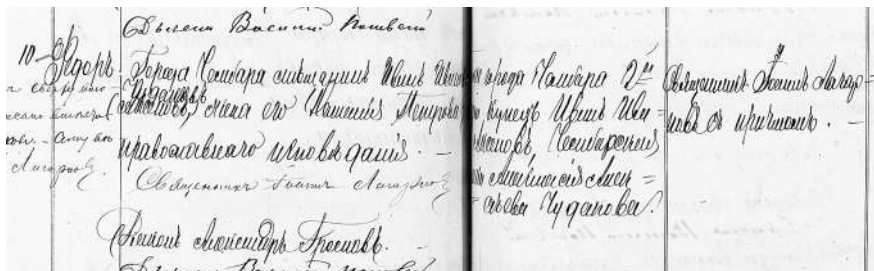
Хочется верить, что возвращение нашему выдающемуся земляку дня рождения станет прологом к полномасштабному возвращению его творчества, его произведений. Уверен, что большим событием культурной жизни города и области могли бы стать спектакли по пьесам Чудакова, и поныне не потерявшим острой актуальности: в их числе социально-психологическая драма «Изгнанники» и драматическая сказка в стихах «Очарованный Леший».

Ещё важнее, как мне представляется, издать в Благовещенске книгу избранных произведений Ф. Чудакова разных жанров, в которых отражается амурская действительность.

Обложка метрической книги Николаевской (Никольской) церкви города Чембара за 1888 г.

Запись в метрической книге о рождении Фёдора Чудакова 8 (20) февраля 1888 г.

«Шпильки» нашлись!

Об одной литературной сенсации

Литературная жизнь Приамурья дооктябрьского периода изучена пока ещё по большей части поверхностно. Подлинный её масштаб скрыт от нашего взгляда. До сих пор остаются неизвестными или практически неосмысленными многие литературные явления, в том числе незаурядные. А известные, в силу своей разрозненности, пока ещё не складываются в общую картину. Тем более их недостаточно для того, чтобы представить литературный процесс на Амуре в подлинном его объёме и живой динамике. Имена большей части писателей, живших в эти годы в Благовещенске, мало кому известны, произведения их сейчас практически недоступны, так как не переиздавались в течение более чем столетия. Часть из них безвозвратно утрачена, часть рассеяна по страницам периодической печати огромного региона, по газетам, которые в лучшем случае можно найти, да и то не в полной комплектации, лишь в крупнейших архивах и книгохранилищах страны.

Тот факт, что Амурский край не выдвинул в дореволюционное время писателей, получивших признание в масштабах всей России, ещё не означает, что литературная жизнь региона носила сугубо провинциальный характер. Что здесь не было авторов, которые могли бы занять достойное место в контексте общероссийской литературы, которые заслуживали бы более широкого круга читателей. На такую роль, как представляется, вполне могли претендовать первый амурский поэт Леонид Волков (1870–1900) и сатирик Фёдор Чудаков (1888–1918).

Что касается Волкова, то его творчество, благодаря дошедшим до нас двум прижизненным сборникам «На Амуре» (1895) и «На Дальнем Востоке» (1899) и особенно благодаря посмертно изданным «Сочинениям Л.П. Волкова» (1902), известно сейчас практически в полном объёме.

С Чудаковым, к личности и творчеству которого привлёк внимание альманах «Амур»¹, всё обстоит иначе. Судьба литературного наследия этого автора до недавнего времени была незавидной: большая

¹ Лосев А.В. Об одном забытом поэте (Фёдор Иванович Чудаков) / публ. А. Урманова // Амур: литературный альманах БГПУ. № 7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 47–54.

часть его произведений, в том числе и весьма талантливых, актуальных и поныне, затерялась на страницах амурской периодики начала XX столетия и была практически недоступна. Почти до сегодняшнего дня считался утраченным сборник лирических стихотворений Ф. Чудакова «Пережитое», изданный под псевдонимом *Босяк* в Благовещенске в 1909 году ² и сразу же конфискованный по распоряжению властей. В то, что сохранился хотя бы один экземпляр сборника, не верил даже автор. Через девять лет, в 1918-м, включая в первый номер своего сатирического журнала «Дятел, беспартийный» новый вариант стихотворения «Евшан-трава», Чудаков не преминул указать в примечании, что впервые оно было напечатано в «Пережитом». Что касается судьбы самого сборника, то он, по словам поэта, «по постановлению прокурора был конфискован и сейчас едва ли где имеется хоть один экземпляр этой книжечки» ³. В седьмом выпуске альманаха «Амур» (2008) автор этих строк сообщил, что, вопреки утвердившемуся мнению, книжка «Пережитое» не исчезла: оригинал этого раритетного издания находится в Российской государственной библиотеке, а копии — в отделе редких книг Амурской областной научной библиотеки и в литературно-краеведческом музее БГПУ. Здесь же, в альманахе, была напечатана и небольшая подборка стихотворений из неё — первое переиздание за целый век ⁴.

В течение столетия ничего не было известно ещё об одной книжке. После ареста в Благовещенске в самом начале 1909 г. бежавшего из енисейской ссылки Ф. Чудакова и отбытия им шестимесячного заключения в местной тюрьме («на горке»), он под одним из самых известных своих псевдонимов *Язва* выпустил небольшой сборник стихотворных фельетонов «Шпильки» ⁵. Сразу после этого против автора и издателя возбудили судебное преследование, длившееся несколько лет. Газета «Амурский листок» в номере за 14 февраля 1912 г. (№ 1090), в разделе «Хроника» сообщала читателям: «**Литературное дело.** Дело о привлечении к ответственности автора брошюры “Шпильки” — Язвы и издателя её Д.А. Челеби следствием закончено и передано

² *Босяк (Чудаков Ф.). Пережитое: стихи.* Благовещенск: Типография Г.И. Клитчоглу, 1909. 29 с.

³ Дятел, беспартийный: еженедельное литературно-сатирическое издание. 1918. № 1. 14 (27) января. С. 3.

⁴ *Чудаков Ф. Пережитое: стихи // Амур: литературный альманах БГПУ. № 7.* Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 57–58.

⁵ *Язва (Чудаков Ф.). Шпильки: сборник стихотворений.* Благовещенск: Издал Д. Челеби; Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. 31 с.

**Титульный лист
в течение века
считавшегося утра-
ченным сборника
«Шпильки» (1909)**

прокурору I участка». Как следствие, в 1913-м Чудаков отбыл в благовещенской тюрьме ещё несколько месяцев.

Итак, сборник «Шпильки» в 1909-м был изъят из обращения и бесследно исчез. Спустя годы Чудаков рассказывал об этом с присущим ему чувством юмора: «Главному управлению по печати так понравился сборник “Шпильки”, что оно через прокурора распорядилось приобрести всё издание для нужд правительства и тщательно сохранять его в архивах жандармского управления. Приобретение состоялось, как говорится, “даром”, ибо денег автору не заплатили, но так как всё-таки было неловко ничего не платить, то автору дали в виде единовременного пособия шесть месяцев тюрьмы»⁶.

«Шпильки» нашлись спустя ровно век — в 2009 году. Владельцем раритета оказался благовещенский коллекционер Сергей Николаевич

Лафин, который, по его словам, адресованным автору этих строк, приобрёл сборник Чудакова года за три до этого. «Шпильки» были переплетены вместе с ещё одной редкой книгой — «Осада Благовещенска и взятие Айгуна» (Благовещенск, 1901), выпущенной редактором-издателем «Амурской газеты» А.В. Кирхнером (1860–1903). Ранее эта искусственно сдвоенная книга находилась в личной библиотеке жителя г. Зея Амурской области Василия Андреевича Ланкина (о чём свидетельствует экслибрис на титульном листе). Сведений о том, каким образом, когда и от кого она попала к нему, найти не удалось. По признанию С.Н. Лафина, он не придавал особого значения своему приобретению, так как не предполагал, что «Шпильки» считаются утраченными. Литературно-краеведческой сенсации предшествовала цепочка и случайных, и закономерных обстоятельств. Всё началось с того, что в 2009 г. автору этих строк предложили написать главу о литературной жизни Приамурья для книги о дореволюционном Благовещенске. В этой главе и было упомянуто, что сборник «Шпильки» пока не обнаружен. Затем рукопись главы попала к одному из редакторов книги — Андрею Александровичу Гаршину, а он вспомнил, что некоторое время назад видел сборник Чудакова, когда по просьбе редколлегии С.Н. Лафин приносил

⁶ Дятел, беспартийный. 1918. № 3. С. 8.

книгу Кирхнера. Таким образом всё «сцепилось», и открытие состоялось. Вскоре после этого копия уникального издания была передана коллекционером автору данных строк.

После кончины С.Н. Лафина (ноябрь 2010 г.) сборник «Шпильки» перешёл его наследникам и в настоящее время хранится в частной коллекции.

Сборник «Шпильки» включает 17 стихотворных произведений. Почти все они (за исключением разве что баллады «Светлана») имеют ярко выраженный сатирический характер. Собственно, на это указывает уже псевдоним, под которым автор выпустил книгу, — *Язва*, а также название сборника. *Шпилька*, по Далю, — в одном из прямых значений «спица, остроконечный прут», «род острого гвоздочка»; в переносном — «намёк, либо наветка, обиняк, укор, попрек, колкое словцо»⁷. Современный словарь даёт следующее толкование: «Колкое, язвительное замечание, колкость»⁸.

Чудаков подобрал на редкость удачное название для своей книжки. Действительно, колкость, язвительность — отличительные черты стиля «Шпилек». Судя по всему, стихотворный фельетон — любимый жанр Фёдора Чудакова; жанр, наиболее органичный для него. Как известно, фельетон — это острозлободневное художественно-публицистическое произведение сатирической направленности, как правило, предназначенное для публикации в газете или журнале. По складу своего характера и темпераменту, по своей бескомпромиссной гражданской позиции, по художественному дарованию, наконец, Фёдор Чудаков был прирождённым фельетонистом. Его талант расцветал в те годы, когда в России появилась целая плеяда блестящих сатириков — Аркадий Аверченко, Надежда Тэффи, Саша Чёрный, Аркадий Бухов и др., когда издаваемый в Петербурге еженедельный сатирический журнал «Сатирикон» (1908–1914) стал одним из самых популярных в стране периодических изданий. Сложись судьба Фёдора Чудакова иначе — оказался он в столице, среди профессиональных литераторов и критиков, в творческой атмосфере «Сатирикона», — художественный талант его получил бы необходимую огранку, и он воспринимался бы сейчас как художественное явление не регионального, а национального масштаба. Впрочем, значимость и уровень созданного Чудаковым гораздо выше, чем это

⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978–1981. Т. 4. С. 643.

⁸ Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 4. С. 728.

принято считать. Лучшие из его сатирических стихов вряд ли уступают большей части произведений, печатавшихся в том же «Сатириконе». Не следует забывать и о том, что фельетоны, вошедшие в сборник «Шпильки», — лишь первые пробы пера Чудакова-сатирика, что ему тогда было всего двадцать два года, что в полную силу художественный талант автора раскроется позже.

1909 год — это разгар реакции, наступившей после поражения Первой русской революции. Это было время, когда власть видела в независимой печати источник опасного вольномыслия, от которого один шаг до революционной крамолы, а потому применяла целый комплекс мер давления на свободное слово: драконовскую цензуру, экономическое удушение независимых печатных органов, административное воздействие, судебное преследование редакторов и авторов. Впрочем, журналистов, писателей, готовых рисковать своим положением и своим благополучием ради сохранения верности идеалам свободы, оставалось к тому времени не так уж много. Особенно это касалось отдалённой провинции, где административное давление на прессу было более грубым, а вмешательство в её дела — более бесцеремонным, чем в столице или крупных городах европейской России. Саша Чёрный писал об этом времени в стихотворении «Отбой» (1908):

По притихшим редакциям,
По растерянным фракциям,
По рутинным гостиным,
За молчанье себя награждая с лихвой,
Несётся испуганный вой:
Отбой, отбой,

СКАЗАНИЕ ОБЪ ИСААКИИ ВИТЯЗЬ.

„Итак, за всем же пойдёт русская интеллигенция?“ (из газетной передовицы)

Сказал Исаакій сквозь тумъ и туманъ.

Богато одѣтъ онъ и напѣтъ.

Была дѣньшъ ночь нѣтъ чернѣ, какъ самъ Буржуазъ.

Какъ самъ Пурлишъевичъ — отъважнѣ.

Несутъ войъ съ витяземъ мечи и дѣдъ.

Споткнулся и члѣнъ стѣбъ,

И потъ, наконецъ, похлѣзаетъ онъ

Ко нѣмцу столѣтняго дуба.

Отъ этого шинъ, средѣ голыхъ подинъ,

Легли три большаго дороси.

Натурально нѣтъ нѣтъ, и нѣтъ нѣтъ отъважнѣ.

На ушкѣхъ вселеннѣ потъ.

На шнѣхъ прибитъ большаго дѣдъ,

Ночевалъ нѣтъ и трѣхъ,

И чѣ-то на ней наворачала рука

Узорной сѣмьянкою кляма:

„Былъ сѣмѣ нѣтъ подинъ, мелодѣ,

Но самой кремнистой доросѣ,

Обрицѣхъ колючей терноватъ шнѣнѣ.

И шнѣхъ колюча на ноги.

Трудна тѣ доросѣ и нѣтъ полъ,

Найдѣхъ на ней радости мало

И только на кончикѣ самогѣ нѣтъ,

Знавалъ зарѣ идеала.

„А самъ средѣ доросѣ подинъ,

Иную судьбу испытывахъ:

Хорошаго мало на всѣхъ ты найдѣхъ

И мало на ней потеряхъ.

Въ огромное парѣво она привѣдетъ,

Ихъ правитъ Царѣца Руткина.

Въ томъ парѣвохъ обрѣдѣхъ доволѣтво, почѣтъ

И сѣмѣхъ похлѣзаетъ.

„Послушай же, витязь, мой добрый советъ:

Силѣе пускайся по правой.

И будешь не только сѣтъ и одѣтъ,

Но также вернешься со славою,

Научившись сѣмѣхъ трѣхъ глупѣтъ.

Стихотворение Язвы «Сказание об Исаакии витязе» открывает сборник «Шпильки»

Окончен бой,
Под стол гурьбой!

Реакция затронула все стороны российской действительности, жестоко ударив по демократическим иллюзиям, смертельно напугав большую часть либеральной интеллигенции. Общественную атмосферу того времени определяли растерянность и отчаяние, вызванные потерей веры в возможность демократического обновления общества. Завинчивание идеологических гаек, судебные и административные преследования, жёсткий цензурный намордник, давление официоза были столь сильны, что немало представителей интеллигенции, в том числе творческой, отрекались от прежних идеалов и убеждений. Но гораздо больше было тех, кто занял выжидательную позицию, кто не решался высказывать свои политические взгляды, а тем более действовать в соответствии с ними. Откликом автора «Шпилек» на эту общественную ситуацию, на нежелание российской интеллигенции открыто отстаивать свою гражданскую позицию явилось «Сказание об Исаакии витязе». В этом сатирическом стихотворении Чудаков аллегорическим сюжетом отвечает на приведённый в эпиграфе вопрос из газетной передовицы: «Итак, за кем же пойдёт русская интеллигенция?» Интеллигенцию в произведении представляет витязь, оказавшийся на политическом распутье, не знающий, что выбрать — терновый венец, сытый покой мещанина или борьбу против правды и света:

...Опешил наш витязь, когда прочитал
Такие с доски наставленья,
И долго в раздумье затылок чесал:
Какое же взять направленье?
Конечные пункты различных дорог
Мешались и путались вместе.
К чему же стремиться, решить он не мог
И начал топтаться на месте.
За месяцем месяц летит и летит,
Один, три, десяток... сто... двести...
А он на распутье, как прежде, стоит,
И топчется, бедный, на месте ⁹.

⁹ Язва (Чудаков Ф.). Шпильки: сборник стихотворений. Благовещенск: Издал Д. Челеби; Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. С. 4. Далее произведения, входящие в «Шпильки», цитируются по данному изданию, страницы указываются в квадратных скобках.

Один из традиционных для русской литературы данного периода (в том числе для авторов журнала «Сатирикон») объектов сатирического изображения — сонный российский обыватель, равнодушный к тому, что происходит в стране, безучастный к настоящему искусству, к высоким общественным идеалам, требующим от него жертвенного служения. Обыватель, предпочитающий услаждать свои зоологические инстинкты и примитивные вкусы, находящийся в состоянии духовного анабиоза. В «Сатириконе», к слову сказать, по мере нарастания реакции тема разоблачения сытого и сонного царства мещанства вышла едва ли не на первый план. Российский обыватель, погрузившийся в мёртвую спячку, не желающий принимать участие в общественно-политической жизни страны, стал постоянной мишенью для сатириков. Аркадий Аверченко писал: «Теперь вся Великая Россия сквозь сон извивается в смертельной нудной тоске» (Сатирикон. 1909. № 35. С. 3).

Сонному обывателю посвящено стихотворение Ф. Чудакова «Спящий красавец» с подзаголовком «*Оперетка в 1 действии*». В прозаической прелюдии автор рисует условно-аллегорическое сценическое пространство, на котором и будет разыгрываться «опереточное» действо: «глухой, непроходимый лес», в котором растут огромные деревья с выразительными табличками: «Усиленная Охрана», «Чрезвычайная Охрана», «Военное Положение» и т.п. А между деревьями — множество пней с надписью: «срублено 1905 года». Среди леса стоит избушка на курьих ножках, а в ней «сном праведника почивает ОБЫВАТЕЛЬ». К избушке чередой являются аллегорические образы — «тени» прекрасных женщин, которые безуспешно пытаются пробудить обывателя:

Тень: Пусти! Я — тень Культуры!
Я светом знания твой хочу нарушить сон!
Я принесла тебе сокровища скульптуры,
Науки, зодчества, литературы...
Обыватель: Вон!
Не надо твоего заморского подарка!
Уйди! А то проснусь, так небу будет жарко!..

Тень: Скорей пусти меня!
Я гордая прекрасная Идея!
Тебя я поведу в волшебные края,
Где так светло, где дышится вольнее,
Где Братство, Равенство...

Обыватель: Гони её по шее!
Ишь, принесла богатый клад!
Впусти тебя — тотчас велят
Пасти Макаровых телят!
Шалишь! Повёртывай назад!.. [с. 4–5]

Первые «тени» с плачем покидают сцену, и тут появляется целый рой других «теней»: «бесстыдные, циничные женщины и мужчины, грубо-обнажённые, с нескромными жестами»:

Первый:
Милый, добрый Обыватель!
Отвори, ты будешь рад!
Я — старинный твой приятель —
Необузданный Разврат!
Второй:
Отвори ты нам, не труся,
Сон нарушить не жалеи!
Порнографией зовуся
Я издавна у людей!..
Остальные голоса:
Мы — клубничное искусство,
Наслаждение — наша цель!
Мы в тебе разбудим чувство,
Незнакомое досель!
Обыватель с распростёртыми объятиями:
Скорей же, милые друзья!
Забудем мы и сон, и горе!
Забуду с вами страхи я
И... запируем на просторе!.. [с. 5]

Качества, которые Чудаков наблюдал у большинства российских обывателей (равнодушие, холопство, отказ от всего возвышенного, склонность к низменным удовольствиям), вызывали у него острое неприятие.

Большая часть сатирических стихов Чудакова была реакцией на события политической жизни страны и мира. Понятно, что в этих произведениях автор, сторонник эсеровских (и — шире — левых, революционно-демократических) взглядов, высмеивал своих идейных противников: представителей консервативных и черносотенных пар-

тий, одиозных депутатов Государственной думы, недалёковидных и корыстных чиновников.

Уже сам выбор тем для фельетонов и фактов реальной действительности, на которых они основывались, несёт на себе отпечаток личности автора. Так, например, Ф. Чудаков не оставлял без насмешливо-язвительных комментариев правительственную политику, направленную на реализацию планов премьер-министра П.А. Столыпина по разрушению общинного устройства крестьянской России. Являясь по своим взглядам сторонником эсеровской партии и предлагаемой ею земельной программы, суть которой — укрепление и развитие коллективных, кооперативных, общинных форм общественного и экономического устройства страны, автор «Шпилек» подвергает саркастическим насмешкам депутатов III (октябристской по составу) Государственной думы, поддержавших планы Столыпина. Этой теме посвящён фельетон «Подвиг»:

Раз в Таврических хорах
Депутаты заседали,
Обсудив мужичью долю,
Ей сюрприз приготавлиали:
«Наш мужик и наг и беден, —
Говорили депутаты, —
И ему ужасно вреден
Призрак общины проклятой.
Этот голод, недороды,
И прикладыванье к чарке,
И искание свободы, —
Всё лишь общины подарки.
С давних пор мужик бунтует,
Полон злобы беспричинной.
Этот бунт ему диктует
Тот же старый дух общинный.
Ведь недаром эту “гадость”
Защищают так эсеры,
(Чтоб они, стране на радость,
Все пропали от холеры!)
Так давайте дружным взмахом
Уничтожим Минотавра —
“Им” главу покроем прахом,
А себе — венком из лавра».

И, воспрянув с буйным жаром,
Размахнулись депутаты
И снесли одним ударом
Призрак общины проклятой.

А мужик пустил меж уха
Депутатские подарки,
И, стянув покрепче брюхо,
Снова топит горе в чарке.
А кулак, весьма довольный,
В мутной речке рыбу удит...
Уничтожен дух крамольный...
Что-то будет, что-то будет? [с. 15–16]

Как видим, центр тяжести в фельетоне Чудакова, в полном соответствии с законами жанра, перемещён с непосредственного описания событий на их осмысление и анализ, а это немислимо без выражения собственной позиции — прозрачной и недвусмысленно ясной. А так как позиция сатирика радикально расходилась с позицией органов государственной власти, произведение становилось уязвимым и в цензурном отношении, и с точки зрения возможной реакции административных и судебных инстанций, а также полицейского и жандармского ведомств. Собственно, судьба сборника «Шпильки» и не могла быть иной, благополучной. Книга изначально была обречена. Удивление вызывает не то, что её изъяли из обращения, а то, как автору и издателю удалось напечатать книгу, провести её через цензуру.

В любом случае, нужно отдать должное гражданскому мужеству автора «Шпилек» — беглого ссыльнопоселенца, находящегося под гласным надзором полиции, только что выпущенного из тюремной камеры (и спустя некоторое время вновь туда водворённого). Ф. Чудаков не мог не осознавать, что от того, насколько лояльно он ведёт себя по отношению к существующему порядку, напрямую зависело его благополучие, возможность заниматься любимым делом, его свобода, наконец, да и вся его дальнейшая судьба.

Пожалуй, самая политически острая шпилька Ф. Чудакова — сатирическое стихотворение «Сколько их!..», с подзаголовком «Из тюремных мотивов». И дело не только в том, что произведение это оппозиционно по своему характеру. Самое чувствительное и самое неприемлемое для цензуры и в целом для власти (особенно — провинциальной, губернской) то, что в стихотворении подвергнуты осмеянию конкретные, названные поимённо, государственные мужи.

— 6 —

СКОЛЬКО ИХЪ..

(Изъ тюремныхъ мотавовъ.)

Оруженный цѣпью налей,
Неприступенъ и высокъ,
Предо мною домъ печалей—
Грозный мыслится «строгъ».

Съ низомъ дiera расперлся,
Вывыл цѣпи на погалъ,
„Вы откуда собралися,
Люди въ стрыхъ армякахъ?“

„Я оттуда, гдѣ когда-то,
Раздалось на бѣлый свѣтъ,
Что „земля у насъ богата,
Только въ ней порядки нѣтъ“.

„Но теперь—теперь порядокъ,
А богатства—ни-ни-ни!
Тотъ порядокъ хоть не сладокъ,
Но начальства не вини.“

— „Я простой рабочій сельскій
Изъ баранскихъ батраковъ.
Тамъ, гдѣ Меллеръ-Закомельскій,
Я оставилъ отчий кровъ!“

— „Я въ рожскаго музея
Съ божьей помощью утекъ.
У меня снххххута шея
И печенки ступни ногъ!“

— „Генерала Толмачева
Вѣрноподаннымъ я былъ!“

— „Я у князя Горчакова
Задохъ подати платилъ!“

— „Я Думбадзе счастливой
Горемычный гражданинъ!“

— „Я угрюмый, молчаливый,
Гельсгаффорса вольный сыночекъ!“

— „Я—дитя крамольной Польши!“

— „Я—полтавскій жадорусъ!“

— „Я оттолъ, гдѣ горь вѣхъ больше
Съдовласый Эльбиретъ!“

„Я изъ Пензы тозестонитой!“

„Я пермякъ—сосновый добъ!“

„Я на шутки тароватый

Ярославскій волохлебъ

— „Я рязанскій тодоконникъ!“

— „Я—суздальскій богомазъ!“

— „Пешеховскій базахонникъ,
Я—король на баяхъ пасъ!“

Страница из сборника
«Шпильки». Сатирическое
стихотворение «Сколько их...»

Столичной прессе провести через цензуру подобные материалы было значительно легче. Так, в 1908–1909 гг. едва ли не все номера «Сатирикона» содержали язвительные намёки, а иногда и прямые выпады, направленные против государственной политики силового «успокоения» России, против той твёрдой внутривластической линии, идеологом и главным проводником которой был премьер Столыпин. Из номера в номер журнал давал иронические и сатирические портреты администраторов-усмирителей, имена которых, благодаря прежде всего либеральным печатным органам, были широко известны на Руси. Объектом язвительных уколов сатириков часто становились наделённые в условиях непрекращающихся революционных беспорядков чрезвычайными полномочиями градоначальники и генерал-губернаторы, действующие в наиболее неспокойных российских регионах. Некоторые из них, прежде всего военные люди, генералы, воспринимались общественностью как диктаторы. С точки зрения российских «прогрессивных» кругов, самые одиозные администраторы этого типа: генерал-майор Думбадзе (Ялта), генерал-лейтенант Толмачёв (Одесса), генерал от инфантерии Меллер-Закомельский (Рига), князь

Горчаков (Вятка) и т.д. Репутация этих «столпов» правительственного порядка на страницах «Сатирикона», как говорится, не просыхала, к ним было приковано повышенное внимание авторов журнала¹⁰. Так, напри-

¹⁰ См. об этом: Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатирикеры. М.: Наука, 1968. 454 с.

мер, А. Аверченко писал об усмирении крестьян в Вятке. По распоряжению генерал-губернатора князя Горчакова их «прогоняли сквозь строй стражников с нагайками... Били в трёх случаях: до уплаты недоимок, во время уплаты и после уплаты. Народному ликованию не было конца» (1909. № 8. С. 11). В другом номере журнала рассказывалось о том, как в Калугу явился одессит с предложением поменяться генерал-губернаторами. Изумлённые калужане ответили: «Да ведь у нас тот самый, Вятский», имея в виду скандальное прошлое теперешнего своего генерал-губернатора Горчакова. Но одессит продолжал уговаривать, в полной уверенности, что хуже их градоначальника Толмачёва не бывает. О порядках, которые царили в Одессе при Толмачёве, рассказывал А. Аверченко. Герой его «Испытанных средств» — одесский обыватель Недобитов, у которого после усмирения по методу генерал-губернатора Толмачёва голова пробита железной палкой. Как объясняет Недобитову врач, «это хирургический отдел трепанации мозговых функций фармакопеи, согласно пункта девятого, первого раздела статей об усиленной охране» (1909. № 1. С. 2–3).

Ф. Чудаков выступил в своём стихотворении «Сколько их!..» вроде бы как типичный сатириконец. По крайней мере, произведение показывает, что амурский автор являлся постоянным читателем петербургского еженедельника и разделял его позицию. Однако, судя по всему, лишь до определённой черты. Отнести Ф. Чудакова всецело к лагерю либеральной интеллигенции нельзя. Да, как и авторы «Сатирикона», он упоминает всё тех же одиозных столыпинских администраторов-усмирителей — Горчакова, Толмачёва, Меллер-Закомельского, Думбадзе.

Персонажи «Сколько их!..» — безымянные узники благовещенской тюрьмы, в которой автор провёл несколько месяцев в том самом 1909 году, когда и было написано произведение. Большую часть текста занимают их реплики-самопрезентации, по которым можно получить представление о родных краях, которые они вынуждены были покинуть из-за жестокости местных властителей.

Два тюремных сидельца — беглецы из Прибалтийского края: «Я простой рабочий сельский / Из баронских батраков. / Там, где Меллер-Закомельский, / Я оставил отчий кров!»; «Я из рижского музея / С божьей помощью утёк. / У меня свихнута шея / И исчезли ступни ног!» [с. 6]. Судя по всему, один из этих двух персонажей имеет в виду Александра Николаевича Меллер-Закомельского (1844–?) — барона, генерала от инфантерии, с 1904 года командующего корпусом. Во время Первой русской революции он участвовал в подавлении восстания матросов в Севастополе (1905), возглавлял карательную

экспедицию на Транссибирской железной дороге. В 1906–1909 гг., занимая должность временного генерал-губернатора Прибалтийского края, принимал жёсткие меры в борьбе с революционным движением. С 1918 г. в эмиграции.

О родине третьего узника «горки» можно догадаться по реплике: «Генерала Толмачёва / Верноподданным я был!» [с. 6]. Иван Николаевич Толмачёв (1863 — после 1929) — генерал-лейтенант. В годы Первой русской революции, являясь начальником экспедиционного отряда, отличился решительной борьбой с революционными организациями в Кутаисской губернии. В декабре 1907 г. по личному настоянию премьер-министра П.А. Столыпина был назначен одесским градоначальником. В этой должности покровительствовал правомонархическим организациям города. По словам С.Ю. Витте, премьер-министра в 1903–1906 гг., политика Толмачёва, «с особенной силой преследовавшего евреев», вызывала к нему ненависть левых и либералов. Вслед за убийством Столыпина (1911) Толмачёв был отправлен в отставку. После революции эмигрировал из России.

По признанию четвёртого, он «у князя Горчакова / Задом подати платил!» [с. 6]. Сергей Дмитриевич Горчаков (1861–1927) — князь, известный государственный деятель. В июне 1906 года был назначен вятским губернатором. На этом посту проявил твёрдость и решительность, особенно при подавлении революционных выступлений. А это, в свою очередь, не могло не вызвать к нему неприязни со стороны либеральной интеллигенции. В 1907 году на губернатора покушался бывший гимназист И.М. Левитский. В 1909 году Горчаков был назначен калужским губернатором и пробыл в этой должности шесть лет.

Ещё один из персонажей произведения представляется очень своеобразно: «Я Думбадзии счастливой / Горемычный гражданин!» [с. 6]. Никакой Думбадзии в составе Российской империи, конечно же, не было. «Счастливой» Думбадзией, которую населяют «горемычные граждане», Ф. Чудаков остроумно называет Ялту — в период, когда её градоначальником был полковник (с 1907 — генерал-майор) Думбадзе. Иван Антонович Думбадзе (1851–1916) — известный административный деятель правых взглядов. На должность градоначальника полковник был назначен осенью 1906 года, в самый разгар революционных беспорядков. С первых же дней он заслужил репутацию твёрдого монархиста и непримиримого противника погромщиков и революционеров всех мастей. Стремясь на корню пресекать не только прямые антиправительственные выступления, но и малейшие проявления политического вольнодумства,

Думбадзе действовал по-военному решительно и жёстко, не всегда считаясь с существующими юридическими нормами, без оглядки на общественное мнение (которое в ту пору было почти сплошь либеральным). Он создал в Ялте режим личного контроля едва ли не над всем происходящим, превратив город фактически в свою вотчину, в подобие государства в государстве. Журнал «Сатирикон» явил по этому поводу: «— Вы русский подданный? / — Нет, ялтинский» (1908. № 9. С. 15). Либеральные круги ненавидели ялтинского градоначальника, «прогрессивная» пресса травила его или, в лучшем случае, иронизировала. Так, в № 4 за 1908 год «Сатирикон» поместил выразительную телеграмму: «Генерал Думбадзе выслал в 24 часа из Ялты свою собственную шинель за ношение красной подкладки». Революционеры ультимативно требовали от Думбадзе подать в отставку, угрожая ему смертью. На эту угрозу градоначальник ответил: «Я уже собирался подать в отставку и даже рапорт заготовил по этому поводу, но теперь остаюсь на службе и докажу на деле, что никаких угроз не боюсь и остаток дней своей жизни посвящу на службу Царю и Родине». В феврале 1907 года на Думбадзе было совершено покушение, но брошенная бомба лишь контузила его. Организатором покушения был Пётр Войков, в будущем один из убийц царской семьи. Несмотря на шумные газетные скандалы, которые сопровождали «диктаторские» поступки ялтинского градоначальника, это не сказалось негативно на его карьере, в чём, видимо, не последнюю роль сыграло личное расположение к Думбадзе Николая II. В одной из бесед со Столыпиным, касаясь событий 1905–1907 годов, император заметил: «Беспорядки, я думаю, были бы невозможны, если бы у власти стояли люди более энергичные и смелые. Если бы у меня в те годы было несколько таких людей, как полковник Думбадзе, всё пошло бы по-иному».

Разумеется, бывшему социалисту-революционеру, беглому ссыльному Фёдору Чудакову всё виделось тогда совершенно иначе. Убеждённый противник царизма, он по определению не мог быть на стороне рьяного слуги самодержавия, ни при каких условиях не мог принять его сторону или хотя бы с уважением отнестись к его гражданской позиции. Взгляды автора «Шпилек» в этом отношении максимально сближаются со взглядами либеральной столичной интеллигенции.

Однако, если сатириконицы главный акцент делали на ущемлении градоначальником Думбадзе и другими высокопоставленными чиновниками гражданских свобод, на подавлении политического инакомыслия, то есть на действиях, которые наносили ущерб преимуще-

ственно левым политическим партиям, радикальной и либеральной интеллигенции, то Чудаков заостряет внимание на другом: по его мнению, от самодурства и произвола властей страдает прежде всего простой народ, «люди в серых армяках». Причём, по мнению автора стихотворения «Сколько их!..», жертвами жестокого административного насилия становятся не только подданные нескольких находящихся в центре общественного внимания градоначальников и генерал-губернаторов, а буквально всё население обширной Российской империи. В тюремном остроге (этот образ является и конкретным, и предельно обобщённым) оказались собраны представители простого народа из Финляндии, Польши, Украины, Прибалтики, Пензы, Перми, Вятки, Рязани, Суздаля, Ярославля, Пошехонья, Тамбова, Северного Кавказа, Ялты, Сибири, Приамурья...

Ты скажи, каких губерний
Представителей здесь нет? —
Но... сгустился мрак вечерний
И — не слышен был ответ [с. 7].

Иначе говоря, по Чудакову, вся Россия — не чаемый Чеховым «вишнёвый сад», а один большой острог, вселенский «дом печалей».

Ещё одна заслуживающая особого внимания *шпилька* — «Гоголевский юбилей». Это стихотворение Ф. Чудакова органично вписывается в русло сатирической традиции начала XX столетия. Тот же «Сатирикон» не раз использовал юбилеи известных писателей как повод для обличения лицемерия государственной политики и официальной прессы. Специальные номера журнала были посвящены юбилеям Толстого, Чехова, Гоголя. По общему признанию, самый яркий и острый из них — 12-й (гоголевский) номер за 1909 год. На его обложке — рисунок известного карикатуриста *Ре-Ми* (Николая Ремизова) «В участке». Изображённый там городской ждёт указаний от начальства по поводу столетнего юбилея автора «Мёртвых душ» и «Ревизора»: «Ваше благородие! На Толстого приказывали не пущать, на Суворина — тащить... Как теперь прикажете?» Как это ни парадоксально, «на Гоголя», казалось бы, крайне неудобного для неё, власть посчитала необходимым народ «тащить». В ряде материалов гоголевского номера проводится мысль, что государство использует авторитет русских классиков в собственных интересах — ради «освящения» существующего порядка. Пышные официальные торжества по случаю юбилеев стали для самодержавия способом препарирования, извращения творческого наследия великих авторов, формой выхолащивания из

их произведений подлинного идейного смысла. В центральном материале гоголевского выпуска — «Юбилейной газете» — с помощью остроумного обыгрывания «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Шинели», «Мёртвых душ», авторы «Сатирикона» демонстрируют неувядающую актуальность произведений Гоголя. Юмористически и сатирически переиначивая классические гоголевские сцены и образы, сатириконцы превращали их в средство обличения современных российских порядков.

Ф. Чудаков и здесь, обращаясь к той же самой теме, что и сатириконцы, расставляет иные смысловые акценты. Он пишет о непреодолимой пропасти, которая пролегает между «сливками общества», то есть господствующим классом, интеллектуальной элитой страны, и простым народом. А причина этого разрыва, как считает автор шпильки, — слепота, глухота, нечувствительность к народным страданиям, непонимание чаяний «младших братьев». Но самое главное — вошедшее в плоть и кровь российской интеллигенции лицемерие, заставляющее её «с умиленным, елейным лицом» вести «игру», ломать «комедию», принимая участие в казённых официозных празднествах. В представлении рабочих, ждущих от просвещённой части общества не пустого трезвона, а «хлеба насущного» (не только в буквальном смысле, разумеется), российская интеллигенция, источающая в угоду власти приторный елей, создающая «шумиху уродскую» вокруг очередного писательского юбилея, «от жиру бесится».

Несмотря на то, что в 1909 году Фёдор Чудаков только-только начинал ощущать себя амурцем, уже тогда в части своих фельетонов он так или иначе затронул проблемы местной жизни. Неудивительно, что именно они вызвали наибольший резонанс у амурских читателей. К числу таких произведений можно отнести стихотворный фельетон «Закрытие порто-франко». Небольшая справка: порто-франко (итал. *porto franco* — свободный порт) — порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Порто-франко не входит в состав таможенной территории государства и создаётся с целью оживления приграничной торговли, увеличения товарооборота, с целью насыщения внутреннего рынка дешёвыми импортными товарами. В Российской империи порто-франко существовало в Одессе, Феодосии, Батуми, Владивостоке и т.д. Право беспошлинной торговли распространялось и на Благовещенск. Для Приамурья и в целом Дальнего Востока такой режим международной торговли был особенно важен, так как государство не в состоянии было обеспечить население этих удалённых от центра регионов дешёвыми российскими товарами.

Исходным началом в фельетоне, как известно, выступает жизненный факт, от которого отталкивается сатирик. Стихотворение Чудакова «Заккрытие порто-франко» — реакция автора на решение правительственной комиссии якобы исключительно ради блага простого народа ликвидировать в Приамурье режим беспошлинной, не облагаемой таможенными сборами торговли. А это, понятно, могло привести только к одному — к существенному удорожанию импортных (преимущественно китайских) товаров, к обеднению их ассортимента и, следовательно, к снижению, в конечном счёте, жизненного уровня местного населения, того самого простого народа, о благе которого якобы неустанно пекутся высокие государственные мужи. Стихотворение представляет собой воображаемый, виртуальный диалог, который ведут, с одной стороны, члены правительственной комиссии, объясняющие смысл своего явно лоббистского и по сути антинародного решения, а, с другой, «скептический голос», выражающий авторскую позицию:

Финансовая комиссия:
Фортель мы такой устроим:
Порто-франко призакроем
В приамурской стороне.
Этим цены мы устроим
На изделия извне.
Ведь без пошлин и таможен,
Всем понятно, невозможен
Быт российских мужиков.
К чёрту импорт безвозмездный,
Иностранцам лишь полезный!
К чёрту немцев маклаков!
Нас китайцы обижают
И работу отбивают
У российских христиан.
Нашим потом набивают
Азиатский свой карман.
Как подымутся расходы,
Так китайцы-ходи — ходу —
Так и бросятся бежать! [с. 23–24]

Объектом сатирического изображения в этом и ряде других фельетонов Чудакова более позднего времени является такая чрезвычайно активная категория государственных деятелей, правительственных

чиновников, думских политиков, которая в корыстных целях лицемерно разыгрывает бесприкрытую карту «патриотизма».

Казённых псевдопатриотов, якобы неустанно пекущихся о благе русского народа, якобы защищающих интересы российского государства, а на деле часто решающих свои узкогрупповые и даже коррупционные задачи, Чудаков как человек и как гражданин презирал, а как журналист и писатель высмеивал со всем присущим ему остроумием и язвительностью. Так он поступает и в фельетоне «Закрытие порто-франко», вошедшем в сборник «Шпильки»:

Скептический голос:

Ну, а русскому народу
От чрезмерного расходу
Не придётся... подыхать?

Комиссия:

О, не верьте диким слухам,
Будто голоден мужик:
Ведь питаться святым духом
Он давным-давно привык.
Значит, будет всё так гладко,
Без войны, без громких слов!

Голос:

Преклоняюсь пред догадкой
Государственных умов! [с. 24]

Хотя фельетон «Закрытие порто-франко» воспринимался современниками как злободневный, обращённый к событиям тогдашнего времени, к тогдашней социально-экономической ситуации в Приамурье и в России в целом, он, спасибо нынешним чиновникам, до сих пор не утратил своей актуальности.

Сегодня, спустя век, можно в полной мере оценить остроумие Фёдора Чудакова, меткость, художественную выразительность, а, главное, неувядающую актуальность его сатиры, представленной в сборнике «Шпильки».

«Аз, как жених, грядый в полнощи...»

*Роль языковой архаики в создании иронического эффекта
(На материале стихотворных фельетонов Ф. Чудакова
об иеромонахе Илиодоре и «старце» Григории Распутине)*¹

Среди общественных деятелей российского масштаба, выведенных в стихотворных фельетонах Фёдора Чудакова, особое место занимают представители ультраправых, националистических или же консервативно-охранительных сил, которые используют ради удовлетворения своих политических амбиций, для достижения карьеристских и других сугубо эгоистических целей принадлежность или близость к православной церкви. Речь о лезущих в депутаты Государственной думы «попах», о подвизающихся в роли фаворитов при царском дворе «старцах», о тех, кто, по мнению сатирика, прикрывает свою мировоззренческую и духовно-нравственную несостоятельность священническим облачением, показной религиозностью, кто без всяких на то оснований пытается предстать в глазах общества подобием святого или, как минимум, чудотворца.

Один из таких персонажей, часто появлявшийся в сатирических произведениях Чудакова (11 фельетонов, 18 упоминаний имени), — Илиодор, в миру Сергей Михайлович Труфанов (1880–1952), по происхождению донской казак, скандально известный политический и религиозный деятель начала XX века, иеромонах русской православной церкви, один из идейных вождей черносотенного Союза русского народа.

В 1903-м, на третьем курсе Санкт-Петербургской духовной академии, Сергей Труфанов постригся в монахи и был наречён именем Илиодор, которое сравнительно быстро стало известно всей России. В 1905-м, после окончания академии, он оказался в знаменитой Почаевской лавре (Тернопольская область Украины), но известность ему принесло не усердное монастырское служение, а общественно-политическое поприще — прежде всего участие в деятельности Союза русского народа, публикации в черносотенной печати и т.п.

В 1908-м волей Синода Илиодор был переведён вначале в Саратов, а затем в Царицын (ныне Волгоград), однако и там не утихомирился. Получив покровительство саратовского епископа Гермогена, Илиодор

¹ Статья написана в соавторстве с аспирантом кафедры русского языка и литературы БГПУ Лю Ин.

развернул свою деятельность ещё шире. Гневно-обличительные проповеди помогли ему приобрести большую популярность у верующих. Иеромонах, кроме того, занимался «исцелением» больных и «изгнанием бесов», что создавало ему ореол чудотворца. В 1909 г. Синод запретил Илиодору служение, однако тот проигнорировал это распоряжение, назвав его «беззаконным». В январе 1911 г. Синод постановил перевести Илиодора в один из захудалых монастырей Тульской епархии. После двухдневного шумного протеста Илиодор подчинился и выехал из Царицына, оставив, по некоторым сведениям, около 500 000 рублей долга, сделанного им для постройки нового храма и других монастырских нужд. Вообще же по поводу склонности Илиодора к большим и малым финансовым махинациям циркулировало немало слухов, на них Чудаков отреагировал фельетоном «Накись дня (Схимник, строгий и суровый...)», о котором речь впереди.

Через месяц скандальный иеромонах самовольно покинул Новосильковский монастырь, вернулся в Царицын и возобновил свою бурную религиозно-политическую деятельность. В течение 1911 г. он совершал паломничество через поволжские города в Саров, причём толпы его поклонников, по свидетельству очевидцев, чинили буйства, избивали прохожих.

Такая экстраординарная личность не могла не обратить на себя внимание начинающего сатирика. Впервые Илиодор был упомянут им вскоре после появления Ф. Чудакова в Благовещенске. Фельетон «Торжество победителей», напечатанный под псевдонимом *Босяк 3* (16) января 1909 года в газете демократического направления «Амурский край», — одна из первых его публикаций на Амуре. Кстати, в момент выхода номера «Амурского края» с этим произведением автор, арестованный жандармами буквально накануне, 1 января, уже находился в политическом отделении благовещенской тюрьмы, где ему предстояло отбыть шесть месяцев заключения за побег из Енисейской ссылки.

«Торжество победителей» является откликом на важнейшее внутриполитическое событие рубежа 1908–1909 годов — объединение во время работы III Государственной думы двух групп депутатов правого толка — так называемой «национальной группы» (группы крайних националистов) и «умеренно-правых», и создание нового думского «союза» — «русской национальной фракции». В результате «союзники» (91 депутат) стали второй по влиянию (после октябристов) фракцией Думы. Тактическая блокировка националистов с октябристами (лидер партии и Председатель Государственной думы в 1910–1911 гг. — А.И. Гучков) фактически позволяла им получить большинство по любому выносимому на голосование вопросу.

Фельетон представляет собой *фантазию* (это слово — аналог жанрового обозначения — автор использует в качестве подзаголовка) на тему торжества, будто бы устроенного думскими «победителями» и их сторонниками — журналистами и политиками националистической ориентации:

Под ударом банды правой
Пали левые ряды.
Награждён лучистой славой
Всяк «союзник» за труды.
Грудю трупов ломовые
Отвозили на погост,
А вояки удалые
Пить сошлись победный тост...²

Среди участников воображаемого автором «банкета» — руководитель Союза русского народа Дубровин, издатель охранительно-консервативной газеты «Новое время» Суворин, ведущий автор этого издания Меньшиков, церковный и общественный деятель правого толка отец Евлогий, один из лидеров русских националистов в III Государственной думе Шульгин. Ну и, конечно, столь славная компания «русских патриотов», которые призывают *резать, колоть, рубить и жарить* своих идейных противников, которые видят главную угрозу для самодержавно-православной Руси в «жидах» и потворствующих им интеллигентах, не могла, по мнению Ф. Чудакова, обойтись без участия Илиодора:

Мощный глас Илиодора
Речь Дубровина сменил:
«Уж теперь не встанет скоро
Архимандрит Михаил!
Надо вздёрнуть Льва Толстого,
Мережковского сослать,
А Григория Петрова
В сумасшедший дом отдать!»

Являются ли плодом авторской «фантазии» радикальные призывы Илиодора (*вздёрнуть Льва Толстого; Мережковского сослать*), звучащие на воображаемой автором пирушке русских национали-

² Здесь и далее: *Босяк (Чудаков Ф.)*. Торжество победителей. Фантазия // Амурский край. 1909. № 1. 3 (16) января. С. 3.

стов? Нет, подобные высказывания, как свидетельствуют газеты той поры, довольно часто звучали в его проповедях, собиравших толпы верующих, прежде всего крестьян. Обладавший незаурядным даром красноречия иеромонах не раз подвергал жёсткой критике инородцев, особенно «жидов», призывал к погромам, клеймил своих идейных врагов, прежде всего из числа евреев, нещадно ругал видных деятелей культуры (в том числе Л. Толстого и Д. Мережковского), а также некоторых высших должностных лиц государства и церковных иерархов. Подобные взгляды Илиодор высказывал и в черносотенной печати, что лишь прибавляло ему популярности.

Следует пояснить, что упомянутый фельетонным Илиодором и ныне мало кому памятный *архимандрит Михаил* (в миру Павел Васильевич Семёнов) — религиозный деятель, духовный писатель, профессор Санкт-Петербургской духовной академии (с 1905 г.), один из самых популярных среди Санкт-Петербургской интеллигенции священников, блестящий проповедник, постоянный участник публичных диспутов, лекций и бесед на религиозно-этические темы. В 1906 г. он примкнул к партии народных социалистов, после чего был уволен с должности профессора. Вскоре после этого Михаил присоединился к старообрядчеству и в 1908 г. получил номинальное звание епископа Канадского. За переход в старообрядчество был лишён Синодом сана архимандрита. Деятельность архимандрита Михаила подвергалась резкой критике со стороны правых политических деятелей, которые концентрировали внимание на его еврейском происхождении.

Григорий Петров, которого фельетонный Илиодор призывает упечь в сумасшедший дом, — это священник, общественный деятель, журналист, публицист и проповедник, пользовавшийся огромной популярностью в предреволюционной России. Его публичные лекции привлекали толпы людей. Петров был сторонником христианского социализма. В своих выступлениях и сочинениях он выдвигал на первый план внутреннее нравственное содержание христианской религии — в противовес её внешней, обрядовой стороне. Кроме того, в своих трудах он касался различных областей жизни современного общества, подвергая многие явления резкой критике с точки зрения идеала праведной жизни. В 1907-м Петров был избран в III Государственную думу. Тогда же за критическое письмо митрополиту Антонию его направили на послушание в один из монастырей. В 1908 г. Петров был лишён сана.

Радикальный русский национализм, стремительно набиравшая силу в годы реакции «чёрная сотня», в представлении Чудакова, — не только одна из главных опор загнивающего самодержавного строя, но

и возможный победитель в грядущих политических баталиях стремящейся к обновлению России. А следовательно — серьёзная угроза на пути страны к свободе. Потому-то в финале фельетона звучит — как предупреждение читателям — торжествующий выкрик националиста Шульгина, вдохновлённого пока ещё промежуточной победой своих думских единомышленников:

«Путь для нас открыт просторный...
Вижу: день уж недалёк —
Покорённый сотней чёрной,
Целый мир у наших ног!»

Обращает на себя внимание прямолинейно-сатирический, сугубо обличительный пафос и дискурс фельетона «Торжество победителей», отсутствие в нём более тонкого художественно-стилистического инструментария — иронического, то есть того, что позднее превратит Ф. Чудакова из обычного провинциального журналиста в знаменитого «амурского Сашу Чёрного» — блестящего фельетониста, восхищавшего читателей огромного Сибирско-Дальневосточного региона. Главное внимание, в ущерб форме, автор уделяет расстановке идейных акцентов, он пока ещё считает обязательным «пригвоздить» своих идейных противников, дать им прямую, недвусмысленно отрицательную оценку, а потому и Илиодор, и другие персонажи «Торжества...» выглядят бесхитростно-плоскими, примитивными существами. Что касается архаической лексики, которая спустя какое-то время активно будет использоваться сатириком при обращении к личности Илиодора, то здесь её практически нет, за исключением возвышенно-архаизированной формы слова «голос» (*могучий глас Илиодора*).

В фельетоне «Колдунья», опубликованном в ноябре того же 1909 года, но уже не в доживающем последние дни, стремительно теряющем подписчиков «Амурском крае», а в фактически редактируемом Чудаковым еженедельном сатирическом журнале «Колючки», Илиодор вновь предстаёт однолинейным образом — рьяным черносотенцем, законченным политическим мракобесом. И только. В своей «фантастической пьесе» Чудаков рисует символическую картину российской действительности периода реакции, наступившей после поражения Первой русской революции. И одним из знаковых и самых одиозных в глазах сатирика общественных деятелей, олицетворяющих зловонное реакционное «болото» и обитающую в нём политическую «нечисть», в «Колдунье» предстаёт, наряду с фигурировавшим и в «Торжестве победителей» карикатурным Дубровиным, Илиодор:

Сцена: болото русской действительности.

На сцене разная нечисть, вроде октябристов, умеренно-правых и т.п., которая под видом кочек густо рассыпалась по болоту. Густые сумерки и скверный запах. В отдалении хохочет Дубровин. Ноет выпью Илиодор. Квакает «Русское знамя». <...> Жуть³.

В данном фельетоне, как и в предыдущем, Илиодор представлен не как иеромонах, священнослужитель, а исключительно как политик. Он вписан в контекст общественно-политической, а не церковной жизни. Ещё раз подчеркнём: в 1909-м сатирик не делает акцента на монашестве персонажа, на несовместимости религиозного служения и политиканства самой низкой пробы, не обыгрывает это обстоятельство. И, очевидно, поэтому автор не обращается к лексической архаике как средству сатирической или иронической характеристики персонажа. Подобное произойдёт позже, когда Илиодор в фельетонах Чудакова начнёт представлять, пусть формально, что называется «по одежке», и в ипостаси иеромонаха. А в художественном пространстве «Колдуньи», как уже отмечалось, Илиодор — один из тех, кто представляет силы самой мрачной политической реакции.

Небольшая справка. Упомянутые в фельетоне *октябристы* — члены Союза 17 октября, праволиберальной политической партии чиновников, помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии, существовавшей в 1905–1917 гг. Название партии восходит к Манифесту, изданному Николаем II 17 октября 1905 года. Александр Иванович Дубровин, показанный рядом с Илиодором и в фельетоне «Торжество победителей», — политический деятель крайне правого, черносотенного толка, один из основателей и руководителей приснопамятного Союза русского народа; издатель и редактор «Русского знамени» — откровенно черносотенной газеты, органа Союза русского народа. На её страницах пропагандировались монархические идеи, критиковалась деятельность либеральных и левых, социал-демократических политических сил, публиковались ксенофобские, антисемитские материалы. Газета выходила под девизом «За Веру Православную, Царя Самодержавного, Отечество нераздельное и Россию для Русских». Чудаков-сатирик не раз давал этой газете, её авторам, организации, печатным органом которой она являлась, уничтожающие оценки.

³ Босяк (Чудаков Ф.). Колдунья. Фантастическая пьеса в шести картинах, из коих четыре только подразумеваются // Колючки. № 3. 1909. 22 ноября. С. 4.

Что касается поэтики, стилистики, художественных форм, которые использует автор «Колдуньи», они пока остаются неизменными — такими же, как в «Торжестве победителей».

Вернёмся к Илиодору. С помощью «старца» Григория Распутина, с которым он познакомился в 1903-м, иеромонах обрёл покровителей в высоких государственных сферах (правда, позже он начёт борьбу с растущим влиянием Распутина, за что, в конце концов, и поплатится). По этой причине ему до поры легко сходило с рук эпатажное поведение, скандальные выходки, экстремистские заявления, отказ подчиняться требованиям Священного Синода, пренебрежение церковным уставом. Намек на то, что именно покровительство Распутина и незримо присутствующих за его спиной державных властителей во главе с Николаем II обеспечивает Илиодору безнаказанность, содержится в первой части фельетона в традиционной авторской рубрике «Накипь дня», который под псевдонимом *Г-рь* был напечатан в благовещенской газете «Эхо» 25 августа (7 сентября) 1911 года:

Говорят, что очень скоро
Водворят Илиодора
За стеной монастыря.
Откровенно говоря,
Этот слух настолько странен,
Непонятен и туманен,
Что поверить в этот ход
Может только готтентот.
Воробьёв стрелять из пушек,
Бомбардировать лягушек
Из осадных батарей,
Усмирять щелчком зверей,
Пулемётом бить синичек,
Сразу выгнать всех медичек —
И нелепо, и смешно,
Но... не так уж мудрено.
Но совсем нелепым вздором
Будет бой с Илиодором!
Не подступишься к нему.
Потому что... потому! ⁴

Собственно, этот фельетон — не столько об Илиодоре, сколько об устройстве и принципах функционирования российской го-

⁴ *Г-рь* (Чудаков Ф.). Накипь дня (Говорят, что очень скоро...) // Эхо. 1911. № 839. 25 августа (7 сентября). С. 3.

сударственной системы, где всё определяет не закон и не мораль, а социальный и имущественный статус, но прежде всего степень близости человека к правящей верхушке. Он о том, что причина «непотопляемости» отдельных персон, в том числе скандального иеромонаха — близость к трону, к правящему классу. И, наконец, о том, что общество всё это не только прекрасно осознаёт (*Потому что... потому!*), но и фактически принимает, мирится с ним, не желает не только вести борьбу, но даже открыто называть постыдное явление собственным именем, а тем более выражать критическое отношение к нему.

В том же 1911-м имя Илиодора было упомянуто ещё в одном стихотворном произведении Чудакова в рубрике «Вешний снег». «Вешний снег» — это юмористически-сатирическая «смесь», имеющая определённую композиционную структуру синкретическая жанровая форма (и одновременно название авторской рубрики), к которой Ф. Чудаков обращался в ранний период творчества. В «Вешнем снеге» он соединял в определённой последовательности остроты («шпильки»), анекдоты, юморески, хронику, короткие фельетоны, отражающие злобу дня, разные грани повседневной общероссийской и амурской действительности.

23 ноября (6 декабря) 1911 года в очередной такой «смеси» под общим заглавием «Вешний снег» и появился короткий стихотворный текст — «Телеграммы». Автор в данном случае имеет в виду не обычные, а так называемые агентские телеграммы — ежедневно поступающие в редакции газет телеграфные сообщения информационных агентств с краткой сводкой событий текущей внутрироссийской и международной жизни. И в потоке таких сообщений, фиксирующих наиболее значимые события, мелькает имя иеромонаха:

Снят... Низложен... Привлечён...
Новый трюк Илиодора...
Изгнан... Выгнан... Исключён...
Нарушение договора...
Ультиматум... Резкий тон...
Ноты... Бомбы... Ноты... Ноты...
Батареи... Пулемёты...
Снят... Низложен... Привлечён... ⁵

⁵ Ответственный редактор, и метранпаж, и фактор, передовик-политик и театральный критик Язва (Чудаков Ф.). Вешний снег // Эхо. 1911. № 908. 23 ноября (6 декабря). С. 3.

Этот закольцованный перечень текущих российских и международных событий — отражение того жесточайшего кризиса, который переживает мир в канун Первой мировой войны, того ценностного хаоса, который поселился в головах людей. Уже сами эти слова, заполняющие агентские телеграммы (*низложен, ультиматум, ноты, бомбы, пулемёты...*), — что-то наподобие лексического кода свихнувшегося, впадающего в явное безумие человечества. И имя *Илиодор* — одно из таких кодовых слов, сигнализирующих о тяжком социальном и духовно-нравственном недуге, который переживает в данный момент Россия.

В прозаическом фельетоне «День итогов», под псевдонимом *Гусляр* опубликованном 1 (14) января 1912 года в газете «Эхо», Чудаков поспешил объявить своим читателям, что устал от Илиодора и решил расстаться с надоевшим персонажем: «На иноке Илиодоре заработал целый капитал, но, в конце концов, принуждён был выбросить этот сытный кусок, так как набил оскомину наборщику, корректору и инспектору по делам печати, не говоря уже о самом себе и уважаемом читателе»⁶.

Но не тут-то было... Совсем скоро о «прощании» с иеромонахом пришлось забыть. Причина — ещё более бурная деятельность Илиодора в 1912-м, череда громких скандалов, главным действующим лицом которых был он. В результате, именно в этом году, объявив в январе о намерении «распрощаться» со скандальным персонажем, Чудаков создал наибольшее число фельетонов о нём.

Откликом на высылку Илиодора из Царицына в отдалённый монастырь стал фельетон в рубрике «Накипь дня», напечатанный в «Эхе» 21 января (3 февраля) 1912 года: «От царицынских пенатов / Инок взят в пустынский плен...» В нём сатирик подверг осмеянию не только Илиодора и покровительствующего ему саратовского епископа Гермогена, но и их многочисленную паству, сочувственно воспринимающую ксенофобские призывы иеромонаха. Автор отказался считать религиозных приверженцев Илиодора не только христианами, но даже людьми; по его оценке, они больше походят на диких зверей:

Эти звери были хором
Со своим Илиодором,
Когда тот, на бой готов,
Выл в соборе: «Бей жидов!»⁷

⁶ *Гусляр* (Чудаков Ф.). День итогов // Эхо. 1912. № 938. 1 (14) января. С. 3.

⁷ *Гусляр* (Чудаков Ф.). Накипь дня (От царицынских пенатов...) // Эхо. 1912. № 954. 21 января (3 февраля). С. 3.

На рубеже 1911–1912 годов российские газеты буквально захлестнула волна хроникёрских заметок и статей, посвящённых Илиодору, его скандальным выходкам, его лихорадочным перемещениям по стране. В этот период иеромонах стал едва ли не самой популярной общественной фигурой: буквально каждое его перемещение и каждое высказывание благодаря вездесущим газетчикам тут же становились достоянием гласности, беспрестанно обсуждались и цитировались. Азарт, с которым не только агенты полиции и охранки, но и газетные репортёры преследовали Илиодора, отслеживая каждый его шаг, к началу 1912-го достиг апогея, а сам иеромонах стал в глазах части общества фигурой почти мифической, наделённой мистическими свойствами.

Этот общественный и информационный ажиотаж запечатлён в фельетоне «Накипь дня (Мчатся, мечутся филёры...)», под псевдонимом *Гусляр* опубликованном в «Эхе» 12 (25) февраля 1912 года:

Мчатся, мечутся филёры,
Жадно ловят всякий слух,
Но на след Илиодора
Не наводит острый нюх.
То Царицын телеграммой
Отзовётся: «Здесь сидит!»,
То в Москву, одевшись дамой,
Он из Питера катит.
То с газетным репортёром
Он столкнётся лоб о лоб,
То по небу метеором
Промелькнёт и бац в сугроб!
Прибежит сюда погоня,
Пролетит во весь опор, –
Ан, в Игнатьевском салоне
Уж сидит Илиодор.
Заручившись тьмой протекций,
Проползёт сюда шпичёк, –
Глядь, уж он для чтенья лекций
Мчится вихрем на Восток.
И таким неуловимым,
Скользким стал со всех сторон,
Что и с чеховским налимом ⁸
Смело спорить может он.

⁸ Имеется в виду хрестоматийный рассказ А.П. Чехова «Налим» (1885).

Тщетно юркие филёры
Напрягают чуткий слух:
Их на след Илиодора
Не наводит острый нюх!⁹

В этом тексте Чудаков развивает тему «неуязвимости» и «неуловимости» Илиодора, затронутую ранее в фельетоне «Накипь дня (Говорят, что очень скоро...)». Но есть в произведении и нечто принципиально новое — преобладание смеха, весёлого иронического дискурса. Автор буквально купается в волнах этой иронии, ирония становится главным, причём несравнимо более действенным и гибким, а главное более органичным для него художественным средством. Как следствие, персонаж, выглядевший в прежних фельетонах уныло-однообразным фанатиком, идеологическим «мастодонтом», преобразается: теперь это не примитивный, крайне ограниченный черносотенец, не заскорузлый мракобес-националист, а необычайно подвижный и ловкий проходимец и авантюрист, изворотливо-скользкий, постоянно мутирующий, умеющий мгновенно приспособиться к меняющимся обстоятельствам, нацеленный исключительно на извлечение личной выгоды.

Как отмечалось выше, в январе 1912 г. по постановлению Синода потерявший к тому времени покровительство Григория Распутина Илиодор был заточён во Флорищеву пустынь — мужской монастырь в посёлке Флорищи Нижегородской губернии. Вскоре, как сообщили газеты, он попытался совершить побег.

Откликом на «новый трюк Илиодора» стал фельетон «Накипь дня (Се аз гряду, от сна восстав...)», опубликованный под псевдонимом *Гусляр* 3 (16) июня 1912 года в «Эхе». Фельетону предпослана преамбула: *«Илиодор телеграфно извинился перед Синодом за попытку бежать из Флорищевой пустыни. (Факт)»*.

По форме произведение представляет собой созданное творческим воображением сатирика, иронически стилизованное покаянное письмо, написанное от лица Илиодора и адресованное Святейшему Синоду — одному из высших государственных органов Российской империи, ведавшему делами православной церкви.

Но и первая, пятистрочная, строфа, предваряющая собственно «письмо», тоже представляет собой рассказ самого иеромонаха, его устный монолог от первого лица:

⁹ *Гусляр* (Чудаков Ф.). Накипь дня (Мчатся, мечутся филёры...) // Эхо. 1912. № 969. 12 (25) февраля. С. 4.

Се аз гряду, от сна восстав,
На телеграф, на телеграф.
И, подобрав под зад хитон,
Сажусь смятён, пишу «пардон»
И шлю в шумливый Вавилон ¹⁰.

Автор произведения, напрямую себя не проявляющий и не говорящий от своего имени, взявший на себя роль некоей «передаточной» нарративной инстанции, ретранслирующей монолог хорошо известного читателям-современникам религиозного деятеля, стремится и на лексическом, и на синтаксическом, и на понятийно-образном уровне воссоздать сознание, мышление (и, соответственно, речь) человека духовного звания, получившего хорошее богословское образование, воспитанного на священных текстах, привыкшего говорить на особом, присущем людям духовного звания языке. И в то же время изрядно политизированного, вовлечённого в проблемы «мирской» жизни, имеющего и сугубо «земные» наклонности. Отсюда — причудливое лексическое смешение, затейливая словесная какофония, проявляющая, отражающая поразительную «многогранность» и «гибкость» данной личности.

В приведённой выше строфе встречаются выражения, характерные для речи священнослужителя и воспринимающиеся обычным, светским читателем как речевая архаика: *се аз гряду, восстав, хитон*. Следует при этом отметить, что только одно, идущее первым, словосочетание обнаруживает явную принадлежность к церковно-славянскому языку, к священным религиозным текстам: *се аз гряду*. Оно встречается в ветхозаветном тексте — Книге пророка Захарии: «Красуйся и веселися, дщи Сиона, зане, се, Аз гряду и вселюся посреде тебе, глаголет Господь» (в современном переводе: «Ликуй и веселись, дочь Сиона, ибо вот Я приду и поселюсь посреди тебя, говорит Господь») (Зах. 2, 10). Однако заданный в начале первой строки возвышенно-торжественный церковнославянский тон и заключённый в выражении *се аз гряду* сакральный смысл тут же сбиваются оборотом *от сна восстав*, который заставляет вспомнить известный нецерковный текст — начальную строфу поэмы Н.А. Некрасова «Современники» (1875):

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

¹⁰ Здесь и далее: Гусляр (Чудаков Ф.). Накипь дня (Се аз гряду, от сна восстав...) // Эхо. 1912. Прибавление к № 1056. 3 (16) июня. С. 2.

Последние две строки у Некрасова заключены в кавычки, так как фактически это цитата из рассказа «Счастливые люди», принадлежащего перу малоизвестной ныне русской писательницы Надежды Дмитриевны Хвоцинской (1825–1889). Он был опубликован в журнале «Отечественные записки» (1874. № 4) под псевдонимом *В. Крестовский*.

Вторая же строка фельетона *Гусляра*, указывающая, причём с повтором, куда именно направляет свои стопы пробудившийся от сна иеромонах (*На телеграф, на телеграф*), полностью нейтрализует заданную было выше повествовательную (и заодно — смысловую, содержательную) стратегию, ибо телеграф никак не вяжется не только с сутью пророчества Захарии, но и с лексическим рядом, представленным в первой строке.

Третья строка (*И, подобрав под зад хитон...*) ещё в большей степени профанирует ситуацию, обнажая плотскую, низменную сущность того, кто по внешнему виду и некоторым высказываниям мог быть воспринят как человек подлинно духовный. Произносимое им грубо-просторечное слово «зад» шокирующе диссонирует с одеянием, которым прикрывается эта часть тела героя произведения. В православной церкви *хитон* — принадлежность облачения монахов, схимников, одежда из грубой ткани, так называемая власяница, носимая под рясой. Наличие придавливающего хитон «зада» у того, кто пытается выступать в роли «схимника», сводит на нет его претензии на духовность и, тем более, святость.

Строка четвёртая (*Сажусь смятён, пишу «пардон»*) лишь усиливает контраст, ибо выделенное кавычками и становящееся просторечием в данном речевом контексте слово «пардон» в устах «схимника», «молельщика» не менее чужеродно и противоестественно, чем пресловутый «зад». Лексема «пардон», как и слово «зад», создают явственный иронический эффект — главное средство характеристики персонажа в данном произведении.

Наконец, пятая, заключительная строчка первой строфы (*И шлю в шумливый Вавилон*), с одной стороны, внешне как будто бы органична для сознания и речи верующего человека, священнослужителя, с другой, содержательно более тяготеет не к библейской мифологии и образности, а к современным политическим реалиям, к метафорам, которые активно используются в актуальной газетной публицистике. В буквальном значении Вавилон — древний город на реке Евфрат, ставший в системе библейских образов символом высокомерия, безбожия, порчи нравов. Вавилоном в переносном смысле называют место, где господствует развращённость нравов. В данном контексте под «шумливым Вавилоном» персонаж фельетона (да и, пожалуй, автор произведения)

подразумевает Петербург — столицу Российской империи, место нахождения политически ангажированного, зависимого, полностью подавленного и управляемого имперской властью Святейшего Синода.

В проанализированном фрагменте фельетона автор позволяет себе более явственно, чем в тексте следующего далее «письма», внедрять в речь персонажа нецерковные слова, создавая тем самым комический и иронический эффект. Таким образом он пытается донести до читателя мысль, что в своём обычном «бытовом», «внеслужебном» поведении Сергей Труфанов не совпадает с образом (или сознательно используемой маской) иеромонаха Илиодора. Здесь зазор между, условно говоря, *Сергеем* и *Илиодором*, между *мирским* и *духовным* началами в одном и том же человеке максимально велик. Более того, наличие данного расхождения не может не породить вопроса: а не является ли исключительно внешне проявляющаяся принадлежность к «духовному» притворством, имитацией, разновидностью приносящего выгоды жульничества?

Теперь приведём оставшуюся часть фельетона — то есть само «письмо» героя, для вящего правдоподобия маркируемое автором как вычками:

«Отцы! Молю, вонмите гласу,
Чернца, носяща тёмну рясу,
Его же ввергли в хлад и прах...
У врат стояща кустодия
Внушает мысли неблагие...
Увы и ах! Увы и ах!
И аз, смиреннейший келарий,
Купивши брюки за динарий
И в ту же сумму пиджачок,
Аз, как жених, грядый в полнощи,
Хотел дерзнуть иль, молвить проще,
Сбежать, пуститься наутёк.
Попутал бес... Воплю и каюсь
И зарекаюсь, обещаюсь
Сидеть смиренно с этих пор.
Молеельчик ваш Илиодор».

Первая половина «письма» в лексико-фразеологическом отношении, «на слух» выглядит более цельно, чем предваряющая его «устная» речь персонажа: здесь нет откровенно чужеродных вкраплений, какие были в первом пятистишии. «Эпистолярный» текст в этой части

заполнен по преимуществу церковнославянской лексикой и такой же фразеологией, вполне естественными для речи священнослужителя: *молю, вонмите* (то есть, выражаясь современным языком, *внимайте*) *гласу, ввергли в хлад и прах, у врат стояща кустодия* (стража, караул), *аз* (я), *смирнейший келарий* (монах, обитатель монашеской кельи) и т.д. Подобная лексика могла бы участвовать в формировании образа пострадавшего за религиозные убеждения, за верность духовным идеалам «чернца», но при обязательном условии: если бы ей не предшествовала лексика иного рода, которая озвучивалась выше, в «устной» речи персонажа. И если бы во второй половине «письма» фельетонный Илиодор опять не сбился бы с взятого им тона и не стал бы вновь воспроизводить слова, диссонирующие с церковным лексиконом. Употребляемые в данном жанрово-языковом контексте — то есть в покаянном послании монаха Святейшему Синоду — просторечные слова (*купивши брюки, пиджачок, пуститься наутёк, обещаюсь*) вновь проявляют плохо скрытую «мирскую», «земную» сущность того, кто пытается предстать молещиком, иноком. То есть иронический смысл создают не сами по себе архаические языковые формы, а их взаимодействие с контрастной в стилевом отношении лексикой — сниженной, разговорной, грубо-просторечной.

Но не только: иронию порождает также контрастное сочетание используемых фельетоном Илиодором библейских, церковно-славянских речевых конструкций и приземлённо-обыденного, чисто обывательского поведения облачённого в хитон и «тёмну» рясу персонажа. Комизм возникает и из-за несоответствия возвышенной речевой самопрезентации персонажа (*чернец, смирнейший келарий, молещик*) тому, о чём он рассказывает. Монах, пользующийся словами «пardon» и «обещаюсь», покупающий для себя «пиджачок» и в таком одеянии пускающийся из монастыря «наутёк», выглядит в глазах читателя, по меньшей мере, несуразно и смешно. Неуместность архаичной церковнославянской лексики при описании подобных действий очевидна, и это несоответствие рождает яркий, выразительный иронический эффект.

В «эпистолярной» части фельетона самая содержательно «нагруженная» и самая неуместная в контексте описания Илиодором его неудавшегося побега языковая конструкция: *«Аз, как жених, грядый в полнощи, / Хотел дерзнуть иль, молвить проще, / Сбежать, пуститься наутёк»*. Первая из трёх процитированных строчек является почти точной цитатой начала церковного песнопения — тропаря, который исполняется (трижды) в первые три дня Страстной недели после «Аллилуиа» («Аллилуйя»): «Се, Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща; недостоин же паки, егоже обрящет

унывающа. Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши, и Царствия вне затворишися; но воспрями зовущи: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас».

Жених, который *грядет в полунощи*, в данном церковном контексте — Христос. Что касается смысла процитированного молитвословия, то он заключается в следующем: земная жизнь человека — испытание, подготовка к встрече с Христом и Вечной жизнью. И при этом никто не знает, когда, в какой момент оборвётся его земной путь. Тропарь призван напомнить человеку о возможности внезапной встречи с Судией мира и тем самым побуждает к постоянному духовному бодрствованию. В переводе на современный язык тропарь звучит так: «Вот Жених приходит в полночь, и блажен тот раб, которого Он найдёт бодрствующим. Недостоин же тот, которого Он найдёт в унынии. Будь внимательна, душа моя, чтобы не отяготиться сном и не быть преданной смерти и остаться вне затворённых дверей Царства. Но восстань, взывая: Свят, свят, свят, Боже, Богородицей (Её молитвами) помилуй нас».

В момент публикации произведения Чудакова подавляющему большинству его читателей был хорошо известен источник, из которого фельетонный Илиодор позаимствовал выражение «*жених, грядый в полунощи*». Понятно им было и то, с кем дерзнул сравнить себя персонаж произведения, сбросивший с себя монашеское облачение и в мирском «пиджачке» пустившийся «наутёк» из скромной кельи — с Христом, с самим Судией мира. Запредельная неуместность такого сравнения — один из авторских приёмов создания иронической модальности, с помощью которой Чудаков и выстраивает образ скандального иеромонаха. Илиодор, выведенный в датированном 1912 годом фельетоне, способен вызвать у читателя лишь смех, а вовсе не «жуть» — чувство, которое вызывал обозначавшийся этим же именем персонаж процитированной выше «фантастической пьесы» «Колдунья» (1909). Иеромонах образца 1912 года не страшен, а смешон и жалок в своих тщетных попытках выдать себя за того, кем он не может быть в силу свойств своей обыденной, обывательской натуры. Развенчание, разоблачение с помощью язвительной иронии, весёлого смеха, а не суровое обличение, способное лишь «демонизировать» в общем-то заурядных персонажей российской общественно-политической авансцены 1910-х годов, — вот тот путь, который избирает Ф. Чудаков в зрелый период своего творчества, отсчёт которого можно начинать именно с 1912-го.

Ещё один заслуживающий интереса фельетон об Илиодоре, созданный в этом же году, — «Накипь дня (Схимник, строгий и суровый...)». Опубликован он был двумя месяцами ранее рассмотренного

выше произведения — 5 (18) апреля, и под другим известным псевдонимом Ф. Чудакова — *Язва*.

Фельетону предпослан эпиграф: «Установлено, что Илиодор: 1) не дал отчёта в крупной сумме монастырских денег, 2) заставлял поклонниц покупать копеечный маргарин, свечи по 5 коп. (В самом деле, установлено)».

Приведём произведение полностью, благо оно не очень объёмное:

Схимник, строгий и суровый,
Цвёл душой, как сельный крин.
Но... причём же тут целковый
И вульгарный маргарин?
Души чистятся не ваксой —
Это может всяк понять.
Для чего ж купецкой таксой
Дело веры осквернять?
Чтоб в душе замкнуть лазейку
Перед бесом на крючок —
Благодати на копейку
Покупай за пятачок!
В нас крамольная предвзятость
Гласом велием орёт:
Маргаиновая святость
Очень сильный чад даёт! ¹¹

Во многих отношениях текст этот схож с фельетоном «Накипь дня (Се аз гряду, от сна восстав...)»: выбором героя и тем, какие особенности его натуры высвечиваются автором, выводимой в финале произведения «моралью», обращением к архаической лексике как важнейшему средству создания иронической модальности и т.д. Есть, разумеется, и расхождения. Так, голосовую «партию» в данном фельетоне, в отличие от рассмотренного выше, ведёт не персонаж, а автор. На этот раз сатирик развенчивает своего персонажа не изнутри, выступая как бы от его имени, а извне, отстранившись, дистанцируясь от него. Таким образом, встречающиеся здесь архаизмы не могут быть восприняты как отличительная особенность мышления и речи Илиодора, как способ саморазоблачения героя. Лексическая архаика в данном случае всецело принадлежит автору и является формой выражения его собственного отношения к персонажу — контрастно противопоставляемому и форме, в том числе языковой, и сути христи-

¹¹ *Язва* (Чудаков Ф.). Накипь дня (Схимник, строгий и суровый...) // Эхо. 1912. № 1009. 5 (18) апреля. С. 3.

анской веры. Само же это отношение воплощается и опосредованно (через ту же архаическую лексику, например), и прямо.

Если говорить о прямых авторских оценках, то они принимают форму и риторических вопросов («Но... причём же тут целковый / И вульгарный маргарин?»); «Для чего ж купецкой таксой / Дело веры осквернять?»), и восклицаний, содержащих итоговый моральный вывод: «Маргариновая святость / Очень сильный чад даёт!»

Опосредованные авторские оценки воплощаются, прежде всего, в иронии, для чего сатирик и обращается в первых двух строчках к архаической лексике: «Схимник, строгий и суровый, / Цвёл душой, как сельный крин». Одна из задач, решаемых на этом отрезке текста, заключается в том, чтобы заставить читателя представить образ идеального монаха — такого, каким он мог быть, если бы следовал заветам Христа, самой сути монашества. Схимник (церк., устар.) — монах, принявший схиму, высшую монашескую степень, требующую строжайшего выполнения суровых аскетических правил — послушания, нестяжания, целомудрия и т.д.

В реальности Илиодор, конечно же, и это не было для Чудакова секретом, схиму не принимал, обета полностью отрешиться от мира ради соединения с Богом не давал, желания добровольно стать затворником не высказывал. Но, в любом случае, схимничество и для него, как монаха, должно было быть неким путеводным идеалом, высшим образцом монашеского служения. Слово «схимник» автор фельетона использует для усиления контраста — основного приёма, который используется в произведении ради создания иронического эффекта, содержательная цель которого — обнаружение и обнажение, выставление напоказ антидуховной, стяжательской, жульнической сути псевдомонаха Илиодора.

С такой же целью автор использует приём сравнения, уподобляя душу внешне сурового и строгого воображаемого схимника прекрасному благоуханному цветку — лилии: *сельный* (устар.) — полевой; *крин*, от греч. *krinon* (книжн.-поэт., устар.) — лилия. Такова, по мысли Чудакова, идеальная модель подлинного монашества: внешне, на телесном уровне — строгая и суровая аскеза, отрешение от всего мирского, в том числе от бытовых и общественно-политических «соблазнов»; внутренне, на душевно-духовном уровне — соединение с Богом и только с ним.

И этот образ-идеал (строгий и внешне суровый схимник с душой, напоминающей прекрасный цветок) далее сталкивается автором с реальным обликом и реальными поступками скандального иеромонаха, не имеющего ничего общего с этим представленным в первых строчках идеалом. Выведенный в фельетоне персонаж не является не только схимником, но и обычным священником, он — наглядный при-

мер и яркое воплощение всего, что является полной противоположностью духовности и святости: корысти, стяжательства, лицемерия, обмана, предательства. С помощью иронии и сарказма развенчивая псевдомонаха Илиодора, у которого было множество adeптов в среде простого народа и единомышленников в Государственной думе и правых политических кругах, которому покровительствовали авторитетные церковные иерархи и государственные деятели самого высокого ранга, автор фельетона тем самым ставит неутешительный диагноз не только одиозному Илиодору, но и всему российскому обществу, отдаляющемуся от духовно-нравственных ценностей.

Художественные принципы и приёмы, которые Чудаков применяет в фельетонах 1912 года об Илиодоре, обнаруживают себя и в произведении этого же времени, обращённом к личности упомянутого выше Григория Распутина — одного из прежних покровителей иеромонаха. Имеется в виду фельетон «Реставрация», под псевдонимом *Гусляр* напечатанный в «Эхе» 5 (18) января 1912 года.

В предпосланной ему преамбуле приводится газетная строчка, послужившая для автора информационным поводом взяться за перо: *«Известный старец Григорий Распутин с высочайшего разрешения изменил свою фамилию на “Григория Нового”.* (Из газет)». Где, в каких газетах и когда именно Чудаков прочитал это сообщение — неизвестно. Случилось ли это только что, накануне, или фельетонист по какой-то не известной нам причине вспомнил то, о чём он узнал давно, судить трудно, ведь сама смена фамилии произошла за несколько лет до появления «Реставрации». Прошение на высочайшее имя об изменении своей фамилии на *Распутин-Новых*, ссылаясь на то, что многие его односельчане носят ту же фамилию, из-за чего могут быть недоразумения, Григорий Распутин подал ещё в декабре 1906 года. Тогда же оно было удовлетворено.

Композиционно «Реставрация» напоминает фельетон «Накипь дня (Се аз гряду, от сна восстав...)»: в нём две части, и вторая, более объёмная, также является заключённым в кавычки монологом персонажа, только не «эпистолярным», как в произведении об Илиодоре, а «устным». Что касается строфы (в данном случае шестистишия), предваряющей этот монолог, то она похожа на цитировавшиеся выше вступительные строчки другого фельетона об иеромонахе — «Накипь дня (Схимник, строгий и суровый...)», где звучит голос автора, а не героя.

Объят печатью велию,
Во келии под елию
Сидел анахорет

И в горестном бессилии
 Ругал свою фамилию —
 Источник всяких бед!¹²

Как и в названных фельетонах об иеромонахе, здесь тоже для характеристики персонажа автор активно задействует архаическую, в том числе церковную, церковнославянскую (или стилизованную под неё: *под елию*) лексику: объят печалью *велию* (церк.-слав.) — то же, что великою; *во келии* (устар.) — в келье, то есть в отдельной комнате монаха в монастыре; в переносном значении — в уединённом и скромном жилище.

Вновь, как и в прежних случаях, сатирик употребляет эти и подобные слова для того, чтобы посредством иронии выразить отношение к персонажу, которого газеты той поры обычно именовали «старцем». То есть тем же самым словом, которым в православной России называли пользующихся безусловным моральным авторитетом монахов преклонного возраста, мудрых и прозорливых духовных наставников. Для усиления иронического эффекта фельетонист именует своего отнюдь не святого персонажа анахоретом. *Анахорет* (греч. *anachoret*, от *ana* — в сторону, и *choreo* — иду) — отшельник, монах-пустынник, ведущий уединённую жизнь. Конечно, автор фельетона слово это (как прежде слова *схимник*, *чернец*, *молельщик*, *инок* — применительно к Илиодору) употребляет в ироническом смысле, ибо образ жизни Григория Распутина, по общему мнению, не был ни добродетельным, ни тем более монашеским, о чём, по воле автора, наглядно свидетельствует монолог персонажа:

«Ой, доля, доля слёзная!
 Весьма тенденциозная
 И не религиозная
 Мне кличка суждена!
 “Рас-пу-тин!” Волей демона
 Теперь известна всем она,
 Как имя старца странного
 И специально — банного.
 “По шёрстке” ли она?..»

Помимо лексики, чуждой речи монаха-духовника (*тенденциозная*, *кличка*), в этой пронизанной иронией части монолога героя слово *старец* употребляется в сочетании с двумя эпитетами, ставящи-

¹² Здесь и далее: *Гусяр* (Чудаков Ф.). Реставрация // Эхо. 1912. № 941. 5 (18) января. С. 3.

ми под сомнение (*странный*) или вовсе опровергающими (*банный*) «старчество» Григория Распутина, его претензии на роль убеждённого седины мудрого духовника. Второй из приведённых эпитетов содержит понятный современникам Чудакова намёк на «банные» радения — тиражируемые газетами слухи об оргиях, которые «старец» Г.Е. Распутин любил устраивать в банях.

Следующая строфа «монолога» ещё отчётливее проявляет идейный смысл и этого произведения, и тех, о которых речь шла выше: «старчество», «анахоретство», «монашество», «схимничество», «иночество» Григория Распутина, иеромонаха Илиодора и многих других подобных псевдомолельщиков начала XX века — ни к чему не обязывающий антураж, маска, с помощью которой они добивались расположения «начальства», карьерного успеха, а также вполне себе мирских благ и телесных удовольствий:

«Соблазн по миру носится,
Начальство “купоросится”,
И даже “мироносицы”
Теперь бегут меня!»

Как и в фельетонах о «схимнике» Илиодоре, здесь, в произведении о «старце» Распутине, для раскрытия важнейшего свойства натуры персонажа — показной, сугубо внешней, имитационной сути его «монашества» — автор вновь использует приём контрастного сочетания слов разных лексических групп. И эта языковая какофония в устах «старца» — ярчайшее свидетельство его бездуховности, маскируемой священническим одеянием, обликом-маской, официальным статусом, показной религиозностью.

Если первая строка (*Соблазн по миру носится*) в лексическом отношении вполне органична для религиозного человека, то вторая (*Начальство «купоросится»*) абсолютно противоестественна. *Купоросится* (простор.) — буквально — краснеет лицом; в переносном значении — выражает недовольство, сердится. О недовольстве какого «начальства» размышляет фельетонный «анахорет»? Явно не церковного. Современникам Чудакова прекрасно было известно, что в качестве «начальства» Распутин признавал над собой лишь императора и императрицу. То есть и слово «начальство» в данном случае используется в ироническом, а не буквальном смысле. Речь о таком неприглядном явлении русской действительности имперского периода, как фаворитизм.

Переживания же «старца» по поводу бегства от него «мироносиц» тоже содержат очень далёкий от религиозности смысл. В буквальном

значении *мироносицы* — женщины, поклонницы руководителя какой-нибудь религиозной секты. В контексте христианской религии, мироносицы — женщины, приносившие, согласно Евангелию, миро для помазания тела Христа. В фельетоне Ф. Чудакова слово это используется, и об этом сигнализируют обрамляющие его кавычки, в ироническом или даже саркастическом смысле: «старец» озабочен тем, что публичные скандалы, которые связывают с ним, с его фамилией, уменьшают число поклонниц, готовых участвовать в банных оргиях.

Что касается заключительной части монолога «старца», то здесь авторская мораль становится ещё более прозрачной. Суть её в том, что для Григория Распутина и подобных ему деятелей предреволюционного десятилетия православие, его атрибуты, ритуалы, языковые формы, вся его формально-обрядовая сторона — мимикрия, способ достижения чисто светских, мирских, сугубо прагматических результатов — материальных, карьерных, статусных. По этой причине фельетонный «старец» заботится исключительно о том, чтобы снова ввести в заблуждение общественность, сменив уже скомпрометированную форму, в данном случае фамилию. У персонажа, как показывает автор произведения, не возникает и тени мысли о том, что в замене, перерождении нуждается не «оболочка», а внутреннее ядро личности:

«Как прать против лукавого?
Фамилию надо заново,
Фамилию серьёзную,
Не так тенденциозную...
От прежнего духовного
Распутника греховного
Освобожуся я...
Пускай “Григорья Нового”
От ярлыка бедового
Отскоблят мне друзья».

Первая строка заключительной части монолога «анакхорета» (*Как прать против лукавого?*) — очередная попытка прикрыть своё духовное убожество словесной архаикой, имитирующей церковный слог. *Прать* (устар.) — выступать, напирать, переть; обычно использовалось в составе устойчивого выражения «прать против рожна» — то есть действовать, идти против силы, обрекая себя на неудачу, поражение. Рожон — заострённый кол, укрепленный в наклонном положении. *Лукавый* — одно из библейских имён сатаны, дьявола. Но *прать против лукавого* «анакхорет» Распутин не способен, так как он, по мысли Чудакова, есть

не противник, а слуга дьявола. И это становится понятно из финальной части монолога: псевдостарец раскрывает здесь подлинное содержание своей низменной натуры. В его искажённом сознании может родиться только один вариант решения проблемы: с помощью высоких покровителей попытаться избавиться от скомпрометированной фамилии. «Другом», который пытался помочь «старцу» «отскоблить» истрёпанную репутацию и с этой целью удовлетворил его прошение о смене фамилии, как известно, был император Николай II, на что сатирик намекает, но прямо сказать в подцензурной печати не может.

Подведём некоторые итоги.

Используемые в проанализированных стихотворных фельетонах Ф. Чудакова принципы и приёмы изображения персонажей, представляющих крайне правый фланг российского политического спектра, ощутимо меняются на границе 1911–1912 годов. Произведения, созданные в ранний период (1909–1911), как правило, имеют прямолинейно-сатирический, сугубо обличительный характер. В результате идейные противники автора (по партийной принадлежности — эсера, по взглядам — скорее социал-демократа, по мироощущению — сторонника тех, кто исповедует идеи так называемого «нравственного христианства»), в числе которых националисты-черносотенцы, политиканствующие «попы», смыкающиеся с самыми реакционными силами в Государственной думе октябристы, предстают примитивными существами, односложными и однолинейными образами.

Начиная с 1912 года Чудаков предпочитает использовать более тонкий художественный инструментарий — иронию. Ирония становится более гибким и действенным, более органичным для Чудакова средством сатирической характеристики. Ещё одно существенное различие заключается в том, что на смену авторскому обличению, авторским убийственным характеристикам приходит саморазоблачение отрицательных персонажей — прямое, буквальное, но чаще опосредованное. Так или иначе, смещение нарративного центра — от автора к персонажам — обуславливает более широкое и активное использование приёмов речевой характеристики, разнообразных языковых средств. Среди них особо важную роль начинает играть языковая архаика — и лексическая, и фразеологическая, и синтаксическая. Причём чаще всего иронический смысл создают не сами по себе архаические языковые формы, а их взаимодействие с контрастной в стилевом отношении лексикой и фразеологией — сниженной, разговорной, грубо-просторечной.

«Горою чрево пучится...»

Образы гласных городской думы Благовещенска
в стихотворных фельетонах Ф. Чудакова

Гласные и их «арендаторы»

Один из самых любимых приёмов Фёдора Чудакова-фельетониста — каламбур, остроумное обыгрывание сходно звучащих слов, позволяющее создавать яркий иронический или комический эффект. В «Опыте Благовещенского энциклопедического словаря», который печатался в нескольких номерах выходившего в 1909–1910 гг. сатирического журнала «Колючки», Чудаков применяет его, в шутивно-язвительной форме объясняя читателям значение слова «гласный»: «*Гласный* — в большинстве случаев существо безгласное, когда речь идёт о правах бедноты, и громогласное, когда речь заходит о собственных интересах»¹.

Наверное, не каждый современный читатель в состоянии понять авторскую иронию, так как слово «гласный» в данном значении вышло из речевого обихода более века назад. Поясним: гласные в предреволюционной России — это выборные члены городских дум с правом решающего голоса (такого права не имели так называемые кандидаты в гласные, постепенно заполняющие освобождающиеся места). О том, почему гласные городской думы не отстаивали интересы «бедноты», забывали о нуждах обычных горожан, Чудаков поведал в фельетоне «Полюбовный раздел», который под псевдонимом *Амурец* был опубликован в газете «Амурское эхо» 24 апреля (7 мая) 1916 года.

Произведение, имеющее жанровое обозначение «Шутка», предвещает следующая преамбула — реплика не названного автором лица: «*Это произошло потому, что на заседании не было моих гласных. (Из беседы)*».

Если упомянутая беседа — не вымысел, и автор либо сам в ней участвовал, либо прочитал или узнал от кого-то о ней, то современному читателю может быть не вполне понятно, почему Чудаков не озвучил имя. Думается, он пошёл на это сознательно. Смысл его произведения состоит не в том, чтобы уличить, вывести на чистую

¹ Босяк (Чудаков Ф.). Опыт Благовещенского энциклопедического словаря // Колючки. № 4–5. 1909. 6 декабря. С. 17.

воду кого-то из закулисных «хозяев» Благовещенска, а в том, чтобы обратить внимание читателей на существенные изъяны российской избирательной системы, обеспечивающей интересы исключительно класса собственников. В начале фельетона на примере выборов гласных Благовещенской городской думы автор в самом общем виде показывает механику действия этой системы:

Выбирали горожане,
«Избиратель» выбирал,
Но случился (как и ране)
Неожиданный финал.
Вмиг, — едва места заняли
Свежесшитые «отцы»,
Мигом их в аренду сняли
Расторопные дельцы ².

Обратим внимание, что за первой строкой: «Выбирали горожане» — через запятую идёт вторая, уточняющая, конкретизирующая то, о чём сообщается в первой: ««Избиратель» выбирал». В чём смысл этого уточняющего повтора и почему слово «избиратель» заключено в кавычки? Для того чтобы понять это, современный читатель должен иметь представление об особенностях избирательной системы, действовавшей в царской России на муниципальном уровне.

«Избиратель» в данном контексте — не то же самое, что значит это слово сегодня. Тогдашние «избиратели» — весьма узкий круг лиц, имеющих право избирать органы городского общественного самоуправления — думу и (опосредованно) формируемую ею управу. Гласные, как известно, избирались сроком на четыре года на заседании созываемого городской управой Избирательного Собрания. В Благовещенске, например, такие выборы проходили в 1908, 1912 и 1916 гг. И всегда, во всех случаях в думе оказывались не полномочные представители широкой городской общественности, а некие, как выражается фельетонист, *свежесшитые «отцы»*. Кавычками автор задаёт дополнительную ироническую окраску слову «отцы»: в данном речевом контексте оно имеет негативную коннотацию, так как ассоциируется с раболопным, самоуничижительным оборотом *отцы вы наши и благодетели*, которое применялось при обращении представителей низших сословий к богатым и сановникам.

² Здесь и далее: *Амурец (Чудаков Ф.)*. Полюбовный раздел. Шутка // Амурское эхо. 1916. 24 апреля (7 мая). С. 3.

Согласно статье 24 Городового положения 1892 года (именно оно определяло порядок и процедуру муниципальных выборов)³, избирать гласных могли владельцы недвижимого имущества (для таких городов, как Благовещенск, стоимостью не менее 1000 рублей — сумма по тем временам немалая), а также лица, содержащие в городе торгово-промышленные предприятия (для губернских и областных городов — купцы 1-й и 2-й гильдии). Кроме того, согласно той же статье, через своих представителей право участвовать в выборах имели благотворительные, учебные и правительственные учреждения (кроме полицейских и религиозных), владеющие на правах собственности недвижимостью. Ну и, наконец, таким правом обладали представители обществ, товариществ и компаний, имеющих в собственности торгово-промышленные предприятия. Закон позволял владельцам торговых и промышленных предприятий иметь по два голоса — и как частным домовладельцам, и как хозяевам компаний и товариществ. Подавляющее же число обычных горожан не имели и одного голоса, не участвовали в муниципальных выборах и не могли быть избраны в органы общественного самоуправления.

В результате в числе гласных обычно оказывались либо крупные собственники, наиболее состоятельные купцы, промышленники, либо собственники средней руки, охотно идущие в услужение к первым, так как с ними их сближала общность интересов. О том, как «рас-торопные дельцы», то есть главные городские богатеи, снимают «в аренду» новоизбранных думских гласных, речь идёт во второй части:

«Пять моих!» — спиртозаводчик
Отсчитал и прочь пошёл.
«Десять!» — крикнул пароходчик.
«Двадцать!» — рявкнул мукомол.
Остальных сейчас же рьяно
Расхватали, кто успел:
И владелец ресторана,
И мясник, и маслодел.

В представлении Чудакова, в Благовещенске основными «скупщиками» и «арендаторами» гласных, то есть подлинными хозяевами города, были три категории купцов и промышленников: мукомолы, пароходчики и спиртозаводчики. Каждой из них сатирик посвятил

³ См.: Городовое положение. 11 июня 1892 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XII. № 8708. С. 430–456. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/grd1892.htm>. 17.02.2019.

немало произведений, причём чаще и язвительней всего он писал об амурских мукомолах, наживавшихся за счёт грабительских цен: «Накипь дня (Сошлись и заспорили...)» (Эхо. 1912. № 1013), «Слово о зерне» (Амурское эхо. 1916. № 455), «Положеньице!» (Амурское эхо. 1916. № 536), «Мукомол» (Амурское эхо. 1916/1917. № 545), «Почему мука стоит девять рублей» (Дятел, беспартийный. 1918. № 1) и т.д. Немало фельетонов посвящено и местным пароходчикам: «Амурскому пароходчику» (Эхо. 1913. Прибавление к № 1374), «Чемпион» (Эхо. 1913. № 1426), «Реквием» (Эхо. 1913. № 1440), «Письмо без адреса» (Амурское эхо. 1916. № 522) и др. Представлены в ряде фельетонов Чудакова также производители и торговцы алкоголем: «10 000 бутылок. Ода, посвящаемая гласному Ождженскому» (Эхо. 1914. № 1760), «О пиве и прочем» (Эхо. 1915. № 1787), «Рыцарь без страха, но с упрёком» (Амурское эхо. 1916. № 325) и т.д.

По мнению фельетониста, значительная часть гласных городской думы Благовещенска находится «на кормлении» у наиболее состоятельных промышленников и купцов. Поэтому все они так или иначе отстаивают интересы главных богатеев — тех, кто участвует в делёжке городского бюджетного «пирога». Что касается обычных, малоимущих горожан, то в думе представлять их интересы попросту некому:

«Избиратель» только хлопал
Левым ухом по плечу,
А потом ногой затопал:
«Что же я-то получу?
Что я — нищий? иль заморыш?
Что ж пришлось на мой конец?»

Избранные по существующему законодательству гласные в принципе не могли быть «слугами народа», тем более «бедняков», так как от них не зависели и в малой степени. На чью же поддержку могли рассчитывать обычные горожане? Иронический ответ автора на этот вопрос звучит в финальном двустишии:

Лишь один Сюткин — сторож
Да пожарный жеребец.

Иначе говоря, ни на чью. Все гласные — богатеи или те, кто «арендован» богатеями, поэтому простым «избирателям» надеяться не на кого, разве что на Сюткина — сторожа, охраняющего здание городской думы. Подразумеваемый автором фельетона другой (более известный) обладатель названной фамилии — Сюткин Федот Николаевич (1883–1918), гласный городской думы Благовещенска, политический и

общественный деятель, член большевистской партии с 1915 г., председатель I, IV, V крестьянских съездов Амурской области. После революции 1917 г. — секретарь Благовещенского большевистского комитета, секретарь исполкома Благовещенского Совета, зам. председателя областного Совета рабочих и солдатских депутатов, член облисполкома, комиссар продовольствия. В 1918-м избран от Амурской области во ВЦИК. Казнён белогвардейцами в Благовещенске в начале декабря 1918 года. Федот Сюткин упоминается в фельетонном цикле Ф. Чудакова «Песнь о Кульдурском ключе» (январь-февраль 1918 года).

История о том, как городская дума обновила портьеры

Состоя на службе у «арендовавших», скупивших их на корню «хозяев» — мукомолов, пароходчиков, пивоваров, владельцев винных заводов и лавок, — гласные городской думы Благовещенска выступали сплочённой командой, когда голосовали за выделение бюджетных средств не на благоустройство в непогоду утопавшего в грязи города, а на создание всё более комфортных условий для самих себя. Так, например, Ф. Чудаков не раз откликнулся на скандальное решение Благовещенской городской думы выделить из средств муниципального бюджета немалую по тем временам сумму — 500 рублей — на замену вполне ещё пригодных гардин и штор в зале заседаний: «День итогов» (Эхо. 1912. № 938), «Надобность?» (Эхо. 1912. № 947) и др. Одно из первых произведений на эту тему — фельетон в рубрике «Накипь дня», под псевдонимом *Гусляр* опубликованный в газете «Эхо» 29 ноября (12 декабря) 1911 года.

В зачине автор сообщает читателям о факте, который побудил его взяться за перо: о решении гласных городской думы выделить крупную сумму отнюдь не на то, в чём остро нуждаются горожане:

В думских недрах
Много щедрых,
Расточительных господ.
Вот их меры:
На портьеры
Асигновано пятьсот⁴.

⁴ Здесь и далее: *Гусляр* (Чудаков Ф.). Накипь дня (В думских недрах...) // Эхо. 1911. № 913. 29 ноября (12 декабря). С. 3.

В этой части произведения ирония почти не ощущается. Едва ли не единственное, что заставляет почувствовать подвох — упоминание о «расточительности» гласных. Если бы не это, то «щедрость» думских «господ» вполне могла быть принята «наивным» читателем за чистую монету.

Во второй же строфе автор переводит повествовательный регистр в откровенно ироническую тональность: здесь гласные представлены в смешном, почти карикатурном виде: оказывается, немалая часть общегородского бюджета потрачена ими ради того, чтобы показать «дулю», то есть фигуру из трёх пальцев, припекающему их пухлые щёки светилу:

Чтобы солнце
Сквозь оконца
Пухлых щёк не припекло,
Натянули
Солнцу «дулю»:
Ну-ка, жарь теперь в стекло!

Усиливая комический эффект, автор как бы проникается заботами радеющих о собственном благе гласных, притворно сочувствует им и предлагает не останавливаться на достигнутом. Более того, он даже подсказывает, на что ещё думские пухлощёкие любители комфорта могут потратить оставшиеся бюджетные средства:

Чтобы с блеском
По повесткам
Гласных в думу вызывать, —
Бюллетени
На велене-
Вой бумаге издавать.

Велень (фр. *vélin* — тонко выделанная телячья кожа), веленевая бумага — дорогой, высокосортный, изготавливаемый из кожи млекопитающих материал для печати, подобие пергамента. Автор фельетона, отталкиваясь от факта выделения гласными крупной суммы на шикарные портьеры для думского зала заседаний, подсказывает «народным» избранникам, что эти самые портьеры требуют и в остальном выдерживать заданный уровень роскоши и «блеска». Что называется, гулять, так гулять!

Используя приём иронической градации, в заключительной части фельетона автор предлагает думским гласным не скромничать и превратить зал заседаний в подобие великосветского салона или даже

царских покоев. Для этого потерявшим всякое стеснение «депутатам» остаётся, по мнению фельетониста, не так уж много:

Кресла, стулья
В думском улье
Обтянуть парчой, обить.
Чтоб не вытер
Лорд-мэр Питер
Свой лорд-стул —
Позолотить.

Лорд-мэр Питер, которому автор предлагает позолотить его «лорд-стул», — это Пётр Петрович Попов, в 1911–1914 гг. городской голова (лорд-мэр) Благовещенска, персонаж многих сатирических произведений Чудакова: эпиграммы «Пыль в глаза» (Эхо. 1913. Прибавление к № 1318), фельетонов «Предвыборное раздумье» (Эхо. 1913. Прибавление к № 1435), «Блины с гарниром» (Зоя. 1914. № 4) и др.

«Разговоры» гласных о «городских делах»

Необыкновенно «щедрая» и сплочённая, когда дело касается собственных «барских» прихотей, городская дума с таким же завидным единодушием отклоняла просьбы выделить деньги на многие социально значимые проекты: учителям, планировавшим поездку на курсы повышения квалификации, периодическим изданиям, отражавшим повседневную жизнь областного центра, училищам и библиотекам на приобретение художественной и учебной литературы и т.д.

Одному из таких случаев посвящён фельетон «Разговор», под псевдонимом *Амурец* напечатанный в «Эхе» 5 (18) января 1914 года. Произведение это — отклик на решение думы Благовещенска отказать в субсидии журналу «Городское дело».

На этот раз фельетонист избирает иной путь создания иронического эффекта — не взгляд извне, не стороннюю оценку, а «реконструкцию» сознания гласных, принявших такое решение. Автор как бы приглашает читателей стать свидетелями разговора, в котором принимают участие гласные городской думы. Эта воображаемая сценка не содержит каких-либо авторских «ремарок» или оценочных суждений. Имена участников воображаемого разговора, скорее всего, вымышленные, условные. Чудаков, в качестве репортёра газеты «Эхо» не раз присутствовавший на заседаниях городской думы, видевший, хорошо знавший практически всех благовещенских гласных, часто писавший о них по

разным поводам, в данном случае не ставит задачи показать каких-то конкретных думских деятелей, сделать их «узнаваемыми», не стремится к достоверному воссозданию (при желании это, наверное, нетрудно было бы сделать) самого хода заседания, на котором было принято возмущавшее журналистскую общественность Благовещенска решение.

Выстраивая воображаемый разговор, фельетонист исходит из элементарной логики: подобное решение, на его взгляд, могли принять лишь люди ограниченные, невежественные, боящиеся свободного слова, противники гражданского общества, то есть, как любил выражаться Ф. Чудаков, настоящие мастодонты, примитивные, пещерные существа. Именно такими он и «показывает» гласных читателям, с помощью творческой фантазии реконструируя ход и саму логику их рассуждений:

«Пётр Иваныч! Пров Пахомыч!
Эй, потише, земляки!
Оказать нас просят помощь —
Так, немножко, пустяки!»
«Помощь? Вот ведь черти носят!
Век от них покою нет!
А на что такое просят,
На какой такой предмет?»
«Так что, вроде как газета,
Называется — журнал.
Но вобще я дело это
Толком не обмозговал!»⁵

Персонажей фельетона нет нужды «разоблачать», они с успехом делают это сами, в первую очередь, принятием данного решения: оно — безусловный факт, данность, автор здесь ничего не придумывает, не приписывает, не искажает, даже избегает прямых оценок. Во-вторых, герои сами развенчивают себя, в прямой речи демонстрируя своё интеллектуальное убожество, ограниченность кругозора, тупое самодовольство вкупе с пренебрежительным отношением к общественному мнению, к нуждам горожан. Но реплики участников думского «разговора» — явно не из стенограммы заседания, это в большей степени плод художественного вымысла или, правильнее сказать, авторского предположения, авторской «реконструкции». С другой стороны, Ф. Чудаков, моделируя сценку в городской думе, очевидно, отталкивается от собственных впечатлений: воспроизводит особенности речи

⁵ Здесь и далее: *Амурец (Чудаков Ф.)*. Разговор // Эхо. 1914. № 1504. 5 (18) января. С. 4.

вполне себе реальных гласных — благовещенских купцов, по преимуществу малообразованных. И, в большинстве своём, консерваторов, принципиальных противников социального прогресса. Один из таких ретроградов и невежд и предстаёт в фельетоне во всём своём «блеске» — имеется в виду гласный, не понимающий разницы между газетой и журналом («Так что, вроде как газета, / Называется — журнал»), использующий просторечие «вобще». Казалось бы, для избранных в городскую думу — очевидно, авторитетных, относящихся, как писал Ф. Чудаков в фельетоне «Гоголевский юбилей» (1909), к «сливкам общества», это предел, ниже которого падать некуда... Однако следующий вступающий в «разговор» гласный демонстрирует ещё большее невежество и ещё более впечатляющее мракобесие:

«Что? Газета? Скрипаденцы?
Это те, которых — бить?
Это всякие скуденты?
В шею! С лестницы спустить!»

Слова *скрипаденцы* и *скуденты* заставляют вспомнить такое специфическое языковое явление, как «народная этимология». Под народной этимологией обычно подразумевается такая переделка фономорфологической структуры непонятных представителям малообразованных слоёв общества слов, которая сближает их с более привычными словами как фонетически, так и по значению, что и позволяет осмыслить их ⁶.

Под *скрипаденцами* персонаж фельетона подразумевает, судя по всему, корреспондентов — то есть тех, кто, по его разумению, лишь скрипит перьями — пишет пасквилы, фельетоны, кто суёт свой нос куда не следует, например, проливает свет на деятельность городской думы. По такой же словообразовательной модели образовано слово *скуденты* — так именуются студенты: они, в глазах одного из гласных (очевидно, купца), должны быть презираемы уже в силу их бедности, скудности их материального положения, а также по причине явного «скудоумия», мешающего им заняться настоящим, реальным делом и перестать сеять смуту. Одной мысли о *скрипаденцах* и *скудентах* ⁷, то

⁶ Введенская Л.А., Колесников Н.П. Этимология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2004. С. 37.

⁷ Интересно отметить, что видный сибирский журналист Михаил Басов, знавший Чудакова по совместной работе в газете «Амурское эхо», свидетельствует, что у амурского сатирика и поэта было прозвище «лохматый студент» (см.: Басов М. Ф.И. Чудаков // Сибирские огни. 1922. № 1. С. 158–161).

есть о тех, кто стремится рассказать или узнать о «городских делах», иначе говоря, о том, чем занимаются участники «разговора», оказывается достаточно, чтобы спровоцировать вспышку настоящей ярости, по первому ощущению — не вполне объяснимой, чрезмерной: «Это те, которых — бить? <...> В шею! С лестницы спустить!» Что так разозлило одного из «отцов» города, что вывело его из состояния равновесия? Очевидно, то же самое, что вынуждает гласных отказать в субсидии журналу «Городское дело»: боязнь гласности, общественного контроля, нежелание отчитываться в своих делах перед избирателями, перед гражданским обществом. Иначе говоря, гласные, представляющие интересы господствующих классов, противятся всему, в чём усматривают покушение на свои сословные, корпоративные привилегии. Независимая печать, свободное слово, просвещение, люди, тянущиеся к знаниям и прогрессу, потому и вызывают у них раздражение и ярость, что в них они видят для себя угрозу. А потому и уповают на невежество как на надёжную защиту от пугающих их перемен. Фельетонист сталкивает две точки зрения на то, нужны ли стране (и самим гласным) просвещение, образованные люди. Первая — осторожное предположение (со ссылкой на стороннее мнение), что владеть грамотой, читать полезно и самим гласным, вторая — категоричное утверждение, что это опасное заблуждение:

«Так что я, по слухам частным,
Слышал раз такую суть:
Почитать подчас и гласным
Не мешает что-нибудь!»
«Что-о? Храни нас Бог подале,
Нас, и жён, и всех родных.
Наши деды не читали,
Мы-то, что ж, умнее их?!»

В финальных строчках, подводя итог думскому обсуждению, ведущий заседание (скорее всего, автор имеет в виду П.П. Попова, тогдашнего «лорд-мэра» Благовещенска, который чаще всего и председательствовал на заседаниях думы) солидаризируется не только с противниками свободного печатного слова, но и с откровенными мракобесами, готовыми отстаивать свои привилегии и свою неподконтрольность обществу любыми средствами, включая грубую физическую силу:

«Так что, значит, на отказе
Все согласны? Так и быть! —

Отказать во всяком разе!
А при случае — побить!»

Гласные-мукомолы, или Слово о зерне

Как отмечалось выше, одна из самых ненавистных Чудакову категорий благовещенских купцов — мукомолы. Им он посвятил немало фельетонов, среди которых есть и те, в которых содержится реакция сатирика на действия мукомолов-лоббистов и «арендованных» ими гласных в городской думе.

В числе таких произведений — фельетон в традиционной авторской рубрике «Накись дня», под псевдонимом *Язва* опубликованный 10 (23) апреля 1912 года в газете «Эхо». Фельетон предваряет преамбула: *«Гласные-мукомолы решительно восстали против понижения мучных цен. Г-н Фёдор Коротаев голосовал заодно с мукомолами. (Заседание городской думы)»*.

С точки зрения формы, отличительная особенность произведения состоит в том, что оно, являясь по своей природе стихотворным, напечатано как прозаический текст — без разбивки на поэтические строки и строфы. Возможно, ради экономии газетной площади. А может быть, из-за желания фельетониста своей якобы «прозой» контрастно оттенить приведённые в финале «стихи» постоянного оппонента — Фёдора Коротаева.

Первый абзац (первая строфа) — вводный, единственный, в котором персонажи — купцы-мукомолы, гласные Благовещенской думы — показаны со стороны:

...Сошлись и заспорили, руками помаваячи, брадами потрясаячи,
ругательски ругаячи маньчжурское зерно⁸...

Автор не называет персонажей по именам, не уточняет, сколько их всего, не выделяет кого-то из них, не наделяет неповторимыми чертами, индивидуальной речевой характеристикой. Они предстают суммарно, как некая однородная масса. Неразличимы они и внешне: все в латаных одеяниях, все примерно одного возраста, у всех патриархальные бороды, все одинаково жестикулируют, одинаково говорят об одном и том же. Не давая прямых оценок персонажам, автор применяет косвен-

⁸ Здесь и далее: *Язва* (Чудаков Ф.). Накись дня (Сошлись и заспорили...) // Эхо. 1912. № 1013. 10 (23) апреля. С. 3.

ные формы выражения своего отношения к ним, например, архаичную (*помаваючи*) и стилизованную под архаичную (*потрясаючи, ругаючи*) лексику. С её помощью он с первых строк создаёт ощущение, что участники странного думского действа — персонажи из глубокой патриархальной старины, словно бы ожившие тени далёкого прошлого. И потому в современном языке фельетонист как будто не в состоянии подобрать слова, которыми можно было бы описать этих замшелых субъектов: у них не бороды, а *брады*, руками они не размахивают, а *помавают*... Казалось бы, подобная лексическая архаика должна формировать образ благообразных, степенных старцев, однако этого не происходит, прежде всего потому, что обладатели патриархальных «брад» ведут себя совсем не благочинно — *ругательски ругаются*. И причина их ругани банальна: мукомолы пытаются обосновать взвинчивание ими цен на муку низким качеством зерна. По мнению же Чудакова, которое он неоднократно высказывал и в публицистике, и в сатирических стихах, благощественские мукомолы, являвшиеся абсолютными монополистами на зерновом рынке Приамурья и граничащих с ним северных провинций Китая, обманывают, обирают и маньчжурских крестьян, вынуждая их задешево продавать зерно, и своих соотечественников, которым они предлагают муку по существенно завышенным ценам.

Начиная со второго абзаца, в фельетоне воспроизводится обобщённый, собирательный монолог мукомолов-гласных, отстаивающих свои корпоративные интересы. Не желая установления справедливой цены на произведённую ими муку, они, по обыкновению, хитрят, лукавят, вводя всех в заблуждение относительно качества маньчжурского зерна:

Оно, мол, и дешёвое, да качество грошовое, и сорное, и чёрное, вобче зернишко вздорное, зернишко барахольное, и сердце мукомольное печалит, мол, оно.

Дважды использованное в этом абзаце вводное слово «мол» — производное от разговорного «молвят» — помогает обнаружить «присутствие» повествователя (нарратора), передающего чужие слова. Обрамляющий высказывание мукомолов лексический маркер «мол» сигнализирует читателю, что это не чистая прямая речь персонажей, а её переложение, пересказ, пусть и стилистически, лексически максимально приближенный к оригиналу. Едва заметный лексико-повествовательный зазор между, условно говоря, остающимся «за кадром» оригиналом (беспримесной прямой речью) и его озвучиваемой в фельетоне копией (пересказом этой речи посредником) призван создать у читателей ощущение, что речи мукомолов нельзя доверять. Само существо-

вание этого зазора — один из способов выражения иронии. В финальной части абзаца («и сердце мукомольное печалит, мол, оно») вводное слово «мол» используется исключительно для того, чтобы читатель не принял слова мукомолов за правду, чтобы он ощутил ироническую интонацию нарратора, обнажающего с её помощью неискренность тех, кто жалуется на качество маньчжурского зерна. Дважды повторённое уничижительное именование мукомолами этого зерна, за счёт которого они обогащаются, «зернишком» лишь усиливает эффект.

В следующем абзаце ироническая «подсветка» монолога гласных-мукомолов становится ещё более ощутимой, хотя здесь, в отличие от предыдущей «строфы», нет вводных и тому подобных слов, свидетельствующих о зримом присутствии посредника, транслирующего речь купцов:

Вот, брешут: цены вздулися! Ума ли вы рехнулися? Какие, к чёрту, вздутые: вишь, ходим необутые, в несчастных старых катанках, ободранные, в латанках, в рукав сморкаем носики, рукой скребём волосики — не гласный, а «рестант».

По форме — это как будто бы прямая речь, по крайней мере, в начале абзаца: тут и характерные для малообразованной части благовещенских купцов просторечные (*вздулися, вишь, катанки, рестант*) и грубо-просторечные (*брешут, рехнулися, к чёрту*) слова, и обилие риторических фигур, прежде всего риторических вопросов, и характерные разговорные интонации. С другой стороны, абзац буквально пронизан иронией, а это может свидетельствовать лишь об одном — о незримом присутствии иронически настроенного автора.

Как известно, главным отличительным признаком иронии является «двойной смысл, где истинным будет не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый»⁹. Монолог думских купцов-мукомолов в «Накипи дня» как раз и является типичным примером применения иронии. Внешне он представляет собой как будто бы адекватно передаваемую речевую, повествовательную проекцию весьма специфического сознания купцов-мукомолов, но при этом содержит сильный иронический пафос, на нарративном уровне выявляющий вполне определённое (негативное) отношение автора к персонажам.

Имплицитный, то есть скрытный, прямо не проявляющий себя автор в формальном отношении как будто бы близок персонажам фельетона, «подыгрывает» им, в определённом смысле чуть ли не «рас-

⁹ Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 109.

творяется» в них, но в то же время между ним и купцами-мукомолами выстраивается вполне ощутимая нарративная дистанция, со стороны автора имеющая насмешливый характер. В качестве примера можно привести финал процитированного выше абзаца: «...ходим необутые, в несчастных старых катанках, ободранные, в латанках, в рукав сморкаем носики, рукой скребём волосики — не гласный, а “рестант”». В этих жалобах купцов-мукомолов проглядывает авторская издёвка, именно по этой причине читатели вряд ли испытывают сочувствие к жалобщикам, якобы из-за беспросветной бедности (на деле — по причине скупости) не имеющим ни гребней, ни носовых платков, ни приличной одежды и обуви, а потому вынужденных сморкаться «в рукав», даже на думские заседания приходить в латаной одежке и простонародных «катанках» (валенках). Слова «носики» и «волосики» тоже возможны в данном контексте лишь при условии, что вместо купцов-мукомолов их речевую «партию» исполняет иронически настроенный автор.

Как уже отмечалось, «ироническое высказывание есть притворное приятие чужого пафоса, а на деле его дискредитация как ложного»¹⁰. В процитированных «строфах» имплицитный автор во многих отношениях совпадает со своими персонажами: вместе с ними «ругательно ругает» маньчжурское зерно, жалуется на горемычную долю, внешне как будто бы разделяет их реакцию на требование снизить цены на муку. Однако при этом у читателя не может не возникнуть ощущение существования иронической дистанции между автором и персонажами. Идейно-эмоциональный пафос фельетона состоит в насмешливо-ироническом, временами откровенно издевательском отношении автора к гласным-мукомолам.

Ещё более очевиден иронический пафос тогда, когда автор почти открыто отстраняется от персонажей и допускает откровенно издевательский комментарий. Подобное комментирование *от автора*, в частности, присутствует в следующем абзаце фельетона:

Одно лишь только радостно, едино только сладостно: горою чрево пучится, того гляди научится летать, как ероплант.

Фрагмент этот — чистейшая ироническая стилизация, искуснейшая подделка под стиль персонажей. Субъектом повествования здесь выступают всё те же купцы-мукомолы, но субъектом сознания является откровенно смеющийся над ними автор. В лексическом, стилевом

¹⁰ Тюпа В.И. Художественность // Введение в литературоведение: основные понятия и термины / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа; Издательский центр «Академия», 1999. С. 480.

отношении он абсолютно совпадает со своими персонажами, достоверно имитирует их речь, искусно маскируется под них, но в содержательном отношении полностью вытесняет купцов-мукомолов из как будто бы их собственного монолога и наполняет его своими язвительными насмешками. Огромные «чрева» у жалующихся на бедность гласных — хоть и незамысловатый, но весьма убедительный «аргумент», с помощью которого автор ставит под сомнение «бедность» мукомолов. Именно автор «заставляет» своих персонажей «радоваться» наличию у них вспученных чрев, именно он насмешливо сравнивает их с готовым взлететь аэропланом (*ероплантом*).

По словам В. Тюпы, иронический модус художественности состоит в радикальном размежевании *я-для-себя* от *я-для-другого* (в чём, собственно говоря, и состоит притворство). Подобное размежевание очень характерно для стиля Ф. Чудакова-фельетониста.

Ирония «отчуждает» автора от его героев, устанавливает между ними не только нарративную (повествовательную), но и идейно-эмоциональную, аксиологическую дистанцию. Читатель ощущает зазор между тем, что автор на самом деле думает о гласных-мукомолах «для себя», и тем, что он притворно декларирует «для других» — в унисон с речью персонажей. Жалобы на крайнюю бедность создают обратный эффект — становятся средством выражения авторской насмешки над прикидывающимися нищими купцами-богатеями.

Авторская ирония ощущается и далее — в абзаце, в котором гласные-мукомолы высказывают лицемерную заботу об «убогих... потребителях», ради благополучия которых они якобы и стараются, ради которых и торгуют мукой чуть ли не в убыток себе:

Мы б с нашим удовольствием, да как же с продовольствием убогих сельских жителей и прочих потребителей? Без нас они, убогие, узнают беды многие и по миру пойдут.

Расхождение авторских *я-для-себя* и *я-для-другого* заметно и в предпоследней строфе, в которой купцы-мукомолы не только издевательски называют «умеренной» свою грабительскую процентную накрутку, но и заодно горделиво признают факт жульнического «сдабривания» муки мякиною:

Процент берём умеренный: на каждый пуд отмеренный и сдобренный мякиною, рублёвочка с полтиною, подумаешь — процент!

Постепенно наращивая «удельный вес» авторского *я-для-себя*, в финале фельетона *Язва* «заставляет» незадачливых гласных-мукомо-

лов апеллировать к поддержавшему их при голосовании поэту Фёдору Коротаеву — тому самому, с которым Ф. Чудаков остро полемизировал ещё в 1910–1911 годах ¹¹:

Поди-ка, оправдай его (речь о грабительском проценте. — А.У.)!
Вот Федю Коротаева спросите: он досужливый, на песенки потужливый,
начнёт стихом орудовать — поймёшь в один момент...

То, что как будто бы призвано «художественно», «поэтически» подкрепить правоту мукомолов, на деле становится ещё одним разоблачительным аргументом — разоблачительным и для гласных-мукомолов, и для их «подпевалы» Ф. Коротаева. Последнего союзником купцов-мукомолов делает сословная солидарность: как известно, Фёдор Филиппович Коротаев был не только поэтом, но и, по основному роду деятельности, преуспевающим купцом. Автор фельетона использует сам факт солидарного голосования *на песенки потужливого* «Феди» не только ради дискредитации интеллектуально недалёких гласных-мукомолов, но и ради того, чтобы лишний раз в смешном, глупом виде выставить творчество и общественное поведение поэта-купца Ф. Коротаева:

О, мука-мучица!
Милая мука!
Съесть тебя стремится
Ротик бедняка!
Как же мне обидно,
Ротик, за тебя!
Как тебе не стыдно
Мучку истреблять?!
Хочет ротик мучку
Спрятать в душный плен...
Подымаю ручку
За... поднятие цен.

Стихи эти представляют собой язвительную и в то же время весьма меткую пародию на невзыскательные в художественном отношении и морализаторские по господствующему пафосу вирши Ф. Коротаева.

¹¹ См. фельетоны Чудакова «Типы избирателей» (Колючки. № 8. 1910) и «В кривом зеркале» (часть II «Квартет с приключением») (Амурский край. 1910. № 47), а также статью об этой полемике: *Урманов А.В.* История о том, как поссорился Фёдор Иванович с Фёдором Филипповичем: об одной характерной особенности литературной жизни Приамурья начала XX века (Амур: литературный альманах БГПУ. № 15. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. С. 71–75). Или же одноимённый раздел данной книги.

Ещё об одном «арендованном» амурскими мукомолами гласном Благовещенской городской думы Ф. Чудаков рассказал три года спустя в фельетоне «Слово о зерне», опубликованном в 455-м номере «Амурского эха» за 1916-й.

Речь в нём идёт об очередной попытке купцов-мукомолов взвинтить и без того высокие цены, на этот раз в ещё более сложный для России период — в разгар Первой мировой войны, незадолго до Февральской революции.

В начальной части фельетона, стилизованной под «песню», автор задаёт «ядовитые, словно осы», «вечные» вопросы о пшеничном зерне: «Почто людей страшит?»; «Почто растёт оно в цене?»; «В ста сорока пяти комиссиях», в том числе думских, «на них ответа не нашли». Точнее, не находили, пока, наконец, за дело не взялись два неподкупных человека:

Почему, что день — надбавка?
Наконец, ответ прямой
Получили двое: Каффка
И инспектор податной ¹².

Личность одного из этих двоих, а именно безымянного податного инспектора, установить сейчас непросто, а вот второй, названный автором по фамилии, известен. Это Сергей Петрович Каффка — в 1915–1917 гг. начальник Амурского переселенческого управления, с 1910-го по 1916-й — гласный городской думы Благовещенска.

Каффка упоминается ещё в одном фельетоне Ф. Чудакова — «Собачья жизнь», который вышел в «Амурском эхе» двумя неделями ранее «Слова о зерне». Там его «облаивает» поседевший от старости, изрядно потрёпанный судьбой злобный пёс Матюкан, в котором без труда угадывается редактор «Благовещенского утра», скандально известный журналист Александр Матюшенский, печатавшийся чаще всего под псевдонимом *Седой*. Матюшенский в той или иной связи фигурирует в целом ряде фельетонов Чудакова: «Подлые времена» (Эхо. 1911. № 820), «Накипь дня (Но позвольте: если этак рассуждать...)» (Эхо. 1911. № 904), «Иванова ночь» (Эхо. 1914. Прибавление к № 1638) и др. В газете Матюшенского С.П. Каффка не раз подвергался оскорбительным нападкам, это и нашло аллегорическое отражение в фельетоне «Собачья жизнь»:

Вдруг, вскочив, как от удавки, / Подымает кверху нос: / Это ветер
запах Каффки / Вдруг нанёс. / Ощетинится, встряхнётся / Пёс, озлится
через край, / И немедленно польётся / Хриплый лай: / «Ты — ав-

¹² Гусяр (Чудаков Ф.). Слово о зерне // Амурское эхо. 1916. № 455. С. 3.

стриец! / Гам! Гам! Гам! / Кровопиец! / Я те дам! / Словно пташку
/ Задушу! / Дай-ка, в ляжку / Укушу! / Лезешь в чехи!? / Гам! Гам!
Гам! / На орехи / Я те дам! / Лишь увижу / Наяву — / Рррасковрижу!
/ Рррразорррву!»¹³

Чудаков же, в отличие от Матюшенского, считал начальника Амурского переселенческого управления Сергея Каффку человеком достойным, честным, компетентным, способным (в данном случае совместно с безымянным податным инспектором) умерить аппетиты обнаглевших мучных монополистов и их думских прислужников:

Взявши коэффициенты
Перемножив их подряд,
Сразу вывели проценты
И — представили доклад.
И воочью все узрели,
Что пшеничное зерно,
Как и ждали, в самом деле
Спекуляции полно¹⁴.

Обратим внимание на одну удивительную особенность этого фельетона, созданного в последний, поздний период творчества Ф. Чудакова: на то, что в нём выведены не только осмеиваемые автором персонажи, но и те, что вызывают у него явную симпатию. Очевидно, это объясняется переменами в мировоззрении автора, которые дали о себе знать уже в канун 1917 года, а наиболее явственно проявились в творчестве революционного и послереволюционного времени.

На заседании городской думы, о котором говорится в «Слове о зерне», гласные-мукомолы попытались опровергнуть расчёты и доводы Каффки. В фельетоне выведен один из тех, кто вступил с ним в ожесточённый спор:

Чтоб карман свой от изъядов
По возможности сберечь,
Произнёс «министр» Буянов
Зажигательную речь.

Буяновых в канун революции в Благовещенске было немало, Чудаков в данном случае имеет в виду Владимира Евтеевича Буянова — купца

¹³ Соловей-Разбойник (Чудаков Ф.). Собачья жизнь // Амурское эхо. 1916. № 545. С. 5–6.

¹⁴ Здесь и далее: Гусляр (Чудаков Ф.). Слово о зерне // Амурское эхо. 1916. № 455. С. 3.

1-й гильдии, участника и распорядителя мукомольного товарищества «Братья Буяновы», владельца мельницы, трёх пароходов и пяти барж, председателя котировальной комиссии биржевого комитета, гласного городской думы (1910–1915). Это тот самый Буянов, который запечатлён Ф. Чудаковым несколькими годами ранее в фельетоне «Чемпион» (Эхо. 1913. № 1426). Но та давняя история нуждается в отдельном разговоре...

Как и в ситуации, описанной в фельетоне «Накипь дня (Сошлись и заспорили...)», о котором речь шла выше, здесь у купцов-мукомолов тоже нашлись «ярые» сторонники из числа «арендованных» ими гласных:

И в числе апологетов
Мукомольских «божьих» цен
Яро выступил Дулетов,
Наш амурский Демосфен.
И в защиту мукомолов
Он словес пустил поток,
И от пламенных глаголов
Загорелся потолок.

Острослову Дмитрию Васильевичу Дулетову (1871–1919), юристу, кандидату правоустройства, общественному и политическому деятелю Приамурья первых двух десятилетий XX века, темпераментно поддерживавшему купцов-мукомолов в их споре с С.П. Каффкой, Ф. Чудаков тремя годами ранее посвятил одну из частей эпитаграммы «Пыль в глаза» (Эхо. 1913. Прибавление к № 1318). Фигурирует он и в фельетонах «В новой думе» (Эхо. 1910. № 448), «Улица» (Эхо. 1914. № 1545), «Блины с гарниром» (Зоря. 1914. № 4). Впрочем, этот яркий персонаж амурской политической сцены предреволюционного десятилетия, как и упомянутый выше купец Буянов, тоже заслуживает отдельного разговора, поэтому сейчас ограничимся лишь фиксацией принадлежности данного гласного к категории тех, кто, по выражению Чудакова, был «арендован» амурскими толстосумами. Что, в представлении сатирика, равносильно категории лакеев, обслуживающих интересы нечистых на руку чиновников и вороватых купцов.

Однако в данной конкретной ситуации благовещенским мукомолам не помогли даже «пламенные глаголы» их красноречивого «адвоката» Дулетова:

Но — увь! Осилил Каффка!
Осрамился Демосфен!

И тотчас же вышла сбавка
С мукомольских «божьих» цен.
И пшеничное зерно
По нормальной ставке
В ясный вид приведено
Иждивеньем Каффи!

Правда, автор фельетона не питает иллюзий, что справедливость восторжествовала навсегда: финальные строчки «Слова о зерне» пропущены скепсисом:

Но... на этом кончим «слово»,
Ибо, верю я вполне,
Через две недели снова
Петь придётся о зерне.

Прогноз Чудакова оказался верным: даже в начале 1918-го, когда от прежней городской думы и в целом от «старого мира» остались, как говорится, лишь рожки да ножки, он вновь вынужден был обратиться к, казалось бы, изрядно заезженной теме: фельетон «Почему мука стоит девять рублей», напечатанный в 1-м номере журнала «Дятел, беспартийный», стал одним из его прощальных произведений сатирического характера.

Рассмотренные фельетоны свидетельствуют о том, что на протяжении всего предреволюционного десятилетия деятельность органов общественного самоуправления Благовещенска была в центре внимания самого яркого сатирика Приамурья. Произведения эти, как правило, являются откликом на конкретные решения думы, на ставшие достоянием гласности поступки или заявления гласных. Сатирик не боится по именам называть оскандалившихся «депутатов», в смешном виде выставляет пренебрегающих общественным мнением деятелей, в том числе широко известных в городе, не щадит самолюбия и самого «лорд-мэра». Но при этом не делает это самоцелью, не замыкается на частностях. Напротив, через конкретные случаи он стремится высветить, заострить общие, социально, государственно значимые проблемы. Сверхзадача сатирика — не «обличение», не «высмеивание» как самоцель, а «оздоровление» общества, «излечение» его от разного рода «недугов». По этой причине главным приёмом сатирической типизации в стихотворных фельетонах Ф. Чудакова всегда остаётся ирония.

«...Свобода дороже любви!»

Драматическая сказка «Очарованный Леший»

ЛЮБОВНАЯ ЛОДКА РАЗБИЛАСЬ О БЫТ?..

Немного предыстории

Драматическая сказка в трёх картинах «Очарованный Леший» была опубликована в феврале-марте 1912 года в четырёх номерах выходившей в Благовещенске общественно-политической и литературной газеты «Эхо»¹. Судя по тому, что печаталась она без перерывов, номер за номером, к моменту начала публикации весьма объёмный стихотворный текст был уже полностью готов. «Очарованный Леший» — одно из самых совершенных несатирических произведений Чудакова, над ним автор, судя по всему, трудился без обычной спешки (объясняющейся предельно жёстким графиком работы провинциального журналиста-газетчика), тщательно оттачивая, шлифуя его. Время, которое ушло на создание сказки, явно выходило за пределы того сверхкороткого отрезка, в течение которого она печаталась — с 16 по 19 февраля (с 29 февраля по 3 марта по новому стилю). Поверить, что такое произведение могло быть создано всего за четыре дня, невозможно.

Как известно, Чудаков обычно писал очень быстро и сразу же, буквально «с колёс», отдавал написанное в печать. Это касается и объёмных произведений, которые публиковались по мере готовности глав: приключенческих повестей «Диана Кедровская» и «Дочь шамана», «лирико-сатирического» романа «Тайны Зеи», серии очерков «В “столицу” Приамурья!», охотничье-рыболовных баек о сплаве по Зее «Двое в лодке», поэмы «Ахиня» и многого другого.

«Очарованный Леший» в этом смысле произведение уникальное: автор уделял ему больше внимания и придавал гораздо большее значение, чем «оперативным» жанрам — очеркам, фельетонам, статьям и т.п. Об особом отношении писателя к сказке свидетельствует и тот факт, что он выпустил её в том же 1912 г. отдельным изданием². С этого

¹ Язва (Чудаков Ф.). Очарованный Леший: драматическая сказка // Эхо. 1912. № 972. 16 (29) февраля. С. 2; № 973. 17 февраля (1 марта). С. 2; № 974. 18 февраля (2 марта). С. 2; № 975. 19 февраля (3 марта). С. 2.

² Язва (Чудаков Ф.). Очарованный Леший: драматическая сказка. Благовещенск, 1912. 24 с.

момента и вплоть до трагической гибели в 1918-м Чудаков не издал более ни одного своего произведения отдельной книжкой. Только незадолго до смерти поделился планами выпустить библиотечку лучших произведений амурских авторов, в том числе две собственные книги: повесть «Диана Кедровская» и сборник «Легенды и сказки». Во вторую, очевидно, вошёл бы и «Очарованный Леший».

К моменту публикации драматической сказки уроженец города Чембара Пензенской губернии Чудаков жил на Амуре (под гласным надзором полиции) чуть более трёх лет, успев в первой половине 1909 г. отсидеть шесть месяцев в политическом отделении Благовещенской тюрьмы — за побег из енисейской ссылки. После освобождения за сравнительно короткий срок он превратился в одного из ведущих сотрудников газеты «Эхо», стал секретарём её редакции, то есть одним из тех, кто определял редакционную политику, оказывал влияние на направление самой авторитетной на тот момент газеты Приамурья. Но главное, он заслужил признание в творческой среде и имел успех у амурских читателей.

Незадолго до публикации «Очарованного Лешего», 1 (14) января 1912 года, в «Эхе» было напечатано стихотворное послание «Друзьям» с подзаголовком «Новогодние пожелания» и за подписью (под псевдонимом) *Зейнаб*. Стихи Зейнаб, весьма посредственной амурской поэтессы, изредка появлялись в газете и раньше, печатались они и позже. «Друзья», к которым обращается автор «Новогодних пожеланий», — ведущие сотрудники «Эха», в том числе *Язва* (этим псевдонимом Чудаков подписывал не только фельетоны, но и некоторые лирические, прозаические и драматические произведения, в том числе и сказку «Очарованный Леший»). Ему Зейнаб адресует самые лестные строчки своего послания, свидетельствующие, что уже тогда к Ф. Чудакову-литератору в Благовещенске относились с безусловным уважением.

Вот фрагмент новогодних пожеланий Зейнаб, адресованный сатирику:

Перед тобою, *Язва*, я теряюсь,
Что пожелать тебе — невольно затрудняюсь:
Природа-мать тебя всем наделила
И даже Максом ³, верным другом, наградила.

³ *Макс* (Максим, Максимка) — любимая собака Ф.И. Чудакова, фигурировавшая в ряде его произведений. Застрелена хозяином в ночь самоубийства — с 12 на 13 марта (по новому стилю) 1918 года.

Ты — рыболов, прозаик и поэт,
И даже... даже сердцеед.
Недостаёт, чтоб ты играл allegro на тромбоне
И, будучи на Будунде ⁴, купался в изумрудной Роне ⁵...

Обращает на себя внимание, что Зейнаб, перечисляя то, чем обладает сатирик, не упоминает о его жене Варваре (не знает о её существовании?), но зато проявляет осведомлённость о собаке — Максе (Максимке), о любимом месте рыбалки — Будунде. Самое же поразительное, Зейнаб печатно именует его, человека семейного, женатого (в редакции «Эха» не могли не знать о том, что 10 мая 1910 года он обвенчался с Варварой Протопоповой), *сердцеедам*. Впрочем, и сам Чудаков, не раз упоминавший Макса в своих произведениях и даже делавший его главным героем ряда фельетонов и рассказов ⁶, ни о жене, ни о родившейся 20 сентября 1911 года, уже после публикации «Очарованного Лешего», дочери, похоже, не писал, имён их в своих произведениях не называл. Более того, время от времени печатал стихи, фельетоны, в которых, словно дразня жену, старался подтвердить репутацию «сердцееда» — человека, не только засматривавшегося на хорошеньких женщин, пользовавшегося у них успехом, но и не упускавшего счастливого случая. Вот только два из них, написанные в первой половине того же года. Первое, «У окна», имеющее подзаголовок «Роман сотрудника», создано в марте, вскоре после публикации «Очарованного Лешего»:

Тупые, скрипучие ножницы
Вонзал я в кадетскую «Речь» ⁷,

⁴ Будунда (с 1972 года — Ивановка) — небольшая (176 км) река в Амурской области, левый приток Зеи, впадает в неё в районе с. Усть-Ивановка, немного выше Благовещенска, на противоположном берегу.

⁵ Рона — одна из великих рек Франции.

⁶ См.: Гусяр (Чудаков Ф.). Левое засилье // Эхо. 1911. 6 (19) апреля. № 729. С. 3; Гусяр (Чудаков Ф.) Максимки дневник // Эхо. 1912. № 1007. 1 (14) апреля. С. 3; Босьяк. Максимка // Эхо. 1913. № 1301. 12 (25) апреля. С. 3.

⁷ «Речь» (1906–1917) — ежедневная газета либерального направления, центральный орган партии кадетов. В обязанности Чудакова — секретаря редакции «Эха», входило, в том числе, составление хроники российских и международных событий, материал для которой он черпал в центральных периодических изданиях. Публикации в «Речи» часто становились и поводом для фельетонных «шпилек» Чудакова, являвшегося непримиримым идейным противником «партии народной свободы». Не случайно автобиографический персонаж не просто делает вырезки из кадетской газеты, а с чувством «вонзает» в неё ножницы.

И шли две железнодорожницы
С густыми кудрями до плеч.
Смотрел. Притаился за шторами,
Глядел и вздыхал тяжело.
Под острыми, жадными взорами,
Как воск, растопилось стекло.
Увидели. Полные прелести
Улыбки цвели на устах...
Упала газета, и в шелесте
Мне слышалось тихое: «Ах!»
«Ах! Нужны ли сердцу “Известия”,
И Венгрия ль сердцу нужна?»
И был головой в Будапеште я,
А сердцем я был у окна.
Прошли. Оглянулись. Безбожницы!
Смеются! О, сотня чертей!
Глаза! Почему вы — не ножницы,
А пылкое сердце — не клей? ⁸

При всей своей дурашливо-игривой тональности, при всей демонстративной ироничности авторского дискурса стихотворный текст этот вряд ли воспринимался современниками Чудакова, особенно его близкими, как произведение об условном персонаже и такой же условной житейской ситуации. В «лирическом герое», бросающем на проходящих мимо здания редакции ⁹ кудрявых прелестниц такие «острые и жадные взоры», от которых едва не плавится оконное стекло, читатели, и уж тем более сотрудники «Эха», наверняка видели не какого-то абстрактного обывателя-женолюба, а самого автора. Да, собственно, он и не пытается маскировать своё сходство (или даже тождество) с персонажем, скорее наоборот: рассказ ведёт от первого лица; лирический герой, как и сам он — сотрудник газеты.

Судя по этому тексту, поведение персонажа (обладающего, как отмечалось выше, несомненным сходством с автором) определяется

⁸ Язва (Чудаков Ф.). У окна. Роман сотрудника // Эхо. 1912. № 1005. 30 марта (12 апреля). С. 3.

⁹ В 1912 г. редакция газеты «Эхо» находилась на улице Большой (ныне Ленина, 181) между Графской (Калинина) и Никольской (Комсомольской), напротив почты, в двухэтажном здании, владельцем которого была Татьяна Дмитриевна Нино, жена французского подданного, благовещенского купца Евгения Нино.

воздействием двух импульсов — эмоционального и рационального. А они не всегда совпадают, не всегда имеют одинаковый вектор, что чревато конфликтами *сердца* (чувств) и *головы* (рассудка). Воссоздаваемая в произведении сюжетная ситуация наглядно показывает: когда импульсы эти имеют разную направленность, верх берёт сердечное влечение, а отнюдь не трезвый рассудок: «Ах! Нужны ли сердцу “Известия”?..»; «...был головой в Будапеште я, / А сердцем я был у окна». Профессиональные обязанности, гражданский долг, партийная дисциплина — всё это не может соперничать с сильным чувственным порывом, теснится им.

Не менее личным и автобиографичным выглядит второе стихотворение — «Нельзя?», созданное в июне, во время продолжительной поездки (плаванья) Чудакова по Зее (эта творческая командировка нашла отражение во множестве его произведений разных жанров: лирических стихах, фельетонах, очерках, лирико-сатирическом романе «Тайны Зеи»). Хотя в самом стихотворении слово «нельзя» во всех четырёх случаях сопровождается восклицательным знаком, в заглавии автор заменяет его вопросительным: «Нельзя?» В таком виде слово воспринимается не как отказ, категоричный запрет, а как имеющее оттенок фривольности разрешение — по пословице: «Если нельзя, но очень хочется, то можно». Подзаголовок — «*Может быть, с натуры*» — не только закрепляет и даже усиливает этот легко угадываемый смысл, но и содержит прозрачный намёк, что автор рассказывает о подлинном случае, который к тому же произошёл не с кем-то другим, а с ним самим. Возникает ощущение, что и здесь Чудаков словно кого-то провоцирует — возможно, намеренно будит чувство ревности. Или, может быть, хочет причинить боль близкому человеку, дать понять ему, что характер их отношений его не устраивает, и это вынуждает автора совершать сомнительные поступки или, как минимум, не исключать их для себя «в теории». Итак, вот полный текст этого произведения:

Он стоял, навалившись на борт,
С ликом сладким, как яблочный торт.
На скамейке сидела она,
А на небе дремала луна.
Глаз с соседки не в силах отвести,
Он сказал: «Разрешите присесть?»
Но, очами по Зее скользя,
Она отвечала: «Нельзя!»

— Да, — сказал он, садясь, и вздохнул. —
Этот шум мелодичный и гул
Навевает святыя мечты.
Сердце жаждет любви... красоты...
Да... и хочется верить... страдать...
Ваше имя позвольте узнать? —
И ответила, ногти грызя:
«Имя? Нина... А впрочем — нельзя!»

— Да, — сказал он. — Густеет туман...
Вот на вахту прошёл капитан...
Нина, знаете, жизнь коротка,
Жизнь мгновенна, как запах цветка.
Только в юности можно мечтать...
Разрешите... вас... по... це... ловать? —
И лукаво, мизинцем грозя,
Она отвечала: «Нельзя!»

— Да, — сказал он, целуя её. —
Жизнь мгновенна. И то, что моё,
Завтра будет далёким, чужим,
Как туман, как растаявший дым...
Скоро полночь... Сгущается мрак.
Бррр!.. Какой неприятный сквозняк!
Не пойти ли в каюту? С реки
Дышат вредною влагой пески! —
И, поднявшись и рядом скользя,
Она улыбнулась: «Нельзя!»¹⁰

И хотя на этот раз романтическая история преподносится читателям не от первого, а от третьего лица, тем не менее, «он» — пассажир парохода, настойчиво добивающийся благосклонности своей попутчицы, убеждающий её, что «жизнь мгновенна, как запах цветка», а потому нужно довериться сердцу, которое «жаждет любви», разительно походит на Фёдора Чудакова — признанного «сердцееда» и талантливого лирика. Герой стихотворения ухаживает за случайной знакомой не как заурядный ловелас, банальный волокита, а как поэт, обаятельный, владеющий арсеналом впечатляющих поэ-

¹⁰ Язва (Чудаков Ф.). Нельзя? Может быть, с натуры // Эхо. 1912. № 1082. 5 (18) июля. С. 3.

тических образов и нетривиальных доводов, позволяющих ему затронуть чувствительные струны души юной особы, очаровать её, пробудить в ней желание откликнуться на порыв столь утончённо-го обольстителя.

Приведённые стихи, содержащиеся связанные с «Очарованным Лешим» (подробный разговор о котором впереди), дают основание взглянуть на драматическую сказку как на произведение, имеющее по преимуществу «личный», «интимный» характер.

Если абстрагироваться от исторического контекста эпохи, от бурных социально-политических процессов, в которые был вовлечён писатель, если не принимать во внимание острую идейную борьбу, активным участником которой был Чудаков (оснований для этого достаточно — ничего из того, что перечислено выше, не показано ни в упомянутых стихах, ни в сказке), и рассматривать «Очарованного Лешего» и содержательно связанные с ним стихи в биографическом аспекте, то в этом случае неизбежен вывод: они, эти произведения, психологически точно отразили подлинную семейно-бытовую ситуацию, в которой автор оказался в начале 1910-х годов.

В этой связи нелишним будет напомнить, что в 1908-м, проживая в небольшой заимке где-то под Красноярском, он увлёкся Варварой Протопоповой — гражданской женой Дмитрия Чернышёва. Вместе с ними спланировал и совершил побег из енисейской ссылки в Благовещенск, а после самоубийства товарища осенью того же года связал свою судьбу с этой женщиной. Судя по всему, «очарование»

кЪ №797 гЯ

С в ѣ т л я н ъ.

(Ея.)

Вы помните: угрюмый полумрак...
Высокий берег... дремлющая воды...
Уснувшие на рейдъ пароходы...
И тишина... и сонно рдѣль маякъ...

Молчали мы. А вдалекѣ рыбакъ,
Задумчивый и вѣрный жрецъ при-
роды,
О чемъ-то пль... И вдругъ, средь
непогоды,
У вашихъ ногъ, какъ лучъ, блеснулъ
свѣтлякъ.

Красивый символъ: занавѣсь мол-
чанья
Таилъ отъ насъ отраву свѣтлыхъ
грезъ,
И вотъ — родилось яркое сіянье,
Родился свѣтъ и тайну намъ при-
несъ.

Вы помните: надъ нами ночь вистѣла,
И тишина беззвучно что-то пѣла.
Федоръ Ч.

ИѢСТІЯ ХРОНИКА

— Поѣздка премьеръ министра на Дальній Востокъ, по словамъ газетъ, временно отложена.

— Приамурское Горное Управление. Приамурскимъ генералъ-губернато-

Газета «Эхо» (1911.

Прибавление к № 797).

Стихотворение Фёдора Ч.

(Чудакова) «Светлякъ»

Барварой не было продолжительным: похоже, Чудаков весьма скоро осознал, что не испытывает к жене сильного чувства. Или, возможно, тусклая повседневность, будничная семейная жизнь, бытовая неустроенность, материальные трудности погасили или существенно снизили прежний накал чувств, изменив характер отношений. В результате Чудаков оказался лишён важнейшего для него жизненного и творческого стимула — страстной, пьянящей, романтически-возвышенной любви. А это, разумеется, не могло не сказаться на его самочувствии — психологическом и творческом, на тематике и тональности произведений.

Поразительно, но факт: за исключением сборника «Пережитое», созданного в 1908–1909 гг.¹¹, у Чудакова нет ни одного лирического произведения, в котором он прямо или опосредованно говорит о любви к своей жене, где бы отразились их чувства и взаимоотношения. Зато у него немало стихов о любви, обращённых к другим женщинам: «Светляк»¹² — с загадочным посвящением: «Ей», «Из всех имён на свете...»¹³ — выражение романтических чувств, направленных на обладательницу имени Кэти, «Нечто типографское»¹⁴ — с посвящением «...той, которая набира́ла», «Серенада»¹⁵ и т.д.

Именно в 1911–1912 гг. — в период наметившегося семейного охлаждения или даже, возможно, разлада — у Чудакова начинают появляться произведения, в которых отразились острые переживания лирического героя, жаждущего «знойной страсти», мечтающего о сильном взаимном чувстве, но в то же время отдающего себе отчёт, что счастье утеряно, осталось в прошлом. Самое показательное в этом смысле произведение — записанное в строчку стихотворение «Лирический баритон», напечатанное в декабре 1911 года — то есть незадолго до публикации всё того же «Очарованного Лешего»:

Часто, полночью глубокой, утомлённый, одинокий, о далёкой, черноокой, о тебе, чей взор наивный и призывный чаровал меня, лаская, обжигая, — я скорблю...

¹¹ *Босяк (Чудаков Ф.)*. Пережитое: стихи. Благовещенск: Типография Г.И. Клитчоглу, 1909. 29 с.

¹² *Фёдор Ч. (Чудаков Ф.)* Светляк // Эхо. 1911. Прибавление к № 797. 3 июля. С. 1.

¹³ *Фёдор Ч. (Чудаков Ф.)*. Из всех имён на свете... // Эхо. 1911. № 830. 13 августа. С. 2.

¹⁴ *Язва (Чудаков Ф.)*. Нечто типографское // Эхо. 1912. Прибавление к № 1024. 22 апреля (5 мая). С. 2.

¹⁵ *Гусляр (Чудаков Ф.)*. Серенада // Эхо. 1911. № 871. 8 (21) октября. С. 3.

Где ты? Спеты те дуэты, что, ночной фатой одеты, мы певали в тёмной дали над обрывом молчаливым... Песни спеты... И ко мне ты не прильнёшь с весёлым смехом... Горным эхом не промчится вереница светлых слов: «Люблю! Люблю!!»

Я один... Сомненье мучит... Парка ¹⁶ нитку жизни сучит... Кот мяучит... Зенки пучит со стены портрет старинный... Ночью длинной я измаян и, как Каин, как беспаспортный скиталец, ко лбу палец поднимаю, опускаю, долю горькую ругаю, всё кляню, взбешён и пылок, и затылок свой скоблю.

По тебе я, фея, млея, и не смея посильнее закричать от знойной страсти, лишь отчасти на полпасти рот просторный, красно-чёрный открываю и взываю: «О, богиня, вспомни ныне, как когда-то над обрывом молчаливым пели, мир весь позабыв, мы... Погляди на эти рифмы и... скажи: “Иди к чертям!”» ¹⁷

«Лирический баритон» — страстная ночная мольба, мысленно обращённая к той, объятия и ласки которой когда-то заставляли героя забыть обо всём на свете. В этом лирическом молении выплёскиваются и ностальгические воспоминания о былом счастье, и горькие разочарования сегодняшнего дня, и робкие надежды на то, что всё ещё можно вернуть, и самоирония, и трезвое осознание того, что в одну реку дважды войти не удастся.

Двумя днями раньше в газете «Эхо» было напечатано ещё одно родственное по настроению и смыслу произведение — «Знахарь». Оно состоит из двух частей: первая — ироническая, с юмором повествующая о незадачливом и наивном деревенском знахаре Козодое, который, откликаясь на просьбу лукавого и любвеобильного соседа, с помощью колдовства, сам того не понимая, привораживает к нему свою собственную молодую жену. Этот сюжет понадобился автору как повод для того, чтобы во второй части, оттолкнувшись от него, перевести разговор в другую тональность — серьёзную — и в иную плоскость — о самом себе:

Так и я: однажды Счастье
Забрело ко мне: «Стук-стук!»

¹⁶ Парка — судьба (в образах античной мифологии); от собственного имени римской богини судьбы Рагса или общего названия рагсае — трёх богинь судьбы, которые начинали прядь, пряли и перерезали «нить жизни»; то же, что греч. *мойры* и *Мойра*.

¹⁷ Язва (Чудаков Ф.). Лирический баритон // Эхо. 1911. № 922. 10 (23) декабря. С. 3.

Вот пришло к тебе припасть я,
Отворяй, любезный друг!!»
Я раскрыл свои объятия
И... остался глух и нем:
«Счастье, — начал рассуждать я. —
Как? Откуда? И зачем?
Счастья тщетно добивались
Все — и мне такая честь?
Нужно тщательный анализ
Неотложно произвести!!»
И пока я аксиому
Разрешил (не без труда),
Счастье стукнулось к другому
И исчезло... навсегда!..¹⁸

В этом тексте ощутима явственная перекличка с ироническим стихотворением «У окна», лирический герой которого не в силах примирить собственные чувства (сердце) с рассудком (головой). А здесь лирический субъект осознаёт, что упустил своё счастье, отказавшись довериться чувству, не захотев пойти ему навстречу, подчинив свою жизнь доводам разума.

Можно добавить, что в данный период творчества Ф. Чудаков часто обращается к своему прошлому: в частности, пишет автобиографическую прозу, в которой с ностальгией вспоминает прежние свои увлечения — подростковые, юношеские влюблённости. Таковы, например, автобиографические рассказы конца 1911 года «Мой роман»¹⁹ и «Плен»²⁰.

Изложенные выше обстоятельства позволяют выдвинуть предположение, что драматическая сказка Фёдора Чудакова «Очарованный Леший» — своеобразная поэтическая рефлексия, аллегорически отражающая перемены в его собственной семейной жизни.

Справедливо ли такое прочтение сказки, правомерно ли именно к этому сводить её смысл? Найти ответ на данный вопрос невозможно без обращения к самому произведению.

¹⁸ Язва (Чудаков Ф.). Знахарь // Эхо. 1911. № 920. 8 (21) декабря. С. 3.

¹⁹ Босяк (Чудаков Ф.). Мой роман // Эхо. 1911. № 878. 16 (29) октября. С. 2.

²⁰ Босяк (Чудаков Ф.). Плен. Улыбка прошлого // Эхо. 1911. № 934. 24 декабря (6 января). С. 5.

О, ЛЮБОВЬ!.. ТЫ ДОРОЖЕ ВЕСНЫ И СВОБОДЫ?..*Магия очарования и её преодоление*

С точки зрения собственно художественной, «Очарованный Леший» интересен, прежде всего, разработкой фольклорных мотивов. Некоторые из персонажей словно перекочевали в произведение Чудакова из русских народных сказок: думающие лишь о том, как набить брюхо, вечно голодные волки, плутовка и насмешница лиса, добродушный увалень и тугодум медведь. Мало того, автор использует известный фольклорный сюжет — о глупом волке, который по совету коварной лисы ловит рыбу в проруби на собственный хвост. В произведении Чудакова, правда, эту историю рассказывает сам пострадавший — волк по прозвищу *Идиот*:

Идиот. Да, вишь, ты, вышло всё случайно.

Бегу я, значит, глядь — кума

Лисичка кушает налима.

Я сдуру пробежал бы мимо,

Да уж она меня сама:

«Эй, Идиот! — кричит, — послушай!

Вот пёрышко налимье скушай!»

Я говорю: «А где взяла?»

Она: «На уду добыла».

«А как?»

А кумушка с улыбкой:

«Да, — говорит, — тут способ прост:

Ты опусти, мол, в прорубь хвост,

Ишь, у тебя какой он гибкий,

И жди, когда начнёт клевать.

А клонет — надо не зевать:

Тащи скорей, а то сорвётся.

Ну, вот и всё!» — сама смеётся.

Ну, я сейчас на прорубь шасть,

Хвост в воду и, сомкнувши пасть,

Сiju и ужу. Клёва нету.

Ну, просидел я до рассвету,

Гляжу — пора б и удирать.

Рванул хвостом — не тут-то было:

Такая рыба привалила,

Что, право слово, не поднять.

Уж я и так и сяк старался...

Ан, глядь, народ кругом собрался,

Поднялся хохот, шум, галдёж.
Мне стало прямо невтерпёж,
Рванусь, а рыба не пускает!
Карнаухий. Должно, сазан?
Идиот. Да чёрт их знает:
Сазан, налим, а может, сом...
Ну, я орудую хвостом,
А стервы-бабы обступили
Да так взлупили, так взлупили,
Что не забудешь во сто лет!
Живого места в теле нет.
Вишь, лоскуты-то как повисли!
Вишь, тут дыра, вот видно кость!
В проклятом бабьем коромысле
Торчал полуаршинный гвоздь,
Ну, изодрал, конечно, в клочья.
Не думал ног уж уволочь я,
Но всё же задал лататá,
Оставив рыбе полхвоста ²¹.

Но на этом фольклорная стилизация обрывается: волк Идиот, прежде отличавшийся от своих алчных и циничных товарищей по стае лишь предельной наивностью и такой же непомерной глупостью, неожиданно поворачивается к читателям (или зрителям) совершенно неожиданной и абсолютно не фольклорной стороной. Оказывается, он воспринимает мир не как голодный хищник — то есть пустым брюхом, а как романтик, для которого самое важное — красота, в данном случае женская. Увидевший Русалку волк превращается в «очарованного волка», то есть, по сути, в полную противоположность своих товарищей.

Вот этот диалог — между, с одной стороны, двумя первыми волками — *Дедом* и *Карнаухим* (далее для краткости, как и у Чудакова — *Карн.*), сугубыми материалистами, отъявленными циниками и прагматиками, и, с другой, волком Идиотом, *идеалистом, романтиком, поэтом*:

Дед. Ха-ха-ха-ха! Вот это штука!
Почти весь хвост отгрызла шука.
Карн. Ой, детко бедное моё!
Идиот. А всё же я видал её!
Дед. Кого, дурак? Дубину?
Карн. Палку?

²¹ Эхо. 1912. № 972. 16 (29) февраля. С. 2.

Идиот. Да нет, её!
Карн. Кого?
Идиот. Русалку!
Её тело блестит, как снега на заре,
Когда ночь за моря улетела,
Как лесные снега на заре, в январе,
Так блестит её белое тело!
Дед. Всё это очень колоритно!
Карн. Прибавь: и очень аппетитно!
Идиот. Погляди в небеса: там миллионы огней!
Это — звёзды, светильники ночи.
Ярче звёздных огней, и ясней, и светлей
Её очи, прекрасные очи!
Дед. Избито, плоско и старо!
Карн. Совсем не радует нутро!
Идиот. Её косы — на свете пышнее их нет!
Тяжело ей от чёрной их ноши!
Карн. (попадая в тон).
Её губы милы, словно заячий след,
Словно заячий след по пороше!
Идиот. Вся она — красота, красота без конца,
Лучший перл поднебесного мира!
Карн. Ну, короче, она — как живая овца,
Накопившая за зиму жира!
Дед. Чем чепуху в высоком стиле
Гнусавым голосом тянуть,
Вы лучше б Деда угостили
Дичинкою какой-нибудь!
Идиот. У вас о жратве лишь и мысли!
Карн. Постой, а там, на коромысле,
Ты много мяса потерял?
Идиот. Пойди, проведай!
Карн. Ах, нахал!
Да я тебе, пустой скотине...²²

И в этот самый момент, когда серые хищники уже готовы отобедать своим глупым товарищем, появляется главный персонаж драматической сказки — *Леший*, «юный царь тайги». В нём нет ни малейшего сходства с фольклорными «однофамильцами» — ни по возрасту, ни по внешности, ни по поступкам, ни по натуре. Скорее, он напоминает

²² Эхо. 1912. № 973. 17 февраля (1 марта). С. 2.

юного Фёдора Чудакова, чем фольклорного лешего. С одной стороны, Леший наделён тонкой и возвышенной натурой, умением замечать и ценить красоту природы. С другой, он силен, дерзок, отважен и более всего на свете ценит волю. Первая *песня* Лешего — гимн первозданной природной красоте и воле:

Вот светлеет купол синий,
За горой встаёт заря.
На ветвях колючий иней
Ткёт узор из янтаря.
Тишину в моих владеньях
Скоро сменит жизни бег.
Заблестит на старых пенях
Молодой пушистый снег.
О, заря! В лесах моих ты
Сумрак ночи размечи
И одень седые пихты
В ткани радужной парчи.
Будут сосны в тихой дрёме
Очарованно стоять,
Тосковать о вешнем гrome
И о бурях тосковать.
С чувством слабости несродный,
Я иду среди снегов,
Вечно юный и свободный,
Гордый царь седых лесов! ²³

Подобные качества (вольнолюбие, дерзость, сила воли, умение ценить красоту дикой таёжной природы) были присущи и 24-летнему создателю «Очарованного Лешего». А ещё больше — Чудакову 20-летнему, образца 1908 года, то есть периода его енисейской ссылки. Этому этапу биографии он, в частности, посвятил приключенческую повесть «Диана Кедровская» (1917) ²⁴, а также пьесу «Изгнанники» (1918) ²⁵, в которой вывел себя под именем вольнолюбивого Бродяги.

В-третьих, и в этом его принципиальная новизна (в сравнении с автобиографическими персонажами «Дианы Кедровской» и «Изгнанни-

²³ Эхо. 1912. № 973. 17 февраля (1 марта). С. 2.

²⁴ Резниченко Кузьма (Чудаков Ф.). Диана Кедровская: приключенческая повесть // Амурское эхо. 1917. №№ 556–564, 566, 568–569, 571–572, 575, 577.

²⁵ Чудаков Ф. Изгнанники (Картины из жизни в ссылке). Благовещенск: Издание Дмитрия Чудакова, 1918. 83 с.

ков»)), герой «Очарованного Лешего» способен на чувственные порывы огромной силы, на рискованные поступки, диктуемые не холодным разумом, а бурными эмоциональными всплесками. И главная, до поры дремлющая в нём эмоция — жажда любви. Ради любви он готов забыть то, что прежде казалось главной ценностью — волю, свободу.

Уже здесь, в первой картине обнаруживает себя центральный конфликт произведения — между *покоем* и *волей*, между чувством и долгом, между ценностями частной жизни и общественными идеалами. Конфликт этот разворачивается не во внешнем по отношению к главному герою пространстве, а во внутреннем — в его собственной душе. Именно внутренний мир «очарованного» Лешего становится ареной борьбы двух этих начал, именно герою в своём собственном сознании предстоит сделать решающий выбор, способный предопределить всю его дальнейшую судьбу. Перед таким выбором в начале 1910-х годов, судя по всему, оказался и автор произведения. Именно по этой причине Чудаков свой собственный жизненный опыт экстраполировал на сюжетную ситуацию драматической сказки, а личными переживаниями наделил главного персонажа.

Услышав восторженный рассказ Идиота о прекрасной Русалке, Леший начинает воспринимать прежнюю свою жизнь лишь как ожидание предначертанной встречи с нею, как то, что не имело никакого иного самостоятельного смысла. В прошлом теперь он видит лишь знаки судьбы, предвещавшие эту встречу:

Это о ней на таёжной опушке
Ранней весной куковали кукушки!
Это о ней на цветочной пыли
Песни писали шмели!
Помню — лишь только весенние зори
Вспыхнут в привольном таёжном просторе, —
Песня одна лишь повсюду слышна:
«Это она! Это она!»
Травы, деревья, и звери, и птицы —
Все трепетали тоской о царице!
Это она приходила ко мне
В неясном весеннем моём полусне!... ²⁶

Долго дремавшая в нём потребность в любви пробуждается и полностью овладевает им. Без остатка отдаться вспыхнувшему чувству,

²⁶ Эхо. 1912. № 973. 17 февраля (1 марта). С. 2.

быть с Русалкой — единственное желание, которое буквально испепеляет его. И в мире нет препятствия, которое могло бы остановить героя в этом его страстном порыве.

Предчувствие встречи с «царицей» жило в нём всегда, и когда она из грёзы, мечты, зыбкого сновидения превращается в реальность, герой буквально теряет голову, с этого момента его ведёт лишь чувство. Первая картина (из трёх) завершается тем, что Леший в сопровождении волка-романтика Идиота и пытающегося уберечь царя лесов от грозящих ему опасностей Медведя устремляется к озеру — царству Русалки.

Вторая картина — встреча главного героя с красавицей-феей, для которой вся её прежняя жизнь, как оказалось, тоже была лишь прелюдией к главному:

Голос Русалки (с чувством).
Ты? Желанный, долгожданный!
Ты, о ком шептал ручей!
Там вверху не блеск туманный —
Это свет твоих очей!
Тот, о ком шептали грёзы
Мне так сладко ввечеру,
А жемчужные стрекозы
Лепетали поутру!
Для кого цветут кувшинки,
Ряска цепкая цветёт,
И о ком весной тростинки
Тихо шепчут: «Он придёт!»
Ты пришёл зимой унылой,
Сквозь метели и мороз!
Ты пришёл ко мне, о, милый,
И весну с собой принёс! ²⁷

Красота и нежно-призывные речи Русалки многократно усиливают решимость Лешего опуститься на дно озера, совершить нисхождение — покинуть верхнее, таёжное царство, предпочтя воле личное счастье в дремотной тишине подводного мира. Но это решение, как выясняется из монолога царя лесов, продиктовано не только чарами любви, не только захватившей героя чувственной страстью, но и

²⁷ Эхо. 1912. № 974. 18 февраля (2 марта). С. 2.

несколько странным для его юного возраста желанием отдохнуть от жизненных тревог и одиночества, обрести желанный покой:

Леший. Как тут тихо! В полумраке
Сладко дремлют слизняки,
Как таинственные знаки
Чудодейственной руки.
Лентой пёстрой и узорной
Прихотливо, как змея,
Бороздит песок озёрный
Русло горного ручья.
Он рождён, где правят войны
Сосны с бурей грудь о грудь,
И пришёл сюда — спокойно
И беззвучно отдохнуть.
Серебристой паутиной
Дно спокойное заткав,
Подымаются над тиной
Стебли выгнутые трав.
Полусвет висит неясный
Над заснувшею водой,
И царит везде бесстрастный
Очарованный покой...
Я устал от забот, от бесплодных тревог,
Я устал. Я всегда одинок!
И устал я от власти безбурной моей,
От покорных, послушных зверей.
Как здесь тихо! На ласковом тинистом дне
Отдохнуть захотелось и мне.
Облегчить, освежить утомлённую грудь...
Отдохнуть! Хоть часок отдохнуть!..²⁸

Тщетными оказываются попытки Медведя остановить своего властелина, предупредить его, что покой равносильен смерти, что юный царь лесов совершает роковую ошибку, за которую придётся заплатить непомерно дорого — собственной свободой:

Медведь. Берегись, о, повелитель!
В том покое — смерть твоя!
Пусть бежит таёжный житель

²⁸ Эхо. 1912. № 974. 18 февраля (2 марта). С. 2.

От него, как от ружья!
Он заманчив и приятен,
Он отрадно нежит взор,
Но опаснее рогатин,
Беспошадней, чем топор!
Поглотит тебя пучина
И задушит вонь и смрад!
Засосёт гнилая тина
И не выпустит назад!..²⁹

Становится понятно, что тинистое озеро, в которое собирается погрузиться прежде вольнолюбивый царь лесов — метафора мещанского покоя, благополучия, сытости, метафора личного счастья.

Несмотря на предостережения, Леший поддается собственным чувственным порывам и чарам Русалки, влекущей его в свои чертоги, обещающей поцелуи, ласки, негу, пиры, уединение и желанный покой. Если первая *песня* Лешего была гимном свободной жизни, то вторая — более объёмная и экзальтированная — «песнь песней», гимн райской любви.

Русалка тоже жаждет любви, но, в отличие от царя лесов, у неё нет дилеммы: ей не нужна воля, она нуждается только в том, чтобы быть наедине с любимым:

Голос. Скорей, скорей в мои объятия!
Погрузись в эти волны лучистые,
Серебристые!
Ласки чистые
Здесь нас ждут, о, возлюбленный мой!
Утомлю тебя, милый, объятьями!
Согревать ими,
Охранять ими
Буду сон очарованный твой!..³⁰

«Очарованного» Лешего не останавливают ни предупреждения его верного спутника Медведя, ни собственные опасения, что слова подводной феи — обман, что озеро — коварная ловушка, в которой ему суждено бесславно и бесследно сгинуть. Все страхи и сомнения герой отгоняет от себя, полностью доверившись Русалке:

²⁹ Эхо. 1912. № 974. 18 февраля (2 марта). С. 2.

³⁰ Там же.

Леший. О, я верю тебе! Да и если бы нет,
Если б даже не верил тебе я,
Что мне жизнь, и леса, и свобода, и свет
Без тебя, о, красавица-фея?!
Пусть солгал, обманул твой коварный язык,
Обольстил меня ложью пустою,
Хоть на миг, на бесследный, коротенький миг
Единенья я жажду с тобою!
Так скорей же, скорее, не медли, прильни
Ты ко мне с пламенеющей лаской!
Поцелуй же меня! Очаруй, обмани
Мимолётной, прекрасною сказкой!..³¹

Вторая картина завершается горькой репликой Медведя: «Тихо сомкнулися воды... / Замерли тихо круги... / Умер навек для свободы / Гордый владыка тайги!..»

Но Медведь ошибся: выбор героем в качестве главной жизненной цели личного счастья не стал окончательным.

Третья картина перемещает нас на дно озера, где среди других обитателей подводного царства какое-то время провёл «очарованный» Леший. Русалка не обманула: он получил всё, к чему стремился, о чём мечтал, всё, что обещала фея. Однако этого ему оказалось мало, желанного счастья и покоя герою обрести не удалось: очень скоро его охватывает неизъяснимая тоска, которая разрывает душу — тоска по вольной жизни, по свободе, по дикой и просторной тайге. Возможно, это произошло и потому, что здесь, в подводном царстве, не оказалось той идиллии, которая представлялась Лешему наверху, когда он рассматривал владения Русалки сквозь сковавший озеро ледяной панцирь. Здесь властвуют те же самые безжалостные законы, что и в верхнем, таёжном царстве: крупные обитатели (Сом, Карась) пожирают мелких, слабых. Только делают они это, в отличие от волков, вяло, полусонно, без особого напряжения и выдумки.

Но главная причина разочарования героя — пришедшее осознание, что он не может быть счастливым, довольствуясь чем-то одним — в данном случае любовью.

Как мы помним, в реальной жизни биографический автор «Очарованного Лешего» в момент создания произведения страдал оттого, что не испил любовь полной чашей, что оказался обделён ответным

³¹ Эхо. 1912. № 974. 18 февраля (2 марта). С. 2.

чувством, что некогда взаимная страсть оказалась скоротечной и осталась лишь в воспоминаниях.

В этом смысле драматическая сказка — своеобразный художественный эксперимент, попытка Ф. Чудакова реализовать свои несбывшиеся ожидания с помощью творческого воображения, через сказочный, аллегорический сюжет. Своего героя он награждает тем, чего лишён был сам — идеальной в его представлении возлюбленной, которая видит смысл своего существования лишь в том, чтобы быть с ним, щедро дарить ему свою нежность. «Эстетическая реконструкция» собственной жизни в «сказочном» сюжете позволила автору пройти вместе со своим героем путь к обретению, казалось бы, абсолютного счастья, чтобы понять: может ли в принципе подобный жизненный сюжет принести ему то, чего так жаждет душа — гармонии. Оказалось, что нет. Развёртывание сказочного сюжета показало: идеал Фёдора Чудакова не может быть достигнут в результате отказа от одной из двух важнейших сторон человеческого бытия.

Когда выясняется, что прорубь, через которую Леший попал в чертоги Русалки, накануне — во время праздника Крещения — освятил священник, и теперь для нечистой силы она становится непреодолимым препятствием, герой испытывает настоящее потрясение: он осознаёт, что не готов отказаться от воли. И любовь уже не кажется ему той высшей ценностью, ради которой можно жертвовать свободой:

Русалка. Не терзай печальным словом

Сердце робкое моё...

Встань, о, друг, и пиром новым

Счастье справим мы своё! —

Бросим старые тревоги!

Новых скорбей не зови.

И пойдём в мои чертоги

Для веселья и любви.

Леший. А, любовь! Что такое любовь?

Роковое, болезненное бессилье!

Скорбный час, когда жгучая кровь

Обжигает у гордости крылья...

Полюбить — это значит дать сердцу истлеть —

Потерять невозвратные годы...

Полюбить — стать рабом... Полюбить — умереть

Для свободы, для милой свободы!

Вместо воли, так страшно потерянной,

Что любовь твоя даст мне взамен?

О, я знаю: чредою размеренной
День за днём нескончаемый плен
Потечёт... Будут ласки, объятия,
Будет сон и объятия вновь...
О, проклятье, проклятье, проклятье
Всем, кто в сердце пригреет любовь!!
Как змея, как гадюка ехидная,
В сердце жадное жало вонзит
И вольётся бессилье постыдное
И как яд — сразит...³²

В финале драматической сказки главный конфликт — между покоем и волей, между потребностью обрести личное счастье и жадной свободой — не получает своего окончательного разрешения: герой остаётся в нижнем царстве, но тоскует о верхнем, куда путь откроет лишь нескорая весна:

Леший. Все они говорят об одном, об одном:
Ещё воды окованы льдом!..
Всё вокруг спит ещё глубоко,
И весна далеко-далеко...
Не придёт... Не придёт — хоть зови не зови...
О, свобода дороже любви!
Стонет сердце моё...
Стражду я глубоко...
А весна — далеко, далеко!..³³

Противоречие, раздиравшее героя, не разрешилось. Желанное равновесие не обретено: маятник лишь качнулся из одного крайнего положения в другое.

Думается, подобное противоречие, разрывающее сердце героя произведения, было актуально и для автора «Очарованного Лешего». В этом неумении соединить в своей жизни кажущиеся ему несовместимыми желания и состояла причина драматического умонастроения Фёдора Чудакова. А это, в конце концов, не могло не повлиять на тот трагический выбор, который он избрал для себя и своей семьи в марте 1918 года.

³² Эхо. 1912. № 975. 19 февраля (3 марта). С. 2.

³³ Там же.

«...зачём я жил? Зачем гнил по тюрьмам, голодал в ссылке?..»

Пьеса «Изгнанники (Картины из жизни в ссылке)»
в контексте жизненной и творческой судьбы Ф. Чудакова

Если не принимать в расчёт стихотворную драматическую сказку в трёх картинах «Очарованный Леший» (1912), драма «Изгнанники» — единственная многоактная пьеса Фёдора Чудакова, однако это не означает, что его интерес к драматургии имел случайный или непостоянный характер. На протяжении всего своего непродолжительного (десятилетнего) творческого пути писатель проявлял интерес к театру, к театральной жизни, к драматическим произведениям своих современников и предшественников, к художественным возможностям драматических жанровых форм. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные газетные рецензии Чудакова на спектакли, сатирические стихи и фельетоны на театральные темы: «Что думает антрепренёр, когда ему не спится» (1909), «На тему дня» (1909), «Весёлый народец!» (1909), «Слово о полку антрепренёров» (1911), «В балете» (1916) и т.д. У Чудакова имелся богатый опыт использования малых драматических форм сатирико-юмористической направленности: «Спящий красавец. Оперетка в одном действии» (1909), «Осмеяна-царевна. Лиро-эпическая драма с фантастическими превращениями» (1909), «Читатель и писатель. Маленькая трагедия» (1916) и др. Особая разновидность подобных произведений — пародии (сатирические ремейки) на пьесы известного русского драматурга начала XX века Евгения Николаевича Чирикова: «Колдунья. Фантастическая пьеса в шести картинах, из коих четыре только подразумеваются» (1909), «Царь природы. Трагикомедия современности» (1909). Кстати, под одним из своих многочисленных псевдонимов Чудаков опубликовал статью об этом драматурге¹.

Пьеса «Изгнанники» имеет автобиографический характер. Её действие разворачивается в той самой местности, в которой в 1907–1908 годах Ф. Чудаков отбывал енисейскую ссылку. Среди населённых пунктов, упоминаемых в драме, есть и деревня Червянка — подлинное место ссылки сатирика (ныне Чунский район Иркутской области, а в начале XX века она входила в состав Енисейской губернии). Там,

¹ К. Рез. (Чудаков Ф.). Е.Н. Чириков // Эхо. 1911. 17 февраля. С. 2.

в Червянке, в червянской «коммуне», живёт Бродяга — персонаж, в котором без труда угадывается автор. Если судить по иным вызывающим доверие источникам, в пьесе достаточно точно отражены подлинные факты биографии Чудакова-ссылного, подлинные реалии его сибирского быта и бытия.

О трудностях, которые довелось ему испытать в Сибири, даёт представление, помимо драмы «Изгнанники», приключенческая повесть «Диана Кедровская», печатавшаяся в 1917-м на страницах газеты «Амурское эхо». Главный герой этого произведения политический ссылный Кузьма Иванович размышляет о своей незавидной участи: «<...> снова предо мной голодная зима, скитанья по селу в поисках работы, возня с детишками, которых отцы желали выучить грамоте, но забывали за это платить. Опять унижения, выклянчивания, опять попреки долгами...»². В биографии, составленной после смерти Чудакова журналистом Михаилом Хрисанфовичем Катаевым, енисейская ссылка — исключительно отрицательная школа жизни: «Местом ссылки на долю Ф.И. выпала Енисейская тундра³. Здесь он с пятью или шестью товарищами по ссылке поселился в деревушке Червянка. Полтора года он прожил тут в чрезвычайно тяжких условиях, терпя голод и холод. Тамошние крестьяне, для которых ссылные рубили, пилили, кололи и вывозили из леса дрова, платили всего по 10 копеек в день за каторжный труд. Более слабые умирали. Ф.И. тоже едва не умер от тифа...»⁴.

Всё это так, однако Сибирь для Чудакова стала не только местом физических лишений и моральных страданий: она была суровой, но много давшей ему жизненной школой, закалившей его характер, проверившей на прочность его мировоззрение. Об этом, в частности, свидетельствуют слова автобиографического персонажа повести «Диана Кедровская»: «Я прошёл суровую школу испытаний. Я закалил свою волю, как стальную пластинку; её можно было сломать, но её нельзя было согнуть без того, чтобы она не выпрямилась снова»⁵. В этом отношении от енисейского ссылного Кузьмы Ивановича мало чем отличается автобиографический персонаж пьесы «Изгнанники» Бро-

² Кузьма Резниченко (Чудаков Ф.). Беда (гл. III из повести «Диана Кедровская») // Амурское эхо. 1917. № 558. С. 2.

³ На самом деле, биографу следовало вести речь не о тундре, а о глухой сибирской тайге.

⁴ М. К-в (Катаев М.Х.). Фёдор Иванович Чудаков: биографические штрихи // Дятел, беспартийный. 1918. № 7. 14 (27) марта. С. 18.

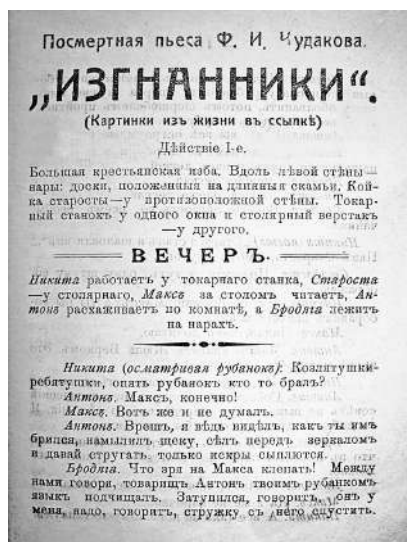
⁵ Кузьма Резниченко (Чудаков Ф.). Лицом к лицу (гл. XII из повести «Диана Кедровская») // Амурское эхо. 1917. № 569. С. 2.

дыга. Не в пример большинству товарищей по ссылке, Бродяга никогда не унывает и не жалуется, демонстрируя бодрость духа и уверенность в собственных силах. «Ссылка? Велика важность! — заявляет он. — ...Не хвастаясь, скажу, что о самоубийстве не помышляю. Да и что такое жизнь? Жизнь — это я! А я сам себе хозяин. Значит, плюю я на какую-то там отвлечённую, выдуманную, злобную старушонку, именуемую в философии жизнью. Я — как гоголевский Каленик — сам себе голова!»⁶.

Ссылка дала Чудакову бесценный запас жизненных впечатлений, питавших его творчество. Ссылка, возможно, и сделала его писателем, предопределила дальнейший путь. Именно в ссылке он стал посвящать буквально каждую свободную минуту сочинительству. Именно в этот период литературное творчество стало осознаться им как призвание. Один из персонажей «Изгнанников» Антон читает вслух присланное из Червянки письмо Бродяги, из которого товарищи по ссылке узнают о новом его увлечении: «...Я ведь литератором стал, леший меня задави! Братцы вы мои милые, простите ли вы меня? Смертный грех принял я на душу: послал в “Радугу” стишонки и — увы! — их напечатали! Думали ли вы, читая вдохновенные вирши некоего Мильтиада в № 54, что сие изобразил аз многогрешный?... Теперь могу я сказать про себя словами пушкинского героя: “Участь моя решена — я женюсь”. Женюсь на музе и в приданое беру славу... Теперь каждый вечер ловлю за хвост рифмы и распинаю их на бумаге. Бумаги перепортил, други мои, преогромное количество. Скоро придётся писать на бересте... А рифмы, братцы, из меня так и лезут, так и прут, как тараканы из-за печки. Прут и орут: “Меня возьми, меня, нет, меня”. Рычат, дерутся. Пока не скомандуешь им: “Смирно, чёрт вас возьми, по местам!”, — ни одного порядочного четверостишия не изобразишь. А прикрикнешь — ничего, присмиреют, паиньки такие» (с. 58, 59–60). Судя по этому признанию автобиографического персонажа, в период енисейской ссылки какие-то из произведений Чудакова, в том числе и лирические, стали печататься (очевидно, под псевдонимами) в эсеровской периодике. Но где и под какими псевдонимами — пока не установлено. Возможно, часть этих произведений вошла в поэтический сборник «Пережитое», изданный уже в Благовещенске в 1909 году⁷.

⁶ Изгнанники (Картины из жизни в ссылке): посмертная пьеса Ф.И. Чудакова. Благовещенск: Издание Дмитрия Чудакова, 1918. С. 19. Далее пьеса цитируется по этому изданию.

⁷ Босяк (Чудаков Ф.). Пережитое: стихи. Благовещенск: Типография Г.И. Клитчоглу, 1909. 29 с.

Титульный лист и первая страница посмертного книжного издания пьесы Ф. Чудакова «Изгнанники» (1918)

Время работы над пьесой «Изгнанники» тоже неизвестно. Ни автор (Фёдор Чудаков), ни издатель (его родной брат Дмитрий) произведение не датировали. В последнем, 7-м номере журнала «Дятел, беспартийный», вышедшем благодаря стараниям брата Дмитрия 14 (27) марта 1918 года, то есть спустя две недели после трагической смерти писателя, было напечатано следующее объявление: «“Изгнанники”, пьеса Ф.И. Чудакова, в непродолжительном времени выйдет особым выпуском и поступит в продажу»⁸. Очевидно, к моменту самоубийства Чудакова (28 февраля по старому стилю) пьеса уже была им не только написана, но и подготовлена к печати. Предваряя обещанное книжное издание, журнал «Чайка», выходивший в Благовещенске под редакцией М.Х. Катаева с мая того же 1918 года, начал растянувшуюся на несколько месяцев публикацию «Изгнанников» (очевидно, с разрешения Дмитрия Ивановича Чудакова, получившего, по завещанию, авторские права). В том же 1918-м, ближе к концу года, вышло и отдельное издание пьесы.

Что же заставило амурского сатирика в канун большевистской революции или даже после неё обратиться к событиям десятилетней

⁸ Дятел, беспартийный. 1918. № 7. 14 (27) марта. С. 4.

давности? Насколько актуальным могло быть в новых исторических условиях произведение о ссыльных социалистах начала XX века? И почему брат сатирика, планировавший выпустить собрание сочинений Фёдора Чудакова, начал, в нарушение принципа хронологической последовательности, именно с пьесы «Изгнанники» (кстати, ничего другого издать ему не удалось)? Очень похоже, что он исполнял последнюю волю автора (его прощальное письмо, адресованное Дмитрию Ивановичу, не было опубликовано — за исключением небольшого фрагмента финальной части; содержание же «деловой», «распорядительной» части установить уже вряд ли удастся). Остаётся строить предположения, почему «Изгнанники» оказались столь важны для Ф.И. Чудакова в последние месяцы его жизни, отчего их публикацию он считал, судя по всему, задачей первоочередной.

Впрочем, понять это не так уж и сложно, обратившись к содержанию пьесы. В ней затрагиваются проблемы, которые Чудаков в последние месяцы жизни считал чрезвычайно важными, которые он постоянно поднимал в своей сатире этого периода. В частности, в ней он не раз задавался вопросом, почему революционный лагерь (прежде всего социал-демократы, социалисты всех оттенков) оказался бессильен перед диктатурой малочисленной большевистской партии? Почему родственные политические силы, исповедующие близкие идеалы, имеющие сходные программы, после крушения самодержавия ни о чём не смогли договориться между собой? Отчего они занялись не решением общенациональных задач, не спасением России от грозящих ей хаоса и диктатуры, а, в основном, пустопорожней болтовнёй, бесконечными спорами по любому поводу, сведением мелких счётов и удовлетворением личных амбиций? Почему, наконец, многие представители социал-демократического, социалистического лагеря с лёгкостью отрекались от прежних идеалов, смирялись с произволом новой власти или даже перебегали в стан победителей?

Пьеса «Изгнанники» затрагивает тот же самый круг вопросов, но ответы на них автор ищет не в современности, а в прошлом. В сатире революционного времени Чудаков показывает итог — политическое и моральное банкротство российской социал-демократии образца 1917 года, а в «Изгнанниках», отступив на десять лет назад, исследует причины неготовности и неспособности социалистического лагеря взять на себя бремя социальной ответственности и утвердить демократические принципы в России, разворошённой, разломанной при деятельном участии всё тех же социал-демократов.

В центре внимания автора «Изгнанников» — тяжёлый социально-политический, мировоззренческий и, что особенно важно, цен-

ностно-этический кризис, поразивший революционное движение ещё в начале XX века. Этот кризис, точнее — разложение, как показывает пьеса, проявляется во многом. Так, среди сосланных в Сибирь социалистов оказываются и всё более набирают силу те, кто отказался от морали, кто уподобляется уголовникам, кто действует так же, как они, и даже заодно с ними. Самый выразительный пример — история Павла Лущикова, о котором заходит речь в третьем действии. Этот ссыльный в компании с двумя уголовниками готовил ограбление. Долгие годы проведенный в ссылке эсер Никита замечает, что история Лущикова — лишь «первый признак начинающегося разложения ссылки», но тут же поправляет себя: «Да первый ли? Он только ярче других, а кое-что и раньше было. Помните, Бродяга рассказывал, как в той же Червянке на маёвке один товарищ другому разбил голову прикладом ружья? А прошлогодний случай с Подбельским? — покушение на кражу денег у товарища?.. Да мало ли ещё что?» (с. 51).

В ответ на реплику товарища, что «героические времена ссылки уже прошли», Никита высказывает мысль, что разложение и перерождение революционного лагеря — необратимый процесс: «Я уже третий раз в ссылке и откровенно скажу, что в четвёртый раз предпочёл бы тюрьму. Ибо в четвёртый раз, я уверен, застану здесь не только покушения на кражи, но форменную уголовщину» (с. 51). Так что использование в годы революции большевиками и левыми эсерами чисто бандитских, по сути уголовных методов захвата и удержания власти (о чём Чудаков неустанно писал на рубеже 1917–1918 годов) — совершенно закономерный итог этой эволюции.

Диагноз, который автор ставит социалистическому движению, неутешителен. Среди болезней, поразивших российскую социал-демократию, — почти полное отсутствие взаимопонимания с народом. Революционные интеллигенты, выведенные в пьесе, относятся к сибирским крестьянам с нескрываемой иронией и именуют их «челдонами», то есть людьми не вполне полноценными, главным образом потому, что те не способны оценить заслуги российской интеллигенции в деле их будущего освобождения от оков царизма. Сибиряки-челдоны, в свою очередь, относятся к политическим ссыльным настороженно, не видя особенной разницы между ними и уголовниками. Впрочем, и сами политические, как уже отмечалось, иной раз уподобляются уголовникам. В пьесе приводится случай самосуда «челдонов» над политическим ссыльным, оказавшимся конокрадом.

Ещё одна проблема — равнодушие народа к идейной программе социал-демократов. Как констатирует меньшевик Борис, все попыт-

ки заинтересовать «челдонов» социалистическими, революционными идеями оказались «бесполезны». Но представители революционных партий не могут договориться не только с народом, но и друг с другом. По признанию Бориса, социал-демократическое «движение всегда было конгломератом отдельных групп, даже отдельных личностей». Иначе говоря, то, что проявилось особенно остро в 1917 году (и нашло отражение в сатире Чудакова этого времени), существовало и задолго до большевистского переворота.

Ещё одна проблема, которую поднимает Ф. Чудаков, — утрата ссыльными социалистами веры в исповедуемые прежде догматы, усиливающееся разочарование в прежних идеалах. Это происходит, например, с видным публицистом-эсером Никитой, в свои пятьдесят пять лет осознавшим ошибочность избранного жизненного пути. Не сомневавшийся прежде герой теперь не в состоянии ответить на простые вопросы: «<...> зачем я жил? Зачем гнил по тюрьмам, голодал в ссылке, отказался от всех радостей жизни?» (с. 66). Ссыльные социалисты начинают осознавать, что настоящая жизнь проходит мимо, что они со своей партийной догматикой безвозвратно «выпали» из неё. Об этом, например, говорит молодой меньшевик Антон, обращаясь к представителю старшего поколения революционеров: «Товарищ, мы отстали от жизни... Мы дьявольски отстали от жизни. И решительно во всём» (с. 67). По словам Антона, высмеивающего привязанность Никиты к партийной догматике, «жизнь мчится вперёд. Её ничем не остановишь. Сколько ни маши перед её лицом своей программой, сколько ни топай ногами, ни кричи: “Назад!” — она не остановится» (с. 69).

Свой путь разочарования в прежних идеалах проходит эсдек Борис, у которого от дифтерита умирает малолетний сын. В сравнении с этим пронзившим его существо неизбывным личным горем всё остальное, прежде всего прежняя его одержимость идеей революционного обновления мира, теперь начинает казаться бессмысленным. Зачем ему теперь «светлое будущее человечества», если он не сумел в суровых условиях ссылки сберечь, спасти самое родное существо, свою кровинку, своё главное сокровище и главный, как он теперь понимает, смысл жизни? Надрывным монологом страдающего от непереносимой душевной боли Бориса Чудаков и завершает свою пьесу: «Там, где-то далеко, далеко, гремит и сверкает жизнь. Горят огни, кипят людские страсти, грохочут машины, печатаются книги, бегут поезда, кипит борьба за жизнь... А мы здесь сидим пятеро, никому не нужных, всеми забытых людей... Нам уже перестали писать письма... нас уже забыли... забыли... Никому не нужные, лишние... выбросили

нас из жизни, смяли, растоптали и отбросили в сторону... Партийные витии сейчас там ломают копья, пишут пламенные статьи, кипят, сражаются с мельницами... а мы... мы никому не нужны... И теряется вера во всё... и в людей, и в то дело, которому отдали всю лучшую часть жизни» (с. 82–83). Вот оно — важнейшее прозрение не только страдающего героя пьесы, но и автора «Изгнанников»: для социализма как идеологии, для социалистических партий и их вождей-догматиков конкретный, живой человек с его болями и проблемами — ничто, пустое место. Социалист-революционер Чудаков обнаружил самый страшный, на его взгляд, дефект российского социал-демократического, социалистического движения — пренебрежение к человеку.

Думается, в финальном монологе Бориса звучат и мысли автора, к которым он пришёл, но не в 1907-м (иначе бы эти слова произносил Бродяга), а позже, в 1917-м. Главное же разочарование Ф. Чудакова (образца 1918 года) — запоздалое осознание, что революционная борьба за свободу народа, даже кардинальное революционное переустройство страны, мира не в состоянии разрешить те проблемы, с которыми сталкивается каждый человек в своей повседневной жизни. Автор пьесы постепенно приходит к тому, что счастье человека мало зависит от политического строя, от формы государственного устройства, от господствующей идеологии. Никакая революция, в том числе социалистическая, никакие политические свободы, если они и будут достигнуты в результате революционной борьбы, не в состоянии гарантировать, обеспечить человеку счастье: вернуть страдающим родителям (Борис и Вера) их умершего ребёнка; покинутому, страдающему мужу (Староста) — его ушедшую к другому жену; безнадежно влюблённому красивому, тонкому, благородному человеку (Антон) — объект его поклонения, девушку (Елена), которая не способна оценить его прекрасные человеческие качества — из-за того, что не испытывает к нему равного по силе чувства, а потому бросает его — причём ради ничтожества.

Драма «Изгнанники» отразила не только процессы, происходившие в социалистическом лагере в целом, но и личную усталость и растерянность автора, его собственную душевную и мировоззренческую сумятицу, его разочарование, следствием чего и стало самоубийство.

«Изгнанники» — произведение, без которого нельзя понять в полноте логику жизненной и творческой судьбы амурского писателя, а также причину его добровольного ухода из жизни.

Подлые времена

*История одного громкого скандала в дореволюционном
Благовещенске*

Летом 1911 года в Благовещенске, административном центре Амурской области, произошло событие, которое надолго приковало к себе внимание газетных репортёров, фельетонистов, публицистов, редакторов периодических изданий, а также — с их помощью — всей читающей публики. Стараниями газетчиков история эта стала достоянием гласности и со временем, обрастая подробностями, приобрела весьма скандальный характер. В её орбиту оказались втянуты, разумеется, вопреки их желанию, очень влиятельные персоны, в том числе вице-губернатор (с мая 1909 г.) Александр Гаврилович Чаплинский.

Виновник устроенного газетами переполоха — титулярный советник Николай Павлович Алексинский — зав. гидротехническим отделом Амурского переселенческого района, по образованию горный инженер. И он же, в другой своей ипостаси — человек, распоряжавшийся финансами немалого числа общественных и иных организаций и учреждений: казначей попечительского совета Общины сестёр милосердия, казначей Амурского окружного правления Общества спасения на водах и т.д. Кто, для чего, за какие заслуги обеспечил ему доступ к финансам всех этих структур — остаётся загадкой, но без высокого покровительства и содействия вряд ли обошлось. Ни соответствующего образования, ни опыта службы в финансовых учреждениях у Алексинского, судя по всему, не было. Впрочем, какое это имеет значение в России, если у человека есть покровители в высоких властных инстанциях?

Алексинский в данный период своей не очень ясной для нас биографии совершал стремительное служебное восхождение, только не профессиональное — инженерное, переселенческое. Его карьерное движение имело иной вектор и иную вожделенную цель, имя которой — городская казна, с которой все прочие, уже «освоенные» нашим героем, конечно же, сравниться не могли. Первый шаг, ведущий к заветной цели, дался легко: Алексинский без затруднений оказался в числе гласных городской думы. И хотя никаких достижений на этом поприще он не снискал, неведомо каким образом скромный, мало кому известный титулярный советник оказался вдруг в числе фаворитов избирательной кампании — одним из ключевых претендентов на

должность городского головы (лорд-мэра) Благовещенска. Но что-то в последний момент не сработало, закулисный механизм дал сбой — очевидно, те, кто продвигал Алексинского в кресло лорд-мэра, переоценили возможности административного влияния. Или недооценили способность городской думы противостоять интригам аппарата военного губернатора. Так или иначе, доступа к городской казне Алексинский не получил, и эта фатальная неудача, видимо, предопределила всё дальнейшее.

Несостоявшийся лорд-мэр внезапно пропал, исчез. Словно провалился сквозь землю или растворился в воздухе.

И, скорее всего, ни современники, ни тем более потомки об этом загадочном исчезновении ничего бы не узнали (ибо, как станет понятно чуть ниже, в высоких начальственных кабинетах не было ни малейшего желания выносить сор из избы), если бы не досужие газетчики. Именно они, а не полиция, не административные или судебные инстанции, забили тревогу, стали проводить собственное расследование и знакомить с его результатами всё более и более изумлявшуюся общественность.

29 июля (11 августа по новому стилю) 1911 года газета «Эхо», секретарём редакции и ведущим автором которой был сатирик Фёдор Чудаков, напечатала сенсационный материал в рубрике «Местная хроника» с подзаголовком «К исчезновению инженера Алексинского». Анонимный автор (материалы в этой рубрике давались без подписей) сообщал, что недавний претендент на должность городского головы оказался... казнокрадом, что он похитил наличность во всех кассах, к которым имел доступ. И, кроме того, сбежал за границу.

По информации газеты, несостоявшийся лорд-мэр умыкнул весьма приличные по тем временам деньги — «около 30 000 рублей: из сумм переселенческого управления 6 400 руб.; из сумм Общества спасения на водах 3 500 руб.; из суммы Общины Красного Креста 16 000 руб.; из кассы комитета по постройке губернаторского дома (наш пострел и туда, оказывается, поспел! — *А.У.*) 5 000–6 000 руб.»¹. Как говорится, с миру по нитке... Только не простой, а, в нашем случае, золотой...

Вдобавок ко всему, газета выяснила, что похититель крупной суммы и недавний претендент на высокий пост оказался по своей натуре и повадкам, в общем-то, мелким жуликом, а с точки зрения человеческих качеств, полным ничтожеством — лживым и мелочным.

¹ Местная хроника: К исчезновению инженера Алексинского // Эхо. 1911. № 818. 29 июля (11 августа). С. 3.

Газета привела шокирующие подробности, раскрывающие, как говорится, моральный облик этого невзрачного существа, совсем недавно усиленно продвигавшегося наверх стараниями пока ещё не названных покровителей.

Даже бегство было организовано и обставлено им предельно нечистоплотно. «Эхо» рассказало, что «Алексинский скрылся с заграничным паспортом одного из своих подчинённых, десятника переселенческого управления. Алексинский несколько времени тому назад заявил этому десятнику, чтобы он достал заграничный паспорт на своё имя, так как ему придётся сопровождать его, Алексинского, в заграничную командировку. Десятник, обрадованный обещанием, что во время командировки он будет получать по 200 руб. в месяц, поторопился достать паспорт и немедленно же вручил его Алексинскому. “Пока вы отправляетесь на работы в Мазаново, а потом, когда придёт время ехать, я вам сообщу”, — приказывает Алексинский. Около полтора месяца ждал обманутый десятник “командировки”, пока не узнал из газет, что Алексинский отправился в путь без него».

В освещении скандальной темы приняли участие практически все выходившие в то время в Благовещенске газеты: «Амурский листок», «Амурский пионер», «Благовещенск», «Эхо». С более чем вековой дистанции отчётливо видно, что каждое из этих периодических изданий, повторяя общеизвестное, тем не менее находило свой собственный ракурс, свой угол зрения на проблему. И отдавало предпочтение какому-то избранному жанру. Что предопределяло разность подходов к одному и тому же событию? В первую очередь, личные качества людей, определявших направление газеты, её общественно-политическую, гражданскую позицию.

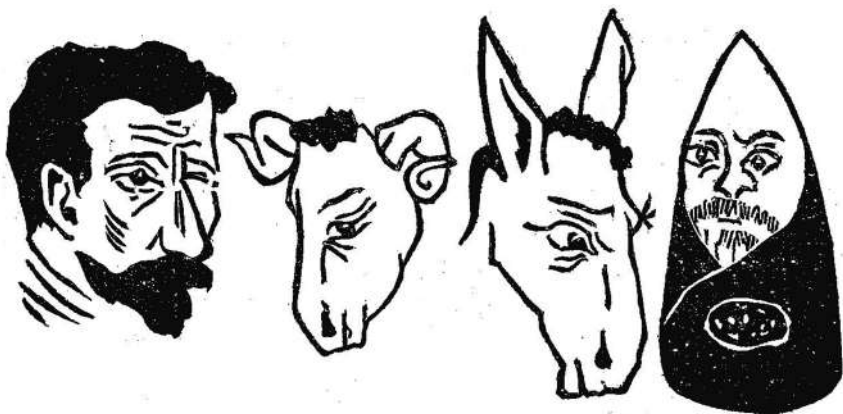
Газета «Амурский пионер» (1911–1912), которую издавал и редактировал скандально известный журналист Александр Иванович Матюшенский (печатавшийся чаще всего под псевдонимом *А. Седой*), основной автор созданного спустя несколько месяцев «бестселлера начала XX века» — коллективного романа «Амурские волки» (1912), акцент сделала не на «мелкой сошке» Алексинском, а на более крупных фигурах — на остававшихся до поры в тени покровителях беглого казнокрада. Жанровые предпочтения газеты — скандальная хроника и скандальные же (не только по содержанию, но и по тону, стилистике, фразеологии) публицистические «разоблачения», непревзойдённым мастером которых был Матюшенский-Седой.

В отличие от некоторых других амурских периодических изданий, стремившихся выдерживать то или иное общественно-политическое направление, газета Матюшенского «Амурский пионер» (а позднее

его же «Благовещенское утро», выходявшее в 1912–1917 гг.) была изданием, преследовавшим чисто коммерческие цели. На чём специализировалась газета Матюшенского, чем привлекала подписчиков? Чаще всего низкопробными материалами, рассчитанными на невзыскательные или даже низменные вкусы мещанской публики, а также скандальными разоблачениями известных в городе людей. Или же тем и другим одновременно. Так было и на этот раз.

В том же июле 1911 года в № 59 «Амурского пионера» появилась статья, в которой утверждалось, что нечистый на руку беглец был тесно связан с вице-губернатором Чаплинским. Газета Матюшенского утверждала, что Алексинский жил в одной квартире с Чаплинским, что он — всего лишь «жертва» кружка лиц, втягивавших его в разгульную жизнь, что и вызвало растрату казённых средств и вынужденное бегство за пределы России. Во главе этого кружка, по утверждению газеты, был именно вице-губернатор Чаплинский, а входили в его состав, как позднее писал Матюшенский, полицмейстер Данильчук, его помощник Цесарский, уездный начальник Адрианов и другие влиятельные лица. Газета сообщала, что растроченные членами «клики» казённые деньги и добытые ими взятками суммы «прокручивались» и проигрывались в квартире Чаплинского, где устраивались оргии. В течение следующих нескольких месяцев «Амурский пионер» опубликовал ещё ряд статей на эту тему. Конфликт между редактором Матюшенским и вице-губернатором Чаплинским, спровоцированный бегством из Благовещенска инженера Алексинского, разрастался, в какой-то момент он вышел далеко за пределы области и приобрёл чрезвычайно скандальный, опасный для авторитета власти характер.

17 февраля 1912 года Чаплинский, исполнявший в то время обязанности военного губернатора области (вместо временно отсутствовавшего Аркадия Михайловича Валуева), по сути, воспользовавшись из личной неприязни служебным положением, издал постановление о наложении на Матюшенского за публикацию в «Амурском пионере» вполне безобидной статьи «Потешные в крае» разорительного по тем временам штрафа в размере 1000 рублей с заменой, при неспособности выплатить его, тюремным заключением сроком на 1 месяц. В ответ на это редактор «Амурского пионера» направил жалобы генерал-губернатору Приамурья Н.Л. Гондатти (его резиденция находилась в Хабаровске), министру внутренних дел Российской империи А.А. Макарову, министру юстиции И.Г. Щегловитову, председателю Совета министров В.Н. Коковцову. В них он обвинял вице-губернатора Амурской области в «преступных деяниях» и утверждал, что тот мстит честному и принципиальному журналисту «за статью о

Ввиду приближающихся выборов в городской головы, избирателям заблаговременно сфальсифицировать знакомство с портретами кандидатов. Предлагаемые здесь портреты показывают, как осторожно надо относиться к кандидатурам тех или иных претендентов.

Рисунок Ф. Чудакова в сатирическом журнале «Колучки»
(сдвоенный номер 4–5 за 1909 г.)

его сожителя Алексинском». Чаплинский, в свою очередь, обращался к Н.Л. Гондатти с просьбой закрыть газету «Амурский пионер» и выслать её редактора «из пределов области». Чувствительный к либеральному общественному мнению Гондатти, опасавшийся прослыть «душителем свободной печати», какое-то время колебался, не принимал мер по отношению к редактору «Амурского пионера». Однако властям пришлось «тушить пожар»: в конце концов газета «Амурский пионер» была закрыта, а Матюшенского за «клевету» осудили на четыре месяца тюрьмы. Вице-губернатора же Чаплинского от греха подалее перевели в далёкий Петропавловск-на-Камчатке.

Александр Иванович Матюшенский, отдадим ему должное, бесстрашно, порой с немалым риском для себя, разоблачал и обличал «амурских волков» — нечистых на руку представителей местной власти, администраторов-прохиндеев городского и областного масштаба, видных «акул» промышленного и торгового капитала Приамурья, но не ставил под сомнение прогнившую общественно-политическую систему, порождавшую Чаплинских, Алексинских и других бесчисленных жуликов и воров во власти или при власти.

Иное дело — «Эхо», газета «прогрессивного» (как она сама его определяла) направления: в какие-то периоды демократического, в какие-то — скорее умеренно-либерального. Демократический и даже социалистический «крен» газете чаще всего задавал Фёдор Чудаков — бывший

политический ссыльный, живший в Благовещенске с осени 1908 г. под гласным надзором полиции, эсер по партийной принадлежности и убеждениям. Именно его материалы об Алексинском с наибольшей полнотой выразили позицию «Эха» в этом вопросе.

Первый отклик сатирика на бегство инженера Алексинского — фельетон в традиционной авторской рубрике «Накись дня (Расхраб्रившись, точно кочет...)», напечатанный двумя номерами ранее упомянутой выше хроникёрской заметки (которая, судя по всему, тоже была написана Фёдором Чудаковым — но уже в статусе одного из анонимных авторов раздела «Местная хроника»):

Совершил поступок свинский
Этот гласный Алексинский.
Даже дружеский «Листок»
Тиснул пару тёплых строк.
«Крал, — он пишет, — деньги массой
И удрал с тугою кассой».
Позабыв водопровод,
Он в Японию плывёт.
Так закончилась карьера
Кандидата на лорд-мэра.
И теперь гласит молва:
«Га-ла-ваа!»²

Выразив без экивоков отношение к сбежавшему казнокраду (*совершил поступок свинский*), уколов попутно своего постоянного оппонента Анатолия Александровича Константинова — редактора газеты «Амурский листок», который ещё недавно оказывал рекламно-информационную поддержку ставленнику вице-губернатора Чаплинского, а теперь, вывернувшись, и на скандале попытался набрать очки (*даже дружеский «Листок» тиснул пару тёплых строк...*), Чудаков сосредоточился главным образом не на краже казённых денег и не на побеге, а на попытке определённых кругов «сорвать банк», захватив кресло городского головы. Обратим внимание на то, как представлен в фельетоне беглый казнокрад: *поступок свинский* совершает не просто частное лицо и даже не инженер, не администратор — зав. отделом переселенческого управления, не казначей, а *гласный* городской думы. И не просто гласный, а гласный, который метил в кресло городского головы,

² Гусяр (Чудаков Ф.). Накись дня (Расхраб्रившись, точно кочет...) // Эхо. 1911. № 816. С. 3.

который выступал в качестве *кандидата на лорд-мэра*. Прозрачно обозначена в фельетоне и цель планировавшегося, но не состоявшегося (как сейчас бы сказали — рейдерского) захвата власти в Благовещенске: «*Позабыв водопровод, / Он в Японию плывёт*». Справка для непосвящённых: власти Благовещенска в тот период начинали масштабное строительство городского водопровода, подо что привлекались огромные займы, которые должны были проходить через ту самую городскую казну, к которой и пробивался при содействии высоких покровителей инженер Алексинский.

На той же самой странице «Эха», где в разделе «Местная хроника» была напечатана процитированная выше заметка «К исчезновению инженера Алексинского», опубликован ещё один материал на скандальную тему — фельетон *Язвы* (один из наиболее известных псевдонимов Ф. Чудакова) «Накипь дня (Шах поклялся на Коране...)». Первая его часть обращена к событиям международной политики, а две последующие развивают тему, заданную в хроникёрской заметке.

Вторая часть произведения строится на аллегории, смысл которой современники сатирика угадывали без труда, ныне же без комментариев она может быть не понята или понята неадекватно:

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Коля! Чем ты пообедал?
Не Крестом ли Красным ведал?»
Ворон ворону в ответ:
«Нет, Григорь Ефимыч, нет!
Красный Крест пришлось мне высечь
На осьмнадцать только тысяч.
И в “Спасенье на водах”
Нынче дело тоже — швах.
Я направил вожделенья
На дела переселенья
И, коль правду говорить, —
Бога нечего гневить!»
Новый ворон улыбнулся,
А Ицкович поперхнулся,
Жадно кушая рудник,
И главой своей поник ³.

³ *Язва* (Чудаков Ф.). Накипь дня (Шах поклялся на Коране...) // Эхо. 1911. № 818. 29 июля (11 августа). С. 3.

Два говорящих ворона (старый и молодой) — два известных амурских афериста, жульнические деяния которых стали достоянием гласности и предметом судебных разбирательств. Старый ворон, которого его молодой собрат уважительно называет *Григорь Ефимычем*, — не Г.Е. Распутин (как кто-то может подумать), самый знаменитый в России начала XX столетия обладатель этого имени-отчества, а авантюрист рангом пониже: Григорий Ефимович Ицкович (1852–1916), скандально известный в то время благовещенский купец 2-й гильдии, золотопромышленник. В 1890-е он был управляющим Ниманскими золотыми приисками, в 1903–1905 гг. — компаньоном знаменитого П.Д. Баллода. В 1907 г. из-за не возвращённого Ярославско-Костромскому банку кредита в семнадцать тысяч рублей часть недвижимости Ицковича была продана на публичных торгах в Благовещенске. Несмотря на всю эту скандальную историю, в 1910–1914 гг. Г.Е. Ицкович являлся выборщиком в городскую думу по имущественному цензу. То есть, получается, выборщиком и Николая Павловича Алексинского — беглого казнокрада, гласного городской думы. Именно с ним, называя его на правах старшего наставника по-свойски *Колей*, и ведёт беседу вор и аферист прежних лет Ицкович. «Поперхнулся» старый ворон, очевидно, от зависти к более удачливому, превзошедшему его молодому жулику. И «главой своей поник» он оттого, что его, куда более опытного, выдавшего виды «ворона», умыкнувшего всего-навсего семнадцать тысяч, не только опозорили на весь свет, но и вынудили вернуть украденное, а присвоивший тридцать тысяч казённых денег «ворон» *Коля* избежал такой участи, упорхнув за границу.

Третью часть фельетонист начинает тем, что прощается с беглым казнокрадом и пытается перейти к другим темам, которые могут быть более интересны амурским читателям:

Распростившись с казнокрадом,
Перейдём теперь к «наядам»
И к афинским вечерам...
Та-ра-ррам!
Но... амурское афинство –
Новый вид того же свинства,
Коим насмерть издавна
«Соль земли» заражена.
Прочь, афинство! Вон! Исчезни!
Не хочу морской болезни

На читателя насладь!
Буду новых тем искать.

Оказалось, что предшествующее «прощание» с Алексинским было притворным: на самом же деле сатирик лишь зашёл на ту же тему с другой стороны — с той самой, которая подробно, в деталях освещалась А. Матюшенским. Упомянутые Чудаковым *наяды* — в древнегреческой мифологии нимфы рек, ручьёв и озёр; в переносном, ироническом смысле (а о том, что слово это используется именно в таком значении, сигнализируют кавычки, в которые оно заключено) — обнажённые девушки, голые «купальщицы». Становится понятно, что сатирик намекает на оргии в квартире вице-губернатора Чаплинского, о которых писали в «Амурском пионере». *Афинские вечера (ночи)* — ночные оргии с участием «наяд». Об оргиях, ставших причиной растраты инженером Алексинским казённых денег и его бегства за границу, говорилось выше, когда речь шла о материалах в газете Матюшенского, явно пародируемых в данном фельетоне. Смаковать, уподобившись редактору «Амурского пионера», тему «наяд» и «афинских вечеров» автор фельетона из брезгливости отказывается (*Прочь, афинство! Вон! Исчезни!*), ибо не желает насладь и на себя, и на читателей приступ тошноты — «морской болезни».

В пояснении нуждается ещё одно выделенное сатириком словосочетание — «соль земли». *Соль земли* — так именовал своих учеников Иисус Христос; в иносказательном смысле — лучшие из лучших, избранные. В контексте фельетона словосочетание это, взятое в кавычки, используется в ироническом смысле: под «солью земли» автор подразумевает погрязшую в разврате и воровстве тогдашнюю властную «элиту», в том числе и участников «афинских вечеров» в квартире вице-губернатора Амурской области.

Во второй половине третьей части *Язва* предпринимает ещё одну попытку уйти от надоевшей темы, переключив внимание на тему «героическую», «патриотическую»:

Вот, хотел черкнуть я ныне
Об «Амурской героине»,
И верчуся, точно линь:
Слишком много героинь!
Показаться стыдно в людях:
Столько Юдих, столько Юдих!
Перечислить их сполна
Вечность целая нужна.

Вот Амурка, вот сибирка...
В городском кармане дырка...
Ну, сказать короче вам:
Очень много милых дам.

Начнём с простых разъяснений. *Амуркой* в 1910-е годы было принято называть и Амурскую колёсную дорогу (*Амурскую колесуху*) — трактовую дорогу для гужевого транспорта между Благовещенском и Хабаровском, которую строили в 1898–1910 гг., и Амурскую железную дорогу, строительство которой велось в 1907–1916 гг. На строительстве и той, и другой наживались купцы-поставщики, жулики-подрядчики и «крышующие» их чиновники-казнокрады. Все они с удовольствием тратили часть наворованных денег на кутежи с разного рода «наядами». Этой теме Чудаков посвятил немало фельетонов: «Колёсная» (Эхо. 1911/1912. 31 декабря (13 января). С. 3); «Накипь дня (В авангарде тыла были...)» (Эхо. 1912. № 1014. 11 (24) апреля. С. 3) и др. *Сибирка* — в данном контексте сибирская язва, опасная инфекционная болезнь домашних животных, с эпидемией которой в 1911 году никак не могли справиться власти Амурской области — по мнению сатирика, главным образом потому, что это их волновало гораздо меньше, чем казнокрадство и «афинские вечера».

Теперь о главной «героине» финального фрагмента третьей части фельетона. *Амурская героиня* — Анастасия Юдина (урождённая Делярова), дочь солдата, родилась в 1871 г. в Томской губернии, воспитывалась в богатой семье. В 13 лет бежала из дома, в 16 вышла замуж за приискателя К.Д. Юдина. В Благовещенске Юдина жила с 1890-х. За участие в событиях российско-китайского вооружённого конфликта (июль 1900 г.) была награждена серебряной Георгиевской медалью. О её подвиге рассказал специально приезжавший в Благовещенск для встречи с нею военный писатель Ю.Л. Елец⁴.

Позже Юдина (*Юдиха*) создала и возглавила банду, занимавшуюся грабежами и убийствами состоятельных людей, прежде всего золотопромышленников. За серию преступлений в 1907 г. была осуждена на каторгу. Под именем Антонина Искаротиова (логика трансформации фамилии: Юдина — Иуда Искарот — Искаротио-

⁴ Елец Ю.Л. Амурская героиня. При осаде Благовещенска китайцами. М.: Типография А.С. Забалуева, 1901. 33 с.; Урманов А.В. Елец Юлий Лукьянович // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 137–138.

ва) выведена в печатавшемся первоначально в газетах Матюшенского «Амурский пионер» и «Благовещенское утро» *коллективном романе* «Амурские волки», основным автором которого был всё тот же вездесущий А. Матюшенский (выступавший в данном случае под псевдонимами *А. Седой*, *Фантом* и *Монгол*).

В финале романа «Амурские волки» Антонина Искарриотова получает 10 лет каторги, но в реальности её прототип Анастасия Юдина вышла на свободу намного раньше. Газета «Эхо» следила за дальнейшей судьбой *Юдихи*. Вот одна из заметок в разделе «Местная хроника», датированная октябрём 1913 года:

«Амурская героиня» Юдина, отбыв каторгу, упорно избегает места своего водворения и предпочитает разъезжать по всей нашей окраине, оставляя то там, то тут следы своего пребывания. Так, в 1912 году она в г. Зея-Пристань, по постановлению горного исправника, за кражу была подвергнута тюремному заключению, по отбытии которого занялась... «врачебной» практикой в селениях Зазейского района. Затем некоторое время о ней не было никаких известий. В 1913 г. она объявилась в районе приисков около Николаевска. Там за разные делишки мировой судья приговорил её к заводским работам и заключил в Николаевскую тюрьму, но приговор этот в сентябре был отменён Владивостокским окружным судом, и, таким образом, Юдина сейчас снова на свободе ⁵.

Самый острый материал Чудакова об истории с Алексинским — статья «Подлые времена», подписанная псевдонимом -Б, который Фёдор Иванович использовал редко — обычно тогда, когда не хотел, чтобы его авторство было «расшифровано». Ибо за подобный материал в те времена легко можно было оказаться обвинённым по статье 128 Уголовного уложения. Статья эта (как и статья 129) карала ссылкой на поселение или тюремным сроком за всякого рода публичное выражение (в речи, сочинениях и т.д.) неуважения к верховной власти и за порицание существующего образа правления. Чудаков по этим статьям прежде уже ссылался на три года в отдалённый и глухой район Енисейской губернии (откуда, пробыв там половину срока, бежал в Благовещенск).

Ввиду её особой значимости, приведём статью «Подлые времена» полностью, без купюр, благо она не очень объёмна:

⁵ Местная хроника: «Амурская героиня» // Эхо. 1913. № 1434. 6 (19) октября. С. 4.

«Бывали хуже времена, но не было подлей...»⁶

Эти слова Некрасова неотвязно начинают звучать у нас в ушах всякий раз, как приходится слышать разговоры об Алексинском.

Но не кража и бегство Алексинского наводят нас на мысль о подлости переживаемого времени. И вот почему.

Всё население представляется нам в виде двух неравных по численности лагерей.

С одной стороны — горсточка разных рангов и положений воров.

С другой — всеми способами обкрадываемая многомиллионная масса.

Алексинский, как мы видим, предпочёл примкнуть к первому лагерю, и потому нужно удивляться не тому, что он украл тридцать тысяч рублей, а тому, что украл только тридцать, а не сто, не триста тысяч рублей.

При имени Алексинского нам припоминается другое — недавняя история с выборами городского головы.

Ведь ни для кого не секрет, что около Алексинского сгруппировалась тогда «маленькая, но тёплая компания», решившая во что бы то ни стало усадить его в кресло городского головы.

Всем известно, к каким приёмам прибегали в то время, чтобы расчистить Алексинскому путь к этому креслу.

В этих целях использовано было даже печатное слово.

Мы ещё помним, как распинались за Алексинского и «Амурский листок», и безупречный г. Седой.

«Голосуйте за Н.П. Алексинского!» — красовалось, между прочим, большими буквами вверху второй страницы 729-го номера «Амурского листка».

И вся эта предвыборная кампания, проведённая с энергией, достойной лучшего применения, дала свои результаты.

И.Д. Прищепенко⁷ не утверждён, П.П. Попов⁸ висел на волоске, а Алексинскому на выборах удалось набрать 21 из 56 наличных голосов, то есть более одной трети.

К счастью, среди гласных, кроме двадцати одного, нашлось ещё 14 человек, которые и дали выборный перевес в пользу конкурировавшего с Алексинским г. Попова.

⁶ «Бывали хуже времена, но не было подлей...» — цитата из начальной строфы поэмы Н.А. Некрасова «Современники» (1875): «Я книгу взял, восстав от сна, / И прочитал я в ней: / «Бывали хуже времени, / Но не было подлей». Последние две строки у Некрасова заключены в кавычки, так как фактически это цитата из рассказа «Счастливые люди», принадлежащего перу малоизвестной ныне русской писательницы Надежды Дмитриевны Хвощинской (1825–1889). Он был опубликован в журнале «Отечественные записки» (1874. № 4) под псевдонимом В. Крестовский.

⁷ Прищепенко Иосиф Дмитриевич (1869–?) — городской голова Благовещенска в 1914–1916 гг.

⁸ Попов Пётр Петрович (ок. 1857–1928) — городской голова в 1911–1914 гг.

А что бы было, если бы эти 14 человек не пришли на выборы, или 8 из них удалось бы завербовать в число приверженцев Алексинского?

Представьте Алексинского в роли «хозяина» города, близкого к городской кассе, в роли реализатора миллионного городского займа и строителя городского водопровода!

Сколько бы тогда могло «прилипнуть» к его рукам городских денег!?

К сожалению, мы и тогда не могли, и теперь не можем говорить об этом периоде всего того, что мы думаем.

Поэтому в данный момент приходится лишь ограничиться пожеланием, чтобы эти подлые времена не повторились и при приближающихся выборах в четвёртую Государственную думу⁹.

Разница в подходах к истории Алексинского двух газет и, соответственно, двух самых известных на тот момент амурских журналистов, очевидна. Для Матюшенского разоблачение несостоявшегося лорд-мэра и его покровителей — повод для публичного выволакивания на свет грязного белья, для привлечения внимания читателей к шокирующим подробностям частной жизни фигурантов скандала, для раскрытия и смакования их «альковных тайн». Чем громче и продолжительней был этот скандал, чем непристойней, грязней всплывали реальные и вымышленные подробности приватной жизни героев публикаций, тем, видимо, лучше — тем больше покупателей и подписчиков у «Амурского пионера». Отсюда, наверное, специфическая (почти «базарная») лексика и соответствующий тон разоблачительных публикаций газеты Матюшенского, отсюда явный перекос в сторону всякого рода интимных деталей, отсюда перевод разговора из плоскости обсуждения общественного смысла произошедшего к обличению порочных наклонностей конкретных, всем известных персон, к дискредитации их как личностей, к публичному «оголению» и издевательскому осмеянию. И всё это делалось голословно, без предъявления каких бы то ни было фактов, без свидетельств очевидцев и т.п.

Статья Чудакова — образец не только другого жанра, но и совершенно иной гражданской позиции публициста, иной логики, иной морали, иного кругозора, иного понимания того, что происходит в стране и в Благовещенске, иного словесно-образного инструментария.

Автор расставляет совершенно другие акценты, заостряет внимание на принципиально иных вещах — а именно на острейших социальных недугах России, на порочности общественно-политической системы,

⁹ -Ъ (Чудаков Ф.). Подлые времена // Эхо. 1911. № 820. 31 июля (13 августа). С. 2.

самого устройства страны, порождающего чудовищное социальное неравенство и воровство: «Всё население представляется нам в виде двух неравных по численности лагерей. / С одной стороны — горсточка разных рангов и положений воров. / С другой — всеми способами обкрадываемая многомиллионная масса». Именно такое положение вещей, по Чудакову, представляет главную общественную угрозу, именно оно, в совокупности с отсутствием свободы слова («К сожалению, мы и тогда не могли, и теперь не можем говорить об этом периоде всего того, что мы думаем»), является питательной почвой для разного рода аферистов. Чудаков пишет не о подлых людях, а о подлых временах — то есть о несовершенстве государственного устройства, его институтов, что и является главной причиной торжества подлых поступков и подлых людей.

Что касается того, что случилось в Благовещенске, то и здесь Чудаков-публицист сосредоточивается не на скандальных сторонах частной жизни конкретных лиц (хотя и не снимает с них ответственности), не на «клубничке», а на несовершенстве общественных механизмов, порождающих тотальную коррупцию властной элиты и общее падение нравов.

Некоторое время спустя Чудаков вернулся к скандальной теме, в фельетоне «Накипь дня (Но позвольте, если этак рассуждать...)» отреагировав на заметку в «Местной хронике» о перемене отношения к поступку беглого казнокрада: «Общество к Алексинскому претензий не имеет и объясняет поступок его легкомыслием»:

Но позвольте: если этак рассуждать,
То и Каина возможно оправдать:
Легкомысленно дубину в руки сгрёб,
Легкомысленно заехал брату в лоб...
Легкомыслие! Да с таким словом
Сам Иуда не сочтётся подлецом!

Тридцать тысяч легкомысленно украл,
Легкомысленно в Америку удрал.
В результате легкомысленный подлец —
Претендент на мученический венец...
А когда Демьян пуд сена украдёт —
Легкомысленно на каторгу идёт.

Эх, вы, люди-человеки!
Как себя-то вам не жаль?
Славься ныне и вовеки
Готтентотская мораль!

Пусть душа чернее сажи —
Эко диво! Ну, так что ж!
«Легкомысленные» кражи,
«Легкомысленный» грабёж!¹⁰

Подмеченное и язвительно прокомментированное автором фельетона изменение в общественном мнении Благовещенска по отношению к инженеру Алексинскому, растратившему крупную сумму общественных денег и сбежавшему за границу, имело свою подоплёку. В подобной «реабилитации» были заинтересованы очень влиятельные персоны, прежде всего А.Г. Чаплинский и его приближённые.

Судя по всему, именно замешанные в скандале официальные лица во главе с вице-губернатором направляли общественное мнение Благовещенска в русло «реабилитации» растратчика Алексинского. Прямо не называя причины общественной реабилитации Алексинского, Ф. Чудаков тем не менее намекает читателям газеты «Эхо», посвящённым в детали этой скандальной истории, что здесь не обошлось без двойной морали и без воздействия высокопоставленных чиновников, желающих спустить это дело на тормозах — и не из сочувствия к инженеру Алексинскому, разумеется.

Но главный смысл фельетона — неприятие автором сложившегося в царской России чудовищного социального, сословного неравенства, осуждение не только правящей «элиты», освободившей себя от судебной и какой бы то ни было нравственной ответственности, но и всего российского общества, принимающего навязываемую сверху готтентотскую, то есть пещерную, дикую, совершенно извращённую мораль.

P.S. Скандальное же дело, о котором в 1911–1912 гг. наперебой рассказывали амурские периодические издания, спустя некоторое время получило неожиданное продолжение.

Весной 1914 года газета «Эхо» сообщила очередную сенсационную новость — беглый казнокрад, о котором многие уже успели порядком подзабыть, вернулся (возвращён) в Благовещенск и ждёт суда: «**Дело Н.П. Алексинского** будет слушаться в выездной сессии Иркутской судебной палаты, которая прибудет сюда в конце апреля. Сам г-н Алексинский уже в Благовещенске»¹¹.

Но это уже другая история...

¹⁰ Язва (Чудаков Ф.). Накипь дня (Но позвольте: если этак рассуждать...) // Эхо. 1911. № 904. С. 3.

¹¹ Местная хроника // Эхо. 1914. № 1579. 12 (25) апреля. С. 3.

Глава 3.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ МАТЮШЕНСКИЙ

(1862—1931)

«На Амуре всё возможно...»

Роман «Амурские волки» как литературный феномен

Как известно, заслуживающая серьёзного отношения художественная проза в Приамурье появилась лишь в начале 1900-х годов. Самой большой популярностью у амурских читателей начала XX века пользовался «коллективный роман из жизни Приамурья» (так гласил подзаголовок) «Амурские волки», в создании которого ключевую роль сыграл скандально известный журналист и издатель А.И. Матюшенский — единоличный автор ещё нескольких подобных произведений на местном материале.

Достоверных биографических сведений о начальном периоде его жизни не очень много. Известно, что Александр Иванович Матюшенский родился 19 октября 1862 г. в селе Александров-Гай Саратовской губернии в семье священника. Образование получил в Саратовской духовной семинарии. О.Ф. Федотова, ссылаясь на сведения, почерпнутые ею у дочери Матюшенского от второго брака Ирины Александровны Чельшевой (1913–?), утверждала, что Александр Иванович «по окончании семинарии в 1882 году <...> в том же году поступил в Петербургский университет»¹, а спустя какое-то время (точная дата биографом не указывается) его «окончил»², что он — «выпускник Петербургского университета»³. Основатель литературного краеведения Приамурья А.В. Лосев поставил под сомнение университетское

¹ Федотова О.Ф. Материалы к биографии А.И. Матюшенского // Амурский краевед: информационный вестник. № 1 (10). Благовещенск, 1995. С. 1–2.

² Федотова О.Ф. Бестселлер начала века // Амурские волки: коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1996. С. 6.

³ Там же. С. 8.

образование Матюшенского: имея таковое, размышлял он, тот вряд ли долгие годы тянул бы тяжкую и неблагодарную лямку простого провинциального репортёра ⁴. Похоже, университетский диплом — один из многочисленных мифов, неустанным творцом которых был сам Матюшенский.

Не обошлось без мифологизации ещё одно событие в его жизни — тюремное заключение: «В университете Александр Иванович состоял в студенческом обществе помощи бедным студентам. Однажды он разносил по домам афишки-приглашения на благотворительный концерт, засовывая их в ручки дверей. Следом за ним шёл некий человек и закладывал в эти афишки свои прокламации. Матюшенского арестовали. Доказать свою невиновность он, естественно, не мог и по существующему тогда закону был осуждён на три года тюрьмы (1885 г.)» ⁵.

Что называется, без вины виноватый... Вызывает ли доверие эта история? Не очень. Но, допустим, мы приняли её на веру (а что остаётся, если никаких документальных подтверждений или надёжных свидетельств нет?). Однако вот незадача: годом позже тот же самый автор, рассказавший со слов дочери Матюшенского трогательную историю безвинного студента, пострадавшего из-за благородного желания помочь бедным товарищам, без всяких объяснений излагает принципиально иную версию случившегося. По ней выходит, что нашего героя привлекли к судебной ответственности не в 1885, а «в 1882 году» (то есть, выходит, сразу после окончания семинарии? когда же он в таком случае успел окончить университет? — *А.У.*), причём не по недоразумению, не из-за каких-то безобидных афишек-приглашений на благотворительный вечер, а «по обвинению в причастности к убийству Александра II» ⁶. Такая вот метаморфоза. Теперь перед нами предстаёт не какая-то несчастная жертва судебной ошибки, а подлинный революционер, идейный враг самодержавия, готовый убивать и жертвовать собою ради освобождения страны от оков царизма... Очевидно, этот впечатляющий миф был рождён Александром Ивановичем после 1917 г., когда имидж борца с самодержавием и одновременно его жертвы мог приносить неплохие дивиденды и когда, за давностью лет и на рассто-

⁴ *Посев А.В.* Александр Иванович Матюшенский: Полемические заметки о новом явленном «классике» амурской литературы / публ. и коммент. А.В. Урманова // Амур: литературно-художественный альманах. № 6. Благовещенск, 2007. С. 44.

⁵ *Федотова О.Ф.* Материалы к биографии А.И. Матюшенского // Амурский краевед: информационный вестник. № 1(10). Благовещенск, 1995. С. 2.

⁶ *Федотова О.Ф.* Бестселлер начала века // Амурские волки: коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1996. С. 6.

янии семи тысяч вёрст от Саратова, выяснить подлинные обстоятельства ареста было уже почти невозможно.

Сколько же их было — легенд и мифов, если в них запуталась даже дочь мнимого цареубийцы?! Из всего сказанного выше напрашивается вывод: к свидетельствам Матюшенского следует относиться с большой осторожностью. Тем более что в них много путаницы и невнятицы, не исключено, намеренных.

Да, кстати, где, в какой тюрьме, с кем, как долго — в течение всего ли трёхлетнего срока — он сидел, почему Матюшенский, его дочь и его биографы умалчивают об этом? Почему он позже не поддерживал отношений со своими товарищами по неволе, никогда не рассказывал о них? Впрочем, и про узника царских тюрем Матюшенского тоже почему-то никто из подлинных сидельцев не упоминает в мемуарах. Почему тюремный опыт, если он был, не нашёл отражения в творчестве *А. Седого*, в его публицистике или воспоминаниях? Тем более странно, что после февраля 1917 г. сам факт судебного преследования человека в царское время по политическим основаниям превращался для него в своеобразную охранную грамоту. Матюшенский же, которого, как мы знаем, чуть было не расстреляли в начале 1920-х годов как «контрреволюционера», казалось бы, как никто другой нуждался в такой «грамоте». Однако о своём тюремном прошлом, тем более о причастности к убийству царя, почему-то не заикался...

В середине 1880-х Матюшенский, по его словам, «пошёл в народ», три года провёл в странствиях по Оренбургской губернии и Западной Сибири, «работал как чернорабочий и на крестьянских полях, и в шахтах золотых приисков, и на полотне железной дороги, и на крупчатной мельнице, и на пристанях Волги при нагрузке судов, точил веретёна, шил сапоги, строил глинобитные крестьянские избы, учил грамоте крестьянских ребятишек» ⁷. В общем, довольно типичная история: в эпоху широкого распространения народнических идей и идеалов на такие, в значительной степени мифологизированные, био-

А.И. Матюшенский.
Благовещенск,
1910 г.

⁷ Матюшенский А.И. Гапон и мой Антихрист (Повесть моего безумия). Благовещенск, 1917. С. 35.

графии существовал большой спрос. Удостовериться же, насколько соответствуют реальности эти сведения, практически невозможно, ибо Александр Иванович, упоминая в «Исповеди» о своей извилистой жизненной тропе, как правило, предельно скуп на точные пространственные и временные координаты.

Теперь о фактах, не вызывающих сомнений: в 1891 году Матюшенский женился на дочери саратовского помещика Вере Владимировне Воронцовой, от которой у него было трое детей: дочь Евстолия (1894 г.р.), сыновья Владимир (1896) и Виктор (1904) ⁸.

В 1890-е он с головой ушёл в журналистику, в качестве репортёра работал в газетах Самары, Екатеринбурга, Ирбита, Одессы, Кишинёва, Владикавказа, Тифлиса, Баку, Москвы... Сами эти перемещения, напоминая лихорадочные метания, свидетельствуют: отношения Матюшенского — и личные, и особенно профессиональные — с коллегами складывались непросто, нередко перерастая в острую неприязнь. Характерный пример такого рода приводит А.В. Лосев. Он, в частности, цитирует письма раннего Горького, адресованные его невесте (в будущем жене) Е.П. Волжиной, в которых Алексей Максимович всякий раз с большим негодованием отзывался о Матюшенском: «Я пока не решил ещё, писать ли мне в “С(амарскую) г(азету)” — по всей вероятности не буду, ибо не хочу работать рядом с этим болваном, который пишет идиотские “Очерки”» (23–24 мая 1896 г.); «Матюшенский пишет пошло...» (27 мая 1896 г.); «Просто сердце занает, когда возьмёшь её [«Самарскую газету»] в руки — полтора года труда я убил на неё, и во что её обратили! Срам! Матюшенского надо выгнать...» (20 июня 1896 г.) ⁹. Всё это, в конечном итоге, и приводило к необходимости менять газету или даже место жительства.

А.И. Матюшенский.
Самара, 1895 г.

⁸ Федотова О.Ф. Материалы к биографии А.И. Матюшенского // Амурский край-вед: информационный вестник. № 1(10). Благовещенск, 1995. С. 3.

⁹ Цит. по: Лосев А.В. Александр Иванович Матюшенский: Полемические заметки о новоявленном «классике» амурской литературы / публ. и коммент. А.В. Урманова // Амур: литературно-художественный альманах. № 6. Благовещенск, 2007. С. 40, 42.

В ноябре 1904 г. Александр Иванович перебрался в Петербург и почти сразу же стал сотрудником одной из самых известных столичных газет либерального направления «Сын Отечества» (после закрытия, с 7 декабря 1904 г., — «Наши дни»). Невероятный взлёт провинциального журналиста, имевшего весьма сомнительную репутацию в среде газетчиков! Но вскоре произойдёт нечто ещё более удивительное — вчера ещё безвестный репортёр окажется в эпицентре потрясших страну событий. Накануне ставшего детонатором Первой русской революции «Кровавого воскресенья» он познакомился и тесно сошёлся со священником Георгием Гапоном, принял участие в деятельности гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга». Как утверждал сам Матюшенский в «Исповеди» (напечатана в начале 1906 г. за границей, а в 1917-м вышла отдельным изданием в Благовещенске под претенциозным названием «Гапон и мой Антихрист (Повесть моего безумия)»), именно он по просьбе Гапона составил петицию царю, с которой 9 января 1905 г. десятки тысяч рабочих и членов их семей отправились к Зимнему дворцу и встречены были винтовочными залпами. В той же «Исповеди» он цинично признавался, что писал петицию «в полной уверенности, что она объединит полусознательную массу, поведёт её к царскому дворцу, — и тут, под штыками и пулями <...> эта масса прозреет <...>. Расчёт мой оправдался в точности»¹⁰.

О.Ф. Федотова, опять-таки опираясь на рассказ дочери Александра Ивановича, а также на его довольно путаную «Исповедь», утверждает, что «кровь, пролившаяся на улицах столицы, потрясла Матюшенского», что «в расстреле мирного шествия он видел огромную долю своей вины, безумно мучился всю оставшуюся жизнь...»¹¹.

Поверить в то, что Матюшенский «безумно мучился» всю оставшуюся жизнь по поводу своего участия в обернувшейся большим

**Брошюра
А.И. Матюшенского
«Гапон и мой Антихрист»,
изданная в 1917 г.
в Благовещенске**

¹⁰ Матюшенский А.И. Гапон и мой Антихрист (Повесть моего безумия). Благовещенск, 1917. С. 35.

¹¹ Федотова О.Ф. Бестселлер начала века // Амурские волки: коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1996. С. 7.

кровапролитием провокации трудно, ибо многие факты его биографии, сама его натура, образ жизни, ставшие достоянием гласности поступки не вяжутся с подобными лирическими сентенциями. Не была ли «Исповедь» попыткой отвести от себя возникшие в обществе подозрения и даже прямые обвинения? Очень на то похоже, ведь, по отзывам многих современников, Матюшенский был человеком в политическом отношении беспринципным, в моральном — нечисто-плотным. Вызывает много вопросов та лёгкость, с которой безвестному провинциальному репортёру удалось попасть в число сотрудников знаменитой столичной газеты и, кроме того, легко войти в доверие к Гапону и его окружению. А чуть позже стать, по сути, главным посредником (и даже «кассиром»!) между разгромленной организацией Гапона и царским правительством. Многие современники этих событий были уверены, что Матюшенский в событиях января 1905 г. сыграл роль тайного осведомителя и провокатора, действовавшего по указке охранного ведомства. Но, однако, прямых, безусловных доказательств такого сотрудничества, если оно и имело место, никто никогда не приводил.

Впрочем, Матюшенский и не скрывал своей склонности к провокациям. В той же «Исповеди» он, без ложной скромности именно себя, а не Гапона, провозгласив главным идеологом 9-го января, признался, что заранее знал, чем закончится авантюра, что сознательно принёс невинных людей в жертву ради дискредитации царя и в целом самодержавия: «Я толкал женщин и детей на бойню, чтобы вернее достигнуть намеченной цели. Я думал: избиение взрослых мужчин, может быть, ещё перенесут, простят, но женщин — расстрел матерей с грудными младенцами на руках! Нет, этого не простят, не могут простить. Пусть же идут и они! — говорил я себе. — Пусть они умрут, но с ними вместе умрёт и то заблуждение, которое удерживает Россию в цепях рабства, мук и стенаний. <...> И я решил: пусть лучше раз умрут некоторые, чем жить в вечных и непрерывных страданиях всем. Пусть умрут сотни, хотя бы в числе этих сотен были и младенцы, но зато освободятся от цепей рабства миллионы, десятки миллионов. <...> Идите и умрите, кому суждено»¹².

Когда читаешь такие чудовищные откровения, как говорится, кровь в жилах стынет... Но «исповедующийся» прекрасно осознавал: подавляющую часть насквозь революционизированной в те годы российской либеральной и тем более радикальной общественности

¹² Матюшенский А.И. Гапон и мой Антихрист (Повесть моего безумия). Благовещенск, 1917. С. 35–36.

такой, мягко выражаясь, сомнительный способ борьбы с опостылевшим самодержавием вряд ли смущал. Нужно учитывать ещё одно важное обстоятельство, помогающее понять причину жутковатой откровенности Матюшенского: похоже, что его людоедские признания отчасти были средством отвлечения внимания публики от ещё одной дьявольской, в глазах современников гораздо более компрометирующей Александра Ивановича истории — тайной финансовой сделки с царским правительством, усугубленной банальным воровством...

Вскоре после «Кровавого воскресенья» на страницах газет всплыла скандальная история присвоения Матюшенским весьма крупной по тем временам суммы денег — двадцати трёх тысяч из полученных им тридцати, несколькими порциями выданных под расписку недавнему мелкому репортёру министром торговли и промышленности В.И. Тимирязевым по распоряжению самого председателя правительства С.Ю. Витте! Деньги эти якобы предназначались на нужды разгромленной гапоновской организации, но Матюшенский, припёртый к стенке, оправдывался в «Исповеди», что гапоновцам якобы принадлежала лишь малая часть этой суммы — семь тысяч. А остальное, дескать, было выделено царским правительством лично ему (человеку, по его собственному признанию, безусловно разделявшему в то время революционные убеждения) «на организацию пропаганды против революции»¹³. Убеждённый революционер, смертельный враг царизма берёт у царского же правительства деньги на масштабную пропаганду против революции?!

Можно ли поверить в то, что члены царского правительства и даже сам премьер столь неразборчивы и не информированы, что могли принимать у себя человека, причастного к убийству царя, сидевшего в тюрьме по политическим статьям, и выдавать ему (мелкому газетному репортёру!) крупные суммы на ведение антиреволюционной пропаганды? Бред какой-то... История совершенно невероятная, тёмная, мутная, показывающая, что роль Матюшенского во всех этих делах была крайне неблагоприятной и весьма и весьма подозрительной. Какие уж тут «безумные мучения»!..

У людей, которые лично знали Матюшенского, слова про его «безумные мучения» вызвали бы, наверное, гомерический хохот. Вот, например, как отреагировал на «Исповедь» Матюшенского хорошо знавший его по совместной работе в Самаре в 1895–1896 годах Горький. В письме, написанном в середине июня 1906 года из Нью-Йорка

¹³ Матюшенский А.И. Гапон и мой Антихрист (Повесть моего безумия). Благовещенск, 1917. С. 56.

и адресованном А.В. Амфитеатрову — редактору выходившего в Париже журнала «Красное знамя», в котором и была напечатана «Исповедь» (Красное знамя. 1906. № 2), Алексей Максимович, в частности, писал: «Матюшенского я знаю, работал вместе с ним в “Самарской газете”. Это — неудачный псаломщик, гнилая душа, длинный и жадный желудок. Такие люди воспринимают жизнь брюхом, и в мозгу у них — всегда есть какая-то вонючая, серая слизь. Эти люди органически чужды правде, и всё для них — зеркало, в котором они видят свои зубы, постоянно голодные. <...> Вы гоните прочь Матюш[енского], а то он напакастит вам»¹⁴.

Упомянем ещё один факт биографии, дающий представление об исповедуемых Александром Ивановичем «высоких» моральных принципах: выпускник духовной семинарии, при живой жене с тремя детьми, младшему из которых не было и двух лет, вступил в гражданский брак с Ниной Васильевной Бурдиной — «акушеркой-массажисткой» из Петербурга. Это произошло в 1906-м.

А в мае 1910 г. Матюшенский переехал в далёкий Благовещенск, где, как он полагал, удастся отсидеться до поры в тени. Свою фамилию он первое время не афишировал, скрывал (а в 1906–1907 гг., до того как его разоблачила полиция Москвы, жил по фальшивому паспорту, выписанному на Бурдина Александра Ивановича, — то есть укрывшись за фамилией своей гражданской жены). «Конспирация» понадобилась потому, что, несмотря на пять прошедших с «Кровавого воскресенья» лет, подлинная его фамилия была слишком памятной для российской общественности, слишком густой шлейф скандальных разоблачений тянулся за ней.

В Благовещенске Матюшенский вначале сотрудничал с газетой «Амурский листок», подписывая свои материалы псевдонимами *А. Седой*, *А. Иванович*, *Изгой*. Позже он стал издавать собственные газеты «откровенно бульварного толка» (А. Лосев) — «Амурский пионер» (1911–1912) и «Благовещенское утро» (1912–1917). Именно на страницах упомянутых газет в 1912 г. увидел свет *коллективный роман* «Амурские волки», принесший Матюшенскому литературную известность и, что немаловажно, определённый доход. В том же году роман был выпущен отдельной книгой, а затем в течение короткого времени дважды переиздан — в 1913 и 1914 гг. Как это ни удивительно, на данный момент в Амурской области не найдено ни единого экземпляра этой книги.

¹⁴ Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М.: Наука, 1988.

Роман «Амурские волки» весьма объёмен: включает в себя 105 глав! При публикации в газетах «Амурский пионер» (№№ 12–131, февраль-июнь) и «Благовещенское утро» (№№ 1–22, июнь-июль) главы имели подписи-псевдонимы: *А. Седой, Фантом, Монгол, Юлия Михай, Кэтти, Крапива, Коляда, Н. Тульчин...* По мнению известного амурского учёного-краеоведа Г.С. Новикова-Даурского (1881–1962), авторство «Амурских волков» принадлежало нескольким сотрудникам благовещенских газет, в том числе Н.З. Перминову (в будущем, в 1918–1920 гг., — городской голова) и К.К. Куртееву, а роль Матюшенского сводилась, в основном, к редактированию текста. Никаких аргументов в пользу столь оригинальной версии краевед не привёл, уже одно это даёт основание поставить её под сомнение.

Совершенно очевидно, что авторов произведения следует искать среди сотрудников газет «Амурский пионер» и «Благовещенское утро», на страницах которых и печатались «Амурские волки». В этой связи по меньшей мере странным выглядит в предлагаемом Новиковым-Даурским перечне возможных авторов имя Константина Константиновича Куртеева (1853–1918) — известного в Благовещенске журналиста. Дело в том, что «Амурские волки», как уже отмечалось, создавались и печатались в 1912 г., а К.К. Куртеев в это время был редактором газеты «Благовещенск», издававшейся на деньги купцов-молочников, что почти наверняка исключает его из числа претендентов на авторство — по причинам и физическим, и мировоззренческим. Да и близких отношений с Матюшенским у него никогда не было. К тому же нам известны псевдонимы, под которыми он публиковал свои материалы в благовещенских газетах. Ни один из них (*Курт, Кур*) не встречается под главами «Амурских волков».

Кроме того, совершенно неправдоподобным выглядит утверждение Новикова-Даурского, что главный претендент на роль автора «коллективного романа» Матюшенский ограничивался якобы лишь ролью редактора написанных другими журналистами глав. Это опровергается и тем, что под подавляющим большинством глав стоит псевдоним *А. Седой*, которым Матюшенский подписывал многие другие свои статьи и произведения, в том числе романы «Фальшивые сторублёвки» и «Взаимный банк»¹⁵, а также книгу очерков «Благовещенские силуэты». Первые две книги, кстати, имеют почти такой же подзаголовок, что и «Амурские волки», — «роман из местной жизни»,

¹⁵ *Седой А. [Матюшенский А.И.] Фальшивые сторублёвки: роман из местной жизни. Благовещенск, 1913; Седой А. [Матюшенский А.И.] Взаимный банк: роман из местной жизни. Ч. 1. Благовещенск, 1916.*

а это тоже является косвенным свидетельством того, что в создании «коллективного романа» Матюшенский играл роль не только редактора, но и основного автора. Да и по стилю и содержанию названные произведения «из местной жизни» очень близки «Амурским волкам». Ещё одно важное обстоятельство: псевдоним *Фантом*, который стоит под несколькими главами «коллективного романа», также принадлежит Матюшенскому. Под ним он напечатал книжку «Как я сделался богатым». Псевдонимом *Монгол* Матюшенский подписывал некоторые свои материалы в газетах «Амурский пионер» и «Благовещенское утро». Оба эти псевдонима — *Фантом* и *Монгол* — использовались Матюшенским и до приезда в Благовещенск.

Как предположил ещё в 1990-е годы А.В. Лосев, помимо Матюшенского, написавшего львиную долю глав «коллективного романа», в создании произведения приняли участие Н.В. Колодезников и Е.А. Михайлова, сотрудничавшие с газетами, которые издавал *А. Седой*.

Что сегодня известно об этих претендентах на авторство «Амурских волков»?

Николай Васильевич Колодезников — до ноября 1910 г. сотрудник газеты «Амурский листок», из которой он вынужден был уйти из-за обвинений, что в хроникёрских заметках систематически искажал истину. В 1910–1911 гг. Колодезников трудился в газете «Волна», а в 1912-м, когда в «Амурском пионере» и затем в «Благовещенском утре» печатался роман «Амурские волки», он сотрудничал именно с газетами Матюшенского. Псевдоним *Коляда*, который стоит под несколькими главами «коллективного романа», — это псевдоним именно Колодезникова, им он подписывал и некоторые другие свои материалы.

Екатерина Афанасьевна Михайлова — из мещан Благовещенска, по основной профессии учительница. В 1908–1910 гг. печаталась в «Амурском крае», а в 1911–1912 — в газетах «Амурский пионер» и «Благовещенское утро»: стихи обычно за подписью *Михай* или *Юлия Михай*, а прозаические опыты, очерки — под именем *Крапива*, *Кэтти*. Нелишне напомнить, что псевдонимами *Крапива*, *Кэтти* и *Юлия Михай* подписаны некоторые из глав газетной версии «Амурских волков».

Веским доказательством авторства Михайловой и Колодезникова является заметка в рубрике «Хроника», напечатанная одной из благовещенских газет в год публикации «коллективного романа»:

«Протесты. Бывшие сотрудники “Амурского Пионера” г. Колодезников и Юлия Михай обратились к Военному Губернатору Амурской области с прошением, в котором сообщают, что они, принимая участие в составлении коллективного романа “Амурские волки”, теперь

не желают, чтобы их работа увидела свет в виде отдельного издания, которое выпускается г. Матюшенским, и просят цензора вычеркнуть их главы из книжки. К тому же Губернатору поступили ещё заявления от пограничного комиссара и некоторых других должностных лиц с протестами против напечатания “Амурских волков” отдельным изданием. Все эти просьбы Военным Губернатором уважены и из книжки вычеркнуто больше десяти глав»¹⁶.

Действительно, в фондах переведённого из Томска во Владивосток Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (до 1992 г. он именовался иначе — Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока) хранится документ, на который ссылался «Амурский листок», — заявление на имя военного губернатора Амурской области:

«Сим заявляем Вам, Ваше Превосходительство, что наши вступительные главы в книжке “Амурские волки” (см. ниже) мы не желаем помещать. Главы эти просим вычеркнуть, когда потребуете книгу “на цензуру”.

Главы таковы: 1) Контрабандисты, 2) У Августова и др., подписанные: Кэтти, Юлия Михай, Крапива; 3) Августов развернулся; 4) После порки, подписанные Колядой.

Первые псевдонимы принадлежат Е.А. Михайловой, а 3-й (в документе именно так — 3-й, хотя псевдоним Коляда в приведённом перечне фактически четвёртый по счёту. — А.У.) — Колодезникову.

Николай Колодезников, Е.А. Михайлова.

12 июня 1912 г.»¹⁷.

Таким образом, сегодня можно с уверенностью констатировать, что если и не все, то, по крайней мере, большая часть авторов «коллективного романа» нам известна. Это были (за исключением Матюшенского) обычные провинциальные журналисты, известность которых не простиралась дальше Благовещенска.

В советское время «коллективный роман» в полном объёме не переиздавался. Лишь в альманахе «Приамурье» в 1956 г. были опубликованы несколько глав из него с кратким предисловием Г.С. Новикова-Даурского — в то время научного сотрудника Амурского об-

¹⁶ Амурский листок. 1912. № 1192. 22 июня.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 704, оп. 7, ед. хр. 451.

ластного краеведческого музея¹⁸. По всей видимости, именно по его инициативе «Приамурье» и взялось за перепечатку избранных глав скандального произведения. В подборку вошли шесть глав: «Контрабандисты», «Неожиданная встреча и разочарование», «Ранний гость», «На различных ступенях», «Волчье совещание», «Волк на волка», то есть с первой по третью, а также пятая, восьмая и десятая. В конце подборки редакция «Приамурья» обещала читателям *«Продолжение в следующем номере»*, но обещание не выполнила. О причинах остаётся лишь гадать.

Автор предисловия признаёт, что роман не отличается высоким художественным уровнем. Ценность «Амурских волков», по мнению Новикова-Даурского, состояла в другом — в том, что они «довольно правдиво показывают мораль и нравы дальневосточной буржуазии начала XX века, разоблачают звериную сущность известных амурских воротил <...>, наживших громадные капиталы путём обмана, воровства и кровавых преступлений»¹⁹.

Понятно, что этот вывод не вытекал из реальных сведений, основанных на документах, свидетельских показаниях, неоспоримых фактах, судебных решениях, а во многом был продиктован политической конъюнктурой, сложившейся в советское время исторической мифологией, общим отношением к свергнутому в октябре 1917 г. эксплуататорским классам. То есть перед нами типичный образец пресловутого классового подхода к историческим и художественным явлениям. Остаётся вопрос: была ли позиция Новикова-Даурского вынужденной или же она полностью отвечала его убеждениям? В любом случае, подобный взгляд на роман «Амурские волки» не отражал подлинного его объёмного содержания, не выражал сути воплощённой в нём концепции русской действительности предреволюционного времени и представлений авторского коллектива о сущности человеческой природы. Возможно, такой уводящий от истины, но идеологически выверенный комментарий учёному-краеведу пришлось составить, чтобы провести в печать хотя бы отдельные главы произведения, в начале XX века вызвавшего большой резонанс в провинциальном Благовещенске. Кстати, в этой связи можно сделать ещё одно предположение: возможно, версия Григория Степановича о том, что Матюшенский лишь редактировал написанный другими авторами роман, — нехитрый приём, позволяющий

¹⁸ Амурские волки: главы из романа [Предисл. Г.С. Новикова-Даурского] // Приамурье: литературно-художественный и общественно-политический альманах. № 5. Благовещенск, 1956. С. 120–136.

¹⁹ Там же. С. 120.

редакторам альманаха «Приамурье» избежать обвинений в публикации произведения, ведущую роль в создании которого сыграл соратник демонизированного в советское время попа Гапона, а в послереволюционное время — «контрреволюционер», «белоземigrant», в 1923 году сбежавший из Советской России в Харбин.

Доподлинно неизвестно, чем руководствовался Новиков-Даурский, составляя предисловие, но результат очевиден: вольно или невольно краевед дал искажённую картину, представив авторов «коллективного романа» как принципиальных противников буржуазного строя, как бесстрашных обличителей язв капитализма, то есть чуть ли не как идейных союзников большевиков.

Удивительное дело: буквально до наших дней эта односторонняя, крайне узкая точка зрения, лишь в малой степени соответствующая реальному содержанию книги, практически не подвергалась сомнению. Её на разные лады повторяли амурские журналисты, так или иначе касавшиеся личности и творчества Матюшенского, в первоизданном виде её воспроизводит О.Ф. Федотова во всех упомянутых выше статьях. А.В. Лосев тоже писал, что роман «построен на сенсационных “разоблачениях” местных буржуазных воротил (в романе они выступают под несколько изменёнными фамилиями), наживавших громадные состояния на спекуляции золотом, на грабежах и убийствах»²⁰. Нужно ли говорить, что никакой доказательной базы под этими утверждениями нет, никаких ссылок на исторические источники, документы или хотя бы газетные публикации-разоблачения нет и в помине? Не было и доказательств, что цель и смысл *коллективного романа* — именно разоблачение буржуазных дельцов Приамурья.

Ещё одно важное обстоятельство: ни у Новикова-Даурского, ни у Федотовой нет и намёка на анализ произведения, нет не только развёрнутой его характеристики, но даже и просто обращения к содержанию, проблематике, сюжету, сценам, образам, вообще к тексту книги. Нет даже ни одной прямой или косвенной цитаты! С момента создания «коллективного романа» и вплоть до сегодняшнего дня не было сделано ни единой попытки критически прочесть его, прокомментировать, попытаться понять его внутреннюю логику и специфику, социально-политические и эстетические причины его появления, не было попыток поставить его в тот или иной типологический ряд, попытаться соотнести с общероссийскими явлениями подобного рода. Кому это было по силам?

²⁰ Лосев А.В. Приамурье в художественной литературе: аннотированный указатель. Благовещенск, 1963. С. 20.

Безусловно, А.В. Лосеву (1927–2002), работавшему в 1990-е годы над большим очерком о Матюшенском (он опубликован через пять лет после смерти учёного)²¹. Но, к сожалению, в этой своей незаконченной работе он почти не касается произведения, в создании которого главную роль сыграл А. Седой. И это коллективное произведение, и авторские романы Матюшенского-Седого «Фальшивые сторублёвки» и «Взаимный банк», в которых тоже изображаются местные амурские дельцы, занимающиеся всякого рода тёмными махинациями, А.В. Лосев назвал яркими образцами «низкопробной бульварщины», «бульварным чтивом». О романе «Амурские волки» основатель литературного краеведения Приамурья заметил, что скандальные разоблачения в нём имеют спекулятивный, сугубо коммерческий характер и продиктованы не благородным желанием вскрыть общественные язвы, показать подлинную, скрываемую властью правду, а банальным стремлением «привлечь к роману внимание мещанско-обывательской публики», «в конечном счёте, для увеличения числа подписчиков газеты»²².

Что касается оценок романа «Амурские волки» О.Ф. Федотовой, то следует напомнить, что они были сделаны в «лихие 90-е», которые пробудили у части читателей ажиотажный интерес к подобного рода литературным явлениям. Эту издательскую конъюнктуру в начале 1990-х почувствовала газета «Благовещенск», начавшая републикацию на своих страницах произведений Матюшенского, подаваемых как литературная сенсация. Тогда же редакция «Благовещенска» предприняла попытку перепечатать роман в газетном варианте, однако в городе не удалось отыскать ни одного экземпляра книги, вышедшей, как мы помним, тремя изданиями. Её нашли лишь в Российской государственной библиотеке (бывшая Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина)²³. По запросу дирекции Амурского областного краеведческого музея оттуда была прислана копия-микрофильм романа. Перепечатка «Амурских волков» в «Благовещенске» началась в январе 1991-го и растянулась почти на весь год.

Читательский интерес к произведению был настолько велик, что появилась мысль выпустить «коллективный роман» отдельным изда-

²¹ Лосев А.В. Александр Иванович Матюшенский: Полемиические заметки о новом явленном «классике» амурской литературы / публ. и коммент. А.В. Урманова // Амур: литературно-художественный альманах. № 6. Благовещенск, 2007. С. 39–60.

²² Лосев А.В. Приамурье в художественной литературе: аннотированный указатель. Благовещенск, 1963. С. 20.

²³ Так утверждал А. Каминский — в 1996–1998 гг. главный редактор газеты «Благовещенск». По другой версии, книгу нашли в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург).

нием. Нашлись и спонсоры недешёвого издательского проекта — благовещенские предприниматели Э.В. Лисогор и В.А. Золотарёв.

«Амурские волки», иллюстрированные художником Юрием Наконечным, были переизданы в 1996 г. десяти тысячным тиражом²⁴. «Коллективный роман» предваряла вступительная статья О. Федотовой. Подготовленная к печати в Благовещенске книга печаталась в Новосибирске, в типографии издательства «Советская Сибирь». С реализацией проблем не было: роман разошёлся за три месяца, и сейчас он — библиографическая редкость.

Статьи Ольги Федотовой призваны были вернуть и имя Матюшенского, и его произведения в активный обиход, обосновать общественный и культурный интерес к данному явлению. Об объективной оценке тогда речи не шло. О. Федотова попыталась реабилитировать Матюшенского не только как литератора, но и как личность. Она охарактеризовала его как человека «с обострённым чувством совести, душа которого остро реагирует на боль и страдания других людей»²⁵, писала, что он будто бы имел «благороднейшую цель — утверждение общества добра и справедливости для всего народа», руководствовался «в своих действиях единственно законами нравственности».

Можно ли было столь высокие оценки давать человеку с весьма и весьма сомнительной репутацией, который был замешан во множестве скандальных, морально нечистоплотных историй? Точно так же кажутся необщеприимными оценки Матюшенского как «незаурядного журналиста и литератора», у которого был «великолепный слог»²⁶. Где же и в чём это проявилось? В непереносимо скучных книжках «От воровства к анархизму» (1908) и «Половой рынок и половые отношения» (1908), в которых, по мнению О. Федотовой, будто бы «максимально выразились его душа, его боль»?²⁷ Или же в «бестселлере начала века» — романе «Амурские волки»? Правда, в последнем случае автор столь возвышенных определений оправдывает Матюшенского тем, что в низком художественном уровне романа виноваты будто бы не А. Седой сотоварищи, а «публика», которой якобы «в то время нужны были именно “Амурские волки”»²⁸, — то есть низкопробная бульварная беллетристика.

²⁴ Амурские волки: коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1996. 448 с.

²⁵ Федотова О.Ф. Бестселлер начала века // Амурские волки: коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1996. С. 8.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 10.

²⁸ Там же.

Да, пожалуй, в этом О. Федотова права: какая-то, и немалая, часть публики, действительно, нуждалась в таком «искусстве». Подтверждение тому — успех спектакля по роману «Амурские волки», поставленного в марте 1914 г. на сцене Общественного собрания антрепренёром А.М. Долиным. Постановка эта стала главной сенсацией театрального сезона. Из-за беспрецедентного для Благовещенска наплыва зрителей, помимо двух премьерных спектаклей, пьесу показали ещё трижды. Как свидетельствуют газеты того времени, на премьерные спектакли в театр валом валил народ — контрабандисты, сутенёры, проститутки и, что особенно удивительно, купцы-молokane. Однако сравнительно скоро интерес к спектаклю по роману «Амурские волки» стал угасать, будоража воображение лишь сравнительно узкой и крайне специфической «публики». Об этом, в частности, свидетельствуют найденные нами не так давно заметки в газете «Эхо», датированные апрелем 1914 года. Приведём их, ибо обе они содержат весьма интересные, ранее неизвестные подробности:

МЕСТНАЯ ХРОНИКА. Театр «Мозаика». При посещении этого театра военным губернатором г. Толмачёвым было обращено внимание на присутствие в театре большого числа гимназистов и реалистов; военный губернатор просит директоров учебных заведений принять меры к непосещению воспитанниками этого театра, как отличающегося постановкой пьес лёгкого содержания: Предлагается обязать антрепренёра г. Долина, чтобы в театре миниатюр ученикам билеты вообще не продавались; обязать также г. Долина не продавать ученикам билетов на пьесы «Амурские волки» и «Фальшивые сторублёвки», причём пьесы эти не ставить на дневных спектаклях. Поручено объявить всем родителям уволенных воспитанников, чтобы они запретили носить своим детям формы учебных заведений»²⁹.

МЕСТНАЯ ХРОНИКА. Оригинальный спектакль. Днём 23 апреля в Общественном собрании опять ставились «Амурские волки». Курьёзно, что, несмотря на отсутствие зрителей (которых было во всём театре не больше 20 человек), артисты старательно вычитывали свои роли»³⁰.

Из этих заметок вытекает, во-первых, то, что спектакль по роману «Амурские волки» шёл также на сцене театра «Мозаика»; во-вторых,

²⁹ Эхо. 1914. № 1586. 22 апреля (5 мая). С. 3.

³⁰ Эхо. 1914. № 1588. 24 апреля (7 мая). С. 3.

из них становится известно, что в «Мозаике», кроме того, шёл спектакль по роману Матюшенского «Фальшивые сторублёвки» (1913).

Вернёмся к «коллективному роману». О.Ф. Федотова права в том, что «роман “Амурские волки” следует воспринимать прежде всего как литературный факт, как один из моментов нашей культурной истории, без которой <...> нельзя понять настоящее и предвидеть будущее»³¹.

Правда, её собственное истолкование произведения не только не приблизило нас к этой цели ни на шаг, но и, скорее всего, увело от неё в сторону.

Тем не менее статьи О.Ф. Федотовой так или иначе способствовали осознанию необходимости полномасштабного, целостного исследования романа «Амурские волки» как общественного и социокультурного феномена, весьма и весьма органичного для ситуации кануна Первой мировой войны и двух революций, в результате которых русская цивилизация претерпела серьёзные деформации. Очевидно, что только объективный анализ произведения поможет глубже понять причины разрушительных исторических катаклизмов, сотрясавших Россию и в 1910-е, и в 1990-е годы.

Чем же может быть интересен пресловутый «коллективный роман» современному читателю, не являющемуся любителем «низкопробной бульварной беллетристики», тем более, вековой давности? А то, что это образчик так называемого *бульварного* романа, как будто бы не вызывает сомнений: «Амурские волки» содержат полный набор свойств и штампов этого специфического жанра массовой литературы. Герои произведения, как и полагается в подобных случаях, — обитатели городского «дна», контрабандисты, старатели, бандиты (в том числе этнические — хунхузы), воры, блудницы, разбогатевшие на мошенничестве купцы, продажные чиновники. Места действия — соответствующие: тюремные камеры, притоны, «весёлые» дома, игорные заведения, жилища новоявленных богачей. Что касается сюжетных событий, то и здесь — соответствие канону: хроника городских криминальных происшествий, финансовые и имущественные аферы, грабежи, убийства, захватывающие погони, кипение любовных страстей, сводничество, коварные интриги. Да и создавался «коллективный роман» в расчёте на вполне определённую категорию читателей — потребителей третьесортной беллетристики,

³¹ Федотова О.Ф. Бестселлер начала века // Амурские волки: коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1996. С. 13.

жаждущих не прикосновения к подлинному искусству, не приобщения к бытийной и экзистенциальной проблематике, а банальных развлечений, дешёвых сенсаций, скандальных историй.

Однако «Амурские волки» — больше, чем бульварный роман. На книгу можно посмотреть и как на зеркало, отразившее, пусть и в искривлённом и утрированном виде, то, что реально происходило в начале XX столетия в Приамурье. Почти все её сюжетные линии и ответвления основываются на подлинных событиях. Это и ограбление транспорта, перевозившего золото с Ниманских приисков, и громкие убийства, и обстрел Благовещенска, русско-китайский вооружённый конфликт 1900 года, и последующее разграбление имущества изгнанных на правый берег Амура или утонувших при переправе китайцев, и массовые волнения периода Первой русской революции, и скандальные истории поджога пароходов (например, парохода «Муравьёв-Амурский» в 1911 г.), магазинов и домов их же владельцами — ради получения страховых выплат, и многое другое. Подавляющее большинство этих историй освещалось в прессе, в том числе в газете «Амурский край» (1899–1910), представленной в романе под пародийным названием «Пропавший край».

Подход к роману «Амурские волки» как к источнику сведений о жизни Приамурья вольно или невольно был задан, запрограммирован идеологом и вдохновителем издательского проекта. Уместно вспомнить, что возглавляемый и направляемый Матюшенским авторский коллектив — не писатели, не художники слова в привычном смысле, а газетные репортёры, журналисты-подёнщики. То есть люди, профессиональные навыки которых состояли не в литературном творчестве как таковом, не в создании условного художественного мира и вымышленных персонажей, а в оперативном отражении вызывающих общественный интерес фактов и явлений повседневной действительности — того, что они видели собственными глазами, что слышали от очевидцев, узнавали от свидетелей или собственных информаторов. Эти люди по роду своей деятельности вырабатывали, вынуждены были вырабатывать профессиональное умение найти, обнаружить в потоке будничной жизни незаурядные явления и тенденции, даже если они ещё слабо проявлены, ярко, броско подать их, по возможности превратить в сенсацию, то есть в товар, пользующийся повышенным спросом на провинциальном газетном рынке. Не секрет: на рынке этом запросы основной массы потребителей были непритязательными, что, в свою очередь, заставляло газетчиков, оправдывая ожидания своих читателей, переходить на их язык, пользоваться непроверенными слухами, откровенными

А.И. Матюшенский в редакции

сплетнями. Хотя, разумеется, существовали и серьёзные сдерживающие факторы: цензурные запреты, судебные преследования, административные взыскания.

Взявшись за создание романа — то есть, по большому счёту, не за своё дело, авторы «Амурских волков» избрали самый простой и естественный для них путь: по-дилетантски копируя, имитируя жанровые и языковые клише отчасти мелодрамы, отчасти детектива, отчасти уголовно-авантюрного романа, выстраивая разветвлённую сюжетную интригу, в центре которой — ограбление транспорта с крупной партией приискового золота, они заполняли непривычную для них жанровую форму привычным содержанием — тем, что было под рукой, чем они профессионально владели. Используемый фактический материал был накоплен ими за годы работы в провинциальных редакциях — своеобразных информационных центрах, куда стекались все более или менее значимые сведения о жизни Благовещенска и в целом Приамурья. В ту пору, о которой идёт речь, провинциальные газетчики были едва ли не самой информированной частью просвещённого сообщества. И репортёры, и редакторы такого рода изданий были в курсе всех местных новостей, особенно криминальных, досконально знали, что происходило в городе и крае, знали всех заметных представителей основных групп населения, всех публичных деятелей. Им были известны не только парадные стороны жизни, но и её изнанка. Они были осведомлены

о нравах, царивших на разных уровнях провинциального социума, включая «дно». Они и сами были частью мира, о котором рассказывали. Постоянная борьба за подписчика, конкуренция с другими периодическими изданиями, работающими в том же самом замкнутом пространстве, — всё это вынуждало редакции существующих на коммерческой основе периодических изданий превращаться в подобие информационно-аналитических отделов спецслужб. С той лишь разницей, что добытую информацию они не скрывали, не прятали, а, напротив, делали достоянием гласности, привлекали к ней всеобщее внимание, превращали её в сенсацию.

Большая часть описываемых в романе событий, персонажей, совершаемых ими поступков не является плодом чистого вымысла, проявлением буйной, ничем не ограниченной фантазии авторов. Материал для «Амурских волков» в основном черпался из того же самого информационного потока, который питал газетные публикации. Правда, у авторов романа были в большей степени развязаны руки: они могли, почти без оглядки на возможные судебные иски и административные меры, основываться не только на достоверной информации, но и на слухах, предположениях, в том числе фантастических. Теперь со спокойной совестью они могли и домысливать, придумывать. Не было у них и необходимости строго выдерживать хронологию, воссоздавать события в их подлинной исторической последовательности. Заменяв настоящие имена прототипов вымышленными — либо легко узнаваемыми (так, владелец пивоваренного завода Августовский выведен в произведении под фамилией Августов, купцы Алексеевы предстали в романе как Алёхины, Косицыны — как Покосовы, Семеров — как Семёркин), либо откровенно фельетонными (Искарियोтова, Хулиганов, Подхалимов, Трутнев), авторы юридически обезопасили себя от обвинений в клевете, в покушении на честь и деловую репутацию известных в городе и крае людей. И в то же время сделали всё возможное, чтобы по деталям современники легко догадывались, кто имеется в виду. Интерес к «Амурским волкам» во многом был вызван тем, что в романе искали (и находили) подтверждение слухам, в том числе самым невероятным, о реальных лицах и подоплёке реальных же событий. Произведение воспринималось частью читателей как «срывание всех и всяческих масок» с действительности, как обнажение подлинной, неприглядной, и потому замалчиваемой, скрываемой властью правды жизни.

Впрочем, и в наше время некоторые из читателей убеждены, что роман правдиво изображает амурскую действительность начала двадцатого века. Вот, например, мнение известного историка: «Боль-

шой популярностью у читателей пользовались романы “из местной жизни”: “Амурские волки”, “Фальшивые сторублёвки”, “Взаимный банк”... Все они очень хорошо передавали колорит и нравы тогдашнего Благовещенска»³². А вот запись, сделанная 4 ноября 2010 г. одним из посетителей местных интернет-форумов: «Недавно, наконец, прочёл “Амурские волки”. Авантюрный роман, написанный сто лет назад в Благовещенске и про Благовещенск. Его называют бульварным чтивом, но мне он показался весьма социальным. Штиль, конечно, устаревший, но на фоне того, как писали сто лет назад, — весьма и весьма. Конечно, главное, от чего я пёрся, это осознание факта, что всё, что описывается в романе, происходило здесь, на этих самых улицах, в домах, которые ещё стоят у нас в городе до сих пор. Жаль, в книге мало ссылок на конкретные названия». Как видим, читатель не сомневается: «всё, что описывается в романе», было на самом деле. Убеждает современных читателей в достоверности содержания книги 1912 года и то, что подобное они наблюдают вокруг себя. Вот одна характерная реплика из амурской блогосферы, датированная 20 мая 2010 г.: «А вы почитайте роман “Амурские волки” о начале 19-го (ошибка, надо — 20-го. — А.У.) века в Благовещенске. Станным образом события напоминают нынешний передел власти».

Однако «Амурские волки» дают представление не только о социальной жизни Приамурья начала двадцатого столетия, но и о сознании тогдашних людей. Произведение показывает, чем, какими интересами и заботами они жили, к чему стремились, что обсуждали, как воспринимали окружающий мир и своих современников.

Авторы коллективного романа, в своей основной работе ориентировавшиеся на вкусовые предпочтения, информационные и эстетические запросы провинциальной читающей публики, во многом походили на неё. Так что не случайно в первой части статьи столь подробно рассказывалось о биографии и личности Матюшенского: ведущий автор «Амурских волков» вполне мог стать и одним из прототипов романа, в котором действуют разного рода авантюристы. По крайней мере, для человека с таким жизненным багажом, как у него, вряд ли могла быть тайной за семью печатями психология подобных героев.

Соавторы *А. Седого* (а отчасти и он сам) — люди с обыденным типом сознания, в каком-то смысле обычные городские обыватели, с не очень широким культурным кругозором, не получившие систематического образования, видевшие и понимавшие жизнь во многом

³² Шиндялов Н.А. История Благовещенска. 1856–1907. Очерки, документы, материалы. Благовещенск, 2006. С. 117.

примерно так же, как большинство подписчиков газет, в которых они печатались. Моральные ценности и эстетические вкусы тех и других были близки, а потому повороты сюжета, характеры и взаимоотношения героев, их внутренний мир, их речь они выстраивали в соответствии со своим жизненным и профессиональным опытом, со своими представлениями о том, как на самом деле устроены российская действительность и русский человек.

Таким образом, прочтение романа под определённым углом зрения может помочь реконструировать сознание, систему ценностей весьма распространённой категории читателей предреволюционной эпохи. Речь не об интеллектуальной и культурной элите российского общества, не о той сравнительно узкой и замкнутой части социума, которая ментально ощущала себя в координатах культуры Серебряного века, которая впитывала идеи русской классики и религиозной философии начала столетия. И не о составляющем большинство населения тогдашней России крестьянстве, жившем заботами о хлебе насущном, тесно связанном с землёй, с естественным, природным течением бытия. В данном случае имеется в виду самый мощный, срединный слой городского, так называемого «просвещённого общества». В основном его составляли провинциальные чиновники, выборные и служащие органов и учреждений местного самоуправления, служащие частных компаний, провинциальные газетчики, часть имеющего весьма специфические культурные запросы мещанства, мелкая и средняя буржуазия и т.д.

Именно поэтому важно сконцентрировать внимание не на жанровых особенностях произведения, не на его поэтике (всё это в силу заурядности книги не представляет особого интереса), не на бесчисленных художественных недостатках, а на мировоззрении, мироощущении героев — представителей того самого многослойного общественного конгломерата, о котором говорилось чуть выше.

Вопреки утвердившемуся ещё в советское время мнению, идейный смысл романа не сводится к обличению «морали и нравов дальневосточной буржуазии», к выявлению «звериной сущности» «местных буржуазных воротил», наживающихся на спекуляции, грабежах и убийствах. Хотя и эти стороны действительности получили впечатляющее отражение в «Амурских волках». Однако мораль и нравы буржуазных дельцов в романе ничем не отличаются от морали и нравов представителей иных групп населения.

Да, инициатор ограбления транспорта с двадцатью пудами золота купец Василий Александрович Алёхин, один из самых богатых людей города, не останавливается «перед любым преступлением, перед лю-

бым мошенничеством» (с. 270)³³. Этот человек «с тупым лоснящимся лицом» двадцать лет назад, когда он ещё был Алёхой Тимохиным, из-за золота «товарищей своих прикончил и стал богат» (с. 40). В главе «Волчья совесть» его сотоварищ по уголовному прошлому вспоминает, как в молодости Тимохин «отблагодарил» женщину, которая из сострадания дала ему, голодному и преследуемому беглецу, кров и чистое бельё, накормила, напоила, обласкала: «Хозяйка лежала на полу с раскроенным черепом... Пол залит кровью с мозгами» (с. 47). Он и сейчас способен ради наживы погубить доверившегося человека, хотя нынешний статус вынуждает его осторожничать, совершать злодеяния преимущественно чужими руками.

Но примерно так же, как Алёхин, действуют и другие персонажи, представляющие разные сословные группы, но одинаково легко нарушающие заповедь «не убий». И речь не только об уголовниках, беглых каторжниках, хунхузах. Поселяне во время охоты на медведя беспричинно убивают случайно встретившегося им бродягу (гл. 30 «В тайге»), содержатели публичных домов — своих клиентов, вернувшихся с приисков старателей (гл. 39 «Открытие “весёлых домов”»). Состоятельный молоканин Хулиганов из-за опасений разоблачения ударом тяжёлого табурета по голове лишает жизни своего родителя (гл. 49 «Отца надо устранить»). Местные чиновники во время трагических событий лета 1900 года обрекают на смерть сотни или даже тысячи китайцев, заставляя их вплавь добираться до правого берега пограничной реки (гл. 51 «За Амур или в Амур?»). Доктор Марков, вопреки нормам морали, вопреки божьим и человеческим законам, убивает ещё не родившихся младенцев (гл. 62 «Прекрасный был бы ребёнок»).

А самые чудовищные зверства, жертвами которых становятся, в том числе, дети, совершает банда Антонины Искарриотовой — известной в городе женщины, героини событий русско-китайской войны (гл. 45 «Таинственное убийство» и гл. 46 «Город взволнован. Ещё убийство»). Прототипом Антонины Искарриотовой была героиня 1900 года, «амурская тигресса» (так её именovala местная печать) Анастасия Юдина (отсюда, видимо, имя героини романа — Искарриотова, от Иуда Искарриот), которая, по некоторым свидетельствам, сколотила и возглавила банду, грабившую золотопромышленников. Причём, по слухам, особой жестокостью и беспощадностью в банде отличалась именно Юдина.

³³ Здесь и далее произведение цитируется по изданию: Амурские волки: коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1996. 448 с.

Яркая, умная, хладнокровная Искарриотова была центром кружка «жуирующих людей и царила в нём, распоряжаясь и сердцами, и кошельками» (с. 212). А тёмными ночами она тайно приходила к полицейскому чину Звонарёву и подолгу беседовала с ним. О чём — становится понятно, когда однажды ранним утром Искарриотова со спутниками, одетыми под кавказцев, подъехала к дому купца, у которого, по её сведениям, должно было быть на руках двадцать тысяч рублей. После того как она отравила собак, а спутники фомкой сняли дверь с петель, Антонина вошла в дом и стала хладнокровно расстреливать из браунинга всех, кто ей попадался: в прихожей хозяина, в спальне пожилую женщину, прячущегося за неё «хорошенького мальчика лет четырёх», затем крепкого молодого человека, который выскочил с топором в руке, шестнадцатилетнюю девушку, далее девочку лет шести, юношу лет шестнадцати со столовым ножом в руке, здорового мужчину с поленом в руке, видимо, кучера... Вместо денег, правда, убийцы нашли расписку, в которой говорилось, что хозяин дома накануне внёс в банк те самые двадцать тысяч, из-за которых была устроена страшная резня.

Зверские убийства взволновали город, но Звонарёв так вёл следствие, так умело направлял общественное мнение, что все стали думать на кавказцев. А вскоре произошло ещё одно жестокое преступление: «Вырезана семья кассира городской управы. Разбойники и тут действовали дерзко и зверски жестоко. Вместе с другими зарезан был и ребёнок лет пяти» (с. 219). И всё это — ради контрабандного золота, хранившегося у хозяина.

Такая вот амурская Кущёвка столетней давности... В то, что такое могло произойти, поверить трудно, почти невозможно. Однако сомневаться не приходится: авторы «Амурских волков» описали не вымышленные, а подлинные случаи.

Двигатель всех совершаемых в «коллективном романе» преступлений — корысть, алчность, неутолимая жажда наживы. Золота, денег вожделеют все: убийцы и грабители, тюремщики и тюремные сидельцы, «святые старцы» и рядовые члены молоканской общины, таможенники и контрабандисты, крупные купцы и мелкие торговцы, чиновники всех рангов, судьи, дознаватели, полицейские... Ради наживы многие из них готовы пойти на преступление. Хотя, наверное, называть их «преступниками» не вполне правильно. Они в большинстве случаев даже не осознают, что что-то *преступают*. Преступать — значит что-то преодолевать в себе, хотя бы страх перед законом или Богом, подавлять жалость к другому человеку или же брезгливость, отвращение к собственному поступку, задуманному или уже

совершенному. Здесь же нет никакого внутреннего преодоления, никакого осознаваемого *преступания* норм морали, а после совершения мошенничества или кровавого злодеяния — никаких мук совести, ни даже тени раскаяния или хотя бы сожаления. Герои романа пребывают в полной уверенности: позволено всё, что ведёт к обогащению, к личному преуспеянию.

Купцы и промышленники Арносов, Августов, Алёхины, Покосовы беспрестанно жульничают, но точно так же, а в некоторых случаях и более беззастенчиво и нагло, жульничают чиновные люди, государственные служащие: Балюшевич, Звонарёв, не названный по имени «чиновник особых поручений при губернаторе» (с. 208), выведенные в гл. 66 «Деловой ужин» влиятельные городские чиновники — одинаково безликие, алчные и продажные: Андрей Андреевич, Григорий Григорьевич, Пётр Петрович, Фёдор Фёдорович... Если купцы — это преимущественно «волки», способные загрызть жертву, то чиновники в образной системе романа — трусливые «шакалы», стремящиеся урвать кусок пожирней с пиршественного стола первых. Так, например, когда слухи об очередном крупном мошенничестве Алёхина с поддельным золотом (на сорок тысяч «нагрел» китайских перекупщиков) стали известны в городе, к нему тут же потянулись «шакалы» — городские чиновники, вымогающие взятки. Сначала появились люди «первого разряда», человек шесть (всем пришлось дать), потом чиновники «второго разряда» (давал меньше и выборочно), потом стала одолевать всякая мелкота (этих гнали в шею).

Но чаще всего «волки» и «шакалы» действуют сообща, сбиваясь в стаи. Все они — представители государственной и муниципальной власти, правоохранители, судьи, буржуазные дельцы, уголовники — тесно сплетены в один ядовитый клубок, в один гигантский «кооператив», подобие единой партии — партии тогдашних жуликов и воров. Главное, что всех их объединяет, — жажда наживы и хищнические наклонности. Мир романа населён множеством зооподобных существ — персонажей, которых и они сами, и другие герои, и авторы бессчётное число раз именуют *волками* и *шакалами*. Слово «волк» (вместе с производными) — самое частотное и концептуально значимое в книге. Помимо заглавия произведения, оно присутствует в названиях десяти глав: «Волчья совесть», «Волчье совещание», «Волк на волка», «Волк и шакал», «Белые и жёлтые волки», «Таёжные волки», «Волки в тюрьме...», «Волк у волка кость стащил», «Старые волки», «Волки всполошились». Слово «шакал» фигурирует в названиях трёх глав.

Уподобление персонажей хищным животным, зверям имеет вполне объяснимую мотивацию, так как в литературной традиции «зверь

— это прежде всего инстинкт, торжество плоти», «мир плоти, освобождённой от души»³⁴. Сказанное справедливо по отношению к большинству персонажей «коллективного романа». Это не люди, а зооподобные, звероподобные существа, утратившие (или никогда не имевшие) представление о высшем смысле человеческого бытия, не знающие простых человеческих чувств и добродетелей — любви, нежности, верности, жалости, сострадания. В этой среде волчьими наклонностями принято не стыдиться, а гордиться, их не только не маскируют, но, напротив, демонстрируют. Волчья душа тянется к себе подобной. Потому-то купец Иван Арносов, сделавший состояние на воровстве и обмане, ничуть не расстраивается, узнав, что жена обманывала его, изменяла ему с другим отъявленным мошенником — Леонтием Балюшевичем. «Да ты, Софочка, не волнуйся, — успокаивает он её. — Лишь бы душой ты от меня не ушла... А я знаю, что не уйдёшь. Душа-то твоя родная сестра моей душе. Одинаковые они у нас с тобой, Софочка, одинаковые. Волчьи, матушка, волчьи!» (с. 102). И обманутый муж предлагает жене для удобства встречаться с любовником не в гостинице, а у себя дома. И даже просит её сильнее «приворожить» Леонтия — чтобы наладить с тем более тесные деловые отношения и на этом «заработать толику». Балюшевича такой поворот тоже несколько не смущает, ибо натура у него такая же волчья, как и у двуногих хищников Арносовых.

Широкое применение в «Амурских волках» зооморфных сравнений и уподоблений напрямую связано с отразившейся в романе духовно-нравственной деградацией и отдельных людей, и всего общества.

Вернёмся к теме объединения выведенных в произведении волков и шакалов в преступные стаи. Один из таких случаев, описанных в романе и имеющих под собой реальную историческую основу, — разграбление китайских лавок, складов и жилых домов после событий июля 1900 г.: «Образовалась целая шайка. Товары на глазах всего населения города вывозились <...> и бесследно исчезали» (с. 254). Шайку возглавляет всё тот же вездесущий Звонарёв. Когда-то этот хорошо информированный господин служил на почте, а сейчас на нём мундир могущественного государственного ведомства. Вокруг Звонарёва и его помощников по службе (и криминальному промыслу) Ломягина и Костеренко собирается весьма разношёрстная публика: представители городских властей, бандиты, купцы, мелкие спекулянты, служители правопорядка. Среди них оказываются и такие колоритные фигуры, как

³⁴ Фёдоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига, 1988. С. 306.

Антонина Искаритова, Кузька Подхалимов, Трутнев. Шайка действует в открытую, но никто из властей предержавших не реагирует — все «в доле»: «Всё это было известно городскому голове и сиротскому суду. Но голова и суд молчаливо покрывали этот грабёж. В сиротском суде в то время сидел секретарь, составлявший отчёты опекунам, выводивший дутые цифры и прикрывавший всякий грабёж. При таких условиях всё сходило с рук безнаказанно» (с. 256–257).

Чтобы убедиться в общей достоверности нарисованной в «коллективном романе» картины, достаточно обратиться к свидетельствам очевидцев драматических событий лета 1900 г. Вот одно из них: «Мне самому приходилось, к несчастью, быть в рядах “добровольной дружины” и две недели выдерживать в ложементх китайскую осаду города Благовещенска. Две недели перед моими глазами плыли по Амуру распухшие трупы уопленников — “врагов”, отказавшихся перейти на сторону своих собратьев и, несмотря на призывы последних, веровавших в русское правосудие, милосердие и культуру и не пожелавших покинуть свои лавки, базары и лачуги. Две недели грабилось китайское имущество в городе Благовещенске, как уличными хулиганами, так и чинами местной полиции. Случайно мне пришлось быть очевидцем неизгладимого из памяти и невероятного по своей грубости обмана, когда, накануне потопления, у обреченных принимались полицией “на хранение” деньги, которые тщательно завертывались в паспорта их собственников и записывались на листе бумаги. Доверчивые и наивные китайцы не знали, что ждёт их завтра... А завтра готовили им смерть. <...> Я помню, как один из теперешних владельцев типографии и книжного магазина мародёрствовал в день взятия Сахальяна (старое название города Хэйхэ, расположенного напротив Благовещенска, на правом берегу Амура. — А.У.) и возами переправлял всякую рухлядь китайского обихода»³⁵.

Авторы «коллективного романа» словно убеждают читателей: одолеть волков и шакалов невозможно, ибо они приспосабливаются к любым изменениям социально-политической конъюнктуры. Показательна в этом отношении глава «Дни свободы и кошмар Звонарёва». Чтобы нагляднее продемонстрировать способность героев к мгновенной социальной мимикрии, авторы романа отступают от хронологии и переносят главарей шайки грабителей китайского имущества из 1900 г. (гл. 55) сразу в 1905-й (гл. 56), то есть в социально-исторический контекст Первой русской революции.

³⁵ Ленский А. Всё по-старому // Сибирские вопросы. [СПб.] 1910. № 50–52. 30 сентября. С. 85.

В городе начинаются народные волнения: «Тысячные толпы ходили по улицам, собирались на площадях. В народе мигом приобрели права гражданства досель неслыханные слова: свобода, митинг, конституция, революция, оратор, лидер, платформа и т.д. И эти новые слова как будто электризовали публику. Все были возбуждены и все желали великих дел и героических поступков. В водоворот этого возбуждения и попал Звонарёв со своими сподвижниками. От них потребовали отчёта в их действиях. <...> Перепуганный насмерть Звонарёв тотчас <...> принёс покаяние и поклялся, что отныне будет верным слугой народа и, если потребуется, умрёт за свободу» (с. 257–258).

Судя по саркастическому тону, с которым описывается энтузиазм участников революционных шествий и внезапное «прозрение» жуликов от власти, главу о 1905 годе, похоже, писал автор упоминавшейся выше «Исповеди» Матюшенский. Видимо, никаких иллюзий по поводу того, что социальный переворот, смена формы правления могут изменить сущность человека и порядки в стране, в 1912 г. он уже не питал.

В таком же ключе выдержан и финал романа, который не укладывается в привычную схему. Порок хотя и наказан, но очень избирательно. Из всех представших на страницах произведения многочисленных убийц, грабителей, мошенников пострадали лишь трое: на пять лет каторжных работ осуждены горе-поджигатель Хулиганов и заказчик поджога Фёдор Покосов, десять лет каторги получила Искаротова. Про торжество добродетели говорить вообще не приходится. Финальный абзац таких надежд не обещает ни в настоящем, ни в будущем: «Кузька Подхалимов избран гласным Думы и с нетерпением ждёт назначения почётным мировым судьёй. Это его мечта. И, говорят, она исполнится. В наше время всё может быть» (с. 441).

Те процессы в социальной жизни и общественной морали, которые отразились в романе, не были результатом мгновенной трансформации, они созревали и подготавливались не одно десятилетие, а ускорение получили в эпоху бурного развития капитализма. Процессы эти, разумеется, имели отнюдь не региональный характер, они действовали во всей России, но на Амуре — особенно быстро и агрессивно. И по причине удалённости амурских земель от центра государства, от основных институтов власти, и в силу геополитической необходимости создать здесь благоприятные условия для ускоренного освоения присоединённых к России обширных пространств. А ещё потому, что сюда, на новые земли, прославившие «русской Калифорнией», краем, где можно сказочно быстро разбогатеть, слетались во множестве любители наживы, лихие, склонные к аферам дельцы, в том числе и уголовники. Собственно, об этом можно прочесть и в «Амурских волках»: «В городе проживали

сотни профессиональных преступников, воров, грабителей, разбойников. Убийства случались чуть ли не ежедневно...» (с. 219–220).

Прекрасная иллюстрация к тезису о том, что на Амуре концентрация мошенничества была выше, чем в Центральной России, — глава «Горячий лёд», в которой один из братьев Покосовых, Фёдор, нанявший Володю Хулиганова поджечь ради страховки собственный пароход, гружённый не пушниной, как значилось в документах, а битым стеклом и другим хламом, успокаивает родственника, опасавшегося каторги: «Тут не Россия. Тут и не такие дела сходят с рук» (с. 296). На реплику Хулиганова, что де в России законы везде одни, он уверенно отвечает: «Законы-то одни, да люди другие. В России, ежели ты поджёг пароход, так шум поднимется на весь мир. А тут... посмеются немного, и всё тут» (с. 296). И рассказывает почти анекдотический случай. Некие «умные люди» купили за гроши пароход. Корпус у него был совсем старый, а машина ещё могла послужить. Как быть? Выход из положения нашёлся: машину сняли и свезли на берег, корпус же вскоре сторел. А люди, проводившие дознание, вынесли заключение, что в пожаре виноват... лёд, который во время шуги «тёрся о пароход, пароход шатался. Ну и происходило трение. И от трения пароход загорелся» (с. 298). Так в протоколе и записали: «Произошло самовоспламенение от трения льда». В результате за ветхий корпус, годящийся разве что на дрова, мошенники получили в качестве страховки сорок девять тысяч. Часть суммы, надо полагать, осела в карманах «учёных», готовивших заключение. Пассаж об «учёных», впрочем, как и многие другие в романе, не потерял своей актуальности и в наши дни: «Учёные, они как начнут думать, так надумают непременно. Что хочешь под учёную линию подведут» (с. 297). Точнее было бы сказать не «что хочешь», а «что закажут», «что проплатят».

Рассказ Поковского об афере завершается резюме: «На Амуре всё возможно. Такие ли дела сходили с рук!» (с. 299). Журналисты, создававшие «коллективный роман», могли судить об этом со знанием дела.

Более раннюю стадию общественной деградации на Амуре запечатлел Леонид Волков в стихотворении «Вы ищите жизни, вы жизни хотите?!»:

А здесь в городишке (за резкость простите),
Как в старом болоте, затишье и вонь!..
Есть люди и нет их; общественной связи
Здесь нет никакой, не ищите её...³⁶

³⁶ Волков Л. Вы ищите жизни, вы жизни хотите?! // Дальний Восток. [Владивосток.] 1894. № 18. 13 февраля.

Если верить «коллективному роману», за восемнадцать лет, прошедших с момента публикации произведения первого амурского поэта, ситуация в Благовещенске только усугубилась, деградация затронула многие сферы жизни. Бурными темпами утверждающийся на Амуре «дикий капитализм» и сопровождающий его культ наживы и чистогана создают максимально благоприятные условия для развития и проявления худших человеческих качеств. Всё возвышенное постепенно сходит на нет, вытесняясь низменным, порочным. Серьёзным испытаниям подвергаются традиционные семейные ценности, институт семьи и брака: «В городе вообще на “свободную” любовь смотрели довольно легко, и всевозможные сожителства ни в ком не вызывали удивления» (с. 270). Процветает сводничество, не пустуют «весёлые дома». Выведенные в романе женщины ощущают в себе не любовь, а «инстинкт самки» (с. 50), «половое возбуждение», «половой психоз» (с. 267), в лучшем случае «безумную страстность» (с. 266). И практически все они воспринимают себя как товар, который можно выгодно продать. В свою очередь, для мужчин женщина — «лакомое блюдо», «кушанье», которого хочется «отведать» (с. 201). Дети, подростки из бедных семей попадают в ловко расставленные сети богатых развратников (пивной заводчик Августов). Множатся наркоманы, которыми переполнена тюрьма. В общем, печальная картина, разительно похожая на ту, которую рисуют средства массовой информации периода современных «рыночных преобразований».

В отсутствие испарившейся неведомо куда подлинной веры, подлинного религиозного чувства у человека не находится внутренних сил для противостояния злу и пороку. Внешних сдерживающих факторов в обществе тоже практически не осталось: власть поражена тотальной коррупцией, а церковь всё в большей степени становится местом отправления формального ритуала, почти не связанного с душевно-духовной жизнью человека. Посещение храма может чередоваться с совершением преступлений, с мошенничеством, и это не воспринимается как что-то несовместное. Так, об одном из самых отъявленных жуликов католике Балюшевиче говорится, что «он был человек религиозный» и церковь «посещал аккуратнo каждое воскресенье» (с. 350). В силу цензурных причин, авторы «Амурских волков» не могли поставить под сомнение авторитет православной церкви, поэтому о ней вообще не упоминают. Зато целых три главы (с 68-й по 70-ю) посвящают порядкам в молоканской общине Благовещенска. Суть этих порядков предельно проста: согрешил, смошенничал — отдай «десятину» Богу, точнее «святым старцам», руководителям общины, а уж они «отмолят», «снимут грех». Не поделился — гла-

вари общины сделают всё, чтобы человека постигла кара, причём не небесная, а земная. То есть и здесь царят те же самые волчьи законы и нравы, что и в мирской жизни.

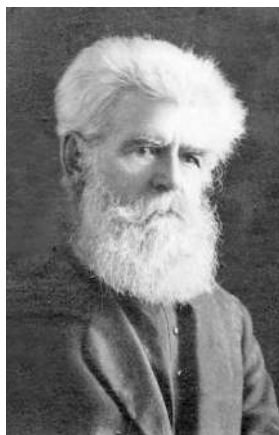
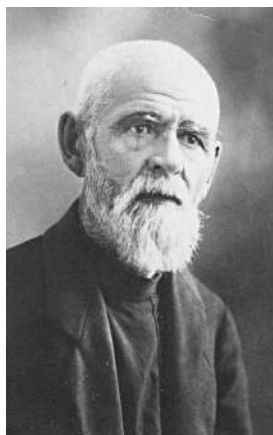
Таким образом, можно заключить, что авторы «Амурских волков», преследуя, прежде всего, коммерческие цели, не ставя перед собой серьёзных художественных задач, произвольно перемешивая правду с вымыслом, подлинные факты со сплетнями, отразили в своём бульварном романе многие язвы современного им общества.

Что зафиксировал их взгляд? Если сказать коротко, ситуацию, при которой главной, чуть ли единственной настоящей ценностью для большинства жителей Приамурья является нажива, неважно какой ценой (убийствами, грабежами, воровством, мздоимством, жульничеством, сводничеством, торговлей телом) приобретённые деньги. Вопреки, быть может, собственным намерениям, авторы обнаружили повсеместную утрату людьми и религиозного, и государственного, и национального сознания, практически полное исчезновение нравственных и духовных идеалов в повседневной жизни российской глубинки, в непосредственной практике основных сословных групп населения. Иначе говоря, явные признаки разложения, серьёзного духовно-нравственного недуга, поразившего значительные слои русского общества в канун больших исторических испытаний 1914–1917 годов.

В заключение — несколько строк о печальном финале жизненной судьбы основного автора романа «Амурские волки».

После Февраля 1917 г. издание «Благовещенского утра» было прекращено, и А.И. Матюшенский принимает решение вернуться на родину — в Саратовскую губернию, затем семья перебирается во Владикавказ, на родину его гражданской жены Н.В. Бурдиной. Однако и там было небезопасно, поэтому пришлось возвращаться в Благовещенск. Здесь Матюшенский купил двухэтажный кирпичный дом, в котором вскоре поселилась и приехавшая из Москвы первая жена с детьми. Факт приобретения дома нашёл отражение в одном из материалов Ф.И. Чудакова. В ироническом «Словаре знаменитых современников» он писал о Матюшенском: «Величайший амурский романист. В 1919 году его романы выйдут приложением к “Ниве”. Сейчас почивает на лаврах и покупает недвижимое имущество. Пишет только расписки в получении платы с квартирантов. Увлекательно!» (Дятел, беспартийный. 1918. № 4. 4 (17) февраля. С. 7).

На деле, после возвращения в Благовещенск жизнь у Александра Ивановича складывалась не столь лучезарно. От набравшей обороты

А.И. Матюшенский
до операции по
омоложению (слева)
и после операции

А.И. Матюшенский
в кругу семьи.
Харбин, 1926 г.

классовой борьбы не удалось уберечься и на Амуре. В дом приходили с обысками, грозили расстрелять, несколько раз хозяина забирали в ЧК. Как вспоминала дочь Ирина, «отец продал дом, причём за сибирские деньги, которые вскоре перестали ходить, и он в одночасье потерял всё, что заработал великим трудом. Семья осталась без средств к существованию».

В декабре 1921 г. известный журналист был арестован и заключён в Благовещенскую областную тюрьму по обвинению в связях с подпольной белогвардейской организацией. Вскоре ему и восьми его «сообщникам» по сфальсифицированному амурскими чекистами «делу» был вынесен смертный приговор, впоследствии отменённый (подробности этой захватывающей истории рассмотрены в третьей части данной главы).

Вернувшись из Читы в Благовещенск и не желая больше искушать судьбу, летом 1923 г. Матюшенский нелегально переправился через Амур и добрался до Харбина — центра Восточной эмиграции. В 1924 г. он сделал себе операцию по омоложению, прислав родным в Благовещенск фотографию, показывающую чудодейственный

А.И. Матюшенский
с дочерью Ириной.
Харбин, 1931 г.

Фрагмент
предсмертной записки
А.И. Матюшенского

Умираю, потому что, превратив-
шись в инвалида, не хочу быть в тя-
госты своей семье и без того безпо-
мощной. При этом же, отдав всю
свою жизнь общественной работе,
я не могу примириться с ро-
ковым даром судьбы, не приносящим
пользы ни себе, ни другим. Уста-
навливаю себя из жизни, я выбра-
сываю за борт беспомощный, ин-
тересный другим мусор. В этом
мое право и даже обязанность
уйти из жизни. А я ведь,

результат. В апреле 1925-го, под покровом ночи пешком перейдя по льду Амур напротив улицы Театральной, покинула Благовещенск и Советскую Россию Н.В. Бурдина с дочерью Ириной, и вскоре семья соединилась. В Харбине Матюшенский занимался журналистской по-

дёнщиной в «Копейке», «Рупоре» и некоторых других малотиражных газетах. Влачил жалкое существование, почти нищенствовал, тяжело заболел — положительный эффект операции по омоложению оказался коротким. В течение трёх лет тяжело больной, теряющий память Матюшенский продолжал работать дома, написанные статьи в редакции газет относил жена. 17 марта 1931 года Александр Иванович совершил попытку самоубийства — перерезал себе вены. Причины, подтолкнувшие к такому решению, он изложил в записке:

Умираю, потому что, превратившись в инвалида, не хочу быть в тягость своей семье, и без того беспомощной. При этом же, отдав всю свою жизнь общественной работе, я не могу примириться с ролью дармоеда, не приносящего пользы ни себе, ни другим. Устраняя себя из жизни, я выбрасываю за борт бесполезный, мешающий другим мусор. В этом моё право и даже обязанность уйти из жизни. А я всегда, всю жизнь, старался добросовестно выполнять свои обязанности.

Прощайте и простите.

А. Матюшенский.

P.S. Прошу харбинскую общественность не оставить своим вниманием моих жену и дочь.

Е.С. Кауфману (издатель газеты «Рупор». — А.У.) из-за гроба шлю свою благодарность за его доброе отношение ко мне во время моей трёхлетней болезни.

А.М.

После неудачной попытки самоубийства Матюшенский прожил недолго — 15 апреля того же года он скончался и был похоронен на Успенском кладбище в Харбине. Могила его не сохранилась, так как на месте кладбища ныне разбит парк отдыха. Личный архив писателя перед возвращением в 1954-м из Харбина в Советский Союз уничтожила его дочь от второго брака Ирина, объяснившая позднее, в 1998-м, свой поступок О.Ф. Федотовой так: «Я не имела права рисковать своими детьми».

Оригинал предсмертной записки и сохранившиеся фотографии А.И. Матюшенского из семейного архива Ирины Александровны Чельшевой (Матюшенской) находятся в фондах литературно-краеведческого музея БГПУ, куда их передала О.Ф. Федотова.

«Заступ отточен, готов уж топор...»

*Роль газеты «Амурский пионер» в литературной жизни
Приамурья начала 1910-х годов*

«Амурский пионер» — ежедневная «прогрессивная, литературная, политическая и общественная» газета, выходившая в Благовещенске в 1911–1912 гг. Официально редактором-издателем в разное время числились Александр Иванович Матюшенский (Седой) и его гражданская жена Нина Васильевна Бурдина, однако фактическим редактором всегда являлся Матюшенский. Первый номер газеты вышел 15 мая 1911 г., последний — 18 июня 1912 г. После закрытия газета стала выходить — с 21 июня 1912 г. — под названием «Благовещенское утро».

В отличие от некоторых других амурских периодических изданий, стремившихся выдерживать то или иное общественно-политическое направление, ориентироваться на программу той или иной партии или социально-политической группы и порой получавших финансовую поддержку со стороны, газета Матюшенского «Амурский пионер» (а позднее его же «Благовещенское утро») была изданием, преследовавшим чисто коммерческие цели, а потому формально независимым от внешних политико-идеологических, партийных, классовых и прочих клановых или групповых влияний.

В первом номере была напечатана заметка «От конторы редакции», в которой сообщалось: «Газета “Волна”, прекратив своё существование, передала все свои обязательства “Амурскому пионеру”. А поэтому абоненты “Волны” со всеми требованиями, а также и с расчётами за абонемент и подписку благоволят обращаться в контору редакции “Амурского пионера”: Зейская улица, дом № 193, Мокиных (где типография Залесских), телефон № 577».

В этом же номере напечатана редакционная статья без подписи (написанная, очевидно, А.И. Матюшенским) «Наши задачи». Она носит программный характер. Статья многословная, велеречивая, патетичная. Начинается она в либеральном духе и с использованием либеральной же фразеологии: «Насколько хватит наших сил, мы будем устранять с пути общества всё то, что так или иначе тормозит его поступательное движение. / Наш девиз поэтому: вперёд, к новым формам общественного строя! К свободе человечества, ничем и никем не ограниченной! К благополучию и счастью всех без исключения!»

Однако, высказав намерение осчастливить «всех без исключения», автор программной статьи тут же себя и одёргивает, вспомнив, ви-

димо, тех, с кем предстояло бороться, — им он «счастья» явно не гарантирует: «На этом пути мы, конечно, не можем не встретиться с интересами меньшинства, захватившего в свои руки все блага мира и обездолившего именно тех, руками которых создаются эти блага... / Не может меньшинство быть сильнее большинства, а, следовательно, и борьба за счастье большинства может окончиться только победой». Здесь уже звучат тезисы и лозунги не либеральные, а, в несколько смягчённой форме, революционно-демократические, чуть ли не большевистские. Уже по началу этой эклектично-компилятивной статьи понятно, что ясной и твёрдой программы у Матюшенского и его газеты нет, что редактор жонглирует словами, стараясь понравиться максимально большому числу потенциальных подписчиков. Понимая, что либерально и социалистически ориентированные читатели уже «разобраны» другими периодическими изданиями, автор статьи делает акцент на том, что может заставить их сделать выбор ещё и в пользу «Амурского пионера», — на вопросах культуры как главной теме газеты: «Рабство разрушает всякую культуру. А поэтому: / — Вне свободы не может быть культуры. / Не может быть жизни человечества, ибо вне культуры жизнь немыслима: / Народы, не обладающие культурой, просто вымирают, сходят в историческую могилу. / Мы поэтому — за культуру, за жизнь, а не за смерть. / Всякий, выступающий против культуры, наш враг. И наоборот, друзья культуры — наши друзья». Подчёркивается в статье и культурная отсталость Приамурья, что требует немедленных и энергичных мер: «Местная жизнь во всём отстала даже от жизни Европейской России. У нас только ещё зачатки чувства общности. А развитие чувства общности есть основа всякой культуры. <...> Наша главная задача <...> создать хотя бы сносные условия для жизни и развития культуры в крае».

Ещё один важный момент — «Амурский пионер» в лице автора программной статьи протягивает руку дружбы другим печатным изданиям: «...Мы надеемся, что в этой работе нашими союзниками будут все друзья культуры, а в том числе и наши старшие собратья — “Эхо” и “Амурский листок”». Однако вскоре станет понятно, что Матюшенский не зря так часто употреблял в этой статье слова «борьба» и «враги»: некоторые из названных «друзей культуры» (прежде всего «Амурский листок») станут для «Амурского пионера» и особенно его редактора отнюдь не союзниками, а скорее смертельными врагами. И вина за это будет лежать и на авторе программной статьи.

Планы на будущее у новой газеты были серьёзными, даже несколько воинственными. Отразилось это ещё в одном явно программном, написанном специально ради такого торжественного случая матери-

але первого номера — стихотворении *Н. Тульчина* (кто из амурских авторов печатался под этим псевдонимом — установить не удалось) «Пионер»:

Смело вступает с глухой тайгой
Новый пришелец в борьбу.
Рубит тайгу сильной, твёрдой рукой
С верою в счастье, в судьбу...

Верит, что мёртвый он край оживит;
Верит — упорным трудом
Тьму он рассеет, тайгу осветит
Ярким прогресса лучом...

Заступ отточен, готов уж топор.
Ждёт, пионер, тебя край...
Блещет отвагой, надеждою взор...
Смело вперёд! Начинай!

Малохудожественный, до краёв наполненный риторикой текст этот задаёт парадигму вовсе не созидания, не культурного строительства, о чём много и с пафосом говорилось в статье «Наши задачи», а борьбы, «рубки». В этом смысле строчки «Заступ отточен, готов уж топор. / Ждёт, пионер, тебя край...» весьма точно предсказывает то, каким образом «Амурский пионер» под водительством «нового пришельца» (А. Матюшенского) начнёт действовать в «малокультурном» пространстве Приамурья. Может быть, оттого и короток, и не очень славен оказался век газеты, что она изначально была настроена на борьбу, на бой...

Что касается провозглашённой Матюшенским «главной» задачи — «окультуривания» «отсталого края», то она стала реализовываться как-то странно — с публикации (начиная с третьего номера) очерков *А. М-ского* (то есть А. Матюшенского) «Продажная любовь»¹. Публикацию предваряет примечание редакции: «Эти очерки, вышедшие в 1907 г. отдельным изданием, мы печатаем с разрешения автора. Редакция». То есть, получается, Матюшенский как автор очерков разрешил себе же как редактору-издателю газеты перепечатку своей собственной книги... А очерки, действительно, уже публиковались в виде отдельной книжки, но не в 1907-м (Матюшенского память подвела),

¹ М-ский А. (Матюшенский А.). Продажная любовь // Амурский пионер. 1911. №№ 3–45, 18 мая – 9 июля.

а в 1908 году, и под другим заглавием — «Половой рынок и половые отношения»². Разумеется, никакого отношения к «развитию культуры» эти очерки не имеют. Зато они имеют откровенно коммерческий характер, ибо обращены к теме, которая в период наступившей после Первой русской революции реакции стала пользоваться повышенным интересом у массового читателя — преимущественно мещанской публики и, как следствие, у части литераторов, ориентирующихся исключительно на издательскую конъюнктуру. Об этой набиравшей силу тенденции в том же 1908-м, откликаясь, возможно, и на книгу Матюшенского «Половой рынок и половые отношения», писал сатириконец Саша Чёрный в стихотворении «Песня пола»:

«Проклятые» вопросы,
Как дым от папиросы,
Рассеялись во мгле.
Пришла Проблема Пола,
Румяная фефёла,
И ржёт навеселе.

Заёрзали старушки,
Юнцы и дамы-душки
И прочий весь народ.
Виват, Проблема Пола!
Сплетайте вокруг подола
Весёлый «Хоровод».

Ни слёз, ни жертв, ни муки...
Подыдем знамя-брюки
Высоко над толпой.
Ах, нет доступней темы!
На ней сойдёмся все мы —
И зрячий и слепой...

Матюшенский явно подыгрывает низменным инстинктам и примитивным вкусам неразборчивых читателей, описывая случаи детской проституции, сводничества, порнографии, насилия, сексуальных извращений и т.п. В первой главе очерков «Продажная любовь», включённой в № 3 «Амурского пионера» (18 мая 1911 г.), речь как раз идёт о детях, ставших жертвами улицы, занимающихся проституцией — в том числе

² Матюшенский А. Половой рынок и половые отношения. СПб.: Типография «Север», 1908. 132 с.

о мальчике, у которого есть свои «клиенты». Содержание некоторых других глав (очерков) тоже вряд ли могло быть использовано для «развития культуры» Приамурья: IV. Биржа тела и неестественная любовь; V. Техника насилия; VI. Семейные вечера; VII. Муж в роли сводника; VIII. Жаждающие случая; IX. Содержанка при муже; XVI. Малолетние в притонах... Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что газетная перепечатка в 1911-м брошюры родом из 1908-го была автором снабжена более броским, более привлекательным для провинциального читателя заглавием — «Продажная любовь».

С другой стороны, очерки Матюшенского, отразившие падение общественной морали, показавшие агрессивное вторжение «рынка», «рыночных услуг» в сферу половых отношений, достаточно точно определяют главную причину этого феномена — бурное развитие в России дикого капитализма, вытесняющего традиционные духовно-эстетические ценности и социально-политические идеалы, подменяющего их культом денег.

Очень скоро тема «продажной любви» будет подхвачена и получит «художественное» развитие в *коллективном романе* «Амурские волки», который с 15 января 1912 года начнёт печатать «Амурский пионер»³. Правда, и этот ключевой текст газеты, публикация которого после закрытия «Амурского пионера» продолжится в газете «Благовещенское утро», вряд ли поспособствовал «развитию культуры» в «отсталом крае».

Вместе с автором «Продажной любви» и его соавторами по «Амурским волкам» *Юлией Михай*, *Кэтти* (оба псевдонима принадлежат Екатерине Михайловой), *Колядой* (Николаем Колодезниковым) и *Н. Тульчиным* (псевдоним не раскрыт), «золотую жилу» разрабатывал ещё один сотрудник «Амурского пионера» — фельетонист Евгений Александров. Так, в том же № 3, в котором началась перепечатка очерков Матюшенского, был напечатан его стихотворный фельетон (под псевдонимом *Бурхан*) «Амурский амур» — о свободных нравах, царящих на бульварах, в парках Благовещенска, о «случайной любви» и т.п. В № 1 за 1912 г. напечатан ещё один его фельетон в стихах (на этот раз под псевдонимом *Искандер*) — «Без маски», развивающий тему определённых наклонностей женщин, на этот раз принадлежащих к «светскому» обществу:

Раз без маски я, ей-богу,
Вечно корчу недоτροгу:

³ Амурские волки: коллективный роман из жизни Приамурья // Амурский пионер. 1912. №№ 12–131; Благовещенское утро. 1912. №№ 1–22.

Не добиться моей ласки...
Рамки светские мешают...
Ведь все женщины бывают
Лишь под маскою без маски!..

Множество материалов «Амурского пионера» посвящено полемике с газетой «Амурский листок» и её редактором Анатолием Александровичем Константиновым, который организовал на страницах своего издания грандиозную разоблачительную кампанию, направленную против недавнего ведущего сотрудника.

7 июля 1911 г. «Амурский листок» напечатал большую статью без подписи (обычно такое бывало, когда скандальный материал готовил сам редактор) «Долой маску!». Безымянный автор называет Матюшенского «авантюристом», «шантажистом», бесчестным человеком. Основание — ссылка на то, что Матюшенский после приезда в Благовещенск в мае 1910 г. рекомендовал себя как корреспондента лидера партии октябристов, на тот момент председателя Государственной думы А.И. Гучкова, который позже, во время визита в город, будто бы заявил, что не знает никакого Матюшенского. Второе обвинение — якобы Матюшенский вымогал пять тысяч рублей с представителя торгового дома Алексеевых за молчание по поводу пожара на пароходе «Муравьев-Амурский» (эта история в сатирическом ключе будет воссоздана в коллективном романе «Амурские волки»). Дальше больше: автор статьи сообщает, что Матюшенский будто бы служил в полиции «в качестве околоточного надзирателя» и «был уволен за причастность к растрате чьих-то денег». В анонимной статье задаётся вопрос: уж «не тот ли это Матюшенский-Седой», который был причастен к организации Гапона и к каким-то тёмным финансовым аферам последнего? Статья завершается итогом: «Теперь, когда с Седого сорвана маска, мы заявляем, что раз навсегда отказываемся от полемики с “Амурским пионером”, ибо газеты, руководимые людьми типа Матюшенского, уже имеют свою историю и с ними как с печатным органом считаться нельзя, понятно, до тех пор, пока г. Седой не докажет, что он и Матюшенский не одно и то же лицо».

Кстати, ответом на эти обвинения стало «Открытое письмо публике» за подписью «Редакционный коллектив “Амурского пионера”», опубликованное 13 июля 1911 г. в газете «Амурский пионер». В нём, в частности, говорилось:

1. Ложное выдавание себя со стороны А.И. Седого за корреспондента Гучкова.

А.И. Седой при своём знакомстве с редактором А. Константиновым сказал, между прочим, что он имеет корреспондентскую карточ-

ку от редакции газеты «Голос Москвы», которая просила его, в случае возможности, посылать ей материал относительно дел на строительстве Амурской ж. дороги. При этом упомянул, что «Голос Москвы» пользуется симпатиями А.И. Гучкова. Относительно же того, что он лично состоит корреспондентом А.И. Гучкова, Седой ничего не говорил ни редактору «Ам. л.», ни администрации.

Таково объяснение А.И. Седого. / Исходя из того, что: 1) многие лица, знающие А.И. Седого, никогда не слыхали от него подобного заявления; 2) что те, кто слышал, слышали об этом от самого г. Константинова; 3) что г. Константинов всем известен как человек, не стесняющийся говорить неправду, лишь бы она была для него полезна и выгодна (а иметь сотрудником корреспондента Гучкова представляло для него известную рекламу), и 4) что А.И. Седой настолько опытный и талантливый журналист, что не нуждается в прибегании к подобным уловкам для возможности помещения в печати своих произведений, мы пришли к заключению, что объяснения А.И. Седого вполне заслуживают доверия и что этот пункт обвинений неверен.

2. Выводительство 5000 р. с Т.Д. [Торгового дома. — А.У.] Алексеев с С-ми.

По приходе доверенного Т. Дома разговор его с А.И. Седым происходил в кабинете и его никто не мог слышать, ни мы, ни, тем более, сотрудник «Амурского листка». После ухода г. Косицына А.И. Седой вышел в комнату, где находилась часть сотрудников, и сказал, что сейчас нам предлагали взятку в 1000 рублей за молчание по поводу пожара на «Мур.-Ам.», но он отказался.

Над этим фактом смеялись и шутя говорили, что жаль: хорошо бы иметь набитую деньгами кассу.

Господин Константинов мог только слышать со стороны о 5000 р., но говорить всякий может что угодно. Мы этому факту не верим и считаем его голословным...

Днём ранее, 12 июля, «Амурский листок» печатает редакционную статью (и здесь нетрудно угадать автора) «Разоблачение хищника». В ней даётся ответ на вопрос, почему в течение почти двух лет редакция могла иметь в составе своих сотрудников «человека, запятнавшего себя тяжёлым преступлением, имя которого с презрением произносится до сих пор всей мыслящей Россией»: «Никто из состава редакции с редактором Константиновым во главе до недавних пор не знал ровно ничего о прошлом г. Седого. <...> никому из нас в голову не приходило, что за преступник скрывается под этой фамилией».

13 июля газета печатает статью *Пролетария* (псевдоним не раскрыт) «Седой-Матюшенский» — о *гапоновщине* и роли в ней Матю-

шенского; на следующий день — статью без подписи «Беззастенчивый “Коллектив”». В ней содержатся обвинения в адрес коллектива редакции «Амурского пионера», вначале якобы решившего покинуть газету, которую возглавляет «провокактор», а затем передумавшего. В статье повторяются звучавшие прежде обвинения в адрес Матюшенского. В заключение автор пишет: «Карьера Седого-Матюшенского закончена вообще в России, а после разоблачения — и в Благовещенске. Единственно, что остаётся ему, это ехать дурачить публику туда, где его не знают. В Благовещенске этого ему не удастся».

16 июля «Амурский листок» публикует «Ответ Седому-Матюшенскому» за подписями «бывших сотрудников “Амурского листка”» И. Рогаткина, П. Колмакова и Н. Перминова. Авторы пишут, что не могут «категорически утверждать, что Матюшенский — провокактор», но имеют «право подозревать его в причастности к провокации». Они обвиняют Матюшенского в противоречиях и заявляют: «Реабилитировать себя <...> Матюшенский может в Петербурге или за границей. От дальнейшей полемики с Матюшенским отказываемся...».

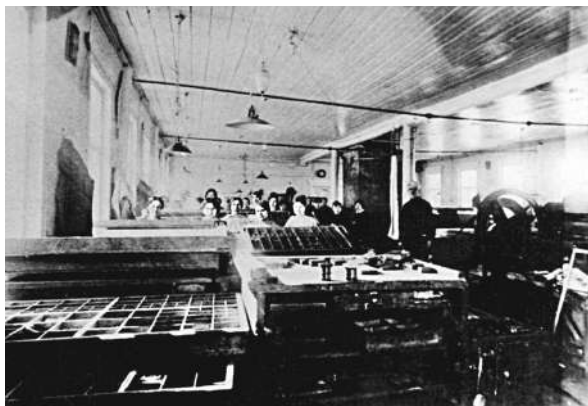
Попутно в разделе «Хроника» почти ежедневно печатаются сообщения, выставляющие Матюшенского в самом неприглядном свете.

И только 23 сентября 1911 г. — первая публикация «Амурского листка», выражающая иную точку зрения: «Письмо в редакцию» В.Я. Ротта, Е.С. Левашова, Н.Г. Кожевникова — известных в городе адвокатов, по просьбе Матюшенского рассмотревших суть публичных обвинений, предъявляемых ему. Заключение юристов звучит категорично «...Все эти обвинения должны быть сданы в архив и Седой-Матюшенский должен быть признан полноправным членом того общества, которому он на наших глазах достаточно стойко и энергично отдаёт свои силы в тяжёлой и малоблагодарной роли профессионального газетного работника». Редакция «Амурского листка», опубликовав «Письмо...», уклонилась от его оценки, признавая себя «незаинтересованной стороной», апеллируя к лицам из публики, которым знакома деятельность Матюшенского. Кстати, это письмо вначале было опубликовано в газете Матюшенского «Амурский пионер» (1911. № 102, 22 сентября), и только после этого его перепечатали другие издания — «Эхо» и «Амурский листок».

На этом разоблачительная кампания не завершилась, хотя, казалось, все обвинения уже были выдвинуты, все оскорбительные эпитеты многократно повторены. Эта настойчивость газеты может быть объяснена лишь маниакальным желанием редактора «Амурского листка» выжить Матюшенского из Благовещенска, не давая ему ни дня передышки. 27 ноября 1911 г. в газете появляется статья некоего

Разносчик газет

Здание редакции и типографии газеты
«Благовещенское утро»Наборный цех
типографииСотрудники
газеты
«Благовещенское
утро»

Гр. Рокотова (возможно, самого А. Константинова) «Правда о Матюшенском». Автор отвергает высказанные на страницах «Амурского пионера» оправдания Матюшенского, вновь и вновь обвиняя его в провокаторстве и воровстве. Цель статьи — «предостеречь от возможной активности бывшего провокатора, имеющего в своём распоряжении печатный орган под кличкой “прогрессивного”».

11 декабря в «Амурском листке» печатается статья *А.И. Л-ва* с тем же названием — «Правда о Матюшенском». В ней приводится большая выдержка из писем петербургского журналиста Н. Симбирского — о последних днях гапоновщины, в том числе об участии Матюшенского в финансовой афере с присвоением 23 000 рублей.

Разумеется, со страниц «Амурского пионера», а затем «Благовещенского утра» Матюшенский отвечал на все эти выпады и обвинения «Амурского листка». Судя по тому, что газета Константинова несколько раз отказывалась (по крайней мере, на словах) от продолжения полемики с этими газетами, надо признать, что аргументов и фактов, а также мастерства владения словом редактору «Амурского листка» в его противостоянии с таким «зубром» журналистики, как Матюшенский, явно не доставало. Недостаток аргументов и мастерства приходилось покрывать за счёт грубости, что порой придавало газете Константинова налёт бульварности.

Ещё раз следует подчеркнуть, что газета Матюшенского в этой острой полемике не была лишь объектом для битвы, она мгновенно реагировала на оскорбительные выпады, её аргументы часто выглядели более убедительно. Хотя иногда срывался и редактор «Амурского пионера». Так, в ответ на каскад оскорбительных по форме и сути обвинений, опубликованных в «Амурском листке», он напечатал в своей газете под своим наиболее известным псевдонимом *А.И. Седой* полемические заметки «Довольно терпеть!» (1911. № 104. 24 сентября). В них Матюшенский сполна отплатил, причём той же самой монетой, своему главному обидчику Анатолию Александровичу Константинову, воспользовавшись «тёмными пятнами» его биографии:

Пора сказать публике, что такое Анатолий Константинов, чтобы публика знала, с кем нам приходится иметь дело, из какого источника идут обвинения.

Зная, кто и что такое Константинов, публика вместе с тем поймёт, что для него нет недозволенных средств, что он не останавливается ни перед чем.

Оговариваемся, что мы приводим только такие факты из жизни Константинова, относительно которых нет никаких сомнений.

Вот эти факты:

Анатолий Константинов служил в канцелярии военного губернатора Амурской области и воровал из дел гербовые марки, за что его и выгнали со службы.

Анатолий Константинов в бытность на службе в той же канцелярии губернатора, взялся доставить одному обывателю пожалованную ему золотую медаль.

За такую медаль, как известно, взыскивают 55 рублей, — а Константинов взыскал за медаль 110 рублей.

Эта махинация выяснилась в тот же день, и за это Константинова побили.

Анатолий Константинов служил в акцизе и брал взятки, за что и понёс наказание по суду.

Анатолий Константинов обмошенничал г-жу Павлову на 3000 рублей. Признаки мошенничества в этом деле усмотрел окружной суд (при разборе гражданского иска) и передал дело прокурору. <...> Вот с каким господином приходится иметь дело и нам, и публике. <...> Что такое клевета для человека, который и ворует, и обмошенничает, и взятки берёт?

Были и другие случаи, когда «Амурский пионер» использовал любой удобный случай, чтобы лишний раз уколоть газету Константинова и его самого. Например, охотно печатал «письма в редакцию» тех, у кого не сложились отношения с редактором «Амурского листка» (таковых всегда хватало). Так, 8 марта 1912 г. в газете появилось «Письмо в редакцию» за подписью недавнего репортёра «Амурского листка» А.С. Леонтьева:

В № 989 газеты «Эхо» было помещено письмо редактора «Амурского листка» А. Константинова, которым он реагировал на заметку в «Эхо» под заглавием «Забастовка сотрудников».

В середине письма он пишет:

«Основанием для этой заметки послужил, вероятно, отказ от службы одному из репортёров, последовавший вследствие неприличного его поведения во время разговоров с руководителем газеты».

Полагая, что дело идёт обо мне, я нахожу, что факт моего выхода из газеты «Амурский листок» освещён г. Константиновым неверно.

Я заявляю: г. Константинов меня не увольнял, а я вышел сам из газеты «Амурский листок», не находя возможным для себя продолжать работу при существующих условиях там.

Кроме того, я сознаю, что с «руководителем» издания я вёл себя действительно «неприлично», т.е. так, как должен вести себя каждый с Константиновым.

Об этой ожесточённой перебранке двух редакторов «прогрессивных» газет, на словах выступавших за «развитие культуры», нельзя сказать, что она являлась образцом и примером того, как надо проводить цивилизованную полемику. Скорее наоборот, она была вопиющим случаем бескультурья и провинциальности в худшем смысле этого слова.

Кроме глав коллективного романа «Амурские волки», в «Амурском пионере» печаталось не так много произведений, претендующих считаться художественными. Прозаические фельетоны Матюшенского (под разными псевдонимами) и фельетоны в стихах Е.С. Александра (под псевдонимами *Бурхан* и *Искандер*) вряд ли принадлежат собственно художественной литературе — это, скорее, обычные газетные фельетоны на злобу дня.

Печатались в «Амурском пионере» и стихи. Два стихотворения в газете опубликовал Филипп Дан: «Эта весна — не моя» (1911. № 33. 24 июня) и «Новый год» (1912. № 1. 1 января), изредка печатались стихи *П. Гарева* — Петра Колмакова. В «Прибавлении» к «Амурскому пионеру» за 26 июня 1911 г. (№ 35) помещено стихотворение одного из самых активных сотрудников газеты *Н. Тульчина* (псевдоним, как отмечалось выше, не расшифрован) — «Мессия», представляющее собой современное, со специфическими подтекстами, прочтение евангельского сюжета:

Мессию весь народ еврейский,
Царя царей, упорно ждал,
Но юношу семьи плебейской
Он за Мессию не признал...

Начиная с № 65 (3 августа 1911 г.) под псевдонимами *Юлия Михай*, *Кэтти*, *Крапива* в «Амурском пионере» активно печатаются стихи, рассказы, фельетоны в стихах, корреспонденции, рецензии Екатерины Михайловой. Вскоре Михайлова превращается в одного из ведущих авторов газеты, работающего в литературных жанрах. Вошла она, как уже отмечалось, и в число авторов коллективного романа «Амурские волки».

Что касается стихов Е. Михайловой, которые почти всегда печатались под псевдонимом *Юлия Михай*, то чаще всего они относились к жанру пейзажной или интимной лирики. Как и в прозе, оригинального, неповторимо-индивидуального в них на первых порах немного: как правило, это штампы, перепевы и перелицовки избитых тем и мотивов. Для выражения своих переживаний *Юлия Михай* ищет готовые фор-

мы: рифмы, эпитеты, образы. Даже при описании амурской природы, благовещенских реалий она, в отличие, например, от печатавшегося десяти-двадцатью годами ранее Леонида Волкова или своего современника Герасима Шпилёва, рисует « типовые », « стандартные » картины, в которых местный, дальневосточный колорит почти полностью отсутствует. Возможно, это объясняется тем, что школьная учительница (кем она была по образованию и основному роду деятельности) старалась, как могла, следовать стандартам той словесности, которую преподавала своим ученикам в начальной школе. В результате стихи *Юлии Михай* раннего периода творчества представляют собой весьма причудливое соединение высокого романтического « штиля », литературных штампов, откровенных перепевов и заимствований и, с другой стороны, авторских, по преимуществу откровенно слабых, дилетантских строчек, в которых *Юлия Михай* неумело стремится выразить собственное отношение к миру, собственные ощущения. В первую очередь это касается любовной лирики *Юлии Михай*, нередко вызывающей в памяти стихи пушкинского Владимира Ленского, который « пел разлуку и печаль, / И нечто, и туманну даль, / И романтические розы ». Один из характерных примеров интимной лирики Михайловой — опубликованное в « Амурском пионере » стихотворение « Ночью » (1911. № 91):

Пред бледнеющим ликом луны
Пробираются медленно тучи
И ползут, как печальные сны,
На высокие, чёрные кручи.

Тишина, как предвестница вьюг,
Над землёю повисла угрюмо!..
Я одна... В сердце стонет недуг
Слабосилья и горькая дума!..

Я одна на балконе стою.
Взглядом, полным мольбы и желанья,
На далёкое небо смотрю,
Замирая в тоске ожидания...

В тишине мир уснул... Друг, приди!
Час свиданья проходит мгновенно,
Только в слабой, усталой груди
Вопли злобы царят неизменно!..

Друг, приди! и на крыльях мечты
Мы умчимся от горя, упрёка...

От всерушащей злой темноты,
В мир отрады... Далёко, далёко!..

Ни автор стихотворения, ни редактор газеты Матюшенский, видимо, не почувствовали, что произведение местами (когда поэтесса от общего, от стандартных пейзажных образов переходит к частному, к собственным переживаниям) выглядит просто пародийно, что призывное восклицание «Друг, приди!» вызывает у читателя иронические ассоциации всё с тем же Ленским — с его пресловутым «Сердечный друг, желанный друг, / Приди, приди: я твой супруг!..» Никто, видимо, не объяснил пишущей стихи учительнице, что выражения типа «взгляд, полный мольбы и желанья», «тоска ожидания», «лик луны» — не что иное, как штампы, или что обороты «в сердце стонет недуг слабосилья», «вопли злобы царят неизменно» и т.п. — это стилевая выпренность, претенциозность.

Со временем в поэтическом творчестве *Юлии Михай*, представленном на страницах «Амурского пионера», всё большее место начинают занимать стихи со смутно выраженными социальными мотивами. Очевидно, сказались два фактора: общая атмосфера общественной жизни России начала 1910-х гг., а также направление газеты, которая, по замыслу Матюшенского, отразившемуся в подзаголовке, должна была стать изданием «прогрессивным, литературным, политическим и общественным». То есть на три четверти общественно-политическим, а не художественным. Конечно, «прогрессивный» курс «Амурского пионера» был, скорее, рекламной приманкой, сориентированной на вкусовые предпочтения тогдашней читающей публики, чем выстраданной мировоззренческой и гражданской позицией редактора и его сотрудников, а потому на практике обычно воплощался декларативно, а не сущностно. Это касается и некоторых стихов *Юлии Михай*, наполненных расхожими оборотами, клише, господствующей в «прогрессивных» общественных кругах риторикой. Типичный образец подобного рода лирики — стихотворение «Утешение» (Амурский пионер. 1911. № 138):

Пусть над землёю забытой
Царствует долго зима;
Саваном злобы не скрытой
Душит мечтания тьма!

Пусть под напевами вьюги
Падают жертвы вражды,

Сеются горем недуги
В царстве проклятой нужды,

Факелом светлых мечтаний
Тухнут под мглою невзгод,
В мраке несчастных желаний
Всходят миллионы забот!

Пусть! Настанет мгновенье,
Быстро исчезнет зима,
С воплем погаснет гоненье,
Светом разрушится тьма...

И в беспредельности света
Мир о любви запоёт,
Полное счастья, привета,
Солнце на небе взойдёт.

Отчасти это слабые перепевы мотивов «Варшавянки» (1905) с её враждебными вихрями и тёмными силами, который «злобно гнетут» (*саван злобы; душист мечтания тьма* и т.п.), отчасти — образный строй и риторика, заимствованные из либеральной публицистики и революционно-демократической поэзии: *жертвы вражды; царство проклятой нужды; факел светлых мечтаний; мрак несчастных желаний*. О том, что вся эта заёмная лексика и риторика были внутренне чужды поэтессе, что её утончённая мечтательная натура была поглощена совсем иными переживаниями — личными, интимными, догадаться несложно, ибо в «Утешении» и других подобных текстах нет ни единого живого слова, ни одной проникнутой подлинным чувством строчки. А некоторые сконструированы наспех, недопустимо небрежно: «С воплем погаснет гоненье», «Всходят миллионы забот» и т.п. Ещё более выразительный пример откровенной поэтической халтуры, ставшей следствием выполнения чуждого «социального заказа» — стихотворение «Свободное слово» (Амурский пионер. 1912. № 60):

Пусть реакция безжалостно
Давит всё своей рукой, —
Ты у нас, слово свободное,
Гордо реешь над толпой!..

То, что *Юлия Михай* именует «свободным» словом, на самом деле является словом казённым, мёртворождённым, уродливым, не спо-

собным не только «реять», но даже ковылять, спотыкаясь. Очевидно, почувствовала это и Е. Михайлова, в лирике которой стали более отчётливо звучать мотивы одиночества, тоски. Всё чаще она стала писать о желании вырваться из тисков обстоятельств и чуждых ей дел и мнений. Этими настроениями, например, наполнено стихотворение «Мечты» (Амурский пионер. 1912. № 7):

Мне наскучила жизнь городская,
Сплетни, шум и бряцанье цепей!
Рвётся сердце, мечтою сгорая,
На раздолье снежных степей...

Цепи, о которых она с таким чувством пишет и которые идут в одном перечислительном ряду со *сплетнями* и *шумом*, — это, конечно, не пресловутый гнёт самодержавия, а тяжкое бремя «прогрессивного» общественного мнения, навязываемого ей в редакциях газет Матюшенского.

Практиковал «Амурский пионер», как и некоторые другие периодические издания Приамурья, перепечатку произведений известных российских авторов. Правда, если верить комментариям редакции, иногда эти перепечатки опережали публикации. Так, 28 июля 1911 г. на страницах «Амурского пионера» появился рассказ А.С. Грина «Позорный столб», предварённый примечанием: «Печатается с разрешения редакции “Всеобщего журнала” до выхода номера, в котором будет напечатан этот рассказ». Нечто подобное произошло 5 января 1912 г., когда газета напечатала рассказ А.И. Куприна «Телеграфист», предназначенный, как сказано в предисловии, для 12-го, ещё не вышедшего, номера всё того же «Всеобщего журнала». А на следующий день, 6 января, газета поместила стихотворение Аркадия Бухова «Один из волхвов», перепечатанное из столичного «Сатирикона».

В целом художественный уровень большинства литературных публикаций «Амурского пионера» был невысоким, в историю литературной жизни Приамурья газета вошла, скорее, со знаком минус — как издание, печатавшее «низкопробную бульварщину»⁴, а именно приобретший шумно-скандальную известность коллективный роман «Амурские волки».

⁴ Лосев А.В. Александр Иванович Матюшенский (Полемические заметки о новоявленном «классике» амурской литературы) / публ. и коммент. А.В. Урманова // Амур: литературно-художественный альманах. № 6. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 46.

«Мы живём под властью воров и мошенников, покрываемых РКП...»

А.И. Матюшенский и «Дело девяти смертников»

Александр Иванович Матюшенский (1862–1931), печатавшийся чаще всего под псевдонимом *А. Седой*, — один из наиболее ярких представителей литературы и журналистики Приамурья 1910-х годов, редактор-издатель газет «Амурский пионер» (1911–1912) и «Благовещенское утро» (1912–1917), публицист, прозаик, ведущий автор коллективного романа «Амурские волки» (1912), единоличный автор романов «Фальшивые сторублёвки» (1913) и «Взаимный банк» (1916), ряда других произведений, пользовавшихся шумной, зачастую скандальной популярностью у амурских читателей начала XX века. В изданной в 2013 году «Энциклопедии литературной жизни Приамурья...» Матюшенскому посвящено несколько статей¹.

В одной из них автор данных строк рассказывал о том, что спустя четыре года после Октябрьской революции, 9 декабря 1921 года, Матюшенский был арестован и на следующий день заключён в Благовещенскую областную тюрьму по обвинению в связях с подпольной белогвардейской организацией, возглавляемой генералами Сычёвым и Сербиновичем и позднее есаулом Рязанцевым, которая действовала в Благовещенске и в Сахалине, на правом берегу Амура (ныне г. Хэйхэ).

Основанием для ареста видного амурского литератора стало его письмо, изъятое во время обыска у одного из фигурантов дела — Яна Кивистика. Матюшенский просил Кивистика отправить это письмо по китайской почте из Сахалина в Харбин Александру Яблоновскому — известному русскому фельетонисту и беллетристу, сотруднику газеты «Русский голос». Кивистик согласился, однако, вскрыв и прочитав письмо, не решился брать его с собой, и оно у него осталось до обыска. В письме говорилось о борьбе Матюшенского «на литературной почве с коммунистами» и содержалась просьба устроить его корреспондентом в харбинскую газету «Русский голос». К делу также была приобщена корреспонденция Матюшенского «Как мы живём», обрисовывавшая бедственное положение населения, злоупотребления

¹ См.: Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 28–30, 39–41, 67–68, 254–259 и т.д.

представителей власти и ГПО (ГПУ). В ней, в частности, говорилось: «Мы живём под властью воров и мошенников, покрываемых РКП».

22 февраля 1922 года все девять обвиняемых (А.И. Матюшенский, Я.Ю. Кивистик, А.В. Коссов, Н.П. Бетенёв, А.Н. Шелевой, И.Г. Таранов, А.С. Баженов, Т.М. Трушин и В.Р. Новиков) были приговорены к смертной казни. Уже на следующий день приговор поспешно был утверждён начальником тыла Приамурского военного округа, заместителем главнокомандующего Народно-революционной армией ДВР Евгением Трифоновым (Бражневым)² — дядей известного советского писателя Юрия Трифонова.

Однако 24 февраля произошло нечто необъяснимое, почти невероятное: согласно телеграфному предписанию зампреда правительства ДВР (Дальневосточной Республики) приговор в отношении девяти осуждённых был отменён, а сами они 5 марта 1922 года были отправлены «со всеми материалами» в Читу в распоряжение Главного кассационного суда ДВР.

Во второй половине августа — начале сентября 1922 года издававшаяся в Благовещенске местной группой РСДРП газета «Волна», оппозиционная к большевикам, опубликовала ряд материалов, рассказывающих о ходе Высшего кассационного суда ДВР, который пересматривал приговор «деяти смертникам» (№№ 88, 90, 98, 100). Суд происходил в Чите, куда доставили осуждённых. Некоторые из приговорённых военно-полевым судом в Благовещенске к смертной казни заявили, что признания у них были вырваны «путём пыток и истязаний». Судя по газетным отчётам, на заседании кассационного суда Матюшенский заявил, что «никогда не имел сношений с белогвардейскими организациями, членов их не знает. В Сахалине не был с 1917 года»³. Матюшенский дал показания, что в приписываемых ему преступлениях виновным себя не признаёт: «Об организации Рязанцева ничего не знал. По убеждениям он (то есть Матюшенский) эволюционист, полагает, что никакие насильственные перевороты не ведут ни к чему»; «Я полагаю, — говорит он, — что самое худое правительство лучше всяких банд, атаманов». На суде зачитывалось заявление Матюшенского начальнику тыла о помиловании, в котором говорилось, что он был оговорён и ошибочно осуждён. Ошибка суда, по словам Матюшенского, произошла «по молодости судей»; «такая

² О Е. Трифонове (Бражневе) см. статью Е.В. Паршина: Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 74.

³ Отчёт судебный. «Дело девяти смертников» // Волна. 1922. № 98. 1 сентября.

ошибка очень повредит правопорядку нашей родины, а поэтому надо её поправить и дело пересмотреть». Решением Высшего кассационного суда ДВР смертный приговор в отношении Матюшенского и Кивистика был отменён и заменён «выговором». Баженов, Новиков, Шелевой и Трушин были полностью оправданы, остальные получили от трёх до пяти лет с зачётом срока предварительного заключения.

В литературно-краеведческом музее БГПУ им. А.В. Лосева хранятся сделанные в 1983 году копии связанных с «делом девяти смертников» (прежде всего с участием в этом процессе А. Матюшенского) документов из фондов ЦГА РСФСР ДВ — Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (в начале 1990-х годов этот архив был переведён из Томска во Владивосток и стал называться РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока) и Государственного архива Читинской области (ныне Государственный архив Забайкальского края), любезно переданные музею Ольгой Фёдоровной Федотовой — в 1990–1998 годы заведующей литературным отделом Амурского областного краеведческого музея.

Документы проливают дополнительный свет на эту давнюю историю и на личность одного из подсудимых — известного амурского литератора Александра Матюшенского (*А. Седого*). Кроме того, они воссоздают атмосферу эпохи, позволяют получить наглядное представление о советской судебной системе первых послереволюционных лет, о её функционировании, о методах ведения следствия, об особенностях ведения судебной документации.

Несколько предварительных замечаний. Тексты документов воспроизводятся без редакторских исправлений, с встречающимися в них фактическими ошибками, с сохранением особенностей орфографии и пунктуации. Фактические неточности отмечаются в комментариях. Многоточием в угловых скобках в документах маркируются сокращения — как правило, фрагменты, посвящённые другим, помимо Матюшенского, восьми подсудимым.

Примечания (в тексте приводимых ниже документов их номера даются в квадратных скобках) находятся в конце материала.

ПРИГОВОР

Именем народа Дальневосточной республики военно-полевой суд тыла Приамурского военного округа в г. Благовещенске в закрытом судебном заседании 20, 21 и 22 февраля 1922 года в составе: председателя суда Устимова, членов: Багаева и Осипова при секретаре Пичугове рассмотрел дело о гражданах:

МАТЮШЕНСКОМ АЛЕКСАНДРЕ ИВАНОВИЧЕ. 59 л., <...> обвиняемых в причастии к контрреволюционному заговору, имеющему целью вооружённое выступление для свержения существующей власти.

На основании данных судебного следствия суд признал виновными:

<...> МАТЮШЕНСКОГО, <...> в том, что все они принимали активное участие в белогвардейской организации генерала Сербиновича и генерала Сычёва, а впоследствии есаула Рязанцева [1], имеющей целью вооружённое выступление для свержения существующего демократического строя, осуществление коего выступления предназначено было в зависимости успеха белобандитов, выступивших в Приморской области, тем самым нанести окончательный предательский удар в спину трудящихся Амурской области. <...> МАТЮШЕНСКИЙ, являясь информатором организации, злобно извращал факты о политическом положении города и области, вырисовывая их в гнусной и пошлой провокации, дабы таким образом воодушевить белогвардейщину, означенными действиями он явно призывал к свержению существующего строя и восстановлению власти насильников и палачей, кроме того, он состоял тайным корреспондентом Харбинской реакционной газеты «Русский Голос», куда посылал статьи, содержащие самую бесстыдную подлую клевету, направленную против государственных учреждений, ответственных работников народно-революционной армии и выбранных всем народом органов власти Дальневосточной Республики, как-то Народного Собрания Амурской области и Народного Собрания ДВР, называя их в посылаемых статьях собраниями мошенников и разбойников.

ПРИГОВОРИЛ:

<...> МАТЮШЕНСКОГО <...> за означенные преступления подвергнуть высшей мере наказания — смертной казни через расстрел <...>

Приговор представить на утверждение начальнику тыла Приамурского военного округа.

Председатель суда: Устимов.

Члены: Багаев и Н. Осипов.

Приговор утверждаю. 23 февраля начальник тыла Е. Трифонов.

Секретарь военно-полевого суда тыла Приамурского военного округа (ропись неразборчива).

ДВР

член Военного Суда Народно-революционной армии и флота
24 февраля 1922 года

Председателю военно-полевого суда тыла Приамурского военного округа.

Согласно телеграфного предписания зампредседателя правительства ДВР приговор военно-полевого суда в отношении 9-ти осуждённых:

<...> МАТЮШЕНСКОГО <...> отменяется и указанные лица должны быть отправлены в Читу в распоряжение Главного кассационного суда со всеми материалами.

Начальник тыла и члены военного совета НРА и флота
Е. Трифонов.

Секретарь военно-полевого суда Приамурского военного округа
(ропись неразборчива).

(ЦГА РСФСР ДВ. Ф. Р-1034, оп. 4, д. 948, лл. 1-1 об.)

ПРИГОВОР

Именем народа Дальневосточной республики. 1922 года августа 14-16 д.г. Чита. Высший кассационный суд Д.В. республики в открытом судебном заседании в составе: председателя Е.И. Матвеева, членов суда: Ф.И. Дриго и Т.П. Бочкарёв, при общественном обвинителе Колесниченко, при секретаре Долгушине. Слушали дело по обвинению: 1) КОССОВА Александра Васильевича, 21 год, б. прапорщика, из гр. Забайкальской обл., Читинского уезда, Урульгинской вол. с. В.-Талача, 2) БЕТЕНЕВА Николая Павловича, 32 лет, б. подьесаула из гр. Благовещенска, 3) ШЕЛЕВОГО Андрея Никитича, 43 лет, из гр. Амурской обл. Козьмедемяновской вол. и того же села [2], 4) ТАРАНОВА Ивана Григорьевича, 42 лет, из гр. гор. Харькова в том, что они состояли в белогвардейской организации есаула Рязанцева, находящейся в Сахалине [3] и составившей себе целью вооружённое выступление против существующей в Дальневосточной республике власти. 5) МАТЮШИНСКОГО [4] Александра Ивановича, 60 лет, литератора, из гр. Самарской губ., Ново-Узеновского уезда, Мало-Узеновской вол. и того же села [5] в том, что он оказывал вышеупомянутой организации о политическом положении в Амурской области. 6) КИВИСТИК Яна Юрьевича, 35 лет, эстонского подданного. 7) БАЖЕНОВА Алек-

сандра Семёновича, 21 года, бойца, 4 кавполка НРА, из гр. Амурской обл. Марковской вол. села В-Благовещенска. 8) НОВИКОВА Владимира Руфьевича, 25 лет, бойца того же полка, той же области и села, в том, что они оказывали содействие в установлении связи с организацией есаула Рязанцева и её единомышленниками, проживающими на территории ДВР и 9) ТРУШИНА Тимофея Михайловича, 44 лет, чернорабочего из гр. Симбирской губ., Ардатовского уезда, Мидиевской вол., села Сарнилей [6] в том, что он принимал участие в укрытельстве членов упомянутой белогвардейской организации. Ознакомившись с имеющимися в деле документами, заслушав на судебном заседании объявление обвиняемых и заслушав мнение сторон, суд нашёл: 1) что обвиняемый КОССОВ Александр дезертировал из рядов народно-революционной армии и ранив в селе В. Талача Урульгинской вол. одного из гр. этого села, скрылся за границу в гор. Сахалин, где принял активное участие в белогвардейской организации, поставившей себе целью борьбу с трудовым народом ДВР. 2) обвиняемый БАТЕНЕВ [7] Николай после падения в Сибири власти Колчака и в Забайкалье Семёнова, отступив вместе с остатками белогвардейских банд в полосу отчуждения полосы К.В.ж.д. прибыл оттуда в город Сахалин, где и вступил в белогвардейскую организацию, поставившей себе целью борьбу с трудовым народом ДВР. 3) Обвиняемый ТАРАНОВ Иван, растратив принадлежащие профессиональному совету пищевой промышленности гор. Благовещенска деньги, вверенные ему по службе, скрылся за границу в гор. Сахалин, где вступил в связь с белогвардейской организацией и отдельными её членами КОССОВЫМ, БЕТЕНЕВЫМ и др. 4) Обвиняемый МАТЮШИНСКИЙ Александр передал обвиняемому КИВИСТИКУ для переправки в гор. Харбин письмо Яблоновскому и корреспонденцию, в которых ложно освещал политическое положение и жизнь Амурской обл., с целью напечатания названной корреспонденции в черносотенной газете «Русский Голос». А потому высший кассационный суд, руководствуясь 159 ст. положения о полит. судах, ПОСТАНОВИЛ: 1) КОССОВА Александра Васильевича 21 года и БЕТЕНЕВА Николая Павловича 32 лет, подвергнуть принудительным работам с лишением свободы сроком на пять лет с зачётом предварительного заключения. 2) ТАРАНОВ Иван Григорьевич 42 лет, подвергнуть лишению свободы сроком на три года с зачётом предварительного заключения, 3) МАТЮШИНСКОМУ Александру Ивановичу 60 лет, раскаявшемуся в своём преступлении и принимая во внимание его преклонный возраст, болезненное состояние и предварительное до суда заключение с 9 декабря 1921 года и КИВИСТИКУ Яну Юрьевичу 35 лет, объявить выговор [8], 4) БА-

ЖЕНОВА Александра Семёновича 21 года, НОВИКОВА Владимира Руфьевича 25 лет, ШЕЛЕВОГО Андрея Никитича 49 лет, ТРУШИНА Тимофея Михайловича 44 лет по не доказанности преступления считать по суду оправданными [9]. 5) МАТЮЩЕНКО [10], КИВИСТИК, БАЖЕНОВА, НОВИКОВА, ШЕЛЕВОГО и ТРУШИНА из под стражи немедленно освободить. Приговор окончательный и ни какому обжалованию не подлежит, согласно заявления обвиняемых КОССОВА, БЕТЕНЕВА и ТАРАНОВА об избииении их агентами Амурского отдела Г.П.О. произвести расследование и в случае обнаружения виновных таковых привлечь к судебной ответственности [11].

Секретарь выскасуда: ДОЛГУШИН.

(ЦГА РСФСР ДВ. Ф. Р-2460, оп. 3, д. 132, л. 279)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1922 года, июля 6 дня, я, особый следователь Высшего Кассационного суда ДВ Республики БАРАШ допрашивал в качестве обвиняемого по делу, который показал:

Имя, отчество и фамилия: МАТЮШЕНСКИЙ Александр Иванович.

Сколько лет: 60.

Уроженец какой местности: Самарской губернии Н.Узеновск у. М.Узеновск, вол. того же села [12].

Место постоянного жительства: г. Благовещенск.

Какой национальности: Русский.

Партийность: Беспартийный.

Семейное положение: Женат.

Социальное положение: Пролетарий [13].

Образование, где, когда и какое окончил: Окончил юридич. факульт. Казанского ун-та в 1881 г. [14].

Имущественное положение: Недвижимости нет.

Специальность: Литератор.

Был ли под судом, следствием, где, когда и в чём обвинялся: Много раз привлекался до 1917 г. к следствию по делам печати по обвинению в диффамации, дискредитировании прав [15], власти, возбуждении одной части населения против другой, в клевете в печати, оскорблении в печати должностных лиц; дела оканчивались оправданием [16]. Привлекался жандармами в 1881 г. по обвинению в причастности к

убийству Александра II [17]. Сидел три с половиной года и был выслан в администр. порядке на 3 года в Екатеринбург, Пермской г.

Служил ли в полиции, жандармерии, охранке, где и когда: Нет. Слухи об этом распущены Благовещенской буржуазией и Гапоном [18].

Служил ли в колчаковской, семёновской, меркуловской армиях, где, когда, в качестве кого: Нет.

Состоял ли в родстве с обвиняемым: Нет.

Письмо на имя Яблоновского и статья для помещения в одной из Харбинских газет по его усмотрению, действительно написаны мною. Оказалось то и другое у КИВИСТИКА потому, что я просил его сдать их на почту в Сахалин, т.к. если бы я сдал их на почту в Благовещенск, то ни то ни другое по назначению не дошло бы.

С КИВИСТИКОМ я случайно познакомился в охотничьем обществе и попросил его взять на себя доставку в Сахалин на почту моего письма и статьи. Он изъявил согласие исполнить мою просьбу, почему он этого не исполнил — не знаю. Я его спрашивал несколько раз, исполнил ли он порученное ему, он отвечал утвердительно. Впоследствии он объяснил, что распечатав письмо и прочитав его не решился отправить из-за резкого тона моей статьи.

Я был фактическим редактором газет «Демократ», затем «Амурская жизнь» и «Демократическая мысль», их одну за другой закрывали. Не желая оставлять без освещения печальные явления Амурской жизни, я после закрытия последней газеты намеревался корреспондировать в Харбинские газеты, почему и написал вышеуказанную статью. Остановился на Харбинских газетах, т.к. не надеялся, что моя корреспонденция придёт по назначению в Читу.

Посылка статьи в Харбин была моей первой и последней попыткой сотрудничать в Харбинских газетах. Не повторял этих попыток, полагая, что статья моя оказалась непомещённой и что редакции вообще моё сотрудничество не желательно.

Предъявленное мне обвинение — участие в белогвардейской организации, считаю неправильным и виновным себя не признаю. Показания против меня Коссова, Таранова и Батенева считаю измышленными. Последний раз был я в Сахалине до Февральской революции 1917 года и после этого ни разу не был там.

О существовании подобного рода организаций в Сахалине мне ничего не известно. Ни с кем из моих сопроцессников, кроме Львова, до суда знаком не был. Со Львовым я был знаком по делам издания газеты «Демократической группой». В партии «Народной воли» я не состоял, но проводил её идеи в печати, напр, в «Самарской газете» в 1890 годах.

ИЖБОЛДИНУ совершенно не знал, и сейчас не представляю её себе.

С КИВИСТИКОМ познакомился дня за 3 до отправки письма.

Он был представителем какой-то американской фирмы, которая имела в Благовещенске магазин.

КИВИСТИК согласился отправить мою корреспонденцию из безопасности. Для выяснения моей политической физиономии прошу приобщить к делу газеты «Демократической группы».

Больше показать ничего не могу, показание мне прочитано и с моих слов записано правильно, в чём и подписываюсь — подписал А.И. МАТЮШЕНСКИЙ

Особый следователь БАРАШ

(ГАЧО — Государственный архив Читинской области. Ф. Р-360, оп. 1, д. 158, л. 56, 56 об.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу гр-н ТАРАНОВА Ивана Григорьевича, ШЕЛЕВОГО Андрея Никитича, БАЖЕНОВА Александра Семёновича, КОССОВА Александра Васильевича, МАТЮШЕНСКОГО Александра Ивановича, БАТЕНЕВА [19] Николая Павловича, НОВИКОВА Владимира Руфьевича, КИВИСТИКА Яна Юрьевича, ТРУШИНА Тимофея Михайловича, обвиняемых в участии в белогвардейской организации, поставившей себе целью вооружённое выступление против существующей власти ДВ Республики.

<...> III. МАТЮШЕНСКИЙ Александр Иванович.

Согласно показаниям КОССОВА (т. 1-45) и БАТЕНЕВА (т. 1, л. 64 об.), подтверждённых ими на суде (т. I, л. 171 об.), от чего они, однако, отказались на последующих допросах (II-51-55 и 59-61) гр. МАТЮШЕНСКИЙ, не состоя в организации есаула РЯЗАНЦЕВА, оказывал пособничество таковой путём информации о политическом положении в Амурской области.

По показаниям МАТЮШЕНСКОГО (т. II, л. 56-58) он был фактическим редактором ряда газет, издаваемых в Благовещенске «Демократической группой» и после закрытия последней из них, «не желая оставлять без освещения печальных явлений Амурской жизни», пытался освещать их в Харбинской прессе.

О характере освещения даёт представление его статья (т. 1, л. 52-58), не появившаяся в печати — газете «Русский Голос» по независящим от него обстоятельствам. При опросе его на суде, автор обещал подтвердить содержание этой статьи, за исключением одного пункта о гр. Щеголеве, документально. Отправка этой статьи была «первой и последней попыткой (его) сотрудничать в Харбинских газетах», как показывает МАТЮШЕНСКИЙ (т. II, л. 56-58), ибо для отсылки туда материала для печати он пользовался услугами и др. лиц, кроме гр. КИВИСТИКА (т. 1, л. 52 об.).

Обещав подтвердить «документально» факты, изложенные в данной статье, что было бы только исполнением его гражданского долга, гр. МАТЮШЕНСКИЙ, «старый провокатор», по выражению ИЖ-БОЛДИНОЙ (т. 1, л. 137), когда статья попала вместо «Русского Голоса» в руки властей, всячески старается сгладить впечатления от её содержания.

В своём прошении о помиловании (т. 1, л. 62) он пытается центр её тяжести перенести на пункт о Щеголеве, считая в остальном не возбуждающей сомнений в её соответствии действительности, берёт на себя роль защитника «народного дела», которому, якобы, «вредит» состоявшийся о нём приговор, называет белогвардейцев своими «исконными врагами», считая, должно быть, что ориентация «Русского Голоса» не может быть квалифицирована этим термином, ссылается на своё прошлое — «старого народовольца» — по убеждениям, но не по деятельности, как видно из его показаний (т. II, л. 56-57) и борца «в течение сорока лет... за восстановление народной власти». Он по существу ничем не расходится и с «Лениным» с тех пор, как тот «начертал новую экономическую программу, под которой (он) готов подписаться обеими руками» [20].

Статья и письмо датированы 8/IX-21 года (т. 1, л. 52).

Статья была передана для отправки гр. КИВИСТИКУ спустя якобы три дня после того, как МАТЮШЕНСКИЙ с ним познакомился, и на неоднократные вопросы МАТЮШЕНСКОГО о судьбе его корреспонденции гр. КИВИСТИК отвечал, что она отправлена по назначению.

«Политическая физиономия» гр. МАТЮШЕНСКОГО в этой статье выявлена достаточно выпукло и едва ли в этом отношении может дать что-либо новое и «приобщение» к делу номеров газет, изданных «Демократической группой», о чём просит гр. МАТЮШЕНСКИЙ (т. 1, л. 56-57).

Как говорилось выше, сопоставление общего тона содержания, как показаний на следствии и суде, так и прошений о помиловании гр-н КОССОВА и БАТЕНЕВА, с последними их показаниями и теми

заявлениями, которые были ими поданы В.К. суду, после прибытия в Чит. облтюрьму, в которых они невольно проговариваются о своей принадлежности к организации есаула РЯЗАНЦЕВА, дают основания заключить, что в общем и целом, что первые показания обоих этих лиц об упомянутой организации и причастных к ней лицах, в каких бы условиях эти показания даны не были [21], рисует верную картину того, что было на самом деле.

А из статьи гр. МАТЮШЕНСКОГО видно, насколько его идеология разнится от устремлений всевозможных деятелей белогвардейских организаций — не входя в конфликт с самим собой, ибо и тот и другой боролись одинаково, хотя и неодинаковыми способами против власти «изменников, воров и разбойников», как аттестует МАТЮШЕНСКИЙ существующую в ДВР власть — он вполне мог давать РЯЗАНЦЕВУ информацию о политическом положении в области [22].

Поэтому, как КОССОВ и БАТЕНЕВ, «не могли не верить РЯЗАНЦЕВУ..., что его информирует МАТЮШЕНСКИЙ» (т. 1, л. 171 об.) [23], так и в данном случае, имея ввиду данную выше оценку показаний этих лиц, нет оснований не верить их словам на этот счёт и на суде, произнесённых в присутствии гр. МАТЮШЕНСКОГО. Для цели информации последнему не было необходимости ездить самому в Сахалин лично, раз переход границы помимо рогатки и даже проживания в городе элементов вроде КОССОВА, как видно из его показаний (т. I, л. 45 об. и т. II, л. 54), не представлял значительных затруднений.

Ввиду изложенного, факт пособничества МАТЮШЕНСКОГО организации есаула РЯЗАНЦЕВА путём информирования о политическом положении в области, следует считать доказанным...

НА ОСНОВАНИИ всего изложенного: гр-не

1) КОССОВ Александр Васильевич, 21 года, бывший прапорщик, из граждан Заб. обл., Читинского уезда Урульгинской волости, села В.-Талача;

2) БАТЕНЕВ Николай Павлович, 32 лет, бывш. подъесаул, из гр-н г. Благовещенска;

3) МАТЮШЕНСКИЙ Александр Иванович, 60 лет, из гр-н Самарской губ., Новоузенского уезда, Малоузенской вол. и села, литератор;

4) КИВИСТИК Ян Юрьевич, 35 лет, торговый посредник, эстонский подданный;

5) ТРУШИН Тимофей Михайлович, 44 лет, чернорабочий, из гр-н Сибирской губ., Ардаговского уезда, Миндиевской вол., села Серлиней [24];

6) БАЖЕНОВ Александр Семёнович, 21 года, боец 4 Кав. полка НРА (хлебопашец), из гр-н Амурской области, Марковской вол., села В.-Благовещенск;

7) НОВИКОВ Владимир Руфьевич, 25 лет, боец того же полка, (хлебопашец), той же области и села;

8) ШЕЛЕВОЙ Андрей Никитич, 49 лет, из гр-н Амурской обл., Козьмодемьянской [25] вол., и села, домовладелец и содержатель ломовой биржи;

9) ТАРАНОВ Иван Григорьевич, 42 лет, техник путей сообщения и электротехник из гр-н гор. Харькова

ОБВИНЯЮТСЯ

в том, что первые два — КОССОВ и БАТЕНЕВ, а также ШЕЛЕВОЙ и ТАРАНОВ состояли в белогвардейской организации есаула РЯЗАНЦЕВА, находившейся в Сахалине и ставившей себе целью вооружённые выступления против существующей в ДВР власти, а остальные оказывали этой организации пособничество в её деятельности, путём: МАТЮШЕНСКИЙ — информации о политическом положении Амурской области; КИВИСТИК, БАЖЕНОВ и НОВИКОВ — оказания содействия в установлении связи с её единомышленниками на территории ДВР; ТРУШИН — укрывательства её членов.

Особый следователь БЫСШКАССУДА БАРАШ.

18 июля 1922 года.

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ НАРОДА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ

1922 года августа 14-16 дня гор. Чита

Высший Кассационный суд Дальневосточной республики в открытом судебном заседании в составе:

Председателя Е.М. Матвеева, членов суда: Ф.И. Дриго и Т.П. Бочкарёва при общественном обвинителе Колисниченко, при секретаре Долгушине слушал дело: по обвинению

1. КОССОВА Александра Васильевича, 21 года, б/прапорщика, из гр. Забайкальской обл., Читинского уезда, Урульгинской вол., с. В.-Талача;

2. БАТЕНЕВА Николая Павловича, 32 лет, б/подъесаула, из гр. гор. Благовещенска;

3. ШЕЛЕВОГО Андрея Никитича, 49 лет, из гр. Амурской обл., Космодемьяновской [26] волости и того же села;

4. ТАРАНОВА Ивана Григорьевича, 42 лет, из гр. гор. Харькова,

в том, что они состояли в белогвардейской организации есаула РЯЗАНЦЕВА, находящейся в Сахалине и ставившей себе целью воору-

жённое выступление против существующей в Дальневосточной республике власти;

5. МАТЮШЕНСКОГО Александра Ивановича, 60 лет, литератора, из гр. Самарской губернии, Новоузенского уезда, Малоузенской вол. и того же села в том, что он оказывал вышеупомянутой организации есаула РЯЗАНЦЕВА пособничество в её деятельности путём информации о политическом положении Амурской области;

6. КИВИСТИКА Яна Юрьевича, 35 лет, эстонского подданного;

7. БАЖЕНОВА Александра Семёновича, 21 года, бойца 4-го Кав. полка НРА, из гр. Амурской обл., Марковской вол., с. Верхне-Благовещенского;

8. НОВИКОВА Владимира Руфьевича, 25 лет, бойца того же полка, той же области и села, в том, что они оказывали содействие в установлении связи с организацией есаула РЯЗАНЦЕВА и её единомышленниками, проживающими на территории ДВР;

9. ТРУШИНА Тимофея Михайловича, 44 лет, чернорабочего, из гр. Симбирской губ., Ардатовского уезда, Миндиевской вол., села Серлиней [27], в том, что он принимал участие в укрывательстве членов упомянутой белогвардейской организации.

<...> А потому Высший Кассационный Суд, руководствуясь 159 ст. Положения о политических судах, ПОСТАНОВИЛ:

1. КОССОВА Александра Васильевича, 21 года и БАТЕНЕВА Николая Павловича, 32 лет подвергнуть принудительным работам с лишением свободы сроком на 5 лет с зачётом предварительного заключения;

2. ТАРАНОВА Ивана Григорьевича, 42 лет, подвергнуть лишению свободы сроком на 3 года с зачётом предварительного заключения;

3. МАТШЕНСКОМУ Александру Ивановичу, 60 лет, раскаявшемуся в своём преступлении и принимая во внимание его преклонный возраст, болезненное состояние и представленное до суда заключение с 9-го декабря 1921 года, и КИВИСТИКУ Яну Юрьевичу, 35 лет, объявить выговор;

4. БАЖЕНОВА Александра Семёновича, 21 года, НОВИКОВА Владимира Руфьевича, 25 лет, ШЕЛЕВОГО Андрея Никитича, 49 лет, ТРУШИНА Тимофея Михайловича, 44 лет, по недоказанности преступления считать по суду оправданными.

5. МАТЮШЕНСКОГО, КИВИСТИКА, БАЖЕНОВА, НОВИКОВА, ШЕЛЕВОГО и ТРУШИНА из-под стражи немедленно освободить.

Приговор окончательный и никакому обжалованию не подлежит.

Согласно заявления обвиняемых КОССОВА, БАТЕНЕВА и ТАРА-НОВА об избииении их агентами Амурского отдела ГПО произвести расследование и, в случае обнаружения виновных, таковых привлечь к судебной ответственности.

Председатель суда: Матвеев

Члены суда: Дриго Бочкарёв

(ЦГА РСФСР ДВ. Ф. Р-360, оп. 1, д. 158,
лл. 69, 69 об., 73, 102, 102 об., 103, 103 об.)

Примечания

1. См.: *Чепик М.В.* Деятельность дальневосточных чекистов по пресечению подрывной работы иностранных спецслужб в 1920–1922 гг. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_8738.html. 09.03.2019; *Абеленцев В.Н.* Председатель Восточного казачьего союза генерал Е.Г. Сычёв // *Белая гвардия: Альманах. № 8. Казачество России в Белом движении*. М.: Посев, 2005. С. 292–301. Интернет-версия статьи. URL: <http://a-pesni.org/grvojna/bel/a-sytchev.php>. 09.03.2019.

2. Так в документе, правильно: Козьмодемьяновской волости.

3. Так в документе, правильно: в Сахалине — прежнее название г. Хэйхэ.

4. Так (здесь и в некоторых случаях далее) в документе, правильно: МАТЮШЕНСКОГО.

5. Село Малый Узень входило в состав Саратовской, а не Самарской губернии; кроме того, в реальности Матюшенский родился, как известно, в селе Александров-Гай Саратовской губернии. Если путаница с губернией в принципе могла быть на совести составителя документа, записывавшего показания подследственного на слух, то ошибочное место рождения могло появиться только из желания Матюшенского ввести следствие и суд в заблуждение и тем самым скрыть некоторые факты собственной биографии, которые могли бы ему повредить.

6. Так в документе, правильно: село Сорнелеи Медаевской волости. Очевидно, составитель документа записывал название села и волости на слух, не давая подследственному возможности прочесть протокол и внести исправления.

7. Так (здесь и в некоторых случаях далее) в документе, правильно: БЕТЕНЕВ.

8. Характерная особенность судебного производства первых советских лет, проявившая себя и в «деле девяти смертников», — возможность за одно и то же преступление выносить любое наказание — от сугубо формально-

го, безобидного — выговора, до крайнего по степени суровости — смертной казни. Это, как показывает данное дело, порождало произвол судебных инстанций, субъективность выносимого приговора, зависящего зачастую от человеческого фактора, от настроения членов военно-полевых судов. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, не подвергая сомнению обоснованность вынесенного военно-полевым судом тыла Приамурского военного округа смертного приговора, высший кассационный суд Дальневосточной республики, тем не менее, снизил наказание с расстрела до выговора, то есть, по сути, дезавуировал решение предыдущего суда.

9. Ещё одна характерная особенность судебной системы послереволюционного времени: отменив в отношении четырёх из девяти осуждённых прежний расстрельный приговор, зафиксировав недоказанность вменённых им преступлений, высший суд республики не вынес никаких частных определений по поводу некомпетентности или даже преступной халатности председателя и членов окружного суда, вынесших, как оказалось, смертный приговор невинным людям.

10. Так в документе обозначена фамилия МАТЮШЕНСКОГО. Эта и многие другие подобные не исправленные в документах неточности и грубые ошибки свидетельствуют о формальном отношении к ведению судебной документации, а также о недостаточной компетентности и, возможно, о малограмотности тех, кто занимался судебным делом, производством, и тех, кто рассматривал судебные дела.

11. Сведениями о том, что такое расследование проводилось и виновные были наказаны, мы не располагаем. Судя по всему, никакого реального наказания «заплетных дел мастера» из Амурского ГПУ не понесли.

12. Этот фрагмент допроса подтверждает, что Матюшенский сознательно вводил следователя в заблуждение по поводу своего места рождения — с. Александров-Гай Саратовской губернии: очевидно, в расчёте на то, что в случае, если следователи направят по месту рождения Матюшенского запрос, он останется без ответа и А. Седому удастся оставить в полной тени некоторые тщательно скрываемые им от революционной власти обстоятельства — социальное происхождение, духовное образование и т.п.

13. Матюшенский скрыл от следователя ВКС ДВР своё подлинное социальное происхождение: на деле он родился в семье священника, а не пролетария.

14. Ещё одно свидетельство того, что Матюшенский сознательно вводил следователя в заблуждение: на самом деле он окончил не юридический факультет Казанского университета, а Саратовскую духовную семинарию. Матюшенский явно строит свои ответы следователю таким образом, чтобы избежать расстрела, к которому его приговорили в Благовещенске за контрреволюционную деятельность, чтобы спасти и себя, и своих родных. Он сознательно путает карты, пытается представить себя человеком социально близким, имеющим заслуги перед революцией, и скрыть то, что могло быть расценено как доказательство его враждебности по отношению к советской власти.

15. Так в документе, — очевидно, имеется в виду правительство.

16. На самом деле далеко не всегда дела завершались оправданием. Так, 13 декабря 1915 г. Матюшенский был арестован за нарушение обязательного Постановления Приамурского генерал-губернатора и после отказа уплатить штраф в 3000 рублей пробыл в заключении три месяца. Ещё раз Матюшенский сидел в тюрьме с 3 по 18 октября 1916 г. (РГИА ДВ. Ф. 704, оп. 7, ед. хр. 478). А в 1917 г. его осудили за клевету. Газета «Амурское эхо» в номере за 14 (27) января 1917 г. сообщала в «Местной хронике» о приговоре суда по делу Матюшенского, которого городской голова Иосиф Дмитриевич Прищепенко обвинил в клевете в печати. Обвинение признано абсолютно доказанным, Матюшенский был приговорён по ст. 1535 Уложения о наказаниях к шести месяцам тюремного заключения (высшая для данного преступления мера наказания).

17. Комментарий к этому мифу см.: Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 254–255.

18. См. об этом: Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 37–38, 255–257.

19. Так (здесь и далее) в документе, правильно: БЕТЕНЕВА.

20. Имеется в виду сменившая политику «военного коммунизма» новая экономическая политика (НЭП), принятая по настоянию В.И. Ленина в марте 1921 г. на X съезде РКП (б).

21. Исходя из того, что Коссов, Бетенев и Таранов на заседаниях кассационного суда заявляли, что во время следствия в Благовещенске представители ГПУ выбивали у них нужные показания под пытками, получается, что ВКС ДВР добытые в таких «условиях» показания не подвергает серьёзным сомнениям.

22. Поразительная в своей извращённости логика высшего кассационного суда: критические суждения Матюшенского о советской власти, высказанные им в статье, предназначенной для открытой публикации в газете, становятся доказательством его сотрудничества с лидером белогвардейской контрреволюционной организации!

23. Даются ссылки на показания, которые, по признанию тех же Коссова и Бетенева, выбивались у них под пытками!

24. Так в документе, правильно, как отмечалось выше: село Сорнелеи Медаевской волости.

25. Так в документе, правильно, как отмечалось выше: Козьмодемьяновской.

26. Так в документе.

27. Так в документе, правильно, как неоднократно отмечалось выше: село Сорнелеи Медаевской волости.

Глава 4.

СУДЬБЫ ПИСАТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОГО СТОЛЕТИЯ

Русский гений XX века на Амуре

*Очерки Павла Васильева «Люди в тайге»
и «В золотой разведке»*

Павел Николаевич Васильев известен как один из самых выдающихся поэтов первой половины XX века. О прозаическом творчестве русского гения, расстрелянного в 1937-м, в двадцатисемилетнем возрасте, слышали немногие. А между тем оно тоже представляет огромный интерес. Тем более для жителей Амурской области. Так сложилось, что проза Васильева — и содержательно, проблемно-тематически, и своей творческой историей — тесно связана с Приамурьем.

В конце августа 1928 года по заданию редакции газеты «Советская Сибирь» вместе с ещё одним молодым сибирским поэтом Николаем Титовым восемнадцатилетний Павел Васильев совершил длительную творческую поездку по Восточной Сибири и Дальнему Востоку, основными топографическими координатами которой стали Иркутск, Верхнеудинск (Улан-Удэ), Чита, Сретенск, Благовещенск, реки Зeya, Селемджа и Нора, а также Свободный, Хабаровск и Владивосток...

29 января 1929 года, находясь уже в Хабаровске, Васильев написал об этой поездке Ираиде Пшеницыной — сестре своего школьного товарища: «...Сейчас я пишу тебе из г. Хабаровска. Хочешь, я расскажу тебе, как я сюда попал? / В августе 1928 г. я получил командировку от газеты “Советская Сибирь” на золотые прииска. / Я пересёк сначала всю Западную Сибирь, обогнул озеро Байкал, задержался в Бурято-Монгольской республике, посетил знаменитую каторжанскую Шилку, разрезал затем пополам почти всю и Восточную Сибирь и свернул на знаменитые Нижне-Селемджинские золотые прииска. <...> Я охотился, разыскивал золото и в конце концов отправился с экспедицией

Союззолота на реку Нору, берущую начало у Яблонова хребта. Во время этой экспедиции я заболел цингой и был принуждён уехать в город. Сейчас я пока живу в Хабаровске, но скоро уеду во Владивосток...»¹.

По этому письму можно получить представление не только о маршруте сибирско-дальневосточного путешествия, но и о времени пребывания Васильева в Приамурье — приблизительно с начала октября 1928 по январь 1929. Вообще же поездка по Сибири и Дальнему Востоку заняла примерно год. Однако этот сравнительно протяжённый отрезок короткой жизненной и творческой судьбы Васильева — из самых «тёмных», в большинстве биографических справок о поэте он либо вообще отсутствует, либо проговаривается невнятно, либо, чаще, представляет собой набор мифов и фактических неточностей. Так, нередко утверждения, что Васильев «был старателем на золотых приисках Лены», «работал старателем на ленских золотых приисках». Ошибка, возможно, возникла из-за путаницы, связанной с тем, что прииск под распространённым в советскую эпоху названием «Майский» был не только в Приамурье, но и в Якутии, на реке Лене. Васильев же находился не на якутском, ленском, а именно на амурском, селемджинском прииске Майский (современный Мазановский район Амурской области). К тому же, вопреки расхожему мифу, был он там вовсе не в качестве обычного старателя или приискового рабочего. О том, чем он занимался на прииске Майском, даёт представление фрагмент очерка «Люди в тайге»: «Нас вышли встречать несколько мужчин и женщин. <...> Он (фельдшер Рыбников. — А.У.) взял меня под руку и повёл к одному из бараков. / — Ну что же, — сказал он. — Вот вы и приехали. Вижу, что из вас кое-кто и по культуре будет. Культурку к нам привезли».

По первоначальному плану из Благовещенска Васильев и Титов собирались отправиться во Владивосток, однако, поддавшись порыву и уговорам, решение своё изменили. Причина такова: живя в гостинице, они случайно познакомились там с Фёдором Цетлиным, только что назначенным на должность управляющего Нижне-Селемджинскими приисками, и по его приглашению решили отправиться на Селемджу. Вот как описывал Васильев свой путь до Майского:

Я прибыл на прииски осенью. Мы выехали из Благовещенска на пароходе, название которого я уже успел забыть. Помню только, что подвигался он по рекам со скоростью километра в 3 часа.

¹ Васильев П.Н. Сочинения. Письма / сост., подг. текста, вступ. ст., коммент. С.С. Куняева. М.: Эллис Лак, 2002. 896 с. Здесь и далее письма и произведения П. Васильева цитируются по электронной версии этого издания. URL: <https://knigogid.ru/books/546022-sochineniya-pisma/toread>. 26.04.2019.

Мы шли по Амуру, Зее и Селемдже. Набранные в Благовещенске приискатели пили водку, играли в карты и сотрясали судёнышко немыслимой чечёткой «сербянки» — танца, очень распространённого в этих местах. / Гармоний было много, они трепыхались в огромных руках парней подобно пёстрым, раздувшимся индюкам.

Мы высадились, наконец, на заброшенной среди сопок и ключей пристани Дагмаре — становке старого купца Сафонова, который был когда-то несметно богат, а теперь доживает остатки дней в заслуженной нищете <...>. От Дагмары до прииска Майского — первой остановки — уже рукой подать. Нас везли на костлявых, вихлястых лошадях по мелкому березняку. Колёса таратаек прыгали, проваливаясь в щели бревенчатого настила. / Шуршала пышная рыжая пена деревьев, и воздух кололся, как лед, от чистоты, густоты, свежести. В сопки не верилось, — казалось, что аккуратно нарисованы они средней руки пейзажистом... («Люди в тайге»).

А теперь о «культурке» — то есть о той работе, ради которой Цетлин и привёз на «Майский» Васильева и Титова. Задача перед ними стояла, судя по всему, не вполне литературная. Молодые поэты должны были стать «инженерами человеческих душ», но не в фигуральном, а в буквальном смысле. Им предстояло совершить почти невозможное — так увлечь культурно-просветительной, культурно-воспитательной работой обитателей приисков, чтобы те кардинально изменили представление о жизненных ценностях. Прежде всего — отучились от пагубной привычки, которая поразила буквально всех, начиная с простых рабочих и вплоть до руководителей.

В завязке книги «В золотой разведке» бывший председатель прииска Карпов даже не пытается оправдаться, он уверен, что переломить ситуацию с повальным пьянством не удастся и новому руководству: «Братишки, дело обстояло вот как. Приезжам мы сюда, ничего нет. Ну, давай мы налаживать. И наладили. А што пили, правда, не утаю — точно пили. И пить будем. Потому в такой глуши, как наша, не пить нельзя. Я вот слышал, што новый заведующий наш, товарищ, значит, Цетлин, против нас, значит, выступать хочет. Дескать, не пейте. Ничего! Поживёт, образумится. Поймёт. Вместе потом по стаканчику хлебистнём».

Слова Карпова вызывают шумное одобрение, но фанатик социалистических преобразований Цетлин настаивает — с пьянством на приисках надо кончать, для этого и нужна «культурка»: «Товарищи! Не будем закрывать глаз: наши прииски были до сих пор пьяными приисками... / Товарищи, у нас не было до сих пор никакой культурной работы...»

Помимо пьянства, проявлением бескультурия герой-рассказчик воспринимает и атрибуты христианской веры: «На божнице по тёмному лицу Спаса полз рыжий жирный таракан. / Мне невольно пришлось в голову: как они здесь выживают — тараканы и... иконы?..»

Васильев со своим товарищем добились на «Первомайском» многого: был отремонтирован клуб, приискатели поставили спектакль...

С помощью «культурки» Цетлин надеется переломить ситуацию и добиться того, чтобы все осознали грандиозную задачу, которую поставила перед ними страна Советов: «Товарищи, русский пролетариат совершил победоносную революцию. Рабочий класс в союзе с крестьянством находится сейчас у власти. Чтобы удержать эту власть, рабочим и крестьянам нужно создать своё мощное хозяйство. Нам нужны новые заводы, машины. Для того чтоб их купить и наладить, необходимо иметь золото. / На нас лежит ответственная задача — это золото для страны достать».

«Цетлина поддержали демобилизованные красноармейцы, прибывшие на прииска целой партией. Под хлётским их напором приискатели сдавали одну за другой свои позиции. / Против пьянки голосовали единогласно при трёх воздержавшихся...»

Правда, искоренение тяги к горячительным напиткам и после этого идёт непросто, «культурка» одна, без административных воздействий, без карательных акций не всесильна. Васильев пишет об этом не без иронии: «В амбаре буянил фельдшер Рыбников. Он вчера выпил весь находящийся в амбулатории спирт и сломал две клизмы».

Представления П. Васильева о роли литературы в жизни общества вполне традиционны для 1920–1930-х годов: писатели должны быть активными участниками социалистического переустройства жизни, в этом и состоит их главная миссия. Они должны бороться с разного рода недостатками, используя для этого и оперативные жанры. П. Васильев не избежал и этого. Осенью 1928 г. в газете «Амурская правда» под псевдонимом *Старатель* была напечатана его заметка «Рабочие прииска “Майский” разоблачают бюрократизм и разгильдяйство» (почти по Ильфу и Петрову: «Ударим автопробегом по бездорожью, разгильдяйству и бюрократизму!»). — А.У.).

Своё пребывание в Приамурье (тогда, на рубеже 1920–1930-х, упразднённая и разделённая на два административных округа Амурская область входила в состав Дальневосточного края — ДВК — с центром в Хабаровске) Васильев отразил в двух очерковых книжках, вышедших в московском издательстве «Физкультура и

туризм»: «В золотой разведке» (1930)² и «Люди в тайге» (1931)³. Книги эти неразрывно связаны: события, описанные в них, происходят в одно время (осень — зима 1928 г.), в одних и тех же географических координатах (бассейн реки Селемджи — крупнейшего притока Зеи). Общая в них и топонимика — названия населённых пунктов (Благовещенск, «Слободный» — то есть г. Свободный, Дагмара, Майский, Уландочка, Норский Склад, Харбин и «Сахо-Лян» — правильно Сахалин, ныне Хэйхэ), рек и ключей (Амур, Зея, Селемджа, Нора, Бом, Мамын, Тыгда, Уштым). Большинство героев, о которых рассказывает автор, упоминаются или действуют в обеих книжках: это, прежде всего, управляющий Селемджинскими приисками Фёдор Цетлин, бывший председатель прииска Карпов, фельдшер Рыбников, приискатели Катовщиков, Брутцкий, Моторный и др. Произведения родственны по жанру, стилю, манере повествования. Общий у них и герой-рассказчик — приехавший в Приамурье издалека молодой литератор, собирающий материал для книги об экзотическом крае и тех, кто его населяет: «Я писал дневник на слипшейся от мороза бумаге, едва сжимая костенеющими пальцами карандаш. Я старался не упустить мелочей. Перед тем, как ехать в экспедицию, я получил письмо от сибирского литератора Вивиана Итина. / “Записывайте каждый день в дневник. Записывайте, потому что это — ценность”. / Я следовал совету опытного сибирского писателя-путешественника».

Художественные очерки Васильева, в основу которых легли непосредственные впечатления автора, а также рассказы его собеседников — приискателей, открывают нам немало нового, прежде неизвестного. В первую очередь это касается истории золотой лихорадки на Амуре. Васильев детально описывает тех золотоискателей, с которыми его свела судьба, а кроме того, основываясь на их рассказах, воссоздаёт то, что было прежде, на рубеже XIX–XX веков. Эти страницы очерков особенно интересны с познавательной точки зрения. Вот только одна из них, рассказывающая о золотой лихорадке на Боме:

Лет десятка два назад хищня Зейской системы перевалила Зейские становики и в бассейне реки Норы на каменистом ключе Боме обнаружила богатейшие золотые россыпи.

Павел Васильев

² Васильев П. В золотой разведке: [Очерки]. М.—Л.: Физкультура и туризм, 1930. 47 с.

³ Васильев П. Люди в тайге: [Очерки]. М.—Л.: Физкультура и туризм, 1931. 40 с.

Весть о чудовищной золотой добыче быстро распространилась по всей тайге, и к Бому начали стекаться хищники Зеи, Витима, Гилюя и других участков.

Быстро окрестности Бома были нарезаны в деляны, и далеко кругом закопошились неутомимые артели золотоискателей.

По свидетельству Катовщикова, один человек намывал в день на Боме до 20 фунтов золотого песку (то есть свыше 8 кг! — А.У.).

Золотоискатели терпели страшные лишения. Продуктов не хватало. Лишь предприимчивые купцы изредка завозили на Бом товар и продавали его по баснословным ценам. Достаточно сказать, что спирт и золото шли «стакан на стакан».

Приискатели страдали от цинги и болотной лихорадки.

Несмотря на это, Бомские прииска росли буквально с каждым часом. Надменно властвовала золотая лихорадка. Оборванные, истощённые, заросшие, как звери, хищники от зари до зари работали на своих делянах, туго набивая золотом оленьи мешки. Бом напоминал разворочённый палкой муравейник — так в нём кипела работа.

Вокруг ключа раскинулся своеобразный «город», мрачно и хмуро лепились землянки и шалаши, захлестнутые девственной тайгой. У золотоискателей существовала своя «общественность», свои «законы».

Все артели повиновались старшине, который судил, наказывал, миловал.

Но законы были железные, выкованные тайгой. Так, например, вора бросали в отработанный шурф и забывали о его существовании. Каждый день, когда золотоискатели шли на обед, виновный должен был громко признавать свою вину и просить товарищей о пощаде.

За убийство полагалась казнь батогами.

Озверелое, грубое сборище хищников, изнемогая под тяжестью голода и работы, само сдерживало себя железной цепью дисциплины.

В оленьи мешки приискателей текло тяжёлым потоком драгоценное золото.

Его нетрудно было достать. Трудно было его сохранить и унести в город.

А ближним городом был Благовещенск, отстоявший от Бома на шестьсот с лишним вёрст.

В Благовещенске сосредоточивались скупщики золота, купцы, росли новые и новые магазины и кабаки. Золотоискатели за несколько дней пропивали то золото, которое с таким невероятным трудом добывалось в дебрях Селемджинской тайги.

Биографически герой-рассказчик во многом, хотя и не во всём, совпадает с автором — П.Н. Васильевым. Свою собственную биогра-

фию писатель несколько «расцвечивает», приукрашает. Характерный пример — разговор рассказчика с золотоискателем Катовщиковым: «Ночью, подкатившись ко мне, Катовщиков <...> заводил свой неизменный и томительный разговор. / — Павл Николаич! А, Павл Николаич, спишь ты али нет? <...> Скажи мне, примерно, Павл Николаич, ты, значит, и вырос не в здешних краях? / — Да, да. / — <...> А ты вот ещё скажи мне <...>: был ли ты что ни на есть у самого Чёрного моря? / <...> Я начинал говорить и сам незаметно увлекался. Плывли кипарисы и мягкие морские волны, заласканные щедрым солнцем. Проходили высмугленные зноем, легко одетые люди, грузили пьяным соком кисти винограда». На самом же деле автор очерка «В золотой разведке» «у самого Чёрного моря» никогда не бывал.

В проблемно-тематическом и художественном отношении «В золотой разведке» и «Люди в тайге» — не два разных произведения, а скорее две части неразрывного целого, содержательно и эстетически единого текста. Вопрос о том, почему Васильев разделил его, остаётся открытым. Возможно, он не уложился в отведённый издательством срок, из-за чего пришлось вначале публиковать лишь готовую часть, возможно, причина в чём-то ином. О том, что автор планировал выпустить одну очерковую книгу, а не две, косвенно свидетельствует цитировавшееся выше письмо И. Пшеницыной. В нём Васильев, желая, очевидно, произвести впечатление на девушку, допустил ряд «художественных преувеличений»: «Я печатаюсь в журналах “Новый мир”, “Красная новь”, “Сибирские огни” <...>. / Я побывал в Ташкенте, Самарканде, Москве, Батуми, Константинополе, Владивостоке...». В реальности же из перечисленных журналов стихи Васильева к тому времени печатались единственный раз только в «Сибирских огнях», а из названных шести городов поэт побывал лишь в двух — Москве и Владивостоке. Далее в письме следует ещё одна «неточность»: «Вышел в Сибкрайиздате сборник моих художественных очерков...» На самом деле никакого сборника очерков ни в Сибкрайиздате, ни в каком ином издательстве у Васильева ещё не выходило. Похоже, и здесь планы свои (а, возможно, предварительную договорённость с издательством) Васильев выдаёт за свершившийся факт. Тем не менее последняя цитата, по сути, подтверждает предположение, что в январе 1929 г. в планах у Васильева была одна книга «художественных очерков», что он первоначально не предполагал дробить свои очерки. Ещё одна труднообъяснимая странность: книга очерков, вышедшая в 1930-м («В золотой разведке»), описывает события, которые случились позже тех, о которых автор рассказывает в очерках, напечатанных годом позже («Люди в тайге»). Так что в случае, если бы автору предложили переиздать его очерки под одной

обложкой, скорее всего он бы расположил их так, чтобы была восстановлена временная и событийная последовательность — «Люди в тайге» в этом случае должны стоять перед «Золотой разведкой», а не после неё.

Судя по всему, читателями своих «художественных очерков» автор видел не столько жителей Приамурья, сколько тех, для кого Амурский край — далёкий неведомый мир, подобие Африки или Амазонии. По этой причине он не стремится нарисовать абсолютно достоверную картину, как это принято в документальных жанрах, а использует вымысел, допустимый в художественной прозе. Селемджинская тайга, конечно, место суровое, но не до такой степени, чтобы уже в ноябре температура постоянно держалась днём на отметке минус 50.

Книги Васильева имеют отчётливо выраженный этнографический характер. По этой причине автор много внимания уделяет описанию быта коренных жителей северных районов Приамурья — маньчжур, эвенков. Последние, правда, почему-то именуются якутами. В очерках есть и иные фактические неточности: так, в число диких обитателей селемджинской тайги, наряду с медведями, рысями, оленями, сохатыми, изюбрами, косяками, автор совершенно некстати включает... зубров. Впрочем, и часто упоминаемый Васильевым тигр — в конце 1920-х был уже скорее обитателем преданий, чем реальной амурской тайги.

В описаниях жизни коренных народностей Приамурья, как и в целом в очерках, присутствуют разные тенденции: поэтика бытописательного реализма, граничащего с натурализмом, совмещается с романтической патетикой и модернистской экспрессивностью. В очерках немало натуралистических сцен, в которых предстают эвенки («якуты»). Одна из них рисуется в очерке «В золотой разведке»: «Если якуты, кочующие по реке Селемдже, живут бедно и грязно, то условия жизни норских якутов совершенно невыносимы. Голод — естественное явление здесь. Нет хлеба. Одежда сшита исключительно из звериных шкур. <...> Мы с техником вошли в низкий и душный чум. В кольце закопчённых камней подстреленной птицей бился огонь. Возле огня сидела молодая якутка, почти девочка, и, не торопясь, ловила вшей в густой шерсти подшубника. Она ловко зажимала пойманных насекомых между пальцами, клала их в рот и, раздавив, выплёвывала на пол». Следом за этим идёт близкое по стилю описание таёжного охотника: «Мы с недоумением смотрели на приземистую, рахитичную фигуру вошедшего, на его дряблое лицо с трахмными глазами <...>. Неужели? Но перед нами действительно стоял Большой Охотник. Об этом говорили кончики тигровых и соболевых хвостов, нашитые на его дошке. / Брутцкий встречался с ним раньше:

/ — Страшный стрелок. Больше таких я не видел. <...> Около десятка тигров ухوماздал. На медведя с ножом идёт. Как свинью режет».

Это сугубо натуралистическое описание сменяет выдержанный в совершенно иной стилистике — романтической — рассказ самого охотника в «переводе» приискателя Брутцкого: «Первый снег упал у Яблонового. И такой глубокий снег, что целовать его хочется. <...> Капкан шёл осматривать Большой Охотник. Не попался ли соболь сереброспинный или драгоценная куница. <...> Только видит след. Тонконогий изюбр прошёл. Рыхлый след, недавний. Два патрона в бердане — на изюбра хватит... По следу вперёд, вперёд. Мелькнула узкая таёжная просека, да вдруг покачнулась, заметалась из стороны в сторону. Густым пятном на снегу изюбр, — два тигра над ним седые усы склонили. А третий по поляне — прыжками, прыжками. Играет. <...> Два патрона в запасе, — что делать? А тигр сощурил зелёные свои глаза. И каждый глаз луною всходит...» Эти впечатления, полученные в селемджинской тайге, отразились и в стихотворении П. Васильева «Охотничья песнь» (1929):

Зверя сначала надо гнать
Через сугроб в сугроб.
Нужно уметь в сети сплести
Нити звериных троп.
Зверя сначала надо гнать,
Чтоб пал заморён, и потом
Начал седые снега лизать
Розовым языком.
Рыжим пламенем, если — лиса,
Веткою кедра, если — волк,
Чтоб пробовал пули кусать,
Целя зубов защёлк.
Но если княжен зверь и усат,
Если он шкурою полосат,
Значит, спустился знатный вор
С самых вершин Захинганских гор.
Будь осторожен! Зверь велик,
Он приготовил свой рыжий клык,
Не побежит от тебя, как те,
Верен удар голубых когтей.
Старым уодом кричит заря.
В пёстрый лоб посылай заряд,
Пусть не солжёт под рукой курок,
Цель под лопатку, чтоб зверь полёг.

Сучья кустарников злы и остры,
 Братья твои разжигают костры,
 Братья встречают тебя на заре,
 Злой и седой победитель зверей.
 Песней старинной шумят снега.
 Пади. Болота. Черна тайга.

Рисуя образы представителей малых народов Севера, Васильев в большей степени обращает внимание не на индивидуальные черты личности, а на типовые, чисто «этнографические». Нечто подобное происходит и при описании китайцев, работающих на золотых приисках Селемджи. Они тоже предстают как некая однородная масса, нерасчленимое единство, тоже наделяются исключительно «типическими» свойствами: «Китайцы прибыли на промыслы из Сахо-Ляна, Чи-Фу (Чифу, совр. название — Яньтай. — *А.У.*), Харбина, из северной провинции Хубей (Хубэй. — *А.У.*). Они даже не могли говорить по-русски. <...> Китайцы перевалили русскую границу, чтобы заработать денег и уйти вновь. Контора Союззолота принимает руду по 5 рублей за золотник. У китайцев — тайная мечта, затаённая по-азиатски: принести золото к банкам Харбина или хотя бы к барышникам Благовещенска. Там оплата больше в несколько раз. Драгоценный металл может быть утаён от зрителя и скрыт в потайных кладницах. Так возникает страшное и позорное для любых приисков слово “утечка”. И даже когда автор рисует сцены с участием отдельных китайцев, он и здесь нацелен на выявление именно общего, а не индивидуального. Один из таких эпизодов — «воспитательная работа» с китайцем, уличённым в сокрытии золота: «Китаец покорно поплёлся вслед за Ивоным в фанзу. Из открытых окон фанзы было слышно, как надсадно кричал Ивоныч: / — Социализм строим, скотина. Индустрию... Через рабочих... Через тяготы... кровь проливали... А ты... Что ты делаешь?... У кого ворует, кого обкрадываешь?.. / Китаец длинно выл: / — Ка-а-а-иитэн, ка-а-а-питан!»

В книгах Васильева множество великолепных пейзажных зарисовок Амурского края. Одни из них выполнены в очерковой манере и почти лишены «поэтических украшений»: «Тайга долго тянулась тёмной отвесной стеной и потом внезапно оборвалась у крутых берегов закованной в льды Селемджи. Всё необозримое пространство обрушилось на нас бледно-голубым куполом неба, заполненным тишиной. <...> Причудливыми изгибами — “узлами” — шла Селемджа. Типичная таёжная речка! Одинокие сосны, мелкий березняк и гальки бесчисленных “кос”, обнажённые злыми, неукротимыми ветрами».

Но гораздо чаще автор рисует экзотическую природу северного Приамурья иначе — красочно, метафорически, как поэт, а не очеркист: «Техник философствовал вслух: / — Не правда ли... Есть в здешних ночах что-то такое, как бы это выразить, таинственное, поглощающее и, нужно признаться, даже страшное... Будто каждая звезда следит за твоими движениями и... подстерегает. <...> / Обратите внимание — экий звёздный колпак опрокинулся на нас, и из-под него уже не ускользнёшь. <...> Днём бегаешь, шумишь и ничего не замечаешь... А ночь вот нахлынет и сразу берёт тебя в лапы. Сам себе пигмеем кажешься... Нет, вы обратите внимание — ведь всё это — миры, миры... / Техник широко развёл рукой, как бы стараясь продолжить грандиозность и неотразимость своих впечатлений. / А ночь действительно глядела на нас в упор зеленоватыми, бесстрастными глазами. Она сдержанно дышала, склонившись над землёй. <...> От тишины, от величавого спокойствия таёжной ночи кровь сладко и томительно тяжелела»; «Солнце висело над самым горизонтом, горячее и багровое, как обливающийся кровью звериный глаз»; «Закат висел тяжёлой широкой полосой, как висят обвиснувшие в безветрии кумачовые плакаты. Это был невероятных размеров ярко-красный мокрый вздрагивающий плавник рыбы».

Но главная художественная удача Васильева — не ярко прорисованные экзотические ландшафты, а «люди в тайге», образы приискателей: техника, Брутцкого, Катовщикова, Карпова и др. В отличие от «якутов» и китайцев, они наделены яркими индивидуальными чертами. Писатель не только мастерски рисует неповторимо-выразительные портреты каждого из них, но и проявляет, высвечивает их внутренний мир — прежде всего через их речь, диалоги и монологи. Автор любит своих героев, восхищается ими: «Удивительный человек техник!»; «Какой непоколебимый великан этот Брутцкий!»; «Вплоть до последних Яблоновых хребтов Карпов считается лучшим, непревзойдённым погонщиком собак. <...> Он был бы вполне пригоден для типажа Джека Лондона, даже Кервуда <...>».

Но и эти могучие в глазах рассказчика герои уступают тем, кто стоял у истоков золотоискательства. Об одном из титанов амурского приискового дела — знаменитом селемджинском золотоискателе Бархатове воодушевлённо рассказывает Катовщикова: «Нет теперь по Селемдже и Норе такого ключа, на котором бы Бархатов шурфа не бил... Славный был человек. Теперь такого не встретишь. Теперь мелкота пошла. Мужик кулаком быка на землю валил. Три пудика на плечи — и айда от Бомы к Благовещенску. А это, прикидывай, вёрст шестьсот, а то и боле. <...> Одно слово — коренной...»

Но и Катовщиков, рассказывающий о легендарном Бархатове, в восприятии автора незауряден. Он тоже коренной амурец: «<...> родился и вырос в здешних краях. Он искал золото по Селемдже и Норе ещё в легендарные бомовские времена. Он “носил” золото сквозь таёжные дебри, подвергаясь тысячам самых разнообразных опасностей. Таких ходоков подстерегали и хунхузы, и конно-казачья полиция... Бессменно сторожили “фартовых” по тропинкам норской тайги голод, цинга, болотная лихорадка... / Катовщиков оттянул пальцем нижнюю губу: / — Видите, четыре зуба всего осталось. Рисковое было время. Суровое время. А всё-таки, как вспомнишь, сердце радуется, потому — молодость... / В глазах у него плясали весёлые, задорные огоньки. / — Главное, нужно уметь взять жись за рёбра. Она тебя на испуг берёт, а ты её. Ну — кто сильнее? Трудности были. Горечь была. А без горечи и сладость не в сладость. / Пробираешься с винтовкой да лотком по тайге. Руки о кустарь — в кровь. Утречком голод подтягивает... Но зато вдруг у ручья на дне блеснёт желанное. Золото, братишечки, золото!.. / В Катовщикове проснулся старый, глубоко засевший в нём хищник. Глаза его блестели, ноздри нервно вздрагивали. Пропали его рассудительность и благодушные. Будто подменили человека. / — Что вы думаете — из-за несчастного жалованья, что ли, я сейчас с экспедицией пошёл? Нужны мне ваши деньги! Плевать я на них хотел. Где хошь — найду. Нет, бродяжьем духом потянуло. <...> Катовщиков курил махорку, встряхивал головой и рассказывал. / Я записывал его рассказы в блокнот».

Однако самый близкий автору персонаж — техник, руководитель экспедиции, бывший ленинградец, интеллигент, прекрасно разбирающийся в литературе, легко цитирующий Пушкина, Лондона, Сельвинского и в то же время фанатик своего дела, стоически переносящий невероятные трудности ради процветания страны: «Дайте время, здесь такие работы развернутся! Локомотивы... Драги! Перспективы широчайшие! Меня, знаете, охватывает вдохновение. Не смейтесь, не смейтесь! Добыть презренный металл для Республики — это дело может вдохновить. Вы думаете, у меня “золотая лихорадка”, тяга к экзотике, что ли? Нет, батенька мой, отмороженные уши — плохая экзотика. Мне сказали: “Найти золото!” — и я его найду во что бы то ни стало, хотя бы пришлось сдохнуть. <...> во имя страны, во имя драг!»

Художественно-очерковые книги Васильева «Люди в тайге» и «В золотой разведке» заслуживают переиздания, заслуживают того, чтобы современный амурский читатель имел возможность познакомиться с ними.

«Поэзия, никем не признанная в мире...»

Феномен Анатолия Могильникова

В литературной жизни Приамурья послеоктябрьского периода, как и в «большой» советской литературе в целом, существовали художественные явления, воспринимавшиеся как маргинальные, с точки зрения официальной критики и, тем более, разного рода идеологических и цензурных инстанций не заслуживающие того, чтобы читатели имели к ним доступ, недостойные того, чтобы о них вообще упоминали и даже знали об их существовании. Причины отнесения авторов к числу «маргиналов» могли быть разными: идеологические изъязы, какая-либо политическая «крамола» в их произведениях, утверждение в них «чуждых» жизненных принципов, сомнительных моральных ценностей, освещение автором «запретных» тем, «теневых» сторон советской действительности, демонстративное отступление от общепринятых эстетических канонов. Наконец, автор мог быть отлучён от официальной культуры и стать «изгоем», «маргиналом» вследствие каких-либо «неправильных», «антиобщественных» поступков, из-за «пятен» в его биографии.

Самое характерное явление подобного рода в литературе Амурского края — личность и творчество А. Могильникова.

Анатолий Иннокентьевич Могильников родился 25 января 1940 года в селе Жариково Гродековского (с 1958 г. — Пограничного) района Приморского края, но детство и юность его прошли в Приамурье.

Вообще же биография А. Могильникова изобилует «белыми пятнами» и противоречиями. Это связано как с закрытостью его характера, так и с обстоятельствами жизненной судьбы: во-первых, он часто (по своей и чужой воле) менял место жительства (Приморский край, Амурская область, Иркутская область, Алтайский край; Жариково, Белогорск, Благовещенск, Суражевка, Усолье-Сибирское, Тыгда, Буря, Новобурейский, Малиновка, Николаевка, Райчихинск и т.д.), надолго нигде не задерживаясь; во-вторых, дважды был осуждён по уголовным статьям и немало лет провёл в заключении и на «химии» (на поселении), о чём не любил рассказывать даже друзьям.

Первый, десятилетний, тюремный срок он получил, по некоторым сведениям, за участие в групповом разбое. Наказание отбывал поначалу в исправительной колонии в Суражевке, об этом можно судить по письмам Могильникова более позднего времени. Затем, по всей видимости, был переведён в Восточную Сибирь (по версии же — весь-

ма сомнительной — собора «Амурской правды» Геннадия Кремнёва, тот «от звонка до звонка» отсидел в Оренбуржье, где жили немецкие колонисты — отсюда, мол, знание языка Гейне). В 1968-м, когда истек срок заключения и Могильникову исполнилось двадцать восемь, он окончил вечернюю (сменную) среднюю общеобразовательную школу рабочей молодёжи № 5 города Усолья-Сибирского Иркутской области. В аттестате у него стояли две *тройки* — по геометрии и химии, четыре *пятёрки* — по истории СССР, всеобщей истории, обществоведению и иностранному (немецкому) языку, восемь *четвёрок* — в том числе по русскому языку и литературе. Уже по одному этому можно судить и о гуманитарном складе ума Могильникова, и о выстраиваемых им жизненных планах.

В момент поступления в июне 1969-го на заочное отделение Благовещенского государственного пединститута Анатолий работал (с ноября 1968 г.) электриком на нефтебазе посёлка Тыгда. Вступительные экзамены и экзамены за первый курс он сдал успешно, в основном на «хорошо» и «отлично». Из преподавателей факультета самое сильное влияние на него оказал Борис Афанасьевич Лебедев, бывший фронтовик, в те годы старший преподаватель кафедры литературы. Лебедева он называл «человеком самостоятельным» (высокая похвала в устах Могильникова), ему единственному передавал «приветы» в письмах к методисту отделения заочного обучения. Лебедев, в свою очередь, ценил этого нетипичного студента за творческие способности, самостоятельность ума. Об этом, в частности, можно судить по рецензии на контрольную работу по введению в литературоведение, посвящённую анализу стихотворения Пушкина «Осень»: «<...> Что касается содержания работы, то оно убедительно доказывает Вашу способность совершенно свободно ориентироваться в стихосложении и системе изобразительных средств <...>. И уже это даёт право оценить работу по самому высокому баллу. Правда, в интересах Вашего роста можно было бы предложить другой путь анализа (через тему, жанр и стиль). Б.А. Лебедев. 28 марта 1970» (здесь и далее цитируются письма А. Могильникова, хранящиеся в фондах литературно-краеведческого музея БГПУ).

Однако в БПИ Анатолий проучился недолго — 29 апреля 1972 г. по представлению декана факультета он был отчислен «за систематическую неявку на экзаменационные сессии». О причинах такой развязки отчасти можно судить по подшитым в личном деле письмам Могильникова, адресованным методисту ОЗО: «Выполнить работу по диалектологии Приамурья просто нет никакой возможности, ибо в этом посёлке нахожусь немного более года и в силу специфично-

сти своего положения почти изолирован неким моральным барьером от местных жителей. <...> По современному русскому языку тоже неувязка — нет нужных словарей <...>. Да и по языкознанию пришлось шевелить головой, ибо учебников недостаточно, а собственные выводы могут быть ошибочными, тем более что на большинстве лекций я отсутствовал, а наши студентки, оставившие мне свои адреса и обещавшие помочь, на мои просьбы выслать на время конспекты не ответили, а быть назойливым — не в моём духе» (Тыгда, 26 ноября 1969 г.); «К сожалению, мне ничего сдать больше не удалось, а средств на существование не оставалось, поэтому я срочно удрал из Благовещенска. <...> Написать раньше никак не мог собраться, ибо сразу устроился в редакцию и почти всё это время носился по командировкам» (Малиновка, 17 августа 1970 г.); «Извините, что никак не мог сообщить Вам о своём местопребывании, однако только недавно — на постоянном месте жительства. Прошу Вас сообщить мне, каким образом организовать перевод из Благовещенска в Барнаул, ибо у меня в ближайшие полгода нет совершенно никакой возможности ездить в Благовещенск, да и вообще бессмысленно ездить туда, где на тебя смотрят, как на врага (я имею в виду тот случай, когда мне дали в горотделе милиции 24 часа, чтобы я убрался из Благовещенска). При таком обращении не только учиться, но и жить-то не хочется» (Угловское, 24 декабря 1970 г.).

А.И. Могильников

В этих письмах Могильников рассказывал не всё. Умолчал, например, о том, что в Алтайский край он перебрался, потеряв работу учителя в Бурее: «за непокладистый характер» (А. Табунов). В с. Угловском, районном центре Угловского района Алтайского края, куда Анатолий внезапно уехал в конце 1970 г., он устроился корреспондентом районной газеты «Трудовая слава». По свидетельству друга Анатолия — журналиста Александра Табунова, — впоследствии об этом периоде жизни Могильников «рассказывал без устали, поскольку там имел возможность общаться с немецкими колонистами» на их родном языке.

Не получив систематического, тем более высшего, образования, Могильников был человеком с весьма широким кругозором: в совершенстве владел немецким, самостоятельно освоил идиш, переводил с украинского и белорусского. Его цепкая память хранила всё, что он прочитал, а читал он много, в том числе в заключении, используя для этого любую возможность. В письмах к друзьям он постоянно ссы-

лается на работы (чаще цитирует) физиков, философов, в том числе А. Эйнштейна, Гегеля, цитирует и довольно метко характеризует стиль, язык произведений Вальтера Скотта, Лиона Фейхтвангера, Роберта Бёрнса, Хемингуэя, многих русских и советских (среди них и амурских) поэтов и прозаиков. Зрелость и самостоятельность его суждений, критический склад ума, великолепное владение словом, отточенность стиля (что проявилось даже в письмах, наспех написанных в полутёмной тюремной камере) не могут не поражать. Кстати, большая часть писем, созданных на воле, аккуратно отпечатана самим Могильниковым на машинке (а написанные от руки отличаются каллиграфическим почерком) и представляет несомненный интерес — и не столько наполненностью биографическими сведениями (их-то как раз немного), сколько полётом мысли, оригинальностью, остротой и точностью оценок — книг, людей, событий.

С большой временной дистанции невозможно точно установить, когда именно Могильников увлёкся переводами стихов с немецкого, скорее всего, в заключении. Тогда же он нашёл автора, который был ему наиболее близок по мироощущению, взглядам и поэтике, которого до конца жизни он будет ставить выше всех других и называть великим — Генриха Гейне. Видимо, именно перевод стихов немецкого поэта пробудил в нём интерес и к собственному художественному творчеству — поэтическому, а затем и прозаическому.

А. Табунов писал, что прозе Могильникова предшествовала публицистика: в частности, памфлет «Ископаемое», «посвящённый некой весьма и весьма высокопоставленной персоне из обкома партии», а также «очерк про шестьдесят восьмой чехословацкий год». По этому же свидетельству, рукописи обоих текстов, написанных в конце 1960-х, были изъяты у Анатолия сотрудниками КГБ. Ни подтвердить, ни опровергнуть эти сведения документально пока не удаётся.

В местных, областных литературно-журналистских кругах к Могильникову в целом относились настороженно. Виной тому и биография, и неуравновешенный, взрывной характер Анатолия, и резкость суждений, в том числе об амурских авторах. Об этом отчасти можно судить по письмам Могильникова, адресованным журналисту А. Табунову (в настоящее время хранятся в фондах литературно-краеведческого музея БГПУ, куда они были переданы А.П. Табуновым).

Отношение Анатолия к амурским писателям, находящимся в фаворе, преуспевающим, пользующимся поддержкой официальных властей, было презрительно-враждебное. Вот, например, его реакция на создание в области отделения Союза писателей: «Об образовании Амурского отделения СП я читал в газете, где было выступление Ма-

шука. Я бы сказал, компания собралась не ахти какая. Возможно, я и не прав, но у меня к “гражданам сим” какая-то органическая неприязнь» (16 февраля 1976 г.). В письме к А. Табунову от 7 декабря 1978 г. он именует признанных поэтов Приамурья «вишнетворцами», а общую атмосферу литературной жизни области — «клоакой», попадая в которую нельзя не измазаться.

Причём хлёсткие, предельно жёсткие оценки он даёт не только своим принципиальным идейным противникам, не только тем, к кому относится враждебно, но и литературным соратникам, тем, с кем находился в приятельских отношениях. Вот один из его выпадов по адресу такого рода амурских литераторов, датированный 2 февраля 1977 г.: «На моих глазах А[...] превратился из хорошего поэта в халтурщика, а на твоих глазах — Ч[...] из поэта и журналиста в скользкого червяка». Чуть позже, 27 февраля того же года, А. Могильников негативно отзываясь об амурском авторе, о котором прежде у него было в целом положительное мнение: «Недавно мне прислали литстраничку “Советского Приамурья”. Я высылаю её тебе. Рассказ Юркевича [Могильников в данном случае использует не подлинную фамилию писателя, а подобие прозвища. — А.У.], помещённый там, — яркий пример бесконтрольной публикации халтуры. Я предупреждал Володю, что это испортит его. Теперь он убивает в себе и средние литспособности, кои в нём были. Эту страницу можешь показать кому пожелаешь, в том числе и Машуку, которому, возможно, придётся возиться с Юркевичем, когда тот поймёт, что в литературе ему делать нечего».

Немаловажной причиной «дурной репутации» А. Могильникова в литературных кругах Приамурья была и плохо скрываемая оппозиционность, неприятие им царящей вокруг лжи, официоза, духа верноподданничества и казённости. Он ценил рассказ «Один день Ивана Денисовича» и не скрывал этого, несмотря на то, что с конца 1960-х Солженицын впал в немилость. А так как в небольшом Благовещенске все были на виду, общение с Могильниковым могло стать небезопасным, этим можно было навлечь на себя неудовольствие властей и органов госбезопасности. Отчасти поэтому Анатолия многие сторонились. В его поэтическом творчестве этого времени есть стихи с острым социально-политическим содержанием: «Патриотизм», «Идолы», за любое из которых можно было получить тюремный срок, например, за последнее:

Сойдёт один, взойдёт другой трибун,
Его спихнёт без сожаленья третий.

Не сядет же им на язык типун
За то, что всяк — единственный на свете.

И сыздавна такая суетня —
Из тьмы на целый мир трещат цикады.
Замолкнет стрекотня, пойдёт грызня,
И — кланяйся очередному гаду ¹.

Однако оппозиционность Могильникова не была «диссидентской», либеральной по духу и сути. С местными диссидентами он не был близок, осознавая, видимо, что оттепельный либерализм мало чем отличается от исподтишка оплёвываемого им «советского тоталитаризма», что он тоже основан на лицемерии и диктате одного (в данном случае «либерального») мнения. Об этом можно судить, например, по стихотворению «Избиратели»:

Я слышу за углами, в подворотнях
Подпольной оппозиции скулѐж.
О Боже, дай свободу этим сводням,
Чтоб доказать, что правда — это ложь!

Ведь день придѐт — пойдут они, как тени,
Улыбками сравнив кривые рты,
Опустят в урны гордо бюллетени,
Неся на холках чинно хомуты ².

Прошло несколько десятилетий, желанный для диссидентов «день пришѐл», так что любой желающий может судить о точности социально-политического прогноза Могильникова.

В круг общения Анатолия Могильникова входили те, кто стоял отнюдь не в центре литературной жизни Приамурья: поэты Леонид Андреев и Валерий Черкесов, журналисты Александр Табунов и Геннадий Кремнѐв. Большие симпатии Могильников испытывал к журналисту «Амурской правды» Абраму Ривлину (об этом свидетельствуют его письма). Пытался помочь Анатолию сам нередко попадавший в опалу главный редактор Амурского книжного издательства Марк Либерович Гофман.

Но чаще поддержка, пусть и моральная, исходила от тех, кто находился за пределами Амурской области, кто не был посвящён в тонко-

¹ Могильников А. Стихи и переводы с немецкого // Амур: литературно-художественный альманах. № 5. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. С. 61.

² Там же. С. 60.

сти местной литературной жизни. Так, в ноябре 1974 г. на семинаре литераторов Амурской области, в работе которого приняли участие писатели из Москвы и Хабаровска, Анатолий получил похвалы от приезжих авторов за стихотворение «Чудо Света»:

Ничем не удивишь наш век бумажный,
он убеждён: на свете нет чудес!
Но есть же в мире из железа башня,
террасы, пирамиды до небес!

Пусть потрясает души диво это,
пусть каждый стык описан и воспет,
но самым величайшим Чудом Света
является обыкновенный свет ³.

Среди тех, кто и в дальнейшем проявлял к нему, к его творчеству интерес, Могильников не раз называл дальневосточных поэтов Михаила Асламова и Валерия Шульжика.

На рубеже 1960–1970-х гг. переводы Могильникова (в основном с немецкого) изредка печатались в альманахе «Алтай», журналах «Сибирские огни», «Простор», в газетах «Ротэ Фанэ», «Фройндшафт». С некоторыми из поэтов, живущих в СССР, но пишущих на немецком, он вёл переписку: в частности, с Г. Кемпфом, которому посвятил стихотворение «Поэту и другу», а также с Ф. Больгером. В Благовещенске единственная заметная прижизненная публикация под собственным именем переводчика состоялась в альманахе «Приамурье моё — 1970» при покровительстве редактора-составителя М.Л. Гофмана, настоявшего на включении в этот выпуск подборки переводов Могильникова под общим заглавием «Голоса друзей». Её составили, как было сказано в авторском (в реальности, написанном Гофманом) предисловии, «переводы произведений нескольких советских поэтов, пишущих на немецком, украинском, белорусском и еврейском языках» ⁴. С немецкого были переведены весьма посредственные, но идеологически выдержанные стихи Давида Иоста («Здравствуй, Родина!»), Генриха Кемпфа («Мечтающему другу»), Фридриха Больгера («Я в каждый новый путь несусь, стремглав...»), «Мир сказочной мечты»), а также искусственно пристёгнутый к произведениям «советских немцев» перевод «Баллады о троих» Иоганнеса Бехера:

³ Могильников А. Свет и мрак: Восьмистрочия. [Райчихинск], 1978. С. 20.

⁴ Могильников А. Голоса друзей // Приамурье моё — 1970: литературно-художественный сборник. Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1970. С. 265.

Промолвил офицер: «Еврея — в яму!»

«Нет!» — русский отвечал упрямо.

Тогда палач их поменял местами.

«Нет!» — возразил еврей, сверкнув глазами.

«Засыпать их обоих!» Но в ответ

От немца офицер услышал: «Нет!»

«Его туда же с этими двоими, —

Носить он не достоин немца имя!»

И немцы немца закопали с ними ⁵.

Включение этого единственного по-настоящему талантливого произведения редактор мотивировал, как сказано в предисловии, тем, что Бехер — «поэт-коммунист». О включении в подборку переводов Гейне тогда не могло быть и речи. Тем более собственных стихов Могильникова — недавнего «уголовника», человека с сомнительным прошлым и непредсказуемым будущим. Получается, как в воду смотрели...

В 1976 г. Могильников «волей абсурдного случая» (А. Табунов) снова попал «на зону» в Суражевку. Как рассказывает поэт Валерий Черкесов, в письме к нему Могильников поведал об обстоятельствах драматического инцидента, обернувшегося новым сроком: опоздав на автобус, он пешком шёл из Новобурейского в соседнюю Николаевку. По пути встретились два парня и стали задирааться. Кончилось это тем, что невысокий, однако физически крепкий Анатолий нанёс увечье одному из них. Результат — очередной срок, на этот раз семилетний.

Уже из Суражевки он пишет своему другу: «Работаю я обмотчиком электромоторов. Работа нравится, а это — одно из условий равновесия моего морального состояния» (16.12.1976); «Ты спрашиваешь, какова жизнь. <...> Лагерь есть лагерь. Все идут в санчасть лечиться, а для меня у докторов нет лекарства — я здесь, как и первый срок, болею ностальгией, то есть тем, чем должен болеть настоящий русский человек на пресловутом архипелаге» (24.09.1977).

Из тех же писем можно узнать, что и в заключении, преодолевая всевозможные трудности, Могильников живёт почти исключительно творчеством: «Между тем доделываю книгу Гейне “Такова жизнь” — в ней уже более ста готовых стихотворений. Из литконсультации СП [Союза писателей СССР. — А.У.] уже сюда получил письмо. Л.Г. [Людмила

⁵ Могильников А. Голоса друзей // Приамурье моё — 1970: литературно-художественный сборник. Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1970. С. 265.

Георгиевна. — А.У.] Сергеева пишет, что попытается передать мои рукописи в изд. “Худ. литература” какому-то Парину. <...> / Занимаюсь и прозой. Взялся основательно за военную повесть “Дорога в рай”, <...> но до окончательной редакции рукописи ещё далеко. Слишком мало у меня времени на эту работу — не более трёх часов в сутки. Режим есть режим, и я стараюсь не нарушать его. <...> После “Дороги в рай” хочу капитально взяться за “Волков”. Трудно здесь работать над языком — почти невозможно сосредоточиться в самом себе, шум, гам, споры, доминошные костяшки, словом всё это бьёт по нервам» (16.12.1976). Об интенсивности работы Могильникова даёт представление следующее письмо, написанное через полтора месяца: «“Дорогу в рай” я закончил. Получился средненький военный роман. Средненький — по объёму. <...> Написал ещё повесть о нашем времени “Странные люди”. В основе — некоторые автобиографические факты, но принципиально — вымысел, особенно психологические выкладки. Собственно, даже не вымысел, а некое средоточие известных мне характеров» (2.02.1977).

Что касается неоднократно упоминаемой в письмах Могильникова повести «Волки», то её рукопись была передана автором хабаровскому прозаику Павлу Халову, который спустя полгода ответил, что рукопись утеряна. Рукопись повести «Дорога в рай» «на временное хранение» Анатолий передавал своему другу А. Табунову, который «ходил с нею по редакциям», но тщетно. Зав. отделом «Амурского комсомольца» Т. Андреева, при всей симпатии к автору повести, изумилась: кто же, дескать, это напечатает, если автор — уголовник? Узнав о такой реакции знакомых ему газетчиков, автор обиделся и незадолго до смерти рукопись забрал. Предложение попытаться напечатать повесть под псевдонимом он категорично отверг. Судьба этой рукописи, как и всего архива Могильникова, остаётся неизвестной. В одном из писем он упоминал, что почти все его ненапечатанные вещи хранятся у матери: «<...> мои рукописи на 99,9% у моей матери, они запакованы и ждут меня» (2.02.1977). Однако родственники Могильникова после смерти Анатолия Малиновку покинули, следы их теряются. Спустя годы, в 1993-м, газета «Амурские вести» опубликовала хранившуюся у А. Табунова фантастическую повесть «Потерянные пенаты» — единственное прозаическое произведение Могильникова, увидевшее свет. Рукопись повести «Странные люди», о работе над которой Могильников упоминал многократно, тоже бесследно исчезла.

Но главное, чем была заполнена и наполнена жизнь Могильникова в последние годы, — перевод произведений Гейне. Как отмечалось выше, в 1976 г. он отослал в Союз писателей перевод книги стихов Гейне «Такова жизнь» — всего 120 стихотворений. Оттуда рукопись

была передана в издательство «Художественная литература» и попала в руки известного переводчика, поэта Алексея Васильевича Парина, в 1974–1978 гг. работавшего редактором в этом издательстве (с 2000 он — главный редактор издательства «Аграф»). Автору переводов было предложено устранить отдельные недостатки формального, «технического» мастерства. О том, в каких жизненных обстоятельствах устранялись эти «недостатки», Анатолий поведал Александру Табунову: «Пишу ночью при свете замазанной синей краской лампочки, ибо... до отбоя писать невозможно: шум, гам, заглядыванье, подглядыванье — многим любопытно, что же пишет Могила. Некоторые первое время думали, что — доносы».

Тем не менее работа над книгой продвигалась, а между переводчиком и редактором завязалась переписка. О ней Могильников рассказывал В. Черкесову:

«Не помню, писал ли я тебе — в ноябре получил письмо из Союза писателей. Теперь у меня — постоянная связь с редактором изд. “Художественная литература”, который непосредственно занимается мировой поэзией, в частности — редактирует собрание сочинений Генриха Гейне. <...> Вот что пишет этот Алексей Васильевич Парин: *“Ваши переводы во многих случаях берут за душу, дают ощущение значительности, подкупают искренним желанием постичь тревоги и страдания поэта, “врасти в его шкуру”, некоторые строки очень “узонаваемы” — сразу скажешь, что это Гейне. Они явно выигрывают на фоне переводов, сделанных «аккуратно», где и слова-то вроде бы стоят на месте, и рифмы складные, и интонация бойкая — а поэтическая суть не проглядывает...”* <...> И что мне понравилось, этот Парин анализирует мои переводы не в сравнении с переводами других, как порою делал Гинзбург, а в сравнении “с заколдовывающим подлинником”. В конце письма он пишет: *“Хочется, чтобы все строчки в Вашем Гейне были вровень с лучшими из уже написанных, где «ни убавить, ни прибавить», и всё дышит подлинной поэзией <...>. Желаю Вам внутренней стойкости, терпения и — главное — настоящих творческих побед. Буду рад помочь Вам в дальнейшем”*. <...> Кстати, этот Парин умница и не строит из себя гения. Послушай-ка, что он ещё пишет: *“Наши литературные вкусы субъективны, и только, мягко говоря, немые люди могут считать себя истиной в последней инстанции...”* Это, друже, большая удача, что мне попался такой критик» (8.12. 1977).

Некоторые из стихотворений Гейне в переводе Могильникова хранятся в фондах литературно-краеведческого музея БГПУ, некоторые

в 2006 г. опубликованы в альманахе «Амур»⁶. А некоторые приведены в статье А. Табунова «Человек, любивший Гейне»⁷, в том числе классическое произведение, широко известное по вольному переводу Лермонтова («На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна...»). В максимально приближенном к оригиналу переводе Могильникова оно звучит так:

Развесистый кедр на севере дальнем,
Уснув на скалистом холме,
Застыл одиноко, и снегом кристальным
Его замечает во тьме.
И снится ему, что вот так же печально
В далёкой пустынной земле
Стоит и грустит одинокая пальма
На выжженной солнцем скале⁸.

Кстати, на рукопись Могильникова откликнулся ещё один известный в переводческой среде человек — в те годы председатель секции переводчиков Московского отделения Союза писателей СССР Лев Владимирович Гинзбург. По поводу процитированного перевода он написал: «Вы не побоялись посоперничать с самим Лермонтовым в переводе “Сосны” и доказали, что любое честное состязание в литературе закономерно». И далее известный советский переводчик, большой знаток немецкой поэзии, написал «уголовнику» Могильникову: «Ваша работа кажется мне первой за долгие годы восточкой о том, что недалеко то время, когда мы прочтём Гейне таким, каким он был на самом деле...»

Однако всё вышло иначе: в феврале 1979 г. Анатолий Могильников внезапно скончался, и судьба его рукописи остаётся неизвестной. А.В. Парин, отвечая на запрос автора этих строк, написал: «Я грешным делом совсем не помню о переводах Могильникова из Гейне. В издательстве Художественная литература, где я работал с 1974 по 1978 год, занимались изданием собрания сочинений Гейне, но я к этому не имел отношения. Ничего вспомнить решительно не могу! Так

⁶ Могильников А. Стихи и переводы с немецкого // Амур: литературно-художественный альманах. № 5. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. С. 60–61.

⁷ Табунов А. Человек, любивший Гейне: опыт комментария к судьбе // Амур: литературно-художественный альманах. № 5. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. С. 49–59.

⁸ Цит. по: Табунов А. Человек, любивший Гейне: опыт комментария к судьбе // Амур: литературно-художественный альманах. № 5. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. С. 50.

что извините! Дома, в любом случае, никаких материалов по этому поводу у меня нет точно. С уважением Алексей Парин» (10.02.2013). Однако после того как ему были процитированы некоторые фрагменты из писем Могильникова, Парин фактически признал своё участие в судьбе рукописи: «Если бы Вы знали, как мне приятно было читать Ваше второе письмо. Да, я “подрабатывал” в консультации при Союзе писателей, Людя Сергеева меня “привлекла”. <...> Я рад, что мог как-то “окрылить” переводчика». Так что вопрос о судьбе находившейся в «Художественной литературе» рукописи остаётся открытым...

Сам же автор переводов был уверен, что его книга рано или поздно дойдёт до читателей и получит признание. Вот строчки из его письма из Суражеской колонии, датированного 2 февраля 1977 г.: «Хотят или не хотят иные граждане, а в русской литературе я буду существовать — это только вопрос времени. <...> Всему свой черёд. Скандал — это не лучший путь к славе, да мне и наплевать на неё — пусть славится великий Гейне в моих переводах, я даже буду доволен, если читатели не заметят, что это переводы. Ведь если выпячивается “Я” переводчика, то бледнеет “Я” автора оригинала».

В связи с большой амнистией по случаю 60-летия Октябрьской революции 22 марта 1978 г. Могильников получил условно-досрочное освобождение и в апреле того же года был направлен на поселение в Райчихинск. «Отметив» радостную перемену в судьбе, он в первый же вечер попал в вытрезвитель, где ему «сломали всего одно ребро» (из письма от 26.04.1978). Лечиться, однако, было некогда: его ждала работа «плотника-бетонщика». Развязка была уже не за горами. Ощущал ли это Могильников? По-видимому, да. В конце декабря 1978 г., за месяц с небольшим до смерти, он написал стихотворение «Эпилог» (судя по всему, последнее, прощальное его произведение), отразившее его физическое и душевное состояние:

Поля в смиренной рубашке снега,
леса в наручники невидимые холод заковал,
как будто бы в груди Земли иссякла нега
и вместо солнца в небе — огненный провал.

Но ждёт Земля весну — так ждёт свободу узник,
торопит годы, дни, торопит каждый час:
надежда теплится в его глазницах грустных,
хоть жизнь почти что вытекала из глаз ⁹.

⁹ Могильников А. Стихи и переводы с немецкого // Амур: литературно-художественный альманах. № 5. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. С. 60.

Предчувствие не обмануло поэта: в феврале 1979 г. жизнь его оборвалась. Физически ощутить себя свободным человеком ему не было суждено, но мятущаяся душа поэта вырвалась-таки на свободу...

Из того, что было создано Могильниковым за долгие годы, сохранилось не так уж много, в основном, оригинальные стихи. Так, в фондах литературно-краеведческого музея БГПУ хранится (помимо рукописи фантастической повести «Потерянные пенаты» с правкой М. Гофмана и писем, также переданных А. Табуновым) отпечатанный автором на машинке, «самиздатовский» сборник стихов «Свет и мрак» (1978) — семьдесят одно «восьмистишие». Книжка эта (как и сохранившиеся переводы Гейне) достойна быть опубликованной, ибо откроет амурским читателям глубокого и самобытного лирика, тяготеющего одновременно и к отражению мгновений своей жизни, к выразительным пейзажным зарисовкам, к деталям, и к философскому обобщению. Только в одном случае автор «Света и мрака» отступает от заявленной художественной формы — любимого им восьмистишия, требующего лаконичности, большой смысловой наполненности при минимуме поэтических средств. Не всё в сборнике равноценно, есть и слабые, проходные стихи, но некоторые из восьмистиший воспринимаются как подлинные шедевры: «Первая любовь», «Моя любовь», «Тальник», «Осенний этюд», «Неотвратимое», «Творчество изнутри», «Солнечный ветер», «Саранки», упоминавшееся выше «Чудо Света». Таково и стихотворение «Нелегальная поэзия» (1978), в котором автор обнажает свою творческую лабораторию:

Поэзия, никем не признанная в мире,
мне открывается под капель чистых звон.
Мы с дедом тайно заперлись в его квартире,
и я смотрю, как он химичит самогон.

Потом мы вместе пьём, и огненная влага
втекает в сердце мне, закону вопреки.
Как дед добыл её из жёлтой, мутной браги,
так добываю я из смутных чувств стихи ¹⁰.

В письме к другу Анатолий Могильников признавался, что его «тянет к простоте, к классической ясности и к народной непосредственности». Всё это справедливо по отношению к большей части текстов, включённых автором в сборник «Свет и мрак».

¹⁰ Могильников А. Свет и мрак: Восьмистрочия. [Райчихинск], 1978. С. 62.

«Земля, где имя дали...»

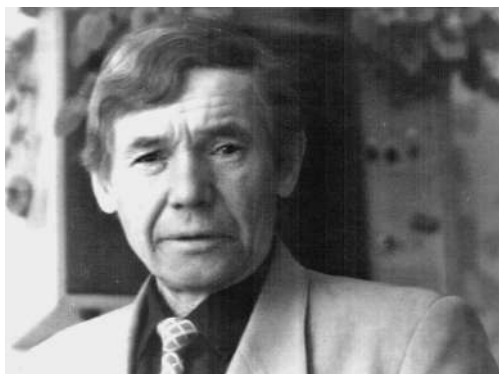
Жизненный и творческий круг Виктора Алюшина

Виктор Георгиевич Алюшин, известный амурский поэт и радиожурналист, родился 3 августа 1940 года в селе Степном. К сожалению, населённый пункт этот, как и множество других «неперспективных» сёл и деревень России, давно уже исчез с лица земли и не значится на карте Амурской области. Отчасти поэтому о детских и юношеских годах поэта известно крайне мало, в основном, с его же слов. А о себе самом, об «этапах» собственной биографии и собственного творчества Виктор Георгиевич по природной скромности особо не распространялся, обычно ограничиваясь самыми общими, весьма скудными сведениями. По-видимому, он считал, что о поэте нужно судить не по фактам биографии, а по стихам. К тому же ему, похоже, была свойственна некоторая недооценка значимости и ценности собственного художественного творчества: в отличие от значительной части своих поэтических собратьев, он никогда не утверждался за счёт саморекламы, никогда не выпячивал собственную персону и не претендовал на повышенное к себе внимание.

Виктор Алюшин считал себя коренным амурцем — и по месту рождения, и по самоощущению. На Амурской земле он родился и вырос, здесь окончил десятилетку, был рабочим совхоза, каменщиком, шофёром. После службы в армии увлёкся поэтическим творчеством и журналистикой. Значительную часть своей жизни В. Алюшин посвятил работе на областном радио (ГТРК «Амур»), более трёх десятков лет возглавлял редакцию передачи «Солдат России» (в 1970-е — «Солдатский час»). Еженедельная передача эта была в 1970–1980-е фантастически популярной, и не только среди военнослужащих — её с нетерпением ждали радиослушатели всех возрастов и профессий. В выпусках «Солдатского часа» иногда звучали поэтические строчки Алюшина и других амурских и российских поэтов.

Во второй половине 1960-х стихи В. Алюшина стали появляться, хотя и не очень часто, в областной и дальневосточной периодической печати, почти сразу обратив на себя внимание читателей, среди которых у поэта нашлось немало поклонников. Некоторые воспринимали его как своего, «амурского Рубцова», как одного из «тихих лириков» регионального масштаба. Это было справедливо, но только отчасти.

Что касается отношения Алюшина к Рубцову, то о его характере можно судить, в частности, по одной из давних передач Амурского радио, фонозапись которой передана в литературно-краеведческий музей БГПУ Ириной Кондратенко (в альманахе «Амур» за 2012 год напечатаны её воспоминания, в которых рассказывается и об этой передаче)¹.

В.Г. Алюшин

Алюшин не пытался предстать перед амурскими радиослушателями в лстящей его самолюбию роли «закадычного друга» знаменитого российского поэта. Он говорил: «Знаком с ним по учёбе, во время сессий в Литинституте общались немало. Но называться его другом было бы самонадеянностью». И далее, по ходу передачи, Виктор Георгиевич рассказал о своих встречах с Рубцовым, о любопытных случаях, свидетелем и участником которых был. Вот только один из них. Дело было летом, во время сессии. Сдав очередной экзамен, студенты Литинститута собрались возле Останкинского пруда, чтобы обменяться впечатлениями и выпить холодного пива. И вдруг по асфальту улицы Руставели зацокали копыта: трусила лошадка, впряжённая в телегу на резиновом ходу. Большинство из присутствующих отнеслись к этому равнодушно, а Рубцов, по словам Алюшина, с печалью посмотрел вслед «гужевому транспорту», заплакал и сказал: «Скоро и этого не увидим. Уходит русская деревня...» По тому, с каким чувством Алюшин передавал эти горькие слова Рубцова, можно понять, что и сам он похожим образом относился к гибели русской крестьянской Атлантиды, деревенского мира, родного села...

Первый поэтический сборник, «Зелёный зной» (1973)², вышел у В. Алюшина сравнительно поздно, ему уже исполнилось 33 года. Редактировал тридцатистраничную книжечку к тому времени обретший широкую известность Леонид Завальнюк, весьма взыскательный по

¹ Кондратенко И. «...Прощупывайте сердцем стихию моего стиха»: вспоминая Виктора Алюшина // Амур: литературный альманах БГПУ. № 11. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. С. 98–100.

² Алюшин В.Г. Зелёный зной: стихи. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1973. 32 с.

отношению к своим коллегам по поэтическому цеху. Уже само появление в выходных данных книжки имени Завальнюка — знак признания и предмет гордости.

По словам поэта Валерия Черкесова — нашего земляка, живущего ныне в Белгороде, Алюшин — «может быть, самый проникновенный лирик Приамурья»³. Если определять поэтическую традицию, которую он развивал, то в первую очередь, конечно, нужно назвать имена С. Есенина и Н. Рубцова. Но при этом следует оговориться, что амурский поэт не столько подражал им, сколько совпадал с ними по мироощущению, проблематике и поэтике. Следование поэтическим принципам, которые принято связывать с их именами, было для Алюшина, пожалуй, единственным шансом с максимальной полнотой и адекватностью выразить то, что рождало его собственное поэтическое сознание. У Виктора Алюшина был собственный, негромкий, но очень проникновенный поэтический голос, передающий то, что шло от души и сердца этого автора. Его вдохновение рождалось от соприкосновения не столько со стихами более именитых лириков, сколько с тем, что окружало в жизни, что он видел вокруг себя. В. Черкесов признавался, что в период своего творческого становления, познакомившись со стихами Алюшина (и Завальнюка), он понял простую, но очень важную вещь: «<...> поэзией может стать всё, чем мы живём, каждое событие, каждое явление природы, только надо уметь об этом сказать и рассказать»⁴.

В творческой лаборатории Алюшина происходило чудо превращения житейской прозы в подлинную поэзию, трансформация материального, предметно-бытового в идеальное, бытийное. И для этого ему не нужна была изощрённая поэтическая техника, формальные изыски. Стих Алюшина подчёркнуто традиционен. У него нет ничего вычурного, искусственного, самодовлеющего, тем более эпатажного: язык, стиль, интонация, изобразительно-выразительные средства — всё удивительно простое, естественное, органичное, всё идеально соответствует тому, о чём он пишет, тем картинам, которые рисует, тем переживаниям, которые пытается донести до читателей. Гармония стиха, похоже, является эстетической проекцией гармоничного мироощущения, в первую очередь это касается раннего периода творчества. Лирический герой раннего Алюшина — удивительно чистый, душевно ранимый, по-детски застенчивый, готовый щедро дарить свою любовь всему миру, всем, кто нуждается в его заботе и участии.

³ Черкесов В. «В мире всё идёт по кругу...»: [о В. Алюшине] // Амур: литературный альманах БГПУ. № 10. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 13.

⁴ Там же.

Он ощущает радость бытия, ему пока ещё кажется, что мир в своих основаниях совершенен и непоколебим, что отдельные возникающие диссонансы легко устраняются:

В мире всё идёт по кругу.
Завивается в спираль.
Потянулись птицы к югу
Сквозь сереющую даль.

Мы, как дети, снегом бредим,
Спим ночами кое-как
И у тёщи за обедом
Хлеб ворует для собак.

(«В мире всё идёт по кругу»)

Главный источник его поэтического вдохновения — внутреннее родство с амурскими просторами, ощущение неразрывной связи с природой Приамурья. Родная Амурская земля является центром его поэтического мира. Именно здесь, в представлении поэта, проходит «земная ось», вокруг которой вращается не только Россия, планета Земля, но и Вселенная. Это своё ощущение Алюшин передал в стихотворении «Земная ось»:

Где-то в недрах под нами
По наклонной, насквозь,
Шар пронзает земная
Многотрудная ось.

Всё проходит над осью,
Кроме полюсов двух:
И сады, и колосья,
И ромашковый луг.

Города на просторе,
Волны синих морей,
Наше счастье и горе
Проплывают над ней...

Эта незримая ось, которую он ощущал сердцем и душой, вокруг которой вращались и выстраивались жизнь и творчество поэта, проходила через его малую родину. Именно поэтому он был, прежде всего, певцом амурских степных просторов, амурских полей, амурского

неба, своего родного села (пусть и оставшегося лишь в памяти), односельчан, матери. Хотя большая часть его жизни прошла в областном центре, в городских ландшафтах и интерьерах, Алюшин всегда, на протяжении всей своей жизни ощущал притяжение к той самой «земной оси», слышал зов родной земли:

Пшеничный зреет колос,
Качаясь и звеня.
Родной до боли голос
Зовёт, зовёт меня.

Земля, где имя дали
И где с друзьями рос,
Меня из дальней дали
Зовёт на сенокос.

(«Пшеничный зреет колос...»)

И это восьмистишие, и процитированная выше «Земная ось», и многие другие его лирические произведения перекликаются с одним из программных стихотворений его однокашника по заочному отделению Литературного института Николая Рубцова — «Осью жизни»:

Как центростремительная сила,
Жизнь меня по всей земле носила!
<...>
Но моя родимая земля
Надо мной удерживает власть, —
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась.
И вокруг любви непобедимой
К сёлам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси!..

При всех различиях, Алюшина с Рубцовым роднило многое. Его поэзия тоже была обращена к душевному миру человека, строилась на созерцательности, элегичности, исповедальности, а не на проповеди, не на публицистичности, не на социальной актуальности и политической злободневности, не на голой риторике и броских лозунгах, которые в годы «оттепели» были в большом ходу. Она рассчитана была на сердечное сопереживание, на душевный отклик, на пробуждение самостоятельной мысли — «думы».

Видный амурский писатель и редактор Владислав Лецик подметил как-то, что хотя «стихи Алюшина в основном о природе», «он умудряется сказать о многом». Действительно, его пейзажные зарисовки — это не просто фиксация увиденного: поэт ощущает и передаёт в своих стихах связь частного и всеобщего, конкретно-исторического и

На краевом семинаре молодых писателей в Хабаровске. Справа налево: В. Алюшин, Б. Машук, В. Пинаев. 1970 г.

вечного, универсального. Запечатлённый миг, отдельное природное или социальное явление показываются, воспринимаются в их неразрывной связи со всем мирозданием, с историей, с вечностью. Мир, который видит и слышит вокруг себя поэт, пронизан льющей с небес музыкой, свидетельствующей о существовании Творца. Он, автор «проекта» земного мироустройства, присутствует в каждой капле, в каждой частичке и каждом временном отрезке бытия:

Увязли насекомые в цветах.

Смола застыла, с дерева стекая,

И с неба льётся музыка такая,

Какую открывал в природе Бах...

(«Увязли насекомые в цветах...»)

Но со временем мироощущение поэта претерпело некоторые изменения. Меньше стало поводов для радости, пришло ощущение хрупкости мира, уязвимости русской цивилизации, скоротечности человеческого существования. Эти новые настроения отразились в следующих двух небольших поэтических сборниках: «Свет ковыля» (1985)⁵ и «Туманы северного края» (2000)⁶, а также в сти-

⁵ Алюшин В.Г. Свет ковыля: стихи. Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1985. 48 с.

⁶ Алюшин В.Г. Туманы северного края: стихи. Благовещенск: РИО, 2000. 36 с.

хотворных подборках, печатавшихся в областной и дальневосточной периодике.

Теперь поэт всё чаще осознаёт, что гармоничный замысел Творца может быть разрушен неразумными и злыми деяниями человечества, превращающего Землю не в райский сад, а в общую могилу и для «братьев наших меньших» («Дикая охота»), и для себя. Это представление Алюшина нашло предельно ёмкое воплощение в коротком стихотворении:

...А сколько войн на свете было,
Какие люди полегли...
Земля, как братская могила,
Летит в космической пыли.

Эпоха рыночных реформ, обернувших сломом и деградацией традиционного уклада русской жизни, лишь усилила трагические нотки в поздней лирике В. Алюшина, рождала чувство безысходности. В какие-то моменты он пытался представить, как бы посмотрел на современное состояние России Н. Рубцов. Картина получилась безрадостной:

Не заплещется море синее,
Сколь водицы в него не лей.
Закатилась звезда России,
Закатилась звезда полей....
(«Не заплещется море синее...»)

Алюшин остро переживал поразивший страну кризис, деградацию всех сфер жизни, вымирание русской деревни:

Рождаемся на свет в кромешной темени,
И после наши беды велики.
Уходят и уходят раньше времени
Из жизни окаянной мужики.
(«На сотни вёрст дорога не кончается...»)

Но и в самые тяжкие моменты в душе Алюшина жила надежда, перерастающая порой в уверенность, что сформированная в русском человеке способность к выживанию, помноженная на пронзительную, неизбывную любовь к отчему дому, станет спасением России. Иносказательно эта мысль присутствует в одном из лучших его произведений — стихотворении «Перелётные птицы»:

Птицам не страшны любые дали,
Их пути — таинственная вязь.
От кого пернатые узнали,
Что весна в России началась?

Да и что на севере им надо, —
В этом неприветливом бору,
Где высоких сосен колоннада
Инеем покрыта поутру?

Райские отпущены им кущи:
Размножайся, радуйся, живи.
Но любовь всё яростней и пуще
В птичьей разгорается крови.

Вот они над копнами соломы
И над серпантином автострад,
Вечными инстинктами ведомы,
С криками гортанными летят.

Слыша крики птиц, я замираю:
В них и боль, и радость, и тоска...
Это же любовь к родному краю
Птиц домой ведёт издалека!

Скончался поэт в Благовещенске 27 мая 2011 года. За 10 месяцев до этого ему исполнилось семьдесят, однако никаких юбилейных торжеств по этому случаю в Приамурье не было. Как и соответствующих моменту публикаций в областной прессе, телевизионных передач... Впрочем, и уход из жизни известного лирика и журналиста остался почти незамеченным — Виктор Алюшин умер так же тихо, как жил, как складывал и читал свои стихи...

Журналист Павел Савинкин очень точно определил место Алюшина в русской поэзии: «Маленький поэт большой страны. Большой поэт малой родины»⁷.

⁷ Савинкин П. Листки потёртого блокнота. Литературные зарисовки // Амур: литературный альманах БГПУ. № 12. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 61.

«Жить в заветных твореньях...»

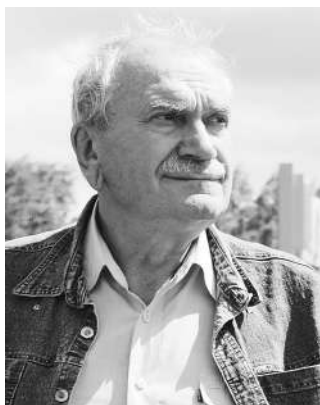
Поэтическая стезя Игоря Игнатенко

Принято считать, что *поэт в России — больше, чем поэт...* Применима ли эта хрестоматийная строчка Евтушенко к Игорю Игнатенко? Чем для него является поэтическое творчество? Призванием, увлечением, привычкой, профессией, формой самореализации, потребностью в признании, способом заявить свою гражданскую позицию, стремлением *учительствовать, пророчествовать*? Наверное, всем перечисленным и ещё многим другим. Но главное — для него это наиболее естественная форма существования, самый органичный способ познания себя и мира.

Его собственная жизненная стезя интересна и поучительна уже тем, что вобрала в себя всё то, через что прошло большинство людей его поколения: трудное военное и послевоенное детство, учёба в школе и вузе, комсомол, спорт, армия, настоящая мужская дружба, любовь, семья, дети, а позже и внуки, обретения и утраты, духовные и творческие искания, вера в светлые идеалы и такое же будущее... Но, может быть, в ещё большей степени биография Игнатенко примечательна тем, что пришлась на эпоху грандиозных социально-политических разломов рубежа XX–XXI столетий, на пору глобальных деформаций идеологических и духовно-нравственных основ, всего уклада жизни. Он не отрекался от того подлинно ценного, что вместила в себя советская эпоха, но и не цеплялся за отжившую идеологическую догматику, не пытался найти оправдание преступным деяниям власти против народа. И при этом не спешил вливаться в хор задним умом прозревших «разоблачителей», не облачался в тогу беспристрастного судии века, с которым была неразрывно связана большая часть его жизни. «Уходит век. / Простись с ним. / И прости» («*Уходит век*») ¹ — так ёмко и мудро, с редким чувством меры и такта поэт выразил своё отношение к полному противоречий столетию.

В период, когда размывался ценностный фундамент общества, И. Игнатенко сумел сохранить устойчивую систему духовно-нравственных и социально-исторических координат, о чём и свидетельствует его творчество. Его поэзия и проза — это органичный сплав,

¹ Здесь и далее произведения И. Игнатенко цитируются по изданию: *Игнатенко И.Д. Избранное: в 3 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Т. 2. Рассказы. Повести. Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии.* Благовещенск: Зея, 2012.

И.Д. Игнатенко

если так можно выразиться, *русскости* и *советскости*, синтез наиболее близких национальному духу ценностей, в числе которых потребность в высоких идеалах, социальная справедливость, совесть, милосердие, коллективизм, любовь к родине, мир, труд, семья:

Всему мерило чёрный хлеб и труд,
А не гордыня, вправленная в злато.
Да будет мир!
Да будет детям Завтра!
И распрям всем —
Да будет Божий суд!

(«Междоусобица», т. 1, с. 24)

Как рассказывал сам поэт, его детские, отроческие и ранние юношеские годы можно разделить на три части. Первая — жизнь в таёжном селе Ромны, от рождения (4 мая 1943 г.) и вплоть до четвёртого класса школы. Эти годы были заполнены радостью познания окружающего мира, прежде всего природного:

Это было когда-то,
Много вёсен назад.
Я нырял в Кочковатом,
Распугав лягушат.
Бултыхался на Гребле,
Рвал на пойме щавель
И любил эту землю,
Как свою колыбель...

(«Кирпичный завод», т. 1, с. 230)

Следующие два года прошли в Хабаровске, где отец Игоря учился в краевой совпартшколе. На эту пору приходится увлечения фотоделом, греблей и авиамодельным спортом. Пять завершающих школьных лет прошли в центре амурского земледелия — Тамбовке. Именно здесь произошло то, что определило дальнейшую судьбу Игоря: на чердаке дома школьного товарища Анатолия Дробязкина ребята нашли несколько поэтических сборников Есенина: «Радуница», «Голубень», «Преображение», «Сельский часослов», «Берёзовый ситец», «Исповедь хулигана»... Автобиографический герой рассказа Игнатенко «Вечерний разговор о невозвратном» (2006) подробнее рас-

сказывает об этом случае: «Как потом Толик узнал, книжки отец из детдомовской библиотеки притащил домой»; «Там приготовились их сжечь по списку запрещённой литературы... Стали читать стихи там же, на чердаке... На фоне школьной хрестоматийной тяготины будто из другого мира слышали голос...» (т. 2, с. 126).

Знакомство с Есениным «потрясло на всю оставшуюся жизнь, словно в нас ударил разряд грозовой молнии», — так много лет спустя передавал свои детские впечатления И. Игнатенко. Произошло настоящее чудо — пробуждение творческого духа. Давно замечено, что в стихах С. Есенина ощутимо присутствие Божьего Духа. Об этом, в частности, писал А. Солженицын в *крохотке* «На родине Есенина»: «Я иду по деревне этой, каких много и много... и волнуюсь: небесный огонь опалил однажды эту окрестность, и ещё сегодня он обжигает мне щёки здесь... Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясённый, нашёл столько для красоты — у печи, в хлеву, на гумне, за околицей, — красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?...»² В христианском богословии иногда используется метафора «внутренний свет», обозначающая изначальное предрасположение человеческой души к принятию и исповеданию спасительной веры в Христа. В таком понимании *внутренний свет* приравнивается к *озарению*, к религиозной интуиции и противопоставляется вере, построенной на рациональной основе, на опыте. Именно такой тип религиозности был присущ Есенину. Так что творческая искра, родившая амурского поэта, по сути, возникла от соприкосновения с тем светом, который излучает поэтическое слово Есенина. Внутренний свет есенинской лирики — это отражение божественной энергии, «небесного огня», *опалившего* когда-то окрестности Константинова. Вот что способно по-настоящему озарить, осветить, обогреть жизнь человека и окружающий его мир — небесный огонь. Там, на чердаке, читая Есенина и сам того не сознавая, юный Игорь Игнатенко впервые ощутил его таинственное воздействие. Много позже он признавался: «Не знаю я молитвы ни одной, / Помимо этой: “Господи, помилуй!”» («*На поле Куликовом*», т. 1, с. 25). Это, однако, не помешало ему понять, что подлинная поэзия должна изнутри освещаться лучами *внутреннего солнца* (выражение И.А. Ильина) — то есть излучаемого Творцом и отражаемого художником *небесного сияния*. Свет — важнейшая категория в творчестве Игнатенко. Можно вспомнить, что книгу своей прозы (2006) он назвал «Свет памяти», что в стихотворении «Памяти Игоря Ерёмкина» определил мис-

² Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Рассказы и Крохотки. М.: Время, 2006. С. 547.

Игорь Игнатенко с родителями. 1954 г.

сию поэта, как «служенье добру и свету» (т. 1, с. 186). Но дело даже и не в самом слове: главное, что этот *внутренний свет* излучают его произведения.

Другая причина, предопределившая судьбу Игоря — влияние семьи, матери прежде всего. Позже он вспоминал: «В доме царил культ книги... Вслед за родителями я читал запоем,

многого ещё не понимая, книжки Толстого и Шекспира, Пушкина и Лермонтова, Драйзера и Некрасова, Кольцова... Мама укрепила меня в мысли, что литературное творчество — одно из самых лучших дел на свете». Свою сыновнюю благодарность и трепетную любовь к рано ушедшей матери И. Игнатенко выразил в *венке сонетов* «Ровесница» и многих других проникновенных стихах.

А дальше были истфил Благовещенского пединститута (1959–1964) — там, по его словам, он «набирался ума-разума под руководством прекрасных педагогов А. Лосева, Б. Лебедева, А. Чешева, Е. Сычевского, В. Брысиной...», служба в Советской армии (1964–1965), работа журналистом на амурском радио и телевидении (с 1965 г.), в редакциях газет «Амурская правда», «Авангард», «Кадры — селу», корреспондентом на строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Многочисленные поездки по Приамурью, Дальнему Востоку и Советскому Союзу подарили яркие впечатления, нашедшие отражение в творчестве.

Как поэт И. Игнатенко впервые заявил о себе ещё в студенческие годы, публикуя стихи в институтской многотиражке «За педагогические кадры» и областных газетах, выступая на встречах с читателями в молодёжных аудиториях. Позже его произведения печатались во многих региональных и центральных газетах, журналах, альманахах, коллективных сборниках. С 1982 г. и по настоящее время писатель выпустил двадцать пять книг стихов и прозы³. Пришло заслуженное признание

³ «Сентябрины» (1982), «Годовые кольца» (1987), «Пора плодов» (1990), «Бег по кругу» (1991), «Гнездовья» (1993), «Прощай...» (1995), «В ритме дыхания» (1997), «Ровесница» (2000), «Прикосновение» (2000), «Багульник» (2003), «Помните и верьте» (2005), «Свет памяти» (2006), «Простые ритмы» (2008), «Усталый путник» (2010) и др.

— и читательское, и официальное: он дважды становился лауреатом Амурской премии в области литературы и искусства (1995, 2010).

Семь лет (1977–1984) Игорь Игнатенко возглавлял областное литературное объединение «Приамурье». Был организатором и руководителем областных совещаний молодых литераторов, давших путёвку в большую литературу не одному десятку поэтов и прозаиков. В 1991 г. он стал членом Союза писателей России, а в 1996-м был избран председателем правления Амурской областной общественной писательской организации и возглавлял её в течение 17 лет.

Но главное, чем постоянно была наполнена его жизнь, — это творчество.

В преддверии 70-летнего юбилея Игоря Даниловича (май 2013 г.) вышел трёхтомник его избранных произведений — уникальное издание, итог более чем полувековой творческой судьбы. «Избранное», составленное и композиционно выстроенное самим автором, даёт сравнительно полное и объёмное представление об Игоре Игнатенко как художнике слова.

В первый том автор включил лирику, в том числе стихи для детей, поэму «Годовые кольца» (1985–1989), переводы с китайского — всего 367 стихотворений из примерно двух тысяч, созданных им. Второй том составили имеющие автобиографическую основу и тематически связанные с лирикой прозаические произведения: рассказы и повести «За хлебом», «По мокрому шоссе», «Вечерний разговор о невозвратном», «Бег по кругу» и др. В третий том вошли воспоминания, очерки, статьи и рецензии. Что касается поэзии, на суд читателей, действительно, выносятся *избранное* — лучшее, наиболее дорогое для И. Игнатенко, представляющее разные грани и периоды его творчества, разные жанры и темы. Конечно, не всё вошедшее художественно равноценно: одни тексты давно уже стали признанной классикой амурской литературы, другие важны для автора, как вехи его жизненной и творческой судьбы, как память о том или ином событии или человеке.

Стихи Ларисе.
1964 г.

Поэтический том разбит на несколько больших разделов. В раздел «Сердцебиение» автор включил тематические блоки, посвящённые основным этапам и событиям своей личной судьбы. Ключевые темы и мотивы раздела — амурский край, его природа и люди, физическое и нравственное становление человека, успехи и преодоления, радости и невзгоды, красота и любовь. Особо следует выделить стихи, отражающие детские и юношеские впечатления, занятия спортом (к слову сказать, в молодости Игнатенко был многократным чемпионом и рекордсменом области по лёгкой атлетике, становился чемпионом Дальнего Востока по десятиборью), любовные переживания. Ранние стихи до краёв наполнены восторгом, упоением юностью, в них не растрченная «свежесть, буйство глаз и половодье чувств». Это настоящий гимн родному Амурскому краю, родителям, землякам, верным друзьям, наставникам, женщине, подарившей ему счастье и детей, это благодарение жизни, апология труда и творчества. Открытость, распахнутость души и сознания перед миром, вдохновенный порыв — всё это составляет основу художественного мироощущения начинающего поэта.

Тема родной природы находит высшее своё воплощение в разделе «Месяцеслов». Представленная в нём пейзажная лирика — яркая, многокрасочная, одухотворённая палитра. Это открытие растворённой в мире гармонии, это признание в любви к своей малой родине. Амурская земля, на которой поэт родился, с которой неразрывно связан — это тот малый уголок отчизны, который до слёз трогает его душу. Воспевая природу Приамурья, её красоту и совершенство, И. Игнатенко постигает и общее устройство мира, начинает ощущать свою органическую с ним связь.

Раздел «Багульник», включающий стихи для детей, тоже заслуживает внимания. При чтении этих произведений возникает чувство, что писались они не о детях вообще и адресовались не абстрактным малолетним читателям, а вполне конкретным — своим собственным детям и внукам. Может быть поэтому и получились такими искренними, светлыми, добрыми, радостными, искрящимися озорным юмором. И именно поэтому, как это ни парадоксально, могут быть интересны широкому читателю — как детям, так и взрослым.

Особая страница творчества И. Игнатенко — стихи о Великой Отечественной. Казалось бы, что нового может сказать поэт о войне через пятьдесят лет после Победы? Да ещё если сам не воевал, не нюхал, как говорится, пороха, не ходил в атаку. Тем не менее он сумел сказать это новое слово. Может быть потому, что обладает даром художественного перевоплощения, способностью проживать чужую жизнь

Бег с барьерами.
Впереди — Игорь
Игнатенко

На встрече
с читателями
в Благовещенском
педучилище.
1966 г.

как свою собственную, чувствовать за другого, а, может быть, потому, что, так или иначе, война коснулась непосредственно и его самого. Да, он не воевал — поздно родился, но зато видел собственными глазами её последствия: хлебнувших лиха бывших фронтовиков («Бомбёжка»), калек («Самовар»), выставку трофейной немецкой техники («Сражение в Сокольниках»). Война убила, покалечила, угнала в плен родных ему людей («Рабы не мы»). Стихи И. Игнатенко о Великой Отечественной — из лучших в его творчестве, из самых пронзительных. Из тех, что долго не забываются, заставляя по-настоящему сопереживать. Секрет этой пронзительной силы — в выведенных героях: непридуманных, неповторимых, живых:

Замшелый, словно пень, Василий Крошко
Словцо промолвил звонкое: «Бомбёжка!»
Они горячий самогон с отцом
Плеснули в чарки с этим вот словцом.
«А было так, — припомнил дед Василий, —
Нас “Юнкерсы” под Киевом месили.
Забился в щель я, словно мышь в нору,
И думал: не убьют, так сам помру...»
(«Бомбёжка», т. 1, с. 55)

Эта правдивость, подлинность историй, человеческих судеб, типов, характеров, подлинность психологии и речи героев произведений о войне — главная причина творческого успеха автора.

Читая и перечитывая стихи Игнатенко, невольно обращаешь внимание на одну удивительную особенность: в юности и ранней молодости поэт живёт настоящим и одновременно устремлён в будущее, полон счастливых ожиданий, верит, что самое радостное ждёт и его самого, и амурский край, и страну впереди; в зрелые же годы, напротив, мыслями и чувствами он всё чаще возвращается вспять, в прошлое — и своё собственное, и историческое.

Ещё одно наблюдение: в ранний период творчества он ощущал себя прочно укоренённым прежде всего на взрастившей его амурской почве:

Родная приамурская земля,
Какие ветры над тобой шумели,
Гремели грозы и мели метели!
Раскину руки и скажу: «Моя!»
(«Я сын полей», т. 1, с. 242)

Ему не казались тогда тесными родные места, пространство Приамурья. И время, которое молодой поэт внутренне переживал, было то же самое, которое отбивали куранты главной кремлёвской башни и отмеряли циферблаты часов его современников. «Нелёгко путь, но ветер века, / Он в наши дует паруса», — так это мироощущение человека советской эпохи выразил в поэме «За далью — даль» (1950–1960) А. Твардовский, ещё один близкий автору «Избранного» художник. В зрелой лирике, по-прежнему испытывая щемяще-острую привязанность к малой родине и современности, И. Игнатенко всё чаще осознаёт свою принадлежность России, Универсуму и Истории. Если прежде центром его поэтического космоса были места, где прошли детство и юность — Ромны, Тамбовка, Гильчин, Чергали, Хохлатское, Благовещенск, то теперь этим центром становится страна — Русь,

Россия. И ощущает он себя не только *амурцем*, но и *русичем*. Он перестаёт ассоциировать себя только с современностью, свободно передвигаясь по шкале исторического времени и *по волнам своей памяти*. Теперь поэт — в равной мере современник и строителей БАМа, и бойцов Красной армии времён Великой Отечественной, и воинов дружины князя Игоря, и ополченцев времён Минина и Пожарского:

Я тоже Игорь, Ингвар, скандинав,
Я тыщу лет на сече был кровавой,
И я на смерть давно имею право,
От вероломства всех князей устав...
(«Междоусобица», т. 1, с. 24)

Обострённое переживание за Русь, которая с давних пор и доныне не может преодолеть «плен и мрак поражения и разора», которую по-прежнему «терзает враг» («Князь Игорь Новгород-Северский», т. 1, с. 23) — одно из самых стойких переживаний поэта.

Обращение к истории для него — это, в том числе, обращение к своей прапамяти, к тому, что на генном уровне передалось от далёких предков. То есть это и познание себя. И поэт способен ужаснуться догадке, что в нём и его современниках всё ещё живы зоологические инстинкты пращуров:

Я откопал на огороде
осколок камня — им когда-то
скоблил мой предок шкуру зверя —
пришёлся камень по руке;
и осенило: вот награда,
а может статься, и расплата
за то, что мало в чём различен
я с ним, аборигеном, жившим
в своём далёком далеке...
(«Находка», т. 1, с. 20)

Русь в стихах И. Игнатенко — не просто территория или общность проживающих на ней народов, не просто государство со всеми его институтами, это ещё и феномен национальный, духовный, мистический. Но прежде всего — исторический. Древняя Русь, запечатлённая в легендах, исторических документах, литературе, на определённом этапе творчества становится средоточием многих его переживаний и дум. Да и Амур, Приамурье теперь всё чаще воспринимаются в историческом контексте, во временной перспективе, в свете преданий о

Первые Комаровские чтения. Слева направо: стоят — Борис Машук, Николай Лошманов, Олег Маслов, Евгений Замятин; сидят — Виктор Яганов, Николай Базанов, Игорь Игнатенко, Нина Дьякова и Виктор Алюшин. Свободный, 1986 г.

первопроходцах, о тех, кто присоединил к России амурские земли. В поэте пробуждается чувство древности русской (и амурской в том числе) земли, хранившаяся в глубинах его сознания и подсознания историческая память.

Не случайно первый том «Избранного» открывают не детские или юношеские стихи автора, а зрелые его тексты, составившие самый большой раздел книги — «Времена». В нём поэт выстраивает свою собственную систему исторических координат. Среди событий, которые привлекают его внимание, поход князя Игоря, Куликовская битва, освоение Приамурья, Сталинградское сражение, битва за Берлин, строительство БАМа, Зейской и Бурейской ГЭС, августовский путч 1991 года... Этому ретроспективно развёрнутому событийному ряду соответствуют персонажи: Игорь Новгород-Северский, московский князь Дмитрий, Иоанн IV, Пушкин, Поярков, Муравьев-Амурский, Невельской, Иннокентий Вениаминов... К известным именам можно добавить имена простых людей, тоже реальных, невыдуманных, но не попавших в скрижали истории: переживший лютую бомбёжку ветеран войны Василий Крошко, дядя поэта Иван, пропавший в немецком плену, двоюродный дядя Трофим Шкляренко, мичман торпедного катера, кавалер медали адмирала Ушакова, тётя Елена, дважды сбегавшая из плена...

Своеобразный пролог поэтического тома — стихотворение «Археологи», благодаря выигрышному композиционному расположению задающее тональность и идейно-смысловую направленность всему своду избранной лирики И. Игнатенко. Автор соединяет в этом произведении свою собственную судьбу с общей судьбой народа, Приамурье с Россией, настоящее с прошлым, время с вечностью, землю с небом... Заданная смысловая парадигма проявляет себя уже в заглавии, актуализирующем ключевое для понимания эстетической программы Игнатенко слово. *Археологи* — это те, кто по отдельным сохранившимся предметам и даже их небольшим фрагментам, по найденным артефактам воссоздаёт, реконструирует общую картину исторического прошлого: не только подлинный облик полуистлевшей, распавшейся на бесформенные части вещи, но и быт, культуру, образ жизни и психологию предков:

Черепки от разбитой посуды
Так сумеете соединить,
Что протянется из ниоткуда
Воссозданий связующих нить.
(т. 1, с. 18)

И не только археолог, но и лирический субъект стихотворения Игнатенко — та самая пушкинская «времён связующая нить», средоточие всех пространственно-временных и человеческих скреп, пересечений и связей.

И.Д. Игнатенко в гостях у школьников села Толстовка. 2007 г.

И не будет ли справедливым назвать лирику выпускника историко-филологического факультета БГПИ Игоря Игнатенко своеобразной *художественной, поэтической археологией*, цель и смысл которой — победа над тлением, распадом, забвением, иначе говоря, над смертью? Поэтическое слово и становится для автора тем магическим кристаллом, который даёт возможность увидеть, воссоздать, оживить то, что, казалось, навсегда кануло в Лету, навсегда исчезло или исчезнет с лика Земли:

Здесь когда-то стоял у Амура
Древний пращур, суровый, как Бог.
Исподлюбя, с таёжным прищуром,
Озирал он великий поток.

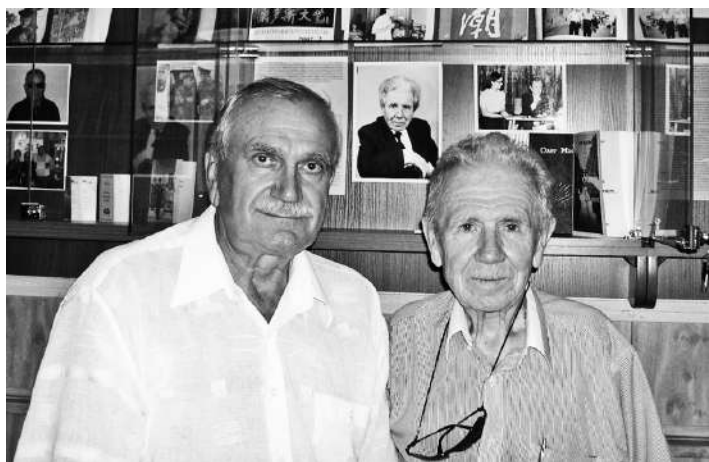
Что мерещилось предку?
Что мнилось?
У струящейся в вечность воды
Беглой строчкою что приоткрылось,
И упрятало, стёрло следы?

Плыли зори.
Клубились туманы.
Сыпал звёзды ночной небосвод...
Затерявшихся лет караваны
Продолжают к нам трудный поход...
(т. 1, с. 19)

Художественный идеал, к которому стремится Игорь Игнатенко — *воскрешение* словом, творчество, которое сродни *чудотворству*. Автор «Августа» в данном абзаце процитирован и упомянут не всуе: слишком явственно приведённые выше строчки «Археологов» перекликаются с последней строфой «Гефсиманского сада», которым Пастернак завершает «Тетрадь Юрия Живаго»:

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты ⁴.

⁴ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Доктор Живаго: роман. М.: Художественная литература, 1990. С. 540.

Игорь Игнатенко и Олег Маслов в Литературно-краеведческом музее имени А. В. Лосева. Благовещенский государственный педагогический университет, 2008 г.

«Затерявшихся лет караваны» в стихотворении И. Игнатенко плывут на суд не только к археологам, но и к художнику слова, поэту.

О миссии поэта, о смысле творчества, о своих ближайших собратьях по ремеслу, ушедших и здравствующих — И. Ерёмине, Б. Машуке, О. Маслове и других, — Игнатенко размышляет много: этой теме он посвятил отдельную большую сплотку стихов в разделе «Времена». Главная сквозная мысль всех этих произведений сводится к простой формуле: творчество — это поединок со смертью:

Значит, я обречён только верить и ждать...

Жить в заветных твореньях и не умирать.

(«Неведомое», т. 1, с. 162)

Каждый пишет, как он... дышит. Если принять за аксиому известные строчки Окуджавы и перечитать стихи И. Игнатенко в хронологическом порядке, можно заметить, что его поэтическое дыхание не остаётся неизменным, что ритмико-интонационный строй его лирики меняется, и что это изменение имеет определённую направленность. И дело, видимо, не в том, что с возрастом у человека меняется энергетический потенциал, интенсивность его реакций на окружающее. И не только в том, что чем опытнее автор, тем настойчивее он стремится продемонстрировать широту своих художественных возможностей и потому меняет, варьирует ритмы. Объяснение этому феномену иное:

они, эти ритмы и интонации, неотделимы от мироощущения, которое на протяжении жизни не может оставаться неизменным.

Если попытаться в самом общем виде определить направленность мировоззренческой и эстетической эволюции И. Игнатенко, то, возможно, уместна следующая формулировка: от социального и возрастного оптимизма, от в какой-то степени идиллических представлений о жизни, от восторга перед открывающимся миром, от фиксации внешних сторон жизненных и природных феноменов, от простого логического и образного отражения увиденного — к постижению драматизма бытия, к обретению способности проникать во внутреннюю сущность явлений, прозревать в сиюминутном и конкретном вечное и универсальное, к постижению сокровенных тайн бытия. А кроме того, к осознанию, что не всё можно выразить в прямой понятийной и даже образной форме. Похоже, здесь не обошлось без влияния Лермонтова, без глубоких размышлений над его стихами, в том числе над строчками:

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно...⁵

Частное проявление этого влияния — появление в стихах Игнатенко глубинных, подтекстных смыслов и глубинной же, внутренней мелодики, играющей не прикладную, сугубо формальную, а самостоятельную содержательно-смысловую роль. Именно этим, судя по всему, объясняется смена ритмико-интонационного рисунка в поздний период творчества. Впрочем, это прекрасно выразил и сам поэт в стихотворении «Звуки»:

Есть стихи — им слов не надо —
Ритмы пульса по ночам,
Наказанье и награда,
Век бы слушал и молчал.
(*т. I, с. 160*)

Поздняя лирика Игнатенко — это не оптимизм и пафос, а раздумья о смысле бытия, о хлебе насущном, что так тяжело достаётся человеку. Не столько категоричное утверждение, основанное на уверенности в

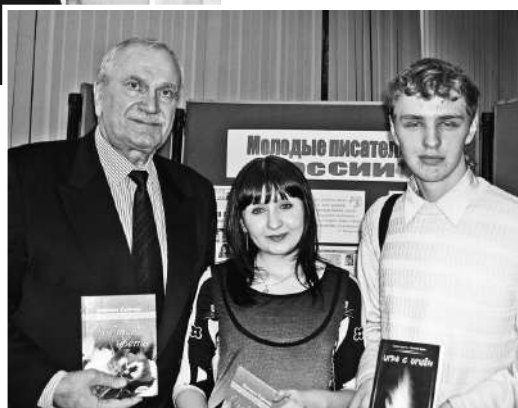
⁵ Лермонтов М.Ю. Есть речи — значенье... // Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 187.

С женой Ларисой
Александровной.
2007 г.

С внуками Яной,
Денисом и Валерией.
2005 г.

На презентации книг
молодых авторов
Евгении Бутовой
и Ярослава Турова.
2009 г.

обладании истиной, сколько поиск ответов на вопросы, в том числе неразрешимые. От риторики и одической тональности поэт всё более склоняется к элегической, от злободневной публицистичности и пресловутой «актуальности» — к созерцательности и, наконец, к философскому размышлению, думе. В стихотворении «Читая “Слово о полку Игореве”» настроение, которое всё чаще овладевает поэтом, нашло поистине афористичное воплощение: «Посмотри, / Подумай, /

Помолчи...» (т. 1, с. 22). Сознательно или нет, но автор здесь апеллирует к Тютчеву, к его знаменитому стихотворению «Silentium!»:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изреченная есть ложь⁶.

Возраст лирического героя поздних стихов Игнатенко — возраст зрелости, житейской и философской мудрости. А это, в свою очередь, не могло не вести к поиску соответствующей художественной формы, в том числе жанровой. На смену, условно говоря, *одам, гимнам, сатирам* приходят неканонические, «нелитературоведческие» жанры, восходящие к фольклору или, чаще, к христианской традиции: *воззвание, заклинание, заговор, плач, похвала, притча, молитва...*

Исповедальность, особая, доверительно-сдержанная интонация, прозрачная ясность мысли и чувства, простота стиля, подчёркнутое отсутствие формальных изысков — таковы самые выразительные черты лирики И. Игнатенко. Обращает на себя внимание также склонность автора, с одной стороны, к юмору и особенно иронии, с другой, к высокому слогу, к словам, которые многими ныне воспринимаются как архаика — и не только лексическая, но и понятийная: *стяги, стезя, честь, взыскует...*

Подводя итог сказанному, можно уверенно заключить: Игорь Игнатенко создал свой собственный, во многом неповторимый художественный мир. Его стихи, несомненно, встанут в один ряд с лучшими произведениями таких известных амурских авторов, как Леонид Волков, Фёдор Чудаков, Игорь Ерёмин, Борис Машук, Николай Фотьев, Олег Маслов, Валерий Черкесов, Владислав Лецик. Но не только. Масштаб и значение художника по-настоящему могут быть осознаны лишь в системе национальных ценностных и культурных координат. Думается, творчество И. Игнатенко в этих координатах не теряется. По этой причине в данной статье цитировались и упоминались писатели высокого ряда: именно они оказали на певца Приамурья самое большое влияние, именно они наиболее близки ему мировоззренчески и эстетически, именно с ними Игорь Игнатенко ведёт напряжённый творческий диалог на протяжении всей своей писательской судьбы.

⁶ Тютчев Ф.И. Стихотворения. Хабаровск, 1982. С. 139.

«Ностальгия по настоящему...»

«Синее стёклышко» Валерия Черкесова
как опыт реконструкции детского сознания

В 2007 году в Белгороде тиражом в две тысячи экземпляров вышла небольшая книга нашего земляка, поэта и прозаика Валерия Черкесова «Синее стёклышко». Вышла и вскоре стала объектом изучения на уроках внеклассного чтения в белгородских школах. *Повесть о детстве* — так автор обозначил жанр и одновременно тему произведения. В издание включено 27 главок, каждая имеет собственное название и относительную сюжетную завершенность. Тем не менее в жанровом отношении это не сборник рассказов, не цикл, а именно повесть — произведение, имеющее твердый жанровый каркас: единое место (Благовещенск) и время (1950-е годы) действия, единую систему персонажей (автобиографический герой, его дедушка и бабушка, мать и отчим, школьные товарищи, друзья по округе), сюжетную логику, систему сквозных мотивов и лейтмотивов, ритмико-интонационное и стилевое единство и т.д. Но повесть эта не вполне обычная — композиционно и сюжетно открытая: та самая изначально заданная В. Черкесовым сюжетно-композиционная прерывистость, дискретность даёт возможность «наращивать» структуру, объём произведения, дополняя его новыми эпизодами, постепенно поднимающимися из глубин памяти автора. Подобный жанровый феномен встречается, хотя и нечасто, в современной русской литературе: можно вспомнить, например, замечательную повесть Виктора Астафьева «Последний поклон», опубликованную в 1967 году и до поры воспринимавшуюся как завершенное произведение, однако в последующие два десятилетия существенно разросшуюся в объёме за счёт новых глав.

Существует устойчивое мнение, что с возрастом у человека ослабевает память «оперативная», та, которой он пользуется в повседневной своей жизни, и, напротив, обостряется память «ретроспективная», отвечающая за прошлое. Автор «Синего стёклышка» признаётся: с годами его память о детстве становится всё более отчётливой, хотя высвечивает не всё сплошь, а лишь отдельные фрагменты прошлого: «Воспоминания детства — светлые блики памяти. Что произошло раньше, что позже, теперь уже не определить. Но всё было, было, ибо и сейчас, спустя более полувека, эти и другие эпизоды часто всплывают в памяти, как перекатываются цветные стёклышки в калейдоскопе. И странно: чем больше проходит времени, тем чётче

Валерий Черкесов

я вижу картины детства»¹. Как результат, с момента публикации книги В. Черкесова и до сегодняшнего дня из-под его пера вышло ещё несколько десятков глав «Повести о детстве», часть из них публиковалась в литературных альманахах «Амур»² и «Приамурье»³. Проблемно-тематическое и стилевое родство старых и новых глав «Синего стёклышка» — факт очевидный, хотя главы ранние, и это вполне объяснимо, имеют более тесную внутреннюю связь и образуют нечто вроде сюжетно-композиционной и идейно-смысловой «матрицы». Новые же, участь которых — в «рассыпанном» виде, по отдельности занять свои ниши в общей структуре пове-

ствования, сориентированы на «сцепление» не столько друг с другом, сколько с главами и общей логикой «матрицы».

И в ранних, и в более поздних главах воссоздаются отдельные эпизоды из раннего детства автобиографического героя, которые, в свою очередь, выстраивают в сознании читателя общую картину, общую, хотя и пунктирно проявленную, сюжетную линию, единый объёмный и многокрасочный художественный мир. Несмотря на явную автобиографичность, «Синее стёклышко» — образец не документальной, не мемуарно-автобиографической, а художественной, можно даже уточнить — лирической прозы. То есть прозы, в которой автор стремится не столько к адекватности фактографической, документальной, сколько к точности выражения чувств, переживаний, психологии персонажа, а также к точности передачи самой атмосферы, духа времени — но именно в восприятии ребёнка. Черкесов реконструирует не только сознание, психологию, мироощущение автобиографического персонажа, но и историческую эпоху, на фоне которой разворачиваются события частной жизни персонажей, однако реконструирует

¹ Черкесов В.Н. Синее стёклышко: повесть о детстве. Белгород: Изд-во Шаповалова, 2007. С. 6. Далее повесть цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

² Черкесов В.Н. Синее стёклышко: повесть о детстве (новые главы) // Амур: литературный альманах БГПУ. № 11. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. С. 5–10.

³ Черкесов В.Н. Синее стёклышко: повесть о детстве (новые главы) // Приамурье-2014: лит.-худож. альманах. № 12 (30). Благовещенск: РИО, 2014. С. 73–87.

именно в преломлении главного героя. Задача, прямо скажем, не из простых, так как у автора в подобной ситуации велик соблазн подкорректировать восприятие своего маленького героя, наделив его мыслями и чувствами более позднего происхождения. Тем более что память, какой бы цепкой и внимчивой она ни была, не в состоянии абсолютно достоверно восстановить то, что происходило с автобиографическим персонажем более полувека назад. Следовательно, помимо памяти, в художественном арсенале писателя, обратившегося к теме своего раннего детства, должны быть и иные механизмы и способы реконструкции детского сознания и в целом прошлого.

Валерия Черкесова тема детства, если судить по его поэзии, влекла давно. Стихи, в которых он передаёт свои детские впечатления, касается тех или иных случаев из далёкого прошлого, у него обильно представлены буквально во всех поэтических книгах. Но, видимо, не всё, что требовало выхода, что рвалось из его души, смогло найти адекватное воплощение в лирической форме. Очевидно, что к прозе его подтолкнула потребность высказать недосказанное, то, что могло быть выражено только в прозаическом повествовании. В главке «Светлые блики памяти», которой открывается повествование, автор рассказывает о том, как возник замысел «Синего стёклышка»:

Когда мой сын тоже был маленьким, он не засыпал без сказки. Но мой сказочный запас скоро иссяк, и я перешёл на рассказы из своего детства. Правда, кое-что присочинял.

Бывало, ложусь рядом с Николкой, он берёт меня за руку и говорит:

— Папа, сказку!

— Так что лучше: сказку или историю?

— Истолию, истолию!

Тогда-то и возникло впервые у меня желание написать книгу о своём детстве. Но не получилось. Теперь сын вырос и уже не просит рассказывать «истории». Но, может быть, они будут интересны другим детям? (с. 6).

То есть расчёт автора строился на том, что его собственный художественно отрефлексируемый детский опыт, собственные детские переживания могут быть интересны читателю, прежде всего юному. Чем же именно могут привлечь современного ребёнка (и не только его) эти давние «истории»? Колоритом оставшейся в прошлом советской действительности? Подробностями послевоенного провинциального быта? Картинами Благовещенска шестидесятилетней давности? Не-

известными прежде фактами биографии писателя? И этим, конечно, но в большей степени чем-то иным, неуловимым, не поддающимся сугубо рациональному объяснению.

В 1976 году Андрей Вознесенский — поэт-авангардист, признанный тогда певец научно-технического прогресса и атрибутов современной цивилизации (ракет, сверхзвуковых лайнеров, лазерных часов, неоновых ламп, телевизоров, изотопов и т.п.), неожиданно для многих воскликнул:

Я не знаю, как остальные,
но я чувствую жесточайшую,
не по прошлому ностальгию —
ностальгию по настоящему...

Будто сделал я что-то чуждое,
или даже не я — другие...
Упаду на поляну — чувствую —
по живой земле ностальгию.

В данном поэтическом контексте выражение «по настоящему» было воспринято тогдашней критикой и читателями не во временном аспекте, а в ценностном. В «Ностальгии по настоящему», по всей видимости, отразилось переживаемое поэтом разочарование в ценностях мнимых, искусственных — цивилизационных и выплеснулась тоска по ценностям подлинным — универсальным, «настоящим», идущим от «живой земли».

Думается, что-то похожее испытывал и Валерий Черкесов, обращаясь к теме собственного раннего детства: его притягивало не только прошлое как таковое, не только историческая и бытовая конкретика ушедшей в небытие эпохи, а уверенность, что жизнь и его самого, и родных ему людей была наполнена подлинными бытийными смыслами и ценностями. Ценностями, которые в настоящее время всё агрессивней теснятся очередными, на этот раз «рыночными», мнимостями и эрзацами, но которые могут быть ещё востребованы уставшими от подмен и в глубине души тоскующими по «настоящему» современными читателями, особенно юными.

На экземпляре повести, подаренном автору этих строк, В. Черкесов признаётся, что «Синее стёклышко» он «не мог не написать». Нетрудно понять — почему. Давно замечено, что ни о чём так горько и светло не вспоминает взрослый человек, как о потерянном рае своего детства. В отечественной литературе давно уже

Валерию Черкесову 5 лет

сложился жанр ностальгических воспоминаний о детстве как утраченном рае («Детство» Л. Толстого, «Лето Господне» И. Шмелёва, «Жизнь Арсеньева» И. Бунина). «Синее стёклышко» создано в русле этих национальных художественных традиций — по сути христианских, хотя Черкесов повествует о судьбе ребёнка иной, атеистической советской эпохи.

Безусловная авторская удача — наполняющая произведение удивительная ностальгическая атмосфера, особая доверительная интонация и одухотворённость. Эту кристально чистую тональность, располагающую к благодатному восприятию, задаёт уже само заглавие, образ, который становится ключевым лейтмотивом. Синее стёклышко из дет-

ского калейдоскопа — тот самый магический кристалл, сквозь который автор всматривается в затянутую пеленой прожитых лет даль своего детства и в глубины собственной души. Точно найденный образ — не только выразительный предметный феномен, не только знак многоцветной красочности воссоздаваемых картин детства, но и подобие кода, помогающего в этом, казалось бы, сугубо материалистическом мире обнаружить присутствие явлений идеальных, помогающих постичь высокий смысл бытия, отделить мнимое от подлинного, подделку от оригинала.

Начав своё повествование с обращения к этому многозначному символическому образу, им же автор и заканчивает, закольцовывая своё произведение. Правда, синее стёклышко из калейдоскопа здесь трансформируется в оконное стёклышко и — шире — в ту волшебную призму, сквозь которую герой постигает мир, его непреходящие ценности:

А в перекрестье рамы просверкивает всё то же синее стёклышко детства, слезится от уже разошедшегося осеннего дождя.

Впереди зима. Стёклышко покроется морозными белыми узорами, порой сквозь него ничего не будет видно. Но потом всё равно насту-

18 лет. Первые публикации

пит весна! Стёклышко оттаёт, засветится, заискрится всеми цветами радуги. И я верю, верю, что ещё не раз посмотрю на мир сквозь него, удивляясь, восхищаясь, радуясь (с. 102).

В христианской культурной традиции синее — воплощение божественной энергии, пронизывающей вселенную и просветляющей человека, символ чистоты души, праведности и благодати. Вот и у В. Черкесова синее стёклышко — не просто зеркально отражённый предметный образ, но и явление, наделяемое бытийным смыслом, ассоциативно связанное с небом.

Именно оно, это наделённое волшебными свойствами стёклышко, помогает автобиографическому персонажу в обыденном почувствовать присутствие вечного, осознать себя маленькой частичкой беспредельного и вечного мироздания, слиться с ним, ощутить свою органическую включенность в круговорот неостановимого природного обновления.

«Светлые блики памяти», несущие в себе ясный свет духовности, особенно трогательны в главах, отражающих детское восприятие христианских праздников — «Сундук. Паровоз. Крестик» и «Пасхальное утро». Они идут одна вслед за другой и располагаются в начале произведения (их порядковые номера — 3 и 4), задавая повествованию важнейший смысловой вектор.

В главе «Сундук. Паровоз. Крестик» автор воссоздаёт первое, пока ещё интуитивное влечение детской души к духовному идеалу. В этом органичном, изнутри рождающемся движении нет никакого рационального расчёта, никакой конъюнктуры. Духовное автобиографическому персонажу, и это абсолютно правдоподобно, открывается не прямо, а через бытовое течение жизни, через окружающие его предметные реалии. Среди вещей, наполняющих внутренне упорядоченное пространство домашнего космоса (огромный деревянный сундук, сколоченный из досок большой стол, игрушечный паровоз и многое другое), особо выделяется большая разноцветная жестяная баночка из-под леденцов, в которой хранятся главные «сокровища»

героя: дедушкина медаль «За победу над Японией», солдатские пуговицы со звёздочкой посередине, несколько патронных гильз:

Но основная ценность — медный крестик, слегка потемневший от времени. <...> Нательный крестик был на чёрном шнурке. В обычные дни надевать его почему-то не разрешалось, а только в праздники, не отмеченные красным в календаре, но о которых знала моя бабушка... Праздники назывались красиво и торжественно: Рождество, Крещение, Пасха, Вознесение. В эти дни, а то и накануне, меня обряжали в лучшую рубашку, и мы шли с бабушкой через весь город (автобусы тогда ещё не ходили) в храм. <...> А ещё бабушка доставала в такие дни из старого сундука большую толстую книгу в чёрном переплёте с золотистыми буквами на обложке. Когда я подрасту и выучусь читать, то сам произнесу по слогам: «Е-ван-ге-ли-е» (с. 12–13).

Перелистывая эту «загадочную» книгу, бабушка показывала внуку «удивительные картинки». Особенно мальчика поразила одна: «худющий человек с длинными волосами и бородой, прибитый огромными гвоздями к кресту...»

Так уже в первых главах «Синего стёклышка» автобиографическому персонажу начинает открываться не только горизонталь — бытовая, предметно-материальная сторона жизни, но и вертикаль — бытийная её ипостась, не только радости земного существования, но и страдания, горести, утраты, которые каждому суждено испытать. В том числе и юному Валерику, впервые в жизни переживающему уход родного человека — дедушки (главка «Прощание»). Именно этот бесценный духовно-душевный опыт, приобретённый в раннем возрасте, становится главным открытием автобиографического персонажа, именно поэтому он так жалеет о потере предметов, соединявших в себе горизонталь и вертикаль, представление о жизни и смерти: «Куда потом подевалось старое Евангелие? Как и когда пропал крестик? Не ответить. Но если я о чём-то и жалею в жизни, то только о них» (с. 13).

Заданный в «Сундуке. Паровозе. Крестике» мотив находит своё естественное продолжение и развитие в «Пасхальном утре» — главке, в которой автобиографический персонаж делает первый шаг к постижению смысла главного христианского таинства — воскресения. И вновь, как и в предыдущей главке, это происходит не как чудесным образом сошедшее с небес откровение, а как внутреннее, душевное движение, рождающееся от соприкосновения с воплощающими в себе символическое значение предметными феноменами. В данном

случае — с испечённой бабушкой к празднику Светлого Христова Воскресения пасхой:

Так хочется отрезать или отщипнуть от пасхи хотя бы малюсенький кусочек и отправить его в рот! Но моя рука замирает: на сахарной верхушке леденцовыми крошками выложены буквы «ХВ». Что они означают? Я пытаюсь догадаться: хлеб воскресный, хлеб весенний, хлеб вкусный... Но все мои предположения кажутся неубедительными: в буквах есть какая-то тайна — я это чувствую трепетной мальчишеской душой...

...Сколько тогда мне было лет: шесть, пять, четыре?.. А кажется, словно вчера.

Я давно знаю: буквы «ХВ» означают «Христос воскрес». И всё-таки, всё-таки в них есть какая-то досель неразгаданная мной вечная тайна (с. 16).

Эта тайна, хотя и не открывается в полном своём величии юному герою, тем не менее, чуть приоткрывшись, помогает ему если и не понять, то хотя бы почувствовать, ощутить, что дедушка не исчез бесследно, не растворился, что он где-то рядом, что его любящее сердце по-прежнему согревает внука. Следующая за «Прощанием» глава — «Последний подарок» — начинается с печальной констатации: «Дедушки не стало — и потускнело моё синее стёклышко, как туманом покрылось...» (с. 96). Однако продолжается это лишь до того момента, пока, выполняя предсмертный наказ дедушки, герою не сшили из парадной офицерской шинели модную по тем временам «москвичку» — последний дедушкин подарок. И этот подарок не только согревает его в холодную зиму, но и дарит душевное тепло, делает взрослее и мудрее. Примирение со случившимся наступает тогда, когда к автобиографическому герою приходит осознание простой истины, которую и прежде пыталась ненавязчиво донести до него бабушка: душа человеческая бессмертна, любовь, направленная на близких людей, продолжает жить даже после смерти — в благодарной памяти тех, кого она согревала. И вот тогда-то и проясняется потускневшее было со смертью близкого человека магическое синее стёклышко, вновь даря ему «самые яркие, самые тёплые картинки»: «Вот подношу стёклышко к глазам — и как в бинокль вижу <...> бабушку, угощающую тёпленькими оладушками, дедушку, ей наказывающего: “Справь Валерику москвичку...” — они всегда со мной» (с. 98).

Повесть В. Черкесова противится быстрому пролистыванию, она не для тех, кого привлекает лишь захватывающий сюжет. «Синее

Валерий Черкесов с семьёй. 1988 г.

стёклышко» обращено к тем, кто не утратил способности читать вдумчиво, неспешно, улавливая глубинные извивы многослойной авторской мысли, впитывая каждый значимый эпизод, каждую вдохновенную строчку, каждую наполненную символическим смыслом деталь, кто способен наслаждаться настоящим русским языком — без каких бы то ни было чужеродных вкраплений и искажений.

Нельзя не сказать ещё об одной волнующей особенности произведения В. Черкесова: о том, что оно проникнуто пронзительным чувством любви к отчей Амурской земле, к родному городу, ко всему, чем наполнена жизнь его обитателей — прежде всего родных Валерика.

Конечно, послевоенный Благовещенск изображён не во всём своём подлинном масштабе, как это мог бы увидеть и показать взрослый человек: В. Черкесов рисует не весь город, а только ту его часть, которая, в соответствии с принципами реалистической эстетики, откры-

вается взгляду и воспринимающему сознанию ребёнка. Это, прежде всего, дом (старый и новый, но оба почти в одном месте, рядом с рекой): не случайно вслед за играющей роль вступления главкой идёт главка «Дом окнами на Амур»: «Помню дом. Он казался огромным, хотя у нас была всего одна комната, правда, большая, и ещё кухня, сенцы. Во второй половине дома, примерно такой же, жили соседи» (с. 7). От главки к главке по деталям, по чёрточкам воссоздаются и неповторимые предметы, наполняющие пространство этого дома, и люди, его населяющие, и сама его атмосфера — атмосфера добра, любви, душевного тепла.

Не сразу, постепенно пространство, которое воспринимает герой повести, раздвигается, расширяется: в его орбиту попадают соседний Первомайский парк, источающая сказочный аромат кондитерская фабрика, спиртзавод, откуда дедушка иногда возит в бочке «барду» для коровы Зорьки, школа, храм, в который по православным праздникам водит его бабушка...

Но, пожалуй, главный объект притяжения для героя — находящийся совсем рядом величественный Амур, река, которая в восприятии мальчика предстаёт не только в своём реальном обличье, но и как мифологическое существо — могучее, таинственное, древнее: «Амур. Когда я его увидел впервые и когда узнал, что река так называется? Мне кажется, Амур жил во мне с самого рождения, а слово это я произнёс вместе со словом мама» (с. 8).

Многие главки «Стёклышка» так или иначе связаны с Амуrom: автобиографический герой наблюдает его в разные времена года, при всякой погоде. Особенно впечатляет картина весеннего ледохода, впервые увиденного потрясённым мальчиком:

Я проснулся и сразу к окну: дедушка говорил, скоро Амур пробудится. Как это случится, я не знаю, но почему-то очень волнуюсь. <...> В ожидании прошло несколько дней, и однажды на рассвете со стороны Амура послышались нарастающие гул и грохот, как будто в той стороне шла битва великанов. Так вот как Амур пробуждается! <...> Амур дыбился огромными льдинами. Они медленно двигались, наталкиваясь друг на друга, сшибаясь, крошась, разваливаясь, а с верховья напирала всё новые и новые белые громады... (с. 10).

При малейшей возможности герой «Стёклышка» стремится на берег реки. В повести немало захватывающих эпизодов, рассказывающих о рыбной ловле, купании, опасном плавании на льдинах и т.п.

Произведение В. Черкесова воссоздаёт и иные стороны жизни юного персонажа, постигающего открывающийся перед ним мир: безотцовщина, первые друзья и первые враги, разнообразные игры, забавы, увлечения, первая влюблённость, отношения со школьными товарищами и учителями, чтение книг...

Время большой истории в «Синем стёклышке» хотя и присутствует, но является скорее фоном, чем предметом изображения. Автор воссоздаёт трудности послевоенного времени, восприятие смерти Сталина, рассказывает о заботах взрослых и детей...

В этих многочисленных эпизодах мироощущение автобиографического героя передаётся предельно чисто, прозрачно, почти без чужеродных взрослых вкраплений и наслоений. Такое под силу только подлинному мастеру художественного слова.

Лирическая повесть Валерия Черкесова — из тех ныне нечастых книг, которые задевают струны души и сердца, вызывая благодарный отклик-сопереживание и ощущение прикосновения к чему-то необыкновенно светлому, пронзительно-щемящему, подлинному. Именно поэтому хочется верить, что среди амурских читателей окажутся люди, способные по достоинству оценить повесть и сделать всё возможное, чтобы «Синее стёклышко» (включая новые главы) было издано на родине автора, чтобы оно смогло дойти до каждой школьной библиотеки, до главных своих адресатов — детей, учеников. Это непременно должно случиться, ибо она, удивительная эта книга, делает их души более отзывчивыми, добрыми, светлыми.

На родном Амуре. 2007 г.

«Во имя “отца” и “сына” и “святого духа”...»

История одной невероятной литературной мистификации

О талантливом молодом писателе Егоре Молданове литературная общественность Приамурья и России узнала чуть более десяти лет назад: с 2008-го по октябрь 2012-го под этим именем стали печататься художественные и литературно-критические произведения — повесть, рассказы, стихи, рецензии, интервью. Спустя пять лет после первых публикаций выяснилось, что всё это было написано другим человеком — Анатолием Степановичем Костишиным, в то время директором школы из посёлка Хорогочи Тындинского района Амурской области, выпускником Московского историко-архивного института, приёмным отцом (опекуном) реального Егора Леонидовича Молданова. Последний в детские годы потерял родителей, попал в пришкольный интернат, где в 2003 г. вместе со старшим братом Алексеем был взят под опеку директора этого интерната Анатолием Костишиным.

В течение нескольких лет целенаправленными усилиями автора литературной мистификации Анатолия Костишина биография его приёмного сына Егора Молданова (особенно «амурский» период — с 2007 по 2009) в средствах массовой информации преподносилась в вымышленной, мифологизированной версии. Похоже, почти единственным правдивым фактом в рассказах Костишина о Молданове-амурце было то, что в посёлок Хорогочи — на новое место жительства своего опекуна (приёмного отца) — тот приехал в 2007 году, отслужив на флоте. Всё остальное было выдумкой, мистификацией: прежде всего то, что якобы здесь Молданов, у которого вдруг проснулись творческие способности и живой интерес к литературе, написал повесть «Трудный возраст»¹, от первого лица рассказывающую о подростке-сироте, попавшем в детскую колонию. Как выяснится позже, эта повесть под другим названием — «Зона вечной мерзлоты» — и за подписью самого А. Костишина вышла в журнале «Крещатик» за несколько месяцев до того, как сменила автора и заглавие². Плодом фантазии Костишина стало «поступление» Молданова в 2008 г. на юридический факультет Благовещен-

¹ Молданов Е. Трудный возраст: повесть. СПб.: Комильфо, 2009. 194 с.

² Костишин А. Зона вечной мерзлоты: повесть // Крещатик. 2008. № 4 (42); 2009. № 1 (43).

ского филиала Московской академии предпринимательства, как и то, что якобы в 2009-м, параллельно с учёбой в МАП, он стал студентом сценарного факультета ВГИК, переехал в Москву и общался там с известными писателями и режиссёрами. В 2008–2009 гг. А. Костишин, выдавая себя в электронной переписке, которую он вёл со множеством редакторов, издателей, писателей, критиков, журналистов, за своего приёмного сына, одержимого будто бы творческим горением, опубликовал за его подписью несколько своих рассказов и рецензий, а также интервью, взятых (от имени Егора Молданова) по переписке у ряда известных литераторов и критиков. Одновременно Костишин организовывал рассылку произведений за подписью Молданова чуть ли не на все проводимые в стране творческие конкурсы (Большая книга, Чеховский дар, премии Ю. Казакова, Белкина и пр.). В ряде случаев Костишин выступал одновременно в роли и *сына*, и *отца*. А в некоторых ситуациях появлялся третий участник миражного «творческого кооператива» — двоюродный брат Егора Молданова по приёмному отцу (следовательно, племянник Костишина) Артур Акминлаус, юрист из Канады — бесплотный дух, созданный воображением А. Костишина. Никто тогда не догадывался, что за всеми лицами-масками этой то ли *троицы*, то ли *триады* со всеми их выдуманными жизненными историями, за всеми их письмами и текстами, за всеми их запутанными отношениями со множеством электронных адресатов скрывается один и тот же человек — сам Анатолий Костишин (*единый в трёх лицах*). Иногда, правда, выходила путаница: то ли безумно фонтанирующая фантазия Костишина давала сбой, то ли он сознательно, из «куража», шёл на необязательный риск. Так, Акминлаус оказывался жителем то Монреаля, то Торонто, Молданов становился пациентом клиник то Москвы, то Львова, в другой ситуации — то Магдебурга (Германия), то Монреаля (Канада). В один из моментов, возможно, устав от рискованной игры, возможно, из опасений быть разоблачённым, мистификатор попытался вывести из игры одного из участников виртуальной *троицы* — самого себя (в ипостаси *отца*). «Смерть» себе он выбрал насильственную, но быструю, без долгих мучений: в письме, которое за подписью Егора Молданова получил редактор «Литературной России» В. Огрызко, *сын* сообщил, что *отец* погиб — его убил во время школьной дискотеки бывший ученик. Затем, спустя какое-то время, без всяких объяснений со стороны *сына*, *отец* вдруг «ожил» (*смертью смерть поправ*) и продолжил как ни в чём не бывало переписку, приведя адресата в изумление. Однако тот посчитал случившееся недоразумением, причиной которого стало угнетённое состояние Молданова — прямое следствие внезапно пора-

жившего его тяжкого недуга. Далеко идущие планы *отца* были скорректированы: стремительно менявшиеся обстоятельства вынуждали его пожертвовать ради спасения Проекта *сыном*. И хотя *сын* поначалу роптал — за что? (*чтоб эта чаша смерти миновала, в поту кровавом он молил отца*), однако *распорядок действий* был уже продуман... Но обо всём по порядку.

Бурная деятельность А. Костишина по выдвижению произведений на премии дала результат — в декабре 2008 года 21-летнему жителю бамовского посёлка Хорогочи Е. Молданову за повесть «Трудное детство» была присуждена престижная литературная премия «Дебют» в номинации «За мужество в литературе». Для того чтобы получить премию, Костишину пришлось вовлечь в свою аферу приёмного сына. Какое именно предложение, от которого тот не смог отказаться, он сделал, остаётся гадать: возможно, Егор согласился стать соучастником жульничества из желания помочь запутавшемуся в паутине собственной лжи приёмному отцу, не исключены и меркантильные интересы. Так или иначе, на вручение премии «Дебют» в Москву они прилетели вместе — Анатолий Степанович в качестве сопровождающего лица. Это выглядело несколько странно: взрослый, 21-летний человек, отслуживший на флоте, всюду передвигался в сопровождении 40-летнего «опекуна». Что заставило А. Костишина выступить в такой роли? Возможно, беспокойство по поводу судьбы призовых. Но скорее всего, на такой шаг он пошёл потому, что новоиспечённый «лауреат» литературной премии в этой самой литературе не понимал ни бельмеса, а это грозило разоблачением и вселенским позором. Поэтому и на церемонии вручения премии, и при личных контактах с другими лауреатами и организаторами «Дебюта» Егор Молданов был нем, за него говорило «сопровождающее лицо».

Премия и последовавшая за ней известность открывали большие возможности — служили входным билетом в редакции журналов, сулили издания и переиздания, гонорары, но легко могли обернуться провалом, ибо обман в эпоху интернета не мог длиться бесконечно. Очень скоро реальный приёмный сын, живущий своей собственной, далёкой от литературы жизнью, стал помехой на пути дерзновенных планов создателя фантомов. Разоблачение назревало, поэтому мистификатор приступил к «ликвидации» того, кто мог всё испортить. При всём внешнем сходстве, вряд ли тогда Анатолий Костишин вспоминал гоголевского Тараса Бульбу с его сакраментальным «Я тебя породил, я тебя и убью!», он видел себя явно другим *отцом*... Разумеется, *отец* не считал себя убийцей, ведь умерщвление *сына* было деянием не уголовным, а мифологическим. Но остальные участники и свидетели

драмы не должны были об этом знать: страдания Егора Молданова в их глазах должны были выглядеть как подлинные: в том, что *сын* испытывает страшные муки, они не должны были усомниться ни на миг. За достоверность разворачивающегося в виртуальном пространстве действия отвечал сам *отец*. Обладателю столь буйной фантазии не стоило труда «разыграть» менее мучительную смерть: Молданов мог, например, утонуть, попасть в автомобильную аварию, умереть от сердечной недостаточности. Или его могли, как ранее самого Костишина, «убить» на дискотеке. Но на этот раз смерть понадобилась мучительная, ужасная, способная *из железа выжать стон*, ибо только такая давала возможность получить максимальную выгоду. Анатолий Костишин знал, что в эпоху рыночных отношений даже страдания близкого человека можно превратить в выгодный товар. Так в голове Костишина родилась очередная *бизнес-план*.

Вот краткая хроника его реализации, представленная в выдержках из электронных писем А.С. Костишина (чаще от лица его приёмного сына Егора Молданова, но изредка — и за его собственной подписью) главному редактору альманаха «Амур» (то есть автору данной статьи).

Итак, первое (совершенно неожиданное для получателя письма) упоминание о болезни, которая вынудит недавнего бравого матроса *сойти в гроб* менее чем за два месяца. 27.10.2009: «В пятницу меня оперируют, и я минимум на две недели временно выйду из строя». 29.10.2009: «Завтра операция в 11.00. Немного мандражирую». 2.11.2009: «Пишет вам отец Егора Молданова — Анатолий Степанович. Егор попросил меня ещё два дня назад вам написать, но я ещё никак не отойду от операции. Егору пришлось ампутировать левую ногу. У него образовалась саркома кости, и врачи приняли такое вот решение. <...> Он часто жаловался на боль в ноге, но никто не думал, что всё вот так серьёзно обернётся». В этом письме, если посмотреть на него из 2019-го, легко обнаруживается причина введения в игру приёмного отца: «Он (Егор. — А.У.) мне сказал, что отправлял вам

Костишин и Молданов на вручении премии «Дебют»

свои рассказы, и что вы два помогли ему отредактировать, за что вам моё отцовское спасибо. Я историк, и чем мог, тем помогал Егору. Так вот, Егор просит вас помочь ему подредактировать <...> рассказ про доктора Петрова и Живую воду. Я сейчас допечатываю его новый рассказ, если вы не будете возражать, я бы вам также отправил. Для меня, как отца, особенно сейчас, важно, чтобы Егор не отчаялся. Насколько я понял из разговора с сыном, он очень рад, что судьба свела его с вами». Ещё бы не радоваться... 3.11.2009: «Огромное вам спасибо за такое тёплое письмо и доброе отношение к моему сыну. Я передам это письмо Егору. <...> Он просил передать вам этот рассказ — “Доктор Петров”, над которым он работал, что-то изменял. Ещё он хотел бы добавить два-три новых рассказа. Я их вам вышлю немножко позже, чтобы не так сильно вас загружать». Последняя просьба особенно умилительна. Удивительно «заботливый» человек, чуть не ежедневно сваливающий на голову сердобольного редактора всё новые и новые рассказы (один сырее другого) «умирающего сына». С помощью таких простых, но эффективных манипуляций Костишин добивался нужного результата.

Ради пущей убедительности просьб «комбинатор» с помощью своей неудержимой фантазии легко брал в союзники фантомы известных людей. 4.11.2009: «Егора в понедельник уже переведут в общую палату. Состояние его нормализовалось. Вчера у него было полно гостей — от “Дебюта” писательница Ольга Славникова, гл. редактор “Лит. России”, писательница Людмила Улицкая, писатель Владимир Маканин. Не думал, что мой сын не только знает этих людей, но что они придут к нему в больницу. Мне как отцу отрадно смотреть на такое. Егор просил меня вот что вам передать, если это в ваших силах. “Руки” очень хвалила Славникова и Маканин. И они советуют вам представить “Руки” на премию имени Казакова. <...> Как сказал Егору Маканин — пока молодой, зарабатывай имя». Лихорадочная переписка (в сутки не по одному письму) объяснялась тем, что на «зарабатывание имени» (и на передачу «эстафеты») времени оставалось совсем немного... 6.11.2009: «Не буду скрывать, у Егора не всё в порядке... Сегодня, в пятницу, будет консилиум врачей». 7.11.2009: «У него после ампутации идёт какой-то воспалительный процесс».

Однако Егор Молданов не поддаётся смертельному недугу и вновь выходит на связь с редактором альманаха «Амур». 24.11.2009: «Сегодня врачи вынесли решение, что мою культяпку надо ещё выше отрезать, постараются оставить так, чтобы можно было закрепить протез. Постараются, ещё не говорит о том, что так сделают. Оперируют меня в эту пятницу. Культяпка, действительно, беспокоила, болела, никак

не хотела заживать, всё там воспалилось. Открыто спросил врачей, правда ли, что у меня рак костей, стали успокаивать, но я не дурак. Значит, всё-таки он самый. Справлюсь. Мне нельзя раскисать. Егор».

«Психическая атака» идёт с двух направлений: настойчивые просьбы приёмного отца редактировать всё новые и новые тексты Е. Молданова подкрепляются мольбой «умирающего» сына. 26.11.2009: «С завтрашнего дня меня станут готовить к операции, и я уже не смогу вам фактически написать до понедельника. Не скрою, немного мандражирую. Стараюсь держаться, но руки стали трястись. Даже не знаю, как вам написать о том, что я хочу написать. Мне нужна помощь редактора. “Трудный возраст” издательство “Комильфо” не редактировало, так и написало “авторская правка”. Торопились, чтобы успеть вовремя подать на “Большую книгу”. <...> Теперь, когда появилось реальное издательство, хотелось бы “Трудный возраст” довести до хорошей кондиции...» А чтобы сочувствующий умирающему юному таланту редактор не передумал помогать, Костишин и «Молданов» беспрестанно «бьют на жалость» (хотя и без того редактор — сгусток сострадания и желания хоть чем-то облегчить страдания сына и отца). 2.12.2009: «Скажу честно — очень болит нога, мне постоянно обезбаливают, но всё равно я боль чувствую. И никак не могу привыкнуть, что ноги больше нет, всё время кажется, что она есть». 4.12.2009: «Очень сильные боли. Вчера температурил, врачи подумали, что сепсис, а я, кажется, подхватил грипп или ОРВИ».

Ну и, наконец, завершающая фаза драмы. 12.12.2009: «В понедельник с отцом уезжаю на неделю в Магдебург, в клинику. Отец прилетел. С ногой творится что-то совсем неладное. Посоветовали в Магдебург. У меня виза была, отцу оперативно открыли. Билеты отец купил». 13.12.2009: «Я очень большие надежды возлагаю на Германию, во всяком случае, надеюсь, они смогут объяснить, что с ногой не так. Почему рубцы никак не хотят рубцеваться» (в письмах другим адресатам, как выяснится позже, Молданов/Костишин местом операции называет не Германию, а Канаду). Но главный смысл письма — передать «эстафетную палочку» своего «писательства» приёмному отцу, обеспечить его после своей «смерти» штатным безотказным редактором. «Сын» чуть ли не в каждом письме аттестует своего «отца», представляя его воплощением всех мыслимых и немыслимых добродетелей (ну как такому не помочь!): «Отец действительно замечательный человек, он очень хороший педагог как историк. Когда он преподавал в колледже на Чукотке, к нему приходили студенты с других отделений, послушать его лекции. В интернате, где я воспитывался, отца уже через год все называли уважительно “ПАПА”. Мы даже ку-

пили специальный автомобильный номер с надписью “ПАПА” и ночью прибили ему на дверь кабинета. Он хранит этот номер до сих пор. <...> Так, как я его люблю, мне кажется, не смогу никого полюбить. Вы стали очень близким человеком <...>. Наша совместная работа над “Стариками” — это такая радость творчества, что я не могу вам даже передать».

Почва была подготовлена — «папа» был представлен «сыном» как «душеприказчик» писателя Молданова, пора было заканчивать комедию, разыгрываемую для наивных простаков как трагедия. 14.12.2009: «Больше всего я боюсь умереть сейчас, когда столько ещё надо сделать». 17.12.2009: «Вот и всё прояснилось, но легче от этого не стало, лучше бы ничего не прояснялось. И хотя все меня успокаивают, но я знаю, что значит мой диагноз. Проблемы с ногой были из-за того, что у меня лейкоemia. Отсюда все проблемы с ногой <...>. Теперь понятна моя постоянная усталость, головокружение, кровь с носа и всё остальное». 20.12.2009: «Кажется, у меня паника. Я не хочу умереть именно сейчас, это будет несправедливо. Мне первый раз страшно!». 20.12.2009: «Я очень хочу жить, хочу писать». 21.12.2009: «в меня стали погружать я бью по слепому методу ноутбук не забрали отец остался это хорошо если я не вернусь знайте что я ни о чём не жалею спасибо за всё отцу стпасибо вам что вы были спасибо всем всё». Чуть позже — последнее послание от «Молданова»: «дорогой ав набираю слепым методом голлова уже никакая но руки работают простите если что то былоло ане ттак всегда вамш Егора».

Прощаю, Егор, спи спокойно... Анатолий Степанович, «метод», которым вы «набиарили» текст «предсмертного» письма приёмного сына, совсем не «слепой», а очень даже «зрячий»...

«Сын» отыграл, как мог, свою трагическую роль и сошёл со сцены. Наступал звёздный час «папы». 22.12.2009: «Уважаемый А.В.! Не нахожу себе места и чтобы также как-то успокоиться, решил вам написать письмо. В десять утра Егора отвезли в реанимационный блок. Он уже в искусственной коме. У Егора такая была жуткая паника, еле успокоили его тут всем миром. Егор вбил себе в голову, что он умрёт <...>. Я много вчера чего выслушал своего сына, и так мне его по-человечески стало жалко, и так больно за него». 27.12.2009: «Мне руки не поднимаются написать то, что я вам напишу, но Егора больше с нами нет. Когда Егора уже выводили из комы, оторвался тромб и закрыл лёгочную артерию. Врачи ничего не смогли сделать, настолько всё произошло мгновенно и неожиданно. Я просто не в себе. Завтра Егора привезу в Москву. Похороны во вторник в Реутово <...>. Ничего не надо, не хочу никакого шума, хочу тишины и уединения. Пой-

мите меня как отца (как не понять: «шум» может привести к разоблачению «папы». — *А.У.*). Как отойду, я вам напишу и приеду к вам. Анатолий». 27.12.2009: «Здесь ещё утро, мне никак не спится. Всё готово, чтобы Егора сегодня самолётом перевезти в Москву (в письмах другим адресатам — москвичам, как выяснится позже, «Егора» Костишин «похоронил» в Канаде, то есть там, куда столичные почитатели таланта Молданова прийти проститься точно не смогли бы. — *А.У.*). Я все эти дни думал над тем же вопросом: почему?! Егор предчувствовал свою смерть. Я помню, какая с ним творилась паника, это что-то было невообразимое. <...> Егор умер 24 декабря». 30.12.2009: «Всё, я с ним простился. В 14.00 (поразительная сроднённость душ «папы» и «сына»: всё, что с ними происходит — операции, похороны и пр. — всегда случается в столько-то часов ноль-ноль минут. — *А.У.*) мы его похоронили. От Егора остался только могильный холм и крест и боль в душе. Не знаю, как мне с ней жить, просто не знаю. Я вам так пишу, потому что для Егора вы были очень близким человеком. В своём последнем интервью с Алисой Ганиевой он называет вас своим учителем». Подтекст очевиден: неужели откажетесь после всего этого помогать редактировать оставшиеся рукописи «сына»?.. Это было бы слишком жестоко с вашей стороны...

А далее на протяжении нескольких месяцев страдающий «папа» во имя памяти трагически ушедшего «сына» просит, умоляет редактировать, редактировать, редактировать якобы оставшиеся после смерти Егора недописанные, сырые рукописи... Затем, почувствовав, видимо, что возможности влияния «папы» иссякают, применяет испытанный приём — пытается ввести в игру ещё одного, нам уже знакомого, двойника. 19.9.2010: «Уважаемый А.В.! Был очень занят. По поводу “Доктора Петрова”, публикуйте, но у меня одна, возможно, вам покажется странной, просьба. Не пишите никакого предисловия. Не надо. Для меня Егор живой. И просьба к вам. Мой племянник, Артур (Акминлаус — упоминавшийся выше мифический «племянник» то ли из Торонто, то ли из Монреаля. — *А.У.*) хочет взять у вас интервью. После Егора — Артур стал активно публиковаться...»

Рассказ «Доктор Петров», о котором упомянул А. Костишин, был подготовлен, отредактирован автором этих строк для публикации в альманахе «Амур», но она не состоялась, так как Костишин условием поставил не упоминать, что автор — его приёмный сын Егор Молданов — умер почти год назад. «Папе» был отправлен ответ редактора «Амура»: «Ваши чувства я, конечно, понимаю, отношусь к ним с большим уважением, но без предисловия или послесловия о Егоре, моё мнение, нельзя, нежелательно — не по-христиански, не по-русски, не

по-человечески...» «Номер» с третьим участником творческо-коммерческой «эстафеты» не прошёл... На этом желание Костишина переписываться иссякло (зачем впустую тратить время и фантазию? всё, что можно было «выжать» — уже «выжато»), а отредактированные автором этих строк рассказы «сына» «папа» публиковал в других изданиях (в «Литературной газете», правда, напечатан по упущению Костишина, вариант неотредактированный, отправленный туда ранее).

То, чего стремился избежать, пожертвовав даже собственным сыном, Костишин, всё же свершилось: 8 октября 2012 года литератор из Петербурга Валерий Айрапетян выложил в интернет-издании «Шум» (как в воду смотрел Костишин, написав 27.12.2009: «не хочу никакого шума») сенсационный материал «Егор Молданов. Спасибо, что живой!» — разоблачение мистификации и мистификатора. Как установил Айрапетян, реальный Егор Молданов, «похороненный» «папой» в конце 2009-го, на самом деле жив и здоров, переехал в Сургут, служит в транспортной полиции, женился, растит ребёнка.

Об этой нечистоплотной и скандальной (и с явным запахом серы) истории после разоблачения обмана было написано немало статей, но убедительного объяснения феномена Костишина как не было, так и нет. Данная статья — попытка приблизиться к разгадке, опираясь на опыт общения с выдающимся манипулятором. Конечно, велик соблазн (тем более, оснований хоть отбавляй) свести всё к «бизнес-проекту», сделанному по законам «дикого рынка» — когда для достижения эгоистических целей человек легко преступает нормы морали. Однако опыт нескольких личных встреч и многомесячного эпистолярного общения с Костишиным (в переписке выступавшего под разными личинами), а также раздумья над страницами его произведений убеждают: одного этого — финансового успеха — ему было недостаточно. Не меньшее удовлетворение он получал на поле интеллектуально-психологических поединков, когда удавалось с помощью манипуляций, тщательно просчитанных многоходовых комбинаций вчистую обыгрывать творческих людей. Ему явно доставляло удовольствие наблюдать, как, управляемые его волей и находящиеся в плену «устаревших» моральных принципов, один за другим они покорно и предсказуемо выполняют то, к чему он их подводил, как легко заглывают приготовленную им «наживку», как доверчиво идут в расставленные силки. Но и это, видимо, не главное, не то, ради чего он шёл на невероятные энергозатраты, почти полностью подчинив свою жизнь столь сложной и рискованной игре. Важно понять, что именно заставляло его плести все эти многокилометровые паучьи сети, выстраивать хитроумные комбинации, столько времени, физических и нравственных сил тратить на

то, чтобы вводить в заблуждение множество людей. В написанном по просьбе редактора «Амура» предисловии к готовящейся публикации рассказов Костишин (под именем Егора Молданова) сделал признание, которое как будто бы объясняет странности его поведения: «До недавнего времени я и представить себе не мог, что буду писать, что это станет насущной потребностью. <...> Люблю литературу, она как наркотик: один раз принявши, уже не можешь бросить». Ну, хорошо, литература — *наркотик*, понять это можно, однако зачем нужна столь изощрённая ложь? Похоже, *наркотиком* для Костишина была вовсе не литература (или не только литература).

Думается, основная причина мистификации — неосуществлённые в реальной жизни амбиции, нанесённые кем-то обиды, ощущение, что его не оценили по достоинству (об этом с уверенностью позволяют судить бесконечные и неумеренные похвалы в свой адрес, высказываемые от лица Егора Молданова), что жизнь идёт не по тому руслу, которого он достоин. Почему он — человек со столь незаурядными способностями и качествами — вынужден довольствоваться малым, прозябать в каком-то медвежьем углу, быть всего лишь директором интерната или малокомплектной школы? Разве он не заслуживает большего? Собственно, всё творчество (литературное и эпистолярное) единого в трёх (и более) лицах автора наглядно демонстрирует это. Чтобы лишний раз убедиться, вернёмся к началу переписки редактора альманаха «Амур» с псевдо-Молдановым.

Итак, 5 октября 2009 года автор этих строк обратился к нему с письмом: «Уважаемый Егор! Весной сотрудники областной библиотеки передали мне распечатки двух Ваших рассказов — “Руки старика Митрофанова” и “Доктор Петров”. Мне понравился первый из них. Возникла идея опубликовать его на страницах альманаха “Амур”, редактором которого я являюсь...» Адресат мгновенно ответил согласием, завязалась переписка по электронной почте, в результате интенсивной редакторской работы к печати были подготовлены два рассказа — «Руки...» и «Быть Аннетой». В ноябре 2009 г. они были опубликованы в «Амуре» с подзаголовком «Рассказы из цикла “Старикам здесь не место”»³. Эти рассказы предваряла преамбула, вводящая в мир не только героев задуманного цикла, но и автора: «Леспромхозовский посёлок Большая Яма переименовали на Новый Мир в середине семидесятых строители БАМа. Жизнь в посёлке изменилась до неузнава-

³ Молданов Е. Руки старика Митрофанова. Быть Аннетой. Рассказы из цикла «Старикам здесь не место» / послесловие А. Урманова // Амур: литературный альманах БГПУ. № 8. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. С. 25–32.

емости. Вместо деревянных, перекошенных, выросших в землю хибар выросли пятиэтажные панельные дома. Появились школа, больница, ТОЦ (Торгово-общественный центр), железнодорожный вокзал. <...> Вместе с девяностыми пришло запустение и упадок. Молодёжь после школы уезжала с мыслью больше не возвращаться. Новый Мир постепенно превращался в посёлок-призрак. <...> Население катастрофически уменьшалось. Возвращались только те, кто не сумел зацепиться в городах, найти работу. Вернувшись, они постепенно спивались от безысходности и безработицы. Не уезжали только старики, потому что некуда было им податься, хотя старикам здесь было не место» (с. 25). Тем более, «не место» здесь было автору текста.

Публикация в «Амуре» была сопровождена редакторским послесловием (написанным автором данной статьи). В нём говорилось, что главная авторская удача рассказа «Руки старика Митрофанова» — образ центрального персонажа, его драматическая судьба, избранная им неожиданная, способная ужаснуть читателя форма устояния перед жестокими людьми и жестокими обстоятельствами, точнее — форма защиты своей души, своей сущности, самого себя как личности. Человек удивительно тонкий, ранимый, мягкий, несущий своим ученикам свет высоких идеалов, щедро дарящий им душевное тепло, решается на крайнюю меру — добровольно принимает физические страдания, жертвует своей плотью ради спасения души, духа. Одна из самых сильных в рассказе — сцена, в которой героя ведут на казнь, распинают: «Посёлок погружался в вечернюю полудрёму, прикрывшись накопившимся за день смогом. К двухэтажному общежитию на отшибе, где проживал учитель Митрофанов, горланя нецензурщину, подошла группа мужчин, человек семь, главным среди них был зоотехник. Все они были пьяные и агрессивные. Обитатели общежития закрылись на все возможные засовы, дверь же комнаты учителя Митрофанова была не закрыта. Он стоял, дрожа в темноте, и ждал своих истязателей. Он знал, они пришли за ним, и спасения ему не будет. / Дверь комнаты выбили одним пинком кирзового сапога. / Митрофанова в белой рубашке вытолкали на улицу. Заморосил дождь. Зоотехник, ухмыляясь, накинул на шею учителя верёвку, и как скотину его повели через весь посёлок. Привели к школьному стадиону и привязали к футбольной стойке ворот, и снова унижали и били руками, ногами, бросали в него камни и комья грязи...» Сцена эта, несомненно, спроецирована автором на Голгофский сюжет. Митрофанов не прячется от своих палачей, не просит о пощаде, он принимает уготованные ему муки и унижения по-христиански кротко. И в этом внешнем смирении героя — признак победы внутренней, духовной. Его не смогли сломить, не

смогли заставить изменить самому себе, вести себя с детьми так же, как другие учителя школы — то есть подавлять, унижать, относиться без уважения, без любви. Он вышел победителем, даже заплатив непомерно страшную цену за свою победу. И вторая потрясающая сцена — финальная, в которой руки старика Митрофанова, в том числе и искалеченная им, превращаются в крылья, возносят его к небу: «Старый, усталый человек — он сбросил свой заношенный лапсердак и побежал через поле в рубашке. И на бегу он криками выражал негодование на убожество своей жизни, на убожество чужих жизней, на всё, что уродует жизнь. Старик продолжал бежать через поле, неистово размахивая руками, и издалека казалось, что он машет крыльями, чтобы взлететь, подняться над землёй, над всей её суетой». Из 2019-го образ Митрофанова видится и понимается ещё отчётливей: в нём автор выразил то, что испытал, испытывает сам — страстное желание вырваться из царящего вокруг убожества, из круга жизненных обстоятельств и осознание, что обычным путём добиться этого невозможно. «Руки...» — это крик по несостоявшейся собственной жизни и мольба о «крыльях», которые могут дать шанс на спасение.

Рассказ «Быть Аннетой» — взгляд на ту же самую провинциальную действительность, но несколько в другом ракурсе. Отправленный бездушным школьным начальством на «заслуженный отдых» учитель словесности, одарённый, но почти опустившийся, спивающийся человек, у которого отняли возможность заниматься любимым делом, но не выхолостили до конца живую душу, увлекает пятилетнюю поселковую девочку рассказом об Аннете Ривьер. Его собственная судьба не задалась, жар души, который он в себе ощущал, остался нерастраченным, и теперь изрядно захмелевший старик в каком-то искреннем и страстном порыве пытается передать Лизавете как самый драгоценный дар собственную несостоявшуюся мечту об иной, более осмысленной и правильной жизни. Он почти молитвенно просит её: спасай себя, свою душу, пожалуйста, «будь Аннетой Ривьер!» В ней, Лизавете, — единственная его надежда: не смог спастись сам, но может помочь спастись другому человеку! И происходит почти невероятное — слова пьяного старика-учителя доходят до самого сердца пятилетней девочки. Она улавливает в его молении главное. Ребёнок-несмышлёныш из «неблагополучной» семьи откликается на призыв-заклинание, на что-то ему пока неведомое, но притягательное. Брошенное старым учителем зерно попало в благодатную почву. И поэтому не столь уж важно, как сложится жизнь девочки, будет ли она походить на героиню романа Р. Роллана «Очарованная душа», сумеет ли вырваться из Большой Ямы (хотя и переименованной). Важно то, что она пережи-

вает в данный миг, сейчас. Важно то, что она вдруг осознаёт (скорее, интуитивно угадывает), что не хочет так жалко прожить свою жизнь, как проживают её мать, бабушка, подавляющее большинство жителей посёлка. Её ещё наивная и неопытная душа испытывает томление в этой чудовищной поселковой беспросветности, среди деградирующих, духовно агонизирующих людей. Она задыхается в этом тесном и душлившем пространстве, из которого почти невозможно вырваться в иную реальность — для Лизаветы ещё непонятную, загадочную, но желанную, чаемую. Стремление «быть Аннетой» — это неистребимая человеческая потребность вырваться из круга безысходности, житейской рутины и ограниченности — к чему-то возвышенному, прекрасному. Здесь важен именно порыв души, само устремление, миг как момент истины. И это самое важное в рассказе.

Рассказ «Быть Аннетой» содержательно связан с «Руками старика Митрофанова», только в «Руках...» эта вертикальная устремлённость души показана на закате непоправимо сломленной, безжалостно растоптанной судьбы. А здесь внутренний порыв, во многом неосознанный, скорее протестный, бунтарский, показан в самом начале жизни — и тоже, возможно, драматически безысходной. Душа обоих героев, даже в самой неблагоприятной обстановке, даже в невыносимо душлимой атмосфере рвётся из оков и пут, устремляется к высокому, чистому («Пусть меня выстирают, накрахмалят и выглядят!»), следовательно, ещё жива.

Нужно добавить, что один из двух рассказов — «Руки старика Митрофанова» — породил конфликтную ситуацию, которую в неверном свете отразил в печати редактор газеты «Литературная Россия» Вячеслав Огрызко. В реальности дело обстояло так. 15 октября 2009 года, когда рассказ был готов к публикации в «Амуре», от «Молданова» пришло письмо: «Хотелось бы отрегулировать несколько вопросов. ЛитРоссия изъявила в ноябре опубликовать у себя “Руки”, чтобы потом номинировать меня на премию им. Казакова (за лучший рассказ года). Как вы к этому отнесётесь?! Но я готов и отказаться, потому что вы мне помогли довести “Руки” до ума. Я это вполне серьёзно, мне бы очень не хотелось бы выглядеть в ваших глазах непорядочным человеком, а если писатель в начале своего творчества становится непорядочным, то что от него ждать в дальнейшем». И действительно... 17 октября автор этих строк ответил «Молданову»: «Что касается возможности публикации “Рук” в ЛитРоссии — это, безусловно, Ваше авторское право, но как тогда быть с тем, что рассказ уже пошёл в набор нашего альманаха? Надо ли это понимать таким образом, что у нас рассказ должен быть снят?.. Проясните, пожалуйста, ситуацию».

В тот же день пришёл ответ: «Я откажусь от публикации в ЛитРоссии. Сегодня же напишу об этом гл. редактору. Публикуйте у себя. С вашей помощью создан этот рассказ, поэтому будет неправильно публиковать его в другом издании. Этот вопрос закрыт и окончательно закрыт. Публикуйте в “Амуре”. <...> Для ЛитРоссии я отшлифую “Печали бабки Натальи”». Следом, через несколько часов, пришло ещё одно послание: «Гл. редактору ЛитРоссии я письмо написал. Вопрос отрегулирован. Я договорился, что для ЛитРоссии представлю другой рассказ, хотелось бы довести до ума “Бабку Наталью”. На следующей неделе конкретно за неё возьмусь». Самое пикантное в этой истории то, что в «Литературной России» «Руки старика Митрофанова», вопреки обещаниям «Молданова» (Костишина), были напечатаны (о чём автор этих строк не был поставлен в известность — видимо, потому, что в качестве платы за уступку со стороны «Молданова» (в реальности — Костишина), будто бы отдавшего предпочтение «Амуру», ему предстояло участвовать в редактировании якобы обещанного «Литературной России» рассказа «Печали бабки Натальи». Да, воистину, «если писатель в начале своего творчества становится непорядочным, то что от него ждать в дальнейшем»?..

Публикации рассказов в альманахе, как уже отмечалось, предшествовала интенсивная переписка между редактором и автором. И эта переписка, главным предметом которой были рассказы, их «доводка», обнаруживает подлинные, глубинные причины всей этой истории с мистификацией, показывает изнутри сознание человека, всё это затеявшего и осуществившего. Характер этой вначале обычной переписки изменился после того, как 10 октября редактор «Амура» (автор этих строк), настаивая, что рассказы требуют доработки, высказал автору свои суждения о них (изложены выше). С этого момента диалог редактора и автора приобрёл невероятный эмоциональный накал. Костишин (от имени Егора Молданова) ответил в тот же день: «Если бы знали, какую бурю эмоций и воспоминаний вызвали у меня, анализируя “Аннету” и “Руки”. Цикл, задуманный мной, это мои воспоминания, конечно закамуфлированные. Вы правильно всё написали про Аннету, именно с этой целью я и писал этот рассказ — девочка хочет вырваться из того круга, в котором оказалась. Аннета — это я. Мои родные родители пили и пили безбожно. В 7 лет я стал сиротой. Отец по пьяни утонул, мать закодировалась, а на октябрьские праздники “распочковалась”, как у нас говорят, и умерла прямо в вертолёт. Остались две старшие сестры, которые пошли по родительским стопам, и брат Алексей, который беспощадно меня избивал, потому что кто-то в деревне пустил слух, что мать меня нагуляла. В интернате,

куда я попал с братом, жизнь также была несладкая. У нас в семье был дядя. Он был заместителем мэра Белоярского района (я родом из Ханты-Мансийска и по национальности хант) по национальным вопросам. И я очень хотел выбиться в люди, и стать, как мой дядя. Это была моя мечта детства. Мне было уже 12 лет, когда в интернат приехал новый директор с сыном. Мы очень сдружились с Владом, и именно он уговорил будущего моего отца взять меня в семью. Уже я жил в новой семье, отец называл меня сыном, а я не верил, что такое может быть. Понадобилось лет пять, чтобы я поверил, что меня не вернут, что меня действительно считают сыном, что я любимый. Особенно я это прочувствовал в прошлом году, когда умер Влад и отец сказал мне, что теперь я его опора и надежда. Я часто думаю, вот если бы директора не поменяли, моя ведь жизнь могла сложиться совсем по-другому. Случай, и моя жизнь изменилась. Старый учитель-пьяница рассказывает маленькой девочке об Аннете Риввер. Рассказывает не потому, что это бред пьяного человека, не потому что хочет её напитать какими-то наставлениями, скорее потому, что у самого учителя жизнь не сложилась, и он сожалеет об утраченных возможностях. <...> Когда я писал о маленькой девочке Лизавете, я вспоминал маленького мальчика Егора, который мечтал о другой жизни. То же самое “Руки”. Сколько молодых замечательных учителей “умирает” в школьной рутине. Это больно, очень больно и я благодарен, что вы прочувствовали эту мою боль. <...> Егор».

Это откровенное письмо показало, что творец пронзительных рассказов и расчётливый и циничный автор «творческо-коммерческого» проекта, литературный мистификатор, Костишин и Молданов, отец и сын (не реальный, а созданный воображением Анатолия Костишина), неразрывно связаны, что монолог от имени «сына» необходим «отцу», что он даёт ему возможность выразить нечто чрезвычайно важное, касающееся лично его, его собственной жизни. То есть что ему нужно было это постоянное «проговаривание», что оно давало выход тому, что творилось в глубинах сознания и сумерках подсознания. Иначе говоря, тот «Егор Молданов», который был сотворён Анатолием Костишиным, нужен был ему не только в качестве «наживки», с помощью которой «комбинатор» рассчитывал ловить рыбу в мутной воде. «Егор» — это «двойник» Костишина, его бессознательное «я», его тень.

По всему чувствовалось, что темы, затронутые в этом письме, глубоко волнуют их автора, что он ещё не выговорился. Это желание А. Костишин осуществил, но не как простой смертный, а как «писатель» и неуёмный мистификатор. К диалогу с редактором он «подключил» известных писателей (которые, разумеется, о своём «участии» ничего

не знали). 24 октября 2009 года (якобы из Москвы) Костишин от лица Молданова писал редактору «Амура» — в том числе и о самом себе (в ипостаси «отца»): «Я очень жду отца, соскучился по нему. Мне с ним повезло, это как вытянуть счастливый билет. Отец — это и есть мой билет. Я редко о себе говорю, но всё держать в себе также невозможно. При том, что вокруг меня много людей, я достаточно одинокий и замкнутый. Иногда мне кажется, что я живу исключительно миром своих героев. <...> Сегодня ко мне зайдёт в больницу Людмила Улицкая. С ней дружит моя тётя, у них дачи рядом. Мне просто будет интересно узнать и её мнение, хотя почему-то уверен, что рассказ ей понравится. Я сообщу вам её мнение». 25.10.2009: «Я получил ночью от Улицкой отзыв на “Руки”, и он меня очень озадачил. Поэтому хочу с вами посоветоваться. Я приведу выдержку из письма.

«Егор, здравствуйте! Я прочитала “Руки”. Рассказ, откровенно говоря, мне не понравился. Эпизод, как старик собирает крошки с пола, усугубил моё впечатление от этой истории. Это тяжёлый рассказ — и герой неоднозначный. Ключевой момент — то, что он изуродовал себе руки сам. Если бы это сделали избивавшие его, история упростилась бы. Но когда это делает он — всё меняется. Так почему же он это сделал? Назло? Тогда я не сочувствую ему. Я хочу видеть героя, который справляется со злом и побеждает его, а не наоборот. Но если он сделал это по той причине, что руки ему стали отвратительны, что он сам стал обвинять себя в том же, что и эти люди (обвинять напрасно! но задумалась — а вдруг я не осознаю своих желаний — допустим!), то тогда я понимаю: у него очень тонкая душа, он очень чист для этого мира, я соглашаюсь, что он имеет право не быть бойцом, что таких как он надо беречь, и что его сломанная жизнь закономерна, когда такой тонкий человек попадает в грубую среду (об этом и Чехов писал, и Теннесси Уильямс...). Вот что, Егор, главное для меня в этом рассказе. Пока я вижу, что он сделал это назло — и героя мне жалко, но как пораженца, а не как... героя».

Я же, напротив, считаю своего Митрофанова героем. Изначально я не ставил себе задачу делать из своих героев — героев. Ставилась другая задача: показать как деревня, её образ жизни, устои, даже тлетворное влияние ломает человеческие души тех, кто не хочет принимать устав деревни. Митрофанов. Он, наверное, был учителем от бога. Деревне бы радоваться, но Митрофанов ведёт себя не как все, даже в школе. Он не орёт на детей, он относится к ним с почтением и уважением, даже, возможно, и защищает от нападок педагогического старушатника. Всё, для всех учителей он чужой, он не принял их образ мыслей, стиль жизни. Его бы и так загрызли, а тут такой повод.

/ Я помню, как мы жили с отцом. Нас было трое, и все приёмные, только Влад был официально усыновлён. То, что отец сделал десять лет назад, фактически невероятное. Одиному, разведённому мужику доверили воспитание троих пацанов в возрасте от 10 до 14. Отец работал директором, и в глаза боялись ему откровенно говорить, что о нём думают, но слухи упорно ползли. Почему взял только пацанов, что он с ними делает? По посёлку пошёл стойкий слух, что наш отец гомосексуалист, может, поэтому это проскальзывает в моём творчестве. Я помню, как приехали представители опеки. Они мило беседовали с отцом, пили с ним кофе в нашем доме, восхищались им, а потом втихую каждого из нас спрашивали: не пристаёт ли к нам отец, не щупает ли по ночам, не проявляет ли по отношению к нам свои нехорошие наклонности? И когда Лёха проговорился об этом отцу, он просто заплакал. Это был первый и единственный раз, когда я видел отца плачущим. Никого не интересовало, что отец потерял родного сына, что развод ему дался очень тяжело, потому что первую свою жену очень любил. В глазах нашего посёлка отец был белой вороной. Но отец мой боец, а Митрофанов?! Он действительно тонкая, ранимая душа, воспитанный матерью, он и мир воспринимал идеалистично. И когда его ведут на казнь, это как на Голгофу. Он ведь не прячется, не просит о пощаде, он всё принимает смиренно. Помните христианское: если тебя ударили, прости и подставь вторую щеку. / И то, что он калечит себе руку — это не слабость, это протест против той косности, в которой жил мой Митрофанов. Другой бы собрал чемодан и уехал и плевал бы на эту поганую деревню с высокой колокольни. Для Митрофанова важна поруганная честь учителя. Если эта рука приносила вред ученикам, тогда пусть она отсохнет. / Может, мне не удалось это передать в рассказе. Ведь главная мысль очень проста: как трудно быть одиноким и не понятым, и что не каждый готов на протест, и протест у каждого свой. / И весь цикл так задумывался. <...> Мне хотелось услышать от вас мнение о «Руках». Они ведь вам понравились, зацепили, мы с таким упоением их доводили до ума. / Или просто пожать плечами. У Улицкой своё видение, у меня своё. Не знаю, но мне как-то не по себе.

Да, «трудно быть одиноким и не понятым», да, «протест у каждого свой» — в том числе такой извращённый с точки зрения морали, какой предпочёл выбрать Анатолий Костишин для реализации своих психологических комплексов и осуществления жизненных целей.

Глава 5.

ПРЕДИСЛОВИЯ-КРОХОТКИ

Жюль Легра:

*Благовещенск конца XIX века глазами европейца*¹

О существовании книги Жюля Легра «По Сибири» я узнал от известного французского слависта и историка литературы, почётного профессора Женевского университета Жоржа Нива, который в марте 2012 года был гостем БГПУ и прочёл здесь несколько вызвавших огромный интерес открытых лекций. В Благовещенск профессор прилетел из Иркутска, где участвовал в научной конференции, а уже из столицы Приамурья по железной дороге отправился на несколько дней в Хабаровск и Владивосток. 4 мая, месяц спустя после возвращения домой, он писал мне: «Дорогой Александр, я только что читал французскую книгу Жюля Легра о его поездке по Сибири в 1896 году (точнее — в 1896–1897 гг. — А.У.). Он побывал и в Благовещенске. Знаете ли Вы эту книгу? Могу послать страницы о Благовещенске (городе, построенном «на американский манер»). Он человек много понимающий и очень отважный был. И, конечно, мне было страшно интересно прочитать всё о тех городах, где сам был, но без его мытарств и при совершенно другой атмосфере. О китайцах вдоль границы он пишет очень живописно... Стоило бы перевести те страницы и вообще всю книгу — от Иркутска до Владивостока».

Вскоре по электронной почте профессор прислал несколько отсканированных страниц восхитившей его книги. В сопроводительном письме говорилось: «Вот страницы, где Легра пишет о Благовещенске. Мало, но интересно».

¹ Амур: литературный альманах БГПУ. № 12. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 84–85.

Жюль Легра

Рекомендация эта попала на благодатную почву: возможность взглянуть на столицу Приамурья более чем вековой давности глазами просвещённого европейца не могла не заинтриговать. Возникла идея перевести фрагмент о Благовещенске для нашего альманаха, однако очерки Ж. Легра настолько захватили переводчика — Ольгу Кухаренко, что с помощью своих французских друзей она разыскала давно ставшее библиографической редкостью издание и перевела всю часть книги, рассказывающую о путешествии именитого француза, начиная с его приезда в Благовещенск и вплоть до берегов Японии.

Но вначале несколько слов об авторе книги «По Сибири». Жюль Легра / Jules Legras (1866–1939) — французский филолог, переводчик, писатель, автор работ о русской литературе и нескольких очерковых книг. Он — один из немногих известных европейцев XIX столетия, которые, попав однажды в Россию, навсегда влюбились в неё и старались вновь и вновь посетить её, подолгу жили здесь, совершали продолжительные поездки. Даже сталкиваясь с малопривлекательными сторонами российской действительности, они проявляли терпимость и понимание, не спешили судить, руководствуясь чисто европейскими представлениями.

Легра живо интересовался русской культурой и особенно литературой, был знаком с крупнейшими писателями конца XIX века: Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, В.Г. Короленко. Дружил он и с видными политиками, например, с А.И. Гучковым и П.Н. Милюковым. В Россию он впервые приехал в 1892 г., пробыв здесь почти полгода. В общей же сложности Жюль Легра провёл на русской земле девять лет, совершая длительные поездки по стране, в том числе в 1896–1897 гг. дважды побывав в Сибири. Нелишне отметить, что в то время строительство Транссибирской железнодорожной магистрали ещё только начиналось, поэтому путь на Дальний Восток, с заездом в Японию, был и долог, и сопряжён с немалыми бытовыми неудобствами, а иногда и с риском для жизни. Русские впечатления французского учёного отразились в ряде его сочинений, вышедших во Франции на рубеже XIX–XX веков: «Au pays russe» («На русской земле»), «En Sibirie» («По Сибири»), «Lettres de Russie» («Письма о России»). В

Жорж Нива (в центре) знакомится с экспозициями Литературно-краеведческого музея БГПУ. Благовещенск, март 2012 г.

них он призывал европейцев не судить русских по своим меркам и стандартам. Русские, по его мнению, наименее дисциплинированный народ в Европе, но отличающийся стремлением к высшему, духовному. В этом учёный видел проявление глубинной религиозности, более мистической, чем в Европе. Основные свойства русского народа, по Легра: природное изящество, обаятельность, гостеприимство, мягкость, любовь к детям, ловкость, ум, любовь к пассивным удовольствиям, доброжелательность, жалость к страдающим, широта натуры, щедрость, неорганизованность.

В декабре 1901 г. Легра вновь посетил Восточную Сибирь, побывал в Иркутске. В 1914 г., когда началась Первая мировая война, пятидесятилетний француз добровольно пошёл на фронт, в качестве офицера русской армии организовал в невероятно трудных условиях работу разведки, а в 1918 г. отправился в Сибирь вместе с генералом Жаненом, начальником французской военной миссии при правительстве адмирала Колчака (об этом Легра позднее рассказал в очерке «Агония Сибири»). Вернувшись во Францию, Легра преподавал русскую литературу в Дижоне (там хранится его архив, в том числе

неизданный автобиографический роман «В стране белого царя»), а затем в Париже.

Вышедшая в 1899 г. в парижском издательстве «Armand Colin & Cie» книга «En Sibirie» («По Сибири») стала результатом весьма продолжительного путешествия французского учёного по Сибири и Дальнему Востоку. Побывал Легра, как уже отмечалось, и в Приамурье. Известный русский писатель Владимир Людвигович Кигн-Дедлов (1856–1908), поведавший в книге очерков «Панорама Сибири» (1900) о посещении им Благовещенска в 1897 г., вскользь упоминает и Легра, который побывал в административном центре Амурской области, по его словам, чуть раньше: «Передо мной проехал французский учёный г. Легра». Очевидно, очеркиста здесь подвела память: Ж. Легра находился в Благовещенске с 1 по 3 сентября, то есть не до, а после В. Дедлова, который прибыл сюда 3 августа.

Очерки Легра открываются посвящением: «Посвящается моему другу Владимиру Галактионовичу Короленко и всем тем, благодаря кому мои два путешествия в Сибирь были такими приятными». А завершают книгу гравюры, сделанные по фотографиям автора, и карта его «сибирского» путешествия. Помимо авторского предисловия, в книге восемь глав, последовательно отражающих путь Легра по Сибири и Дальнему Востоку: I. Челябинск (Переселенцы. — Железная дорога. — Омск. — Барнаул); II. Томск; III. Тайга (Путь от Оби до Енисея); IV. Улыбающаяся Сибирь (От Красноярска до Иркутска); V. Белоснежный Иркутск; VI. Королевство чая (Озеро Байкал. — Кяхта. — Китайская граница. — Золотой рудник); VII. Чита. — На плоту. — Река Амур. — Хабаровск. — Владивосток; VIII. Обратная дорога (Японские впечатления).

Несмотря на то, что книга «По Сибири» написана очень живо и содержательно крайне интересна, за своё более чем вековое существование она так и не была переведена на русский язык. Публикуя большую часть седьмой главы, мы частично исправляем ситуацию, но хочется надеяться, что очерки Ж. Легра в ближайшей перспективе будут переведены и изданы полностью. Они того заслуживают.

Леонид Завальнюк:

*Восхождение*¹

Все мы, обычные люди, простые смертные, рождаемся, живём, умираем в своём времени, посреди повседневных бытовых и профессиональных забот, в конкретных социальных обстоятельствах, в потоке имеющих чёткие хронологические координаты исторических событий. Поэт — не стихотворец, а истинный поэт, — проживая вместе с нами свою земную судьбу, переживая радости и печали отпущенного ему земного срока, полной мерой испытывая всё, что выпадает на долю его современников, пропуская через распахнутое миру сердце и обнажённые нервы бытовую, социальную и историческую повседневность, находится и в другом измерении — вневременном и надбытовом. Истинный поэт — это мостик, посредник, связующее звено между землёй и небом, между людьми и Богом. Или, как образно выразился Леонид Завальнюк, это «провод отсюда туда».

С высоты ниспосланного ему провидческого дара, в своём надвременном измерении он обращается к нам, людям, к своим читателям, напоминая о высших ценностях, о том, что жизненный путь каждого должен пролегать не только по бытовому и социально-историческому руслу, не только по горизонтали, но и по устремлённой к небу вертикали. С этой своей высоты он напоминает нам, что без неба, без каждодневного восхождения мы — всего лишь, как выразился поэт, «хвостатые...», то есть человекоподобные существа.

Представая одним из нас, в своей земной проекции, что называется во плоти и крови, истинный поэт обращается со *стихами-молитвами* к Богу, благодарит Его за горькое и радостное счастье земного существования, просит послать и себе, и всем нам просветления, просит не оставлять нас своим попечением, не лишать нас надежды.

Леонид Завальнюк — поэт подлинный, истинный, как говорили в старину, *поэт милостью Божьей*. Поэтому осознаёт свою высокую миссию, поэтому ощущает себя и во времени, и вне его:

С какого года я?
Я ни с какого года.
Родился вместе с вами, жил, умру.
Всё с вами. Но не ваш.

¹ Амур: литературный альманах БГПУ. № 14. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. С. 85.

Леонид Андреевич Завальнюк с коллективом кафедры литературы БГПУ.
Благовещенск, 2004 г.

В солнечные майские дни благовещенцы, амурчане стали свидетелями и участниками поистине грандиозного события, имя которому «Леонид Завальнюк. Возвращение». Состоявшееся 18 мая 2015 года открытие на здании Благовещенского государственного педагогического университета памятной доски в честь любимого нами художника слова — не только практическое действие, не только материализация нашей любви и уважения к творчеству большого русского поэта, неразрывно связанного с Приамурьем, но и *таинство, священнодействие, мистерия*. Нет, не только Леонид Завальнюк возвращается к нам, в дорогие для него места, в БГПУ, где он часто бывал, где в студенческих аудиториях бессчётное число раз звучали его стихи, к своим самым преданным читателям, к своим друзьям — живым и уже ушедшим, но и все мы возвращаемся к нему, точнее — возвышаемся, совершаем восхождение — через его стихи-исповеди, через его поэтическое молитвословие — к обретению высших бытийных смыслов, к постижению Истины.

Сквозь суету и заботы повседневности мы возвращаемся к подлинному, одухотворённому Слову, к *откровению*, к сокровенным поэтическим строчкам, которые благодарно отзываются в наших сердцах и душах.

Аня Синякова:

*«Я уехать хочу в никуда, в никуда...»*¹

Аня Синякова ушла из жизни в 2005-м, когда ей исполнилось всего четырнадцать. За свою короткую жизнь, немалую часть которой она провела в больничных палатах, борясь с тяжёлым недугом, эта светлая, солнечная девочка успела создать немало талантливых, излучающих свет и добро стихов, рассказов, сказок, рисунков — произведений, расцветивших литературу Приамурья яркими красками, подаривших читателям радость общения с множеством удивительных, неповторимых героев — серьёзных и смешных, грустных и весёлых, умных и не очень, наивных, шальных, разудалых, но всегда добрых, доверчивых, открытых.

Бог наделил Аню многими талантами: читать она стала, когда ей не было и двух, в трёхлетнем возрасте стала писать сказки и рисовать иллюстрации к ним, в три с половиной пришёл черёд стихов. У неё были незаурядные музыкальные способности: она играла на баяне, синтезаторе, пела в хоре. Аня — автор нескольких песен, к которым сама написала музыку, которые сама исполняла: «Весёлый динозаврик», «Учителя», «Такая любовь», «Тебя любят»...

Но особенно щедро она была наделена даром любви и интереса к миру, к людям, к «братьям нашим меньшим», даром душевной тонкости и отзывчивости, даром какой-то недетской мудрости — необыкновенно проницательной, грустно-серьёзной, всепонимающей, всепрощающей. И все эти таланты нашли яркое воплощение в её творчестве — литературном, поэтическом прежде всего.

Как и Л.А. Завальнюк, на премию которого я выдвигаю Аню Синякову, она родилась не в Благовещенске, но этот город стал её второй родиной, центром притяжения — жизненного и творческого. Здесь она прожила несколько лет своей короткой жизни, здесь лечилась, сюда часто приезжала погостить к любимой бабушке. Здесь она нашла и вечное упокоение.

Как и Леонид Андреевич, Благовещенску Аня посвятила немало проникновенных стихов — признаний в любви — городу, людям, которые его населяют, близким, которые здесь живут, друзьям: «Снег чист,

¹ Обоснование выдвижения кандидатуры Ани Синяковой на литературную премию имени Леонида Завальнюка в номинации «Творческий поиск» (посмертно). 2016 год.

Аня Синякова

как белый лист...», «Материнская верность», «Муки творчества», «Здравствуй, лето!», «Набережная Амура», «Благовещенск», «54-й детский сад», «Дорогой бабушке»...

При чтении её стихов невольно рождается мысль: Аня пришла на Землю, чтобы не только воспеть радость бытия, но и острее других ощутить диссонансы нашего земного существования, заострить внимание на том, что мешает ему быть совершенным. Во многих стихах Ани выражается желание попасть, уехать в какой-то не существующий на географических картах край, который устроен иначе, чем тот, в котором живёт лирическая героиня. Характерный пример — стихотворение «Страна моей фантазии», написанное в десять лет:

Я уехать хочу
 Ни туда, ни сюда,
 Я уехать хочу
 В никуда, в никуда.
 «Там вечное лето,
 Зимы не бывает», —
 Сказали мне те,
 Кто туда приезжает.
 «Там дети бесплатно
 Идут в зоопарки,
 Там не города,
 А весёлые парки,
 Там сладостей куча,
 И взрослых там нету», —
 Сказали мне те,
 Кто увидел всё это.
 «Там замок прекрасный.
 Он очень большой,
 Он в небо упёрся
 Своей головой.
 Там дети рисуют,
 Поют и играют», —
 Сказали мне те,
 Кто туда приезжает.

И я соберу всех друзей и подружек,
И будем все вместе мы
Шлёпать по лужам.
Придём в этот город,
Устанем с дороги,
Но там не ругают
За мокрые ноги...
Ведь взрослых там нету,
Везде только дети.
А дети детей не ругают —
Друг друга они понимают.

При всём очевидном формальном несовершенстве этого текста и кажущейся наивности рассуждений автора-ребёнка, он имеет глубокий смысл. Совершенно отчётливо здесь проявляет себя устремлённость души автора к идеалу — внешне как будто бы специфически детскому, но по сути — универсальному, всевозрастному. Каким видится Ане мир её мечты? В нём человек живёт в полном согласии с природой, цивилизация не разрушает окружающий природный мир («Там не города, / А весёлые парки»); там нет торгашеского духа («Там дети бесплатно / Идут в зоопарки»). А главное, в этой чудесной стране всё основано на любви и взаимопонимании («там не ругают», «А дети детей не ругают — / Друг друга они понимают»). И при этом автор стихотворения вполне отдаёт себе отчёт, что такой мир — лишь грёза, мечта: «Я уехать хочу / Ни туда, ни сюда, / Я уехать хочу / В никуда, в никуда».

Аня с мамой Валентиной Григорьевной

«Страна моей фантазии» — единственная книжка Ани, вышедшая в свет при её жизни

Ощущение противоречивой сущности мира, болезненное переживание разлада между идеальным и реальным, мечтой и действительностью, светом и тьмой, добром и злом — едва ли не самое устойчивое настроение, которое владеет Аней-лириком. Она явно не хочет примириться с дисгармоничностью мира, с тем, что он не живёт всегда и во всём по законам доброты, любви, взаимопонимания. Её протест против несовершенства земного мироустройства проявляется опосредованно — прежде всего в том, что автор выстраивает вокруг себя мир исключительно по законам гармонии, любви и взаимоуважения.

Рисунок Ани Синяковой
к стихотворению
«Хвастунишка»

В её поэтическом сознании (и — как следствие — в созданном ею поэтическом мире) противоречия сглаживаются, исчезают. Здесь перестают действовать безжалостные законы природного мира, животные инстинкты; обитатели этого создаваемого воображением Ани мира не охотятся друг на друга, не причиняют друг другу боль, не нагоняют ни на кого страх, перестают видеть вокруг себя лишь преследователей и преследуемых. Об этом — стихотворение «Игрушки» (2002):

На полке моей, где игрушки стоят,
Большое количество разных зверят,
Я с ними играю в любимые игры,
Там в дружбе живут и олени, и тигры.
Но, может быть, ночью они оживают,
Играть в настоящую жизнь начинают —
Олени от тигров бегут,
А волки на слабых овец нападают,
Машины гудят и собак чуть не давят,
И лошади прыгают в страхе и ржут...

«Настоящая жизнь» — это мир, в котором есть жестокость, это мир, в котором сильные могут преследовать и пожирать слабых. Не случайно эти звериные законы в Анином стихотворении действуют под покровом ночи. Ночь здесь — это не просто тёмное время суток, время отдыха, сна. Ночь — время действия тёмных, злых сил и стихий. Тьма развязывает, раскрепощает зоологические инстинкты.

А свет, солнце в системе поэтических образов Ани — это власть сил добра. Поэтому финал в стихотворении оптимистический, ибо на смену ночи неизбежно приходит день, который всё чудесным образом меняет:

А утром, когда только солнце встаёт,
И свет лишь заглянет в окошко,
Всё сразу застынет и будто умрёт,
И тигр станет добрым, как кошка.

Стремление к идеалу, к совершенству не отрицает живого многообразия мира: Аня признаёт за его обитателями право на разные интересы, допускает несовпадение вкусовых предпочтений, увлечений. Мир многокрасочен и многообразен, и это — благо, счастье. Такую авторскую позицию можно увидеть в стихотворениях-шедеврах Ани Синяковой «Жила-была старуха...» и «Кошачий концерт», где в юмористическом, пародийном виде представлены некоторые стороны современной жизни:

Расклеили котят
На стенах объявления:
«На крыше состоится
Большое представление...»
Читают всюду кошки,
Хвосты свои задрал:
«К нам в гости приезжает
Кошачья группа “Мяв”!»

И далее Аня с иронией показывает узнаваемые реалии:

В очередях дерутся,
Кусаются, грызутся.
Кому-то даже лапами
Всю морду поцарапали!

Однако в этой зарисовке нет никаких авторских моралистических сентенций, никакого осуждения тех, кто так себя ведёт. В этом и уважение к жизни, и понимание, что поступки героев продиктованы их устремлённостью к «прекрасному» (в их представлении, разумеется). Всё это они совершали ради того, чтобы услышать «райское» (на деле «кошачье») пенье:

Вот, наконец, все зрители
Расселись по местам.
Когда утихли крики,
Когда улёгся гам,

На сцену вышли звёзды —
Известные коты.
Они поют как боги
И, как никто, круты.
А их солист-милашка
С ума всех кошек свёл:
С ним в пенье не сравнится
Ни кенар, ни осёл!

А в финале точка зрения меняется, и автор «транслирует» мнение тех, у кого иные представления о прекрасном и иные музыкальные предпочтения:

Уходят с представления
Довольные коты:
Давно они не слышали
Подобной красоты!
А у помойки гавкают
Два сонных грустных пса:
— Ах, как же надоела нам
Их мерзкая попса.
Мы об одном мечтаем:
Услышать бы родной,
Прекрасный! Мелодичный!
Собачий милый вой!

Очень часто в поэзии Ани Синяковой мир реальный выведен из состояния равновесия человеком и потому только он, человек, способен восстановить это равновесие, восстановить разрушенную им самим гармонию. А сделать это не так уж сложно: нужно только признать, что каждое живое существо имеет право на существование, что человек должен помогать тем, кто в этом нуждается. В стихотворении без названия, написанном в 2002 году, Аня выразила эти мысли, обратившись к весьма распространённой ситуации. В нём она дала возможность «высказаться» несчастному котёнку, которого бросил хозяин:

Живу у грязной лужи,
Питаюсь, чем попало...
Я никому не нужен,
А я хороший малый!
Меня хозяин бросил
Под проливным дождём.

Я здесь живу всю осень,
Подвал — мой лучший дом...
А я терплю обиду
И жёсткую метлу...
Я маленький котёнок.
Мне скучно одному.

Понятно, однако, что сама ситуация, при всей её типичности, условна, что в положении котёнка может оказаться кто угодно (а в данном случае «перевоплотилась» в брошенного котёнка сама поэтесса). Понятен и основной авторский посыл: люди, будьте милосердны!

У Ани имелось множество творческих планов, которым не суждено было воплотиться. Однако сделать она успела необыкновенно много. Её стихи бессчётное число раз печатались — в газетах, альманахах, детских журналах. При её жизни и уже после смерти вышло несколько её книг: «Страна моей фантазии» (2003, 2-е изд. — 2005), «Жила-была старуха...» (2006), «Увидеть мир в зерне песка» (2011), «Сказка о натиках» (2014). Жизненной судьбе Ани и её творческим увлечениям посвящена трогательная книга, написанная её отцом — Евгением Яковлевичем Синяковым: «Какое счастье — просто жить!..» (2007). Все эти издания мгновенно исчезают — настолько велик интерес читателей разных возрастов к её талантливой поэзии, к её светлой личности.

Уверен, что включение Ани Синяковой в число номинантов премии имени Леонида Завальнюка, а в конечном итоге, надеюсь, и присуждение этой престижной награды — наш долг. Это было бы и по совести, и по справедливости.

**Аня с отцом
Евгением Яковлевичем**

**В книге «Какое счастье — просто
жить!» (2007) Е.Я. Синяков
рассказал о своей дочери**

Борис Черных:

Спор о «генеральной думе»¹

13 июля 2017 года исполнилось 80 лет со дня рождения Бориса Ивановича Черных (1937–2012) — нашего земляка, замечательного русского прозаика, автора особенно дорогих нашим сердцам «урийских» рассказов, социально-острого публициста, человека с бескомпромиссной гражданской позицией, выдержавшей проверку на самых крутых жизненных изломах и поворотах, в том числе на «зоне», куда его отправили на долгие пять лет (1982–1987) по политической статье. Суровые испытания, на которые столь щедра наша российская действительность, не сломили вольнолюбивого сына и внука амурских (албазинских) казаков, напротив, закалили его, добавили крепости взглядам, решительности поступкам, отточили «бойцовские» качества натуры.

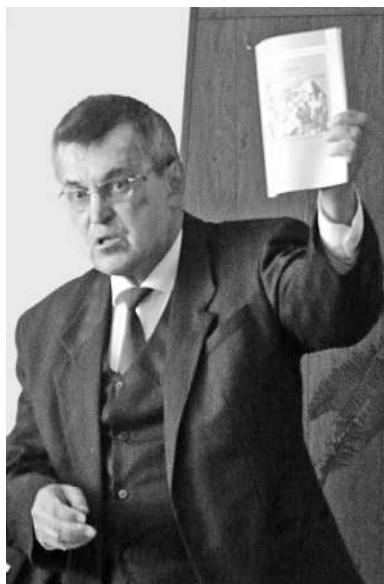
Беспокойная, мятущаяся его натура определяла и вектор жизненной судьбы, и характер отношений с окружающими, и содержание его творческой и общественной деятельности. Его сердце было изначально и навсегда, до последнего вздоха, изранено и кровоточило. Наверное, он в принципе не мог ощущать себя в полной мере счастливым, умиротворённым, душевно расслабленным человеком. Та боль, которая пронзала его и не давала покоя, побуждая к порывистым, энергичным действиям, к неустанному подвижничеству, проистекала не из обстоятельств только личной судьбы, а из осознания им трагедийного характера всей русской истории последнего столетия. Сотрясавшие Россию глобальные социально-исторические катаклизмы — прежде всего революция 1917-го, последовавшие за ней гражданская усобица, коллективизация и ГУЛАГ, безжалостная ломка уклада, культуры, языка, самых основ национального бытия, откат от традиционных ценностей, разрыв связей между поколениями — всё это прожигало его, заставляло быть не только и не столько писателем-беллетристом, сколько писателем-гражданином, воином.

Со стороны он виделся строгим, неуживчивым, порой резким на слово, ни в малой степени не был озабочен тем, чтобы кому-то угодить, сказать приятное — не то, что он на самом деле думает. В своих оцен-

¹ Предисловие к публикации: *Борис Черных. «Поднимемся из праха...»: к 80-летию со дня рождения прозаика (из переписки с известными писателями) // Амур: литературный альманах БГПУ. № 17. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. С. 92–93.*

ках он мог быть предельно жёстким, но столь же честным, никогда не юлил, не хитрил, не был неискренним, тем более двуличным. И в то же время способен был признать свою ошибку, мог дать понять, что погорячился. Он был цельным и последовательным человеком, во всём руководствовался исповедуемыми принципами, базовыми ценностями, интересами русского народа, как он их понимал. Большинство из тех, с кем он сталкивался в разных ситуациях, с кем сотрудничал, понимали, чем были продиктованы его слова, а потому прощали Борису Ивановичу невольную горячность.

Наше с ним общение началось с того, что однажды, придя на кафедру, я обнаружил на своём рабочем столе адресованный мне конверт, а в нём — серый листок формата А5, исписанный с двух сторон размашистым почерком. Содержание было ещё более размашисто-резким: читая, я ощутил, будто меня полоснули казачьей шашкой:

Борис Черных

Александр, мне принесли «Амур», № 6 (2007). Я внимательно просмотрел выпуск. Есть находки у некоторых авторов, есть удачные стихи. Но в целом — Твардовский когда-то сказал: «Неплохо, но нет генеральной думы».

Да, здесь Черныху делать нечего... В нашем Союзе есть поэт Разгоняев... удачи идут к Карнабеде (и в прозе). У нас есть «Доля» Фролова, есть божественная Валя Батяева, ещё жив я. А ты всё говоришь об Ам. писат. организации. Профанация... Не хочешь быть русским? Бог с тобой.

26/XII-07

Борис Черных

От такой неожиданной эпистолярной «затрещины» я не сразу пришёл в себя. Ответ, собравшись, смог написать лишь на следующий день. Он получился объёмнее послания Б.И. — из-за того, что задело за живое (на то, видимо, и был расчёт):

Борис Иванович, письмо получил, отвечаю, не могу не ответить.

Хочу сразу сказать, что совершенно не приемлю того высокомерного тона, который избран в этом письме. Но главное разочарование — содержание сего послания, ибо видится оно мне и несправедливым, и неглубоким.

Наш «Амур» может и не нравиться — отношусь к этому спокойно, мы, собственно, и не подражались никому угождать. Непонятно, почему в письме сквозит раздражение — как будто мы что-то пообещали, а нас уличили в том, что мы не выполнили этих обещаний. Никому никаких обещаний о том, как вести наше дело, мы не давали. Делаем его так, как понимаем сами.

По поводу *русскости* («Не хочешь быть русским?»)... Наверное, у нас разное понимание сути этого вопроса. Мне глубоко чужда такая русскость, которая провоцирует групповщину и сектантство, которая ведёт к разделению, размежеванию, противоборству, ибо подталкивание и без того разобщённого, духовно надломленного, политически дезориентированного народа к продолжению междоусобной схватки, к губительному противостоянию считаю для русских и России вредным.

Русскость, на мой взгляд, состоит в другом: в *собираании* русских сил, в объединении всех, кто любит русскую землю и желает ей добра, кто говорит на русском и дышит воздухом русской культуры. Соединять людей, восстанавливать порушенные связи — между прошлым и настоящим, между поколениями, между *красными* и *белыми*, находить почву для национального единения — вот насущная, центральная задача, без решения которой мы обречены.

Про «генеральную думу». Она, на мой взгляд, и состоит в линии на собиране, объединение. Для меня не суть важно, какой из творческих союзов представляют наши авторы. Мы... не собираемся в угоду кому бы то ни было превращать наше издание в узкопартийное, в трибуну для выяснения отношений, для усугубления раскола. Дорога на страницы альманаха открыта для всех, чьи строчки несут в себе заряд добра, любви, искорки таланта. Кроме того, из номера в номер мы печатаем материалы, в которых по крупницам восстанавливаем историю культурной жизни Приамурья, возвращаем забытые имена...

После такого «обмена любезностями» в отношениях возникла напряжённая пауза, но через пару месяцев всё восстановилось: эмоции ушли, объединили нас общие дела, общность взглядов на положение России, на литературу, особенно на творчество А. Солженицына... В последующие годы Борис Иванович написал мне с десяток коротких

Б.И. Черных и А.В. Урманов

деловых писем (они неизменно появлялись на моём рабочем столе), но содержание и тон их были совсем иными. Особенно счастливым был в тот день, когда именно в «Амуре» (помните: «здесь Черныху делать нечего») писатель решил опубликовать очень дорогой для него текст — *реквием* «Отче наш» (№ 10). К сожалению, при жизни

Б.И. ничего другого напечатать мы не успели, «реквием» оказался его прощальным произведением. Следующий, 11-й номер альманаха был посвящён памяти Бориса Ивановича. Этот выпуск мне очень дорог — тем, что здесь впервые были представлены чрезвычайно интересные дневниковые записи и письма юношеского периода.

И вот новая публикация из его архива — переписка с известными российскими писателями: А. Солженицыным, Ф. Искандером, Ю. Мориц, В. Кондратьевым, В. Курбатовым... Письма, в которых ярко высвечиваются и грани личности Бориса Ивановича, и его гражданская позиция, и его взгляды на литературу, и сама эпоха 1980–1990-х предстаёт во всей своей «красе»...

Выражаю признательность Майе Петровне Черных за поистине бесценный подарок не столько альманаху «Амур», сколько нашим читателям, точнее — всей читающей, мыслящей России, всем, кому дорого имя Бориса Ивановича Черных, кто в разных уголках нашей необъятной родины хранит память о нём, кто любит и ценит его книги, его честное, мужественное, ответственное слово.

Ярослав Туров:

Восстановить мгновенья бытия...¹

Книга Ярослава Турова «По полю мёртвых одуванчиков» — событие в современной прозе неординарное и многообещающее, заслуживающее самого пристального внимания и уважительного отношения. Потому, прежде всего, что со всей очевидностью являет, открывает российскому читателю ещё молодого, по сути начинающего, но уже яркого, самобытного, совершенно зрелого и потому не нуждающегося в снисхождении художника — со своей собственной темой, со своими героями, со своим стилем и отличительной поэтикой. Но главное — с собственным нетривиальным взглядом на мир, имеющего (и умеющего) что сказать, открывающего то, что мы далеко не всегда замечаем и понимаем в стремительно проносящемся мимо потоке бытия. Умеющего остановить время — с тем, чтобы лучше, глубже понять тех, кто его торопливо, в полном соответствии с современными ритмами и темпами проживает.

Как это удаётся Я. Турову?

Секрет и прост — по замыслу, и сложен — по исполнению: автор книги «По полю мёртвых одуванчиков» не столько повествует о своих героях, не столько рассказывает о них и о мире, в котором они живут или выживают, сколько воссоздаёт, реконструирует сознание и ощущения в их естественном течении. Он применяет весьма сложную повествовательную технику, основанную на принципе полифонии: в рассказе «Сердце красавицы», в повести «По полю мёртвых одуванчиков» (и в ряде других произведений, печатавшихся ранее, в том числе в альманахе «Амур») события попеременно даются с разных точек зрения, через восприятие разных персонажей. Прозаику удаётся проникнуть в само средоточие внутреннего мира разных по взглядам, возрасту, житейскому опыту, социальной и гендерной принадлежности героев. Именно эта поразительная способность растворяться буквально в каждом из героев, сливаться с ним, смотреть на мир его глазами, чувствовать и думать как он, проживать вместе с ним его судьбу, его взлёты и падения и позволяет писателю постигать суть вещей и явлений, а не скользить по их поверхности.

¹ Вступительная статья к книге: Туров Я. По полю мёртвых одуванчиков. М.: Издательские решения, 2015. 398 с.

Ярослав Туров и профессор Урманов

При некотором стилевом сходстве, произведения, вошедшие в сборник, удивительно разнообразны — и в жанровом, и в проблемно-тематическом отношении: каждое открывает новые пласты и грани нашего бытия, острые социальные и нравственные коллизии, в каждом — учащённо-сбивчивая пульсация непрерывно меняющейся современной российской действительности, неповторимые, живые образы наших современников.

Глава 6.

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОСЕВ

(1927—2002)

Основатель литературного краеведения Приамурья

Памяти Анатолия Васильевича Лосева

30 января 2002 года ушёл из жизни Анатолий Васильевич Лосев — известный исследователь литературной жизни Сибири и Дальнего Востока, учёный, заложивший основы литературного краеведения, создавший прочный научный фундамент, без опоры на который дальнейшее изучение истории культурной жизни Приамурья немыслимо.

Свыше трёх десятилетий он проработал на кафедре литературы БГПИ, в том числе пятнадцать лет возглавлял её. В памяти коллег и многих поколений студентов Анатолий Васильевич останется человеком, обладавшим феноменальной памятью, фантастической эрудицией, поистине энциклопедическими знаниями. При общении с ним возникало ощущение, что он знает абсолютно всё: теорию литературы и историю критики, античную и древнерусскую литературу, зарубежное Средневековье и русскую классику XIX столетия, Серебряный век и советскую литературу, историю и философию... Он помнил наизусть огромное количество стихов, в свою речь постоянно вкраплял поэтические строчки. Особенно часто цитировал Маяковского (по-видимому, тот был его любимым поэтом), причём не только стихи и поэмы, но и пьесы — «Баню» в первую очередь. Цитировал со вкусом, увлечённо, сопровождая чтение выразительной мимикой и жестикуляцией. Цитировал Пушкина, Тютчева, Некрасова, поэтов Серебряного века (И. Анненского, А. Блока, Н. Гумилёва, И. Северянина и др.), иногда стихи на немецком — Гёте, Гейне.

Особенно поражала его осведомлённость в вопросах, связанных с культурной жизнью Сибири и Дальнего Востока. Но эрудиция Анато-

лия Васильевича была не «даром», ниспосланным свыше, а результатом напряжённого интеллектуального труда. За письменным столом, в архивах и библиотеках, над рукописями, книгами и журналами он проводил большую часть своей жизни. В письме от 27 марта 1979 года, отвечая на мой вопрос о том, смогу ли я работать в вузе, он написал: «Думаю, сможете. Надо только работать и работать. Не надеяться на случай, на благоприятное стечение обстоятельств, даже на чью-то благосклонность (больше полагайтесь на себя, а не на “фортуну”, которая может и отвернуться), а именно работать. Трудолюбие всегда вознаграждается, если, конечно, оно не служит ложной цели».

Своей учёностью он не кичился и без нужды её не демонстрировал — отчасти по свойственной ему скромности, отчасти потому, что предъявлял к себе очень высокие требования, никогда не удовлетворяясь достигнутым. В одном из писем конца 1970-х, комментируя высказанные мною сомнения в собственных знаниях, он написал: «Вообще-то не советую заниматься самобичеванием или, лучше сказать, самоуничижением. Это лишнее. Во-первых, так ли уж Вы мало знаете для своего возраста? Во-вторых, не забывайте об относительности наших знаний. Честно Вам скажу: я и сам иногда ощущаю (почти физически!) несовершенство своих знаний и тоже кажусь самому себе “неучем”, а точнее сказать — никогда не обольщаюсь на счёт своих возможностей, которые у каждого из нас, смертных, отнюдь не безграничны. Перед людьми моего возраста Вы имеете явное преимущество: нам, грешным, уже невозможно достичь совершенства (слишком мало времени для этого “отпустила” природа), а Вам это по плечу. Из этого и исходите, на этом и основывайтесь, составляя свою жизненную “программу”».

Он во всём стремился «дойти до самой сути», стремился выяснять каждую мелочь, для него немислимо было пренебрежение к какой-либо частности, детали. Из этого уважения к мельчайшей значимой подробности вырастали такие основополагающие черты его характера, такие ведущие свойства Лосева-учёного, как фундаментальность и основательность. Если Анатолий Васильевич сталкивался с пренебрежительным отношением к кропотливому сбору научных доказательств, он говорил: «Этот автор берёт материал вот из этого инструмента». И выразительно демонстрировал указательный палец.

Его увлечённость, точнее, полная поглощённость любимым предметом — наукой о литературе — вызывала у нас, студентов-филологов 70-х годов, глубочайшее уважение. Забывая обо всём на свете, кроме литературы и литературоведения, он готов был каждому студенту со всей обстоятельностью заново объяснить всё, что тот не понял или

недоучил. Как лектора его особенно ценили те, кто способен был оценить ум, эрудицию, оригинальность суждений. Такие студенты обычно сидели на первых партах и жадно слушали его лекции. Записывать за А.В. Лосевым было непросто, так как мысль его подчинялась не только пунктам учебной программы, но и некой внутренней логике. Он делал пространственные отступления, но в них-то и состояла главная ценность его лекций, они-то и раздвигали кругозор слушателей. Экзамены он принимал, несмотря на жалобы некоторых студентов и упрёки факуль-

А.В. Лосев

тетского и институтского начальства, необыкновенно долго, иногда заканчивая их уже после полуночи. Другого такого экзаменатора, наверное, не было за всю историю нашего вуза (да и были ли такие вообще где-нибудь?). Во время экзамена (а он мог длиться по 16–18 часов) Анатолий Васильевич не делал никаких перерывов, единственное, что он себе позволял, — почти беспрерывно курил, выкуривая несколько пачек сигарет. Пепел стряхивал в импровизированную пепельницу, свёрнутую из листа бумаги. Помню, как в 1975 году наш первый «Б» сдавал ему экзамен по введению в литературоведение. Я, отвечавший в группе первым, со своей пятёркой вышел из аудитории около 12 дня, а Володя Завьялов, сдававший последним, выстрадал свою «международную» оценку уже в половине второго ночи, предварительно выслушав существенную часть недоученного им лекционного курса. В общежитие он попал с трудом, так как бабушка-вахтёр давно уже спала и разбудить её было непросто. Мы, соседи по комнате, тоже спали, но он поднял нас, достал заранее припасённую бутылку «Фетяски», и мы отметили его «успех».

Анатолий Васильевич был человеком проницательным и обычно мгновенно определял, кто перед ним. В начале 80-х, когда я вёл за ним практические занятия по советской литературе и частенько асси-

стировал на экзаменах, меня поражала его способность безошибочно определять уровень знаний. Бывало, на экзамене он почти сразу прерывал студента и дальше рассказывал сам. В самом конце он мог задать один уточняющий вопрос и после этого без колебаний ставил оценку. Некоторые «хитрые» студенты во время его пространного монолога могли согласно кивать головой, умильно заглядывать ему в глаза, многозначно поддакивать, но это не имело ровно никакого эффекта. Окончательный вердикт основывался не на поддакивании, а на чём-то другом. И не помню случая, чтобы Анатолий Васильевич ошибся в оценке знаний своих студентов.

Он сформировался в советскую эпоху, когда в науках господствовал так называемый классовый подход, когда всё поверялось марксистско-ленинским учением. Конечно, та методология, на которую он опирался, сейчас воспринимается как устаревшая, однако, как это ни странно, написанное А.В. Лосевым и сегодня не кажется архаикой. Его научные работы — редкий случай, когда учёному, жившему и печатавшемуся в советскую эпоху, после крушения коммунистического режима не нужно было стыдиться ни за одну свою строчку. И это при том, что он не был аполитичным человеком, тем более диссидентом. Ещё в октябре 1942 года, учеником 9-го класса, он вступил в ряды ВЛКСМ. Позже, с марта по июль 1945-го, работал секретарём комитета комсомола (комсоргом ЦК ВЛКСМ) в Бежецком ремесленном училище. В студенческие годы Анатолий был членом бюро ВЛКСМ факультета, в аспирантские — вступил в КПСС. В БГПИ он постоянно избирался членом партбюро историко-филологического факультета, а дважды — его секретарём. Добросовестно исполняя партийные обязанности, он не был карьеристом, никогда не «прогибался» перед начальством. Не свойственна ему была и ортодоксальность, ретивое следование «генеральной линии». Когда в конце 70-х нескольких студентов историко-филологического факультета уличили в «диссидентстве», на партийном собрании А.В. Лосеву предъявили очень серьёзное по тем временам обвинение: «Вы воспитываете критиков, и не только литературных». Каяться в «грехах» и «ошибках» он не стал, как и выгораживать себя, задним числом обвиняя студентов за, в общем-то, безобидный, на его взгляд, «мальчишеский» проступок. «Охранительный» пафос, присущий некоторым его товарищам по партии, был Анатолию Васильевичу глубоко чужд.

На кафедре к нему обращались как к последней инстанции. В решении сложных литературоведческих проблем его вердикт был окончательным, авторитет — непререкаемым, оценки — практически безошибочными. Марксистская методология не испортила его научные

А.В. Лосев. 1952 г.

труды, так как она «перекрывалась» фундаментальной подготовленностью А.В. Лосева. Он обладал не отрывочными знаниями, а системными: каждое литературное явление видел в развитии, во взаимосвязи, в сцеплении с другими явлениями. Он представлял художественный мир каждого крупного писателя во всей полноте и объёмности, в динамике и мельчайших подробностях. Это и позволяло ему давать точные оценки, которые не устарели по сей день.

Ещё одно важное свойство А.В. Лосева — простота. Не та, которая «хуже воровства», про такую он и сам отзывался с презрением. Он никогда не стремился высказываться вычурно; глубоко и основательно зная теорию литерату-

ры, никогда не злоупотреблял мудрёной терминологией. Он стремился быть понятным и доступным, о сложных вещах говорил просто.

Кругозор его отличался необыкновенной широтой: он знал о литературе буквально всё. У него был тонкий художественный вкус, глубокое понимание сути литературных явлений. Не было случая, когда бы он отозвался о произведении неадекватно, в угоду моде, в угоду конъюнктуре. Помню, в начале «перестройки» в институте было устроено публичное обсуждение супермодного в то время романа А. Рыбакова «Дети Арбата». Практически все выступавшие на этой читательской конференции (признаюсь, что и я, грешный) оценивали его как художественный шедевр, ставили в один ряд с произведениями русских классиков, в общем, превозносили до небес, и только Анатолий Васильевич (вперекося с настроением аудитории) дал очень трезвую и точную (сейчас это очевидно всем) оценку: роман политически конъюнктурный, в художественном отношении слабый, через 10–15 лет мало кто вспомнит о нём. Говорил, что Рыбаков «демонизирует» Сталина и «идеализирует» Кирова, что близкие автору по духу столичные интеллектуалы — «дети Арбата» — противопоставлены недоброжелательно выведенному в романе сибирскому крестьянству и в целом простому русскому народу.

Был А.В. Лосев человеком в высшей степени порядочным и деликатным (некоторые, правда, расценивали это как слабость, как не-

умение «уважать себя заставить»). Угадывалась в нём иногда и какая-то незащищённость, ранимость, какая-то детская чистота. Порой он казался большим ребёнком, способным обижаться, капризничать. Студенты за глаза называли его Пьером Безуховым, находя сходство не только во внешности, в фигуре, но, прежде всего, в чертах характера. Никогда этот человек не сказал ни одному студенту грубых слов, ни разу не удалил нарушителей дисциплины из аудитории, хотя основания для этого порой имелись. Только один раз во время лекции он сделал резкое замечание, но это была, по его словам, реакция на «хулиганское поведение» какого-то постороннего молодого человека. Тот, видимо, поджидал свою девушку, которая присутствовала на лекции, и, узнав от неё, что немолодой «чудаковатый» преподаватель не очень хорошо видит и к тому же так увлечён излагаемым материалом, что ничего не замечает вокруг, зашёл в аудиторию и стал «куражиться» — сидя на задней парте, вполголоса напевать песню.

В некоторых же ситуациях в А.В. Лосеве проявлялся своего рода аристократизм (недаром некоторые из коллег называли его «барин»): он органически не способен был на «мелкие телодвижения», брезгливо относился к тем, кто юлил и заискивал перед начальством. «Плебейство» ему было не сродни. А.В. Лосев являлся цельной натурой. Он не говорил комплименты только для того, чтобы понравиться, чтобы на него не обиделись. Он не боялся произносить то, что думал. На кафедральном обсуждении лекций или научных трудов своих коллег он мог употребить такие слова, как «школярство», «анализ на школьном уровне» и т.п.

А.В. Лосев ведёт заседание кафедры литературы БГПИ. 1958 г.

Иногда аристократизм проявлялся иначе. Однажды он согласился ради «подработки» (его пенсия была унизительно мала) поучаствовать в исследовательской программе одного из институтов и написать пособие по краеведению. Когда все сроки прошли, к нему зашли напомнить про обязательства, полагая, что он трудится над книжкой, но просто не успевает выполнить работу в срок. Каково же было удивление, когда они увидели Анатолия Васильевича, занимающегося... совершенствованием своего немецкого произношения. Даже материальные трудности не могли превратить его в «наёмного работника»... А немецким языком он владел прекрасно, произношение его было безукоризненным. Те, кто играл с ним в шахматы, вспоминают, что иногда ради шуток он начинал комментировать шахматные партии своих товарищей по-немецки.

Его шутки не были домашними «заготовками», штампами, они рождались спонтанно, мгновенно и были по-настоящему остроумны. Часто они основывались на тонкой игре слов, на аллюзийных параллелях. Так, услышав, что одна преподавательница кафедры из любви к А. Блоку понаставила на экзамене много двоек («срезая» студентов именно из-за плохого знания ими творчества автора «Соловьинного сада» и «Незнакомки»), он тут же среагировал: «Она заБЛОКировала весь курс». Остроумие его могло быть язвительным: прежде всего в тех случаях, когда он отзывался о людях с чрезмерно гибким позвоночником или же о никчёмных властителях. Так, советского лидера эпохи «застоя» он метко называл «павлином» и очень точно копировал его манеры, речь. Об «архитекторах перестройки» и «творцах рыночных преобразований» отзывы его были уничтожающими.

Ему была свойственна оригинальность суждений, он редко говорил банальности, почти не использовал «дежурных фраз», которые есть в запасе у каждого человека интеллектуального труда. Каждая его фраза была не воспроизведением заранее припасённого речевого штампа, а развёртыванием рождающейся мысли. Мозг его был в постоянном напряжении, в неустанной работе. Общаться с ним бывало непросто. Мысль не отпускала его, а он не «отпускал» (почти буквально) своего собеседника. Мне и самому не раз доводилось долгими часами беседовать с ним (если позволительно называть «беседой» изредка прерываемый моими отрывочными суждениями монолог Анатолия Васильевича) в вузовских аудиториях и коридорах, на улице. Если, случалось, мы возвращались из института вместе, то на перекрёстке, где наши пути расходились, обычно проводили долгие часы. Часто по этой причине меня теряли дома и, догадавшись, в чём дело, приходили «выручать».

А.В. Лосев с коллегами на Первомайской демонстрации. Конец 1960-х гг.

Как заведующий кафедрой Анатолий Васильевич большое внимание уделял прежде всего подготовке и росту кадров, оказывал серьезную помощь молодым преподавателям: Г.П. Аникиной, Т.Д. Беловой, Г.П. Курочкиной (Довнар), О.Н. Щербань, в то время работавшим над кандидатскими диссертациями. Чтобы не быть голословным, приведу мнение, высказанное о Лосеве-наставнике одной из его учениц — Т.Д. Беловой. Она преподавала на кафедре литературы БГПИ в 60–70-е годы, затем переехала в Саратов, где заведовала аналогичной кафедрой в университете. Тамара Дмитриевна защитила в МГУ докторскую диссертацию. В декабре 2001-го, за месяц до кончины А.В. Лосева, в письме к профессору М.С. Юсуповой она писала: «Горжусь тем, что принадлежу к школе Анатолия Васильевича Лосева. Он “ставил голос” мне. Он учил обстоятельности и ответственности в науке. Если в чём-то мы не дотягивали до его уровня, то это наша вина. А он и недосыгаем как аналитик, филолог, мыслитель. Жаль, что здоровье его не дало ему возможности работать. Кафедра, по-моему, лишилась высококлассного консультанта».

Своим учителем А.В. Лосева называет Владимир Михайлович Калита. Признаюсь, что и на меня, на моё становление как преподавате-

ля и учёного он оказал большое влияние. Когда в конце 1970-х после института я был направлен на работу в сельскую школу в один из отдалённых районов, Анатолий Васильевич находил время для переписки со мной. И сейчас у меня бережно хранится целая стопка его подробных, обстоятельных писем. Он пытался помочь мне не упасть духом, призывал не хандрить, а всерьёз заняться наукой, неустанно совершенствовать свои знания.

Как складывалась его собственная судьба?

Анатолий Васильевич Лосев родился 11 января 1927 года в деревне Иевлево Тверского уезда Тверской губернии (в советские времена — Калининской области). Осенью 1931 года семья переехала в город Бежецк, где прошли годы детства Анатолия. Его отец, Василий Михайлович, до войны был бухгалтером МТС, с 1941 года — на фронте. В послевоенное время работал по своей специальности в органах внутренних дел. Умер в 1947 году. Мать, Ефросинья Яковлевна, после переезда семьи в Бежецк многие годы работала на разных должностях в артели «Труд инвалида», умерла в 1974 году. В семье Лосевых было двое детей: Анатолий и его старшая сестра Лидия.

Школьная пора (1934–1944) пришлось на трудные предвоенные и военные годы. В первую военную осень четырнадцатилетний Анатолий добровольно записался в истребительный батальон, числился его бойцом с ноября 1941 по март 1942 года. Принимал участие в строительстве оборонительных сооружений, летом 1942 года около двух месяцев работал на заготовке торфа.

Осенью 1944 года, с похвальной грамотой окончив среднюю школу, он поступил на теплотехнический факультет Московского энергетического института. По словам сына, Анатолий Васильевич позже говорил, что в МЭИ поступал кто-то из его школьных друзей, и он поехал в Москву «за компанию». Однако энергетика из него не вышло: проучившись немногим более четырёх месяцев, в феврале 1945 года он оставил учёбу по причине (как много лет спустя записал в автобиографии) «тяжёлых материальных обстоятельств». Но был и другой, более важный мотив, обусловивший столь резкий слом судьбы, — увлечённость литературой. Любовь к художественному слову проснулась в нём очень рано. По свидетельству сына Владимира (а он ссылается на рассказы своей бабушки — Ефросиньи Яковлевны), в детские годы отец по ночам тайком от родителей, дождавшись, когда они уснут, зажигал припрятанный огарок или лучину и в полутьме читал. Читал запоем, порой до утра. Возможно, именно тогда у него испортилось зрение.

В сентябре победного 1945 года Анатолий поступил на факультет русского языка и литературы Калининского государственного педагогического института. В студенческие годы он был редактором и членом редколлегии факультетской и общеинститутской газет, успешно занимался научно-исследовательской работой и спортом, с полной самоотдачей учился. Окончив в 1949 году институт и получив диплом с отличием, с сентября по ноябрь Анатолий Васильевич работал учителем в женской средней школе № 10 г. Калинина, а затем поступил в аспирантуру при кафедре русской литературы Калининского пединститута.

После её окончания в октябре 1952-го по путёвке Министерства просвещения РСФСР А.В. Лосев был направлен на работу в Благовещенский государственный педагогический институт им. М.И. Калинина. Время было такое, что выбор места жительства и работы выпускника зависел не только от его личного желания, но и от потребностей, как тогда говорили, «народного хозяйства». Высшие учебные заведения Дальнего Востока укреплялись кадрами, которые «выковывались» в вузах европейской России. Но Анатолий Васильевич и не возражал против переезда в Амурскую область, далёкий край его чем-то притягивал. В Благовещенск он приехал вместе с молодой женой Валентиной Николаевной — выпускницей Ленинградского медицинского института. Она тогда ждала ребёнка, дорогу перенесла плохо. Сын Владимир родился в 1953 году, уже на Амурской земле¹.

Думал ли тогда молодой выпускник аспирантуры Калининского пединститута, что Благовещенск станет его второй родиной, что здесь пройдёт вся его жизнь? Я спрашивал у В.Н. Лосевой, было ли у них с Анатолием Васильевичем намерение спустя какое-то время вернуться в родные места. Ответ был отрицательный. Ехали в Благовещенск навсегда — жить, работать. Так и получилось, что, оказавшись в том далёком от нас 1952-м на Амуре, они навсегда связали свою судьбу с Благовещенском.

20 ноября 1952 года А.В. Лосев был назначен ассистентом кафедры литературы БГПИ. Каким он тогда был? С фотографии той поры он смотрит на нас сквозь очки в круглой тонкой оправе. Лицо интеллигента. Серьёзный взгляд, умные, немного усталые глаза. Модный в начале 50-х костюм в полоску с широкими лацканами, галстук.

¹ Владимир Анатольевич Лосев в 1976 году окончил геолого-географический факультет Томского государственного университета, долгие годы трудился в должности инженера-геолога в филиале института «Дальгипроводхоз». У него двое сыновей — Алексей и Вадим. Анатолий Васильевич очень радовался рождению внуков, всегда отзывался о них с большой любовью.

Зачёсанные направо волнистые волосы с вольно свисающей прядью. Наверное, он нравился своим студенткам. И не только потому, что внешне выглядел привлекательным. Уже тогда он поражал необыкновенной эрудицией. На обратной стороне одной из фотографий аспирантской поры я прочёл надпись, сделанную его студентками: «Будущему профессору А.В. Лосеву...»

Несколько лет, вплоть до 1960-го, Лосевы жили в студенческом общежитии на углу Ленина и Трудовой, там, где сейчас построен новый жилой дом. Второй этаж общежития занимали преподаватели, в основном молодые семьи, поэтому общение скрашивало некоторую бытовую неустроенность. Впрочем, в ту пору жизнь в комнатке студенческого общежития не воспринималась как неустроенность. Во внутреннем дворике здания располагалась волейбольная площадка, и Анатолий Васильевич вместе с другими преподавателями и студентами частенько вечерами устраивали турниры. Игра в волейбол — одно из его главных увлечений (пока позволяло здоровье). А волейболистом он был отменным. Ещё в студенческие годы в Калининне участвовал в зональных соревнованиях, объездил со своей командой немало городов. Я имел возможность наблюдать его игру уже в 70–80-е годы, когда Анатолий Васильевич, заметно погрузневший, несколько подрастерял былую спортивную форму. Но не темперамент. На площадке он вёл себя по-юношески увлечённо, даже страстно, эмоции били через край. Не любил, когда его команда проигрывала, горячился, спорил, размахивал руками. Часто не соглашался с судейскими решениями, брал в руки мяч и показывал, куда он ударился. Был похож на мальчишку. Увлечённость вообще была его отличительной чертой.

Если продолжить тему непрофессиональных интересов А.В. Лосева, то необходимо сказать ещё о трёх: шахматах, рыбалке и пении.

Шахматами Анатолий Васильевич увлёкся в Благовещенске. Быстро вырос в хорошего шахматиста, получил первый разряд, участвовал во многих турнирах. Играя за команду института, добивался неплохих результатов. В повседневной жизни особенно часто играл в шахматы с Анатолием Ивановичем Денисовым, с ним мог проводить за доской чуть ли не сутки напролёт.

Анатолий Васильевич был столь же страстным рыболовом. Подолгу со всевозможными подробностями рассказывал о своих рыбацких успехах. Память у него была такова, что он без труда воссоздавал мельчайшие подробности, связанные с выуживанием чуть ли не каждой пойманной им рыбы. Почти каждое лето он гостил в Бежецке и, вернувшись, непременно рассказывал о рыбалке, всей своей фигурой изображая, как он ловил рыбу руками.

Шахматный поединок

Лыжный кросс

На рыбалке

А.В. Лосев не был аскетом: он любил посидеть в компании с друзьями и коллегами, остроумно шутил, был душой общества. Обладая красивым баритоном и абсолютным музыкальным слухом, любил петь, особенно народные песни — те, в которых отразилась широта души русского человека, необъятность русских просторов: «По диким степям Забайкалья», «Вниз по матушке, по Волге», «Ямщик, не гони лошадей».

Работая над этой статьёй, я расспрашивал тех, кто знал Анатолия Васильевича в 50–60-е годы. Многие отмечали, что он приехал в Благовещенск уже зрелым, абсолютно сформировавшимся человеком. А ведь ему было всего 25 лет. Уже тогда он удивлял некоторых своих сверстников предельно серьёзным отношением к профессиональному долгу. Уже тогда в нём не было ничего поверхностного.

Диссертацию в Калининне завершить не удалось. Отчасти это объясняется личностными свойствами Анатолия Васильевича, его кропотливостью и дотошностью, нежеланием и неумением спешить, отчасти особенностями времени — в ту пору учёная степень кандидата наук давалась гораздо трудней, чем ныне. В Благовещенске диссертационное исследование тоже продвигалось не очень быстро. В характеристике от 26 апреля 1954 года можно прочесть, что в работе старшего преподавателя кафедры литературы А.В. Лосева над диссертацией «нет целеустремлённости, сроки выполнения глав систематически нарушаются». Понять главную причину замедления темпов нетрудно, зная, что начинающему преподавателю поручили читать одновременно несколько сложнейших лекционных курсов: историю русской литературы XX века (дооктябрьский период), историю советской литературы, введение в литературоведение, теорию литературы. Нагрузка была такой, что выдержать её мог только очень подготовленный человек, к тому же обладающий богатырским здоровьем.

Что касается диссертации, то коллеги Анатолия Васильевича вспоминают: перед тем как вынести свою работу на защиту, он зачитывал её главы на заседаниях кафедры. В памяти тех, кто участвовал в этих обсуждениях, сохранилось ощущение глубины и фундаментальности его исследования. Однако путь к успеху не был гладким. В 1958 году на заседании кафедры литературы Иркутского государственного университета во время обсуждения вопроса о возможности представления диссертации А.В. Лосева к защите одна из рецензенток, кандидат филологических наук Н.С. Тендитник, дала отрицательный отзыв. Потребовалась переработка диссертации, и Анатолий Васильевич написал заявление с просьбой освободить его

от обязанностей заведующего кафедрой — с тем, чтобы иметь время и силы на доработку. Директор института Ф.А. Цвид просьбу не поддержал, так как равноценной кандидатуры на должность заведующего не было. Тем не менее Анатолий Васильевич нашёл в себе силы преодолеть трудности и в марте 1959 года в Иркутском государственном университете успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме: «“Емельян Пугачёв” В. Шишкова и проблема жанра советского исторического романа».

После этого к проблематике своей диссертации А.В. Лосев почти не возвращался, его увлекли новые темы.

Из нереализованных научных планов нужно назвать относящуюся ко второй половине 60-х годов работу над монографией «Тема интеллигенции в творчестве М. Горького дооктябрьского периода». Эта тема, по-видимому, задумывалась им для докторской диссертации. В личной библиотеке А.В. Лосева собрано было немало исследований по творчеству автора «Жизни Клима Самгина». Полное собрание сочинений «основоположника литературы социалистического реализма», имевшееся у Анатолия Васильевича, носило на себе следы постоянной работы, было им основательно «зачитано». Помню, в начале 80-х, когда я, тогда ассистент кафедры литературы, приходил по вечерам к нему домой консультироваться перед проведением занятий, он, почти не глядя, доставал с книжной полки нужный том, мгновенно находил тот или иной эпизод. Впрочем, он помнил наизусть и легко воспроизводил множество фрагментов произведений Горького. Вспоминаются и его «комментарии к комментариям». Анатолия Васильевича возмущали неточности и даже грубые ошибки, допущенные редакторами академического издания и авторами комментариев к нему — известными советскими горьковедом. Прочитав вслух тот или иной комментарий, он доставал с полки энциклопедии, монографии, художественные тексты и легко обнажал суть ошибок, даже находил причины этих ошибок. Это поражало: он, провинциальный вузовский преподаватель, знал больше, чем маститые столичные учёные.

Начиная с 1960-х годов, Анатолий Васильевич вёл научно-исследовательскую работу по трём взаимосвязанным направлениям: «Народничество и литературная жизнь Сибири», «Литературная жизнь Дальнего Востока в 1890–1917 гг.», «Приамурье в художественной литературе». Несколько десятилетий он посвятил кропотливому сбору материала, изучению печатных и архивных источников. Результатом этой многотрудной исследовательской работы стали следующие публикации: «Приамурье в художественной литерату-

ре: аннотированный указатель» (Благовещенск: Амурское кн. изд-во. 1963); «С.С. Синегуб на Амуре» (альманах «Приамурье моё». 1971); «Печать и литература» (Амурская область: природа, экономика, культура, история. Благовещенск: Амурское кн. изд-во. 1974); «Из прошлого периодической печати на Амуре» (Вопросы истории Амурской области. Благовещенск: Амурское кн. изд-во. 1981); «Забытый поэт: [Л.П. Волков]» (Дальний Восток. 1982. № 1) и т.д.

Уже после смерти Анатолия Васильевича в вузовском альманахе «Амур» были опубликованы некоторые материалы из его личного архива, работы, которые в силу разных причин не были завершены. Они были подготовлены к печати автором данных воспоминаний, в некоторых случаях реконструированы, буквально «склеены» из разрозненных черновых рукописных и машинописных фрагментов: «Порфирий Фёдорович Масюков. Очерк жизни и творчества» (2002), «Первый амурский поэт. Очерк жизни и творчества Л.П. Волкова» (2005), «Александр Иванович Матюшенский. Полемические заметки о новоявленном “классике” амурской литературы» (2007), «Об одном забытом поэте. Фёдор Иванович Чудаков» (2008). Эта часть наследия Лосева, даже в незавершённом виде, тоже представляет несомненную научную ценность.

Вообще же в деле научного изучения истории литературной жизни Приамурья А.В. Лосев был, остаётся и, уверен, останется первым — и потому, что раньше других обратился к этой теме (начав, по сути, с нуля), и потому, что его работы написаны на высочайшем уровне.

Учебным результатом многолетних исследовательских поисков стал лекционный спецкурс «Литературное краеведение», который Анатолий Васильевич долгие годы читал студентам-филологам.

Много сил и времени он отдавал институтской газете «За педагогические кадры»: был членом редколлегии, редактором, сменным редактором. К этой «общественной нагрузке» относился так же добросовестно, с таким же тщанием, как и ко всему, что ему поручалось.

В продолжение многих лет А.В. Лосев принимал активное участие в литературной жизни города и области. В 1958–1959 гг. он был редактором альманаха «Приамурье», в 1972–1977 гг. — членом редколлегии сборника «Приамурье моё». Он являлся председателем городской литературной секции, членом Союза журналистов с 1962 года. Анатолий Васильевич общался со многими амурскими литераторами, особенно дружен был с поэтом Игорем Ерёминым, а в последние годы — с Николаем Фотьевым.

На пенсию А.В. Лосев ушёл в 1987 году — на самой заре горбачёвской «перестройки», накануне того, как были «открыты шлюзы» и на страну обрушился поток прежде запрещённых книг. При таком мощном интеллекте, каким он обладал, Анатолий Васильевич способен был очень быстро освоить всё новое. В данном случае следует говорить не просто о прекрасной памяти, а именно о мощном интеллекте. Мозг его работал как машина. Читал он

А.В. Лосев. 1990-е гг.

необыкновенно быстро и так же быстро перерабатывал информацию. Кто-то, кажется, Борис Афанасьевич Лебедев, говорил с юмором, что Лосев быстрее книжку прочтёт, чем закончит устное высказывание. Однако полноценно «зарядиться» новой философской и филологической базой ему помешало резкое ухудшение зрения. По этой причине он, видимо, и ушёл в 60 лет, в расцвете сил, «на заслуженный отдых». Не хотел хоть в малой мере быть «неполноценным», не хотел быть объектом жалости. Он очень сильно страдал оттого, что плохо видел. И когда его окликали, когда с ним здоровались, он, в большей степени по голосу, чем по облику узнавая человека, с готовностью отзывался, резко поворачиваясь всем корпусом. Мне казалось, что он находится в постоянном напряжении — будут бывшие коллеги его «узнавать» или нет? Когда он шёл своей характерной походкой по улице или институтскому коридору, то не смотрел по сторонам — возможно, чтобы не вынуждать тех, кто не хотел его замечать, здороваться с ним. Многие, наверное, помнят, как он почти ежедневно приходил в областную библиотеку или в читальные залы нашего университета и, заказав журналы, долгими часами читал их, поднося страницы прямо к лицу, буквально вплотную к очкам с толстыми линзами.

Свой потенциал А.В. Лосев, к сожалению, полностью не реализовал. Он писал мне в одном из писем: «Об одном только не забывайте: есть у человека лучшая часть жизни, когда и “светит”, и “греет”, и вот в эту лучшую часть надо “уложиться”, то есть сделать большую

часть того, на что ты вообще способен, ибо потом будет поздно. Говорю об этом, исходя из собственного опыта. Если бы меня спросили, как бы я прожил жизнь, доведись мне начинать с начала, я бы ответил без всякого лукавства: прожил бы жизнь по-другому, постарался бы избежать ошибок, которых было много (очень много!). Что это — пессимизм? Нет, пессимистом я вроде бы никогда не был и мрачным мыслям никогда не давал воли. Просто трезвый взгляд на вещи!»

Со стороны казалось, у него было всё для того, чтобы добиться признания в науке, занять высокое положение. Живя в провинции, он не был провинциалом. По своим способностям он вполне мог стать академиком. Почему этого не случилось — не хватило «здорового честолюбия»? Причина, наверное, в другом. У него начисто отсутствовали «пробивные» способности. Вернее, он считал ниже своего достоинства локтями отвоёвывать себе «место под солнцем». Анатолий Васильевич ценил саму науку, саму исследовательскую работу, а не официальное признание. Да и время было такое, когда в провинциальных вузах стремление человека в большую науку не очень-то и поощрялось. Скорее, наоборот. И столица встречала таких людей отнюдь не с распростёртыми объятиями.

Но в главном — и как личность, и как преподаватель, и как учёный — Анатолий Васильевич Лосев состоялся. Он оставил о себе добрую и, уверен, долгую память.

P.S. В целях увековечения памяти А.В. Лосева Учёным советом университета принято решение с января 2003 года присуждать лучшим студентам отделения русского языка и литературы стипендию его имени. Кроме того, имя Анатолия Васильевича присвоено созданному в 2007 году литературно-краеведческому музею БГПУ (ауд. 465). Научный поиск, который вёл А.В. Лосев, продолжен его учениками и последователями.

О том, как маленькая текстологическая ошибка вызвала большой переполох в учёных кругах

Необходимые пояснения и дополнения к давней статье

А.В. Лосева

Впервые об этой удивительной истории я услышал много лет назад — в сентябре 1974 года, который сейчас, с большой временной дистанции, видится в дымке. Отчасти, наверное, потому, что тогда, только-только став студентом отделения русского языка и литературы БГПИ, я ещё пребывал в состоянии лёгкой эйфории. Впрочем, праздничное головокружение продолжалось недолго, совсем скоро нас так основательно загрузили учебными заданиями, что на ум всё чаще начали приходить нехрестоматийные строчки певца народной скорби и печали Некрасова: «Праздник жизни — молодости годы — я убил под тяжестью труда...» И острота ощущений вскоре тоже пошла на убыль. Но тогда, в самые первые студенческие недели, многое было новым, ярким, а потому впечатывалось в память.

Благодаря прежде всего старшекурсникам мы уже имели представление о ведущих преподавателях. Наслышаны были и о Лосеве, о его потрясающей эрудиции, о том, что это настоящий учёный.

И вот первая его лекция по введению в литературоведение. Вместительная 340-я аудитория заполнена почти под завязку: нас, первокурсников, не в пример сегодняшним бюджетным наборам, — за восемьдесят: три группы по 25 полноценных студентов и ещё почти десяток «кандидатов», у которых есть право в случае успешной сдачи сессии заполнять освобождающиеся места.

Тема вводной лекции как будто бы не обещает ничего яркого: цель, задачи, содержание курса, основные и вспомогательные литературоведческие дисциплины. Анатолий Васильевич за кафедрой сродни дисциплине и теме: сух, академичен, обстоятелен. Обликом, манерами, речью, действительно, вылитый учёный, именно таким я и рисовал в своём воображении образ вузовского преподавателя. Размеренно, но без намёка на «разжёвывание» или уже знакомую по лекциям некоторых других преподавателей «диктовку», как будто бы без малейшего напряжения озвучивает одну сложную мысль за другой. Все формулировки — как из добротного учебника: идеально выстроенные, выверенные, ни единого выпадающего из контекста, неорганичного или

необязательного слова. Рука моя быстро деревенеет, ибо не привыкла в таком темпе записывать. Голова пухнет — и от обилия терминов, и от объёма «сухой» теории, которую нужно на лету схватить, в самых общих чертах понять и в препарированном, сокращённом виде мгновенно передать на кончик шариковой ручки. Но лектору, похоже, дела нет до моих проблем, до того, успеваю ли я записывать. Пройдёт немного времени, и я пойму: в такой манере не было и тени желания «поумничать», «покрасоваться» перед студентами, показав свою «учённость», никакого высоколобного снобизма. В нашем лице Анатолий Васильевич предполагал людей, сделавших сознательный выбор, испытывающих такой же профессиональный интерес к филологии, как и он. Для нас, первокурсников, в такой академичной форме подачи материала была несомненная польза. Ибо, с первой лекции задавая высокий теоретический уровень, не делая никаких скидок, лектор тем самым как бы посылал аудитории важный сигнал: «Вы поступили в вуз, ликбезом с вами никто заниматься не будет; хотите понимать язык высокой науки — усваивайте необходимый понятийный аппарат, учите терминологию. Не успеваете за мыслью преподавателя, чего-то недопонимаете на занятиях — овладевайте материалом самостоятельно, читайте специальную литературу».

Ещё одной «фирменной» особенностью лекций Лосева было богатое и разнообразное иллюстрирование озвучиваемых теоретических постулатов, обращение к широчайшему историческому, общекультурному, литературному контексту. Иногда он увлекался, и его «заносило» очень далеко, но потом, спохватившись, он словно одёргивал себя, с видимой неохотой возвращаясь к азам, которые, в соответствии с требованиями учебной программы, нужно было излагать студентам. Наверняка и на той первой лекции он приводил массу интереснейших примеров, много цитировал. Но, увы, как ни понукаю сейчас свою память, она не отзывается. Может быть, тогда сработал стереотип: зачем долго удерживать то, что в принципе можно почерпнуть в книгах, учебниках? Но вероятнее всего другое объяснение: то, что любимый Лосевым поэт называл «решётками памяти», скорее всего, удержало большую часть примеров, но не в жёсткой привязке к той первой лекции, просто пополнив наш культурный багаж.

А вот заключительная часть лекции и сейчас вспоминается отчётливо, словно я слушал её совсем недавно. Лосев рассказывал о текстологии — одной из литературоведческих дисциплин, занимающейся, в том числе, проблемами атрибуции. Но пример привёл не «классический», не «типовой», а из собственной научной практики. И был он

в этот момент более эмоционален, чем обычно, даже, пожалуй, чуть-чуть взволнован, больше и энергичней жестикулировал. Много лет спустя, в начале двухтысячных, разбирая его архив, впервые прочитав его статью «Ошибку надо исправить», я понял, что Анатолий Васильевич на лекции в сжатом виде изложил нам часть её содержания — историю своего открытия, не особенно заостряя внимание на реакции официальной советской науки. То есть нам он тогда показал преимущественно верхнюю часть айсберга.

В лекции прозвучало и то, что в статью не попало. Так, например, Лосев рассказал нам, как состоялось открытие, точнее, с чего всё началось. Дело было так. Он просматривал комплект газеты «Амурский листок» за 1911 год, делая пространные выписки, прежде всего копируя встречающиеся художественные произведения амурских авторов. И вот в одном из номеров газеты он наткнулся на неизвестное ему стихотворение «Не браните вы музу мою...» за подписью «Ив. Морозов». И хотя Лосев сразу понял, что Ив. Морозов — это малоизвестный крестьянский поэт Иван Игнатьевич Морозов, не имевший никакого отношения к Приамурью, хотя догадался, что стихотворение, скорее всего, просто перепечатано из какого-то столичного периодического издания, текст он «на всякий случай» переписал. И забыл... Никакого повода вспоминать переписанное стихотворение не было.

Прошло несколько лет. И вот в конце 1960-х началось издание Полного собрания сочинений Горького. Когда из печати вышел первый том и Анатолий Васильевич стал его просматривать, в третьем разделе — «Произведения, не публиковавшиеся автором. Незаконченное. Наброски» — он обратил внимание на стихотворение, начинавшееся строчкой «Не браните вы музу мою». Как он объяснил нам, «показалось, что где-то я уже это стихотворение встречал, причём не в связи с Горьким. Но где именно, вспомнил не сразу». Спустя какое-то время его осенило: да это же то самое стихотворение, которое он когда-то переписал из «Амурского листка»...

С этого всё и началось. А дальше последовала долгая, растянувшаяся на много месяцев, кропотливая исследовательская работа, требовавшая обращения к архивным источникам, к редчайшим периодическим изданиям.

В 1980 году, когда я получил приглашение работать на кафедре, мне посчастливилось вести за Анатолием Васильевичем практические занятия по советской литературе. Иногда в разговорах он в той или иной связи касался данного сюжета, приводил какие-то подробности. Помню, что, упоминая о некоторых известных литературове-

дах, так или иначе причастных к этой истории, он говорил о них с лёгкой презрительно-ироничной усмешкой.

Чем она была вызвана, мне стало более понятно много позже, когда я разбирал часть архива Лосева, переданного на кафедру его сыном Владимиром. Причём подоплёка, тайные пружины, сам сюжет этой интриги открылись не сразу. Общая же картина сложилась совсем недавно, во время подготовки к печати избранных трудов Лосева¹. Только тогда мне удалось найти некоторые письма, пролившие свет на важные обстоятельства, о которых я прежде и не подозревал. Но обо всём по порядку.

Обнаружив в первом томе полного собрания сочинений М. Горького атрибуционную ошибку и выявив в результате проведённого исследования обстоятельства и причины, приведшие к ней, А.В. Лосев вовсе не собирался «уличать» в некомпетентности редакторов Полного собрания сочинений (ПСС) и отечественных горьковедов. Изложив суть своего открытия, он отправил статью в журнал «Вопросы литературы», руководствуясь благородной целью — помочь установить истину, исправить, как он писал, «ошибку, которая тридцать с лишним лет была источником многих недоразумений».

Статья «Ошибку надо исправить» в альманахе «Амур»² была напечатана по машинописной рукописи, найденной в архиве А.В. Лосева. Рукопись эта не имеет авторской датировки, но нетрудно определить, что написана она в период между сентябрём 1971 и мартом 1972 (чуть ниже станет понятно — почему).

Кроме неё, в архиве хранится машинописная рукопись в двух экземплярах (с авторскими пометками от руки: «1-й экз.», «3-й экз.»), озаглавленная «М. Горький или И. Морозов?», которая является ранней редакцией данной работы. Она тоже предназначалась для публикации в «Вопросах литературы», но была редколлегией отклонена — об этом можно судить по публикуемому ниже письму О. Смолы. На последнем листе рукописи с пометкой «3-й экз.» есть подпись автора и выведенная его рукой дата: «Май 1971 г.».

В архиве учёного обнаружено и упомянутое выше письмо сотрудника редакции «Вопросов литературы» с обоснованием отказа в публикации статьи «М. Горький или И. Морозов?». Текст письма отпечатан на официальном бланке журнала.

¹ Лосев А.В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / составление, редактирование, вступ. статья, примеч. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 348 с.

² См.: Лосев А. Ошибку надо исправить // Амур: литературный альманах БГПУ. № 10. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 76–79.

27 сентября 1971 г.

Уважаемый Анатолий Васильевич,

в принципе Ваша статья может быть напечатана, если учтёте однако наши пожелания.

Мне кажется, надо убрать из статьи разного рода полемические узоры, уколы и придирики — подчас они вытесняют главное. Пишите спокойней. Не следует мельчить работу неуважением и унижением своих предшественников³.

Не все Ваши аргументы выдерживают проверку. Сопоставление текстов стихотворений «Не браните...» и «Тому на свете...» с их «морозовскими» вариантами проведено точно. Но вывод едва ли бесспорный. Очевидно, это не просто ранний и более поздний варианты стихотворений одного автора. Поздние варианты стихотворений возникли в результате редактирования другого автора. Обратите внимание на то, что в стихотворении «Не браните...» — в его позднейшем варианте, т.е. обработанном Горьким, содержится новый мотив. Случайно ли в нём говорится о поэте-самоучке? Не привнёс ли Горький в стихотворение своё отношение к его автору?

Опрометчиво Вы ставите вопрос о почерке Горького. Автографы являются несомненно горьковскими (это мы проверили в Институте мировой литературы им. Горького).

Из сути Вами открытых фактов представляется наиболее конструктивным аспект «Горький и Морозов», а не «Горький или Морозов».

Если Вы согласны с нашими замечаниями, переделайте статью и пришлите.

С уважением, редактор О. Смола.

Очевидно откликаясь на предложение «переделать статью» в соответствии с редакционными замечаниями, А.В. Лосев и подготовил вторую, смягчённую редакцию, освобождённую от ряда полемических суждений автора и от части приводимых им прежде

³ Это утверждение нельзя признать справедливым: никакого унижения предшественников, неуважения к ним, уколов, придирок в их адрес в статье «М. Горький или И. Морозов?» на самом деле нет. Полемика в работе есть, но вполне корректная. И мотивированная, ибо как обойтись без «полемических узоров» (спасибо О. Смоле за невольный комплимент), если грубую ошибку сотворили, более трёх десятилетий тиражировали, своим авторитетом подкрепляли не какие-нибудь аспиранты, не дилетанты от науки, а маститые учёные, ведущие советские исследователи творчества Горького. Почему же они должны быть закрыты от критики, почему разбор их ошибок воспринимается редактором журнала как нечто совершенно недопустимое, оскорбительное по отношению к ним?

цитат из работ видных советских горьковедов. Сменилось и название: с «М. Горький или И. Морозов?» на «Ошибку надо исправить».

Однако и эта редакция, в которой были учтены практически все замечания журнала, «Вопросами литературы» была забракована. Причём в более категоричной форме — теперь даже без намёка, что публикация возможна при условии внесения автором ещё каких-то поправок. О причине перемены настроений в редакции догадаться нетрудно: со статьёй ознакомились влиятельные учёные-горьковеды из ИМЛИ, в том числе А.И. Овчаренко, являвшийся к тому же заместителем главного редактора Полного собрания сочинений Горького — то есть человек, несущий основную ответственность за текстологические ошибки в издании. Статью Лосева отвергли и потому, видимо, что не хотели открыто признавать промах известных учёных (в состав редакционной коллегии издания входил цвет отечественного литературоведения: А.И. Метченко, А.И. Овчаренко, Б.Л. Сучков, Е.Б. Тагер, М.Б. Храпченко, В.Р. Щербина), и потому, что боялись, наверное, умалить авторитет «основоположника литературы социалистического реализма». Желание редколлегии ПСС Горького сохранить таким сомнительным способом «честь мундира» и предопределило всё дальнейшее...

Не так давно в мои руки попали два явно скоординированных письма — из ИМЛИ и «Вопросов литературы» (оба на соответствующих официальных бланках). Привожу их целиком и с попутными комментариями.

9 февраля 1972 г.

ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ АН СССР ТОВ. СУЧКОВУ Б.Л.⁴

КОПИИ: 1) РЕДАКЦИИ «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»⁵

2) ДОЦЕНТУ А. ЛОСЕВУ

Как я уже сообщал Вам несколько месяцев тому назад, случай ошибочного включения в Полное собрание сочинений М. Горького стихотворений, не принадлежавших ему, обсуждался всесторонне на заседании сектора. Было установлено, что редакторы издания ещё при подготовке первого тома к набору поставили перед текстологами задачу — объяснить, почему эти стихотворения, приписываемые раннему

⁴ Немаловажное обстоятельство — Б.Л. Сучков в то время являлся и членом редколлегии журнала «Вопросы литературы».

⁵ В письме именно так: РЕДАКЦИИ «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ».

Горькому, написаны почерком Горького 1910 года и на бумаге каприйского периода. Иначе говоря, перед текстологами поставили проблему атрибуции. Решена же она была неправильно. Текстологи поддались, во-первых, гипнозу почерка Горького (к тому же писатель в зрелые годы нередко вспоминал свои ранние стихотворные произведения и переписывал их: так было с поэмой «Девушка и смерть», с «Балладой о графине Эллен де Курси»), во-вторых, авторитету крупнейших исследователей творчества Горького — С. Балухатого, Н. Пиксанова, И. Луппола, И. Груздева, Б. Мейлаха, С. Касторского, Б. Бялика, — единодушно признававших, что эти стихотворения принадлежат Горькому, и включавших их в сборники его стихотворений (в частности, во все, выпущенные «Библиотекой поэта»).

Сейчас изучается вопрос, с какой целью Горьким были переписаны стихотворения Ив. Морозова и почему он упорно сохранял их в своих бумагах, так что на каком-то этапе они стали признаваться его собственными произведениями?

Допущенная ошибка, разумеется, будет исправлена. В последнем томе Редколлегия сообщит читателям, что в результате научных разысканий советских учёных ⁶, в частности, доцента А. Лосева, установлено, что эти стихотворения принадлежат не Горькому, а поэту-самоучке И. Морозову, что Горьким они были лишь отредактированы и переписаны, видимо, с целью включить их в какой-то сборник, но издание не состоялось, а автографы остались в бумагах Горького и впоследствии были приняты исследователями за его собственные произведения. Постараемся внести в этот вопрос максимальную ясность ⁷.

⁶ Эта фраза («в результате научных разысканий советских учёных...») не может не умилять: очень похоже, что А.И. Овчаренко готовит почву для того, чтобы даже из большого конфуза извлечь хоть какую-то выгоду, представив открытие преподавателя небольшого провинциального педвуза результатом коллективных «научных разысканий советских учёных». Уж не тех ли самых сотрудников сектора ИМЛИ (в том числе Овчаренко), которые готовили к печати ПСС Горького?

⁷ Вопреки этим официальным заверениям, в последнем томе ПСС об атрибуционной ошибке горьковедов и редколлегии издания не сказано ни слова! Имя А.В. Лосева, естественно, даже не упомянуто. Вместо признания ошибки и выражения благодарности тому, кто её обнаружил, редколлегия ПСС Горького ограничилась тем, что без лишнего шума, без каких бы то ни было пояснений просто не включила ни одно из четырёх опубликованных в первом томе стихотворений (о которых писал Лосев) в «Указатель художественных произведений (к томам I–XXIV)» (См.: *Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 25. М.: Наука, 1976. С. 642–652).*

Мы сожалеем о том, что доцент А. Лосев не сигнализировал нам о своей случайной находке раньше: не исключено, что не повторилась бы ошибка, допущенная исследователями до нас⁸.

Тем более что, как уже было сказано, редакторы Полного собрания сочинений М. Горького не принимали этих произведений безоговорочно⁹.

Мы глубоко благодарны доценту А. Лосеву за его сообщение¹⁰ и направляем ему копию этого письма.

По поручению Главного редактора и сектора –

Профессор Ал. Овчаренко.

9.02.1972 г.

24.02.1972 г.

Уважаемый Анатолий Васильевич!

Вашу статью «Ошибку надо исправить» мы посылали на научную консультацию в Институт мировой литературы АН СССР, в сектор, занимающийся изданием Полного Собрания сочинений М. Горького. В ответ мы получили письмо, подписанное по поручению главного редактора ПСС М. Горького и сектора проф. Ал. Овчаренко, в котором Ваша точка зрения на атрибуцию стихотворений, помещённых в первом томе ПСС М. Горького, признаётся справедливой, о чём, вероятно, Вам уже сообщили из Института мировой литературы.

Как явствует из полученного нами письма, редколлегия собирается в последнем томе исправить допущенную ошибку, сославшись при этом на Ваши изыскания. Так что выступать сейчас специально по этому поводу представляется нецелесообразным.

⁸ Вот так поворот: автор научного открытия, которое стало результатом долгой и кропотливой исследовательской работы, в том числе архивной (впрочем, нет, в интерпретации профессора Овчаренко, доценту из Благовещенска просто повезло на «случайную находку»!), выставлен чуть ли не главным виновником допущенной ошибки: знал, но утаил, не «сигнализировал раньше». Раньше чего — выхода в свет первого тома ПСС Горького, раньше своего открытия?

⁹ Если не принимали, то почему об этом не сказали в примечаниях к первому тому ПСС Горького? Очень похоже на то, что профессор Овчаренко здесь лукавит, пытаясь спасти профессиональную репутацию редакторов издания.

¹⁰ Следует обратить внимание, что А.И. Овчаренко ведёт речь не о статье, как следовало бы, а всего лишь о «сообщении».

Редакция благодарит Вас за сообщение ¹¹.

Напишите нам, пожалуйста, над чем Вы собираетесь работать в ближайшее время. Может быть, Ваши творческие замыслы и планы редакции совпадут, и Вы сможете выступить на страницах нашего журнала ¹².

Рукопись возвращаем.

С уважением Г. Львова

ст. редактор отдела советской литературы.

Получив эти письма и всей душой не приняв изложенную в них лукавую аргументацию, Анатолий Васильевич решил напрямую обратиться к главному редактору «Вопросов литературы». Вряд ли он надеялся, что это поможет ему изменить позицию журнала. Им двигало желание объясниться начистоту, высказать всё, что он думает по поводу происходящего вокруг его статьи, твёрдо и открыто заявить, что научная истина не должна приноситься в угоду конъюнктуре.

Глубокоуважаемый Виталий Михайлович! ¹³

Немногим более месяца назад редакция «Вопросов литературы» возвратила мне рукопись моей статьи «Ошибку надо исправить» — о стихотворениях И. Морозова, авторство которых долгое время приписывалось Горькому и которые напечатаны в первом томе издающегося сейчас Полного собрания сочинений писателя. В сопроводительном письме (оно подписано старшим редактором отдела советской литературы тов. Львовой) даётся объяснение, почему редакция отказывается от публикации статьи: поскольку де Главная редколлегия ПСС М. Горького не только признала факт ошибочной атрибуции стихотворений, но и обещала сообщить о нём читателям в последнем томе, постольку «выступать сейчас специально по этому поводу представляется нецелесообразным». Как я понимаю, в письме тов. Львовой

¹¹ То, что в начале письма Г. Львовой было справедливо названо «статьёй», здесь чудесным образом (похоже, не без влияния автора предыдущего письма) трансформировалось в «сообщение». На этом манипуляции с жанровым определением, которое А.И. Овчаренко и с его подачи редколлегия «Вопросов литературы» подбирали для статьи Лосева, не закончились. Но об этом речь ниже.

¹² Всё это очень смахивает на откровенное обещание «отступного», если автор не будет упорствовать в своём стремлении сделать достоянием гласности всю эту конфузную для маститых горьковедов историю.

¹³ Письмо адресовано Виталию Михайловичу Озерову (1917–2007) — советскому критику, литературоведу, в 1959–1979 гг. главному редактору журнала «Вопросы литературы».

выражено коллективное мнение редакции. Иными словами, моя статья отклонена не по самочинному решению редактора отдела, а с ведома и согласия членов редколлегии ¹⁴ и, разумеется, с санкции главного редактора.

Как «случайный» автор, по отношению к которому редакция не брала на себя никаких обязательств, я не вправе предъявлять к журналу какие-либо претензии — юридического или морального порядка. Не хотелось бы, чтобы это моё письмо к Вам было истолковано как «крик души» обиженного автора или как смешная причуда провинциала, мечтающего приобрести патент на научное открытие. Я далёк от того, чтобы своей более или менее случайной находке придавать значение некоего «открытия», а себе приписывать заслугу «первооткрывателя». Разумеется, я желал бы видеть свою статью опубликованной, тем более что она потребовала гораздо больше труда и времени, чем это необходимо для напечатания 16 страниц машинописного текста. Оставим, однако, в стороне мой личный интерес. Самый предмет статьи касается не меня одного, поэтому я считаю себя вправе высказываться по поводу принятого редакцией решения.

Мне это решение представляется странным, если не сказать более. Может быть, я не могу судить о нём беспристрастно, как лицо заинтересованное? Нет, по поводу предмета своей статьи я беседовал с разными людьми, в том числе с людьми, причастными к литературе или литературоведению, и никто из них не сумел дать мне удовлетворительного объяснения, почему редакция с такой лёгкостью отклонила мою статью. Не знаю, что скрывается за дипломатичной формулой «представляется нецелесообразным». Похоже, однако, что редакция искала подходящий повод отказаться от публикации статьи, а когда такой повод, наконец, представился, поторопилась немедленно им воспользоваться. Именно поторопилась — другого слова я не нахожу.

В письме проф. А. Овчаренко, написанном по поручению Главной редколлегии ПСС М. Горького, даётся обещание, что в последнем томе читателям будет сообщено о допущенной ошибке. Заметьте: в последнем томе, который, если учитывать темпы издания, выйдет из печати не ранее, чем через 7–8 лет ¹⁵. Это значит, что в течение 7–8 лет об ошибке будет знать только узкий круг людей: сотрудники сектора ИМЛИ, сотрудники архива М. Горького плюс несколько лиц из состава

¹⁴ В состав редколлегии журнала в этот период входили А. Дымищев, В. Косолапов, Л. Лазарев, С. Машинский, Е. Осетров, В. Перцов, Б. Сучков, М. Храпченко и др.

¹⁵ А.В. Лосев ошибся ненамного: последний, 25-й том ПСС М. Горького вышел в свет в 1976 году.

ва редакции «Вопросов литературы», которая в этой деликатной ситуации предпочла отделаться «фигурой умолчания». Не странно ли это?

Ежегодно у нас пишутся и защищаются диссертации, появляются десятки книг и статей о Горьком — и отнюдь не в одних только изданиях, выходящих под маркой ИМЛИ. Есть ли гарантия, что ошибка текстологов, по правде говоря, весьма конфузная — не введёт в заблуждение иного, даже добросовестного исследователя, привыкшего доверять компетенции наших уважаемых горьковедов — редакторов Полного собрания сочинений М. Горького? Конечно же, ни проф. Овчаренко, ни Главная редколлегия, которую он представляет, ни редакция «Вопросов литературы» не могут дать такой гарантии. Следовательно, ещё несколько лет под «горьковской» маркой будут фигурировать стихотворения, которых Горький никогда не писал, — до тех пор, пока сотрудники сектора ИМЛИ не внесут в этот вопрос «максимальную ясность». Это тем более странно, что в заблуждение введены не только литературоведы (их не так много), но и сотни тысяч читателей Полного собрания сочинений Горького: ведь тираж первого тома (300 тысяч экземпляров) намного превосходит совокупный тираж всех прежних изданий стихотворений Горького, вышедших под маркой «Библиотеки поэта»!

Беру на себя смелость утверждать, что редакция явно поторопилась с выводами, посчитав удовлетворительным объяснение проф. Овчаренко. Из его письма следует, что редакторы ПСС Горького ещё до выхода первого тома выражали сомнение в принадлежности стихотворений Горькому и задавали текстологам вопрос: «Почему эти стихотворения, приписываемые раннему Горькому, написаны почерком Горького 1910 года и на бумаге каприйского периода»? (Кстати, здесь проф. Овчаренко допускает неточность: стихотворения, о которых в данном случае идёт речь, не могли быть написаны ранее 1911 года, а относятся скорее всего к 1913–1914 гг., о чём и говорится в моей статье). Если такой вопрос действительно ставился, то почему в примечаниях к стихотворениям (составитель — И.А. Ревякина) утверждается со всей категоричностью, что автографы их написаны почерком «молодого Пешкова»? Заверение проф. Овчаренко, мягко говоря, не согласуется с фактами. Одно из двух: либо редакторы первого тома, заведомо зная, что автографы стихотворений (точнее — горьковские копии стихотворений И. Морозова) написаны «почерком Горького 1910 года и на бумаге каприйского периода», решились на сознательную фальсификацию, либо версия проф. Овчаренко, объясняющая конфузную ошибку и возлагающая вину на безымянных текстологов, придумана задним числом, причём автор её не слишком заботился о том, чтобы свести концы с концами, иначе говоря — придать своему объяснению видимость правдоподобия.

Первое предположение настолько чудовищно, что в него, право же, не хочется верить. Второе, если оно верно, также не в пользу проф. Овчаренко. Трудно сказать, на кого рассчитано его объяснение.

В конце моей статьи ставится вопрос: «Как могло случиться, что Горькому были приписаны стихотворения, которых он не писал? Что это: элементарная ошибка, из тех, какие случаются иной раз в исследовательской практике? Или ещё один пример недобросовестной, конъюнктурной атрибуции?»¹⁶ Письмо проф. Овчаренко ещё раз подтверждает, что такая постановка вопроса имеет под собой реальную почву. (Разумеется, я далёк от того, чтобы ошибку редакторов ставить в вину лично проф. Овчаренко.)

Позиция журнала «Вопросы литературы» для меня остаётся неясной. Возможно, редакция просто не вникла — или не захотела вникать — в существо дела, посчитав, что письмо проф. Овчаренко даёт исчерпывающее объяснение и что на этом можно поставить точку. Или решение редакции надо понимать как тактический ход, предпринятый с целью избежать возможных неприятностей. Объективно это выглядит как попытка защитить авторитет людей, присвоивших себе права единственных непогрешимых толкователей Горького, оградить их от самонаименованной критики со стороны «непосвящённых».

Адресуясь к Вам как к главному редактору журнала, я хотел бы знать Ваше мнение по существу вопроса, поставленного в моей статье, а также по существу высказанных в этом письме замечаний.

Жду Вашего ответа.

Между прочим, моя статья (точнее — рукопись её) была послана в двух экземплярах — согласно требованиям журнала. Редакция возвратила почему-то только второй экземпляр. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы возвратили первый экземпляр.

Мой адрес: г. Благовещенск-6 Амурская область, ул. Ленина, 78, кв. 23 (индекс 675006), Лосеву Анатолию Васильевичу.

г. Благовещенск,

10 апреля 1972 г.

Ответа на это письмо от редактора солидного столичного журнала провинциальный доцент не дождался (по крайней мере, в беседах

¹⁶ Приведённая цитата — не из статьи «Ошибку надо исправить», о которой идёт речь в данном письме, а из первоначальной её редакции («М. Горький или И. Морозов?»), ранее тоже отвергнутой редколлегией «Вопросов литературы».

с автором данного комментария Анатолий Васильевич никогда о его существовании не упоминал). Да и что мог ответить В.М. Озеров на столь убедительные аргументы и столь нелицеприятные, но справедливые вопросы автора статьи? Что он согласен с доцентом Лосевым и готов ради торжества научной истины и банальной человеческой справедливости опубликовать статью и тем самым навлечь на свою голову гнев влиятельных персон от советского литературоведения и, возможно, раздражение партийных чиновников, отвечающих за состояние дел в сфере литературы? При всём уважении к главному редактору «Вопросов литературы», предположение, что он готов был в данной ситуации рисковать своим собственным положением, кажется фантастичным.

Тем не менее, опасения упомянутых высоких лиц, что скандальная история может получить нежелательную для них огласку, что дотошный кандидат наук из Благовещенска не успокоится и станет стучаться в другие двери, вынудило их, скрепя сердце, составить ещё одно письмо. Расчёт, видимо, строился на том, что преподаватель провинциального вуза сойдёт с ума от счастья, получив благодарственное послание от знаменитого на весь мир писателя Леонида Леонова, и тем удовлетворится. Письмо отпечатано на бланке Института мировой литературы им. Горького. Текст содержит незначительную правку от руки и приписку.

26 января 1973 г.

Благовещенск 6, Амурской обл.,

ул. Ленина, 78, кв. 23.

Уважаемый Анатолий Васильевич!

Благодарю Вас за интересное письмо, с которым меня ознакомила редакция журнала «Вопросы литературы»¹⁷. Сожалею, что о своей находке Вы не сообщили раньше. Может быть, в этом случае удалось бы предотвратить ошибку¹⁸.

Ваши, дорогой Анатолий Васильевич, соображения о том, что текстологи не всегда обязаны считаться с автографом, конечно, справедливы. Но следует учитывать и тот факт, что, внеся несколько поправок

¹⁷ Внимание, завершающая фаза манипуляций: статья Лосева превращена в «письмо в редакцию»! Вряд ли это придумка Л.М. Леонова, похоже, что автор столь изощрённо подобранного жанрового определения носил другую фамилию. И, скорее всего, она начиналась на букву «О».

¹⁸ Напомню: последние два тезиса впервые были сформулированы в письме А.И. Овчаренко от 9 февраля 1972 года.

в текст стихотворения Ив. Морозова «Не браните вы...»¹⁹, Горький придал ему иную расцветку, изменил ритм, сделав его более энергичным, а вписав в него строчку «Я пою о стремлении к свету», сблизил его с собственным творчеством, в котором, как Вы знаете, этот мотив звучит, начиная с «Песни о Соколе».

Ещё ощутимее рука Горького в двух других стихотворениях, правленных им²⁰.

Всё это, а самое главное, конечно, то, что стихотворения переписаны рукой Горького, и ввело в заблуждение названных Вами учёных.

Видимо, в конце этого года выйдет в свет первый том вариантов к художественным произведениям М. Горького²¹. В комментариях к нему будет подробно рассказана творческая история произведений, долго приписывавшихся Горькому. Разумеется, там говорится о Вашей роли в выяснении подлинного автора стихотворений²². На всякий случай, я снова напомнил об этом моему заместителю — профессору А.И. Овчаренко. Он подтвердил, что это решение редколлегии будет выполнено.

Ещё раз благодарю Вас.

Желаю творческих успехов.

Ваш Л. Леонов.

[Ниже, помимо подписи Леонова, есть его приписка от руки. — А. У.]:

¹⁹ Название стихотворения вписано от руки чуть выше отпечатанных строк. Судя по почерку, правку вносил не Л.М. Леонов. То есть, похоже, текст письма составлял (и правил его) отнюдь не главный редактор ПСС Горького, а, скорее всего, его заместитель — то есть Александр Иванович Овчаренко. В этом случае очень пикантной выглядит ссылка в конце письма на профессора Овчаренко, которому будто бы Леонов напомнил о необходимости в будущем отметить роль доцента Лосева в обнаружении атрибуционной ошибки.

²⁰ А вот ещё одна логическая манипуляция: Горький превращён в соавтора стихотворений Морозова! Нет, автор романа «Русский лес», создатель образа иезуита от науки Грацианского и образов других околонуточных «вертодоксов», вряд ли был способен придумать такое.

²¹ Книга, о которой здесь говорится, вышла не в 1973-м, а годом позже. См.: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Варианты к художественным произведениям. Т. 1. Варианты к томам I–V. 1885–1907. М.: Наука, 1974. 644 с.

²² Судя по этому абзацу, не позже начала 1973 года редколлегия ПСС Горького отказалась от первоначального решения (и от данного А.В. Лосеву обещания) объясниться с читателями в 25-м томе, тираж которого составил 298300 экземпляров, предпочтя сделать это в малотиражном (всего 23200 экз.) и адресованном лишь узким специалистам приложении к изданию.

АВ. Прошу извинить меня за опоздание с ответом.
(на запрос из журнала)
2 ф. 1973 ²³.

Окончательно убедившись, что шансов напечатать статью в «Вопросах литературы» нет, что научная Москва заняла глухую оборону, Анатолий Васильевич предложил её журналу «Дальний Восток», с которым плодотворно сотрудничал несколько лет. Впрочем, если судить по приводимому ниже письму, и в этом случае особых иллюзий автор не питал.

Глубокоуважаемый Николай Митрофанович! ²⁴

<...> Как обстоит дело с моей статьёй о стихотворениях И. Морозова, приписанных Горькому? По всему чувствую, что решение редакции — не в мою пользу. Если это так, очень прошу Вас вернуть рукопись. Претензий к журналу у меня, разумеется, нет. Статья моя побывала в разных местах, отклонялась, принималась и вновь отклонялась. Между прочим, некоторые товарищи пытались представить дело так, будто статьи вовсе и не было, а было письмо в редакцию журнала «Вопросы литературы» — письмо, автор коего сообщил об атрибуционной ошибке. «Да был ли мальчик-то?»

Впрочем, извините за отступление. Не хотелось бы, чтобы это моё письмо к Вам было воспринято как этакий «крик души» обиженного автора, которого не хотят печатать. Меня пытались убедить, что для пользы дела статью не следует печатать. Но о какой такой «пользе дела» идёт речь, я, ей-богу, никак не могу уразуметь. Если редакция «Дальнего Востока» сочла статью неудобной для публикации в неспециальном журнале, будем считать, что вопрос исчерпан ²⁵.

<...> Жду Вашего ответа.

С искренним уважением А. Лосев
г. Благовещенск,
24 декабря 1973 г.

²³ Нельзя не обратить внимание, что письмо подготовили за неделю до того, как его прочёл и подписал главный редактор ПСС. Поставив в конце письма иную дату, чем стоит в его начале, и дописав от руки извинение за опоздание с ответом, Леонид Максимович тем самым вольно или невольно дал понять, что данный текст принадлежит не ему. Эти обстоятельства — ещё одно косвенное свидетельство, что составитель письма и тот, кто его подписал, — разные лица.

²⁴ Письмо адресовано Николаю Митрофановичу Роголю (1909–1977) — известному на Дальнем Востоке прозаику, драматургу, журналисту, в 1955–1977 гг. занимавшему пост главного редактора журнала «Дальний Восток».

²⁵ Ни в «Дальнем Востоке», ни в каком-либо ином издании статья А.В. Лосева не была напечатана.

Теперь о финальном аккорде всей этой растянувшейся на несколько лет интриги. Было ли выполнено обещание главного редактора ПСС «подробно рассказать» творческую историю приписывавшихся Горькому стихотворений? Исполнил ли профессор Овчаренко другое обещание (замаскированное, как отмечалось выше, под распоряжение Леонова) — рассказать о роли доцента Лосева в обнаружении атрибуционной ошибки и в выявлении подлинного автора стихотворений?

Да, в упомянутой в письме за подписью Л.М. Леонова книге тема эта получила развитие ²⁶, но, как и следовало ожидать, весьма специфическое.

Раздел комментария, посвящённый включенным в первый том ПСС Горького стихотворениям, начинается с явно неприятной для редколлегии издания констатации: «В томе I среди 17 стихотворений и стихотворных набросков ошибочно — без необходимых оговорок, как принадлежащие Горькому, помещены произведения “Не браните вы музу мою...”, “Я плыву, за мною следом...”, “Звук её, ласкающий и милый...” и “Тому на свете тяжело...” (стр. 434–437)» ²⁷.

Однако этим единственным предложением «покаянная» часть и исчерпывается. Впрочем, само «покаяние» выглядит, по меньшей мере, странно, ведь редакция сожалеет не столько о том, что включила в собрание сочинений Горького чужие стихи, сколько о том, что сделала это «без необходимых оговорок». Получается, редакция ПСС приняла за истину высказывавшееся ранее А.И. Овчаренко мнение, что «основоположник литературы социалистического реализма» является в данном случае соавтором произведений Ивана Морозова, а потому включение в Полное собрание его сочинений стихов крестьянского поэта-самоучки в принципе допустимо, но с «оговорками». То есть грубой атрибуционной ошибки, которую обнаружил и о которой писал в своей статье кандидат филологических наук из Благовещенска, оказывается, не было...

Вторая фраза комментария носит характер «оправдания» или, точнее, самооправдания. В ней внушается: недоразумение было запрограммировано тем, что обнаруженные в архиве писателя стихи Морозова «написаны рукой Горького». Все изложенные в статье А.В. Лосева многочисленные обстоятельства, которые должны были в принципе исключить грубейшую текстологическую ошибку, в комментарии не упоминаются вовсе. Причина умолчания очевидна: в

²⁶ См.: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Варианты к художественным произведениям. Т. 1. Варианты к томам I–V. 1885–1907. М.: Наука, 1974. С. 109–113.

²⁷ Там же. С. 109.

противном случае старательно возводимая комментаторами оправдательная конструкция легко рассыпалась бы.

А вот с третьего предложения того же первого абзаца и вплоть до конца трёхстраничного комментария почти всё подчинено одной сверхзадаче — доказать во что бы то ни стало, что Горький не просто переписал стихи Морозова и даже не только отредактировал их, но и фактически выступил в роли полноправного соавтора: «Автографы их [стихов Морозова] содержат следы упорной работы писателя почти над каждой строкой (изыятие целых строк, поиски более точных эпитетов и т.п.), что в какой-то мере и сроднило эти стихотворения по особенностям их поэтики с другими стихами Горького»²⁸. И далее: «...Горький выступил в данном случае не просто как редактор. Проясняя содержание и усиливая идейную направленность первого из названных произведений [«Не браните вы музу мою...»], он коренным образом переделал вторую строфу, заново написав три строки; в третьей строфе Горьким написаны заключительные две строки. Наконец, в последней строфе Горький сделал более энергичным внутренний ритм, изменив, таким образом, тональность всего произведения»²⁹. Под таким же углом комментируются и другие стихотворения. Но насколько корректны эти сопровождаемые примерами сравнения, если комментаторы признают, что не знают точно, для чего Горький правил (а правил ли?) произведения Морозова, если им неизвестно, знакомил ли он с этой правкой (если она была) автора? А главное: что стало основанием для категоричных утверждений, если у редакторов и комментаторов, как мы знаем, не было на руках присланных Горькому автографов стихов Морозова? Не имея таковых, они сравнивают переписанные Горьким стихотворения с вариантами, опубликованными ранее поэтом-самоучкой в периодических и иных изданиях (которые и нашёл Лосев). Однако можно ли полностью исключить, что Морозов отправил Горькому уже отредактированные варианты своих стихов? Насколько вообще правомерен безапелляционный вывод о Горьком-соавторе, если никто не видел присланных ему крестьянским поэтом автографов произведений и потому не может уверенно судить о характере правки? Только они, автографы, могли бы дать законное основание для столь категоричного заключения. Но редколлегия ПСС М. Горького отсутствие документальных подтверждений принятой на веру научной гипотезы не смутило, ибо она, судя по всему, не столько стремилась к установлению истины, сколько искала основания для самооправданий.

²⁸ См.: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Варианты к художественным произведениям. Т. 1. Варианты к томам I–V. 1885–1907. М.: Наука, 1974. С. 109.

²⁹ Там же. С. 110.

Что касается обещания рассказать о роли Лосева, то и здесь формальность как будто бы соблюдена — имя Анатолия Васильевича, хотя и единожды, упомянуто: «В результате новых научных поисков кандидату филологических наук А.В. Лосеву удалось установить, что автором стихотворений “Не браните вы музу мою...”, “Я плыву, за мною следом...”, “Тому на свете тяжело...” является поэт-самоучка И.И. Морозов (1883–1942)»³⁰. Возникает, правда, вопрос: почему в комментарии прямо не сказано, что именно он, Лосев, и обнаружил ошибку, а не только установил подлинного автора приписывавшихся Горькому стихотворений? Недоумение вызывает и следующая фраза комментария: «Были обнаружены публикации стихотворений <...>». Кем «были обнаружены»? Почему нельзя было сформулировать таким образом, чтобы читатель не гадал, кто конкретно обнаружил эти самые публикации? Почему ничего не сказано о том, что хотя «кандидат филологических наук» из Благовещенска и не установил, где И. Морозов опубликовал четвёртое стихотворение («Звук её, ласкающий и милый...»), но именно он высказал уверенное предположение, что и это произведение принадлежит малоизвестному крестьянскому поэту? А вот о своём собственном крохотном (в сравнении с тем, что сделал А.В. Лосев) вкладе реакторы не забыли отпарпортовать: «Дополнительными разысканиями участников настоящего издания установлено, что стихотворение “Звук её, ласкающий и милый...” представляет собой отрывок из стихотворения того же И. Морозова...»³¹ Почему бы не отметить, что эти самые «дополнительные разыскания» были инициированы «кандидатом филологических наук»?

Отчего, наконец, комментаторы (сдаётся, не без благословения редакторов) умолчали, что большая часть их содержательных посылов является пересказом или прямым цитированием статьи Лосева, строится на результатах проведённого им исследования? Потому, похоже, что выполняли выработанную редколлегией ПСС Горького установку: умалить значимость научного открытия доцента из Благовещенска, значимость проведённой им высокопрофессиональной работы.

Приведённые выше факты помогают получить представление не только о конкретном случае, спровоцированном научным открытием А.В. Лосева, но и о самих механизмах и принципах функционирования историко-литературной науки советского времени, о нравах, царивших в стенах главного научно-исследовательского института страны.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 112.

СОДЕРЖАНИЕ

Литература Приамурья: от истоков до современности.	
<i>Вместо предисловия</i>	5

Глава 1. НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ

«Как в Амурской области, а и, Господи, прости...».	
<i>Стихотворная сатира начала 1860-х годов как точка отсчёта истории литературной жизни Приамурья</i>	49
«Кругом меня царила грустная картина...». «Записки сенатора Н.П. Синельникова»	60
«...голова кружится от восторга». А.П. Чехов на Амуре	68
«Эх, незавидна ты, доля казачья, в этом далёком краю...».	
<i>«Казачьи стихотворения» Ахилла Карпова</i>	75
«Маленький труженик и скромный борец с человеческой неправдой». Порфирий Масюков	86
«Пали мне на долю горестные муки...». Жизненная и творческая судьба Леонида Волкова	94
«Пулемётный бомбардир». Об авторе брошюры «Современный Китай» (1908) Владимире Кондратьеве	113
«В Гелсманском я укроюсь саду...». Заблуждения и прозрения Герасима Шпилёва	122
«И станет край Амурский русским...». Поэтическое творчество Фёдора Коротаева	155
История о том, как поссорился Фёдор Иванович с Фёдором Филипповичем. Об одной характерной особенности литературной жизни Приамурья начала XX века	163

Глава 2. ФЁДОР ИВАНОВИЧ ЧУДАКОВ (1888–1918)

Убитая песня. Судьба выдающегося сатирика в контексте трагической эпохи	175
«Ну, который теперь мне год? Чёрт его знает, который!...».	
<i>История о том, как Фёдор Чудаков обрёл, наконец, день рождения</i> ...	215

«Шпильки» нашлись! Об одной литературной сенсации	223
«Аз, как жених, грядый в полнощи...». Роль языковой архаики в создании иронического эффекта (На материале стихотворных фельетонов Ф. Чудакова об иеромонахе Илиодоре и «старце» Григории Распутине)	241
«Горою чрево пучится...». Образы гласных городской думы Благовещенска в стихотворных фельетонах Ф. Чудакова	264
«...Свобода дороже любви!». Драматическая сказка «Очарованный Леший»	284
«Зачём я жил? Зачем гнил по тюрьмам, голодал в ссылке?...». Пьеса «Изгнанники (Картины из жизни в ссылке)» в контексте жизненной и творческой судьбы Ф. Чудакова	305
Подлые времена. История одного громкого скандала в дореволюционном Благовещенске	313

Глава 3. АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ МАТЮШЕНСКИЙ (1862–1931)

«На Амуре всё возможно...». Роман «Амурские волки» как литературный феномен	328
«Заступ отточен, готов уж топор...». Роль газеты «Амурский пионер» в литературной жизни Приамурья начала 1910-х годов	362
«Мы живём под властью воров и мошенников, покрываемых РКП...». А.И. Матюшенский и «Дело девяти смертников»	378

Глава 4. СУДЬБЫ ПИСАТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОГО СТОЛЕТИЯ

Русский гений XX века на Амуре. Очерки Павла Васильева «Люди в тайге» и «В золотой разведке»	394
«Поэзия, никем не признанная в мире...». Феномен Анатолия Могилюшкова	406
«Земля, где имя дали...». Жизненный и творческий круг Виктора Алюшина	419
«Жить в заветных твореньях...». Поэтическая стезя Игоря Игнатенко	427
«Ностальгия по настоящему...». «Синее стёклышко» Валерия Черкесова как опыт реконструкции детского сознания	443

«Во имя “отца” и “сына” и “святого духа”...». История одной невероятной литературной мистификации	454

Глава 5. ПРЕДИСЛОВИЯ-КРОХОТКИ

Жюль Легра: <i>Благовещенск конца XIX века глазами европейца</i>	471
Леонид Завальнюк: <i>Восхождение</i>	475
Аня Синякова: <i>«Я уехать хочу в никуда, в никуда...»</i>	477
Борис Черных: <i>Спор о «генеральной думе»</i>	484
Ярослав Туров: <i>Восстановить мгновенья бытия...</i>	488

Глава 6. АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОСЕВ (1927–2002)

Основатель литературного краеведения Приамурья. Памяти Анатолия Васильевича Лосева	490
О том, как маленькая текстологическая ошибка вызвала большой переполох в учёных кругах. Необходимые пояснения и дополнения к давней статье А.В. Лосева	507

*В оформлении обложки использована
фотография памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому.
Автор памятника — благовещенский скульптор
Николай Карнабеда,
член Союза художников России,
член Союза российских писателей*

Научное издание

Александр Васильевич Урманов

МЫ ТВЁРДО СТАЛИ НА АМУРЕ...

История литературы Приамурья
в лицах, судьбах, творческих исканиях

Монография

Издательство БГПУ
675000, Благовещенск, ул. Ленина, 104

Редактор В. Г. Лецик

Формат 60х90/16. Печ. л. 33.
Тираж 200. Заказ
Отпечатано в типографии ООО «Элерон»
194017, Санкт-Петербург, пр. Энгельса, 58, офис 9.
E-mail: aileronltd@mail.ru